6U с2/23 4306р
БСР/I
шв 355169

6

60 02/23
бф

ИЗВѢСТІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ, АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ.
Томъ XXX, вып. 2.

ТРУДЫ
ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА
ИМПЕРАТОРСКАГО
ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ
АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ
ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

КНИГА V.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

подъ редакціей Н. А. Попова.
ПРЕДСѢДАТЕЛЯ ОТДѢЛА.

ЦѢНА 3 РУБ. 50 КОП.

МОСКВА.
Типо-литографія С. П. Архипова и К°, Большая Кисловка, соб. домъ.
1878.

ИЗВѢСТІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ, АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ.
Томъ XXX, вып. 2.

60 02/23

ТРУДЫ
ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА
ИМПЕРАТОРСКАГО
ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ
АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ
ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

КНИГА V.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

подъ редакціей Н. А. Попова.
ПРЕДСѢДАТЕЛЯ ОТДѢЛА.

ЦѢНА 3 РУБ. 50 КОП.

МОСКВА.
Типо-литографія С. П. Архипова и К°, Большая Кисловка, соб. домъ.
1878.

Печатается по опредѣленію Императорскаго Общества Любителей Естествознанія Антропологіи и Этнографіи.

Президентъ **Г. Щуровскій**.

Марта 10 дня
1878 г.

МАТЕРІАЛЫ ПО ЭТНОГРАФІИ

РУССКАГО НАСЕЛЕНІЯ

АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ.

60.02/23

СОБРАННЫЕ

П. С. ЕФИМЕНКОМЪ,

д. чл. Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

ЧАСТЬ 2.

НАРОДНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

МОСКВА.
Типо-литографія С. П. Архипова и К°, Большая Кисловка, соб. домъ.
1878

Инвент. № 355159

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Согласно опредѣленіямъ Этнографическаго Отдѣла, состоявшимся въ засѣданіяхъ: 19 Марта и 22 Декабря 1874-го, 9 Февраля, 23 Марта, 4 Мая и 30 Сентября 1875-го и 17 Апрѣля 1877 года, приступлено было въ прошломъ году къ печатанію «Матеріаловъ по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи», собранныхъ д. чл. Общества Любителей Естествознанія П. С. Ефименкомъ. Первый выпускъ, состоящій изъ девяти главъ и представляющій описаніе внѣшняго и внутренняго быта русскаго населенія вышеозначенной губерніи, вышелъ въ свѣтъ въ прошломъ октябрѣ. Произведенія же народной словесности Сѣвернаго края рѣшено было помѣстить во второмъ выпускѣ, каковой нынѣ и издается въ свѣтъ.

Первую главу въ немъ занимаетъ статья Н. Д. Квашнина-Самарина: «О былинахъ, содержащихся въ сборникѣ П. С. Ефименка», читанная въ засѣданіи Этнографическаго Отдѣла 22 Декабря 1874 года, авторъ которой весьма опредѣленно высказался о достоинствахъ печатаемыхъ нынѣ былинъ, а равно и о собранныхъ П. С. Ефименкомъ заклинаніяхъ, которыя, по необыкновенной полнотѣ и разнообразію, а также и по замѣчательной свѣжести языка, должны составить вмѣстѣ съ былинами драгоцѣнное пріобрѣтеніе для науки.

Во второй главѣ помѣщено девять старинъ или былинъ про древне-русскихъ богатырей: изъ нихъ шесть былинъ записаны священникомъ В.л. Розоновымъ на Зимнемъ Берегу Бѣлаго моря, въ селѣ Зимней Золотицѣ, а три—А. М. Никольскимъ въ городѣ Мезени.

Въ третьей главѣ напечатаны стихи, распѣваемые нищею братіею, счетомъ двѣнадцать: изъ нихъ первые десять записаны А. М. Никольскимъ, а послѣдніе два священникомъ В.л. Розоновымъ. Особенное вниманіе обращаютъ на себя, по полнотѣ заключающагося въ нихъ разсказа, два стиха: Еленинскій (еллинскій?) и Алексѣевскій.

Въ четвертой главѣ помѣщены записанныя тѣмъ же г. Никольскимъ въ г. Мезени пѣсни, которыя онъ раздѣлилъ на: наулочныя (всего 57), вечериночныя (75), свадебныя (24), виноградье (3), рождественскія (4), причитанья (3) и рекрутскія (3).

Пятую главу составляютъ пѣсни, записанныя въ Пинегѣ и ея уѣздѣ И. Селиверстовымъ, А. Н. Симановскимъ, П. А. Ивановымъ, И. Костылевымъ, свящ. Таратинымъ и г. Василевскимъ. Въ ихъ число вошли: вѣчериночныя (31), пѣсни кашницъ, распѣваемыя на помочахъ или общихъ работахъ (7), дѣвичьи (10) и колыбельныя (14).

Шестая глава заключаетъ въ себѣ описаніе Онежскихъ игръ и покоящіяся во время ихъ пѣсни. Записывалъ ихъ г. Фризе. Тутъ описаны онежскія вечеринки, начинающіяся обыкновенно такъ называемою «уточкою», семь вечериночныхъ игоръ и приведены пѣсни, употребляющіяся какъ на вечеринкахъ, такъ и въ лѣтнихъ хороводахъ, всего до тридцати шести.

Седьмая глава содержитъ въ себѣ чрезвычайное любопытное собраніе народныхъ заклинаній, наговоровъ и обереговъ. Хотя этотъ отдѣлъ народной словесности обращалъ и прежде на себя вниманіе нѣкоторыхъ ученыхъ обществъ, редакцій разныхъ журналовъ и губернскихъ вѣдомостей, но до сихъ поръ народныя заклинанія печатались крайне отрывочно. Предлагаемое же здѣсь собраніе отличается значительною сравнительно съ другими полнотою. Оно обязано этимъ единственно трудамъ П. С. Ефименка, который воспользовался не только сообщеніями двадцати восьми лицъ, но и нѣсколькими старинными рукописными сборниками,

присланными ему изъ разныхъ мѣстъ Архангельской губерніи. Кромѣ того онъ пополнилъ свое собраніе изъ старинныхъ дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Архангелогородской губернской канцеляріи, и изъ нѣкоторыхъ печатныхъ источниковъ, каковы: Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, Памятная книжка Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и Архангельскія Губернскія Вѣдомости. Всѣхъ статей въ этомъ отдѣлѣ помѣщено двѣсти пятьдесятъ пять, и при каждой изъ нихъ читатель найдетъ указаніе на источникъ, изъ котораго она заимствована.

Въ слѣдующей главѣ помѣщены три старинныхъ сказанія, которыя и до нынѣ ходятъ въ рукописяхъ между населеніемъ Архангельской губерніи, и двѣнадцать сказокъ, изъ коихъ нѣкоторыя очевидно переводныя и зашли въ народъ книжнымъ путемъ, иныя-же—чисто народныя и притомъ мѣстнаго происхожденія и третьи не что иное, какъ стихи шуточнаго содержанія, разсказываемые въ забаву дѣтямъ.

Въ девятой главѣ напечатано: 190 загадокъ, 586 пословицъ и поговоровъ и 73 шутки и прибаутки. Въ надлежащихъ мѣстахъ указано, откуда заимствованъ матеріалъ, помѣщенный какъ въ этой, такъ и въ предъидущей главѣ.

Наконецъ въ послѣднюю или десятую главу вошелъ словарь мѣстныхъ рѣченій. Словарь этотъ выбранъ изъ матеріаловъ, собранныхъ П. С. Ефименкомъ и г-жею Ефименковою, а также П. А. Ивановымъ, г. Тустановскимъ и другими. Всѣ слова, помѣщенныя уже въ словаряхъ: Академическомъ и Даля, были при этомъ устранены; оставлены только слова, или ненаходящіяся въ названныхъ словаряхъ, или хотя и показанныя въ нихъ, но съ другими значеніями или объясненіями; оставлены также нѣтоторыя дополненія къ имѣющимся въ помянутыхъ словаряхъ объясненіямъ. Замѣтки объ особенностяхъ Архангельскаго говора, найденныя въ вышеназванныхъ матеріалахъ, также не печатаются здѣсь, какъ не дающія особенно новыхъ свѣдѣній противъ имѣющихся въ предисловіи къ словарю Даля. Число словъ, имѣвшихся на карточкахъ собирателей, превосходило напечатанное здѣсь, по крайней мѣрѣ, въ двѣнадцать разъ, ибо въ нихъ было не мало повтореній. Въ концѣ объясненія каждаго слова обозначено, въ какомъ уѣздѣ оно записано.

Таковъ порядокъ, которому слѣдовала редакція при изданіи этого выпуска,—указанный отчасти самими собирателями ихъ.

Этнографическій Отдѣлъ не теряетъ надежды видѣть и въ слѣдующихъ книгахъ своихъ «Трудовъ» новые матеріалы по этнографіи Архангельской губерніи.

9 Марта 1878 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ГЛАВА I. О БЫЛИНАХЪ, содержащихся въ Сборникѣ П. С. Ефименка,—чтеніе И. Д. Кашкина-Самарина . . . 1— 9

ГЛАВА II. СТАРИНЫ ИЛИ БЫЛИНЫ. . . . 10—37

1. Про Добрыню Никитича и Илью Муромца 9
2. Про Владимірову свадьбу. 11
3. Про Иванушка Годенова. 14
4. Про Дюка Степанова 17
5. Про Илью Муромца. 19
6. Про Васильи Окульева. 21
7. Про Алешу Поповича. 25
8. Про Илью Муромца. 32
9. Про Дюка Степановича 35

ГЛАВА III. СТИХИ НИЩЕЙ БРАТІИ . . . . 38—49

1. Свѣтлое Христово Воскресенье. 3
2. Пречудная Царица Богородица. . . . . —
3. Ходилъ человѣкъ по Сіонскимъ горамъ . . . . —
4. Речетъ Божья Мати Пресвятая. 39
5. Съ восточной стороны летѣли два ангела. . . . —
6. Человѣкъ на земли живетъ, какъ трава растетъ . . —
7. Иноkъ идетъ по дорогѣ 40
8. Жили были два брата родные, два Лазаря. . . . —
9. Еленинскій (еллинскій) стихъ. 41
10. Алексѣевскій стихъ. 43
11. Про пьянство и сквернословіе 47
12. О Михаилѣ Архангелѣ. 48

ГЛАВА IV. ПѢСНИ МЕЗЕНСКІЯ. . . . . 50—97

А. Науличныя (50—65):

1. Ты Надеминька, мой милъ сердечный другъ. . . . 50
2. Спровожу дружина во дорожечку . . . . . —
3. Отъѣзжаетъ милый во дорожечку . . . . . —
4. Я вечеръ-то вечеръ, добрый молодецъ, загуляlъ . . —
5. Свѣтилъ, свѣтилъ свѣтелъ мѣсяцъ. 51
6. Ты раздушечка удалый молодецъ . . . . . —
7. Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго . . . . . —
8. На лугахъ, да на лугахъ зеленыхъ 52

Стр

9. Что ты парень такой бравый 52
10. Катюшечка душечка. . . . . —
11. Чесалъ милый кудри 53
12. Не ходилъ бы я по этой дорожечкѣ . . . . . —
13. Нападетъ роса на темны лѣса . . . . . —
14. Размолодецкіе молодчики, дружки мои. . . . . —
15. Отлетаетъ мой соколикъ. 54
16. Въ хороводикѣ дѣвушки на лужку. . . . . —
17. По весны по красной. . . . . —
18. Я мала была, да горя не было . . . . . —
19. Говорилъ я своей любушкѣ. 55
20. Житье мое житье . . . . . —
21. Часто ходишь, милъ, кругъ моего двора. . . . . —
22. Калина съ малиной не во время разцѣли . . . . —
23. Давь ты мой денечекъ. 56
24. Не бушуйте—тюсь вѣтры буйные со чиста поля. . —
25. На зорюшкѣ зарѣ, на вечерней. . . . . —
26. Что вы, дѣвушки, да призадумались? . . . . —
27. Выйду-ль я на рѣченьку 57
28. Что ному за дѣло. . . . . —
29. Умъ мы сядемте, ребятушки, во единый кругъ. . . —
30. Размолоденькій дѣтинушка. . . . . —
31. Умъ вы, дѣвушки подружки 58
32. Полно, солнышко, изъ за-лѣсу свѣтить . . . . . —
33. Мимо Москвы проѣзжаемъ. . . . . —
34. Премилы дѣвушки, придите къ намъ въ гости посидѣть. —
35. Напатись, навались туча темна, грозна 59
36. Разливалася мати весенняя вода . . . . . —
37. Не ясенъ-то соколъ по горамъ летаlъ . . . . . —
38. Любила я дружка, любезнаго любила . . . . . —
39. Товарищъ, ты товарищъ, другъ мой . . . . . —
40. Распечальное дѣвье сердце всегда вакываетъ. . . 60
41. Что ты дѣвушка не нарядна ходишь. . . . . —
42. При долинушкѣ есть калинушка . . . . . —
43. Размальчишка миленькій. . . . . —
44. Я съ малешенька глупешенька росла 6

Стр.

45. За Дунаемъ, тамъ гуляемъ. 61
46. Молодость молодецкая. . . . . —
47. Не бѣлы-ли снѣжки выпадали 62
48. Во славномъ было во городѣ во Астрахани . . . . —
49. Умъ ты степь наша, степь Саратовска. . . . . —
50. Цвѣли-то цвѣли въ полѣ цвѣтики, цвѣли да повяли. —
51. Кати легонькій умолотъ 63
52. Край пути-дорожки. . . . . —
53. Подъ славнымъ крѣпкимъ городомъ Архангельскомъ. —
54. Калинушка съ малинушкой лазуревъ цвѣтъ. 64
55. Жена мужа любила. . . . . —
56. Прешехтъ, прешехтивая путь-дорожечька. . . . . —
57. Не во далечемъ калечѣ, во чистомъ полѣ. . . . . —

Б. Вечерниочныя (65—85):

1. Кумъ-отъ ѣдетъ лугомъ. 65
2. Молодость, ты молодость. . . . . —
3. Шла дѣвица за водой. . . . . —
4. Отдаютъ Федьку въ солдаты. 66
5. Улка ты, улка моя. . . . . —
6. Соколъ ты, соколъ. . . . . —
7. Стояла рабинушка на городи . . . . . —
8. Саду, прислу въ зеленому саду. 67
9. Простучали, прогремѣли. . . . . —
10. Ваюшка мой бѣленькій. . . . . —
11. Въ государевой конторѣ. 68
12. Ты Иванушка казакъ. . . . . —
13. Продай мужъ корову. . . . . —
14. Вечоръ дѣвки. . . . . —
15. Какъ задумалъ недорослочекъ жениться. 69
16. Потянули вѣтры буйны со горы . . . . . —
17. Кычи гуси домой. . . . . —
18. За топью, за рѣчкой за быстрою. . . . . —
19. Съ вечера хмѣлинка незаборчива была. . . . . —
20. На улицѣ мужикъ со разсадой сидитъ. . . . . —
21. Сковородка въ печи 70
22. По мердочкѣ шла. . . . . —
23. На плотѣ было на меленѣ. . . . . —
24. Не наметныя пороши. 71
25. У воротъ дѣвка стоитъ. . . . . —
26. Красна дѣвица коровъ доила. . . . . —
27. Не бѣги, не бѣги 72
28. Зимочка зима. . . . . —
29. На улицѣ диво. . . . . —
30. Пошли наши гусли. . . . . —
31. Подъ тыномъ было подъ тыночкомъ . . . . . —
32. Ходилъ гулялъ Ванюша. . . . . —
33. Шелъ дѣтина изъ гостей. 73
34. Торна, моторна моя. . . . . —
35. Выходилъ душа полковникъ. . . . . —
36. Не рюмочки по столу бренчатъ. . . . . —
37. Во два верхала нѣмецкихъ. 74
38. Соловей мой, соловей. . . . . —
39. Сострой ты, любезный. . . . . —
40. По морю корабличекъ. . . . . —
41. Милъ поздненько приходилъ. 75

Стр.

42. Зелено вино въ карманѣ. 75
43. Ужъ ты вдовка, ты вдовка моя. 76
44. Противъ солнца на востокѣ. . . . . —
45. Умъ я горькая злосчастна. . . . . —
46. Изъ Питера любезный . . . . . —
47. Какъ у нашего сусѣда. 77
48. По край бмотрой было рѣчьки. . . . . —
49. Мнѣ во вѣкъ тоска не бывала. 78
50. На горахъ калина. . . . . —
51. Изъ-за барскаго двора. . . . . —
52. Дѣвки пили поверъ, да вышивали. 79
53. Улкомъ шла, перекомъ шла. . . . . —
54. Собиралися ребятушки. . . . . —
55. Изъ-за лѣсу, съ кругыхъ горъ . . . . . —
56. Заюшко по сѣнничкамъ. 80
57. У нашего двора . . . . . —
58. Ѣхалъ мальчикъ изъ Казани . . . . . —
59. Черезъ рѣченьку жерданочка лежала. . . . . —
60. Мой миленькій, любименькій . . . . . —
61. Курепушка, курева . . . . . —
62. Дѣвица салочкомъ шла. 81
63. Молодость, молодость дѣвичья красота . . . . . —
64. Умъ ты Танюша, Татьяна . . . . . —
65. Я вечоръ въ гостяхъ гостила. 82
66. Умъ я ио полю хожу—таки хожу. . . . . —
67. Изъ подъ дубу, дубу, дубу. . . . . —
68. На улицѣ морозъ 83
69. Идетъ Ваня по угору . . . . . —
70. Сорижается король . . . . . —
71. Въ первой день понедѣльникъ 84
72. Подай рѣчьку, подай мостикъ. . . . . —
73. Дѣтинушко, сиротинушко. . . . . —
74. Соловей мой, соловей . . . . . —
75. По мосту, мосточку, по калиновому. 85

В. Свадебныя (85—93):

1. *Невѣста:* Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго . . . . . —
2. *Жениху:* Что сказали не грозенъ. 86
3. *Когда отдаютъ невѣсту на чужую сторону:* Что ты, что ты сине море . . . . . —
4. Что не давушка по двору ходила. . . . . —
5. Во саду, саду да ахи 87
6. *Если нѣтъ у невѣсты родныхъ:* Много, много у сыра дуба. . . . . —
7. На горы на высокой . . . . . —
8. Въ сентябрѣ, во первомъ мѣсяцѣ 88
9. Течетъ винная рѣченька . . . . . —
10. *Холостымъ гостямъ:* У воротъ вереюшки . . . . —
11. *Вдовамъ:* Чья это нива 89
12. *Женатымъ:* Что по сѣнничкамъ, сѣнничкамъ . . . . —
13. *Новобрачнымъ:* Во горницѣ во новой. . . . . —
14. *Когда женихъ приходитъ на вечеринку:* Долго, долго соколъ не бывалъ 90
15. *Женатымъ:* Дымно, дымно въ полѣ . . . . . —
16. Умъ по мосту, мосту да рай, рай, рай. 91
17. Свѣтъ наша обманщица . . . . . —

Стр.

18. Не отъ вѣтра, не отъ вихоря 91
19. Что не павушка пава . . . . . —
20. Вился хмѣль въ огородѣ 92
21. Хиторъ, мудеръ первобрачный князь . . . . . —
23. Катилася карета рàю, рàю, рàю . . . . . —
23. *Въ ожиданіи жениха на смотрины*: Долго, долго соколъ не бывалъ (варіантъ). 93
24. *По пріѣздѣ невѣсты отъ вѣнца*: Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго (варіантъ) . . . . . —

Г. Виноградье (93—95):

1. *Для женатыхъ*: мы ходили, мы гуляли . . . . . —
2. *Для холостыхъ*: Во соборѣ у Михаила Архангела. 94
3. *Для дѣвушекъ*: Во далечемъ далечѣ, во чистомъ полѣ 95

Д. Рождественскіе стихи (95—96):

1. Днесь пресвѣтлая . . . . . —
3. Достойно есть уподленія . . . . . —
2. Днесь Христово рожденіе 96
4. Новая радость . . . . . —

Е. Причитанья (96—97):

1. *На мотивъ*: Я иду бѣдна—злосчастна . . . . . —
2. *Въ домѣ*: родитель мой маменька . . . . . —
3. *Въ церкви*: Вы, попы, отцы духовные . . . . . —

Ж. Рекрутскія (97):

1. Во деревнѣ злой народъ живетъ 97
2. Воля ты моя, волюшка . . . . . —
3. Умъ ты воля, наша воля (варіантъ) . . . . . —

ГЛАВА V. ПѢСНИ ПИНЕЖСКІЯ . . . 98—119

А. Вечериночныя (98—111):

1. Не нападывай, пороша 98
2 Изъ подъ ели, ели, ели. 99
3. Вечеръ соколъ. . . . . —
4. На первой было на маленькѣ . . . . . —
5. Сѣновокъ сѣно косилъ . . . . . —
6. Подъ кустомъ олень . . . . . —
7. На улицѣ диво 100
8. Посѣяли дѣвки ленъ . . . . . —
9. Изъ-подъ дубу, изъ-подъ вязу 101
10. Нападала порошица . . . . . —
11. Я вечеръ въ гостяхъ гостила . . . . . —
12. На улицѣ дождь поливаетъ 102
13. Мнѣ во вѣкъ тоска не бывала. . . . . —
14. Черезъ поле у сосѣда. . . . . —
15. Ты утушка луговая 103
16. Что, Ваня, не бѣлъ, не румянъ . . . . . —
17. Зелено вино въ нарышкѣ. 104
18. Какъ у моего милаго . . . . . —
19. У воротъ дѣвка стоитъ 105
20. Что подъ бѣлою, да подъ-березою 106
21. Вы дѣвицы красавицы . . . . . —
22. Простучало, прогремѣло 107
23. Голубица надъ водицей . . . . . —
24. Во саду-ли, въ огородѣ . . . . . —
25. Ѣхала дума 108

Стр.

26. Мино Пашеньку Шишкова. 108
27. За тынью. . . . . —
28. Какъ сказали про дѣвицу . . . . . —
29. Умъ ты зимушка зима. 109
30. Вдолъ было по травкѣ . . . . . —
31. Поѣду завтра въ городъ 110

Б. Пѣсни кашиницъ (на помочахъ)—(111—113):

1. По сѣничкамъ, сѣничкамъ 111
2. Какъ по горницѣ столовой . . . . . —
3. Какъ по морю, морю синему 112
4. По морю, морю суденко бѣжитъ . . . . . —
5. Ты гуляньицо-ли, наше гулянье 113
6. У нашихъ было у воротъ . . . . . —
7. *Пѣсня во время страды*. Маленькой мальчишко въ горенкѣ сидѣлъ. . . . . —

В. Дѣвичьи пѣсни (113—117):

1. Сидѣла Дунюшка въ горенки одна . . . . . —
2. Ахъ на посадѣ дѣвка взрощена 114
3. Ахъ тоновъ, да дологъ. . . . . —
4. Кустъ, кустъ . . . . . —
5. Ахъ, голубица по водицу . . . . . —
6. Ты раскурвянъ сельскій писарь 115
7. У Макарова двора . . . . . —
8. А я куда съ горы дѣвашки . . . . . —
9. Что кому за дѣло 116
10. Стояла рябинушка на городѣ 117

Г. Пѣсни колыбельныя (117—119):

1. Бай, бай . . . . . —
2. Васинька дружочекъ . . . . . —
3. Каты по каты . . . . . —
4. Байки по байки . . . . . —
5. Тирули, тирули у Петрули 118
6. Пряди котикъ мочевать . . . . . —
7. Байки по байки, да матери китайки . . . . . —
8. Спи, поспи по ночамъ, да расти по часамъ . . . —
9. Бай, бай, бай, лю, лю, лю . . . . . —
10. Соболи, куницы въ головкахъ спятъ . . . . . —
11. Спи, Анишка моя . . . . . —
12. Спи, пока заботъ не знаешь . . . . . —
13. Спи, спи мое дитятко . . . . . —
14. Баюшки бай, люлюшки лю 119

ГЛАВА VI. ОНЕЖСКІЯ ПѢСНИ И ИГРЫ . 120—138

А. Уточка (120—124):

1. Уточка поплавай на 120
2 Утка лебедку гонила—гонила . . . . . —
3. Ходитъ гуляетъ . . . . . —
4. Не летай-на соловьюшка 121
5. Я пойду-ли пойду, загуляю . . . . . —
6. Не ходи, моя милая . . . . . —
7. Во садику была я 122
8. На ручью было, на медвяномъ . . . . . —
9. Что не штофики по горницѣ бречатъ . . . . . —
10. Какъ у насъ въ горенкѣ хорошій 123
11. Двое ходятъ не великіи . . . . . —

I. О БЫЛИНАХЪ, СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ СБОРНИКѢ П. С. ЕФИМЕНКА.

(Читано въ засѣданіи Этнографическаго Отдѣла 22-го декабря 1874 г.)

Узнавъ изъ отчета о засѣданіи 19 марта *), что въ нашъ Отдѣлъ доставлено П. С. Ефименкомъ значительное количество этнографическихъ матеріаловъ изъ Архангельской губерніи, и въ томъ числѣ десять былинъ, я поспѣшилъ познакомиться съ этими новыми научными сокровищами, что, благодаря нашему предсѣдателю, удалось мнѣ весьма легко. Всего болѣе привлекали меня былины и онѣ не обманули моихъ ожиданій. Каждая изъ нихъ представляетъ что нибудь новое, а нѣкоторыя имѣютъ великую важность для изученія русскаго эпоса. Въ настоящее время я считаю не лишнимъ предложить вниманію господъ членовъ Отдѣла нѣсколько замѣчаній о значеніи этихъ былинъ для науки и о содержащихся въ нихъ новыхъ фактахъ.

Всѣхъ былинъ въ сборникѣ 10: шесть изъ нихъ записаны священникомъ Розановымъ на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря, четыре остальныя А. М. Никольскимъ въ городѣ Мезени. Мезенскія былины сохранились лучше и отличаются весьма значительнымъ объемомъ; вообще же и тѣ, и другія довольно близки по складу къ Олонецкимъ, представляя однако легкія отличія въ языкѣ и нѣкоторыя особенныя выраженія. Самый разсказъ иногда уклоняется отъ общепринятыхъ Олонецкихъ преданій, но разница выходитъ только въ частностяхъ; вообще мы имѣемъ дѣло съ тѣми же самыми личностями, съ тѣмъ же строемъ жизни, съ тѣмъ же богатырскимъ міромъ, какъ и въ Олонецкомъ эпосѣ, и остается только удивляться крѣпости богатырскихъ типовъ, которые, разъ сложившись въ народной жизни, безвредно проходятъ вѣка и остаются вѣрными древнѣйшимъ образцамъ, гдѣ бы ни была записана былина—на Бѣломъ ли морѣ, на Волгѣ, или на Уралѣ.

Мы займемся сначала Розановскими былинами. Всего важнѣе изъ нихъ первая: объ ней стоитъ подробно поговорить.

*) См. «Труды» Этнографическаго Отдѣла, кн. III, вып. I, с. 98—100.

Содержаніе слѣдующее. Въ городѣ Рязани у гостя торговаго Никиты Романовича родился сынъ Добрыня Никитичъ. Рано потерявъ отца, онъ достигаетъ полнаго возраста и начинаетъ совершать богатырскіе подвиги. Молва о немъ расходится по землѣ, доходитъ и до города Мурома, до стараго козака Ильи Муромца. Илья хочетъ посмотрѣть, что за новый богатырь проявился. Ѣдетъ «Осударь» (такъ постоянно величаетъ Илью былина) къ городу Рязани и, подъѣзжая, удивляется внезапной славѣ, пріобрѣтенной этимъ городомъ, и говоритъ съ недоумѣніемъ: «Досель Рязань слободой слыла, нонѣче Рязань слыветъ городомъ». Вспомните, что Рязань была пригородомъ Мурома, долго уступая ему въ значеніи, такъ что слова эти особенно замѣчательны въ устахъ Муромца и намекаютъ на старинное соперничество старшихъ и младшихъ городовъ. Илья пріѣзжаетъ въ Рязань; дѣти, играющія на улицѣ, указываютъ ему домъ Добрыни. Кричитъ Осударь зычнымъ, крычнымъ голосомъ, такъ что палата съ боку на бокъ колыбается. Выходитъ Добрынина матушка и привѣтствуетъ Илью по имени. «Почему ты меня знаешь?», спрашиваетъ Илья.—«Я бывала у васъ въ Муромѣ, знаю тебя съ молодечества».—Чуть ли здѣсь нѣтъ намека на какія нибудь древнія преданія о происхожденіи Добрыни, но объ этомъ скажемъ ниже. Добрыни нѣтъ дома и Осударь ѣдетъ искать его въ поле. Выѣхалъ онъ на шеломя окатистое (это древнее слово очень обыкновенно въ Архангельскихъ былинахъ) и видитъ: въ полѣ богатырь потѣшается, тяжку палицу подбрасываетъ подъ облако. Точно такъ же, по словамъ другихъ былинъ, встрѣчается Илья со своимъ сыномъ Збутомъ-Борисомъ. Илья требуетъ поединка, а Добрыня поступаетъ опять таки сходно со Збутомъ: спускаетъ сокола съ руки и посылаетъ къ своей матушкѣ извѣстить ее, что онъ въ опасности. Въ пѣснѣ о Збутѣ послѣдняя черта впрочемъ изгладилась: бога-

тырь отпускаетъ сокола просто потому, что ему теперь не до него, да и въ той былинѣ, которую мы разбираемъ, посылка сокола не приводитъ ни къ какимъ послѣдствіямъ; но эта самая незаконченность эпизода показываетъ, что были и такіе варіанты, въ которыхъ являлась матушка Добрыни (а можетъ быть и Збута) и прекращала поединокъ своимъ вмѣшательствомъ. Какъ бы то ни было, богатыри вступаютъ въ бой. Описаніе его то же, что въ былинѣ о Збутѣ. Дѣло кончается рукопашной схваткой и въ ней Добрыня одолѣваетъ Илью не силой, а искусствомъ, ибо онъ «мастеръ былъ съ крутой—съ носка спущать». Побѣжденный Илья, послѣ долгихъ отказовъ, наконецъ объявляетъ свое имя и тогда Добрыня падаетъ ему въ ноги и проситъ прощенья въ своей дерзости. «Богъ проститъ», отвѣчаетъ Илья и богатыри заключаютъ между собой братство. Затѣмъ, они ѣдутъ въ Рязань и пируютъ въ Добрынинихъ палатахъ.

Въ такомъ видѣ сохранилась эта пѣсня. Главное достоинство ея въ томъ, что это единственная былина о Добрынѣ, въ которой вовсе не упоминается объ Кіевѣ. Не только Добрыня является исключительно Рязанцемъ, но и самъ Илья исключительно Муромцемъ. Былина эта не принадлежитъ къ циклу Владимира: это былина, Суздальскаго цикла, въ настоящее время единственная.

О существованіи въ древней Руси особеннаго круга Суздальскихъ преданій, весьма богатыхъ и еще болѣе историческихъ, чѣмъ Кіевскія, было извѣстно и прежде. Многія лѣтописи (всѣхъ болѣе Тверская) сообщаютъ намъ довольно подробные разсказы о Суздальскихъ богатыряхъ и разсказы эти имѣютъ довольно историческій характеръ, будучи весьма обстоятельны и не заключая въ себѣ ничего сверхъестественнаго. По словамъ ихъ богатырь Добрыня былъ не Кіевлянинъ, а Рязанецъ и носилъ прозвище Златой поясъ. Находился онъ на службѣ у великаго князя Константина Всеволодовича, вмѣстѣ съ Александромъ Поповичемъ, Нефедомъ Дикуномъ, своимъ оруженосцемъ Торопомъ и многими другими героями, которыхъ преданія насчитываютъ до семидесяти.

Старшимъ между ними былъ Поповичъ. Всѣ эти «храбры», какъ называетъ ихъ лѣтопись, оказали большія услуги Константину, особенно при осадѣ его города Ростова братомъ и соперникомъ Константина Юріемъ Всеволодовичемъ и потомъ на Липецкомъ бою. Но когда, по смерти Константина, сѣверное великое княженіе досталось этому самому Юрію, то «храбры» должны были перейти на службу къ великому князю Кіевскому Мстиславу Романовичу. Тотъ принялъ ихъ съ великою честью, но вскорѣ всѣ они вмѣстѣ со своимъ княземъ погибли на Калкѣ и въ мукахъ, такъ сказать, умерло русское богатырство.

Преданія эти, очевидно, были совершенно независимы отъ Кіевскаго цикла, но въ послѣдствіи Владиміръ заглушилъ въ народной памяти Константина и Мстислава и Суздальскіе герои или вовсе изгладились изъ былинъ, какъ напримѣръ Нефедъ Дикунъ, или слились съ Кіевскими богатырями, носившими сходныя имена: Александръ Поповичъ еще остался Ростовцемъ, но былъ перенесенъ въ Кіевскій кругъ; Добрыня Никитичъ и вовсе сдѣлался Кіевлянимомъ и притомъ, не торговымъ гостемъ, а племянникомъ Владиміра по матери. Мы уже имѣли случай указать, что этотъ герой, по всему вѣроятію, замѣнилъ въ Кіевскихъ былинахъ древнѣйшаго богатыря Андриха Добренковича, о которомъ говоритъ Никоновская лѣтопись. Но только что разобранная нами былина совершенно чужда этого смѣшенія личностей и потому крайне любопытна. Замѣтимъ впрочемъ, что и у Кирши Данилова одинъ разсказъ объ Добрынѣ начинается словами: «Доселева Рязань селомъ слыла» и проч., и тутъ же говорится о рожденіи Добрыни отъ богатаго гостя, но затѣмъ дѣйствіе немедленно переходитъ въ Кіевъ, а Добрыня оказывается племянникомъ Владиміра.

Что же касается до очевиднаго сходства нашей былины съ пѣснью о Збутѣ, то мы объясняемъ его тѣмъ, что какъ южный эпосъ присваивалъ себѣ сѣверныхъ богатырей, такъ и, наоборотъ, Суздальскія преданія заимствовали у Кіевскихъ богатырскія личности и въ особенности самые мотивы. Какъ кажется, древнѣйшій богатырь Илья Муромецъ, по общерусскому возрѣнію, дѣйствующій по преимуществу въ Кіевѣ, въ частномъ Суздальскомъ эпосѣ — былъ опять перенесенъ въ свой родной Муромъ и сдѣланъ отцемъ мѣстнаго Суздальскаго богатыря Добрыни Никитича. Притомъ, разумѣется, были взяты образы и краски изъ былины о Збутѣ. Но крайней мѣрѣ, сквозь теперешній видъ Розановской былины очевидно просвѣчиваетъ, что-то древнѣйшее и уже непонятное теперешнимъ пѣвцамъ.

Во второй былинѣ говорится о свадьбѣ Владиміра Новаго то, что богатыря Дуная, который указываетъ невѣсту Владиміру, приводятъ не изъ царева кабака,

а изъ тюрьмы, куда онъ посаженъ за что-то княземъ. Замѣчательно выраженіе — «Копье бусурменское» встрѣчающееся въ этой былинѣ и въ одной изъ слѣдующихъ. До сихъ поръ было извѣстно только копье мурзамецкое или мурзовецкое; изслѣдователи обыкновенно производили это прилагательное отъ мурза, что едва ли не противно духу нашего языка. Теперь, кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что мурзавецкій есть искаженіе слова бусурманскій, или можетъ быть мусульманскій, хотя впрочемъ послѣдняя форма кажется не встрѣчается въ древнемъ русскомъ языкѣ. Отмѣтимъ еще хорошую подробность въ эпическомъ вкусѣ. Когда Дунай вышибаетъ изъ сѣдла Нѣпру корелевичну и она падаетъ на землю, тогда «приступилъ копытомъ его добрый конь», то есть придержалъ плѣнницу. Остальныя разнорѣчія представляютъ мало характернаго.

Третья былина о свадьбѣ Ивана Годиновича. Въ ней замѣчателенъ конецъ. Содержаніе ея извѣстно: Иванъ отправляется въ Черниговъ свататъ Марью, дочь Черниговскаго князя, но получаетъ отказъ, ибо она уже сговорена за царя Кощея. Иванъ однако беретъ ее силой и ѣдетъ въ Кіевъ. На дорогѣ его догоняетъ царь Кощей. Единоборство кончается въ пользу Ивана, но Марья передается на сторону язычника Кощея и помогаетъ ему связать Кіевскаго богатыря. Ивана привязываютъ къ дубу, надъ его головой садятся два вѣщихъ голубя и человѣческимъ языкомъ пророчатъ гибель Кощею, тотъ пускаетъ въ нихъ стрѣлку, но она отскакиваетъ отъ дерева и попадаетъ ему въ сердце. Затѣмъ, по словамъ большинства варіантовъ, Иванъ обѣщаетъ Марьѣ прощеніе, употребляя при этомъ двусмысленныя слова, но, получивъ свободу, рубитъ ее на куски. Только одинъ варіантъ разсказываетъ, что Марья не повѣрила его обѣщаніямъ и хотѣла отрубить ему голову, но вмѣсто того перерубила веревку, которою онъ былъ связанъ. Но и этотъ варіантъ выражается довольно неясно. Въ нашей былинѣ напротивъ того, разсказъ совершенно отчетливый и прямо говорится, что Ивану грозила смерть отъ руки невѣсты и онъ спасся только случайно. Голуби объясняются двумя ангелами; самая развязка, то есть казнь Марьи, разсказана сходно съ однимъ, уже извѣстнымъ, Олонецкимъ варіантомъ, но пріятомъ есть любопытныя подробности. По словамъ этого варіанта Иванъ убиваетъ Марью не тотчасъ, а везетъ ее въ Кіевъ; но подъѣхавъ къ рѣкѣ, приказываетъ ей сойти съ коня и принести ему воды. Та отвѣчаетъ: «Не воду хочешь ты пить, а меня губить», и тогда Иванъ рубитъ ей голову. Въ нашей былинѣ прибавлена любопытная черта: Иванъ приказываетъ Марьѣ разуть ему сафьянный сапогъ и зачерпнуть воды. Спрашивается, зачѣмъ ему нужна вода? Соображая послѣдующія слова былины, можно думать, что онъ хочетъ вымыть свою саблю послѣ убійства, но это упоминаніе о сапогѣ невольно заставляетъ искать во всемъ эпизодѣ какого нибудь болѣе древняго и общаго смысла. Извѣстно, что сниманіе сапога было исконнымъ свадебнымъ обрядомъ, выражаемымъ подчиненіе жены мужу. Сравните лѣтописный разсказъ о Рогнѣдѣ, нехотѣвшей разуть Владиміра и за это потерпѣвшей такое страшное наказаніе. Кажется, что въ древнѣйшихъ варіантахъ былины объ Иванѣ Годиновѣ отказъ Марьи снять съ него сапогъ и выставлялся окончательною причиной ея смерти. Дѣло въ томъ, что, по словамъ былины, Марья княжеская дочь, а Иванъ человѣкъ незнатнаго происхожденія. Тотъ же самый мотивъ, что и въ легендѣ о Рогнѣдѣ; причемъ роль Ярополка играетъ царь Кощей. Замѣтимъ, что и въ этой и въ нѣкоторыхъ другихъ былинахъ, собственныя имена довольно перепутаны. Напримѣръ, Кощей названъ Вахрамеемъ, князь Черниговскій княземъ Ляховецкимъ, и пр. Отмѣчать этихъ очевидныхъ ошибокъ мы не видѣли надобности.

Убивъ Марью, Иванъ моетъ саблю въ Почай-рѣкѣ и возвращается въ Кіевъ; Алеша Поповичъ встрѣчаетъ его насмѣшками: «Здоровъ женился, не съ кѣмъ тебѣ жить». На что Иванъ отвѣчаетъ: «Я женилъ свою саблю вострую». Четвертая былина о Дюкѣ Степановѣ не представляетъ ничего особеннаго. Пятая говоритъ о борьбѣ Ильи Муромца съ Соловьемъ. Есть кое что новаго. Черниговцы, освобожденные Ильей отъ осады, зовутъ его на воеводство въ такихъ словахъ:

«Поди къ намъ, хоть царемъ служи,
Хоть королемъ слыви».

Выраженіе «княземъ служить» уже встрѣчалось въ одномъ варіантѣ, но представлялось чѣмъ-то единичнымъ. Въ Архангельскихъ былинахъ находится еще одно сходное мѣсто, о которомъ скажемъ ниже.

Соловей изображенъ людоѣдомъ. Когда Илья везетъ его прикованнаго къ стремени, дочери разбойника говорятъ, что это должно быть ихъ батюшка везетъ какого нибудь плѣнника на съѣденье малымъ дѣтушкамъ. Но всего замѣчательнѣе окончаніе былины. До сихъ поръ

всѣ варіанты утверждали, что Соловей былъ казненъ въ Кіевѣ, но, по словамъ нашей пѣсни, дѣло окончилось иначе. Илья взялъ выкупъ съ разбойника и раздѣлилъ его на церкви Божіи, на городъ Кіевъ и на «сиротъ православныхъ» (крестьянъ?). А Соловья отпустили домой, взявъ съ него «роту великую». Это древнее слово кажется первый разъ встрѣчается въ эпосѣ. Если, какъ многіе думали, историческимъ прототипомъ Соловья разбойника былъ лѣтописный Могутъ, то нашъ варіантъ ближе другихъ подходитъ къ древнѣйшимъ преданіямъ; ибо, по словамъ Никоновской лѣтописи, Владиміръ помиловалъ Могута. Послѣдніе стихи былины относятся къ страшному людоѣду даже съ какимъ-то особеннымъ добродушіемъ:

«Пошелъ Соловеюшко Рахмановичъ,
Пошелъ къ своему широку двору,
Оставался Осударь Илья Муромецъ
Жить во городѣ Кіевѣ».

Шестая былина не принадлежитъ къ Кіевскому циклу. Рѣчь идетъ о царѣ Соломонѣ. Замѣчателенъ запѣвъ:

«Во Цареградѣ служилъ Соломонъ царь,
Во Новѣградѣ, прекрасный царь Василій сынъ
Окульевичъ».

Варіанты былины о Соломонѣ довольно рѣдки и поэтому имѣютъ особенную цѣнность; что же касается до нашего, то онъ принадлежитъ къ числу лучшихъ, имѣя значительный объемъ и заключая много хорошихъ подробностей. Особенно хорошо мѣсто, гдѣ говорится о морѣ и кораблях. Это объясняется мѣстностью, гдѣ записана былина. Врагъ Соломона прекрасный Василій посылаетъ Василія Пустоволосовича (новое имя) увезти Соломонову жену. Василій Пустоволосовичъ нагружаетъ три корабля сокровищами и, подъ видомъ купца, отправляется въ Царьградъ.

«Приходилъ онъ въ гавань корабельную,
Въ гавань входитъ—платитъ пошлину,
Якоря кладетъ—платитъ пошлину,
Паруса ронитъ—платитъ пошлину».

Затѣмъ, онъ зоветъ царицу Соломониду на корабли, чтобы оцѣнить грузъ. Тамъ онъ подноситъ ей питья забыдущаго.

«Заспала царица Соломонида
Во той каютѣ корабельной,
Выходитъ Василій изъ каюты корабельной,
На тую на палубу дубовую:
«Ужъ ты гой еси дружинушка хоробрая,
«Отсѣкайте якори булатные,
«Выпущайте парусы полотняные».
Въ ту пору дружина не ослышалась,
Отсѣкала якори булатные,
Развивала парусы полотняны;
И пошли изъ гавани изъ корабельныя,
Пахала тутъ повѣтерь способная,
Выходилъ Василій на сине море,
И тутъ русская земля-то потаилася,
А невѣрная земля возвременилася».

Когда Соломона берутъ въ плѣнъ и ведутъ на казнь, то онъ, зная, что сейчасъ явится его дружина на встрѣчу, совѣтуетъ бѣгущему за нимъ народу разойтися по домамъ.

«Ужъ вы гой еси, народы православные,
Воротитеся вы пановья-улановья:
Соломонова-то смерть страшна будетъ.
Мудрый народъ воротился,
А глупый народъ-то впередъ идетъ» и проч.

Окончаніе извѣстное: враговъ Соломона вѣшаютъ на приготовленной для нихъ висѣлицѣ.

Переходимъ къ первой Мезенской былинѣ—первому всего сборника. Съ ней можетъ поспорить только былина о Добрынѣ Рязанцѣ, но если эта и представляетъ болѣе важности для исторіи русскаго эпоса, то Мезенская превосходитъ ее изяществомъ и обиліемъ подробностей. Самый объемъ ея замѣчателенъ: до 600 стиховъ.

Былина состоитъ изъ двухъ половинъ: въ первой говорится о пріѣздѣ въ Кіевъ Алеши Поповича. Содержаніе совершенно новое. Извѣстно, что хотя объ Алешѣ Поповичѣ и весьма часто упоминается въ эпосѣ, но онъ является въ немъ почти всегда второстепеннымъ лицомъ и притомъ съ самою скверною ролью. Былинъ спеціально ему посвященныхъ до сихъ поръ было извѣстно двѣ: одна о первомъ его пріѣздѣ въ Кіевъ, другая объ освобожденіи имъ своей сестры. Послѣдняя, пожалуй, можетъ быть отнесена и къ Суздальскому эпосу, такъ какъ имя Кіева въ ней не упомянуто. Теперь къ ихъ числу присоединяется еще третій разсказъ. Онъ описываетъ тоже первый пріѣздъ, но совершенно иначе. У Левонтья, попа Ростовскаго, родился сынъ Алеша. Достигнувъ совершеннолѣтія, онъ проситъ у отца дружину хоробрую и отправляется съ ней во чисто поле.

Попъ Левонтій, такимъ образомъ, оказывается имѣющимъ дружину, что не должно насъ удивлять, ибо въ древней Руси протопопы большихъ городовъ близко подходили по значенію къ архіереямъ, а послѣдніе имѣли большой дворъ, иногда же (какъ въ Новгородѣ) и дружину. Алеша пріѣзжаетъ къ тремъ дорогамъ: одна въ Кіевъ, другая въ Черниговъ, третья къ Синему морю. Замѣтимъ эти три дороги: онѣ имѣютъ великое значеніе въ эпосѣ, на этомъ-то перекресткѣ и совершилось большинство подвиговъ воспѣтыхъ былинами. Алеша колеблется между Кіевомъ и Черниговомъ, дружина отсовѣтываетъ ѣхать въ послѣдній городъ. «Во Черниговѣ вина заборчивы, калачницы хорошія, какъ заѣдемъ такъ и загуляемъ—и пройдетъ про насъ славушка не малая, дойдетъ до города Ростова, до Левонтья попа Ростовскаго. Лучше ѣхать въ Кіевъ, поклониться Божіимъ церквамъ». Ѣдутъ къ Кіеву, но этотъ городъ осажденъ Василіемъ прекрасными. Богатыри разгоняютъ Татаръ и такимъ образомъ Алеша Поповичъ является освободителемъ Кіева отъ кочевниковъ, что согласно съ разсказомъ Никоновской лѣтописи о древнѣйшемъ богатырѣ Александрѣ Кіевскомъ. Они молятся въ церквахъ Божіихъ и уѣзжаютъ домой. Владиміръ не догадался позвать ихъ на пиръ. Но про ихъ подвигъ прошла славушка не малая:

«Отъ того ли города Ростовскаго
До того ли города до Кіева,
До того ли горы до Черниговки,
До того ли шеломя окатиста,
До тоѣ березоньки кудрявыя,
До того шатра бѣлополотняна,
До того ль удала добра молодца
А по имени до Ильи Муромца,
Что очистилась дорожка приѣзжая
Отъ того Алешиньки Поповича».

Ставка Ильи, знаменитая Кіевская застава богатырская, описана и въ другихъ былинахъ сходными чертами. Она стоитъ при трехъ дорогахъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, на горѣ Сорочинской и подъ «славнымъ сырымъ дубомъ Невидомъ». Дубъ этотъ въ нашей былинѣ замѣненъ сѣверной березонькой и эта замѣна очевидно поздняя. Что же касается до горы Черниговки, то хотя и можетъ съ перваго разу показаться, что это мѣсто искажено и что рѣчь должна собственно идти о городѣ Черниговѣ, но съ другой стороны и гора Сорочинская имѣетъ уже слишкомъ общее значеніе и отзывается позднимъ временемъ. А потому весьма возможно, что древнѣйшее имя богатырской горы было именно Черниговка, а эпитетъ—Сорочинская—образовался изъ худо разложеннаго стиха: со тоей горы да со Черниговской. Примѣры подобныхъ искаженій часты и даже слишкомъ часты въ нашемъ эпосѣ. Имя Черниговка нѣтъ причинъ ставить въ связь съ городомъ Черниговомъ, ибо самое названіе города очевидно происходитъ отъ именъ собственнаго Чернигъ (сравни Смолигъ). Чернигъ былъ вѣроятно какой нибудь мѣстный Сѣверскій герой, который могъ дать свое имя многимъ Сѣверскимъ урочищамъ.

Дружина Алеши, убѣждая его напасть на Татаръ, говорила, что когда про это узнаетъ Илья Муромецъ, то «не дощедши, старый, намъ поклонится». Илья дѣйствительно отправляется разузнавать про новаго богатыря и, пріѣхавъ въ Кіевъ, спрашиваетъ Владиміра, заѣзжалъ ли къ нему Алеша. Князь наивно отвѣчаетъ: «Были добрые молодцы въ Кіевѣ, молились церквамъ соборнымъ и поѣхали домой; я ихъ тогда на пиръ не позвалъ». Илья приказываетъ устроить теперь пиръ и послать за Алешей Добрыню Никитича. Алеша долго ломается, наконецъ ѣдетъ послѣ того, какъ Добрыня зоветъ его отъ имени Ильи и всѣхъ богатырей поименно. Князь и княгиня встрѣчаютъ его съ великою честью. При этомъ былина, описывая нарядъ Опраксы, говоритъ, что у ней руки по локоть наряжены въ золото, ноги по колѣно въ серебро и на груди камень самоцвѣтный. Былина разумѣетъ нарядъ, но это описаніе напоминаетъ золотыя руки и серебряныя ноги миѳическихъ героевъ, какъ напримѣръ Ярилы, и, очевидно, зашло въ Кіевскій эпосъ изъ миѳическихъ пѣсней. Владиміръ спрашиваетъ Алешу,—какой онъ желаетъ награды, а тотъ требуетъ, чтобы его дружину даромъ поили въ Кіевѣ. Послѣ двухнедѣльнаго пира Илья забираетъ всѣхъ богатырей къ себѣ въ шатеръ и тамъ опять начинается пированье. Этимъ и оканчивается первая половина былины.

Вторая сообщаетъ не столь новыя вещи, но въ сущности важнѣе, потому что дѣло идетъ о единственномъ любовномъ похожденіи Ильи Муромца, похожденіи, о которомъ въ былинахъ до сихъ поръ встрѣчались только намеки. По свидѣтельству множества пѣсней, у Муромца былъ сынъ равный ему силой. Имя его сильно искажено въ большинствѣ варіантовъ, только одинъ Кирша Даниловъ сохранилъ его въ чистомъ видѣ: Збутъ-Бо-

рисъ королевичъ. Равнымъ образомъ, былины по большей части молчатъ и о происхожденіи этого героя съ материнской стороны, а Кирша называетъ его внукомъ короля Задонскаго, то есть вѣроятно Козарскаго. На Козарство указываетъ и двойное имя героя: Збутъ-Борисъ. Збутъ звучитъ вполнѣ по Славянски, но Борисъ есть имя древне Болгарское или точнѣе Угорское, слѣдственно могло употребляться и у Козаръ. Какимъ образомъ произошло знакомство Ильи съ матерью Збута, этого и Кирша не объясняетъ.

Одинъ пѣвецъ разсказывалъ г. Рыбникову, что Илья побѣдилъ однажды палянищу Авдотью Горынчанку и что Збутъ былъ ея сыномъ, но онъ уже не могъ пропѣть объ этомъ былины. Въ одной пѣснѣ изъ сборника Кирѣевскаго мать Збута дѣйствительно говоритъ сыну, что Илья ее въ чистомъ полѣ побилъ и сдѣлался ея любовникомъ, но ничего болѣе нельзя извлечь и изъ этой пѣсни. Всѣ эти намеки сообщаютъ преданію какой-то варварскій оттѣнокъ и нѣкоторыя изслѣдователи даже выражались такъ, что этотъ эпизодъ кладетъ тѣнь на имя Ильи Муромца, хотя съ другой стороны выходитъ страннымъ, что былины какъ будто приписываютъ Ильѣ такой поступокъ, въ которомъ не рѣшаются обвинять и Алешу Поповича. Новооткрытая былина полагаетъ конецъ всѣмъ этимъ недоумѣніямъ и, такъ сказать, завершаетъ нашъ эпосъ. Могутъ открыться пѣсни о новыхъ богатыряхъ, могутъ найтись неизвѣстные еще эпизоды о старыхъ, но въ общихъ чертахъ нашъ эпосъ можетъ уже и теперь считаться полнымъ и законченнымъ.

Илья выспался послѣ пира и, выйдя изъ шатра, смотритъ въ поле. Видитъ онъ, ѣздитъ палянища преудалая, тяжку палицу подбрасываетъ подъ облако. Занятно старому стало, долго онъ смотрѣлъ на гулянку палянищину. Слово «палянища», слѣдуетъ замѣтить, нѣсколько темно. Олонецкіе пѣвцы объясняютъ его богатыршой, но употребляютъ и въ мужескомъ родѣ, и это употребленіе весьма древнее, ибо встрѣчается у князя Курбскаго. Да и въ нашей былинѣ Илья называетъ палянищу палянищей, еще не зная, что передъ нимъ женщина. Равнымъ образомъ, неясно и самое происхожденіе слова. Пѣвцы иногда произносятъ паляница, такъ что объ полѣ трудно въ этомъ случаѣ думать; впрочемъ существуетъ другое объясненіе отъ слова «палить». Если это такъ, то паляница вѣроятно было въ старину эпитетомъ какой нибудь богини и всего скорѣе Симарглы-синей Молніи, (сравни имя Зорница, которое дается Зарѣ), а въ послѣдствіи его стали примѣнять и къ земнымъ героинямъ. Но довольно объ этомъ. Илья посылаетъ Алешу Поповича спросить палянищу: «Кто она и что ей нужно?» Вмѣсто того Алеша наскакиваетъ на нее съ поднятымъ копьемъ. Но палянища вырвала у него копье, забросила въ поле и говоритъ таковы слова:

«Ужъ ты гой еси Аленинька Поповичъ младъ,
Ужъ ты силою не силенъ, да напускомъ смѣлъ,
А не спрашивалъ ни имени, ни вотчины,
А и хочешь я тебя смерти предамъ,
Поѣзжай-ко се ты ко бѣлу шатру
И пошли-ко се самого Илью Муромца:
Мнѣ-ка хочется съ нимъ поназваниться».

Пристыженный Алеша возвращается и ничего не говоритъ. Илья посылаетъ Добрыню, тотъ исполняетъ порученіе какъ слѣдуетъ. Палянища отвѣчаетъ ему въ такихъ словахъ:

«Поѣзжай-ко ты Добрынюшка Никитичъ младъ
И пошли-ко се ты ко мнѣ старого:
Про его прошла вѣдь славушка не малая,
Ото востока прошла слава и до запада,
До тоя орды великой, до того Мамая сильного:
Сторожитъ-де старъ козакъ онъ три дороженьки
широкіихъ».

Опять три дороги, которыя мы видѣли уже въ началѣ былины. Это тѣ же, по которымъ совершились три значительныя поѣздки Ильи Муромца. Одна по Черниговской дорогѣ: тамъ Илья нашелъ замокъ прекрасной королевичны. Другая по дорожкѣ къ синему морю, и къ землѣ Греческой, гдѣ онъ разбилъ разбойничью заставу. Третья — черезъ Кіевъ въ землю Латынскую: тамъ онъ нашелъ кладъ. На самомъ пересѣченіи дорогъ лежитъ бѣлъ горючь Латырь камень, на которомъ Муромецъ прочелъ извѣстную пророческую надпись. Этотъ Латырь камень не разъ упоминается въ былинахъ при описаніи богатырской заставы и помѣщается возлѣ сыра дуба Невида. А самое поле, гдѣ по преимуществу держатся богатыри, зовется въ былинахъ Куликовымъ, что конечно есть искаженіе. Встрѣчается другое имя поле Елескино, но объ древности и значеніи его покамѣстъ трудно что нибудь сказать.

Илья, услышавъ дерзкое требованіе палянищы, приходитъ въ гнѣвъ и скачетъ въ чистое поле. Начинается бой съ чертами извѣстными изъ былины о Збутѣ. Отмѣтимъ только одну подробность. Когда герои начи-

нютъ биться палицами, то «отъ рукъ палицы загорѣлися, по спанямъ палицы распалялися». Илья наконецъ одолѣваетъ и разстегиваетъ кольчугу у врага, чтобъ его заколоть, но видитъ, что это женщина. «Какъ на то старый былъ жалостливъ», замѣчаетъ пѣсня. Онъ спрашиваетъ имя, паляница не отвѣчаетъ, какъ и требуетъ богатырскій этикетъ, но Илья все таки подымаетъ съ земли, ведетъ въ свой шатеръ и сажаетъ за столы убранные, за яства сахарныя. Тамъ они проводятъ три дня и три ночи. «И сами двоима забавлялися и тайными словами занималися». Ни объ какомъ насиліи такимъ образомъ нѣтъ и рѣчи. Пріѣздъ паляницы на богатырскую заставу совершенно сходенъ съ классическимъ преданіемъ о томъ, какъ царица Амазонокъ пріѣзжала къ Александру Македонскому, чтобы имѣть отъ него сына богатыря.

Отпуская паляницу, Илья даетъ ей перстень со ставкою драгоцѣнною, и подписью именною старого. Черта весьма обыкновенная въ сходныхъ преданіяхъ, но въ нашемъ эпосѣ встрѣчается еще въ первый разъ. Онъ говоритъ ей такія слова: «Если родишь дочь, то дай ей перстень въ приданое, если родишь сына, корми его до полнаго возраста, дай ему этотъ перстень и посылай въ чистое поле, да скажи ему, что если увидитъ онъ въ чистомъ полѣ старого (то есть Илью), такъ не дошедши пускай поклонится». Уѣхала паляница къ синему морю, къ сѣрому камешку, къ палатамъ бѣлокаменнымъ, стала жить въ палатахъ бѣлокаменныхъ. Мѣсто означено правильно, ибо Хозарія лежала при Каспійскомъ морѣ. По словамъ нашей былины, въ ней, какъ мы уже видѣли, царствуетъ Мамай, его, то дочерью кажется и была паляница. У Кирши Данилова вслѣдъ за истребленіемъ Мамая и его войска является какая-то паланица Мамаигна и вызываетъ на поединокъ богатырей, впрочемъ наконецъ погибаетъ. Это очевидно одно лицо съ нашей паляницей преудалой. И родила она чадо милое, дала ему имя сильный, могучій богатырь Подсокольникъ. Въ другихъ варіантахъ правильно: Сокольникъ. Это впрочемъ прозвище, настоящее имя Збутъ-Борисъ. Ростетъ молодецъ до 7 годовъ; сталъ ходить на улицу широкую, съ малыми ребятками потѣшатися. И называютъ его ребятки безотеческимъ: нѣтъ-де у тебя родна батюшка. Обидѣлся молодецъ, идетъ къ родной матушки: государыня родна матушка, отчего же у меня нѣтъ батюшка? Та даетъ ему въ утѣшеніе золотой перстень. Надѣлъ его богатырь на руку. А все носитъ этотъ перстень, не любя, а все зло несетъ на батюшка. Такъ рано зараждается въ немъ ненависть противъ отца. Очевидно, что здѣсь дѣло не въ мести за оскорбленіе матери, какъ думали иные, а въ оскорбленномъ самолюбіи молодого королевича.

Достигнувъ двѣнадцати лѣтъ, богатырь ѣдетъ въ чистое поле. Мать предостерегаетъ его на счетъ Ильи, не сказавъ впрочемъ, что это его отецъ; но богатырь не обращаетъ вниманія на предостереженіе и вступаетъ въ бой съ Муромцемъ. Дальнѣйшій разсказъ большею частью извѣстенъ. Есть и отличія. Збутъ, одолѣвъ отца, заноситъ на него ножъ, и тутъ-то Илья узнаетъ свой перстень. Взмолился старый къ Господу и осилилъ врага. По разспросамъ онъ убѣждается, что это его сынъ отъ «той лютой Златогорки сильной». Въ другомъ мѣстѣ Златыгорка, что напоминаетъ бабу Латыгорку, встрѣчающуюся въ другихъ былинахъ. Латыгорка объясняли отъ Латырь-гора; какая форма древнѣе, трудно сказать. Илья называетъ Сокольника сыномъ любимымъ и говоритъ таковы слова: «Гуляй, дитятко, по чисту полю, не проливай крови безвинныя, не губи силу напрасную; поѣзжай ко синю морю, поклонись отъ меня своей матушкѣ». У Кирилы Данилова Илья совѣстится признаться сыну и онъ ограничивается тѣмъ, что посылаетъ поклонъ. Этотъ стыдъ приличествуетъ Ильѣ, но и мѣстѣ сто, которое мы привели, имѣетъ свои достоинства. Козарскій богатырь приходитъ въ бѣшенство, узнавъ, что онъ незаконный сынъ Муромскаго крестьянина. Онъ ѣдетъ къ синю морю и подъѣхавъ къ палатамъ, немедленно кричитъ громкимъ голосомъ: «Ужъ ты гой еси злолихо, паляница преудалая, встрѣчай сына изъ чиста поля». Выбѣгала паляница преудалая, встрѣчала сына любимаго. Встрѣтимъ ее молодецъ острымъ копьемъ, пала паляница на сыру землю. Богатырь ѣдетъ къ шатру Ильи и нападаетъ на соннаго отца. Но его копье сокрушается о чуденъ крестъ, а разъяренный Муромецъ вскакиваетъ, съ просонковъ подбрасываетъ сына подъ облако и разбиваетъ его на куски. По нашему варіанту королевичъ является такимъ образомъ матереубійцею; другія былины молчатъ объ судьбѣ паляницы, только у часто поминаемаго Кирилы намекается, что она послѣдовала за сыномъ въ чистое поле, желая, вѣроятно, предовратить отцеубійство и погибла отъ руки Добрыни (сравни былину о Добрынѣ Рязанцѣ). Но Кирила уже самъ не понималъ, что рѣчь идетъ о матери Збута, почему его разсказъ и вышелъ слишкомъ блѣденъ. Такъ

или иначе, но эпосъ долженъ былъ похоронить и мать героя: иначе не было бы надлежащей законченности.

Этотъ страшно трагическій разсказъ встрѣчается чуть не у всѣхъ народовъ, но убійство сына отцемъ происходитъ всегда по ошибкѣ и въ этомъ-то и заключается трагизмъ событія. Вѣроятно и наши древнѣйшія преданія объясняли дѣло такъ же, но Кіевскій эпосъ отнесся къ нему уже съ другой—религіозной точки зрѣнія. По общему строю нашихъ былинъ, изъ незаконной связи великаго, и чуть ли не святаго, богатыря съ языческой героиней и не могло выдти ничего хорошаго. Похожденія, которыя проходятъ царемъ Добрынѣ и другимъ богатырямъ, не могли пройти даромъ для первенствующаго героя и страшная кара, ниспосланная Ильѣ, необходима для примиренія эпоса съ его личностью.

Слѣдующая былина представляетъ варіантъ пѣсни о битвѣ богатырей съ царемъ Мамаемъ. Варіантъ впрочемъ весьма самостоятельный и очень изящный. Царь Мамай приходитъ подъ Кіевъ и посылаетъ своего зяти, царя Василія: этотъ герой по настоящему долженъ являться только въ пѣсняхъ о Соломонѣ и пожалуй о Михайлѣ Потынѣ. Мамай приказываетъ зятю писать письмо Владиміру, да не простое: «Заголовье печатай краснымъ золотомъ, посередкѣ частымъ серебромъ, а ужъ мы подпишемъ, высадимъ скатнымъ жемчугомъ, по угламъ посадимъ по камню самоцвѣтному». Съ такимъ письмомъ Василій отправляется въ Кіевъ. Владиміръ не знаетъ, что дѣлать. Какъ водится пріѣзжаетъ Илья и проситъ отстрочки. Посолъ послѣ долгихъ отказовъ соглашается и за это его дарятъ соболями и золотыми блюдами. Илья посылаетъ Потаню хроменькаго (упоминается и въ предыдущей былинѣ: этотъ герой собственно принадлежитъ къ Новгородскому кругу) сзывать богатырей. Они перечислены по имени и почти тѣ же, что въ былинѣ о Збутѣ. Замѣтимъ, что въ числѣ ихъ упомянутъ Михайло Игнатьевичъ съ племянникомъ. Это, какъ видно, братъ Данилы Игнатьевича, пошедшаго въ монахи; о сынѣ его, Михайлушкѣ Даниловичѣ, есть особая былина. Эти два богатыря Данило и Михайло суть, какъ мы уже имѣли случай показать, одно лицо съ мужиками Залѣшанами: Михайло въ другихъ варіантахъ обыкновенно называется Никитой. Въ нашей былинѣ упомянуты кромѣ того новые богатыри: два брата Шапы Иванычи и два брата Суздальцы. Изъ Шаповъ извѣстенъ по другимъ варіантамъ только Давидъ Шапъ, по прозвищу Поповъ, соперникъ Соловья Будимировича. Суздальцы являются первый разъ, если не считать довольно загадочнаго Суровца Суздальца у Кирши. Богатыри говорятъ, что они рады стоять за Кіевъ, только изволь, Владиміръ, выставить въ чистое поле по сороку бочекъ хлѣба бѣлаго и чернаго и зелена вина, чтобъ было богатырямъ чѣмъ утѣшиться по пріѣздѣ съ побоища. Но они принимаются утѣшаться и раньше. Наконецъ Илья начинаетъ думать, кого бы послать осмотрѣть татарскую силу. Послать не кого: Самсонъ Колуванъ силенъ, да не поворотливъ, Дунай задоренъ; остальнымъ не сдѣлать этого дѣла; надо ѣхать самому. Касательно этого Самсона Колувана или Колыванова слѣдуетъ сдѣлать одно замѣчаніе. Въ нашей послѣдней статьѣ о былинахъ (въ 9 и 10 книгахъ «Русскаго Вѣстника» за нынѣшній годъ) мы, говоря о богатырѣ Самсонѣ, объясняемъ его имя библейскимъ заимствованіемъ, а отчество Колывановичъ сочли остаткомъ древнѣйшаго имени этого исполина. Но недавно Ѳ. А. Гиляровъ указалъ намъ мѣсто въ 4 й Новгородской лѣтописи, гдѣ упомянуто о Самсонѣ Колывановѣ. Оказывается, что это былъ Новгородецъ, ходившій въ XV-мъ вѣкѣ на Югру и погибшій со всею дружиной, изъ чего выходитъ, что ни въ имени Самсона нельзя искать чего нибудь библейскаго, ни въ имени Колывана чего нибудь древняго или тѣмъ болѣе миѳическаго. Самсонъ Колывановъ есть позднѣйшій герой, котораго въ послѣдствіи перенесли въ Кіевскій кругъ, подобно многимъ другимъ богатырямъ. Возвращаемся къ разсказу. Илья является въ станъ Мамая переодѣтый калѣкою. Мамай по обыкновенію разспрашиваетъ его про Илью Муромца, что Илья описываетъ весьма скромными чертами. Мамай смѣется: что же это за богатырь? вотъ у меня Рославичъ Рославичевичъ ѣстъ по быку за разъ. Такимъ образомъ Идолище поганое другихъ былинъ получаетъ собственное имя хотя и не древнѣе (Еруслант). Илья разсказываетъ извѣстную притчу о прожорливой собакѣ. Дѣло кончается дракой: Илья убиваетъ Мамая и его зятя, вскакиваетъ на коня и начинаетъ расправляться. Слѣдуетъ превосходное мѣсто:

«И добрался до свого добра коня,
Скоро старый на коня вскочилъ:
И смутилась у старого очи ясныя,
Разгорѣлось у старого ретивое сердце.
Не увидѣлъ, старый, свѣту бѣлаго,
Не узналъ тутъ, старый, ночи темныя.
Расходились у его плечи могучія,

Размахнулись у его руки бѣлыя:
Зазвенѣла его палица боевая
И зачивкала то сабля его вострая,
Затрубилъ тутъ старый да во турій рогъ.
И наѣхали удалы, добры молодцы,
Тѣ же во поли быки кормлёные,
Тѣ же сильные могучіе богатыри....»

Остальное понятно. Богатыри побили силу и ѣдутъ домой. Братьевъ Суздальцевъ оставили въ станѣ, чтобы было кому встрѣтить богатырей, но они не утерпѣли, приняли участіе въ битвѣ и послѣдними вышли изъ боя. Ѣдутъ они и похваляются: «Кабы была тутъ сила небесная, мы бы и съ ней справились». Только молвили, Татарская сила ожила и встала на ноги. Въ страхѣ они догоняютъ богатырей и каются. Тѣ возвращаются, но не могутъ ничего сдѣлать. Наконецъ Илья молится Богу: «Ты прости насъ во первой винѣ, за тѣ слова глупыя, за тѣхъ братьевъ Суздальцевъ». Сила падаетъ опять на землю, а богатыри поѣхали молиться къ печерамъ Кіевскимъ и тутъ всѣ переставились. Былина эта переходитъ, такимъ образомъ, въ былину о гибели русскихъ богатырей, но развязка всетаки смягчена. Герои умираютъ за свою вину, но по крайней мѣрѣ умираютъ по христіански: не каменѣютъ въ полѣ, какъ по другимъ варіантамъ.

Былина о гибели богатырей образовалась главнымъ образомъ на основаніи преданія о битвѣ накалкѣ, гдѣ по словамъ многихъ лѣтописей погибли всѣ богатыри и погибли именно за гордость. Эта битва на первыхъ порахъ прошла безслѣдно для русской земли, ибо Татары вернулись домой, но богатырство окончилось. Братья Суздальцы, изъ за которыхъ вышла бѣда, по древнѣйшимъ преданіямъ не были съ Александромъ Поповичемъ и Добрыней Рязанцемъ, которые, по увѣренію лѣтописей, пришли въ Кіевъ изъ Суздальщины и считались сильнѣйшими между богатырями.

Третья былина о Дюкѣ не изъ лучшихъ, но представляетъ крайне странную вещь. При описаніи Дюкова двора говорится, что тамъ три церкви: первая Спасу, другая Богородицѣ, третья его Дюковой родной матушкѣ. Изъ этого грубо двоевѣрческаго мѣста слѣдуетъ, что матушка Дюка Степановича есть какъ бы богиня, да ниже она и изображена съ божественными примѣтами: солнце во лбу и на затылкѣ мѣсяцъ. Выходитъ, что пѣсни о Дюкѣ не столь поздняго сложенія, какъ это обыкновенно думали, и что въ первоначальныхъ былинахъ его неслыханное богатство объясняли очень просто тѣмъ, что это богъ, являющійся въ кругу смертныхъ. Напротивъ того теперешняя редакція этихъ пѣсней конечно относится къ тому времени, когда уже стали проступать сословныя различія, то есть къ довольно поздней эпохѣ. Мезенская былина сохранила и другую любопытную черту. Во всѣхъ варіантахъ Дюкъ, превосходя другихъ богатырей, вовсе приниженъ передъ Ильей; здѣсь же этого нѣтъ. Дюкъ вмѣстѣ съ Ильей, Добрыней и Алешей отправляется скакать черезъ Нѣпру-рѣку. Этотъ скачекъ удается только Дюку: всѣ остальные богатыри погибаютъ. Замѣтимъ, что вслѣдствіе божественнаго происхожденія героя самое хвастовство его дѣлается понятнѣе, а то если видѣть въ немъ только Галицкаго боярина, то невольно приходится удивляться сочувствію, которое обнаруживаютъ былины къ этому привередливому щеголю.

Четвертая былина говоритъ о сорока каликахъ и ихъ атаманѣ Михаилѣ Потыкѣ. Она озаглавлена «Еленинскій стихъ»; въ текстѣ же былины говорится, что калики поютъ Владиміру Еленскій стихъ (Елминскій?).. Отъ пѣнья князь чуть живъ сидитъ въ повозкѣ; увалился Алешенька извощичекъ, увалился Добрынюшка запятничекъ. Разсказъ очень полный: особенно подробно описываются искушенія, которымъ подвергала Потыка княгиня Опраксія и хитрость, употребленная ею съ цѣлью погубить героя. Чара Владиміра названа братиной.

По краткости времени мы не могли ознакомиться съ остальными матеріалами, какъ они того заслуживаютъ. Но уже и теперь считаемъ себя вправѣ заявить, что собраніе заклинаній, по необыкновенной полнотѣ и разнообразію, а также и по замѣчательной свѣжести языка, составитъ драгоцѣнное пріобрѣтеніе для науки. Равнымъ образомъ и въ остальныхъ частяхъ сборника найдутся цѣнныя вещи. Весь сборникъ заслуживаетъ напечатанія; былины же всего болѣе.

Н. Квашнинъ-Самаринъ.

II. СТАРИНЫ ИЛИ БЫЛИНЫ.

1. СТАРИНА ПРО ДОБРЫНЮ НИКИТИЧА И ИЛЬЮ МУРОМЦА *).

Жилъ, былъ торговый гость
Никитушка Романовичъ.
Живучись-то Никитушка приставился.
Оставалась у Никиты любимá семья,—
Любимá семья, молодá жена,
Еще оставалось чадо милое,—
Еще милое чадышко, любимое,
На имя Добрынюшка Никитичъ.
Сталъ-то Добрынюшка на возрастѣ,
Какъ ясной соколъ на возлётѣ.
Изучилъ Добрынюшка боротися,
Изучился онъ съ крутой,—съ поскá спущати.
Прошла про него слава великая
По всѣмъ землямъ, по всѣмъ украинамъ.
Дошла эта слава до славнаго города до Мурома,—
До старé козакá до Ильи до Муромца.
Собирался Осударь нашъ Илья Муромецъ
На ту на славу на великую;
Поѣхалъ Илья ко славному городу ко Рязани.
Ѣдетъ Осударь Илья Муромецъ ко славному городу,
ко Рязани.
Самъ своимъ умомъ размышляетъ:
Досель Рязань—городъ слободой слыла,
Нонiче Рязань слыветъ городомъ.
Заѣхалъ Илья Муромецъ
Во славный городъ во Рязань.
Ѣдетъ Осударь по Рязани
Спрашиваетъ у малыхъ ребяточекъ:
«Скажите про Добрынинъ про широкiй дворъ».
Доводили тутъ мáлы ребяточки
До Добрынина широка двора.
Сидитъ Осударь на добромъ конѣ,
Кричитъ-то Осударь зычнымъ голосомъ.
Сыра-то земля потрясалася,
Съ боку на бокъ палата сколыбалася.
Отпирала Добрынюшкина матушка
Окошечка немножечко;
Говорила съ Осударемъ потихошеньку:
«Ужъ ты здравствуй, старый козакъ Илья Муромецъ!»
Говоритъ Осударъ Илья Муромецъ:
«Ужъ ты какъ меня знаешь, именемъ зовешь».
Говоритъ вдова благочестивая:
«Я была у васъ въ Муромѣ,
«Я видала тебя изъ молодечества.
«Еще знать молодца по поступкѣ,
«Еще знать сокола по полёту».
Говоритъ: «добро жаловать ко мнѣ
Хлѣба-соли ѣсть».
Говоритъ Осударь Илья Муромецъ:
«У тея гдѣ чадо милое?»
Говоритъ вдова благочестивая:
«Уѣхалъ у меня чадо милое
«На тё ли на тихи вешни заводи
«Стрѣлять гусей и сѣрыхъ уточекъ.
И пернастыхъ малыхъ утятокъ".
Немного богатырь наговорилъ
Поѣхалъ изъ города, выѣхалъ на шóломя окáтисто.
Смотритъ Осударь Илья Муромецъ, —
Смотритъ по чисту полю.
Завидѣлъ во чистомъ полѣ
Богáтырь потѣшается:
Высоко онъ мечетъ палицу по подсебесью,
На бѣлиньки ручьки подхватываетъ.
Поѣхалъ Осударь Илья Муромецъ,
Пріѣхалъ ко Добрынюшкѣ Никитичу.
Кричитъ-то зычитъ крычнымъ голосомъ:
«Тебѣ полно богáтырь потѣшатися
«Намъ пора съ тобой потягатися!

*) Первыя шесть старинъ записаны св. Вл. Розановымъ на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря, въ с. Зимней Золотицѣ. Поются онѣ протяжно, всѣ на одинъ голосъ.

Снимаетъ Добрынюшка со правà плеча ясна сокола
Посылаетъ ко матери ко родимыя:
Скажитко ясный соколъ: «наѣхалъ на меня богàтырь».
Разъѣхались богàтыри по чисту полю
Съѣхались богàтыри въ одно мѣсто,
Ударились палицами тяжелыми:
Они другъ друга не ранили.
Разъѣхались братаны во второй наконъ;
Ударились сабельками вострыми:
Сабли у нихъ пощербалися, —
Другъ друга богàтыри не ранили.
Разъѣхались братаны во третьей наконъ,
Копьями они ударились; —
Другъ друга богàтыри не ранили.
Скакали черезъ гривы лошадиныя,
Брали за ременье за подбрудное,
По колѣнъ-то въ сыру землю втоптался.
По Добрынюшкину было по счастьицу
У Осударя права ножка подвернулася, —
Лѣва ручька оскользнулася.
Мастеръ былъ Добрынюшка боротися,
Сшибъ Осударя Илью Муромца на сыру землю,
Сѣлъ Осударю на бѣлы груди.
Вымаетъ изъ цынгалища булатенъ ножъ.
Самъ сидитъ-то Добрыня приразумался:
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
«Ты коего города, коей земли?
«Какъ тя мòлодца именѣмъ зовутъ»?
Говоритъ Осударь Илья Муромецъ:
«Кабы былъ я у тя на бѣлыхъ грудяхъ,
«Не спросилъ я у тя ни про родину,
«Спороль бы у тебя бѣлы груди».
Спрашиваетъ Добрыня во второй наконъ.
Говоритъ Осударь Илья Муромецъ.
«Кабы сидѣлъ я у тя на бѣлыхъ грудяхъ,
«Спороль бы я у тебя бѣлы груди,
Посмотрѣлъ бы у тебя рѣтивà сердца».
Говоритъ Добрыня во третей наконъ!
«Ты коегò города, коей земли?
«Тебя, какъ мòлодца именѣмъ зовутъ»?
Говоритъ Осударь Илья Муромецъ:
«Я изъ славнаго города изъ Мурома,
«Старый козакъ, Илья Муромецъ».
Соскачетъ Добрыня со бѣлыхъ грудей,
Беретъ его за ручку за правую,
Подымаетъ Осударя на рѣзвы ноги,
Падатъ Осударю во рѣзвы ноги:
«Прости меня въ таковой винѣ»!
Говоритъ Осударь Илья Муромецъ:
«Тебя Богъ простилъ, Добрынюшка Никитичъ,
Ужъ тутъ братаны побратались,
Побратались, покрестовались:
«Ты будь Добрынюшка малый братъ.
А я Осударь, старшій братъ».
Поѣхали они ко родимой матушкѣ Добрыниной.
Въѣхали въ городъ во Рязань
Ко тому ко Добрынюшкѣ на широкой дворъ.
Встрѣчаетъ ихъ вдова благочестивая,
Встрѣчаетъ со чести, со радости.
Тутъ Добрыня сталъ пиръ пировать.

II. СТАРИНА ПРО ВЛАДИМІРОВУ СВАДЬБУ.

Заводился у Владиміра почестенъ пиръ.
Всѣ на пиру пьяны, веселы, —
Всѣ на пиру напивалися,
Ужъ какъ всѣ на пиру наѣдалися.
Ужъ какъ всѣ на пиру приразхвастались:
Иной-то хвастаетъ широкимъ дворомъ,
Иной-то хвастаетъ золотой казной,
Иной хвастаетъ добрымъ конемъ,
Глупой-то хвастаетъ молодой женой,
А неразумной похваляется родной сестрой.
Ходитъ Владиміръ по палатѣ бѣлокаменной,
Бѣлыми руками приразмахиваетъ;
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
«Всѣ у меня въ городѣ поженены,
«Всѣ красны дѣвицы исподаваны.
«Одинъ-то я Владиміръ холостъ хожу,
«Холостъ хожу, — не женатъ слыву;
«Не знаетъ ли кто мнѣ обручницы, —
«Обручницы мнѣ-ка сопротивницы,
«Чтобы возрастомъ не мала, умомъ, сверстна,
«Бѣлое лицо будто бѣлый снѣгъ,
«Ягодницы, будьто маковъ цвѣтъ,
«А ясны очи, какъ у сокола,
«Черны-то брови, какъ у соболя,
«Чтобы было кому поклонитися»?
Спрашиваетъ Владиміръ во второй наконъ:
«Не знаете ли мнѣ-ка обручницы,
Обручницы мнѣ-ка сопротивницы

«Чтобы возрастомъ не мала, умомъ сверстна».
Изъ за того стола изъ за окольнаго
Изъ за той изъ за скамьи бѣлодубовой
Выходитъ дородній добрый молодецъ
На имя Добрынюшка Никитичъ нашъ;
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
«Благослови—тко се Владиміръ слово молвити,
«Не могитко се меня за слово скоро сказнити,
«Ужъ я знаю тебѣ обручницу,
«Обручницу, знаю сопротивницу.
«Она возрастомъ не мала, — умомъ сверстна;
«Бѣло лицо будто бѣлый снѣгъ,
«Ягодницы будьто маковъ цвѣтъ,
«А ясны-то очи, какъ у сокола,
«Черны-то брови, какъ у соболя.
«Ужъ я самъ не видалъ, такъ отъ людей слыхалъ.
«Ужъ я слышалъ отъ брата названаго, —
«Отъ названаго — отъ крестоваго —
«Отъ сильнаго Дунаюшка Иванова.
«Сидитъ-то Дунай въ темномъ погребѣ.
Сидитъ-то Дунай ровно три года».
«Бери-тко Добрынюшка золоты ключи,
«Отмыкай-ко темны погребы,
«Выпущай-ко Дунаюшка на бѣлый свѣтъ?
«У меня, право, Дунай въ забытьи пришелъ».
Ужъ беретъ-то Добрыня золоты ключи,
Отмыкаетъ Добрыня темны погребы.
Сидитъ-то Дунай въ темномъ погребѣ.
Читаетъ книгу Дунай Ивановичъ.
Самъ сидючись, прирасплакался:
«На что я Владиміру понадобился,
«Или хочетъ сказнить меня, вѣсити?»
Говоритъ-то Добрынюшка Никитичъ:
«Добро жаловать ко Владиміру на почестень пиръ,
«На почестенъ хлѣба соли ѣсть,—
«Хлѣба соли ѣсть, пива меду пить».
Выходитъ Дунаюшко Ивановичъ,—
Выходитъ изъ темна погреба;
Идутъ-то Дунай въ палаты бѣлокаменны,—
Идутъ на почесенъ пиръ съ Добрынюшкой Никитичемъ.
Идутъ во гридню княженецкую.
Зашелъ-то Дунай въ гридню княженецкую.
Онъ крестъ-то кладетъ по писаному,
Поклонъ-то ведетъ по ученому:—
Бьетъ-то челомъ князю Владиміру,
Всѣмъ русскимъ богатырямъ по обычаю.
«Садись-ко Дунаюшко за дубовой столъ—
«За дубовой столъ хлѣба соли ѣсть?»
Садили Дуная во больше мѣсто—
Во больше мѣсто во большой уголъ.
Наливали чару зелена вина,—
Зелена вина полтора ведра;
Другу наливали пива пьянаго,—
Пива пьянаго полтора ведра.
Принимаетъ вино Дунаюшко единой рукой,
Выпиваетъ Дунаюшко единымъ духомъ,
Запиваетъ Дунай пивомъ пьянымъ.
Хмѣлина у Дуная въ головѣ появилася.
Говоритъ-то Володиміръ стольно-кіевскій:
«Ужъ ты гой еси Дунаюшко Ивановичъ!
«Не слыхалъ-ли ты мнѣ-ка обручницы,
«Обручницы мнѣ сопротивницы,
«Чтобы возрастомъ не мала, умомъ сверстна,
«Бѣло-то лице, какъ бѣлый снѣгъ,
«Ягодницы-то будто маковъ цвѣтъ,
«Ясны-то очи, какъ у сокола,
«Черны-то брови, какъ у соболя,
«Чтобы было кому поклонитися?»
Говоритъ-то Дунаюшко Ивановичъ:
«Ужъ я знаю тебѣ обручницу,—
«Знаю тебѣ сопротивницу;
«Есть у короля Задонскаго
«Есть у короля двѣ дочери.
«Перва дочь Настасья королевишна.
«Настасья королевишна не тебѣ верста.
«Ѣздитъ во чисто поле—полякуетъ,
«Слыветъ палицицей преудалою.
«А есть Опраксея королевишна.
«Сидитъ Опраксея въ новой горницѣ,
«Чтобы буйны вѣтры не завѣяли,
«Чтобы лишни-то люди не зазрили.
Говоритъ-то Владиміръ стольно-кіевскій:
«Ты гой еси Дунаюшко Ивановичъ!
«Ты бери силы, сколько надобно,
«Ты бери казны, сколько надобно»?
Говоритъ-то Дунаюшко Ивановичъ:
«Мнѣ не надо твоя сила великая,
«Мнѣ не надо твоя золота казна;
«Ужъ я съ силой-то пойду не воевать стану; —
«Казной твоей не торговать стану.
«Ужь я силой возьму богатырскою,

А грозою возьму княженецкою.
«Только дай мнѣ-ка два брателки названныя; —
«Два названыя крестовыя:
«Во-первыхъ-то Добрынюшку Никитича,
«Во-вторыхъ Олешеньку Поповича».
Говоритъ-то Владиміръ стольно кіевскій:
«Беритко Дунай что тѣ надобно».
Сбирается Дунай, со братьями крестовыми».
Пошли да братаны на конюшенъ дворъ;
Берутъ-то коней своихъ добрыихъ;
Уздаютъ во уздицы во тесмянныя;
Сѣдлаютъ во сѣделечка Черкасскія; —
Сбираются богатыри, сряжаются.
Провождаетъ Владиміръ стольно-кіевскій
Провожаетъ со чести со радости.
Поѣхали братаны во чисто поле.
Во чистомъ полѣ курева стоитъ.
Ѣдутъ ко царству ко Задонскому.
Къ тому королю ко Задонскому, —
Заѣзжаютъ въ королевство Задонское,
Въѣзжаютъ къ королю на широкій дворъ.
Они мечутъ коней на широкомъ дворѣ, —
Непривязанныхъ мечутъ, неприказанныхъ, —
Не разнузданныхъ, не разсѣдланныхъ.
Говоритъ-то Дунаюшко Ивановичъ:
«Ужъ ты брателко Олешенька Поповичъ,
«Останься-ко Олешенька на широкомъ дворѣ
«Сѣки-ко ты Татаръ стараго и малаго,
«Не покидай ни единаго на сѣмена».
Пошли со Добрыней со Никитичемъ,
Пошли на новы сѣни.
Оставляетъ Добрынюшку Никитича,
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
«Съ боку на бокъ палата сколебается.
«Сѣкитко стараго и малаго,
«Не оставляй ни единаго на сѣмена».
Пошелъ-то Дунаюшко Ивановичъ;
Зашелъ въ палату королевскую;
Кланяется чуднымъ образамъ;
Онъ крестъ-отъ кладетъ по писанному,
Поклонъ-отъ ведетъ поученому,
Челомъ бьетъ королю Задонскому:
«Здравствуй король земли Задонскія»!
—«Здравствуй Дунаюшко Ивановичъ!
«Ты за чѣмъ ко мнѣ пріѣхалъ,
«Жить — служить по старому»?

Говоритъ-то Дунаюшко Ивановичъ:
«Я пріѣхалъ жить къ тебѣ не по старому —
«Не по старому — не по прежнему, —
«Я пріѣхалъ къ тебѣ сватомъ свататься,
«Что на той Опраксеѣ королевишнѣ —
«Да на той же на Настасьѣ Королевишнѣ».
Говоритъ-то король земли Задонскія:
«Кабы была Настасья Королевишна,
«На долонь бы посадила, другой сжала
«Межь долонями мокро стало».
Лишё тутъ-то Дунаю за бѣду пало,
Горяча́ кровь раскипѣлася—
Лѣпота въ лицѣ пермѣнилася.
Хватилъ татарина онъ за ноги,
Сталъ татариномъ помахивать;
Прибилъ всѣхъ пановей улановей —
Всѣхъ поганыхъ татаровей.
Вышелъ Дунай на новы сѣни,
На новыхъ сѣняхъ всѣ мертвы лежатъ.
Пошелъ-то Дунай во высокъ теремъ.
Свернулъ Дунай 12 замочиковъ висучіихъ;
Онъ прибилъ тутъ всѣхъ крѣпкихъ сторожевъ.
Зашелъ-то въ горницу высокую
Ко той Опраксеѣ Королевишнѣ.
Сидитъ Опраксея Королевишна
Вышиваетъ ширинку красна золота.
Встала Опраксея на рѣзвы ноги;
Беретъ-то Дунай за праву руку
Опраксею Королевишну;
Повелъ-то Дунаюшка Ивановичъ.
Идетъ-то Опраксея Королевишна
Идетъ по новымъ сѣнямъ.
Тутъ Опраксея прирасплакалась.
«Ты умѣлъ меня батюшка вспоить вскормить.
«Не умѣлъ меня батюшко замужъ отдать.
Отдаешь ты меня не съ чести, не съ радости,—
Не съ чести, не съ радости, — съ кровопролитьица.

Выходитъ король земли Задонскія,
Зоветъ онъ Дунаюшка Иванова.
«Добро жаловать Дунаюшко Ивановичъ,
«Хлѣба соли ѣсть, вина съ медомъ пить».
Говоритъ Дунаюшко Ивановичъ:
«На пріѣздѣ гостя не учествовалъ,
«На отъѣздѣ гостя не уподчивать»;
Подходитъ Дунай ко добрымъ коннмъ.

Садился Дунай на добра коня,
Опраксеюшку садилъ позади себя.
Поѣхали Дунаюшка Ивановичъ,
Поѣхали вонъ изъ города.
Ѣдутъ Дунай по чисту полю,
Наѣхали, Дунай ископыть глубокую.
Говоритъ-то Дунаюшко Ивановичъ:
«Ты братецъ Добрынюшка Никитичъ,
«Бери-тко Опраксею Королевишну —
«Бери-ткось на добра коня.
«Я поѣду по ископыти глубокія».
Отдаватъ Добрынюшкѣ Никитичу,
Говоритъ: «поѣзжай-ко Добрынюшка Никитичъ
«Поѣзжай во красенъ Кіевъ градъ
«Со той съ Опраксеей Королевишной.
«Я поѣду по ископыти глубокія».
Еще тутъ братаны разъѣхались.
Наѣхалъ Дунаюшко паляницу преудалую
Разъѣхались съ паляницей преудалою.
Какъ ударилъ копьемъ Бусорменскіимъ,—
Вышибъ паляницу преудалую—
Пала паляница на сыру землю,—
Приступилъ-то копытомъ его добрый конь.
Беретъ паляницу за бѣлы руки,
Садитъ паляницу на добра коня.
Поѣхалъ Дунаюшко Ивановичъ.
Наѣхалъ Добрынюшку Никитича.
Ѣдутъ ко городу ко Кіеву.
Заѣзжаютъ въ Кіевъ скорошенько.
Встрѣчаютъ ихъ во Кіевѣ,—
Встрѣчаютъ со чести, со радости:
Встрѣчаетъ Владиміръ стольно-кіевскій.
Повелось пированьице—почестенъ пиръ.
Пировали,—столовали по первой день
И законъ Божій приняли,—
Тутъ Дунаюшко обручился
Съ той Настасьей Королевишной.

III. СТАРИНА ПРО ИВАНУШКО ГОДЕНОВА.

Заводился у Владиміра почестенъ пиръ.
Всѣ на пиру пьяны—веселы.
Всѣ на пиру прирасхвастались:
Иной-то хвастаетъ золотой казной,
Другой хвастаетъ широкимъ дворомъ,
Новой хвастаетъ добрымъ конемъ,
Новой хвастаетъ сбруей лошадиною.
Владиміръ ходитъ по гридиѣ княженецкія,
Бѣлыми руками приразмахиваетъ
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
«Ужъ что же ты Иванушко не пьешь,—не ѣшь.
«Не пьешь ты не ѣшь—не кушаешь»?
Выходитъ Иванушко Годеновичъ
Изъ того изъ за стола дубоваго
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
«Бласлови-тко-се мнѣ Владиміръ женитися»?
Говоритъ Владиміръ стольно-кіевскій:
«Тебя Богъ бласловитъ Иванъ женитися,
«Хошь ты въ Кіевѣ женись, хошь въ Черниговѣ,
«Хошь у князя женись, хошь у боярина».
Говоритъ-то Иванушко Годеновичъ:
«Не хочу я женитися во Кіевѣ,
«Не хочу я женитися во Черниговѣ.
«Только дай мнѣ ка благословеньице—великое.
«Есть у короля Ляховинскаго,
«Есть Овдотья—лебедь бѣлая.
«Сидитъ-то Овдотья въ новой горницѣ,
«Чтобы буйны вѣтры не завѣяли,
«Чтобы лишни-то люди не зазрили,
«Бласлови мнѣ-ка туда ѣхати»?
«Богъ бласловитъ Иванушко женитися,
«Бери ты силы, сколько надобно
«Бери ты золотой казны, сколько надобно».
Говоритъ Иванушко Годеновичъ:
«Ужъ я съ силой пойду, не воевать стану,
«Съ золотой казной, не торговать стану;
«Ужъ я силой своей возьму богатырскою
«А грозой возьму княженецкою».
Пошелъ-то Иванушко Годеновичъ,
Пошелъ-то Иванъ на широкой дворъ.
Онъ беретъ коня,—лошадь добрую.
Поѣхалъ Иванушко изъ Кіева.
Провожаютъ Ивана съ чести, съ радости.
Поѣхалъ Иванушко по чисту полю
Ѣдетъ Иванъ по чисту полю.
Пріѣзжаетъ къ царству Ляховинскому,
Ко тому королю Ляховинскому.
Заѣзжаетъ Иванъ на широкій дворъ,
Онъ мечетъ коня на широкомъ дворѣ,—
Не приказана мечетъ, не привязана;—
Не разнуздана мечетъ, не разсѣдлана.

Пошелъ-то Иванушко Годеновичъ,
Зашелъ Иванъ во гридню княженицкую..
Крестомъ кладетъ по писаному,
Поклонъ-то ведетъ по ученому,—
Кланяется чуднымъ образамъ.
Бьетъ челомъ королю Ляховинскому:
«Ужъ ты здравствуй король земли Ляховинскія!
Отвѣчаетъ король земли Ляховинскія:
«Ужъ ты здравствуй Иванушко Годеновичъ!
«За чемъ Иванушко пріѣхалъ,
«Или пріѣхалъ съ данью—съ пошлиной,
«Или пріѣхалъ посломъ пословать?»
Говоритъ-то Иванушко Годеновичъ.
«Я пріѣхалъ къ тебѣ не посломъ пословать,
«А пріѣхалъ сватомъ свататься,
«Что на душечкѣ Овдотьѣ лебедь бѣлыя».
Говоритъ король земли Ляховинскія:
«У меня, право, Овдотьюшка засватана,—
«У меня, право, запоручена
«За того короля Вахромеища».
Говоритъ-то Иванъ во второй наконъ:
«Отдай дочку за меня замужъ»
Говоритъ король земли Ляховинскія:
«У меня дочка просватана,—
«Просватана,—запоручена—
«Бѣлыя ручьки исподаваны,
«Злаченымъ перстнями не помѣнянось».
Говоритъ Иванъ во третей наконъ.
Говоритъ король земли Ляховинскія:
«У меня нельзя тебѣ Овдотьи взять.
«Сидитъ Овдотья въ новомъ теремѣ
«За тридевять замочками висучими,
«За тридевять сторожами крѣпкими».
Горяча кровь въ Иванѣ раскипѣлася,
Лѣпота въ лицѣ перемѣнилася;
Хватилъ онъ поганаго татарина,—
Татарина хватилъ за ноги.
Сталъ татариномъ помахивать:
Куда махнетъ, тамъ и улица
Отмахнетъ назадъ, переулочки
Прибилъ-то всѣхъ пановей улановей.
Пошелъ Иванъ на новы сѣни.
Сдернулъ Иванъ двѣнадцать замочиковъ,
Прибилъ-то двѣнадцать крѣпкихъ сторожевъ.
Зашелъ-то во высокъ теремъ
Ко той къ Овдотьѣ—лебедь бѣлыя

Сидитъ Овдотья въ новомъ теремѣ,—
Вышиваетъ Овдотья ширинку красна золота
Тому-то царишу—Вахрамеишу.
Скакала Овдотья на рѣзвы ноги,
Говорила Овдотья таковы рѣчи:
«Ужъ мнѣ ждать-то гостя,—не дождатися,
«Звать-то мнѣ гостя, не дозватися,
«Теперь ко мнѣ гость самъ пришелъ».
Беретъ-то Овдотью Иванушко за бѣлы руки
Цѣловалъ Овдотью во уста сахарные.
Повелъ-то Иванушко Годеновичъ,
Повелъ онъ изъ того терема высокаго;
Вывелъ Иванъ на новы сѣни.
На новыхъ-то сѣняхъ всѣ мертвы лежатъ.
Тутъ-то Овдотья прирасплакалась:
«Охти—хти мнѣ тошнешенько!
«Ты умѣлъ меня батюшко вспоить, вскормить,
«Не умѣлъ меня батюшко замужъ отдать».
Повелъ Иванъ на широкій дворъ.
Выходитъ король земли Ляховинскія:
«Добро жаловать Иванъ хлѣба соли ѣсть,
«Хлѣба соли ѣсть, чару съ медомъ пить!»
Говоритъ Иванушко Годеновичъ:
«На пріѣздѣ гостя не учествовалъ,
«На отъѣздѣ гостя не учествовать.
Садился Иванушко Годеновичъ,
Садился Иванъ на добра коня,
Овдотьюшку садилъ позади себя.
Поѣхалъ Иванъ изъ царства Ляховинскаго.
Ѣдетъ Иванъ по чисту полю.
Сустигала Ивана темная ночь.
Онъ разставилъ бѣлой шатеръ,—полотняный
Съ Овдотьюшкой легъ подъ бѣлой шатеръ.
Тотъ король земли Ляховинскія
Посылаетъ гонца скоро—на скорѣ.—
Къ королю Вахрамею земли поганыя:
«Что былъ-то Иванушко Годеновичъ
«Увезъ-то Овдотью—лебедь бѣлую»:
Господь ночь-то проноситъ,
Господь день даетъ:
Спитъ-то Иванъ во бѣломъ шатрѣ.
Немного тому времени миновалося
Наѣхалъ поганое идолище.
Кричитъ-то рычитъ звычнымъ голосомъ:
«Тебѣ полно богатырь спать—проклажатися,
«Пора намъ съ тобой поборотися!»

Встаетъ-то Иванушко Годеновичъ.
Выходитъ Иванъ изъ бѣла шатра;
Умывается Иванушко свѣжой водой;
Утирается тонкимъ полотенышкомъ;
Онъ молится Спасу пречистому
Матери Божьей—Богородицѣ.
Садился Иванъ на добра коня.
Разъѣхались богатыри по чисту полю;
Ударились палицами тяжелыми.
У нихъ палицы поломалися,
Они другъ друга богатыри не ранили.
Разъѣхались богатыри во второй наконъ,
Ударились сабельками вострыми
У нихъ сабельки пощербалися,—
Они другъ друга богатыри не ранили.
Разъѣхались богатыри во третей наконъ,
Ударились копьицами вострыми,
У нихъ копьица по яблокамъ ломалися,-
Другъ друга богатыри не ранили.
Скакали черезъ гривы лошадиныя,
Брали за ременье, за подбрудное.
По колѣнъ въ сыру землю втоптался.
По Иванушкову было по счастьицу,
По Иванушковой по участи:
Какъ у татарина ножка подвернулася,
Права ручка окользнулася.
Спибъ какъ Иванушко Годеновичъ,—
Спибъ татарища поганаго,—
Спибъ царища на сыру землю.
Сѣлъ-то царищу на черны груди.
Забылъ-то Иванушко Годеновичъ свой булатенъ ножъ,
Забылъ свой булатенъ ножъ во бѣломъ шатрѣ.
Кричитъ-то зычитъ зычнымъ голосомъ:
«Ужъ ты душечка Овдотья,—лебедь бѣлая,
«Неси-тко ты мой булатенъ ножъ,
«Забылъ-то я свой булатенъ ножъ,
«Забылъ во бѣломъ шатрѣ»!
Бѣжитъ-то Овдотья—лебедь бѣлая
Несетъ Овдотья булатенъ ножъ.
Подошла Овдотья—лебедь бѣлая близехонько.
Говоритъ царище Вахромеище:
«Ужъ ты душечка, Овдотья—лебедь бѣлая
«Спехнитко Ивана со моихъ грудей
«За Иванушкомъ ты будешь жить служаночкой,
«За мной будешь царицею;
«Будутъ тѣ люди поклонятися».
Тутъ Овдотья призадумалась;
У бабы волосы долги, а умъ коротенькой.
Спехнула Иванушка Годенова.
Скакалъ-то царище Вахрамеище
Хочетъ у Иванушка спороть груди бѣлые
Говоритъ Овдотья—лебедь бѣлая:
«Ужъ ты гой-еси, царище Вахромеище!
«Ты опутай его въ опутыни шелковыя,
«Броси ты его подъ сырой дубъ».
Опуталъ Иванушка опутами шелковыми,
Бросилъ его подъ сырой дубъ.
Самъ легъ опочивъ держать
Со того со устатку со великаго.
Лишь тутъ-то спитъ царище Вахромеище
Темну ночиньку осеннюю.
Господь ночь проноситъ, Господь день даетъ.
Выходитъ Овдотья—лебедь бѣла
По утру ранымъ ранёшенько,
Увидала Овдотья: два голубя
Сидитъ надъ Иваномъ Годеновымъ,—
Не два голубя сидитъ: два Ангела.
Говоритъ-то Овдотья—лебедь бѣлая:
«Ужъ ты гой еси, царище Вахромеище!
«Ужъ ты выди-тко царище изъ бѣла шатра,
«Затяни-тко свой лукъ разрывистой,
«Подстрѣлико-се мнѣ-ка голубятинку.
«Захотѣлось мнѣ-ка голубятинки».
Выходитъ поганое царище Вахромеище,
Выходитъ изъ бѣла шатра.
Затягиваетъ свой лукъ разрывистой,
Кладетъ стрѣлочку каленую.
Спустилъ какъ свой лукъ разрывистой,
Полетѣла стрѣлочка каленая
Падала царищу въ груди черные,
Порола царищу груди черные.
Стоитъ-то Овдотьюшка,—лебедь бѣлая,
Стоитъ Овдотья приразду малась,
Тутъ-то Овдотья прирасплакалась:
«Охти мнѣ, ахти мнѣ тошнехонько!
«Отъ того бережку откачнулася
«Ко другому бережку не прикачнулася.
Еще слышитъ Иванушко Годеновичъ
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
«Ужъ ты душечка Овдотья — лебедь бѣлая,
«Ты распутай путни шелковыя,

«Опишите мой широкой дворъ;
«Накланяетесь вы служаночкамъ».
Тутъ поѣхалъ Михайлушко Петровичъ
Со Олешей со Поповичемъ.
Никто за Дюка не ручается.
Поручился за Дюка Илья Муромецъ.
Пріѣхали ко матушкѣ родимыя,
Заходятъ во палаты бѣлокаменны.
Идутъ-то Дюковы служаночки,—
«Здравствуй Дюкова матушка!»
Отвѣчаютъ Дюковы служаночки:
«Мы не Дюкова матушка,—
«Мы Дюковы служаночки».
Идутъ Дюковы портомойницы:
«Здравствуй Дюкова матушка!»
«Мы не Дюкова матушка,—
«Мы Дюковы портомойницы».
Идетъ-то Дюкова матушка:
«Здравствуйте русскіе богатыри!
«Гдѣ мое чадышко, Дюкъ Степановичъ?»
Отвѣчаютъ-то Михайлушко
Со Олешенькой Поповичемъ:
«Остался во городѣ во Кіевѣ.
«Хвастался Дюкъ широкимъ дворомъ,
«Хвастаетъ Дюкъ золотой казной,
«Хвастаетъ Дюкъ добрыми конями».
Говоритъ-то имъ матушка родимая:
«Опишите вы широкій дворъ».
Писали-то Михайлушко широкій дворъ
Что со тѣмъ Олешей Поповичемъ.
Не стало у нихъ чернилъ со бумагою.
Говоритъ-то имъ матушка родимая:
«Ужъ ты гой еси, Михайлушко Петровичъ!
«Свези Осударю Ильѣ Муромцу
«Сапожки ободочки
«Подъ пяты пяты, хоть яйцо кати,
«Подъ носки носки, воробей полѣти:
«То Дюковы ободочки».
Поѣхали Мухайлушко
Съ Олешенькой ко Кіеву.
Пріѣхали Михайлушко ко Владиміру.
Отвѣчаютъ они Владиміру:
«Не стало-то у насъ бумаги со чернилами,—
«Не могли описать широка двора;
«Не пустымъ дѣтина похваляется».
Отдаютъ сапожки Осударю Ильѣ Муромцу.
Тутъ Дюкъ съ Осударемъ познавалися,—
Познавалися, покрестовалися.

V. СТАРИНА ПРО ИЛЬЮ МУРОМЦА.

Перва поѣздка Ильи Муромца
Изъ славнаго изъ города изъ Мурома.
Клалъ-то онъ заповѣдь великую,—
Клалъ на палицу тяжелую:
До славнаго до города до Кіева
Не отковывать отъ стремени булатнаго,
Еще клалъ онъ заповѣдь великую
На сабельку на вострую:
Неотковывать отъ стремени булатнаго.
До славнаго города до Кіева.
Еще клалъ онъ заповѣдь великую
На копье бурсоменское:
Не отковывать отъ стремени булатнаго,
До славнаго города до Кіева.
Собирался Илья Муромецъ
Изъ города Мурома.
Зазвонили честну раннюю заутреню,—
Читали третью каѳизму воскресенскую.
Еще ѣдетъ Осударь по чисту полю,
Завидѣлъ подъ градомъ по Чиженцемъ:
Обступила кругомъ сила невѣрная.
Еще ѣдетъ Осударь Илья Муромецъ
Ко той силѣ да невѣрной;
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
«Прости меня Господь въ таковыхъ грѣхахъ:
«Что клалъ я заповѣдь великую
«На ту же сабельку на вострую».
Поѣхалъ Осударь Илья Муромецъ
Во туже силу да невѣрную,
Сѣкетъ онъ стараго и малаго,
Не покидаетъ ни единаго на сѣмена.
Присѣкъ-то всю силу невѣрную.
Выходятъ мужики изъ Чиженца,
Отпираютъ ворота, стѣны городовыя,
Выносятъ чашу красна золота,
Сами говорятъ таковы рѣчи:
«Уже ли намъ послалъ Господь Ангела,
«Не ужъ-то послалъ Архангела,
«Или русскаго могучаго богатыря»?
Говорятъ мужики города Чиженца:
«Земли русской сильный богатырь!
«Поди къ намъ, хоть царемъ служи,

«Хоть королемъ слыви,
«Бери злата, сколько тебѣ надобно».
Говоритъ Осударь Илья Муромецъ:
«Мнѣ не надо ваша золота казна
«Скажите про дорожку прямоѣзжую, —
«Куда ѣздятъ во красенъ Кіевъ градъ?
Говорятъ мужики города Чиженца:
«Прямоѣзжая дорожка, нечиста крѣпко;
«Есть три заставушки великія:
«Первая застава—грязи черныя,
«Втора заставушка дремучи лѣса,
«Третья заставушка есть рѣчинька, —
«Рѣчинька, Смородинка.
«У той рѣчиньки Смородинки
«Нѣтъ переспому лошадинаго, —
«Есть-то у рѣчинки каленый мостъ.
«У того же мосту у каленаго
«Сидитъ соловей на семи дубахъ,
«Ни конному, ни пѣшему проѣзду нѣтъ;
«Ни ясному соколу проѣзду нѣтъ.
«Окольной дорожкой ѣхать три года».
Поѣхалъ Осударь Илья Муромецъ
По той дорожкѣ прямоѣзжія.
Пріѣхалъ къ первой заставушкѣ—грязи черныя
Онъ лѣвой рукой коня ведетъ,
А правой рукой мостъ моститъ,
Проѣхалъ заставу — грязи черныя.
Пріѣхалъ къ заставѣ — дремучимъ лѣсамъ;
Онъ лѣвой рукой коня ведетъ,
А правой рукой дубы рветъ.
Пріѣхалъ ко третьей заставушкѣ—
Ко той рѣчкѣ Смородинкѣ
Ко тому мосту каленому:
Сидитъ Соловей на семи дубахъ.
Заревѣлъ Соловей по звѣриному,
Засвисталъ по соловьиному,
Подъ богатыремъ конь спотыкается,
Спотыкается конь, ужахается.
Ужъ какъ бьетъ Осударь добра коня—
Бьетъ по тучнымъ бедрамъ:
«Не слыхалъ ли ты крику богатырскаго,
«Не слыхалъ ли ты свисту соловьинаго?»
Затягиваетъ Осударь лукъ разрывистой,
Кладетъ стрѣлочку каленую.
Стрѣльнулъ стрѣлочкой каленою.
Пала стрѣлочка Соловью во правый глазъ;
Палъ Соловей со семи дубовъ,
Палъ Соловей на сыру землю.
Береть Осударь Илья Муромецъ.—
Береть-то его на добра коня.
Поѣхалъ Осударь Илья Муромецъ.
Случилось ѣхать мимо Соловьина гнѣздышко
Увидѣли Соловьины дѣточки:
Большa дочь говоритъ:
«Вотъ батюшко ѣдетъ, мужика везетъ».
Средня дочь говорила таковы рѣчи:
«Батюшко ѣдетъ мужика, везетъ
«На съѣденье малымъ дѣточкамъ».
Меньшá дочь говорила таковы рѣчи:
«Мужикъ-то ѣдетъ везетъ батюшка,
«Приковалъ онъ ко стремени булатному»
Большa дочь хватила подворотенку,
А середня хватила коромысельце,
Меньшá хватила помелышко.
Говоритъ Соловеюшко Рахмановичъ:
«Не гнѣвите-тко сердца богатырскаго,
«Насыпайте телѣги красна золота,
«Возите ко городу ко Кіеву,
«Выкупайте родимаго батюшка».
Поѣхали Осударь Илья Муромецъ
Ко славному ко городу ко Кіеву,
Заѣзжаетъ во городъ во Кіевъ.
Разъѣхался Осударь Илья Муромецъ
Ко тому ко князю ко Владиміру
На широкій дворъ.
Онъ мечетъ коня середи двора,
Оставляетъ Соловеюшка у стремени
У стремени булатнаго.
Пошелъ Илья Муромецъ
Во гридню княженецкую.
Крестомъ кладетъ по писаному,
Поклонъ-отъ ведетъ по ученому,
Кланяется чуднымъ образамъ,
Бьетъ челомъ князю Владиміру
И всѣмъ русскимъ могучимъ богатырямъ
И всѣмъ боярамъ по обычаю,
Понесли перву яству лебедь бѣлую,
Садили Осударя во больши мѣста,
Наливали чару зелена вина,—
Не малу чару полтора ведра;
Принимаетъ Осударь единой рукой
Выпиваетъ единымъ духомъ.

Хмѣлина въ головѣ появилася.
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
«Я ѣхалъ дорожкою прямоѣзжею,
«Очистилъ дорожку прямоѣзжую,
«Я привезъ Соловьюшка Рахманова».
Говоритъ-то ему князи бояри:
«Наѣхалъ мужикъ засельщина,
«Засельщина деревеньщина;
«Пустымъ-то мужикъ похваляется»,
Говоритъ-то Осударь Илья Муромецъ:
«Пойдемте на широкій дворъ».
«Пошли всѣ бояра на широкій дворъ;
Сидитъ Соловей у стремени булатнаго.
Говоритъ-то Владиміръ стольно-кіевскій:
«Засвисти Соловей по соловьищому»
Говоритъ Соловеюшко Рахмановичъ:
«Не твое я пью, кушаю, не тебя и слушаю».
Говоритъ Осударь Илья Муромецъ:
«Ужъ ты гой еси Соловеюшко Рахмановичъ!
«Засвисти Соловеюшко по соловьиному,
«Зареви Соловей по звѣриному»
Засвистѣлъ Соловей по соловьиному,
Заревѣлъ Соловей по звѣриному.
Съ боку на бокъ палата сколыбалася,
Ужахается Владиміръ стольно-кіевскій.
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
«Не могу я слышать свисту Соловьинаго»;
Подъ праву руку подхватывалъ
Добрынюшка Никитичъ,
Подъ лѣву Олешенька Поповичъ.
Всѣ-то князи бояра испопадали,
Отъ того свисту Соловьинаго,
Отъ того рѣву звѣринаго.
Говоритъ-то Владиміръ стольно-кіевскій
«Ты гой еси Осударь, Илья Муромецъ!
«Закличь Соловеюшка Рахманова»
Закликалъ Осударь Илья Муромецъ.
Натянули его цѣточки роженые
Натянули злата серебра,
Выкупать батюшку родимаго.
Беретъ Осударь Илья Муромецъ злата серебра.
Первую ношу кладетъ во Божью церковь,
Другую сиротамъ православнымъ,
Третью во красенъ Кіевъ градъ.
Выпущаетъ Соловеюшка Рахманова
Беретъ съ него роту великую:
«Не сидѣть то тебѣ на семи дубахъ».
Пошелъ Соловеюшко Рахмановичъ,
Пошелъ ко своему широку двору.
Остался Осударь Илья Муромецъ
Жить во городѣ во Кіевѣ.

VI. СТАРИНА ПРО ВАСИЛЬЯ ОКУЛЬЕВА.

Во Цареградѣ служилъ Соломонъ царь,
Въ Новѣградѣ служилъ прекрасный царь Василій Окуловичъ.
Не было на силу Самсона Колыбанова,
Не было на смѣтку Осударя Ильи Муромца.
На вѣжество Добрынюшки Никитича;
На ярость Олеши Поповича;
На золоту казну Дюка Степанова;
На богатство Садка купца богатаго;
На хитрость, на мудрость Соломона Окульева;
На красоту Василья царя Окульева.
Заводился у Окульева почестенъ пиръ
На многихъ пановей-улановей,
На злыхъ проклятыхъ татаровей.
Всѣ на пиру сидятъ пьяны, веселы.
Василій царь по горницѣ похаживаетъ,
Желтыми кудрями потряхиваетъ.
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
«Ужъ вы гой еси, панове-уланове!
«Всѣ у насъ въ городѣ испоженены;
«Красны дѣвицы исподаваны;
«Одинъ я Василій царь холостъ хожу,—
«Холостъ хожу,—не женатъ слыву;
«Не знаетъ ли мнѣ кто обручницы,
«Обручницы мнѣ, сопротивницы,
«Чтобы бѣло лице, какъ бѣлый снѣгъ,
«Ягодницы, будто маковъ цвѣтъ,
«Ясны-то очи будто у сокола,
«У того у сокола перелетнаго,
«Брови у ней какъ у соболя
«Того соболя Сибирскаго;
«Чтобъ возрастомъ не мала
«Умомъ сверстна,—
«Чтобъ было кому поклонитися,
«Было кого чтобъ назвать царицею?»
Большой хоронится за средняго,
А средній хоронится за малаго,
А отъ малаго татарина отвѣту нѣтъ.
Говоритъ Василій царь во второй наконъ;

Говоритъ Василій во третій наконъ;
Все большой хоронится за средняго,
Средній хоронится за меньшаго,
А отъ меньшаго татарина отвѣту нѣтъ.
Изъ за того изъ стола изъ за окольнаго,
Со той со скамейки бѣло-дубовой
Выходилъ удалый добрый молодецъ
По прозванью Василій Пустоволосовичъ
Младый Василій Таракашковъ сынъ.
Подходитъ Василій къ царю близехонько,
Самъ говоритъ потихохоньку:
«Прекрасный царь Василій Окульевичъ!
«Благослови мнѣ Василій, слово молвить
«Не могико меня за слово скоро сказнити,
«А скорѣе того, чтобы повѣсити».
Говоритъ царю Василій Окульевичъ:
«Говори Василій, что тѣ надобно».
Говоритъ Василій Пустоволосовичъ;
«Я знаю тебѣ обручницу,—
«Обручницу знаю, сопротивницу;
«Бѣло лице будто бѣлый снѣгъ,
«Ягодицы будто маковъ цвѣтъ;
«Ясны очи будто у сокола,
«Того сокола перелетнаго;
«Черныя брови будто у соболя,
«Того соболя Сибирскаго.
«Ростомъ не мала и умомъ сверстна.
«Есть кому поклонитися,
«Есть кого назвать и царицею.
«Есть у царя у Соломона
«Есть у него молода жена--
«Молодая царица Соломонида.
Говоритъ царь Василій Окульевичъ:
«Ты какъ можешь у живá мужа жену отнять?»
Говоритъ Василій Пустоволосовичъ:
«Ты гой еси, Василій Окульевичъ!
«Плохо у живá мужа жену отнять
«Дай-ко-се ты мнѣ три корабля,—
«Три червленыихъ;
«Нагрузи ихъ товарами заморскими:
«Первой нагрузи краснымъ золотомъ,
«Другой нагрузи чистымъ сѣребромъ,
«Третій скатнымъ жемчугомъ,
«Наклади еще напитковъ забудущихъ
«Пойду я Василій во Святую Русь
«Привезу тебѣ царицу Соломониду».

Эти рѣчи царю во любви пришли,—
Во любви пришли, очень поглянулися.
Далъ ему три корабля, три червленыя;
Нагрузилъ ихъ товарами заморскими:
Первый нагрузилъ краснымъ золотомъ,
Второй нагрузилъ чистымъ серебромъ,
Третій нагрузилъ скатнымъ жемчугомъ,
Наклалъ напитковъ забудущихъ,
Пошелъ тогда Василій на Святую Русь.
Приходитъ во гавань корабельную.
Въ гавань заходитъ,—платитъ пошлину;
Якорь кладетъ—платитъ пошлину;
Паруса ронитъ—платитъ пошлину;
Беретъ онъ подарочки великіе.
Что во ту пору во то время
Соломона дома не случилося.
Уѣхалъ во иностранныя городы
Собирать дани пошлины
За тѣ двѣнадцать годовъ вышедшихъ.
Взявши онъ подарочки великіе,
Идетъ ко царицѣ Соломонидѣ.
Отворяетъ Василій двери на пяту.
Не кститъ свово лица чернаго,
Не кланяется чудным образамъ
Бьетъ челомъ царицѣ Соломонидѣ:
«Здравствуй царица Соломонида!»
Говоритъ царица Соломонида:
«Здравствуй Василій Пустоволосовичъ!
Зачѣмъ пришелъ, что просишь ты?
Говоритъ Василій Пустоволосовичъ:
«Ужѣ ты гой еси, царица Соломонида
«Я пришелъ къ тобѣ съ подарками великими».
Подаетъ царицѣ Соломонидѣ
Тѣ подарочки великіе.
Принимала царица Соломонида
Тѣ подарочки великіе.
«Ужъ ты гой еси, царица Соломонида!
«Добро жаловать ко мнѣ на червленъ корабль
«Оцѣнить мои товары заморскіе,
«Чего мои корабли будутъ стоити?
Говорила царица Соломонида:
«Поди Василій къ себѣ на червленъ корабль,
«Буду я къ тебѣ на червленъ корабль,—
«Посмотрю твоихъ товаровъ заморскіихъ.
Пошелъ Василій на червленъ корабль.
Пошла царица Соломонида

Къ Василію на червленъ корабль.
Бьетъ челомъ Василій царицѣ Соломо́нидѣ:
«Здравствуй царица Соломо́нида»!
Бьетъ челомъ въ каюту корабельную.
Заходитъ царица Соломо́нида
Въ ту каюту корабельну,
Напоилъ тутъ царицу Содомо́пиду
Тѣми напитками забыдущими.
Заспала тутъ царица Соломо́нида
Во той каютѣ корабельныя.
Выходитъ Василій изъ каюты корабельныя
На ту палубу дубовую.
«Ужъ ты гой еси дружинушка добрая!
«Отсѣкайте якори булатныя,
«Распущайте парусы полотняны»!
Въ ту пору дружина не ослышалась:
Отсѣкла она якори булатные,
Развивала парусы полотняны;
Пошли изъ гавани наробельныя.
Надала повѣтерь способная.
Выходитъ Василій на сине море.
И русска земля потаилася
А невѣрна земля возвременилася.
Пробудилась царица Соломо́нида,
Сама говорила таковы рѣчи:
«Ужъ ты гой еси, Василій Пустоволосовичъ!
«Ты куда меня везешь, куда повезъ»?
Говоритъ Василій Пустоволосовичъ:
«Ужъ ты гой еси, царица Соломо́нида!
«Везу тебя къ царю Василію Окульеву,
Везу тебя за него замужъ».
Приходитъ Василій Пустоволосовичъ
Во ту во гавань корабельную.
Кладетъ Василій якори булатные,
Подвилъ парусы полотняны;
Выдернулъ флаги шелковые.
Увидѣлъ Василій, царь Окульевичъ,
Тѣ свои три корабля червленыя.
Пошелъ встрѣчать Василій, царь Окульевичъ,
Что того же Василія Пустоволосова.
Увидалъ онъ царицу Соломо́пиду.
Беретъ онъ ее за бѣлы руки
Цѣлуетъ въ уста сахарные.
Повелъ въ палату бѣлокаменну.
У Василія повелся тогда почестенъ пиръ
Со того со веселья со великаго.

Во ту пору во то время
Пріѣзжаетъ Соломонъ, царь Давидовичъ
Во тѣже полаты бѣлокаменны,
Не встрѣчаетъ его Царица Соломо́нида.
Говоритъ Соломонъ Царь Давыдовичъ:
«Ужъ вы здравствуйте князи, бояри!
«Ужъ вы гой еси князи, бояра,
«Что же не встрѣчаетъ меня молода жена,
«Развѣ больна она у меня находится,
«Или ее въ домѣ не случилося»?
Говоряли тогда князи, бояри!
«Ужъ ты гой еси, Соломонъ, царь Давыдовичъ,
«Приходилъ къ намъ Василій Пустоволосовичъ,
«Приходилъ онъ на трехъ корабляхъ червленыхъ,
«Увезъ твою царицу Соломо́ниду
«Къ тому царю Василію Окульеву,
«Повезъ къ Василью за него за мужъ.
Эти ему рѣчи не въ любви пришли,
Показались за досаду за великую.
Сталъ тогда Соломонъ собиратися,
Сталъ онъ со дружиной собрупатися.
Собралъ онъ дружину хоробрую,—
Собралъ тридцать безъ единаго
Самъ былъ тридцатый.
Отправились они сухимъ путемъ.
Ѣхать надо было три года;
Перѣхали они въ три мѣсяца,
Не доѣхали они до Новгорода,
Становились они во чистомъ полѣ,
Разставили они бѣлы шатры.
Говорилъ-то имъ Соломонъ царь Давыдовичъ
«Ужъ вы гой еси, дружина храбрая!
«Я вамъ стану что наказывать:
«Исполните вы мое наказанье,
«Пойду я калѣкой перехожею,
«Ко тому царю Василію Окульеву,
«Просить я милостыни спасеныя
«Для ради царя Христа небеснаго;
«Только слушайте мое наказанье:
«Я заиграю во дудочку во мѣдную,
«Хватайте вы тогда коней добрыихъ;
«Заиграю во дудочку въ серебряну,
«Сѣдлайте вы коней добрыихъ;
«Заиграю во дудочку во золоту,
«Тогда скачите на добрыхъ коней,
«Тогда рубите стараго и малаго,

«Не покидайте ни единаго на сѣмена
Тогда пошелъ Соломонъ царь Давыдовичъ
Тою каленою перехожею.
Приходитъ ко гридни княженецкія,
Кричитъ зычнымъ голосомъ,
Проситъ милостыни спасеныя
Для ради Христа царя небеснаго.
Окульева тогда дома не случилося.
Услышала царица Соломо́нида,
Сама говорила таковы рѣчи:
«Не калѣка пришелъ со Святой Руси
«Пришелъ-то Соломонъ, царь Давыдовичъ.
«Добро жаловать ко мнѣ Соломонъ
«Хлѣба-соли ѣсть, пива-меду пить».
Пошелъ Соломонъ царь Давыдовичъ
Во ту во спальну во царевую.
Сидятъ, пьютъ, прохлажаются.
Во ту пору во то время
Пріѣхалъ Василій царь Окульевичъ.
Говоритъ царица Соломо́нида:
«Ты Соломонъ, царь Давыдовичъ!
«Куда я тебя укрою,
«Есть у меня да окованъ сундукъ
«Ложись-косе ты въ окованъ сундукъ,
«Не увидитъ тебя Василій царь Окульевичъ?»
Легъ то Соломонъ во кованъ сундукъ.
Замкнула его царица Соломо́нида.
Приходитъ Василій царь Окульевичъ;
Стали пить, ѣсть—прохлажатися;
Говоритъ царица Соломо́нида:
«Сказали про Соломона на Святой Руси:
«Что на Святой Руси Соломонъ хитеръ-мудеръ
«А теперь Соломона глупѣе нѣтъ,
«Лежитъ онъ въ сундукѣ кованомъ».
Говоритъ Василій царь Окульевичъ:
«Ужъ ты гой еси, царица Соломо́нида!
«Выпущай-ко Соломона Давыдова,
«Ссѣку я у него буйну голову».
Отмыкала царица Соломо́нида окованъ сундукъ,
Скакалъ Соломонъ на рѣзвы ноги,
Беретъ Окульева за бѣлы руки;
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
«У насъ на Руси не сѣкутъ царей;
«Сдѣлай ты реину высокую,
«Повѣсь на ней три петельки великія:
«Первую петельку варовую,
«Втору липову,
«А третью шелковую».
Говоритъ царица Соломо́нида:
«Ты гой еси, Василій царь Окульевичъ,
«Пора тебѣ на Соломона указъ чинить,
«Пора ему голову сказнить.
«Отойдетъ онъ хитростью и мудростью».
Говорилъ Василій царь Окульевичъ:
«Теперь Соломонъ у меня въ рукахъ».
Стали дѣлать реину высокую,
Повѣсили три петельки великія:
Первую петельку варовую,
Вторую липову,
Третью шелковую.
Повели Соломона на реину высокую
Со той со славой со великою.
Говорилъ-то Соломонъ царь Давидовичъ:
«Ужъ вы гой еси, народы православные.
«Воротитесь вы панове-уланове,
«Соломонова смерть страшна будетъ».
Мудрой-то народъ воротилися,
А глупой народъ впередъ идетъ.
Говоритъ Соломонъ во второй наконъ:
«Воротитесь панове-уланове,
«Соломонова смерть страшна будетъ».
Мудрый-то народъ воротился.
А глупый-то впередъ идетъ.
Говоритъ Соломонъ во третей наконъ:
«Воротитесь вы панове-уланове
«Соломону смерть страшна будетъ».
Мудрый-то народъ воротился,
А глупой-то впередъ идетъ.
Пришли ко реинѣ высокія.
Ступилъ Соломонъ на перву ступень,
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
«Благослови Василій царь
«Поиграть во дудочку во мѣдную,
«Царя съ царицей приутѣшити,
«А мнѣ край смерти взвеселитися».
Говоритъ Василій царь Окульевичъ:
«Играй-ко Соломонъ сколько тѣ надобно».
Говоритъ царица Соломо́нида:
«Пора тебѣ Соломону указъ чинить—
«Указъ чинить, голова сказнить,
Отойдетъ онъ хитростью и мудростью».
Говоритъ Василій, царь Окульевичъ:

«Теперь Соломонъ у меня въ рукахъ»
Заигралъ во дудочку во мѣдную,
Услыхала дружинушка хоробрая,
Сѣдлали, нуздали коней добрыхъ.
Ступилъ Соломонъ на втору ступень.
«Благослови, Василій царь,
«Сыграть во дудочку во серебряну
«Тебя съ царицей приутѣшити,
«А мнѣ по край смерти взвеселитися»
«Играй-ко Соломонъ, сколько тѣ надобно».
Говоритъ царица Соломонида:
«Пора Соломону указъ чинить—
«Указъ чинить—голова сказнить;
«Отойдетъ онъ хитростью и мудростью».
Говоритъ Василій, царь Окульевичъ:
«Теперь Соломонъ у меня въ рукахъ».
Заигралъ во дудочку серебряну.
Услыхала дружинушка хоробрая—
Легко скачетъ на добрыхъ коней.
Вступилъ Соломонъ на третью ступень.
«Благослови Василій царь
«Сыграть во дудочку въ золоту».
«Играй Соломонъ сколько тѣ надобно».
Говорила царица Соломонида
«Пора Соломону указъ чинить.—
«Пора ему голову сказнить.
«Отойдетъ онъ хитростью и мудростью.
Говоритъ Василій царь Окульевичъ:
«Теперь Соломонъ у меня въ рукахъ».
Заигралъ во дудочку во золоту:
Услыхала дружинушка хоробрая,
Сѣкутъ стараго и малаго.
Беретъ Соломонъ Василья за бѣлы руки,
Кладетъ Окульева во петельку шелковую,
А царицу Соломониду въ варовую,
А Василья *) во липову,
Пускай виснетъ, а не давится.
Вотъ тѣмъ дѣло окончилось.

VII. СТАРИНА ПРО АЛЕШУ ПОПОВИЧА **)

Во славномъ было во городѣ во Ростовѣ
У того попа Ростовскаго
Едино было чадо милое,
Удалъ добрый молодецъ на возрастѣ
По имени Алешинька младъ,
И сталъ Алешинька конемъ владѣть,
И сталъ Алешинька мечемъ владѣть,
Приходитъ Алешинька ко своему родителю
Ко тому попу Ростовскому
И падаетъ ему во рѣзвы ноги,
И проситъ у него благословеньица
Ѣхать да во чисто поле во раздольице
Ко тому ли ко синю морю,
На тѣ-же тихи заводьи
Стрѣлять гусей бѣлыхъ лебедей,
Перистыхъ, пушистыхъ сѣрыхъ утицей.
И стрѣлять во мѣрочки во польскія,
Во то ли вострее ножевое.
И просилъ онъ себѣ у роднаго батюшки
У того ли попа Ростовскаго
Себѣ дружинушку хорошую,
Хорошую да хоробрую,
И далъ ему Ростовскій попъ
Своему чаду милому
Благословенье съ буйной головы до рѣзвыхъ ногъ
И пошелъ же Алешинька на конюшенъ дворъ
Со своей дружиною хороброю,
И брали они коней добрыхъ,
Надѣвали они на коней сѣделушка черкальскія,
И затягивали подпруги шелковыя,
И застегивали костылечки булатные
Во ту-ли кость лошадиную,
И сами коню приговариваютъ:
«Ужъ ты конь, ты конь лошадь добрая!
«Не оставь ты конь во чистомъ полѣ
«Сѣрымъ волкамъ на растерзанье,
«Чернымъ воронамъ на возграенье,
«А сильнымъ галяницамъ на восхваленье».
Надѣвали на коней узду тесмяную
И сами коню приговариваютъ:
«То не для-ради басы,—ради крѣпости,
«А не для ради поѣздки богатырскія,
«Для ради выслуги молодецкія».
Надѣвалъ Алешинька латы кольчужныя,
Застегивалъ пуговки жемчужныя
И нагрудничекъ булатный,
И бралъ свою сбрую богатырскую:
Во первыхъ копье долгомѣрное,
Во вторыхъ саблю острую,

*) Пустоволосовича.

**) Эта былина, вмѣстѣ съ слѣдующими за нею двумя, записана въ городѣ Мезени А. М. Никольскимъ.

Во третьихъ палицу боевую—
Въ калушничекъ тугой лукъ
Да двѣнадцать стрѣлочекъ каленыихъ:
Не забылъ чинжалище, свой острый ножъ.
Только видѣли удала, какъ въ стремена вступилъ.
А не видѣли поѣздки богатырскія,
Только видѣли—въ чистомъ полѣ курево стоитъ,
Курево стоитъ, да дымъ столбомъ валитъ.—
У рѣкъ молодцы не ставивали,
Перевоза молодцы не крикивали.
Они ѣхали изъ утра день до вечера
И доѣхали до разстаньюшка великаго
На три дорожечки широкія:
Первая дорожечка во Кіевъ градъ,
Друга дорожечка во Черниговъ градъ,
Третья дорожечка ко Синю морю,
Ко тому ко камешку ко сѣрому,
Ко тому ко бережку ко крутому,
На тѣ-же тихи вешни заводьи,
И говоритъ тутъ Алеша Поповичъ младъ,
«Ужъ ты гой еси дружина добрая,
«Въ котору дорожку нашъ путь лежитъ,
«Въ Кіевъ ли ѣхать, аль въ Черниговъ
«Аль къ тому морю Синему?»
И говоритъ дружина хоробрая:
«Ужъ ты гой еси Алеша Поповичъ младъ!
«Если ѣхать намъ да во Черниговъ градъ,
«Есть во Чернѣговѣ вина заморскія,
«Вина заморскія да заборчивыя,
«По стакашничку выпьемъ, по другому хочется,
«А по третьему выпьешь, душа горитъ;
«Есть тамъ калашницы хорошія,
«По калачику съѣдимъ, по другому хочется,
«По другому съѣдимъ, по третьему душа горитъ.
«Есть тамъ дѣвушки хорошія,
«Если на дѣвушку взглянешь, такъ загуляешься,
«И пройдетъ про насъ славушка не малая,
«Ото востока слава до запада
«До того города до Ростовскаго,
«До того ли попа до Ростовскаго,
«До твоего батюшки родителя.
«Поѣдемъ ко мы Алешинька въ Кіевъ градъ
«Божьимъ церквамъ помолитися,
«Честнымъ монастырямъ поклонитися».
И поѣхали они ко городу ко Кіеву
Подъ тѣмъ подъ городомъ подъ Кіевомъ
Солучилося несчастьице великое:
Обостала его сила невѣрная
Изъ той орды да великія,
По имени Василій Прекрасный,
И страшно, грозно подымается
Нехорошима словами похваляется:
Хочетъ крашенъ Кіевъ въ полонъ взять,
Святыя церкви въ огонь спустить,
А силу Кіевску съ собою взять,
А князя Владиміра повѣсить,
Евпраксію Никитишну въ замужъ взять,
И говорилъ то тутъ Алеша Поповичъ младъ:
«Ужъ ты гой еси дружинушка хоробрая!
«Не поѣдемъ ко мы теперича во Кіевъ градъ
«А напустимся на рать силу великую
«На того ли Василія Прекраснаго,
«И слободимъ отъ бѣды крашенъ Кіевъ градъ;
«Выслуга наша не забыдется;
«А пройдетъ про насъ слава великая
«Про выслугу нашу богатырскую,
«И узнатъ про насъ старый казакъ Илья Муромецъ
«Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
«Не дошедши старикъ намъ поклонится».
И попускалъ онъ съ дружинушкой хороброю
На ту силу рать великую,
На того Василія Прекраснаго,
И прибили тое силу рать великую
Кое сами, кое кони топчутъ,
И разбѣжалась рать сила великая
По тому полю широкому,
По тѣмъ кустамъ ракитовымъ,
Очистила дорожку прямоѣзжую.
Заѣзжали они тогда во крашенъ Кіевъ градъ
Ко тѣмъ же ко честнымъ монастырямъ.
И спросилъ то ихъ Владиміръ князь:
«И откуль таки вы добры молодцы,
«И коими дорогами какимъ путемъ?»
«Заѣхали мы дорожкой прямоѣзжею».
И не просилъ ихъ князь на почестенъ столъ,
И садились тутъ добры молодцы на добрыхъ коней
И поѣхали они во чисто поле
Ко тому-ли городу Ростовскому,
Ко тому-ли попу Ростовскому.
Прошла славушка не малая
Отъ того ли города Ростовскаго
До того ли до города до Кіева,

До тое ли горы до Черниговки,
До того ли шеломя окатистаго,
До тое ли березоньки кудрявыя,
До того ли шатра бѣлополотнянаго,
До того ли удала добра молодца,
А по имени Ильи Муромца,
Что очистилась дорожка прямоѣзжая
Отъ того ли Алешиньки Поповича;
И самъ же старый да удивляется,
Ужъ какъ ѣздили добры молодцы да по чисту полю,
А не заѣхали удалы добры молодцы ко старому
Хлѣба соли ѣсть, да пива съ медомъ пить.
Садится старъ да на добра коня,
Пріѣжаетъ старъ да въ крашенъ Кіевъ градъ
Ко тому ли ко столбу точеному,
Ко тому ли колечку ко витому,
Ко тому ли дворцу княжевскому,
Ко тому ли крылечику прекрасному.
Не ясенъ соколъ да опускается,
А то старъ казакъ съ коня соскакиваетъ,
Оставляетъ коня не приказана, не привязана,
Забѣгаетъ старъ на красно крыльцо
И проходитъ новы сѣни,
И заходитъ во свѣтлу гридню,
И приходитъ старый Богу молятся,
На всѣ стороны поклоняется.
Челомъ бьетъ ниже пояса:
«Ужъ ты здравствуешь, князь стольно-Кіевскій!
«Ужъ ты здравствуешь, Апраксія Королевишна!
«Поздравляемъ васъ съ побѣдою немалою.
«Заѣзжали сюды добры молодцы,
«По имени Алешенька Поповичъ младъ
«Со своей дружинушкой хороброю?»
Отвѣчаетъ ему князь стольно-кіевскій:
«Заѣзжали добры молодцы ко тѣмъ честнымъ монастырямъ,
«Ужъ я ихъ къ себѣ въ домъ да не принялъ,
«И уѣхали они во далечо чисто поле».
И сказалъ тутъ старъ казакъ:
«Собериткося князь Владиміръ почестенъ пиръ,
«Позовиткося Алешу Поповича на почестенъ пиръ,
«Посадиткося Алешу во большо мѣсто,
«И упоичуйкося Алешу зеленымъ виномъ,
«Зеленымъ виномъ да медомъ сладкіимъ,
«И подариткося Алешу подарочкомъ великіимъ.—
«И прошла ужъ славушка не малая
«Про того Алешиньку Поповича
«До той орды до великія,
«До той Литвы до поганыя,
«До того Батея Батеевича.»
—«Да кого же намъ послать за Алешинькой,
«Да попросить его на почестенъ пиръ?»
«И послать намъ Добрынюшку Никитича»
И поѣхалъ Добрынюшка Никитичъ младъ,
Не доѣздши Добрынюшка низко кланялся:
«Ужъ ты гой еси Алеша Поповичъ младъ!
«Поѣдемъ-ко ся во крашенъ Кіевъ градъ
«Ко ласкову князю ко Владиміру
«Хлѣба соли ѣсть, да пиво съ медомъ пить
«И хочетъ тебя князь пожаловать».
Отвѣтъ держитъ Алеша Поповичъ младъ:
«На пріѣздѣ гостя не уподчивалъ
«На отъѣздѣ гостя не уподчивать».
Говоритъ тутъ Добрынюшка во второй наконъ:
«Поѣдемъ Алешинька во крашенъ Кіевъ градъ
«Хлѣба соли ѣсть, пиво съ медомъ пить,
«И подаритъ тебя князь подарочкомъ хорошимъ.
«Да еще звалъ тебя старой казакъ
«Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
«Да звалъ тебя Дунаюшко Ивановичъ,
«Да звалъ тебя Василій Касимеровъ,
«Да звалъ тебя Потанюшко хроменькій,
«Да звалъ тебя Михайлушко Игнатьевичъ».
Тогда садился Алеша на добра коня
Со той дружинушкой хороброю,
Поѣхали они во далече чисто поле
Ко тому ко граду ко Кіеву,
И заѣзжаютъ они не дорожкой, не воротами,
А скакали черезъ стѣны городовыя,
Мимо тое башенки наугольныя
Ко тому же ко двору княженецкому.
Не ясенъ соколъ съ воздуху спускается,
А удалы добры молодцы
Со своихъ коней соскакиваютъ,
У того же столба у точенаго,
У того же колечка золоченаго;
А оставили коней неприказаныхъ, непривязаныхъ.
Выходилъ тутъ на крыльцо старый козакъ
Со княземъ со Владиміромъ, со княгинюшкой Апраксіею;
По колѣпо-то у Апраксіи наряжены ноги въ золотѣ
А по локоть-то руки въ скатномъ жемчугѣ

На груди у Апраксіи камень и цѣны ему нѣтъ.
Не дошедши Апраксія низко поклонилася
И тому же Алешинькѣ Поповичу:
«Ужъ многолѣтно здравствуй ясенъ соколъ,
«А по имени Алешинька Поповичъ младъ!
«Побѣдилъ ты не мало силы нонь,
«И слободилъ ты нашъ крашенъ Кіевъ градъ
«Отъ того ли Василія Прекраснаго;
«Чѣмъ тебя мы станемъ теперь Алешу жаловать—
«Пожаловать намъ села съ приселками,
«А города съ пригородками!
«И тебѣ будетъ казна не затворена,
«И пожалуй ко ся ты къ намъ на почестенъ столъ».
И брала Алешиньку за бѣлу руку
И вела его въ гридни столовыя,
Садила за столы дубовые,
За скатерти перчатныя,
За кушанья сахарныя,
За напитки розналивчатые,
За тую же за матушку бѣлу лебедь.
Да сказалъ же тутъ Владиміръ стольно кіевскій:
«Слуги вѣрные наливайте-тко-сь зелена вина
«А не малую чарочку,—въ полтора ведра;
«Наливайте-тко-сь еще меду сладкова,
«Наливайте-тко-сь еще пива пьянаго,
«А всего четыре ведра съ половиною».
И принимаетъ Алешинька одною рукой,
И отдаетъ чело на всѣ четыре стороны
И выпивалъ Алешинька чары до суха;
А особенно поклонился старику Ильѣ Муромцу.
И тутъ-то добры молодцы поназванились:
Назвался старый братомъ старшіимъ,
А середніимъ Добрынюшка Никитичъ младъ,
А въ третьихъ Алешинька Поповичъ младъ,
И стали Алешиньку тутъ жаловать:
Села съ приселками, города съ пригородками,
А казна-то была ему не закрыта.
И ставалъ тутъ Алеша на рѣзвы поги
И говорилъ Алеша токово слово:
«Не надоть мнѣ-ко села съ приселками,
«Не надоть мнѣ города съ пригородками,
«Не надоть мнѣ золотой казны,
«А дай-ко мнѣ волю по городу Кіеву,
«И чтобы мнѣ-ко кабаки были не заперты,
«А въ трактирахъ чтобы гулять довволялося».
И бралъ онъ тутъ свою дружинушку хорошую да хоробрую,
И своихъ братьицей названныхъ.
И гуляли они времени не мало тутъ,—
Гуляли недѣлю, гуляли двѣ,
А на третью недѣлю просыпалися,
И садилися удалы на добрыхъ коней,
Поѣхали во далече чисто поле,
Во то раздольице широкое,
Ко той же рѣки ко Черниговкѣ,
Ко той же горы ко высокія,
Ко той же шеломя окатистой,
Ко той же березонки кудрявыя,
Ко тому ли шатру бѣлополотняному,
И поставили они своихъ добрыхъ коней,
И раздернули шатры, столы убраные.
Начали молодцы пить, ѣсть, кушати,
Начали молодцы разговаривать.
Выходилъ же въ ту пору старъ козакъ изъ бѣла шатра
И смотрѣлъ старикъ изъ трубки подзорныя на всѣ четыре стороны:
Во первыхъ глядѣлъ на сине море,
На тѣ же тихи заводья,
Во вторыхъ смотрѣлъ во чисто поле,
Да увидѣлъ во чистомъ полѣ во раздольицѣ кучу не малую,
А потомъ усмотрѣлъ добра коня,
А на конѣ усмотрѣлъ паляницу преудалую
А и ѣдетъ она потѣшается;
На лѣвомъ-то плечѣ у ней ясенъ соколъ,
На правомъ-то плечѣ у ней бѣлый кречетъ,
Да палица у ей боевая тридцати пудовъ,
Правой рукой она ее выкидывала выше лѣсу стоячаго
Да пониже-то облака ходячаго,
Да другой рукой подхватываетъ,
А до земли палицу не допускиваетъ.
И тутъ старому занятно палося
И долго старый позамѣшкался,
Засмотрѣлся на гулянку паляницы
И самъ тому удивляется.
Вскрикнулъ тутъ Алешу Поповича:
«Ужъ ты гой еси Алешинька Поповичъ младъ!
«На тебя будетъ служебка покинута,
«Сади-тко-сь Алешинька на добра коня

«Поѣзжай-ко-ся во чисто поле,
«Ко той же паляницѣ преудалыя,
«Ты спроси-тко-сь у ей: какой земли,
«Какого городу, какого роду, отца матери,
«И какъ зовутъ тебя по имени, величаютъ по изотчеству,
«И спроси-тко ты Алешинька Поповичъ младъ:
«Куда же ты ѣдешь, куда путь держишь,
«Али ты ѣдешь въ Кіевъ градъ, аль въ Черниговъ градъ,
«Али ты посмотрѣть хочешь стара козака»?
И скочилъ тутъ Алеша скорешенько на добра коня,
А полетѣлъ-то Алешинька во чисто поле.
Доѣхалъ онъ до паленицы преудалыя.
Не спрашиваетъ у ей имени, отчины,
Ни роду ни спрашиваетъ, ни племени,
Оборачиваетъ Алешинька востро копье
И хочетъ принять на его ту паляницу преудалую,
Да была Паляница на то ухватива—
Ухватила у его востро копье,
Да убросила его во чисто поле,
А хватила Алешинька за шиворотъ,
Да сбросила съ добра коня сдолой
И сказала ему таково слово:
«Ужъ ты гой еси Алеша Поповичъ младъ!
«Ужъ ты силой не силенъ, да напускомъ смѣлъ,
«Не спрашиваешь ни имени, ни отчины,
«Напускаешься на паляницу преудалую,
«А хочешь я тебя смерти предамъ;
«Поѣзжай-ко-ся ты ко бѣлу шатру,
«Пошли-ко-ся ты самого Илью Муромца,
«Мнѣ на хочется съ нимъ поназваниться».
Садился Алешинька на добра коня и ѣхалъ ко бѣлу шатру,
А что было то Алеша не сказывалъ,
Посылалъ тутъ старый Добрынюшку во второй наскокъ:
«Узнай-ко ся Добрынюшка, кто ѣздитъ во чистомъ полѣ»?
Садился тутъ Добрынюшка на добра коня, да и ѣхалъ во чисто полѣ;
Не доѣхавши Добрынюшка шапку складывалъ
И сходилъ съ добра коня низко кланялся:
«Ужъ ты здравствуй-кось паляница преудалая
«Какого же ты города, какой земли,
«Какого же ты отца, матери,
«Какъ-же тебя звать по имени,
«Звеличать тебя по изотчеству,
«Куда же ты ѣдешь: въ Кіевъ градъ, аль въ Черниговъ градъ,
«Или ѣдешь отъ синя моря,
«И хочешь увидать стара казака?»
Отвѣчаетъ ему паляница преудалая:
«Поѣзжай-ко ты Добрынюшка Никитичъ младъ!
«Пошлиткось ты ко мнѣ стараго:
«Прошла про его славушка не малая,
«Ото востока прошла слава до запада,
«Отъ той орды великія, отъ того же отъ Мамая сильнаго,
«Сторожитъ де старъ казакъ три дорожечки широкіихъ».
Поѣхалъ ли тутъ Добрынюшка Никитичъ младъ
Ко тому ли шатру бѣлополотняному,
И не доѣдучи старому разсказывалъ;
И на то-ли старому за бѣду стало,
За великую досаду показалося,
Садился старый на добра коня,
Ѣхалъ да во чисто поле ко той паляницѣ преудалыя,
Разъѣхались тутъ удалы въ первой разъ,
Кололися копьицами вострыими,
А по посадочки копьица ихъ свернулися,
И тѣмъ боемъ они другъ друга не ранили.
Рубилися потомъ сабельками вострыими,
И тѣмъ боемъ другъ друга не ранили.
Потомъ билися палицами боевыми;—
Отъ рукъ палицы загорѣлися,
По спянъ палицы распаялися,
Они тѣмъ боемъ другъ друга не ранили.
Соскочили они съ добрыхъ коней,
И хватилися они боемъ рукопашныимъ,
Не много они времени поводилися,
А по колѣно въ землю утоптался;
По участи было по старого,
По злосчастьицу было паленицыну,
Правая рука у ей опустилася,
Хватилъ же ее старый за бѣлы груди,
Падала тутъ паленица на сыру землю.
Наскакивалъ тутъ старый на бѣлы груди къ ей,
Отстегивалъ пуговки вальянскія,

Отворачивалъ латы кольчужныя,
Вынимаетъ чинжалище, вострый ножъ,
Хочетъ пороть ей груди бѣлыя,
Хочетъ смотрѣть ретиво сердце.
На то старый былъ жалословъ:
Увидалъ у паляницы бѣлы груди,
А на бѣлы груди былъ упадчивый.
И почалъ онъ тутъ ее спрашивать:
«Откуль ты и какой земли?
«И какого ты отца матери,
«Какъ тебя именемъ зовутъ»?
Говорила же тутъ паленица преудалая:
«Была бы ужъ я у тебя на бѣлыхъ грудяхъ,
«Я не спрашивала бы имени отчества,
«Порола бы я бѣлы груди, да смотрѣла ретиво сердце».

Бралъ же тутъ ей старый да за бѣлы руки,
И подымалъ ей на рѣзвы ноги,
И цѣловалъ ей въ уста сахарныя;
И обнималъ ей за шею бѣлую,
И садилъ ей на добра коня,
И велъ ей ко своему шатру бѣлополотняному,
И садилъ ей за столы убраные,
И пили ѣли они кушали,
И сами двоима забавлялися,
И тайными словами занималися,
И ночи по три они проспали,
И понесла она отрока.
И далъ ей съ правой руки злаченъ перстень
Со ставкою со драгоцѣнною,
Со надписью именною старою.
Самъ же ей онъ уговаривалъ:
«Принесешь если ты дочь засѣну,
«Отдай ей перстень въ приданое;
«А если принесешь удала добра молодца,
«Благослови его дорогимъ перстнемъ,
«Дай ему добра коня, да пошли его во чисто поле
«А пошли его, наказывай:
«Если увидитъ онъ во чистомъ полѣ стараго,
«Такъ не дошедши пусть поклонится.
Поѣхала отъ стараго Паляница преудалая
Ко тому же ко синю морю,
Ко тому же ко камешку ко сѣрому,
Ко тѣмъ же палатамъ бѣлокаменнымъ,
И почала жить у синя моря,
И ожидать себѣ время засѣяно,
И спородила она себѣ чадо милое,
Не яснаго сокола, а удала добра молодца,
И дала ему имя сильный, могучій
И славный богатырь по имени Подсокольникъ.
Удалъ молодецъ не по годамъ растетъ, а по часамъ;
Сталъ же добрый молодецъ шести годовъ,
Сталъ онъ на улицу похаживать,
Сталъ съ ребятами поигрывать,
А ребята были не схватчивы,
Называли его безотечествомъ,
Называли его *сколотышемъ* *).
Еще нѣтъ у тебя родна батюшка.
На этомъ молодцу за бѣду встаетъ,
За великую досаду ему кажется;
Подходилъ онъ къ матушкѣ родимой:
«Ужъ ты гой еси матушка родимая!
«Отчего же у меня нѣту батюшки родителя?» —
Подарила она ему тогда злаченъ перстень,
А на злачномъ перстнѣ имя, изотчина.
Наложилъ тутъ Подсокольничекъ перстень на руку,
А все носитъ этотъ перстень недобя,
И все зло несетъ на батюшка;
Сталъ Подсокольничекъ двѣнадцати лѣтъ,
Не ясенъ соколъ на возлетѣ,
Подсокольничекъ сталъ на возрастѣ,
Сталъ Подсокольничекъ мечемъ владѣть,
Сталъ Подсокольничекъ и конемъ владѣть,
Да садился Подсокольничекъ на добра коня,
Поѣзжаетъ Подсокольничекъ во чисто поле.
Говорила тутъ ему матушка родимая:
«Ты поѣдешь да во чисто поле,
«Ты увидишь во чистомъ полѣ да стараго,
«Не дошедши старому да кланайся,
«А челомъ бей о сыру землю».
И поѣхалъ тутъ Подсокольничекъ во чисто поле,
И прямо ѣдетъ ко бѣлу шатру.
Кричалъ тутъ Подсокольничекъ громкимъ голосомъ:
«Ужъ ты гой еси, русскій богатырь
«Удалый добрый молодецъ, а по прозванью Илья Муромецъ,
«Илья Муромецъ, да сынъ Ивановичъ,
«Тебѣ не пора ужъ спать, а пора вставать,
«Пора вставать да время ѣхати,

*) Въ Мезени слово *незаконнорожденный* не употребляется, а вмѣсто него—*сколотный*.

«Пріѣхалъ къ тебѣ непріятель невѣрный
«И хочетъ онъ съ тобой поборотися»
Ото сна ли старый пробужается,
Садился старый на добра коня,
Съѣхались тутъ удалы да во чистомъ полѣ,
И ударилъ Подсокольничекъ стараго по правой щекѣ,
И подхватилъ копьемъ долгомѣрнымъ подъ правой пахъ,
И выпихнулъ изъ сѣдла черкальскаго
Со добра коня со сивушка,
И палъ старый на сыру землю, какъ овсяный снопъ,
И вышибъ онъ стараго изъ ума изъ памяти;
Садился Подсокольничекъ старому на бѣлы груди,
И отстегивалъ пуговки жемчужныя,
И отворачивалъ латы кольчужныя,
И вынималъ чинжалище острый ножъ,
И хочетъ пороть бѣлы груди,
И хочетъ смотрѣть ретиво сердце,
А тѣло хочетъ разбросать по чисту полю.
Увидѣлъ тутъ старый на правой рукѣ имянной перстень,
И взмолился онъ Спасу пречистому и вздохнулъ крѣпко:
«Стоялъ я за церкви божіи, за тѣ же честны монастыри,
«И хранилъ я стольной Кіевъ градъ,
«Да еще хранилъ я Черниговъ градъ,
«Да еще очистилъ я дорогу прямоѣзжую».
И слетѣлъ Подсокольничекъ у Ильи со бѣлыхъ грудей,
И слетѣлъ Подсокольничекъ какъ овсяный снопъ,
Наскакивалъ тутъ старый ему на бѣлы груди,
Отстегивалъ пуговки жемчужныя,
И отворачивалъ латы кольчужныя,
И устращивалъ добра молодца, самъ его спрашивалъ:
«Ты какой земли какого рода племени,
«Какъ тебя молодца именемъ зовутъ?»
Тутъ молодецъ отвѣтъ держитъ:
«Кабы былъ я на твоихъ бѣлыхъ грудяхъ,
«Не спрашивалъ бы роду племени,
«Не спрашивалъ бы я отца матери,
«Поролъ бы я бѣлы груди, смотрѣлъ бы ретиво серце.
«Разбросалъ бы я бѣло тѣло по чисту полю,
«Сѣрымъ волкамъ на растерзанье,
«Чернымъ воронамъ на возграенье.,
«На славу всему міру, всѣмъ людямъ».
Говоритъ тутъ старый во второй наконъ:
«Ты какой земли, какого города?
«Какъ тебя молодца именемъ зовутъ?»
Отвѣтъ держитъ добрый молодецъ:
«Я отъ моря—моря синяго,
«Отъ каменка отъ сѣраго,
Отъ тѣхъ палатъ бѣлокаменныхъ
«Отъ той паляницы преудалыя,
«Отъ той отъ Златыгорки отъ сильныя.
«А батюшка себѣ не знаю я.
«И какъ поѣхалъ я во чисто поле,
«Тогда мнѣ-ко матушка наказывала:
«Какъ увидишь стара казака Илью Муромца,
«Не доѣздии ему низко кланяйся.
«И велѣла она сойти съ добра коня,
«И велѣла бить челомъ сыру землю».
На то старый былъ жалостливъ,
Узналъ, что тотъ его Подсокольничекъ
Отъ той лютой отъ Златыгорки;
Бралъ онъ его за бѣлы руки,
И цѣловалъ его въ уста сахарные,
Называлъ его сыномъ родимымъ,
Благословилъ его благословеньицемъ великимъ:
«Ты гуляй-ко, дитятко, по чисту полю,
«Не проливай крови безвинныя,
«Не губи силу напрасную,
«Поѣзжай-ко ся да ко сиюморю
«Ко своей матушкѣ родимой,
«И скажи-тко отъ меня низкій поклонъ,
«Низкій поклонъ отъ меня отъ стараго
«Отъ своего родна батюшка».
И поѣхалъ добрый молодецъ ко сиюморю,
Ко тѣмъ же палатамъ бѣлокаменнымъ,
Ко той же матушкѣ Златогоркѣ.
Подъѣзжаетъ онъ ко красну крыльцу
И кричитъ онъ громкимъ голосомъ:
«Ужъ ты гой еси, зла лиха паляница преудалая!
«Встрѣчай-ко меня добра молодца!»
Выходитъ тутъ Златогорка на красно крыльцо,
Встрѣчала его, низко кланяясь:
«Ужъ ты здравствуй дитятко родимое,
«Ты удалый добрый молодецъ, по имени Подсокольничекъ».

А встрѣтилъ-то ее добрый молодецъ вострымъ
копьемъ,
И падала тутъ она на красно крыльцо.
Оборотилъ онъ коня да во чисто поле,
И подъѣхалъ онъ, добрый молодецъ, ко бѣлу шатру,
И засталъ тамъ стараго да спящаго,
И оборотилъ онъ на стараго востро копье,
И ткнулъ стараго въ ретиво сердце
Своимъ копьемъ вострымъ,
А у стараго былъ на груди чуденъ крестъ,
Вѣсу-то былъ онъ трехъ пудовъ,
И пало копье въ чуденъ крестъ,
По посадочку копье извернулося.
Тутъ ли старый отъ сна просыпается,
Не отъ лютой ли хмѣлинки пробужается.
Ретиво его сердце загорѣлося,
А могучи плеча расходилися,
Бѣлыя руки подымалися,
И хватилъ онъ тутъ Подсокольничка
За буйну голову, за русы кудри,
И отхватилъ онъ буйну голову,
И разрубилъ его на части мелкія,
И разбросалъ по чисту полю,
И тутъ Подсокольнику славу поютъ.

VIII. СТАРИНА ПРО ИЛЬЮ МУРОМЦА.

Изъ за моря, моря синяго,
Изъ за тѣхъ же горъ, изъ за высокихъ,
Изъ за тѣхъ же лѣсовъ темныхъ,
Изъ за той же сторонушки восточныи,
Не темная туча поднималася:
Съ силой Мамай соражается
На тотъ же на крашенъ Кіевъ градъ,
И хочетъ крашенъ Кіевъ въ полонъ взять,
И бралъ онъ себѣ силы много множество —
Сорокъ царей и сорокъ царевичей,
Сорокъ королей и сорокъ королевичей,
И за всякимъ визиремъ по сту тысячей,
Да бралъ своего зятя любимаго,
Своего Василія прекраснаго,
И бралъ за имъ силы войска триста тысячей,
А за самимъ за собой войска счету не было.
И не матушка ли орда подымалася,
Мать сыра земля отъ войска потрясалася;
Въ конномъ топищѣ краснаго солнца не видать
было,
А свѣтлый мѣсяцъ отъ пару конскаго померкнулъ
весь,—
Замѣтно было въ городѣ во Кіевѣ.
Дошла до Мамая славушка не малая,
Будто въ томъ же городѣ во Кіевѣ,
Будто не стало Ильи Муромца,
Будто всѣ сильные богатыри во чисто поле разъ
ѣхались.
И подходила сила Мамаева ко тому же ко чисту
полю,
Ко тому ли раздольицу широкому,
Не дошедши они до города до Кіева въ двухстахъ
верстахъ
Развернули шатры бѣлополотняные,
Разостали они войскомъ въ лагерѣ,
И поставили они кругомъ войска стражу строгую,
И говорилъ тутъ Мамай таково слово:
«Ужъ ты гой еси любимый зять, Василій Прекрасный!
«Ты садись-ко Василій на ременчатъ стулъ,
«И пиши-тко дитятко ты ярлыки скорописные,
«Не на бумагѣ пиши не перомъ, не чернилами,
«А пиши-тко ся ты на красномъ бархатѣ,
«Ты печатай-ко заголовья краснымъ золотомъ,
«А по самой серединѣ чистымъ серебромъ,
«А ужъ мы высадимъ, подпишемъ скатнымъ жем
чугомъ,
«А на углахъ-то посадимъ по камню самоцвѣтному,
«Чтобы тѣмъ камнямъ цѣны не было;
«А пиши ты на бархатѣ не ласково,
«Со угрозами пиши съ великими,
«Пиши не давай сроку ни на время, ни на малое»
И писалъ тутъ ярлыки любимый зять.
И говорилъ тутъ любимый зять таково слово:
«Ужъ ты гой еси батюшко Мамай, строгій царь!
«Мы кого пошлемъ посла во Кіевъ градъ?»
Говорилъ Мамай таково слово:
«Ужъ ты гой еси, любимый зять!
«Тебѣ ка ѣхать во крашенъ Кіевъ градъ,
«А самому остаться въ бѣлополотняномъ шатрѣ
«Со своимъ войскомъ съ любимымъ».
Садился тутъ Василій на добра коня.
Поѣхалъ Василій во Кіевъ градъ,
Не дорогой ѣхалъ не воротами,
Черезъ стѣны скакалъ городовыя
Мимо башенки тѣ наугольныя;
Подъѣзжаетъ ко двору ко княжескому

И соскакивалъ съ добра коня удалой,
Заходилъ же онъ на красно крыльцо,
Заходилъ же онъ во свѣтлу гридню,
И подходилъ онъ къ столамъ дубовымъ,
И клалъ ярлыки тѣ скорописчатые.
И подходилъ тутъ Владиміръ стольно-кіевскій
И бралъ ярлыки скорописчатые.
Какъ въ ту пору, да во то время,
Не ясенъ соколъ да подымается,
А пріѣхалъ старый во Кіевъ градъ,
Забѣгаетъ старый на красно крыльцо,
Заходитъ старый во свѣтлу гридню.
А Владиміръ стольно-кіевскій
Горючими слезами уливается;
Не подымаются у него бѣлы руки,
Не глядятъ у его очи ясныя,
Говорилъ же онъ тутъ таково слово:
«Ты бери-тко-ся старый ярлыки скорописчатые,
«Ты читай ко ихъ скоро на скоро,
«И что въ ярлыкахъ тѣхъ написано
«И что на бархатѣ напечатано».
И началъ старый читать скоро на скоро,
Самъ читалъ, а головушкой поматывалъ,
Даже горючи слезы покатилися,
И въ слухъ читалъ, всѣ слышали
А что же въ ярлыкахъ написано
И сроку въ ярлыкахъ не дано:
«Не спущу изъ Кіева ни стараго ни малаго,
«А самаго Владиміра-буду тянуть очи косицами,
«А языкъ-то теменемъ,—съ живаго кожу драть буду,
«А княгинюшку Апраксію возьму за Василія Прекраснаго».
Тогда говорилъ старъ козакъ таково слово:
«Ужъ ты гой еси посланникъ, строгій царь!
«Ужъ ты дай-ко ся мнѣ сроку на три года».
«А не дамъ я вамъ сроку на три года».
«А дай ко ты намъ хошь на два года».
«А не дамъ я вамъ сроку на два года».
«Дайте сроку хошь на полгода,
«А безсрочныхъ, сказалъ старъ козакъ, и на землѣ нѣту».
Даваетъ Василій сроку на полгода,
И угощать стали Василія Прекраснаго
Зеленымъ виномъ, пивомъ пьянымъ, медомъ сладкімъ,
И начали дарить золотой казной:
Подарили одинъ кубчикъ чиста золота,
А другой-отъ подарили скатна жемчуга,
Да дарили еще червонцей хорошихъ,
Дарили еще соболями сибирскіими,
Да еще дарили кречетами заморскими,
Да еще дарили блюдами однозолотными,
Да бархатомъ дарили краснымъ.
Принималъ Василій подарочки великіе,
И везъ къ Мамаю въ бѣлополотнянный шатеръ.
Во ту пору, во то время пошелъ старый по Кіеву граду,
Нашелъ дружинушку хорошую, того ли Потанюшку Хроменькаго,
Писалъ ярлыки скорописчатые
Ко своимъ ко братьицамъ ко названнымъ:
Во первыхъ-то къ Самсону Колувану,
Во вторыхъ-то къ Дунаю Ивановичу,
Во третьихъ-то къ Василію Касимерову,
Во четвертыхъ-то къ Михайлушкѣ Игнатьеву съ племянникомъ,
Во пятыхъ-то къ Потоку Ивановичу,
Во шестыхъ-то къ Добрынюшкѣ Никитичу,
Во семыхъ-то къ Алешѣ Поповичу,
Въ восьмыхъ-то къ двумъ братьямъ Иванамъ,
Да еще къ двумъ братьямъ, двумъ Суздальцамъ.
Поѣхалъ Потанюшка во чисто поле,
Собралъ всѣхъ удалыхъ добрыхъ молодцевъ,
Русскихъ могучихъ всѣхъ богатырей.
Не ясны соколы солетались,
Не славны добры молодцы соѣзжалися,
Ко тому ли Владиміру собиралися,
И почали думу думати совѣтъ совѣтывать,
И началъ старый у ихъ спрашивати:
«Ужъ вы удалы добры молодцы!
«Постоимъ-ко ся мы за вѣру христіанскую,
«И зъ тѣ же за храмы за божіе,
«И за тѣ-же честные монастыри
«И своею мы кровью горячею,
«И поѣдемъ мы въ далече чисто поле
«На рать силу великую,
«Поѣдемъ мы всѣ покаемся.
«А и ты Владиміръ стольно-кіевскій!
«Ты пошли ко намъ да во чисто поле
«Сорокъ возовъ хлѣба бѣлаго,
«Да сорокъ сороковъ зелена вина,
«Да сорокъ возовъ хлѣба чернаго.

«Ужъ какъ мы живы пріѣдемъ изъ рать силы великія;
«Тогда вздумамъ позабавиться,
«И тогда не дошѣдши моимъ ребятамъ низко кланяйся,
«А не пріѣдимъ изъ того побоища Мамаева, —
«Похорони наши тѣла мертвыя
«И помяни русскихъ богатырей,
«И пройдетъ славушка про насъ не малая».
Садились добры молодцы на добрыхъ коней,
Поѣхали добры молодцы во чисто поле,
И разставили они шатры бѣлополотняные,
Гуляли они трои суточки,
А на четвертые сутки протрезвилися,
И начали они думу думати, совѣтъ совѣтывати,
И сталъ старый у ихъ спрашивати:
«Ужъ вы гой еси сильные русскіе богатыри!
«Кому же изъ васъ съѣздить въ рать силу великую,
«Ко тому же Мамаю богатому,
«Посмотрѣть войско изрядное,—
«Съ которой стороны начинать намъ будетъ».
«На волю мы даемъ тебѣ, кого пошлешь въ рать силу великую:
И на то старому слово понравилось:
«Еще Самсона послать, — силой силенъ, да не поворотливый.
«Потеряетъ онъ у Мамая буйну голову;
«А если Дунай послать, Дунай—онъ задорливый,
«Позадорится заѣхать во рать силу великую;
«Есть во рати три переката глубокіихъ,
«А наставлены въ перекатахъ копья вострые:
«Во первыхъ онъ потеряетъ добра коня;
«А во вторыхъ потеряетъ буйну голову;
«Не пріѣхать ко мнѣ Дунаю съ вѣсточкой.
«Если Добрыню мнѣ послать, Добрыня все не высмотритъ,
«И не узнать Добрынѣ силы Мамаевой;
«Если Василія послать—не сосчитаетъ онъ силу
«И не пересмотритъ ее со краю на край,
«Потеряетъ Василій буйну голову долой,
«Больше мнѣ послать и некого.
«Будетъ мнѣ-ка старому самому идти.
«Вы гуляйте-ко суточки теперь первые
«И гуляйте вы други сутки,
«На третьи сутки соряжайтеся
«И къ ратному дѣлу поѣзжайте,
«Какъ зазвенитъ палица боевая
«И зачинаетъ моя сабля острая
«И затрублю я во турій рогъ.
«И во середку въ силу не ѣздите,
«А рубите силу со краю на край
«И не оставляйте силы ни стараго, ни малаго,
«И никого неоставляйте Мамаю на сѣмя».
И всѣ стали удалы добры молодцы на рѣзвы ноги
И поклонилися всѣ низко старому,
И поѣхалъ старъ во рать силу великую
И пробивался старый до бѣла шатра до Мамаева,
Соскакивалъ тутъ старый со добра коня,
И заходилъ старый во шатеръ бѣлополотняный,
Идетъ старый казакъ, низко не кланяется.
Увидалъ тутъ Мамай, въ шатрѣ человѣка странаго,
Говорилъ же Мамай таково-слово:
«Ужъ ты гой еси, Личарда слуга вѣрная!
«И зачѣмъ ты ходишь, и что тебѣ надобно,
«И откуль ты идешь и откуль путь держишь,
«Изъ Кіева идешь, али изъ Чернигова?»
«Иду же я изъ города изъ Кіева».
«А и что же нонѣ во Кіевѣ то дѣется,
«Незнаешь ли ты то добрый молодецъ,
«И не слыхалъ ли ты да про стараго?
«Разскажика ты мнѣ, какой онъ ростомъ,
«И сколь широкъ онъ плечьми?»
Отвѣчаетъ тутъ калѣка переходная:
«Ужъ ты гой еси Мамай, богатый царь!
«Довольно видѣлъ я Илью Муромца.
«Ты гляди на ево все равно какъ на меня же,
«Ростомъ онъ умѣренный, въ плечахъ не широкъ былъ,
«Лицо у ево постное, пиво пьетъ онъ по стаканчику,
«А вино то пьетъ онъ всего по рюмочкѣ,
«А закусываетъ да по калачику.
«У стараго то бородушка сивая,
«Сивая бородушка да красивая».
А и тутъ Мамай да прирасхонулся:
«Напрасно же шла славушка великая про стараго,
«Отъ востоку шла и до запада,
«До той орды до великой,
«До меня ли Мамая грознаго,
«Лучше меньше гонитъ бы силы войска,
«Еще есть-ко при мнѣ Рославнѣй Рославнѣевичъ!
«Приготовь-ка для него говядины быка заразъ,
«А зелена вина пивной котелъ,

«А промежъ глазъ у него калена стрѣла,
«А промежъ плечами двѣ сажени печатныхъ».
Отвѣтъ держитъ тутъ старый казакъ:
«Ты безумный богатый царь!
«Какъ у насъ то во городѣ во Кіевѣ,
«Собирался у князя Владиміра почестенъ пиръ,
«А была у Владиміра собака обжорлива,
«По подстолью собака водилася,
«Косьемъ та собака подавилася;
«Тутъ собакѣ и смерть пришла.
«Не уѣхать тебѣ Мамай отъ города отъ Кіева,
«Срубитъ у тебя старъ козакъ буйну голову».
Тутъ Мамаю за бѣду стало,
За великую досаду показалося,
И хватилъ то Мамай чинжалище вострый ножъ,
И шибъ въ стараго вострымъ ножомъ,
А на то старый увертливъ былъ, ухватку зналъ,
И ухватилъ старый вострый ножъ въ бѣлы руки,
И обратилъ старый острый ножъ,
И закололъ старый Мамая, и срубилъ ему буйну голову.
И разбилъ палачей много множество,
И добрался до своего добра коня
Скоро старый на коня вскочилъ,
И затрубилъ старый во турій рогъ,
И смутилися у стараго очи ясныя,
И разгорѣлось у стараго ретиво сердце;
Не увидѣлъ старый свѣту бѣлаго,
Не узналъ старый ночи темныя,
И расходились у его плечи могучія,
И размахнулись руки бѣлыя,
И засвистѣла у его палица боевая,
И зачикала его сабелька острая,
И наѣхали удалы добры молодцы,
Тѣ же во поли быки кормленые,
Тѣ же сильные могучіе богатыри,
И начали силу рубить со краю на край.
Не оставляли они ни старого, ни малого,
И рубили они силу сутки пятеро,
И не оставили они ни единаго на сѣмена,
И протекала тутъ кровь горячая,
И паръ шелъ отъ трупья по облака.
Оставалися только во лагеряхъ у старого,
Два брата,—два Суздальца,
Чтобы встрѣтить съ пріѣзду богатырей, кому быть.
Не утерпѣли тутъ два брата Суздальца
И поѣхали во ту рать силу великую.
А и пріѣхалъ тутъ старъ козакъ со другомъ,
А встрѣтить-то у лагерей и некому.
И ѣхали отъ рать силы великая,
Тѣ два брата, два Суздальца.
И сами они похваляются:
«Кабы была теперь сила небесная,
«И всѣ бы мы побили ею по полю».
Вдругъ отъ ихъ слова сдѣлалось чудо великое,
Возстала сила Мамаева
И стало силы больше впятеро.
И пріѣхали они ко старому,
И ко тѣмъ дружинушкамъ хоробрымъ,
И начали они разсказывать,
Что мы ѣхали дорогой похвалялися
И возстало силы впятеро,
И сами имъ во всемъ повинилися.
Тутъ поѣхала дружинушка хороброя
Во ту рать силу великую,
И начали бить съ краю на край,
И рубили они сутки шестеро,
А вставать силы больше прежняго.
Узналъ старый предъ собой вину
И покаялся старый Спасу Пречистому:
«Ты прости насъ въ первой винѣ,
«За тѣ же слова глупыя,
«За тѣхъ же братовъ Суздальцей».
И повалилась тутъ сила кроволитная,
И начали копать мать сыру-землю,
И хоронить тѣло да во сыру землю,
И протекла рѣка кровью горячею.
Садились тутъ удалы на добрыхъ коней;
Поѣхали удалы ко городу ко Кіеву,
Заѣхали они въ крашенъ Кіевъ градъ,
Во тѣ же во честны монастыри,
Во тѣ же пещеры во Кіевски;
Тамъ всѣ они и представилися.
Тутъ старому славу поютъ.

IX. СТАРИНА ПРО ДЮКА СТЕПАНОВИЧА.

Было у Дюка испостроено,
Все было у Дюка исподѣлано:
Домъ у его на семи верстахъ,
А и крытъ онъ мѣдью казарскою,
Еще котора была дороже красна золота;
Огородочка была да на 70 верстахъ
Еще триста столбовъ да серебряныхъ,

Еще 400 столбовъ да позолоченыихъ,
А и мѣднымъ да желѣзнымъ еще счету нѣтъ;
Въ дому его было три церкви, три божіихъ:
Еще первая церковь Спасу Пречистому,
Вторая церковь Богоматери,
Третья церковь Дюковой родной матушкѣ.
Просился Дюкъ сынъ Степановичъ:
«Пусти-ка меня мати ко князю ко Владиміру,
«Еще на людей посмотрѣть да себя показать».—
«Ужъ ты гой еси мое чадушко, родимое да любимое,
«Ты еще годами молодешенекъ, а умомъ глупещенекъ;
«Поѣдешь ко Владиміру, еще прирасхвастаешься
«Своимъ житьемъ бытьемъ да богатствомъ».
А и поѣхалъ тутъ Дюкъ да не дорогою,
Выѣзжалъ ли Дюкъ да не воротами,
Горы да долы промежъ ногъ онъ бралъ,
Быстрыя рѣки перескакивалъ;
Пріѣзжаетъ онъ во крашенъ Кіевъ градъ,
Скакалъ онъ черезъ стѣну городовую,
Перескакивалъ черезъ башни наугольныи,
Доѣзжалъ до князя до Владиміра,
Оставлялъ онъ коня не приказана да не привязана.
Заходилъ Дюкъ да на красно крыльцо,
Заходилъ онъ да во новы сѣни,
Новыя сѣни выгибалися.
Заходилъ тутъ Дюкъ да во свѣтлу гридню:
«Ужъ ты гой еси княгинюшка Апраксія!
«Ужъ и гдѣ у насъ Владиміръ да стольно-кіевскій»?
Владиміра да дома не случилося,
Владиміръ то былъ во Божьей церкви,
Во Божьей церкви да Богу молился.
Поѣхалъ тутъ Дюкъ сынъ Степановичъ
Ко той ли, да ко Божьей церкви.
Становилъ коня не приказана да не привязана,
Самъ пошелъ Дюкъ да во Божью церковь,
Становился Дюкъ во мѣстечко гостинное.
На отходѣ у Владиміра служба стала,
Посылалъ да Владиміръ своихъ слугъ вѣрныхъ:
«Ужъ вы гой еси, да слуги вѣрные!
«Вы спросите-тко да добра молодца:
«Какого онъ отечества, какого молодечества»?
Говоримъ онъ имъ: «зовутъ меня Дюкъ Степановичъ».
Подходилъ тутъ Владиміръ стольно-кіевскій
Ко тому ли да добру молодцу:
«Ужъ ты здравствуйка, Дюкъ Степановичъ!
«Просимъ милости ко мнѣ хлѣба соли ѣсть,
«Хлѣба соли ѣсть, да пиво съ медомъ пить».

Пошли они изъ Божьей церкви,
Сѣли на коней своихъ добрыхъ,
Ѣдетъ Дюкъ ступью бродовою,
А Владиміръ ѣдетъ во всю рысь лошадиную,
Доѣхали до палатъ княжевскихъ,
Заходили они на красно крыльцо,
Заходили они во новы сѣни,
Заходили они во свѣтлу гридню,
Садились они за столы за дубовые,
Садились они за скатерти за перчатныя,
Садились они за кушанья за сахарныя,
Садились они за столы за медвяные.
Принесла тутъ княгиня перву ѣству калачики;
Верхню-то корочку Дюкъ ѣстъ,
А исподню-то подъ столъ спущаетъ.
Говоритъ тутъ Владиміръ да стольно кіевскій:
«Что ты Дюкъ, да сынъ Степановичъ!
«Верхню корочку ѣшь, а исподню подъ столъ спущаешь».

Говоритъ ему Дюкъ Степановичъ:
«Пахнутъ у васъ калачики да на сосенку,
«Пашутъ увасъ печи да помелышками сосновыми,
«Да купаютъ помелышки въ ключевой воды.
«У меня-то матушка да испечетъ калачики—
«Первый съѣшь да пуще хочется,
«И второй-то съѣшь да пуще хочется,
«На третей—отъ калачика душа бѣжитъ,
«А и пашетъ она помелышками шелковыми,
«Акунатъ-то она помелышки да въ медову воду».
И разспоримъ тутъ Дюкъ да со Владиміромъ:
«Проношу, говоритъ, три года платьена обновочку».
И выискалось тутъ три боярина у Владиміра:
«Проносимъ, говорятъ, и мы три года платье на обновочку».

Носили тѣ бояра платье на обновочку,
А носили они годъ да полгода.
А Дюкъ то Степановичъ носилъ три года,
А и каженый день носилъ онъ обновочку,
А въ послѣдній день носилъ онъ сапожки шиты краснымъ золотомъ,

Высажены сапожки скатнымъ жемчугомъ.
Посылалъ тутъ Владиміръ Алешеньку Поповича
Да еще того Илеюшку Муромца:
«Поѣзжайте-ка вы да ко Дюковой родимой матушкѣ
«Отнимите вы все его имѣнье богачество».
Ужъ и говоритъ имъ Дюкъ Степановичъ:

«Ужъ вы гой еси, Алешинька Поповичъ да Илею-
шка Муромецъ»!
«Ужъ накланяетесь вы моимъ да портомойницамъ,
«Вмѣсто моей родимой матушки».
Пріѣхали они да ко Дюкову дому,
Заходили они на красно крыльцо,
Заходили они да во свѣтлу гридню
И кланялись они Дюковымъ портомойницамъ
Вмѣсто Дюковой родной матушки.
Говорятъ имъ портомойницы
«Мы не Дюкова родна матушка
«Мы ли да портомойницы:
«Дюковой матушки дома не случилося,
«Дюкова матушка да во божьей церкви».
Пошли тутъ они да во божью церковь,
А на встрѣчу имъ идутъ да портомойницы,
Они кланяются да тѣмъ портомойницамъ,
Да вмѣсто Дюковой родной матушки.
А Дюкова матушка позади идетъ;
По косичкамъ у ей часты звѣзды,
На затылкѣ у ей младъ ясенъ мѣсяцъ,
А во лбу у ей красно солнышко.
И кланяются они Дюковой родной матушкѣ.
Говоритъ-то имъ да Дюкова матушка:
«Ужъ вы здравствуйте удалы добры молодцы,
«Просимъ милости хлѣба соли ѣсть, да пива съ
медомъ пить».—
«Мы пришли къ тебѣ не хлѣба соли ѣсть,
«Мы пришли къ тебѣ имѣніе — богачество описы-
вать».

Заводила она ихъ да во перву комнату;
Не могли они описать всего имѣнія и въ одной
комнатѣ

Тутъ приносила она имъ перву яству колачика:
Ужъ какъ первый съѣшь, пуще хочется,
И второй-отъ съѣшь да пуще хочется,
На третей-отъ калачикъ душа бѣжитъ.
Тутъ поѣхали они ко князю ко Владиміру,
И разсказали ему все, что съ ними приключился
И похвасталъ тутъ Дюкъ Степановичъ:
«Ты продай, говоритъ, крашенъ Кіевъ градъ,
«Ты купи-ко бумаги со чернилами,
«Поѣзжай да описывай мой широкій дворъ.
«Ужъ вы гой еси, Илья Муромецъ, Добрынюшка да
Алешинька,
«Поѣдемъ-ко скакать черезъ быстру рѣку
«На тѣхъ же коняхъ добрыихъ».
Приразъѣхались удалы да на три поприща:
Скакалъ первый Дюкъ Степановичъ,
Добрый конь его горы промежъ ногъ бралъ,
Выскакивалъ онъ да черезъ быстру рѣку.
А и не могли тѣ выскочить черезъ быструю,
Тутъ де они и уходилися.

III. СТИХИ НИЩЕЙ БРАТІИ *).

1.

Свѣтлое Христово Воскресенье
Дошло до Христова Вознесенья.
Возносился Христосъ на небеса
Съ ангелами, съ херувимами,
Съ грозными серафимами;
Восплакалась тутъ нищая братья
Возрыдала убогая сирота:
На кого ты насъ Господи оставляешь,
На кого ты насъ убогихъ спокидаешь,
Кто насъ обуетъ, одежитъ,
Кто насъ тепломъ обогрѣетъ?—
Не плачь-те ка нищая братія,
Не рыдайте убогая сирота;
Оставлю я вамъ гору золотую,
Оставлю я вамъ рѣку медовую,
Оставлю я вамъ садъ съ виноградомъ;
Промежу собой горой подѣлитеся—
Всѣ будете сыты и пьяны,
И обуты, и одѣты,
И отъ темной ноченьки укрыты.
Іоаннъ Злотоустъ возглаголалъ:
Истинный Христосъ Царь небесный
Нищимъ горой не увладѣть
Промежу собой горы не раздѣлить:
Наѣдутъ князи и бояра,
Наѣдутъ вси, пестрыя власти,
Отберутъ у ихъ гору золотую,
Отберутъ у ихъ рѣку медовую,
Отберутъ у ихъ садъ съ виноградомъ.
Ты оставь лучше Христово имя
Ходить по селамъ, по городамъ
Ходить по городамъ, по пригородкамъ.
И всѣ будутъ сыты и пьяны,
Всѣ будутъ обуты и одѣны
И отъ темныя ноченьки укрыты.
Слава тебѣ Христу Богу!

*) Записаны въ Мезени г. Никольскимъ.

2.

Пречудная Царица Богородица!
Услыши молитвы рабъ своихъ,
Прими наши слезы горячія,
Не лиши насъ царства небеснаго,
Избави насъ отъ муки отъ вѣчныя,
Отъ вѣчныя отъ муки, отъ безконечныя.
Земля ты сыроматерая!
Мы тобою земля—мати спороженые
Мы тобою земля будемъ спогребеные.
Гробы колоды бѣлодубовыя
Намъ домовища превѣчныя,
Превѣчны домовища безконечныя.
Долго намъ жить да помереть будетъ,
Велики богатства останутся;
Намъ слезами отъ смерти не отплакаться,
Чистымъ серебромъ отъ смерти не откупитися!
Я скажу человѣку чѣмъ душу спасти
Душу спасти—постомъ, молитвою,
Въ рай-отъ дойти, да чистой милостиней.—
Грѣшны, вы грѣшны грѣшники
Вы подите-ка во пустыни во пустыя,
Постригитесь во ризы во черныя,
Наложите на себя схиму спасенную,
Вы молитесь-ка Спасу пречистому.—

3.

Ходилъ человѣкъ по Сіонскимъ горамъ,
Смотрѣлъ человѣкъ по всей землѣ, по всей Руси:
Чѣмъ это земля изукрашена,
Чѣмъ это земля изнаполнена,
Чѣмъ это земля изнасажена.—
Изукрашена земля церквами божьими,
Изнаполнена земля душами праведными,
Изнасажена земля душами грѣшными,—
Что иро этихъ про грѣшныхъ протекала рѣка,
Протекала рѣка, рѣка огненная.
Черезъ огненну рѣку перевозчики стоятъ.
Михаилъ Архангелъ да Гавріилъ свѣтъ!

Перевезите вы насъ черезъ огненну рѣку,
Черезъ огненну рѣку къ своему Христу,
Къ Пресвятой мати Богородицѣ.
Не перевезешь-то мы васъ черезъ огненну рѣку
Къ самому Христу, къ Пресвятой Богородицѣ—
Въ божью церковь вы не хаживали,
Пѣнья, чтенья церковнаго не слушивали,
Звону колокольнаго не вѣровали
Великаго поста не постовали,
Среды, пятницы Христовы не праздновали,
Земныхъ-то поклоновъ не сполнивали.

4.

Речетъ Божья Мати Пресвятая
Пречистая дѣва Марія:
Гдѣ ты ночью ночевала
Гдѣ ты ночью опочивала?
Во самомъ во городѣ Виелеемѣ
Во самомъ святомъ вертепѣ.
Мнѣ во истину мало спалося
Мнѣ много сновъ удалося—
Какъ единое чадочко спородила,
Я во пелены пеленала,
Я во поясъ увивала.
Я во пелены б е р ч а т ы я
Я во поясы шелковые,
На святой рѣки Ердани окунала,
Надъ святой рѣкой Ерданомъ
Выростало свято дерево,
Свято дерево кипарисное.
Явился на деревѣ чуденъ крестъ
Чуденъ крестъ, крестъ Господень—
Быть Христу на крестѣ распяту,
Быть Христу на крестѣ убіенну,
Отъ книжницъ, фарисеевъ,
Разбойниковъ, душегубцевъ.
На крестѣ Христа свѣта распинали,
Руци, нози пригвоздиша,
Тростью голову проломиша,
Копьемъ ребра прободоша,
Горячую кровь проливаша,
На святое лице наплеваша,
Какъ земля то мати вся потряслася,
Красно солнышко потемнѣло,
Младъ свѣтелъ мѣсяцъ весь смеркнулъ,
Звѣзды частыя всѣ потухли,
Небесныя облака весь свѣтъ совивали,
Церковныя завѣсы раздиралися
Съ верхняго конца до нижняго.
Какъ изъ раны его течетъ кровь и вода.
И спровѣдала Божья Мать Христова,
Ко Христу Божья Мать пришла
Устами она глаголала:
Ужъ ты сладкое мое чадо дорогое!
Почто волею дался на распятье
Книжницамъ и фарисеямъ,
Разбойницамъ душегубцамъ?
Ужъ тутъ истинный Христосъ возглаголалъ:
Не плачь мати, не возрыдай!
Не слези мати ясныя очи,
Не скорби мати свою утробу.
Моя мати,—моя смерть живоносна;
Ужъ я самъ мати по тебя буду,
Ужъ я самъ изъ тебя душу выну,
Спишу твой ликъ на икону,
Положу твою икону въ божью церковь,
Въ божью церковь да за престолъ.
Начнутъ твоему лику молитися,
Начнутъ твоему лику покланятися.

5.

Съ восточной стороны летѣли два ангела,
Летѣли два хранителя.
Ужъ вы гдѣ были, гдѣ летали?
Ужъ мы летали на разстаньюшкѣ,
Гдѣ душа съ тѣломъ разставалася,
Разставалася — не простилася,
Не простилася—воротилася.
Ты прости, прощай, тѣло грѣшное!
Тѣло грѣшное, грѣхи тяжкіе,
Ужъ тебя тѣло въ землю кладутъ,
А меня душу на отвѣтъ ведутъ,
На отвѣтъ ведутъ, отвѣчать велятъ
Самому Христу Царю Небесному.
Ужъ я чѣмъ буду оправдатися,
Ужъ я чѣмъ буду боронитися?

6.

Человѣкъ на земли живетъ, какъ трава растетъ,
Всяко слово человѣческо яко цвѣтъ цвѣтетъ:
Ввечеру человѣкъ, во бесѣдѣ сидитъ,
А по утру человѣкъ во гробу лежитъ,
Ясны очи помрачилися, — и языкъ умолче,

Бѣлы руки приложилися къ ретиву сердцу.
Самъ отходитъ и преходитъ въ незнакомый міръ,
Тамо зритъ лице вещи преужасныя.
Вы помилуйте добрые ангелы!

7.

Инокъ идетъ по дорогѣ,
Черноризецъ по широкой;
Идучи, онъ слезно плачетъ,
Во слезахъ пути не видитъ.
На встрѣчу ему Царь Небесный.
Вопрошаетъ его Царь Небесный:
Очемъ инокъ слезно плачешь
Во слезахъ пути не видишь?
Отвѣчаетъ младой инокъ:
Какъ мнѣ Господи не плакать,
Былъ у меня ключъ церковный;
Потерялъ я этотъ ключъ,
Уронилъ его я въ сине море.
Утѣшаетъ царь небесный:
Не плачь, не плачь младый инокъ,
Выкину я тебѣ ключъ церковный
На крутъ красенъ бережечикъ,
На желтенькій на песочекъ,
И возмущу я сине море
Превеликими волнами.
(Далѣе снова повторяются первыя 9 строкъ, а потомъ:)
Потерялъ я злату книгу.
Утѣшаетъ Царь Небесный:
Не плачь, не плачь младый инокъ!
Напишу тебѣ злату книгу
И своима я руками.

8.

Жили были два брата родные, два Лазарл.
Первой-отъ братъ богатый, другой убогой;
Убогій къ богатому прихаживаетъ
Честную милостыньку выпрашиваетъ:
«Братъ ты мой братецъ, братенко родной,
«Подай-ко мнѣ братецъ честную милостыню,
«Напой, накорми, обуй и одѣнь
«Въ темную ноченьку притули».
Выходитъ богатый на красно крыльцо,
Говоритъ богатый таковы слова:
«Что ты мнѣ за братъ, что ты за родня,
«Есть у меня братьица,—князи бояра,
«Гости и торговы,—то мои родны;
«Есть у меня да два лютые пса,
«По подстолью крошечки посбирываютъ,
«Горячія раны зализываютъ,
«То тебѣ братьица, то тебѣ родны».
Пошелъ убогій прочь отъ окна
Выходитъ убогій во чисто поле;
Взмолился убогій Господу Богу:
Господй, Господи Спасъ Милостивой,
Пришли мнѣ Господи лютыхъ ангеловъ,
Лютыхъ и свирѣпыхъ и немилосливыхъ,
Выняли бы душечку не честно, не хвально и не бережно,
Посадили бы душечку на остро копье,
Понесли бы душечку на небеса,
Бросили бы душечку во кромешный адъ.
Услышалъ Господь молитву его,
Увидѣлъ Господь горючи слезы,
Послалъ ему Господь тихихъ ангеловъ,
Тихихъ и крѣпкихъ и милосливыхъ;
Выняли его душу честно, прехвально и пребережно,
Посадили душечку на рамы свои,
Понесли душечку на небеса,
Посадили душечку въ пресвѣтлый рай.
Выходилъ богатый среди каменныхъ палатъ,
Смолился богатый Спасу многомилосливому:
Господи, Господи, пречистый Спасъ!
Пришли ты мнѣ Господи тихихъ ангеловъ,
Тихихъ и кроткихъ и милосливыхъ.
Услышалъ Господь молитву его:
Послалъ ему лютыхъ ангеловъ,
Лютыхъ и свирѣпыхъ, немилосливыхъ.
Взяли его душечку нечестно, нехвально и небережно,
Посадили душечку на остро копье,
Понесли душечку на небеса,
Бросили душечку въ кромешный адъ,
Въ огнь неутишимый, въ смолу кипячу.—
Увидалъ богатый брата своего:
«Братъ, ты мой братъ, братенко родной!
«Посмотри братецъ на мое житье, на горе горькое,
«Обмокни-ка братецъ во мое житье конецъ перста своего».
Говоритъ убогій таковы слова:
«Что ты мнѣ за братъ, что ты за родня,
«Есть у тебя братцы—князи, бояра,
«Гости и торговы—то твоя родня.

«Есть же у тебя два лютые пса
«По подстолью крошечки собирываютъ
«Горячія раны зализываютъ—
«То мои братьица, то моя родня!».

9. ЕЛЕНИНСКІЙ СТИХЪ *).

Отъ моря морюшка отъ синяго,
Отъ синяго моря студеная,
Отъ озера Маслеева,
Собиралися калики перехожіе,
Сорокъ каликъ со каликою.
Собиралися ко кресту Леванидову,
Еще клали они заповѣдь великую
Великую заповѣдь тяжелую:
«Не ходить намъ къ царямъ, царевичамъ,
«Не ходить намъ къ королямъ королевичамъ;
«Кто изъ насъ братцы заворуетъ,
«Кто изъ насъ братцы заплутуетъ,
«Кто изъ насъ братцы за блудомъ пойдетъ,
«Намъ судить таковаго своимъ судомъ,
«Намъ копать таковаго въ землю по поясу,
«Рѣчистъ де языкъ да тянуть къ темени,
«Очи де ясныя косицами,
«Ретиво-то сердечушко плечьми».
Пошли-то калики по чисту полю,
День идутъ и другой идутъ.
На встрѣчу каликамъ идетъ Владиміръ князь,
Не доѣхалъ до каликъ, онъ съ коня сошелъ,
Со коня сошелъ, низко кланялся.
«Ужъ вы здравствуйте удалы добры молодцы,
«Вы калики перехожіе,
«Здравствуй-ко Дунай сынъ Ивановичъ,
«Здравствуй-ко Касьянъ сынъ Ивановичъ,
«Здравствуй-ко Михайло сынъ Михайловичъ!»
Тѣхъ-то каликъ лучше краше нѣтъ.
Платье на нихъ словно маковъ цвѣтъ,
Сумочки были лита бархата,
Подсумочки были хрусчатой камки.
«Гой еси удалы добры молодцы!
«Спойти-ко мнѣ Еленинскій стихъ;
«Захотѣлося мнѣ отъ васъ послушати».
Ужъ и тутъ калики не ослушалися,
Во сыру землю копьица потыкали,
Запѣли калики Еленинскій стихъ,
Запѣли, захотали въ полъ-крикъ
Земля-то мати потрясалася,
Во озерахъ воды всколыхалися,
Темные лѣса пошаталися,
На горахъ-де сыры дубы выгибалися.
Не можетъ Владиміръ стоючи стоять,
Не можетъ Владиміръ сидючи сидѣть,
Не можетъ Владиміръ лежучи лежать;
Увалился его Алешинько извощичекъ,
Увалился его Добрынюшко занятничекъ.
Говорилъ имъ Владиміръ таковы слова:
«Ужъ вы гой еси удалы добры молодцы,
«Не могу я стоючи стоять,
«Не могу я сидючи сидѣть,
«Не могу я лежучи лежать,
«Увалился мой Алешинько извощичекъ,
«Увалился мой Добрынюшко занятничекъ,
«Ужъ вамъ полно пѣть Еленскій стихъ».
Вставали калики на рѣзвы ноги,
Брали сумочки бархатныя,
Пошли калики во чисто поле.
Ужъ и тутъ Владиміръ возговорилъ:
«Ужъ вы гой еси удалы добры молодцы!
«Пойдете вы мимо крашенъ Кіевъ градъ,
«Приворачивайте-ко къ молодой княгинюшкѣ Апраксѣ.
«Милости просимъ хлѣба соли ѣсть,
«Хлѣба соли ѣсть, да пива съ медомъ пить».
Пошли тѣ калики по чистому полю,
День они идутъ и другой идутъ,
Доходятъ они ко палатъ княженскіихъ,
Ко тое-ли околенки стеклянныя.
Запросили они милостинку Христа-ради,
Для ради Христа царя небеснаго.
Попросили они въ полъ-крику:
Земля-то мати потрясалася,
На озерахъ вода всколыхалася,
На столахъ-то кушанья всплескалися,
Муравлены печки помитусилисъ.
Услыхала тутъ княгинюшка Апраксія,
Высовывалась она въ окошечко по поясу:
«Ужъ вы здравствуйте, удалы добры молодцы!
«Вы калики перехожіе,
«Здравствуй-ко Дунай сынъ Ивановичъ,
«Здравствуй-ко Касьянъ сынъ Ивановичъ,
«Здравствуй-ко Михайло сынъ Михайловичъ!

*) Его скорѣе нужно причислить къ былинамъ, но такъ какъ сами нѣмцы, отъ которыхъ я записалъ его, причислили къ этому разряду, то и я послѣдовалъ ихъ примѣру. Прим. Никольскаго.

«Просимъ милости хлѣба соли ѣсть,
«Хлѣба соли ѣсть да пива съ медомъ пить
«Ко младой княгинѣ ко Апраксѣ».
Заходили калики на красно крыльцо,
Ступешекъ до ступешка догибается;
Заходили калики на новы сѣни,
Новы сѣни выгибалися;
Заходили калики въ свѣтлу гридню,
Ужъ и крестъ кладутъ они по писаному,
Ужъ и поклонъ ведутъ да по ученому.
«Ужъ ты здравствуй-ко княгинюшка Апраксія!»
Заходили они за столы за дубовые,
За тѣ скатерти за перчатныя,
За тѣ же за кушанья сахарныя.
Тутъ калики поѣли, покушали,
Бѣлыя лебедушки порушали.
Выходили изъ за столовъ дубовыхъ,
Выходили изъ за скатертей перчатныхъ,
Ужъ и крестъ кладутъ по писаному,
Ужъ и поклонъ ведутъ по ученому.
«Благодарствуй княгинюшка Апраксія!»—
«Ужъ вы гой еси удалы добры молодцы!
«Ужъ и день идетъ ко вечеру,
«Ужъ и солнышко клонится къ западу,
«Не пора-ли вамъ калики опочивъ держать,—
«Выведу я васъ да по единому».
Стали калики да опочивъ держать,
Развела она ихъ да по единому.
Брала къ себѣ Михайла Михайловича,
Ложила его на кроваточку тесовую,
Ложила его на периночку пуховую,
На подушечки тяжелыя,
Подъ то одѣялышко соболиное.
Случилося ночи во первомъ часу
Сходила княгинюшка со печки со муравленыя,
Ложилася на кроваточку тесовую,
На ту перину на пуховую,
На тѣ подушечки тяжелыя;
Подъ то одѣялышко соболиное,
Накинула на Михайлушка ручку правую,
Прижала Михайлушка къ ретиву сердцу.
«Ужъ ты гой еси, Михайлушка Михайловичъ!
«Ты влюбись-ко-ся въ меня княгиню Апраксію,
«Ты наймись-ко-ся къ князю Владиміру во работники.
«Ужъ мы станемъ съ тобой за едино жить,
«За едино жить, да любовь творить».
— Ты поди-ко прочь княгинюшка Апраксія,
У насъ складена заповѣдь великая
Великая заповѣдь тяжелая:
Не ходить намъ къ царямъ, царевичамъ,
Не ходить намъ къ королямъ, королевичамъ,
И кто изъ насъ зоворуется,
И кто изъ насъ заплутуется,
И кто изъ насъ за блудомъ пойдетъ,—
Намъ судить такого своимъ судомъ,
Намъ копать таково въ землю по поясу,
Рѣчистъ де языкъ да тянуть къ темени,
Очи ясныя косицами,
Ретиво сердечушко плечьми.
Ушла княгиня на ту печьку на муравленную.
Случилось ночи во второмъ часу
. . . . . .
(То же, что и въ первомъ).
Случилося ночи во третьемъ часу,
Заспалъ тутъ Михайлушка крѣпкимъ сномъ.
Соходила княгиня со печки со муравленыя,
Брала тутъ сумку лита бархата,
Разшила, разтягала сумку бархатную,
Клала въ нее братыню серебряную,
Изъ которой братыни князь съ пріѣзда пьетъ.
Зашила, застегала сумку по старому.
Вставали калики рано по утру,
Ключевой водой умывалися,
Тонкимъ, бѣлымъ полотенцемъ утиралися,
Снарядилися калики перехожіе,
Пошли калики во чисто поле.
Пріѣхалъ тутъ Владиміръ князь.
— Ужъ ты гой еси княгинюшка Апраксія!
Гдѣ моя братынюшка серебряная,
Изъ которой я съ пріѣзда пью?—
«Ужъ ты гой еси, Владиміръ князь!
«Ночевали у насъ калили перехожіе,
«Украли у насъ братынюшку серебряную».—
Кому была служебка надиечена,—
Алешинькѣ была служебка явлена:
Поѣзжай-ко ты Алешинька во чисто полѣ.
Состыги ты каликъ да во чистомъ полѣ,
Отбери у ихъ братынюшку серебряную.—
Не видали поѣздки богатырскія,
Только видѣли во чистомъ полѣ курево стоитъ,
Курево стоитъ, дымъ столбомъ валитъ,
Изъ ушей, изъ ноздрей коня пламя огненное.
Выѣхалъ Алеша на шеломя окатистое,

Посмотрѣлъ Алеша въ трубку подзорную
Да на всѣ четыре дальніи сторонки—
И завидѣлъ каликъ да на чистомъ полѣ,
Завылъ, закричалъ громкимъ голосомъ:
«Ужъ вы гой еси, калики перехожіе!
«Ночевали вы у князя Владиміра
«Украли братынюшку серебряную».
Ужъ и тутъ каликамъ за бѣду стало,
За великую досаду показалося.
Подождали Алешиньку близко—наблизко,
Хватали Алешиньку со добра коня,
Алешинькѣ штанишки пообтыкали,
Нахлопали Алешинькѣ жопепочку сколько надобно,
Посадили Алешиньку на добра коня,
Привязали Алешиньку ко стременамъ.
Едва-едва онъ на конѣ сидитъ,
Идетъ конь ступью бродовою.
Выходилъ Владиміръ на высокъ балконъ,
Смотрѣлъ Владиміръ въ трубку подзорную.
Увидалъ, что Алешинька едва на конѣ сидитъ,
Идетъ конь ступью бродовою.
Доѣзжаетъ Алешинька ко Владиміру:
«Ужъ ты гой еси, Владиміръ стольно-кіевскій!
Какъ догналъ я каликъ да во чистомъ полѣ,
Завычалъ я, закричалъ громкимъ голосомъ:
Ужъ вы гой еси, калики перехожіе!
Ночевали вы у князя Владиміра,
Украли братынюшку серебряную.
Ужъ и тутъ пождали меня близко-наблизко,
Хватали меня со добра коня;
Ужъ и мнѣ штанишки пообтыкали,
Нахлопали жопенку сколько надобно;
Посадили меня на добра коня,
Да и привязали меня ко стременамъ».
Кому служебка была подмѣчена—
Добрынюшкѣ была служебка явлена.
Выѣхалъ Добрынюшка на шеломя окатистое,
Завидѣлъ каликъ да во чистомъ полѣ.
Объѣхалъ Добрынюшка дорожками посторонними,
Ѣдетъ онъ каликамъ на встрѣчу,
Не доѣхалъ, со коня сошелъ,
Со коня сошелъ, низко кланялся:
«Ужъ вы здраствуйте, калики перехожіе!
«Не попалась ли какъ къ вамъ братынюшка серебряная,
«Изъ которой братыни князь съ пріѣзду пьетъ».
Тутъ калики другъ на друга осердилися,
И стали по сумочкамъ похаживать,
Доходитъ до сумочки Михайлушки Михайловича,
Расшили сумочку лита бархата
И вымали братынюшку серебряную,
Отдали ее Добрынюшкѣ Никитичу,
И уѣхалъ Добрынюшка Никитичъ младъ.
И стали они казнить Михайлушку своимъ судомъ
И копали его въ землѣ по поясу,
Рѣчистъ то языкъ типули къ темени,
Очи ясныя косицами,
Ретиво-то сердечушко плечми.
И отъѣхали они близко-наблизко,—
Идетъ Михаилушка здоровешенекъ.
Казнили они его во второй наконъ,—
Идетъ къ нимъ Михайлушка по прежнему.
Казнили они его въ третій наконъ,—
Идетъ Михайлушка по прежнему.
Подождали тутъ Михайлушку.
«Ужъ ты гой еси, Михайлушко Михайловичъ!
«Ужъ и какъ тебѣ попалася братынюшка серебряная».
«Ночевалъ я у княгинюшки Апраксіи
И случилося ночи во первомъ часу:—
(Повторяется тотъ же разсказъ, который былъ приведенъ выше).
. . . . . .
И положила она мнѣ братынюшку понасердцѣ».—
Тутъ калики распростилися,
Пошли калики во чисто поле,
День идутъ и ночь идутъ.
Дошли калики до Іерусалима града;
Тутъ они Богу помолилися,
На плакунѣ травѣ покаталися,
Во Іорданѣ рѣкѣ искупалися.
Тутъ калики всѣ представилися.

10. АЛЕКСѢЕВСКІЙ СТИХЪ.

Во славномъ Римскомъ царствѣ,
При младомъ царѣ при Анорьѣ,
Былъ жилъ князь благочестивый
Богатый князь Ефимьянъ.
У его жены не было плоду,
Ни женскаго полу, ни мужскаго.
Охочь Ефимьянъ въ церковь ходить,
Охочь Ефимьянъ Богу молиться,
Охочь Ефимьянъ Господу трудиться.
Молился Господу отъ желанья,
Отъ великаго желанья со слезами;

Просить у Господа Бога:
«Создай мнѣ-ко Господи чадо,
Чадо милое, дитя любимое,
Сына либо дочерь,
При младости лѣтъ на потѣху,
При старости лѣтъ на замѣну,
При смерти тѣла на погребенье,
Послѣ смерти души на поминанье».
Княгиня его просить къ тому же.
Богородица гласомъ прогласила
Великое чудо сотворило:
«Ужъ ты гой еси, Ефимьянъ князь богатый!
Ты поди-ко вонъ изъ Божей церкви,
Изъ того же великаго собору,
Въ свой домъ, бѣлокаменну палату».
Заходилъ онъ въ особливу теплу спальну.
Лежитъ его княгиня при постели
При мягкой перины пуховой;
Лежучи она сына спородила.
Тутъ Ефимьянъ князь зрадовался,
Пошелъ по поповъ, патріарховъ,
Звалъ онъ дьяковъ, митрополитовъ,
Звалъ всѣ духовныя власти,
Звалъ себѣ кума со кумою.
Не изъ князей бралъ, не изъ бояровъ
Не изъ тѣхъ же купцей, гостей торговыхъ;
Бралъ онъ убогую сироту,
Приводилъ онъ сына въ вѣру крещеную,
Нарекалъ ему имя Алексѣй,
Алексѣй святый Божій человѣкъ.
Сталъ Ефимьянъ пировати,
Сталъ Ефимьянъ столовати,
Сталъ Ефимьянъ сына
На много лѣтъ поздравляти.
Не мало тому времени минуло
Прошло того времени лѣтъ пяти, шти.
Задумалъ Ефимьянъ сына грамотѣ учити,
Отдавалъ онъ въ училище-на три года.
Скоро свѣту грамота далася,
Скорѣй того въ умъ приняласи,
Пошелъ Ефимьянъ, князь богатый,
Пошелъ Ефимьянъ сына выкупати
Давалъ учителямъ три златницы.
Учители златницъ не принимали,
Такъ его свѣта отпущали.
Пошелъ Ефимьянъ, князь богатый,
Со возлюбленнымъ сыномъ Алексѣемъ
Во свой домъ, бѣлокаменны палаты.
Сталъ Ефимьянъ попь пировати,
Сталъ Ефимьянъ нонь столовати,
Сталъ Ефимьянъ сына поздравляти.
Не мало тому времени проминуло;
Прошло тому времени года два, три,
Задумалъ Ефимьянъ сына учити
Во то же святое рукописанье.
Отдавалъ онъ въ училище на три года.
Скоро свѣту писанье далося
Скоро того въ умъ привилося.
Пошелъ Ефимьянъ, князь богатый,
Во свой домъ бѣлокаменны палаты,
Сталъ Ефимьянъ пировати,
Сталъ Ефимьянъ столовати,
Сталъ Ефимьянъ сына поздравляти.
Не мало тому времени проминуло,
Прошло времени всего лѣтъ двѣнадцать
Задумалъ Ефимьянъ сына женити,
Въ томъ же Индѣйскомъ славномъ царствѣ,
У того же короля у вельможи,
На той же младой княгинѣ,
На младой княгинѣ Катеринѣ.
Поѣхали въ Индѣйское славно царство
Къ тому же королю вельможѣ,
Ко той же младой княгинѣ Катеринѣ;
Златыми перстнями помѣнялися
Жемчужными кольцами обручалися.
Поѣхали во славное римское царство
Ко тому же великому собору;
Заходили они да во Божью церковь
Становились они на единъ подиожникъ,
Одѣвали имъ вѣнцы златые.
Принимали они законъ божій.
Пошли они вонъ изъ божей церкви,
Крестъ-отъ кладутъ по писанному,
Поклонъ-отъ ведутъ по ученому.
Поѣхали они ко князю Ефимьяну,
У богатаго князя Ефимьяна
Не пиво варить, не вино курить;
Садились за столы дубовые,
За тѣ же скатерти перчатныя,
За тѣ же кушанья сахарныя,
За тѣ же питья розналивчатыя.
Алексѣй-отъ хлѣба соли не вкушаетъ,
Медвянаго питья да не испиваетъ,
Все горючими слезами слезно плачетъ.

Услыхалъ его батюшка родимый:
«Ужъ ты гой еси, мое чадо милое,
«Что ты хлѣба соли не вкушаешь,
«Медвянаго питья да не испиваешь,
«Все горючими слезами слезно плачешь,
«Али мы тя млада женили,
«Али тебѣ княгиня не по мыслямъ?
На то Алексѣй имъ не отвѣчаетъ,
Браллъ свою княгиню Катерину
За бѣлую правую ручку,
За тѣ же перстни за злаченые.
Пошелъ въ особливу теплу спальню,
Ложилася княгиня на постелю,
На мягкую перину на пухову,
На маленьки подушечки тяжелыя,
Подъ то одѣялышко соболиное.
Засвѣтилъ Алексѣй свѣчу воску яраго,
Молился Господу отъ желанія.
Говорила княгиня таково слово:
«Ужъ ты гой еси, Алексѣй человѣкъ Божій!
«Полно Алексѣй Богу молиться
«Пора Алексѣй спать ложиться».
Потушилъ Алексѣй свѣчу воску яраго
И ложился ко княгинѣ на постелю.
Солучилося ночи во первомъ часу,
Богородица гласомъ прогласила
Великое чудо сотворила:
«Полно Алексѣй тебѣ-ко спати,
«Пора Алексѣй тебѣ вставати,
«Пора путь дорожку коротати».
На то Алексѣй не ослышался,
Вставалъ Алексѣй со постели,
Свѣжей водой ключевой умывался,
Тонкимъ бѣлымъ полотенцемъ утирался,
Засвѣтилъ онъ свѣщу да воску яраго,
Господу Богу да помолился.
Говорилъ своей княгинѣ обрученной:
«Ужъ ты гой еси, обрученная княгиня!
«Кажъ ты меня нонь называешь,
«За кого ты меня нонь почитаешь?»
Говорила ему обрученная княгиня:
«Ужъ ты гой еси, человѣкъ Божій!
«Называю я тебя нонь Алексѣемъ,
«Почитаю тебя да аки брата».
Бросился Алексѣй во книгу псалтирную,
Нашелъ Алексѣй таковое слово:
Не подобаетъ брату съ сестрой спати,
«Пора брату съ сестрой разставаться».
Скидовалъ тутъ съ правой руки злаченъ перстень,
Отдавалъ своей обрученной княгинѣ Катеринѣ:
«На моя, обрученная княгиня!
«Хорошъ злаченъ перстень:
«Когда нападетъ на тебя тоска кручина,
«Ты наложь-ко хорошъ злаченъ перстень
«И отпадетъ отъ тебя тоска кручина».
Отпоясалъ отъ себя хорошъ шелковъ поясъ,
Отдавалъ своей обрученной княгинѣ
«Ужъ какъ на, моя обрученная княгиня!
«Хорошъ шелковъ поясъ;
«Когда заберутъ худыя мысли,
«Опоясшь ты хорошъ шелковъ поясъ,
«Отпадутъ отъ тебя худыя думы, мысли».
Княгиня перстня, пояса не примаетъ,
Все горючими слезами слезно плачетъ.
Скидовалъ съ себя Алексѣй платье цвѣтное,
Надѣвалъ на себя ризу власяную.
Склался Алексѣй свѣтъ во котомку;
Пошелъ Алексѣй свѣтъ во дорожку.
Шелъ онъ по чистому полю,
Пришелъ ко синему морю.
Просился къ купцамъ-гостямъ на кораблики.
Купцы-гости на кораблякъ не примаютъ,
Господь имъ тишень не даваетъ
Способной имъ тишени и споносной.
Отдавалъ имъ Алексѣй три златницы.
Скоро приняли Алексѣя на кораблики.
Господь имъ тишень даваетъ
Способный имъ повѣтерь и споносный.
Изъ сиия моря якори катали,
Корабельныя сходенки обирали,
Топни паруса да поднимали;
Пошли они да черезъ сине море
Во славное индѣйское царство,
Пришли они ко пристани корабельной.
Алексѣй человѣкъ Божій съ кораблика сбѣгаетъ.
Пошелъ онъ ко индѣйскому славному царству,
Заходилъ онъ во божью церковь,
Становился Алексѣй по правую руку,
И молился онъ тутъ да лѣтъ двѣнадцать.
На каждую субботу онъ пожаялся,
На кажный день воскресный причащался,
И вкушалъ онъ по одной просвиркѣ на день;
И о томъ Господу молился,
Чтобы его родные не узнали

И обручная княгиня не признала.
Богородица гласомъ проглаголила:
«Ужъ ты гой еси Алексѣй человѣкъ Божій!
«Ты поди-ко-ся во Римское славно царство;
«Отецъ-матушка тебя да не узнаютъ,
«Что обручная княгиня не признаетъ».
На то Алексѣй не ослышался;
Пошелъ онъ изъ божьей церкви,
Крестъ-отъ кладетъ да по писанному,
Поклонъ-отъ ведетъ по ученому.
Склался Алексѣй свѣтъ въ котомку,
Пошелъ Алексѣй свѣтъ въ дорожку,
Пошелъ Алексѣй свѣтъ во чистое поле;
Шелъ онъ да ко синему морю
Къ той же пристани корабельной,
Просился къ купцамъ-гостямъ на корабликъ.
Купцы-гости его не примали.
Господь тишени имъ не даваетъ.
Отдавалъ имъ Алексѣй три златницы;
Скоро приняли его на корабликъ,
Господь имъ тишень даваетъ
Способну повѣтерь и поносну;
Скоро якоря изъ моря катали,
Скоро корабельныя сходенки убирали,
Скоро тонки паруса поднимали,
Пошли они въ Римское славно царство.
Собѣгаетъ Алексѣй да со корабликъ,
Пошелъ Алексѣй по Римскому царству,
И встрѣтился Ефимьянъ князь богатый.
Даваетъ Алексѣю три златницы,—
Калика златницъ не примаетъ;
Проситъ у Ефимьяна келейку подъ крылечкомъ
Для ради сына Алексѣя.
На то Ефимьянъ скоро прихватился:
«Ужъ ты гой еси убогая калика,
«Какъ ты моего сына знаешь,
«Почему ты его да почитаешь?».
Говоритъ убогая калика:
«Ужъ ты гой еси Ефимьянъ князь богатый,
«Какъ я твоего сына да не знаю,
«Какъ я твоего сына да не почитаю,
«Въ одномъ мы училищѣ учились,
«Одну книгу псалтирную читали,
«Съ одного плеча платьице носили,
«Съ одного блюда пили ѣли».
Далъ ему Ефимьянъ князь богатый
Келейку да подъ крылечкомъ.
«Ужъ ты гой еси убогая калика,
«Что я самъ буду пити, ясти,
«То и тебѣ буду преставлати».
Что самъ Ефимьянъ ѣстъ и пьетъ,
То и каликѣ съ холопами преставляетъ
Холопы сами все съѣдятъ,
Алексѣю одни костки приставляютъ,
И за то Алексѣй Господа благодарилъ.
Богородица гласомъ проглаголила
Великое чудо сотворила.
«Ужъ ты гой еси Алексѣй человѣкъ Божій!
Ты бери-ко-ся бумагу и чернилы,
Ты пиши все свое да похожденье,
Скоро тебѣ будетъ да свѣта-представленье».
Послалъ Алексѣй холоповъ,
Просить у Ефимьянъ чернилъ и бумаги,
Да не на долгое время.
Принесли ему чернилъ и бумаги;
Писалъ онъ свое да рукописанье,
Писалъ онъ свое похожденье.
Пришло ему свѣта представленье,
Пошли по всей Ефимьяновой пустынѣ
Демьянные *) духи.
Посылаетъ Ефимьянъ князь богатый
Своихъ слугъ и холоповъ
По своей да пустынѣ,—
Нѣтъ ли гдѣ въ пустынѣ святаго,
Не лежатъ ли святыя мощи,
Не лежитъ ли гдѣ рукописанье.
Ходили они по всей Ефимьяновой пустынѣ,
Нигдѣ не нашли они святаго,
Не лежатъ нигдѣ святыя мощи.
Заходили они въ келейку, подъ крылечкомъ
Лежатъ тутъ святыя мощи,
Держатъ въ рукахъ рукописанье,
Пашутъ отъ нихъ демьянные духи.
Господу Богу они помолились,
Ко святымъ мощамъ приложились,
Сказали они князю Ефимьяну;
Пошелъ онъ звать поповъ, патріарховъ.
Пришли они въ келейку подъ крылечкомъ.
Лежали тутъ святыя мощи,
Держатъ въ рукахъ рукописанье,
Господу Богу помолились,
Ко святымъ мощамъ приложились,
И брали они изъ рукъ рукописанье,—

*) Демьянные — ладонные, по объясненію пѣвца.

Рукописаньице имъ не удалося.
Приходили отецъ съ матушкой родимой,
Господу Богу они помолились,
Ко святымъ мощамъ приложились,
Брали изъ рукъ рукописанье,—
Рукописаньице имъ отдалося.
Читалъ Ефимьянъ рукописанье,
Читалъ, самъ слезно плакалъ,
«Рвалъ онъ съ себя ризу золотую:
Ужъ ты гой еси чадо милое,
Пошто же ты чадо не сказалося,
Кого ты чадо убоялося?»
Прочитала его матушка родимая,
Съ буйной головы волосы рвала:
«Ужъ ты гой еси чадо милое,
Кого же ты чадо убоялося,
Пошто же ты не сказалося?»
Приходила его обручная княгиня,
Слезно жалобно она рыдала:
«Ужъ ты гой еси Алексѣй человѣкъ Божій,
Кого же ты да убоялся,
И пошто же ты да не сказался?»
Сдѣлали ему гробъ серебряный,
Понесли его по чистому полю,
Во ту же божью церковь.
И кидаетъ Ефимьянъ князь богатый,
Горстьемъ онъ злато и серебро,
Никто злато и серебро не беретъ;
Всѣ къ мощамъ попадаютъ.
Чудеса творилъ онъ великія:—
Кто былъ безглазый,—тому давалъ зрѣніе,
Кто былъ безногій,—тому ноги,
Кто былъ безрукій,—тому руки,
Кто былъ глухой,—тому слышанье.
Захоронили тутъ Алексѣя человѣка Божія.

11. СТИХЪ ПРО ПЬЯНСТВО И СКВЕРНОСЛОВІЕ *).

Слава есть Василью Великому
Кесарійскому чудотворцу!
Стоялъ Василій
Двадцать пять лѣтъ
Во божьей церкви, во паперти
У притвора, на молитвѣ.
Молился Василій
Господу Богу отъ желанья,
Со теплыми сердцами
Съ горючими слезами.
Свѣтъ Пресвятая Бородица
Съ небеси гласомъ гласила:
Ты свѣтъ, Василій!
Хошь молишься Господу Богу
Со теплыми сердцами
Съ горючими слезами,
Господь молитвы твоей не примаетъ:
Пахнутъ отъ тебя
Хмѣльнаго и злаго
Кореня духи».
Свѣтъ Василій
На землю падаетъ:
«Ты свѣтъ, Присвята Богородица!
Хмѣльнаго питья
Двадцать пять лѣтъ
Я не вкушаю».
Свою главу до крови
Разбиваетъ.
Свѣтъ Присвята Богородица
Съ престолу долой сходила,
Отъ себя пречисты
Руки отлагала,
Василью Великому
Подъ главу подлагала,
Василія Великаго
На ноги поднимала.
И сама глаголетъ:
«Ты свѣтъ Василій Великій:
Великій Кесарійскій Чудотворецъ!
Пѣтъ твоей молитвы
Ко Господу больше,
Стоны твои ко Господу
Услышаны».
О! горе тому человѣку,
Кто въ пьянстѣ умретъ,
Изъ того костья человѣческаго
Двадцать пять лѣтъ
Хмѣльнаго и злаго
Корня, — духи
Вонъ не выходятъ.
Не велѣно съ пьяницей
На дорогѣ встрѣчаться.
Аще встрѣтишься
Съ пьяницей на дорогѣ,

*) Стихъ этотъ, равно и слѣдующій, распѣваемые каликами-перехожими, записаны св. села Зимней Золотицы Вл. Розоновымъ.

И станешь пьяницу
На добро учить,
И тутъ же пьяницу
Раздразнишь,
Пьяница пожемъ
Зарѣжетъ,
Либо палкой убьетъ,
И та душа его замѣнитъ
И въ адъ пойдетъ.
Не велѣно священнымъ
Архіереямъ и іереямъ, —
Попамъ и протопопамъ,
Хмѣльнаго въ уста
Впущати.
Только велѣно
Священнымъ
Архіереямъ и іереямъ,
И попамъ и протопопамъ
Божья литургія
Составляти.
Не велѣно пьяницу
Въ Божью церковь,
Впущати;
Пьяница идетъ
Въ Божью церковь
Смѣшитъ и галдитъ.
Пьяница стоитъ
На богомольи,
Не Богомъ страждетъ.
О, горе тому человѣку!
Кто глядитъ на пьяницу
И смѣется
И на свою душу
Грѣхъ перенимаетъ,
И того грѣха
На своей душѣ
Несполагаетъ,
Отцу духовному
На исповѣди не исповѣдаетъ.
О! горе тому человѣку,
Кто сквернословится
И по матерну бранится —
Ту же мать оскверняетъ.
И поноситъ того,
Кой сотворилъ небо и землю
И тварь плодовитую
И родъ человѣческій.

Трижды небо и земля
Потресется, —
Аще ли женскій родъ
Сквернословится,
Трижды небо и земля
Потресется,
Трижды кровью
Ея уста запекутся.
Есть у Господа Бога
Построено три покоя:
Рай пресвѣтлый,
Царство небесное
Для ради душъ
Много праведныхъ;
Адъ кромешній —
Мука ти вѣчная,
Огни горящи
Котлы кипящи
Змѣи ядовиты
Для душъ многогрѣшныхъ.

12. СТИХЪ О МИХАИЛѢ АРХАНГЕЛѢ.

Слушайте, послушайте,
Про Божье писанье
Про небесно наказанье.
Течетъ рѣка,
Рѣка огненна
Отъ востоку рѣка
Вплоть до западу
Тутъ идетъ
Михаилъ Архангелъ:
Вы ставайте живы
Идущи мертвы,
Онъ вострубилъ
Трубою золотою.
Праведныя души по правую,
Многогрѣшныя души по ошую,
Многогрѣшныя души идутъ плачутъ:
«Зачѣмъ же, Михаилъ Архангелъ,
Насъ прочь отсылаешь,
Небеснаго царствія лишаешь!»
«Отойдите вы души
Грѣшны окаянны;
Жили вы на бѣломъ свѣту,
Что вы тогда не спасались,
Другъ друга не любили,

Братъ брата не почитали,
Сосѣдъ сосѣда не нарекали,
Нищихъ умершихъ
Въ церковь не провожали,
Нищихъ бѣдныхъ
Не поили, не кормили,
За то вамъ будетъ
Мука вѣчная
Да сама безконечная»
Слава тебѣ Христу Богу!

IV. ПѢСНИ МЕЗЕНСКІЯ *).

А. НАУЛИЧНЫЯ.

1.

Ты надежинька, мой милъ сердечный другъ,
Побывай, радость, у меня въ гостяхъ.
Посмотри, радость, на мое житье,
На мое житье, на горе горькое,
Горе горькое несчастливое.
У меня ли дѣвицы журить,бранить—есть кому,
Любить, жаловать меня не кому.
Что единъ-то былъ задушевный другъ,
Но и тотъ со мной теперь не въ любви живетъ,
Не въ любви живетъ, не въ согласьицѣ.
Промежъ нами со милымъ дружкомъ,
Извивается змѣя лютая, подколодная.

2.

Спровожу дружка во дорожечку,
Не во дальнюю; да жаль, тошнешенько:
Воротися, мой любезный, поскорешенько,
Не воротишься, такъ помереть съ тоски;
Надорвется серце слезно плакавши,
Слезно плакавши, да рыдаючи,
Все тебя, мой милый, вспоминаючи.
Вспомяни, милъ, во дорожечки,
Ужъ я тебя вспомяну всегда:
Ужъ вы ласки, ласки дружка милаго,
Вы слова, слова къ серцу пріятливы!
Со восточную, да со сторопушку,
Со петербурскую славну дорожечку
Пишетъ миленькій ко мнѣ грамотку,
Ко мнѣ грамотку, вѣсть нерадошну:
Не сиди-тко дѣвица, поздно вечеромъ,
Не просиживай до полуночи;
Ты не жги свѣчу, да воску яраго,
Ты не жди, не жди, гостя милаго;
Я не гость пришелъ, да не гостить къ тебѣ,
Я пришелъ къ тебѣ, радость, проститися,
За любовь твою да поклонитися,
Ты дозволь мнѣ-ко женитися. —
Еще тутъ дѣвушка испугалася,
Горючьми слезами уливалася,
Во слезахъ слово дѣвушка молвила,
Во рыданьицѣ да рѣчь говорила:
Ты женись, женись дуракъ безсовѣстный,
Ты возьми, возьми, да кого я велю,
Кого я велю, кого я люблю;
Ты возьми, возьми мою подруженьку.
Мнѣ подружку взять, да будешь гнѣвъ держать,
Ужъ мнѣ взять,да взять, самою тебя.

3.

Отъѣзжаетъ милый во дорожечку,
Не во дальную, да не во знаемую,
Ты прости, прощай, моя милая,
Ты еще прощай, моя любезная,
Во послѣдній разъ я цѣлую тебя,
Когда счастливъ былъ, со милой жилъ,
А теперя я злонесчастливъ сталъ,
Злонесчастливъ сталъ, отъ милой отсталъ,
Отъ милой отсталъ отъ любезныя,
Я ронилъ слезы, все горячія.
Сквозь темный лѣсъ зоря взошла,
Черезъ сѣрой боръ орелъ летѣлъ,
Во когтяхъ несетъ востру сабельку,
Подъ правымъ крыломъ, скоро-письмеце,
Скоро-письмеце, челобитьице,
Своей Любушкѣ, низкой поклонъ.

4.

Я вечеръ-то вечеръ, добрый молодецъ загулялъ,
Я со любушкой, со своей сударушкой, долго стоялся,
Я у любушки, у сударушки слова дожидался,
Ты скажи-ко, скажи любушка, сударушка,
Ты скажи-ко, скажи, кого любишь, объ комъ тужишь;
Ничего то моя любушка на то не сказала—промолчала;
Только молвила любушка грубое словечко:

*) Пѣсни эти записаны въ городѣ Мезени бывшимъ студентомъ Петербургскаго университета Л. М. Никольскимъ.

Ты отстань-ко, отстань добрый молодецъ, отстань по любови,
По любови коли дружокъ не отстанешь, отстань по неволи.
Что съ того-то Грубаго словечка былъ я добрый молодецъ въ кручинѣ.
Во кручинѣ я былъ добрый молодецъ, въ горюшкѣ несносномъ
Тосковалъ я добрый молодецъ цѣлую недѣльку;
Никто то, никто моему горюшку не пособитъ, не поможетъ,
Ни батюшка, ни матушка, ни братъ, ни сестрица,
Ни жена-то, жена моя хозяюшка молодая,
Потужитъ ли по мнѣ погорюетъ красная дѣвица;
Не воръ-то я былъ добрый молодецъ, не разбойникъ,
Былъ я молодецъ, до красныхъ дѣвицъ большой охотникъ,
Я очень-то охочь былъ добрый молодецъ гулять,
По уличкамъ, частымъ переулочкамъ стояти,
Какъ увидѣли, да запримѣтили добраго молодца, да на большомъ переулкѣ,
У присушницы красной дѣвицы на новыхъ сѣняхъ.

5.

Сиѣтилъ, свѣтилъ свѣтелъ мѣсяцъ,
Ноне сталъ сподлекать,
Любилъ парень дѣвченочку,
Ноне пришлось спокидать.
Ракитовы кусточки безъ вѣтра шумятъ,
Лавровые листочки во садочкѣ журятъ,
Не журите вы лазуревы, во зеленомъ саду;
Не давайте-тко надсолышки сердцу моему,
Ужъ и такъ мое сердечушко изныло во мнѣ,
Изныло все ретивое, не знаю объ чемъ.
За рѣченькой, за быстрою фонталики вьютъ,
Мою прелюбезную къ вѣнчанью ведутъ,
Женихъ ведетъ за рученьку, милый за другую,
Третій стоитъ слезы ронитъ;
Любилъ бы, любилъ да нельзя,
Поилъ, кормилъ до возраста, желалъ за себя.
Досталась прелюбезная иному не мнѣ,
Кабы мнѣ она досталась невѣстой была,
Невѣстушка голубушка, платкомъ дарила,
Уже я этотъ бы платочекъ люби износилъ,
Не въ шлянѣ не въ кармашкѣ,—на шеѣ галстучкомъ.

6.

Ты раздушечка удалый молодецъ,
Чернобровый, черноглазый душа мой!
Нераалучная наша любовь съ тобой,
Во дороженьку поѣдешь душа мой,
Во дорожкѣ тяжеленько вздохни,
Меня горькую, злосчастну вспомяни,
Вспомни миленькій веселые часы,
Мы въ которы веселилися съ тобой,
Веселились, забавлялись, мы по садику погуливали,
На зеленыхъ лужкахъ посиживали,
Говорили сокровенныя слова,
Во саду слышали прекрасты дерева.
Я со тѣхъ со деревъ яблочки брала,
Я рвала, брала—милому дарила;
Я со тѣхъ со поръ сударушкой слыла
Сударушкой красной дѣвушкой
Я семи дружкамъ зазнобушку дала,
Я восьмаго то повысушила,
Девятаго повыкрушила,
Десятому спустила сухоту,
Спустила сухоту по всему я животу.

7.

Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ за темнаго дремучаго,
Подымалася погодушка,
Что такая нехорошая
Со вѣтрами со погодами,
Со великими угрозами,
Что во ту пору, во то время
Дочь отъ матушки поѣхала,
Жалобно, слезно заплакала,
Во зеленый садъ заѣхала,
Среди саду становилась,
Подъ ракитовъ кустъ садилась,
Съ соловьями думу думала,
Съ молодцами рѣчь говорила:
Соловей мой, соловьюшко,
Соловей мой, птица вольная.
Птица вольная бездомовая,
Полетай, мой соловеюшко!
На родимую мою сторонушку,
На родиму на любимую;
Скажи, мой соловеюшко!
Отцу, матушкѣ большой поклонъ,
Роду, племени челобитьице,
Дружку милому большой поклонъ.

8.

На лугахъ да на лугахъ зеленыхъ,
На травахъ да на травахъ шелковыхъ,
На цвѣтахъ то цвѣтахъ лазоревыхъ,
Выростала тутъ грушица зеленая,
Разцвѣтала ли яблоня кудрявая,
Что подъ яблонью той было подъ кудрявою,
Что подъ грушицей той было подъ зеленою,
Молодецъ ли дѣвушку журилъ, бранилъ,
Онъ журилъ, бранилъ. дѣвкѣ наговаривалъ,
Разговаривалъ, дѣвушку обманывалъ:
Не ходитко дѣвка молода взамужъ,
Молода дѣвка взамужъ за стараго,
Что за стараго, дѣвка, за сѣдатаго,
Не теряйко, дѣвушка, своей красоты,
Не расплетывай своей трубчатой косы,
Не выплетывай ты ленты алыя,
Ленты алыя подареныя, –
Подареньице друга милаго.
Не во пору дарилъ не во время,
На проходѣ то дарилъ весны красныя,
На пролетѣ то дарилъ лѣта теплаго,
На зачиньѣ дарилъ осень грязныя.

9.

Что ты парень такой бравый,
Вдругъ за ласковый такой,
Вложилъ мысли въ мое сердце
И залилъ тоску печаль.
Скука злая, страсть большая
Не могу горя забыть.
При компаньи въ томъ собраньи
Парень дѣвушку обнялъ,
Тутъ дѣвицѣ стыдно стало,
Полились слезы изъ глазъ,
Молодцу то жалко стало,
Сталъ дѣвицу унимать.
Вынялъ розовый платочекъ,
Сталъ онъ слезы утирать:
Ты не плачь, не плачь дѣвица!
Не плачь душечка моя,
Не плачь милая моя,
Не забуду я тебя,
Не забуду, не покину,
Возьму взамужъ за себя.
Ужъ ты бѣденъ, я богата,
Нейду замужъ за тебя.
Хоть я бѣденъ, ты богата,
Я красавецъ предъ тобой,
Поровняемся съ тобой,
Обвѣнчаемся пойдемъ —

10.

Катюшечка душечка,
Едина въ горенкѣ сидитъ,
Шила, вышивала
Дружку милому платокъ,
Сошила рубашечку,
Сама къ батюшкѣ пошла:
Родитель мой батюшка!
Что ты думаешь обо мнѣ?
Дитя мое, Катинька,
Не моя воля—твоя,
Хочешь ты поди взамужъ,
Не хошь дѣвушкой сиди.
Дитя мое, Катинька,
Поди въ дѣвій монастырь.
Родитель мой, батюшка,
Въ монастырь я не гожа,
Кельи разворочаю,
Монастырь весь разворю,
Молодыхъ монашенокъ
Въ стыдъ, безчестье приведу,
Старой я игуменьѣ
Ризу раздеру.
Сватался на Катинькѣ,
Изъ за моря купецъ,
Сказывалъ житья бытья,
Двѣсти тридцать кораблей.
Катя думала, подумала,
Я за этого нейду.
Сватался на Катенькѣ
Изъ Питера купецъ,
Сказывалъ житья бытья,
Двѣсти тридцать душъ крестьянъ.
Катя думала, подумала
Я за этого нейду.
Сватался на Катинькѣ
Изъ трактира музыкантъ,
Сказывалъ: житья бытья—
Стара скрипка да гудокъ.
Думала, подумала,

Я за этого пойду,
Когда сыта, голодна,
Завсегда я весела,
Завсегда плясать пошла,
Выйду я на улицу,
Ото всѣхъ мнѣ честь, хвала:
Кто идетъ по улицѣ?
Музыкантова жена!

11.

Чесалъ милый кудри,
Расчесалъ милъ русы,
Пухову шляну надѣлъ.
Шляпочка пухова,
Сибирочка нова,
Панталоны триковы,
Рубашечка красна,
Манишечка бѣла,—
Спорядился молодецъ,
Самъ ко любушкѣ пошелъ
Ходилъ милъ по бережку,
Гулялъ по крутому,
Перевозу милъ искалъ,
Нашелъ милый жердочку,
Нашелъ милый тоненьку.
Самъ по жердочкѣ пошелъ.
Жердочка сломилась,
Шляпочка свалилась,
И любезный потонулъ.
Дѣвушки подружки,
Собирайтесь вы ко мнѣ
На горе великое,
Выбирайте дѣвушки,
Выбирайте красныя,
Шелковые новы невода,
Вынимайте дѣвушки,
Вы бросайте, красныя,
Во Дунай быстру рѣку.

12.

Не ходилъ бы я по этой дорожечкѣ,
Не смотрѣлъ бы я на это окошечко,
На окошечкѣ лежитъ примѣточка,
Не примѣточка лежитъ, горюшко печаль моя,
Не печаль горе лежитъ,—лежитъ сухота моя,
Засушилъ я искрушилъ, мальчикъ, красну дѣвушку,
Безъ бѣлилъ, безъ румянъ щеки у ней алыя,
Свѣтло-русая коса у ней часто уплетеная,
Во русой ли во косы у ней лента алая,
Лента алая, Дуня дѣвка бравая.
Ваня Дунюшку любилъ, Ваня счастливъ былъ,
Прочь отъ Дунюшки отсталъ,
Ванюшка безсчастенъ сталъ.
Что у кустышка было у ракитоваго,
У колодечка было у студенаго
Молодецъ коня поилъ;
Ванюша жену училъ,
А жена-то жена мужу покорилася,
Въ праву ноженьку ему покланялася.

13.

Нападетъ роса на темны лѣса,
На лѣса дремучіе на кудрявые,
На станки поджаровые;
Нападетъ тоска горюшко,
На мила дружка на сердечнаго,
Парня не здѣшняго на чуже-пріѣзжаго,
На пріѣзжаго на Ванюшу бѣлаго,
Что на бѣлаго Ванюшу кудряваго.
Не во времячко бѣлы слѣжки выпали
По весны по красной, по лѣту по теплому,
По теплому — на наше гуляньице,
На землю на палу, на траву мураву,
Протекала рѣченька не широка, быстрая.
Въ городѣ Саратовѣ у купца богатаго
Росла дочь хорошая, Машинька пригожая.
Звали нашу Машу за рѣку гулять,
За рѣку гулять на ту сторону,
На ту сторону, любить парня браваго,
Любить парня браваго, Ванюшу кудряваго.
Не хочу Ваню любить, хочу весну такъ прожить,
Весну такъ прожить, — лѣто безъ гуляньица,
Безъ гуляньица, безъ худой безъ славушки,
Безъ худой безъ славушки, безъ тебя безъ Ванюшки.

14.

Размолодецкіе молодчики, дружки мои,
Ужъ вы ласковыя распріятливыя къ сердцу слова,
Безъ огончичка мое вы сердце разожгли,
Безъ вѣтра-то мои мысли съ думой разнесли,
Разнесли-то мои мысли по чистымъ широкимъ полямъ,
По россійскимъ славнымъ городамъ.
Кто бы, кто бы моему горюшку помогъ,
Кто бъ помогъ, пособилъ, моего дружка воротилъ,

Воротися дружекъ разлюбезненькій, милый назадъ,
Наглядитеся очи ясны на дружка въ запасъ,
Что въ запасъ-отъ, въ запасъ на цѣлый кругленькій годъ.
Не сидѣла бы красна дѣвица въ горницѣ одна,
Не лежала бы бѣлой грудью на окнѣ,
Не ронила бы горючи слезы за окно,
Не глядѣла бы въ чисто поле далеко,
Не ругала бы чужу дальню сторону;
Злодѣй, ты злодѣй, чужа дальна сторона!
Разлучила меня съ отцемъ, съ матушкой родной,
Во вторыхъ-то меня съ любезненькимъ дружкомъ.

15.

Отлетаетъ мой соколикъ
Высоко и далеко,
Онъ высоко и далеко.
Отъѣзжаетъ мой любезный
Жить во дальны города,
Жить во дальны, незнакомы,
Въ славный городъ Питербурхъ,
Я не мало слезъ ронила
Но голубчикѣ своемъ,
Во слезахъ дружка молила:
Хошь немножко поживемъ,
Ужъ мы крошечку немножко,
Единъ кругленькій годокъ.
Ой, нельзя, нельзя немножко,
Нельзя любушка пожить,
Злые люди замѣчаютъ,
Всѣ сусѣдушки бранятъ,
Не совѣтуютъ любить
Меня горькую злосчастну,
Велятъ бросить позабыть.
Я тогда тебя забуду
Когда с к р о ю т с я глаза,
Призакроютъ тѣло бѣло
Тонкимъ бѣлымъ полотномъ,
Призакроютъ очи ясны,
Что желтымъ мелкимъ пескомъ,
Навалятъ-то сѣрый камень на меня,
Я на камень все срисую,
На бумажку все спишу,
Всѣмъ подружкамъ закажу:
Вы, подруженьки мои,
Не любите никого.

16.

Въ хороводикѣ дѣвушки на лужку
Сѣли; онѣ пѣсню запѣли.
Мальчикъ жалостну пѣсню внимаетъ,
Рѣчь забавну съ любушкой говоритъ,
Рѣчь забавную, таку похабную,
Все деревеньку нашу бранитъ:
Деревенюшка наша Ярославска!
Зачѣмъ молодца сушишь каждый разъ.
Не деревенька молодца изсушила,
Сушитъ дѣвица мила дружка,
Сушитъ Сашенька ли черноброва.
Уродилась дѣвушка хороша,
Лицомъ бѣла, щеки алы,
Развеселеньки-ль ея глаза,
Взглянь-ко душа радость на меня,
Сдѣлай милость Сашенька для меня,
Сдѣлай милость таку радость,
Выйди взамужъ за меня.
Я радешенька бы взамужъ выйти,
У меня волюшка у дѣвушки не своя,
У меня есть воля поболѣ
Родной батюшка отецъ,
Если батюшка меня просватаетъ
Родна матушка взамужъ отдастъ
Не отстану я отъ васъ.

17 *).

По весны по красной,
По лѣту по теплому,
На тихой на заводьи,
На тихой лебединой,
Тутъ плыветъ-то сизый селезѣнь;
У сизаго у селезня,
Въ три ряды косы заплеталися,
Во четвертый разъ косы по воды плоутъ.
У добраго у молодца,
Въ три ряды кудри завивалися.
Завивала кудри у добраго молодца,
Завивала кудри красна дѣвица.

18.

Я мала была, да горя не было;
Я повыросла, да горя прибыло;
Я куды съ горя дѣваюся,
Со печалюшки да подѣваюся?

*) Поется въ началѣ весны.

Пойду съ горя въ темны лѣса.
Во зеленыхъ-то лугахъ тамъ ростетъ трава,
Ростетъ травонька шелковая,
Разцвѣли цвѣты лазоревые,
Разнеслись духи малиновые,
Все малиновые анисовые.
Я со той травы цвѣтокъ сорву,
Я цвѣтовъ нарву, вѣнокъ совью
Милу дружку на головушку.
Носи, миленькій, не уранивай,
Люби дѣвушекъ, не обманывай.
Какъ вѣночекъ спалъ, любить милый не сталъ
Онъ любить не сталъ, смѣяться сталъ,
Надъ Дунюшкой смѣяться сталъ—
У Дунюшки слово тайное, рѣчь забавная:
Ужъ я всѣмъ дружку понравилась,
Бѣлымъ лицемъ подхожая,
Мыслями дружку прехитрая,
Во кампаньюшкѣ веселая,
Во дѣвицахъ красавица.

19.

Говорилъ я своей любушкѣ,
Говорилъ я своей сударушкѣ,
Говорилъ, крѣпко наказывалъ
Честью, лестью наговаривалъ:
Посмирняе живи, любушка,
Посмиряе живи, голубушка,
Наказу ты не повѣрила,
Наговору ты не послушала,
Со инымъ дружкомъ познакалася,
Познавшись-то съ нимъ гулять пошла.
Ужъ я стала дружка выспрашивать:
Ужъ едну ли ты меня сушишь, крушишь?
Я сушу-то крушу семь дѣвушекъ,
Восьму вдову, девяту мужнюю жену,
Десяту тебя оставляю для себя.
Гулять хочется да воли нѣту,
Любилъ миленькій, да здѣсь его нѣту,
Една была во полѣ дороженька,
Но и та снѣгомъ западала.

20.

Житье мое житье,
Житье горькое житье,
Ты житье мое бѣда:
Мужъ старикъ, я молода,
Ему надобны палати,
Мнѣ охота бы гуляти,
Погулять бы съ молодымъ,
Не со старымъ, со сѣдымъ.
Это все бы ничего,
Что старость-то его;
Намъ бы старость нипочемъ,
Какъ онъ сварливъ-то притомъ;
Какъ бы не былъ онъ сварливъ,
Онъ ревнуетъ-то бѣда,
Не спущаетъ никуда,
Запираетъ ворота;
Это все бы не запоръ,
Запираетъ онъ заборъ,
Впрочемъ заборъ нипочемъ,
Перескачемъ, перейдемъ.

21.

Часто ходишь, милъ, кругъ моего двора,
Мнѣ понравилась походочка твоя,
Походочка твоя молодецкая, заговорочка весе-
лелькая,
Знакъ-примѣта черна шляпа пухова,
Бѣлы лайковы перчатки со строкой.
Чтожъ ты, миленькій, не зайдешь посидѣть?
Разлюбезная не смѣю доложить,
Къ твоему двору, слѣдочка проложить,
Ввечеру приду—въ кампаньюшкѣ сидишь,
Въ полдень приду—тебя не изойду,
Въ полночь приду—жалѣю разбудить,
По утру приду—отецъ мати не спятъ,
Отецъ матушка не спятъ, съ укорствомъ говорятъ,
Меня молодца ругаютъ и бранятъ.

22.

Калина съ малиной не во время разцвѣли,
О ту пору времячко мати сына родила,
Вспоила, вскормила до 17 годовъ,
Мать сына во солдаты отдала.
Построй, построй, маменька, легкое суденышко,
Легкое суденышко, золотое донышко,
Мачтовы деревца, шелковы паруса,
Выйду я на горочку, посмотрю на рѣченьку,
Посмотрю на рѣченьку, погляжу на быструю
Дитя мое дитятко, воротись дитя назадъ,
Родимая маменька воротиться мнѣ нельзя,
Легонько суденышко супротивъ воды нейдетъ
Шелковые паруса противъ вѣтра не берутъ.

23.

День ты мой денечекъ,
День прекрасный веселой,
Я не видѣла денечька,
Когда денечекъ прошелъ,
Я нигдѣ дружка не вижу,
Ни въ долинахъ, ни въ лужкахъ,
Я увидѣла милаго,
У сусѣда ввечеру,
У сусѣда во бесѣды,
Уникала ночевать:
Ты ночуй, ночуй любезный,
Ночуй ночьку у меня.
Я радешенекъ остаться,
Боюсь ноченьку проспию.
Ты не бойся мой любезный,
На зорюшкѣ разбужу.
Я до утренней зорюшки,
Тя далече спровожу.
Я до тѣхъ поръ провожала,
До зеленыхъ до лужковъ,
Гдѣ кончался любовь.
Гдѣ кончалась разставалась,
Слезно плакала по немъ,
Слезно плакала рыдала,
Со слезъ рѣчка протекала.
Течетъ рѣченька Казанка,
Не широка глубока,
Не широка есть глубока,
Перевозу на ней нѣтъ,
Хоша есть онъ, да не здѣсь,
На другой онъ сторонѣ,
На другой-то на сторонкѣ
Лежитъ легонькій стружокъ,
Раскрашенный карбасокъ,
Раскрашенный, оснащенный,
Тонки бѣлы паруса,
Веселышки гибовы,
Всѣ ребята молоды,
Черны шляпы пуховы,
Я по бережку ходила,
По крутому гуляла,
Ужъ я стала молода къ рѣкѣ,
Прижала руки къ сердечку,
Грудью пала на воду,
На воды рѣчь говорила:
По тебѣ дружокъ тону,
По тебѣ ли, по себѣ,
По любови по твоей.
Полюбилъ парень дѣвченку,
Лѣтъ 16-ти дѣвченку;
Лѣтъ 16-ти дѣвченка
За гульбой рано пошла.

24.

Не бушуйте-ткось вѣтры буйные со чиста поля,
Не мечите снѣгу буйнаго на мое подворье:
Не травонькой, не муравонькой мой садъ заростаетъ,
Не зелеными лапушечками зелень застилаетъ,
Не ясенъ-то соколъ со тепла гнѣзда солетаетъ,
Со фатерушки доброй молодецъ долой съѣзжаетъ
Никто-то, никто добра молодца не спровожаетъ;
Ни отецъ-то, ни матушка, ни родна сестра,
Спровожаетъ его красная дѣвица, сама слезно плачетъ.
Сама слезно плачетъ. Разговаривалъ ей добрый молодецъ:
Ты не плачь, не тужи красна дѣвица, объ моемъ несчастьи,
Со здоровьицемъ наживешь иного любезнаго,
Если лучше наживешь, такъ позабудешь,
Если хуже наживешь—такъ воспомянешь,
Воспомянешь, слезно заплачешь.

25.

На зорюшкѣ зорѣ на вечерней,
Вечеръ дѣвушка глупость сдѣлала,
Глупость сдѣлала, дружка распрогнѣвала.
Затѣмъ рано дружка запримѣтила;
Назвала дружка: горькій пьяница
Миленькій пропоица, милый безпокоица,
Онъ и въ кабакъ—отъ идетъ шатается,
За полынь траву милый заплетается,
По чернымъ грязямъ миленькій валяется,
За полынь траву милый захватается,
Полынь горькая съ корнемъ вырывается.
Увидала изъ окошечка, увидала изъ косящатаго,
Что не мой ли милый пьяница ляжется,
Не доходя ворота да отпираются.
У него у пьяницы кулаки да засыкаются,
Я скорѣ молодешенька да убираюся,
За рѣшоточку да запрятаюся.

26.

Что вы дѣвушки да призадумались?
Разкрасавицамъ жить не весело,

Жить не весело, любить не кого,
Изъ молодецкихъ ребятъ да выбрать не кого.
Выбирай-ка дѣвушка себѣ ровнюшку.
Себѣ ровнюшку да парня браваго,
Парня браваго да единакаго.
Единаки-то да не однакіе,
Не однаки жить проклятые,
Единакъ-отъ горькій пьяница,
Горькій пьяница миленькій пропоица;
Гдѣ онъ рубль-отъ наживетъ, въ кабакѣ пропьетъ,
Гдѣ полтину наживетъ, дѣвкамъ отдаетъ,
Краснымъ отдаетъ, мнѣ-ко не несетъ.

27.

Выйду-ль я на рѣченьку,
Посмотрю-ль на быструю,
Не летитъ ли ко мнѣ соловейко,
Не несетъ ли мнѣ письма.
Откуль взялся сизенькій голубчикъ,
Началъ голубь виться надо мной,—
Полно тебѣ сизенькій кружиться,
Опустися со мной на лужокъ,
Сядемъ вмѣстѣ съ тобой подъ кустокъ,
Подъ лавровый зелененькій листокъ,
Будемъ вмѣстѣ горе горевать,
Кого къ милому будетъ послать.
Приладу предъ голубочкомъ,
Стану голубя просить:
Полети-ко сизенькій голубчикъ,
Въ саму дальную сторонку;
Ты найди-тко сизенькій голубчикъ,
Мнѣ-ко милаго дружка,
Ты скажи про несчастье про мое,
Про такое про несчастье,
Сашу взамужъ отдаютъ,
Отдаютъ-то не за милаго дружка,
Не за милаго Сашеньку дружка,
За стараго за сѣдаго старика,
У старого было у сѣдаго,
Трое дѣточекъ было у него,
Первый Гриша, другой Миша,
Третей Ванюшка щеголекъ.

28.

Что кому за дѣло,
Что я къ милому сѣла,
Сѣла Машенька, посидѣла,
Разговоръ имѣла,
Разговоръ-то красавица имѣла.
Гулять захотѣла,
Пѣсенки запѣла,
Пой-ко Машенька котора миляе,
Коя лучше, красавица, всѣхъ.
Пойду, выйду я за ворота,
Гдѣ лужки болота;
Пойду, выйду за новые,
Гдѣ ужъ лужка зеленые.
Ходилъ Ванюша, Ваня по базару,
Все искалъ товару,
Купилъ Ванюша вострую косу,
Да для сѣнокосу,
Косилъ Ваня чужу травку,
Своя въ полѣ сохнетъ,
Любилъ Ваня чужу жонку,
Своя слезно плачетъ.
Не плачь, Маша, не печалься,
Сходи, дѣвушка, въ садикъ разгулийся,
Посмотри на травоньку,
Не стелется травонька, вьется,
Не про насъ ли съ тобой,
Ваня славушка несется.

29.

Ужъ мы сядемте, ребятушки, во единый кругъ,
Во единый кругъ на зеленый лугъ,
Мы подумаемъ-ко ребята думу крѣпкую,
Запоемте-ко ребята пѣсню новую,
Котору мы пѣли на синемъ морѣ.
Мы не пѣсенку братцы пѣли,—горе мыкали,
Что бывалъ-то нашъ полковничекъ на синемъ морѣ.
Что видалъ ли нашъ полковничекъ страсти-ужасти.
Разыгралася погодушка на синемъ морѣ,
Расходилося сине море изъ краю въ край, изъ конца въ конецъ,
Что ударила морска волна въ черенъ корабль;
Тутъ испугался нашъ полковничекъ, ослолошился,
Подломились ножки рѣзвыя, опустились руки бѣлыя.
Покатилась буйна голова съ могучихъ плечь,
Что упалъ-то нашъ полковничекъ на черенъ корабль.
Тутъ метался матросики да въ легки шлюпочки,
Что вывозили-то полковничка на круту гору,
Хоронили-то полковничка на красну гору.

30.

Размолоденькій дѣтинушка,
Парень молодой!

Моему-то сердцу на свѣтѣ
Радость дорогой!
Не стой, не дожидай
Любезненькій мой.
Мнѣ не столь было тошнешенько
Дѣвушкѣ едной,
Сидѣть бы было въ горенкѣ едной.
Доведу я дружка,
До напасти до бѣды;
Я сама ли дойду,
Да любезнаго друга доведу.

31.

Ужъ вы дѣвушки подружки,
Вы придите, посидите у меня,—
Подумайте, погадайте про меня,
Обо мнѣ ли объ несчастной,
Только я одна сиротка,
Да безъ милаго дружка.
Я безъ милаго дружка,—
Одоляетъ грусть тоска (bi)
Кручинушка велика!
Я кручину прочь откину,
Печаль горе отложу,
Постоянно буду жить,
Постоянно, безобманно,
Едпова буду любить.
Мнѣ не воля не охота
Чужедальняя сторонка.
На меня милый сердитъ,
Мимо ходитъ, не глядитъ,
Ничего не говоритъ.
На дорожкѣ повстрѣчалъ
Пухову шляну снималъ:
Здравствуй Саша, здравствуй Маша,
Здравствуй милая моя,
Не забуду я тебя;
Не забуду, не спокину
Возьму взамужъ за себя.

32.

Полно, солнышко, изъ за лѣсу свѣтить,
Полно, красно, въ саду яблоки сушить.
Полно, дѣвица, по молодцѣ тужить,
Полно, красная, по удаломъ тосковать.
Какъ мнѣ, дѣвушкѣ, не плакать, не тужить:
Такого дружка на свѣтѣ не нажить.
Свѣтелъ мѣсяцъ на улицѣ просвѣтилъ,
Заря бѣла, свѣтъ въ окошечко взошли,
Хошъ бы миленькій на часъ въ гости пришелъ.

33.

Мимо Москвы проѣзжаемъ,
Во деревню заѣзжаемъ,
У вдовушки постучаемъ,
Ты вдовушка вдова,
Ты пусти-тко ночевать,
Ночевать да постоять.
Еще вдова отвѣчаетъ,
У мнѣ домъ отъ не стоялый,
Фатерушка не больша.
Еще гости отвѣчали,
Не больша да хороша.
Гости силой ворвалися,
На фатерку забралися,
Еще всѣ сѣли по лавкамъ,
А большой-отъ всѣхъ повыше,
Еще стала вдова къ печки,
Прижала руки къ сердочку,
А большой-отъ сталъ спрошать,
Ты давно-ль вдова вдовушь,
Ты давно-ли сиротуешь.
Я вдовѣю лѣтъ пятнадцать,
Сиротую съ годомъ двадцать
Подойди, вдова, поближе,
Поклонись-ко ты пониже,
Сними съ меня пухову шляну,
Во шляпочкѣ есть платочекъ,
Во платочкѣ узелочекъ,
Въ узелочкѣ перстеначекъ,
Обручальный нашъ съ тобой.

34.

Премилы дѣвушки, придите къ намъ въ гости посидѣть,
Попросите у батюшки меня въ гости къ себѣ,
У родимой матушки въ зеленъ садикъ погулять,
Есть у насъ во садику забавушка хороша,
Забавушка милая—на древахъ листье шумитъ,
Подъ кусточкомъ птичечки шибко, громко говорятъ,
Молодой-соловьюшко летитъ, свищетъ мимо садъ,
Спрошу у соловушка, тужитъ-ли милый обо мнѣ?
Я ли, красна дѣвица, кажный часъ объ немъ тужу.

Зайду въ нову горницу—уливаюся слезами,
Зайду въ теплу спаленку, лягу вницъ я на кровать,
До тѣхъ поръ лежать буду пока два часа не бьетъ,
Два часа ударило, — ко мнѣ милъ въ гости придетъ,
Три часа ударило,—ко мнѣ миленькій пришелъ
Миленькій хорошенькій, до чего-жъ меня довелъ?
Довелъ красну дѣвушку до славушки до худой,
До худой до славушки, вынялъ краску изъ лица.
Милая, хорошая у васъ краски въ лицѣ не было
Хотя была краска,—бѣлыя бѣлила, румяна.

35.

Накатись, навались туча темна, грозна,
Повыпади изъ тучи стрѣла громова,
Ты убей, зарази постылаго мужа,
Сохрани, сбереги сердечнаго друга.
Накатилась, навалилася туча темна, грозна,
Повыпала изъ тучи стрѣла громова,
Убила, заразила сердечнаго друга,
Сохранила, сберегла постылаго мужа.
Ужъ я знала-бъ молода,—Богу не молилась,
Понапрасну свѣчъ не становила-бъ,
Денегъ не губила-бъ.

36.

Разливалася мати весенняя вода,
Потопила всѣ зеленые луга.
Распроклятый воръ женатый,
Его жизнь очень бѣдна,
Есть хозяюшка вольна (bis)
Не спущаетъ никуда,
Хоша пуститъ, съ глазъ не спуститъ,
Все въ окошечко глядитъ.
Я не вѣрила подружкамъ,
Почему милаго жаль;
Я повыросла побольше,
Стала милаго жалѣть.

37.

Не ясенъ-то соколъ по горамъ леталъ,
Леталъ-то леталъ, лебедей искалъ.
Все лебедушекъ искалъ,
Онъ нашелъ-то нашелъ, на крутой горѣ
На всей красоты сидятъ,
Все сидятъ-то сидятъ, все бѣлешеньки,
Словно бѣленькій снѣжокъ,
Что една-то, една, лебедь бѣлая всѣхъ поспаряливѣй,
Поспаряливѣй, да подогадливѣй.
Изъ стада во стадо лебедь перелетывала,
Письма, вѣсточки перенашивала,
Что мой-отъ милый въ лужкахъ гулялъ,
Во лужкахъ гулялъ,
Все гулялъ-то, гулялъ, лебедей искалъ.
Все лебедушекъ.
Мнѣ не жаль-то, не жаль, самою себя,
Жаль саду зеленаго,
Зеленаго саду жаль; въ садику трава росла,
Мурава трава росла,
Травонька муравая,—все лазоревы цвѣты.

38.

Любила я дружка, любезнаго любила,
Не въ долгое время, ровно три годочка,
На четвертой-то годочекъ пришло разставанье,
Разставанье—слезно уливанье.
Я слезами дѣвка уливалась,
Съ кручиной прощалася, съ другомъ разставалася:
Не простившись миленькій поѣдешь на чужу сторонку.
Во дорожкѣ милый тяжело вздыхаетъ,
Тяжело вздыхаетъ,—Питеръ вспоминаетъ
Прощай, прощай славный Питеръ,
Со питейными домами, со частыми кабаками,
Съ быстрою со рѣчкой,—съ матушкой Невою,
Съ матушкой Невою, съ дѣвицей душою,
Съ дѣвицей душою, съ бѣлыми грудями,
Съ русою косою, съ лентой голубою,
Съ ясными очами, съ черными бровями.

39.

Товарищъ, ты товарищъ, другъ мой,
Не съ единой-ли сторонки мы съ тобой,
Не поѣдешь-ли товарищъ, другъ домой,
Скажи любушкѣ нижайшій поклонъ,
Не ждала бы все лѣтичько домой,
Во все лѣтичько, до самой до зимы,
А замерзли быстры рѣчки и губы,
Западали всѣ дорожки и пути.
Мнѣ нельзя-сто ко дѣвушкѣ идти,
Среди города дорожка широка,

По загуменью тропиночка торна,
Торнымъ торна, пробита до песка;
Еще кто это дорожечку торилъ?
Молодой парень за дѣвушкой ходилъ:
Онъ не такъ ходилъ,—гостинчики носилъ,
Гостинечки сладки,—прянечки на меду,
Безъ разсчета золотой казны носилъ,
Безъ размѣра сладкой водочкой поилъ.

40.

Распечальное дѣвье сердце всегда занываетъ.
Тоскѣ придаваетъ, дружка наживаетъ;
Нажила я дружка по мыслямъ, по вѣрнымъ,
Что по мыслицамъ по вѣрнымъ, по любви по прежней.
На что было дружка лучше,
До меня дружекъ былъ ласковъ,
Былъ соколикъ ясный.
Какъ соколъ, соколъ летаетъ,
Все меня-ль пытаетъ,
Все разлуку чаетъ.
По разлукѣ моя радость
Самъ прочь отъѣзжаетъ.
Оставляетъ дѣвку въ горѣ,
Во слезахъ—что въ морѣ,
Оставляетъ во кручинѣ,
Што корабличекъ въ пучинѣ;
Молодецъ во кручинѣ,
Во кручинѣ, во печали,
Пиши ко мнѣ письмо.
Напишу письмо слезами,
Отошлю съ друзьями,
Я со тѣмъ ли со дружечкомъ,
Съ сизымъ голубочкомъ,
Подъ правымъ крылочкомъ,
Что подъ правымъ подъ крылочкомъ,
Подъ сизымъ перочкомъ.
Стану голубя имать,
Стану сизаго хватать,
Стану письма отбирать,
Слова два, три прочиталъ,
Назадъ отсылалъ.
Я тобой дружокъ довольна,
Да гулять съ тобою полно.
Полно радостъ перестану,
Отъ тебя дружокъ отстану,
Ко ину дружку пристану,
Любить его вѣчно стану.

41.

Что ты дѣвушка не нарядна ходишь,
Головушки не чешешь.
Скажи дѣвушка, скажи красотка,
Скажи: кого любишь?
Люблю я дѣвушка, люблю маіора,
Люблю полковаго.
Во вторыхъ-то я люблю сенатора,
Я съ которымъ, дѣвушка, водилась,
Вчерась побранилась.
Палась съ миленькимъ дружкомъ побранка,
Палась небольшая.
Я не знаю какъ же мнѣ-ко быть.
Какъ съ дружкомъ мириться,
Распроклятое такое во мнѣ сердце злое.

42.

При долинушкѣ есть калинушка,
Она вырастала;
При калинушкѣ есть малинушка,
Она разцвѣтала.
На малинушкѣ соловеюшко сидитъ,
Громко свищетъ;
По насвистушкѣ соловеюшко,
Громко выговариваетъ.
Во сыромъ бору, во темномъ лѣсу
Не кукушечка вскуковала;
Во неволюшкѣ добрый молодецъ,
Сидитъ письмо пишетъ,
Не къ отцу-то, не къ матери,—
Къ любушкѣ сударушкѣ:
Растоскуйся по мнѣ любушка сударушка,
По мнѣ разгорюйся.
Ужъ я самъ по тебѣ самъ я сгоревался,
Малешенекъ послѣ батюшки сынъ остался,
Родительницы матушки самъ я не запомню,
Еще ктожъ тебя, добрый молодецъ, вспоилъ, вскормилъ?
Вспоилъ, вскормилъ меня провославный міръ.
Провославный міръ, Волга матушка,
Снарядила молодца любушка сударушка.

43.

Размальчишка миленькій,
Такой парень разбезсовѣстный,

Что ты сдѣлалъ надо мной,
Не своимъ ли глупымъ разумомъ,
Лишилъ дѣвушки спокою,
Спокою дѣвка лишилась,
Я на свѣтѣ еднова,—
Еднова ли дружка милаго,
Сердечнаго своего.
Страданье, мое страданьице,
Страданьице дѣвушкино,
Страдала ли разкрасавица
Во зеленомъ саду.
Пріуспула на часокъ,
Страшенъ сонъ дѣвкѣ привидился.
Будто въ моемъ во саду,
Соловеюшко поетъ,
Поетъ свищетъ соловеюшко,
Мнѣ надзолушка даетъ.

44.

Я съ малешенька глупешенька росла,
Я не слушала ни матери ни отца,
Не любила молодую молодежь,
Полюбила женатаго браваго;
У женатаго есть жена зубатая,
Она сойдется, ругается на меня,
При чужихъ братьяхъ наложницей зоветъ:—
Ты наложница, разлучница моя,
Разлучила съ молодымъ мужемъ меня,
Не дала ты единъ годичекъ прожить,
Единъ годичекъ прожить,
Да малыхъ дѣточекъ нажить.

45.

За Дунаемъ, тамъ гуляетъ
Казакъ молодой,
Тамъ есть дѣвица плачетъ,
За быстрой рѣкой:
Объ чемъ дѣвушка плачешь,
И кого тебѣ жаль?
Отца съ матушкой жалко,
Сестеръ своихъ.
Со своимъ роднымъ,
Не вѣкъ будешь жить,
Со иной молодцомъ,
Вѣкъ радостной быть;
За праву за ручку,
Цыганка брала,
Смотрѣла, гадала,
Качала головой:
Дѣвица потонетъ,
Въ день свадебный свой.
Ужъ я выстрою мость,
Длинный, чугунный,
На тысячу верстъ;
Ужь я стражу поставлю,
Пятьсотъ на передъ,
Двѣсти въ то мѣсто,
И сто по бокамъ.
По чугунному мосту
Подковы гремятъ,
Прекрасна дѣвица
Ко вѣнчанью катитъ;
Раскатилась карета
Съ дѣвицей въ Неву;
Дѣвица вскричала:—
Прощай бѣлый свѣтъ!
Еще повторила:
Прощай милый мой.
Прощай, прощай милай,
Невѣста моя,
Осталась вторая
Совсѣмъ не така.

46.

Молодость молодецкая,
Молодецкая, безотецкая
Незапомню я когда ты прошла,
Прошла ты прокатилась,
Пора времячко скоро миновалось,
За единъ часъ показалась,
За единъ часъ за минуточку.
Свѣтлы праздники будетъ мнѣ не хаживати,
Цвѣтнаго платьица не нашивати,
Все прошло мое прокатилося.
Не въ гульбахъ да въ прохладахъ,
Во работушкахъ тяжелыхъ.
Въ чужихъ людяхъ добрыхъ,
Ужъ вы други мои пріятели,
Вы сусѣдушки мои порядовые,
Пособите мнѣ-ко думу думати,
Думу думати, да мысли мыслити,
Мнѣ женится или холосту гулять,
Холосту гулять да не женатому,
Мнѣ женитьба-то палась не по счастію,
Молода жена палась не по разуму,

Малы дѣточки не по надобью,
Отдаютъ да добра молодца во неволюшку,
Во неволюшку да службу царскую,
Службу царскую да государскую,
Остается да молода жена.

47.

Не бѣлы ли снѣжки выпадали,
Со полуночи порошица землю покрываетъ,
Что не ржавчинка, не болотинка,
Бѣлый снѣгъ съѣдаетъ,
Ахъ! бѣлый поѣдаетъ.
Не печаль кручинушка добра молодца,
Печаль сокрушаетъ,
Что сушитъ, крушитъ добра молодца,
Чужа сторонка,
Чужа да не знакомая,
И во-вторыхъ сушитъ добра молодца,
Красная дѣвица,
И куда мнѣ добру молодцу дѣватися,
Со бесѣдушки долой да собиратися.

48.

Во славномъ было во городѣ во Астрахани,
Появился тутъ дѣтинушка, незнаемъ человѣкъ,
Незнаемъ, незнакомый изъ новыхъ городовъ.
Онъ по городу дѣтинушка погуливаетъ,
Плисовый кафтанъ на распашечку таскаетъ,
Синій шелковый кушакъ на правомъ на плечѣ,
Сѣрая шляпа пуховая на буйной головѣ,
Онъ по городу дѣтинушка погуливаетъ,
Онъ военнымъ услужителямъ челомъ парень не бьетъ,
А гражданскимъ обывателямъ не кланяется,
Астраханскому губернатору подъ судъ нейдетъ,
Подъ судъ нейдетъ, головы не гнетъ.
Услыхалъ нашъ губернаторъ про удалого молодца:
Ужъ вы слуги, слуги вѣрные мои,
Вы подите, приведите удалого молодца:
Какъ схватили молодца среди Волги рѣки,
Среди Волги рѣки на царевомъ кабакѣ;
Еще началъ губернаторъ его строго спрашивати:
Ты откуль, скажи дѣтинушка, незнаемъ человѣкъ,
Ты Казанецъ, аль Рязанецъ, или Астраханецъ,
Ты изъ-за моря купецъ иль купеческій сынокъ.—
А не тебѣ-ли, губернаторъ, строго спрашивати,
Да не мнѣ-ли, добру молодцу, отвѣтъ держать,
Я со матушки со Волги, со Камы рѣки,
Атамана Сеньки Разина сынъ;
Хотѣлъ-то мой батюшка сюды въ гости побывать,
Не умѣть тебѣ встрѣтить, умѣть подчивати,
Умѣть подчивати, низко кланятися.
Что за эти слова да посадили молодца,
Не далече, далече въ бѣлокаменну тюрьму.
Что по матушкѣ по Волгѣ, по Камы рѣки,
Легка шлюпочка скорешенько плыветъ,
Что во этой легкой шлюпкѣ Сенька Разинъ атаманъ:
Вы подайте-ка ребятушки съ правой руки воды,
Какъ во славномъ во городѣ во Астрахани,
Мое дитятко посажено сидитъ;
Погребайте-ка ребятушки по Волгѣ рѣкѣ,
Я гражданскому губернатору не стану челомъ бить,
Челомъ бить да кланятися,
Я гражданскаго губернатора въ полонъ сейчасъ возьму.
А своего дитятко къ себѣ возьму,
Астрахань городъ въ огонь спущу.

49.

Ужъ ты стень наша, степь Саратовска,
Далеко и широко ты степь протянулася,
Протянулась наша степь отъ Москвы до Питера,
Отъ Москвы до Питера до села Царицина,
Отъ села Царицина до князя Голицина.
Что никто-то, никто по этой дорожкѣ не ѣзживалъ,
Тутъ и шли прошли молоды извощички,
Млады извощички все коломенски,
Они везли-то везли бѣлу рыбицу,
Бѣлу рыбицу къ селу Царицину.
Солучилося у нихъ несчастьице—
Заболѣлъ да захворалъ младой извощичекъ;
Заболѣла у него голова буйная,
Опустились руки бѣлыя,
Подломились ноги рѣзвыя.
Завязали буйну голову платкомъ тальянскимъ;
Дарилъ-то платокъ не батюшка, не матушка,
Дарила красна дѣвица;
Подарила приговаривала:
Ты носитко платокъ да не хвастай мной,
Когда выносишь похвастайся.

50.

Цвѣли-то цвѣли въ полѣ цвѣтики, цвѣли да повяли.
Любилъ парень дѣвушку, любилъ да покинулъ.

Спокинувши красной дѣвицѣ въ глаза насмѣялся,
При всемъ при народѣ, большомъ хороводѣ,
Еще снялъ-то, сорвалъ съ красной дѣвицы шалевый платокъ,
Отпоясалъ съ красной дѣвицы шелковъ поясочекъ.
Мнѣ не жаль-то, не жаль золотой казны,
Мнѣ жаль-то, жаль мила дружечка.
По городу по Саратову дѣвица гуляла,
Не плису, не бархату дѣвка закупала;
Закупала дѣвка гербовъ листъ бумаги.
Молодаго себѣ писаря въ гости зазывала,
На мила дружка просьбу сочиняла,
Что гражданскому губернатору просьбу подавала:
Ты прими-тко мою просьбу, прими поскорѣе,
Читай-ко ся мою просьбу читай повернѣе;
Ты судитко мою просьбу, суди по закону;
Если жь не обсудишь дойду до Сенату.
Ужъ ты глупая красна дѣвица, глупа не разумна.
Что безъ утренней зорюшки солнышко не взойдетъ,
Безъ осенней темной ноченьки мѣсяцъ не освѣтитъ,
Безъ причинушки добрый молодецъ дѣвушки не задѣнетъ,
Что безвинно-то, безвинно красной дѣвицы не задѣнетъ.

51.

Катя легонькій умокъ
Твой глупенькій разумокъ;
Было въ рукахъ счастьице,
Не умѣла содержать.
Любила любезнего,
Не могла любовь признать.
Стала познавать
Сталъ миленькій отставать,
Миленькій, любезненькій,
Ко иной въ гости гулять.
Батюшка свѣтелъ мѣсяцъ.
Свѣти во всю темну ночь;
Просвѣти дорожечки,
Куды милый мой пойдетъ.
Пошелъ, пошелъ миленькій,
Вдоль по улицѣ гулять;
Зашелъ, зашелъ миленькій,
Въ самый крайній новый домъ.
Въ этомъ въ домикѣ,
Молода вдова живетъ.—
У этой у вдовушки
Хороша дочка растетъ.
Катюшечка душечка,
Една въ горенкѣ сидитъ.
Чесала головушку,
Частымъ гребнемъ—гребешкомъ.
Родимая маменька
Русу косу заплела;
Родимая сестрица,
Въ косу ленту заплела;
Эту алу ленточку
Родимъ батюшка купилъ,
Милый денежки платилъ;
За эти за денежки
Ровно три года ходилъ.

52.

Край пути дорожки,
Край широкой было Московской
Стояла зеленая еленка
Не толста собою ровная
Со вершиночки до самаго комлю.
Что подъ той же зеленой еленкой
Не кокушица звонко вскуковала,
Вскуковала она, сгоревала,
По зори то рано летала,
Все летала, горевала,
Все мила дружка искала;
Нашла дружка не на долго,
Не на долго на денечекъ,
На одинъ часочикъ.

53.

Подъ славнымъ крѣпкимъ городомъ Архангельскомъ,
На Васильевскомъ славномъ островѣ,
На прибѣгищѣ на Лодейномъ,
Что на пристани корабельной,
Тутъ построена изба новая,
Изба новая караульная.
Что во той избѣ новой,
Восемьсотъ удалыхъ молодцовъ сидитъ,
Межъ ими то красна дѣвица,
Она гораздна была играть въ шахматы.
Обыграла удалаго добра молодца,
Проигралъ то добрый молодецъ три черныхъ корабля:
Первый съ чистымъ серебромъ,

Второй съ краснымъ золотомъ,
Третій съ скатнымъ жемчугомъ.
Закручинился, запечалился добрый молодецъ,
Повѣсилъ буйну голову со могучихъ плечъ,
Потупилъ очи ясныя во матушку сыру землю,
Что прижалъ да руки бѣлыя къ ретиву сердцу.
Разговаривала красна дѣвица добра молодца:
Не кручинься, не печалься добрый молодецъ,
Ты не вѣсь своей головы со могучихъ плечъ,
Не тупи да очи ясныя во сыру землю!
Мы пойдемъ ко во Божью церковь,
Наложимъ да вѣнцы золотые,
Примемъ да законъ Божій;
Ужъ и будемъ съ тобой по закону жить.—
Отступаюсь я отъ черныхъ кораблей,
Я нейду съ тобой въ Божью церковь,
Не приняю законъ Божій,
Не хочу съ тобой по закону жить.—

54.

Калинушка съ малинушкой лазуревъ цвѣтъ,
Не веселая бесѣда, гдѣ милаго нѣтъ,
Веселая кампаньюшка, гдѣ любезный пьетъ,
Онъ пьетъ, не пьетъ, за мной младой плетъ
Я млада младешенька да призамѣшкалась,
За утками, за гусями, да за лебедями,
За вольною за птичькою, за журавонькою.
Журавонька птичка по бережку погуливала,
Мураву траву потаптывала,
Ключеву воду заклевывала,
За рѣченьку за быструю посматривала.
За рѣченькой за быстрою слободка стоитъ,
Не малая слободушка четыре двора,
Во этихъ во дворикахъ четыре кумы.
Ужъ вы кумушки, голубушки, подружки мои,
Кумитеся любитеся, любите меня,
Ужъ вы пойдете во зеленъ садъ, возмите меня,
Ужъ вы будете цвѣточки рвать, сорвите и мнѣ,
Ужъ вы будете вѣнки свивать, совейте и мнѣ,
Ужъ пойдете вы на рѣченьку, возмите меня,
Ужъ вы станете вѣнки спускать, спустите и мой.
Ужъ и всѣ вѣнки поверхъ плывутъ,
Только мой единъ ко дну ушелъ;
Всѣ дружки съ Москвы пришли,
Только мой единъ остался тамъ.

55.

Жена мужа любила,
Въ тюрьмѣ мѣстечко купила;
Дорого дала;
Она мужа извела:
Ужъ ты мужъ муженекъ,
Вотъ те вѣчный уголокъ.
Того больше не имѣю.
Одну ручку протяни,
Меня млады вспомяни!

56. *)

Прешпехтъ, прешпехтивая путь дороженька;
Мнѣ по тебѣ будетъ не бывати,
Мнѣ мила дружка не видати,
Мнѣ любезнаго будетъ не любити;
Что задумалъ миленькій жениться:
Еще завтра будетъ у милаго рукобитье,
Послѣ завтра у милаго будетъ свадьба.
Куды мнѣ будетъ съ печали дѣвушкѣ дѣваться;
Обернусь я млада голубочкомъ,
Сяду я къ милому на окошко,
Что не взглянетъ-то милый, не увидитъ.
Наряжусь я млада *сиротинкой*:
На плечи-то надѣну кафтанишко,
На головушку надѣну треушишко
Въ праву руку возьму батожишко;
Пойду я млада да на свадьбу;
Ужъ я стану ко печному ко столбочку;
Ко кирпичному ко шесточку.
Отцу матушкѣ милый покорялся,
Вы попойте, покормите эту сиротину.
Путь дорожку ей укажите, впредь ей закажите,
Чтобы впредь эта сиротина болѣ не ходила,
Меня добраго молодца болѣ не стыдила,
Моего бы лица бѣлаго болѣ не страмила

51.

Не во далечемъ, далечѣ во чистомъ полѣ,
Что еще того подалѣ во раздольѣ.
Стоитъ-то постоитъ бѣлая березонька,
Бѣлая сама кудреватая;
По корешку береза она дорениста;
По серединкѣ береза она кривлевата;
По вершиночкѣ она шилучиста:
Что подъ той-то березонькой,
Что подъ бѣлой кудреватой,

*) Поется, если любовникъ беретъ себѣ другую.

Не сизъ-то голубь со голубушкой сидитъ, воркуетъ;
Дѣвица съ молодцомъ рѣчи говорила,
Что о душечкѣ, о красной дѣвицѣ.
Не дождичкомъ бѣло лицо смочило,
Не морозомъ ретиво сердце познобило,
Смочило бѣло лицо слезами,
Познобило-то сердце тоской кручиной.

Б. ВЕЧЕРИНОЧНЫЯ.

1.

Кумъ-отъ ѣдетъ лугомъ,
Кума огородой,
Кумъ-отъ машетъ черной шляпой,
Кума алымъ платкомъ.
Подойди кума поближе,
Поклонись пониже.
Подкати милый карету,
Сяду да поѣду;
Подкати милый вторую,
Сяду на любую;
Чтобы лугомъ не скрипѣла,
Мостомъ не гремѣла,
Чтобы люди то не чули,
Сосѣдка не знала;
Сосѣдушка узнала,
Батюшкѣ сказала.

2 *).

Молодость, ты молодость,
Премладая, молодость,
Чѣмъ тебя то молодость
При младости вспомянуть,
При старости воздохнуть;
Спомяну я молодость,
Тоскою кручиною (bis),
Печалью великою;
Не пила-бы я не ѣла,
Все-бъ на милаго глядѣла,
Не дремала бы, не спала,
Въ гости мила друга ждала,
Ѣдетъ милый ввечеру
Не дорогой, по двору (bis).

Сама пойду подъ гору (bis),
По ключевую воду,
Съ ведрами, ушатами,
Съ новыми дубовыми,
Ведра брошу подъ гору,
Сама сяду на траву
Раскинусь я яблонью,
Яблонью кудрявою,
Грушицей зеленою;
Изъ подъ этой грушицы,
Да протекла рѣченька,
Неширока, быстрая,
Что по этой по рѣкѣ,
Да съѣзжались мужики,
Съѣзжалися мужики,
Съ семьюдесять городовъ,
Семьюдесять молодцовъ.
Они сѣкли грушицу,
Да не подъ самый корешокъ,
Сдѣлали изъ грушицы
Звончатыя гуслицы.
Кто по гуслямъ играть,
Кто по мыслямъ танцовать?
Играть будетъ Ванюша,
Плясать станетъ Танюша.

3.

Шла дѣвица за водой,
За холодной ключевой,
Сзади парень молодой
Кричитъ: дѣвица постой,
Красавица подожди!
Ужъ ты парень, паренекъ,
Твой глупенькій разумокъ!
Не кричи во весь народъ,
Мой батюшка у воротъ
Зоветъ, манитъ въ огородъ
Чесноку, луку полоть;
Во правую руку луку,
Во лѣвую чесноку,
Я по цвѣтикамъ пойду.
Я по цвѣтикамъ ходила,
По лазоревымъ гуляла —
Цвѣта алаго искала,
Не нашла цвѣту алаго
Противъ своего милаго.

* Подъ эту пѣсню пляшутъ.

Мой-отъ миленькій хорошъ,
Чернобровъ душа пригожъ,
Мнѣ подарочекъ принесъ
Подарочекъ дорогой,
Съ руки перстень золотой;
Не хочу перстня носить,
Хочу на воду бросить.
На водѣ перстень не тонетъ,
На огнѣ онъ не горитъ,
Знать, что миленькій сердитъ.

4.

Отдаютъ Федьку въ солдаты,
Не за деньги, не за плату,
Поймали на лужку,
Ручки, ножки сковали,
Въ ямски избы отправляли,
За дубовый столъ садили,
Чаемъ, кофеемъ поили.
Какъ оружья забрянчали,
Командиры закричали:
Ставьте Федора подъ мѣру,
Ему брѣйте волоса.
Федоръ плачетъ и рыдаетъ,
Свои волосы сбираетъ,
Съ кораблями отправляетъ
Отцу, матери на горе,
Молодцамъ на похвальбу,
Краснымъ дѣвкамъ на печаль.

5.

Улка ты, улка моя,
Широка улка, нетоптаная,
Красна дѣвица не смотреная,
Молодица не цѣлованая!
Для чего люди въ людяхъ живутъ,
Для чего людей люди улаживаютъ,
Для чего свекровь унаравливаютъ?
У меня была свекровушка лиха,
Она лиха была не ласковая,
Посылаетъ туда и сюда,
Въ темной погребъ, за пивомъ, за виномъ;
Въ погребу долго замѣшкалася,
Зелена вина натрескалася,
Холостому стаканъ меду подала,
Не женатому зеленаго вина.
Холостой-отъ стаканъ меду не прималъ,
Бѣлы рученьки ко серцу прижималъ,
Цѣловалъ у ней колечушко,
Золото вито серебряное.
Для чего люди въ людяхъ живутъ?
Пособи Богъ вечерка дождать,
Вечерка дождать, сынка сождать,
Не роднаго сына, пасынка;
Ты сходи-ка въ новый городокъ,
Ты купи-ка шелковую плеточку,
Поучи-ка свою молоду жену.
Мнѣ не диво въ новой городокъ сходить,
Не убытокъ шелкову плетку купить,
Мнѣ безчестье молоду жену учить.

6.

Соколъ ты соколъ,
Не летай ты соколъ высоко,
Не маши ты крыльемъ широко.
Много бояръ въ Москвѣ,
А и больше крестьянъ на Руси,
Нѣтъ таково молодца,
Дородна добра молодца:
На горы-то соболя убилъ,
Въ подъ горою лисицу задавилъ,
На заводьи уточку,
На песочку лебедушку,
Въ терему ли красну дѣвицу.

7.

Стояла рябинушка на городи,
Сѣкли рябинушку на четверо,
Сдѣлали рябиновы гуслицы.
Кто въ гусли играетъ, поигрываетъ,
Игры поигрываетъ (такой-то),
Тѣшитъ, потѣшитъ (такой-то).
Что же ты, дѣвица, не весело сидишь,
Что же ты, красная, не весело глядишь;
Я же тебя не насилу въ замужъ бралъ.
Напередъ отъ себя сватовей посылалъ,
Сваты сватались, низко кланялись,
Молитву творили, слова говорили.

8.

Сяду, присяду къ зеленому саду,
Куды милый пойдетъ,—мимо не обойдетъ.
Кабы съ миленькимъ гуляти, не кого впрягати,
Сивка и бурка, все въ Петербургѣ,
Сани въ Казани, хомутъ на базарѣ,
Дуги да оглобли спрашивай на Волги,
Худы завертки у (имя рекъ) на горки.

9.

Простучала, прогремѣла,
Сынъ дворянскій проѣзжалъ
Калина, калина
Калинушка моя *).
Катя вышла на крылечко:
Ты пожалуй, мой милой,
На широкій дворъ со мной!
Привяжи добра коня
Ко точеному столбу,
Къ золоченому кольцу.
Ты пожалуй, мой милой,
Въ нову горницу со мной,
Скидывай шляпу, сертукъ
Вѣшай, миленькій, на крюкъ,
Ты пожалуй, мой милой,
Въ нову спаленку со мной.
Въ нову спаленку вошелъ,
На ту пору, на тотъ часъ,
Мужъ изъ Питера сейчасъ.
Что у те Катюша,
Что за конь вороной?
Вечеръ въ рыночекъ ходила,
Ворона коня купила,
Триста семьдесять платила.
Въ нову горенку взошелъ:
Что у те, Катюша,
Что за мальчикъ за такой?
По тропиночкѣ я шла,
Сиротинушку нашла
Натъ сиротку напоить, накормить,
Въ сертукъ, шляпу снарядить,
На добра коня посадить.
Дружка мила спровожала,
Слезно плакала рыдала.
Что у те, Катюша,
Призаплаканы глаза,
Призатерты рукава?
Я у маменьки была,
Да лежитъ она больна.

10.

Заюшка мой бѣленькій,
Бѣленькій, самъ сѣренькій.
Гдѣ ты, гдѣ ты зайка былъ,
Гдѣ ты сѣрый побывалъ?
Заюшка кого видалъ,
Сѣренькій кого видалъ?
Видѣлъ, видѣлъ, парень мой,
Двѣ дѣвицы хорошихъ,
Двѣ красавицы пригожихъ.
Заюшка бѣленькій,
Не били-ль тебя,
Не бранили-ль тебя?
Били, били парень мой,
Били, били сердце мой.
Ты скажи чѣмъ били?
По бокамъ кулаками,
По плечамъ кирпичами.
Заюшка ты не плакалъ ли?
Плакалъ, плакалъ сердце мой;
Плакалъ, плакалъ парень мой.
А скажи, какъ плакалъ,—
Хини, хини парень мой,
Хини, хини сердце мой.

11.

Въ государевой конторѣ
Сидитъ молодецъ въ уборѣ.
Пришла дѣвица въ снарядѣ,
Во кисейной бѣлой юпкѣ,
Во голубомъ полушубкѣ.
Бѣла юбка съ вомбарами,
Полушубокъ со хазами,
Что на шеѣ шаль Бугарска,
На головкѣ хавъ повязка,
Въ ушахъ серьги зерновы,
Чорны глазы веселы.
Чернымъ глазикомъ взвела,
Изъ конторы вонъ пошла,
Всю завнобушку дала;
Молодецъ то не стерпѣлъ,
Дѣвкѣ въ слѣдъ онъ поглядѣлъ;
Бросилъ письма и дѣла:
Мнѣ не дороги дѣла,
Пришла дѣвица мила.
Уродилась хороша,
Во дѣтинушку дружка,
Въ Александрушка *).

*) Повторяется послѣ каждыхъ двухъ строкъ.

*) Или же какое либо другое имя одного изъ присутствующихъ.

12.

Ты Иванушка назанъ,
Вставай завтракати,
На работу поспѣвай,
На работу на таку,
Да черну пашенку пахать.
Я пашу, пашу, пашу,
Да все на солнышко гляжу.
Стало солнышко сворачивати,
Какъ чужи то жены,
Мужьямъ ѣсть принесли.
Какъ моя курва жена,
Мнѣ обѣдать не несетъ.
Ужъ я выпрягу лошадку,
Да поѣду я домой,
Мимо рощи зеленой;
Ужъ я вырублю лозу,
На свою курву жену.
Пріѣзжаю ко двору,
Жена ходитъ по двору,
Набѣленая да нарумяненая,
Во кумачномъ сарафанѣ,
Во парчевыхъ рукавахъ.
Ужъ я брошу лозу,
Поцѣлую жену.
Ужъ ты гдѣ жена была,
Мнѣ обѣдать не несла?
Я была да у попа,
Пила пиво и вино,
За твое сударь здоровье,
Стаканъ водки выпила.
Ой! спасибо жена,
Не забыла старика.

13.

Продай мужъ корову,
Продай мужъ кобылу,
Продай мужъ теленка,
Продай жеребенка.
Купи мужъ ты юбку,
Купи парчевейку,
Купи мужъ сережки,
Да со яхонтами,
Купи мужъ колечко,
Да со словечками,
Купи мужъ чулочки,
Да со стрѣлочками.
Какъ сусѣди-то вставаютъ,
Коней запрягаютъ,
Во лѣсъ поѣзжаютъ,
Какъ и мой-то мужъ вставаетъ,
Жену запрягаетъ.
Тяни, тяни юбка,
Тяни парчевейка,
Тяните сережки,
Да со яхонтами,
Тяните колечки,
Да со словечками.
Ко двору онъ пріѣзжаетъ,
Во дворъ запущаетъ,
Сѣна надаваетъ.
Сяду я на печку,
Призадумаюся:
Продай мужъ ты юбку,
Продай парчевейку,
Продай мужъ сережки,
Продай и колечко;
Купи мужъ корову,
Купи мужъ кобылу,
Купи мужъ теленка,
Купи жеребенка.

14.

Вечоръ дѣвки (bis).
Вечериночкой сидятъ,
Пришедъ къ дѣвкамъ (bis),
Нежданый гость,
Нежданъ, незванъ (bis),
Добрый молодецъ,
Ужъ мы чѣмъ будемъ (bis).
Гостя подчивати,
Пивцомъ, винцомъ (bis),
Сладкой водочкой,
Една дѣвка (bis),
Суровешенька была,
Брала парня (bis),
За правую за руку,
Черезъ скамью (bis),
На разрывъ его тащитъ.

15.

Какъ задумалъ недорослочекъ жениться,
Какъ жена-то недоростка не любила,

Повела-то недоростка въ чисто поле,
Привязала недоростка ко березкѣ.
Три недѣли недоростка не смотрѣла
На четвертую недѣлю посмотрѣла,
Каково-то недоростково жированье,
Не корыстово жена да жированье.
Мнѣ березова корочка да пріѣлась,
Мнѣ болотная водица припилася,
Отвязала недоростка отъ березки,
Побѣжалъ недоростокъ по дорожкѣ.—

16.

Потянули вѣтры буйны со горы,
Обронили шляпы добры молодцы,
Мнѣ поднять шляпу не хочется,
Мое сердце не ворошится,
Покориться во мнѣ того нѣтъ.—

17.

Кычи гуси домой,
Кычи лебеди домой
Со ржавченки,
Со болотинки,
Да со свѣжія воды,
Со Дуная со рѣки,
Этотъ нашъ (bis),
Этотъ нашъ гусенекъ,
Гусь сѣренькой,
Развеселенькой.
Я во всю зиму кормила,
Во все лѣто берегла,
Берегла стерегла,
Охорашивала,
Огораживала,
Отъ лютаго отъ звѣрища,
Да отъ волчища,
Вотъ пришелъ,
Вотъ увелъ,
Негдѣ взять,
Архирейскій зять.

18.

За топью за рѣчькой за быстрою,
Выгоню я пару сѣрыхъ лошадей,
Лошади у насъ держать не можно,
Кучеръ—отъ у насъ (—) господинъ,
Голубушка при немъ (—) госпожа,
Они сойдутся, обоймутся,
Свидятся, поклонятся,
Поклонятся, поцѣлуются.—

19.

Со вечера хмѣлинка незаборчива была,
Забрала меня хмѣлинка,
Полюбилъ парень дѣтинка,
Парень дѣвушку любилъ,
Золото кольцо купилъ.
На рукѣ кольцо горитъ,
Родна маменька бранитъ,
Гулять ей не велитъ,
Не велитъ во садъ ходить,
Молода парня любить.
Ужъ ты парень молодой,
Спроводи дѣвку домой,
Не дорогой,—стороной,
Подъ голубой подъ полой,
Да подъ лѣвой стороной.

20.

На улицѣ мужикъ со разсадой сидитъ,
Немножка разсадушки на денежку даетъ;
Купить, не купить мнѣ на весь пяточекъ,
Разсадить ли мнѣ разсадушку на весь огородъ:
Расти, моя разсадушка, тонка и высока,
Тонка и высока,—перомъ широка.
Всѣ люди капусту заламываютъ,
Только я молода въ огородѣ не была,
Бѣлыя капусты не заламывала.

21.

Сковородка въ печи,
Сковородникъ на печи,
Блиновъ испечи
Десяточка два, три.
Двое ходитъ,
Двое бродитъ,
Двое сойдутся,
Обоймутся,
Поцѣлуются,
По старинному закону,
По 400 на кону.
Пришелъ нонича указъ,
Цѣловаться одинъ разъ,
Цѣловать въ уста,
Ноне нѣтъ поста,
Время заговенье,

Пора масляница.
Куплю сахару на рубь,
Поцѣлую какъ нибудь;
Куплю ево на пятакъ,
Поцѣлую дѣвку такъ.
Сколько на печи печины,
Столько на сердцѣ кручины;
Сколько на гряды моркови,
Столько на сердцѣ любови;
Сколько на морѣ трески,
Столько на сердцѣ тоски.
Ой, спитъ тоска на голыхъ доскахъ,
На голенькихъ дощечкахъ,
На полатинкахъ.
На что щегольно ходить,
Когда некого любить?
На что мыломъ умываться,
Когда не съ кѣмъ любоваться?
На что платомъ утираться,
Когда не съ кѣмъ цѣловаться?
На что мятко слать,
Когда не съ кѣмъ спать?

22.

По жердочкѣ шла
Да по тоненькой,
По сосновенькой,
Тонка жердочка не гнется,
Не ломается,
Хорошо съ милымъ живется,
Не стоскнется,
Хоша стоскнется
Разгуляется.
Пойду выйду молода
За новые ворота,
За новые, кленовые,
За рѣшотчатые;
Стану, стану молода,
Ко притворному столбу,
Туды, сюды погляжу,
Я милаго не вижу.
Счастливый выходъ мой,
Что на встрѣчу мой милой.

23.

На плотѣ было на меленкѣ,
На вторая на серебряной
Золота была черпаница,
Дѣвица воду черпала,
Душа (имя рекъ) воду черпала.
По бережку конь бѣжитъ,
По крутому сивой рыжій;
На кони сидитъ удалый молодецъ,
Удалый молодецъ (имя рекъ),
Ко двору приворачиваетъ.
Онъ плеточкой посвистываетъ,
Уздой пошевеливаетъ,
Ко двору ко батюшкову,
Къ терему ко матушкину,
Ко лугу то ко дѣвушкину. (иногда поется имя).
Красна дѣвица выйди на дворъ,
Ты возьми коня за поводъ,
Ты отдай коня конюхамъ,
Пусть накормятъ да пшеницею,
Напоятъ ключевой водой.

24.

Не наметывай порохи
Что на талую землю,
На злое коренье
Въ Петрово говѣнье,
Во перво воскресенье.
Что по той бѣлой порохѣ
Шелъ Ванюша хорошій
Шелъ Иванушка хорошій,
Бѣлый кудреватый.
Онъ бѣлый кудреватый,
Холостъ не женатый.
Припадаетъ вдругъ Ванюша
Ко бѣлому ко снѣгу.
Онъ кидаетъ да бросаетъ
Ко Паранѣ во окошко:
Выйди, выйди вонъ Парания,
Выди Парасковья.
Мнѣ нельзя идти Паранѣ,
Нельзя Парасковьѣ,
Есть у батюшки то гости,
Да у матушки гостьи;
Есть у братыщей подъячи,
У сестеръ дѣвицы,—
То мои подружки.
Я тутъ Ванюшѣ сказала
Взаболь отказала.

Пошелъ Ванюша печаленъ
Головой качаетъ,
Самъ головушкой качаетъ,
Себѣ размышляетъ:
Какъ же мнѣтка быти,
Кого полюбити?
Мнѣ мужня жена любить—
Прибитому быть,
Мнѣ вдовушку любить—
Казною дарить,
Красну дѣвицу любить—
Щегольно ходить,
Хоть не щегольно ходить,
Красну дѣвицу любить.

25.

У воротъ дѣвка стоитъ,
Въ бѣломъ лицѣ жаръ горитъ,
Знать что миленькій сердитъ,
Ничего не говоритъ,
Въ зеленый садъ манитъ;
Пойдешь дѣвица во садъ
Раскрасавица плясать,
Сорву съ травоньки цвѣтокъ
Со муравоньки алой.
Завяжу этотъ цвѣтокъ
Во тальянскій во платокъ,
Во нѣмецкій узелокъ.
Ужъ я брошу то платокъ,
На кроватку въ уголокъ,
Гдѣ узеликъ-отъ лежитъ,
Тесова кровать дрожитъ,
Я помѣшкаю часокъ,
Развяжу да узелокъ,
Посмотрю я на цвѣтокъ,
Ужъ онъ вянетъ ли не вянетъ,
Мой лазоревой цвѣтокъ;
Ужъ онъ тужитъ ли не тужитъ,
Онъ мой миленькій дружокъ,
Мой онъ миленькій дружокъ
На чужой онъ стороны,
Во матушкѣ во Москвы,
Во нѣмецкой улицы.
Сидятъ дѣвки въ горницы,
Они судятъ разсуждаютъ,
Мила друга снаряжаютъ,
На добра коня садятъ.
Ноги въ стремена кладутъ,
Въ руки поводъ подаютъ,
Дружку наказываютъ,
Наговариваютъ:
Ты гуляй, гуляй дѣтина,
Да не загуливайся,
На хорошихъ, на пригожихъ
Не заглядывайся.
Хороши то пригожи,
Часовы не вѣковы,
Ужъ я худенька худа,
Да вѣковѣчная твоя.
Вѣковѣчная твоя,
Да подвѣнечная жена.

26.

Красна дѣвица коровъ доила,
Скровь тряпичку молоко цѣдила,
Молокомъ молодца поила,
Поила наговаривая:—
Не женись, не женись молодецъ,
Не женись, не женись удалой,
Промежъ нами ты такъ проживешь,
Промежъ нами дѣвушками,
Промежъ нами голубушками.

27.

Не бѣги, не бѣги,
Красна дѣвица душа,
Полюби, полюби,
Ты меня молодца,
Если ты меня полюбишь,
Будешь счастливая,
Будешь тѣльнистая;
Я люблю тебя душой,
Подарю казной,
Кажный праздникъ обновкой,
Буду милую дарить,
По пирамъ, по *каштетамъ*
Буду дѣвицу водить.
Ради радости такой
Есть особенный покой;
Зеркалами и цвѣтами,
Вашу спальню уберу,
Красна дерева кровать
На коврѣ будетъ стоять,
Что на бархатной перинѣ

Будетъ Саша почивать.

28.

Зимочка зима,
Холодная зима морозливая,
Хорошая жена
Мужа выучила,
Въ полуночи-то будила,
На работу посылала,
На работу на такую
Въ лѣсъ дрова идти рубить.

29.

На улицѣ диво,
Чернецъ варилъ пиво.
Чернечикъ ты мой,
Чернечикъ молодой *)
Я пиво сливала,
Меня разбирало,
Спускалася хмѣлинка
Въ ручки, въ ножки,
Въ буйную головушку.

30.

Пошли наши гусли,
Пошли звончатыя,
Дошли наши гусли,
До молодца пана,
До бѣла румяна,
Тутъ гусли упали,
За рученьки брали,
Въ уста цѣловали,
Милымъ называли.

31.

Подъ тыномъ было подъ тыночикомъ,
Подъ зеленой было сосенкой,
Дѣвки мылись, умывались,
Хорошо они сряжались,
Обойду я двоетынъ, троетынъ,
Я любаго себѣ выберу,
За собою парня выведу.

32.

Ходилъ гулялъ Ванюша,
Вдоль по улицѣ,
На Паранино окошечко,
Часто взглядывалъ
Про Поранино здоровье
Часто спрашивалъ,
Ужъ ты спишь, не спишь Параша,
Али такъ лежишь?
Ужъ я спать не сплю, Ванюша,
Боле такъ лежу,
На умѣ держу,
Научить ли те, Ванюша,
Какъ ко мнѣ ходить (bis),
Какъ меня любить;
Ты не днемъ ходи,
Да поздно вечерами,
Ты не голосомъ кричи,
Да соловьемъ свищи,
Чтобы я красна дѣвица
Вздогадалася,
Со бесѣдушки сдолой
Да собиралася.
Я подружечкамъ скажу,
Что голова болитъ;
Отцу матушкѣ скажу,
Скажу—вся больна;
Ко милу другу пойду
Да здоровешенька,
Отъ мила друга пойду
Да веселешенька.
Я умоюсь, соряжусь,
Я къ обѣденкѣ пойду,
Напередъ всѣхъ становлюсь,
Чтобы видѣлъ весь народъ.
Со слезамъ Богу молюся,
Бога милости прошу:
Ты, слеза моя горючая,
Пади къ милому на грудь.
Позади его стояла
Его маменька родна,
Со пасмѣшкою сказала:
Не твоя ли тутъ горюха
По тебѣ слезы ронитъ?
Полно маменька смѣяться,
Пуста твоя пословица
Вѣчно дѣвушекъ бранить.

33.

Шелъ дѣтина изъ гостей,
Со великихъ радостей;
Онъ торопится бѣжитъ,

*) Припѣвъ этотъ поется послѣ каждыхъ двухъ строкъ.

Къ своему двору спѣшитъ;
Сзади дѣвица бѣжитъ,
Кричитъ: молодецъ, постой!
Не женатый, холостой,
Не женатый, вожеватый,
Разголубчикъ, любчикъ мой!
Ты не смѣйся надо мной,
Надъ дѣвушкой молодой,
Назадъ парень обернулся,
На дѣвушку разсмѣхнулся;
Сталъ дѣвицу дожидать,
Съ ноги на ногу ступать,
Ума разума пытать:
Ты скажи, скажи, Катюша!
Скажи лапушка моя,
Едново-ль любишь меня?
Я по правды то скажу:
Едново тебя люблю;
Я по совѣсти скажу:
Семерыхъ съ тобой люблю.

34.

Торна, маторна моя,
Фигурна, мигурна моя,
Красно золото не тягивала,
Серебро не волакивала.
Что желты пески разсыплются,
Быстры рѣченьки разольются,
У молодца кудри разовьются;
Завивала кудри лапушка,
Завивала кудри сударушка,
Завивала приговаривала:
Что не думала сегодня угорѣть;
Пришелъ вечеръ,—голова стала болѣть,
Расшумѣли самовары на столѣ,
Расходился угаръ въ головѣ.

35.

Выходилъ душа полковникъ
На красно крылечко,
Выносилъ душа полковникъ
Молодковы карты,
Еще клалъ душа полковникъ
На дубовый столъ;
Приглашалъ душа полковникъ
Красну дѣвицу въ компанью.
Меньша большой говорила,
На добро учила:
Не играйка-ся сестрица
Въ молодковы карты,
Ты не пейко-ся сестрица
Дорогова вина.

36.

Не рюмочки по столу бренчатъ.
Не стаканы выговариваютъ;
Еще кто же ходитъ по терему,
Еще кто же ходитъ по высокому.
Дѣвица ходитъ по терему,
Душа красная по высокому;
Она бѣлится, румянится,
Очень модно снаряжается,
Погулять ей хочется.
У кого же она спросится,
У кого же она доложится?
Она у (имекъ) молодца спросится,
Она у (отчество) удалова доложится:
(Имя) душечка,
(Отчество) ягодка!
Ты спусти въ гости ко батюшкѣ,
Ко родимой моей матушкѣ.
Ты (имя дѣв.) душечка.
Ты (отчество) ягодка,
Посиди у меня въ теремѣ,
Посмотри на мою красоту,
На удала добра молодца,
На (имя и отечество).

37.

Во два верхала нѣмецкихъ,
Сидятъ два молодца турецки.
Калина, малина *).
Они сидятъ у стола,
Писать очень мастера;
Подмастерье съ мастерами
Цвѣтно платье составляли,
Двѣ цѣпочки золотыя.
Музыканты молодые,
Заиграли въ струны.
Струны серебряныя;
Утѣшали, увѣщали,
Красну дѣвку въ терему:
Не плачь дѣвица мила,
На тѣ лента голуба (bis).—
Подареньe паренька.

*) Припѣвается послѣ каждыхъ двухъ строкъ.

Парень дѣвушку любилъ,
По часту въ гости ходилъ (bis),
Да сладки пряничка носилъ.
Въ семнадцать дѣвка лѣтъ,
Полюбила парня вѣкъ (bis),
Что нигдѣ такого нѣтъ,
Ни въ Казани, ни въ Рязани,
Нѣтъ ни въ Астрахани;
Откуль взялся, проявился?
Во Мезени городу (bis),
Во гостиновомъ двору (bis)—
У вдовушки у вдовы
Есть три дочки хороши.
Ужъ какъ первая милѣе,
Втора лучше, веселѣе;
Еще третья черноброва,
Завсегда плясать готова.
Пляшучи дѣвка упала,
Парню на руку попала.
Постой молодецъ не чура,
Я сама дѣвка не дура,
Петербургская натура;
Я во Питерѣ была,
Три науки поняла.
Ужъ и первая наука—
Я купила соловья;
А вторая-то наука—
Полюбила молодца;
А и третья-то наука—
Раззорила до конца.
Раззорился парень бѣдный,
Купилъ дѣвкѣ перстень мѣдный;
Раззорился подъ конецъ,
Купилъ дѣвкѣ семь колецъ:
Три витыя золотыя,
Три серебреныя,
А четверто позолоченое,
Продалъ худенько дворишко,
Купилъ аленько платишко,
Завидуетъ вся деревня
На солдатское житье:
Солдатъ подати не платитъ,
Куды денежки дѣвать.

38.

Соловей мой соловей,
Голосистой соловей!
Ты лети, мой соловей,
Хоть за тридевять земель,
За синія моря,
На чужіе берега;
Не найти тебѣ милой,
Горемычнѣе меня.
У меня ли у младой,
Крупенъ жемчугъ на руки,
Жаръ-колечко на груди.

39.

Состроій ты, любезный,
Да червончатый корабь;
Я найму тебѣ любезный
Гребцовъ—молодцевъ,
Да десять пѣсельничковъ;
Всѣ ребятушки гребутъ,
Веселы пѣсни поютъ;
По червончату кораблику,
Да погуливаютъ,
Съ ножки на ножку
Переступываютъ;
Сапогъ о сапогъ
Поколачиваютъ,
Ко любезной ко своей
Да приворачиваютъ.
Ты, любезная моя,
Не забыла ли меня (bis)?
Не болитъ ли голова?
Ужъ я рада бы забыть,
Не могу тебя избыть.

40.

По морю корабличекъ
Бѣжалъ, таки бѣжалъ,
По корабличку Васильюшка
Гулялъ, таки гулялъ,
Въ звончаты гусельцы
Игралъ, таки игралъ.
Поиграйте гусли въ мысли,
Вы теперича при мнѣ,
При Васильѣ молодцѣ,
При Ивановичѣ.
А Василья материна
Таки рѣчи говорила:
Полно Ваня перестань,
Прочь отъ дѣвушекъ отстань!
Родимая моя мать!

Да тебя меня не унять (bis),
За быстру рѣку гулять (bis),
Ко вдовушкѣ спобывать;
У вдовушки есть Катюша.
Ей любить таки любить,—
Брови черны соболины,
Очи ясны соколины,
А походочка павина,
Тиха рѣчь лебедина,
Она баетъ, разсуждаетъ,
Сверхъ погодой посыпаетъ.

41.

Милъ поздненько приходилъ,
Гостинечки приносилъ,
Гостинечки прянички,
Корешочки яблочки.
Я гостинечки взяла,
Друга въ горенку свела;
Ужъ какъ въ горенку свела,
На постельку уклала.
Стала выспрашивати,
Стала вывѣдывати:
Почему ты милый любишь,
Али по дому мому,
По богачеству большому?
Я за то тебя люблю,
За то жаловать хочу,
За умъ разумъ дорогой,
За обычай молодой.
Съ утра барочка въ отвалъ,
Ты сударушка прощай,
Ко Петрову дни не буду,
Къ Ильину дни подожди,
Привезу тебѣ подарокъ,
Подарочекъ дорогой,
Гранитуровый платокъ,
Не тащи другъ живота,
Не купи дѣвкѣ плата,
Купи золото колечко,
Чтобы ноило сердечко,
Занывало, замирало,
Тоски сердцу придавало.
Раззорился парень бѣдный,
Купилъ дѣвкѣ перстень мѣдный.—
Раззорился до конца
Купилъ мѣдныхъ два кольца:
На сударушка носи,
Золотаго не проси,
За иной взади не ходи,
Болѣ меня не люби.
Не любовница твоя,
Не любила никогда.

42.

Зелено вино въ карманѣ,
Сахаръ во бумажкѣ.
Зеленое вино пью,
Сахаръ на закуску,
Знаю у моего милаго,
Два сада зеленыхъ;
Во первомъ саду, садочкѣ,
Кукуетъ кукушка,
Во второмъ саду садочкѣ,
Поетъ птичка пташка,
Поетъ птаначка прекрасна,
Разнымъ голосочкомъ.
Спишу пташинъ голосочекъ
На тонкой листочекъ,
Что на тоненькій листочекъ,
На бѣлу бумажку;
Отошлю я голосочекъ,
Въ дальный городочекъ,
Что во дальный городочекъ,
Своему милому:
Ты велишь-ли моя радость,
Щегольно ходить,
Ты умойся, уберися,
Баско снарядися.
Не ходи, моя милая,
Къ сусѣду въ бесѣду;
У сусѣда во бесѣдѣ
Все сидятъ холосты,
У холоста глаза востры,
Сами завидущи,
Холостъ ходитъ,
Глазомъ водитъ,
Изъ ума выходитъ,
На траву ступаетъ,
Разума пытаетъ,
Ума разума пытаетъ,
На дворъ вызываетъ,

Подарочекъ желаетъ,
Подарочекъ дорогой,
Персидскій платочекъ,
Во персидскомъ во платочкѣ,
Золото колечко.

43.

Ужъ ты вдовка, ты вдовка моя,
Вдовья, вдовина, побѣдна голова,
Твое личико разгарчивое,
Ретиво серце доносливое.
Подлѣ рѣчку, подлѣ быструю рѣку,
Стоялъ кустышекъ ракитовый,
На кусту-то соловеюшко,
Соловей птица пѣсни поётъ,
Молодой принасвистываетъ,
Холостой приговариваетъ:
Поиграйте вы, дѣвушки,
Поиграйте молодушки,
Во своей волѣ у батюшки,
Что во нѣтѣ у матушки;
Скоро Сашу въ замужъ отдадутъ,
Скоро волюшка минуется,
Красота съ лица стеряется.
Ты каморочка, каморочка моя,
Мелкотравчатая, узорчатая,
Недавайся ты развертываться,
Что не князю, не боярину,
Не саму сыну купеческому;
Что купеческій сынъ,
Онъ и волюшку беретъ,
Онъ каморочку развертываетъ,
Всѣ узоры высматриваетъ.

44.

Противъ солнца на востокѣ,
Монастырь келья стоитъ,
Въ этой келейкѣ монашенко спасается,
По утру рано встаетъ да наѣдается.
Что пошелъ чернецъ въ кабакъ.
Да свою ризку пропивать,
Свой клобукъ закладать,
Цѣловальникъ не прималъ,
Чернеца въ шею толкалъ:
Поди вонъ калугерь,
Твоя келейка пола,
Да незаперты ворота.

Незаложенныя.
Дѣвка въ рощѣ грибы брала,
Чернеца-то не видала,
Ходитъ чернецъ по тропы,
Да въ высокомъ клабуки.

45.

Ужъ я горькая злосчастна.
Уродилася несчастна,
Какъ же мнѣ-ка быть,
Во несчастьѣ жить,
Во несчастьицѣ мнѣ жить?
Печаль горе отложить,
Не стану тужить,
Я объ томъ тужить не стану,
Болѣ плакать перестану.
Една въ тебѣ лесть,
Бить-любить тебя не буду,
Замужъ выдать-то не чаю,
Нѣтъ те жениховъ.
Сватался женихъ,
Изъ-за моря старикъ,
Девяносто лѣтъ,
Зубовъ во рту нѣтъ:
Хошъ люби, хошъ нѣтъ,
Эдака бѣда,
Любить старика.
Я бѣла свѣта отстану,
Любить старика не стану,
Либо утоплюся,
Либо удавлюся.

46.

Изъ Питера любезный
Письмецо мнѣ присылалъ,
Пишетъ милый дорогой
Объ любови объ своей.
Пишетъ милый ко мнѣ знать,
Чтобы я вышла гулять.
Я у батюшки спросилась,
У матушки доложилася;
Позволенье мать дала,
Гулять съ миленькимъ пошла
Лишь успѣла выйти вонъ
Милъ стоитъ передо мной
Разговариватъ со мной:
Много ждалъ я, дожидался,

Во дорожку отлучался,
Не печалься, не тужи,
Я сейчасъ буду сюды,
Изъ Питера пріѣду,
Подарокъ привезу
Атласу для прикрасу,
Синетюру на салопъ,
На бѣлую грудь цѣпочки,
А на шею жемчугу.
Благодарствуй, другъ любезный,
Любишь, жалуешь меня,
Не теряй своей любови,
Мнѣ обида дорога.
Я вечоръ была больна.
На вѣтру долго стояла,
Простудилась молода,
Съ той простуды груди ломитъ,
Голова моя болитъ,
Безъ огня лицо горитъ.
Ужъ мы сядемъ, посидимъ,
На подружекъ поглядимъ:
Ужъ вы дѣвушки,
Подружки несчастливыя,
Только я одна счастлива,
Молода парня любила.
По поступкѣ парень бравъ,
По природѣ веселой,
Онъ на личико красивъ,
Гулять въ гости не спѣсивъ
Чисто ходишь, гдѣ берешь,
Дай расписку, съ кѣмъ живешь?
Я росписки не даю,
Съ кѣмъ гуляю не скажу.

47.

Какъ у нашего сусѣда
Собрана была бесѣда
Очень хороша,
Весьма пригожа.
Мнѣ случилося идти,
Я не могъ мимо пройти,
Постучаться сталъ.
У окошка постучался,
Со опасностію,
Со великою,
Дѣвки бросились въ окно,
Отвѣчали за одно:
Съ кѣмъ ты тутъ стоишь,
Съ кѣмъ ты говоришь?
Я умѣлъ сказать: единъ,
Ко воротамъ приходилъ;
Дѣвки отперли ворота,
Красны впустили меня.
Въ свѣтлу свѣтлицу вошелъ,
Все весельице нашелъ;
Веселиться сталъ,
Что по прежней по любови
Забавляться сталъ,
Дѣвка шутокъ не вняла,
Парня въ щоку оплела:
Этакой дуракъ,
Да разбезсовѣстный,
Ты прогрешь, просмѣешь,
Меня въ замужъ не возмешь.

48.

По край быстрой было рѣчьки,
На прекрасномъ на мѣстечкѣ
Стоялъ зеленъ садъ,
Стоялъ виноградъ,
Въ саду дѣвицы гуляли,
Алы цвѣтики срывали,
Вьютъ себѣ вѣнки,
Вьютъ дороги;
Свила дѣвица вѣнокъ,
Во рукахъ держитъ цвѣтокъ.
За рѣкой рѣкой
Калиновый мостъ;
По калинову мосточку
Бѣжалъ Ванька, торопился,
Калинъ мостикъ подломился.
На сію бѣду,
На Ванюшину,
Перва мила подбѣжала,
Бѣло платье поджимала,
Зоветъ во лѣсокъ.
Пойдемъ Ваня во лѣсокъ
На единый на часокъ
На минуточку,
Погуляемъ Ваня здѣсь,
Пока воля для насъ есть,
Съ полуночи часъ прибудетъ,
У насъ платье сухо будетъ,

Пойдемъ ко дворцу
Ко батюшкову.
Не дошедши до дворца
Цѣловала молодца:
Ты прощай, прощай милая,
Прощай радость дорогая,
Не забудь меня.
Я тогда тебя забуду,
Жива на свѣтѣ не буду;
Али въ замужъ отдаютъ,
Отдаваютъ молоду
На чужую сторону
Не заровнюшку
За старенькаго;
Мнѣ ко стараго любить
Горючи слезы ронить,
Плакать завсегда.

49.

Мнѣ во вѣкъ тоска не бывала,
Да вечоръ тоска напала,
Во всю ночь молода не сыпала,
Тесовая кроватъ простояла,
Соболиное одѣяло продержалось,
Все мила дружка да дожидала,
Я насилу его да дождалася,
Я изъ горницы во горницу гуляла,
Я изъ свѣтлыя во свѣтлую ходила,
Всю хрустальную посуду разбирала,
Поболѣ стаканчикъ выбирала,
До полна я сладкой водкой наливала,
Я милу дружку да подавала,
Милу дружку да Иванушку:
Прими, выкушай душа радость, молодецъ,
На меня на красну дѣвку не надѣйся,
У меня красной дѣвицы безвременье,
Безвременье да раззоренье;
Меня батюшка да въ замужъ отдаетъ,
За такого за сякаго за урода,
Что ему ли уроду мной владѣть,
Что ему ли въ узорочье снаряжать,
Владѣть ли, не владѣть милу дружку.

50.

На горкѣ калина,
Въ подгорьѣ малина;
Тамъ дѣвица гуляла
Малинушку ломала,
Въ пучечьки вязала,
Въ козаченька бросала.
Козаченька душа радость,
Дружекъ мой!
Слышу ѣдешь, душа радость, во походъ,
Ты возьми меня съ собой,
Я тебѣ буду слугой,
Пару коней уберу,
Овса, сѣна задаю,
За дубовъ столъ посажу,
Чаемъ, кофеемъ напою,
На кровать спать укладу,
Поцѣлую, обойму.—,

51.

Изъ за барскаго двора
Выѣзжаетъ самъ халуй.
Дунай мой Дунай
Веселый Дунай *).
На встрѣчу халую
Сама барыня идетъ
Сама барыня идетъ,
За собой дочку ведетъ,
За собой дочку ведетъ
Сама спрашиваетъ:
Ты, разсукинъ сынъ, халуй,
Ужъ ты гдѣ побывалъ,
Ужъ ты гдѣ побывалъ,
Да ты гдѣ ночевалъ?
Сударыня барыня,
Я у васъ на дворѣ,
Я у васъ на дворѣ,
Во высокомъ терему,
Во высокомъ терему,
Во горницѣ во новой,
Во горницѣ во новой,
На кровати тесовой,
На кровати тесовой,
Съ вашей дочерью родной.
Ты, разсукинъ сынъ, халуй,
Зачѣмъ сказываешь?
Сударыня барыня,
Зачѣмъ спрашиваешь?
Ты, разсукинъ сынъ, халуй,

*) Припѣвается послѣ каждыхъ двухъ строкъ.

Со двора я вонъ сгоню.
Сударыня барыня
Самъ съ охотою пойду,
Самъ съ охотою пойду,
Вашу дочку уведу.
Сударыня барыня!
Я вамъ дровецъ наколю,
Я вамъ дровецъ наколю,
Въ спальнѣ печку истоплю.
Разсукинъ сынъ, халуй,
Я блиновъ те испеку.

52.

Дѣвки шили коверъ, да вышивали,
Вышивали коверъ да говорили:
Ты не вей гнѣзда да при долинѣ,
Ты совей гнѣздо да при бесѣды,
При которой бесѣды дѣвица сидѣла,
Гдѣ-ко дѣвицы сидѣли, молодцы гуляли.

53.

Улкомъ шла, переулкомъ шла,
Клубокъ ниточекъ нашла
Клубокъ катится,—нитка тянется
Клубокъ долѣ, долѣ, долѣ,
Нитка тоне, тоне, тоне;
Я за ниточку взялась,
Моя нитка сорвалась,
У заюшка, да у бѣляюшка
Что ушки были долги
Да ножки тоненьки,
Зайка въ сторону скочилъ,
Много золота хватилъ.—

54.

Собиралися ребятушки
На едину они улицу,
На единое крылечушко,
Что едину думу думали,
Единъ совѣтъ совѣтывали:
Гдѣ-бы, гдѣ-бы намъ дѣвицу увидать,
Гдѣ-бы, гдѣ-бы намъ красавицу увидать.
Единъ молодецъ догадливъ былъ,
Нарядился сѣрой козонькой,
Пошелъ къ милой подъ окошечко.
Увидала красна дѣвица-душа
Увидала изъ косящата окна:
Ужъ ты маменька, родимая моя,
Пусти козу на надворьице,
Ко матушкѣ въ нову горницу,
Ко мнѣ младой на тесовую кровать.
Я не буду ни спать, ни дремать
У козы была не козья стать,
У козы молодеческой взглядъ,
Рубашечка ситцевая,
Жилеточка матерчатая,
На шейкѣ гранитуровый платокъ.

55.

Изъ за лѣсу, съ крутыхъ горъ
Подымались туча громъ
Со великимъ дождемъ;
Что со этаго дождя
Да стала улица грязна (bis),
Стала, Сашенька, дурна,
Мнѣ пѣшкомъ идти нельзя.
Я пѣшечкомъ не пойду
Я извощичка найму,
Я извощичка лихаго,
Сама найду скрипача.
Я не сяду съ тобой рядомъ,
Я сердита на тебя,
Хотя сяду съ тобой рядомъ,
Въ глаза выговорю,
За вчерашнюю обиду
Дружка выругаю:
Я за что тебя люблю,
За что жаловать хочу?
Ты послушай-ко невѣжа,
Погадай-ко негодяй!
Я за то тебя люблю,
За то жаловать хочу:
Я сидѣла за цвѣтами,
Уливалася слезами,
Уливалась, увѣрялась,
Куда миленькій идетъ.
Пошелъ, пошелъ мой милой
Недалече ко иной,
Ко Машенькѣ Долиной.
Черезъ три поля бѣжала
Безъ стыду ему кричала:
Воротися, воротися!
Воротись милый ко мнѣ,
Язабыла те сказать, —

Если къ маменькѣ пойдешь,
Не садись возлѣ меня,
Не гляди милъ на меня,
Не гляди милъ, не смотри,
Не любовница твоя.
Радъ бы, радъ бы не глядѣть,
Да мои глаза глядятъ,
Полюбить тебя хотятъ.

56.

Заюшко по сѣничкамъ
Дыбы таки, дыбы,
Сѣренькій по новенькимъ
Гулялъ таки, гулялъ,
Некуда заюшкѣ таки выскочити,
Некуда сѣрому выпрянути.

57.

У нашего двора
Полно озеро воды.
Ай люли ай люли *)
Полно озеро воды
Съ берегами наровень,
Что во этомъ озерѣ
Молодецъ коня поилъ,
Молодецъ коня поилъ,
Ко воротамъ приводилъ,
Ко воротамъ приводилъ,
За колечико вязалъ,
За колечико вязалъ,
Красной дѣвицѣ сказалъ:
Красна дѣвица душа,
Сбереги добра коня,
Сбереги добра коня,
Не сорвалъ бы повода,
Не сорвалъ бы повода,
Повода шелковые,
Повода шелковые,
Удила серебряныя
Красна дѣвица идетъ,
Словно павушка плыветъ,
Что на дѣвицѣ перо
Восемьсотъ рублей дано,
Восемьсотъ рублей дано,
Издалеча везено,
Издалеча везено,
По любови дарено,
По любови дарено,
Да пожаловано.

58.

Ѣхалъ мальчикъ изъ Казани,
Полтораста рублей сани,
Восемьсотъ рублей дуга,
Мальчикъ дѣвушкѣ слуга.
Вы позвольте, господа,
Мнѣ въ магазины сходить,
Плису, бархату купить,
Мнѣ-ко милой подарить.

59.

Черезъ рѣченьку жердяночка лежала,
Черезъ быструю жердяночка лежала.
Еще что въ торгу сдешевѣло?
Сдешевѣли въ торгу да мужиченки,
Еще сто мужиковъ да на одну копѣйку,
Полтораста даютъ да на полушку.
Еще что же на торгу да вздорожало?
Еще сто рублей да една дѣвица,
Полтораста да русокосая,
Полтретьяста да черноглазая.

60.

Мой миленькій, любименькій,
Крутымъ бережкомъ идетъ,
Радость пѣсенки поетъ,
Ко душѣ красной дѣвицѣ
Въ тёремъ голосъ подаетъ,
Чтобы слышала мила,
Не дремала не спала,
На крылечко выходила,
Съ молодцемъ рѣчь говорила:
Здравствуй душечка молодчикъ,
Удалая голова!
Про насъ люди говорятъ,
Вси сусѣдушки бранятъ,
Любить дружка не велятъ.
Земляночка во лѣсѣ,
Остаюсь я видно здѣся.
Отъѣзжаетъ милъ въ Москву,
Оставляетъ всю тоску.

61.

Куревушка, курева
Закрутила, замела

*) Припѣвается послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.

Всѣ дорожки и пути,
Нельзя къ милому идти.
Я пошла по дрова,
Съ милымъ свидѣлася,
На ключъ по воду пошла,
Да поздоровалася:
Здравствуй, мой миленькій!
Въ гости гости,
Да не подалеча садись;
Люди нынѣшніе догадливые,
Накутятъ, намутятъ,
Съ милымъ дружкомъ разлучатъ.

62.

Дѣвица садочкомъ шла,
Раскрасавица зеленькимъ,
На ней платье бѣленько,
Косыночка алешенька,
Въ правой рукѣ розовый цвѣтокъ,
Во лѣвой нѣмецкій аверокъ (вѣерокъ?),
Иверомъ дѣвка помахиваетъ.
На ней молодецъ поглядываетъ,
Со дѣвицей поговариваетъ:
Здравствуй, нѣжная, манежная моя,
Красота неучиненная твоя!
Ужъ я сколько бесѣдъ перешелъ,
Тебя лучше—краше не нашелъ;
Хоша лучше—краше тебя есть,
Во моемъ сердцѣ желанной такой нѣтъ,
По тебѣ моя сударушка,
Душа красна дѣвица.

63.

Молодость, молодость, дѣвичья красота,
Я не думала молодость измыкати тебя,
Измыкала молодость чужая сторона,
Чужа дальная сторонка:
Въ чужихъ людяхъ живучись,
Много горя видучись;
По утру рано встаютъ,
Да долго ѣсть не даютъ.
Я у батюшки, у матушки
Тѣшена дочька была;
Я безъ спроса безъ велѣнья,
Не ходила ни куда,
Я безъ рыбки ужъ не сяду,
Безъ калачика не съѣмъ,
Безъ милаго спать не лягу,
Безъ надежды не усну,
Хотя усну, во снѣ вижу,
Что сказали про милаго—
Милый не живъ не здоровъ,
Что сказали про милаго—
Милый безъ вѣсти пропалъ;
Что недавно мой милой,
Вдоль по улицѣ прошелъ,
Шибко, громко просвисталъ,
На окошко поглядѣлъ.
На моемъ ли на окошкѣ,
Тамъ лежала да примѣтка,
Съ винограда вѣтка.

64.

Ужъ ты Танюша, Татьяна,
Таня горькая, несчастна,
Уродилася безчастна,
Не знаю какъ быть
Безъ милаго жить,
Безъ милаго безъ дружка,
Нападетъ печаль тоска.
Кину, брошу грусть—тоску,
Постоянно буду жить,
Еднова дружка любить,
Во несчастьѣ младой жить,
Печаль горе отложить.
Не буду тужить,
Да себя крушить,
О пустомъ тужить не стану,
Слезно плакать перестану.
Все это пусты—наносны слова,
Не боюсь наносныхъ словъ,
Пошлю къ милому пословъ,
Чтобы побывалъ,
Хотя на малый часъ.
Идетъ милый къ вечеру
Огородой ко двору;
Шляпою махнулъ,
Головкой качнулъ.
Я завидѣвши милаго,
Не теряя часу втораго,
Во зеленъ садъ пошла,
Къ милому зашла.
Поклонъ милому отдавши,

Цѣловались съ нимъ обнявшись.
Сѣли на траву
Подъ яблонь въ саду,
Ужъ я тѣмъ себя сгубила
Другу тайность объявила,
Что многихъ любила,
Впрежъ да его.
На то милый осердился
Пошелъ, со мной не простился,
Сталъ меня бранить:
Эка дура навязалася,
Отдалъ бы тебя въ замужъ,
Нѣту жениха,
Хоть стараго старина.
Какъ посватался женихъ,
Изъ Романова старикъ;
Девяносто лѣтъ
Зубовъ во рту нѣтъ.
(и т. д, какъ въ № 45).

65.

Я вечоръ въ гостяхъ гостила,
Во компаньинѣ была;
Я хорошаго молодчика
Во любовь себѣ взяла.
Мнѣ не стыдно съ нимъ водиться,
Можно радостью назвать (bis),
Въ компанью себѣ взять;
Въ поступкахъ политиченъ,
Тароватъ во всѣхъ дѣлахъ,
Въ убранствѣ, чистомъ срядѣ,
Право веселъ и хорошъ;
Онъ хорошъ пригожъ и счастливъ,
Разговористъ на словахъ.
Между прочимъ разговоромъ
Прежде въ рѣчь меня водилъ;
Онъ пріятнымъ своимъ взоромъ,
Грудь мнѣ бѣлу прострѣлилъ;
Прострѣливши, заразивши,
На колѣнки посадилъ.
Со колѣней меня снявши,
Танцовать съ собой просилъ:
Я не долго танцовала,
Милый руку больно жалъ.
Ужъ я рукъ не отнимала,
Появился въ лицѣ жаръ.
Вышла въ сѣни простудиться,
Чтобы жаръ съ лица согнать;
Не сдыхала, какъ жаръ вышелъ,
Милъ стоитъ предо мной,
Говоритъ рѣчи со мной,
Зоветъ въ горницу съ собой:
Во горницу—въ свѣтлицу,
За дубовъ столъ посажу,
Стаканъ водки поднесу.
Чаю кофею не пью,
Во любовь съ тобой пойду,
Съ кѣмъ гуляю не скажу.

66.

Ужъ я по полу хожу-таки хожу,
Я по миленькомъ тужу, таки тужу,
Я не знаю къ чему дружка приложить
Жемчугъ дорогъ вѣсовой, вѣсовой,
Мой миленькій часовой, часовой.
Примѣню дружка къ перстеньку,
Перстеначекъ на руки, на руки,
Мой миленькій на уми, на уми.
Примѣню дружка къ соколу,
Соколъ птица вольная,
Мой миленькій у меня, у меня.

67.

Изъ подъ дубу, дубу, дубу,
Изъ подъ липова коренья,
Мое горе разоренье
Протекало скровь рученье.
Что во этихъ ручеечкахъ,
Дѣвки мыли тутъ платочки:
Они мыли колотили,
Платокъ въ воду упустили.
Откулъ взялся паренекъ,
Подалъ дѣвушкѣ платокъ.
Спасибо другъ тебѣ,
Ты помогъ моей бѣдѣ.
Завтра поздно въ вечеру,
Приди къ моему двору;
Что у нашего двора
Есть гулянье завсегда.
Въ саду дѣвушки гуляли,
Про любовь нашу не знали.
Отворяли ворота,
Запущали молодца.
Есть батюшка во пиру.

Есть матушка въ торгу;
Братецъ во гостяхъ,
Невѣстушка въ горестяхъ,—
Отъ того же въ горестяхъ.
У ей мужъ былъ во гостяхъ.
На улицѣ дождь поливаетъ,
Въ теремъ дѣвокъ прибываетъ.
Хозяинъ волю даваетъ,
Хозяюшка дозволяетъ.

68.

На улицѣ морозъ,
На печи-то лѣто;
Ты зачѣмъ сюда пришелъ,
Тебѣ дѣла нѣту.
Здѣшни дѣвки иралечки,
Любятъ сладки прянечки,
Молодицы—сухари,
Всѣ ребята водку,
Водку пили, булку ѣли,
Гулять захотѣли.
Я на горочки стоялъ,
Да слезы катятся,
Мнѣ женитья велятъ,
Да мнѣ не хочется,
Мнѣ невѣсту даютъ,
Да мнѣ не глянется,
Хошь и глянется,
Да мною чванится.
Еще дюжъ мой-отъ мужъ,
Выѣхалъ на рѣчьку,
Я молила кабы сдохъ,
Я поставлю свѣчку,
Я поставлю свѣчку сальну.
Сама пойду въ спальну,
Въ спальнѣ сидитъ любчикъ,
Сизенькій голубчикъ,
Мы совѣтъ совѣтали,
Жеребій метали,
Кому деньги, кому платье,
Кому красна дѣвка,
Иванушку щеголюшку,
Красна дѣвушка.
Что сказали про дѣвицу,
Не быль не былицу,
Что сказали про дѣвицу,
Я по молодцу тужу.
Не тужи моя милая,
Я те не забуду,
Случай будетъ въ Питеръ ѣхать,
Привезу подарокъ,
Кумачу, китайки.
Кумачу я не хочу,
Китайки не надо,
Что китаечка не къ моду,
Кумачъ не на згоду,
Привези мнѣ, сынъ отечкой,
Золото колечко
Ко красну крылечку,
Чтобы юкало колечко,
Взвеселило бы сердечко.

69.

Идетъ Ваня по угору,
На плечѣ несетъ кокору.
Эдаку матёру,
Не для Саши, не для Маши,
Ради душечки Катюши.
Катерина выходила,
Веретена выносила,
Веретены не точены,
Не точены золочены,
У бурлака подарены.
Еще, Саша, бурлаки
Сертуки носятъ модные,
Верхохона то грязные,
Верхохона то въ артели,
Всѣ артели то проѣли,
На закускахъ всѣ проѣли,
На орѣшкахъ прощелкали,
На бесѣду поѣзжали,
На бесѣды заплясали,
Каблуки у ихъ отпали,
Домой уѣзжали,
Каблуки пришивали,
Къ сударушкамъ заѣзжали.

70.

Сряжается король,
Сподобляется животъ,
Встаетъ въ утрях,
Раненько, ранешенько,
Утирается бѣленько,
Бѣлешенько,

Трется платочкомъ,
Бѣлымъ полотенцемъ,
Взявъ въ руки полотенцы,
На войну пошелъ,
Дѣвицъ смотрѣть,
Красныхъ примѣчать:
Котора же мила,
Котора дорога,
(имя) мила,
(отчество) дорога.

71.

Въ первой день понедѣльникъ,
Развеселый день во вторникъ,
Сива, сива середа свѣтъ,
Полевое въ четвертокъ,
Соловая была пятница,
Въ субботу во коверъ, во коверъ,
Въ воскренье выводилъ, выводилъ.
Красна дѣвка горожаночка,
Въ городу дѣвка родилася,
Во посадѣ была взрощеная,
Пряниками она выкормленая,
Въ деревеньку въ замужъ выданная,
За хрестьянина богатаго,
За дѣтину тароватаго,
За (имя рекъ)

72.

Подлѣ рѣчьку, подлѣ мостикъ,
Трава росла муравая,
Муровая, шелковая.
Ужъ я въ три косы косила,
Ради дружка, ради гостя дорогаго,
Ради своего милаго, любезнаго.
Ты поѣдешь, моя радость,
Другъ жениться
Не на душечкѣ, на красной на дѣвицѣ,
На злощастной на вдовицѣ.
Какъ поѣдешь другъ жениться,
Приворачивай проститься,
Если ты не приворотишь
Другъ проститься,
Черезъ рѣченьку поѣдешь,
Другъ потонешъ,
Черезъ быструю поѣдешь
Обернешься,
Обернешься моя радость,
Захлебнешься,
Что тогда меня младешеньку вспомянешь:
Какова я молодешенька бывала,
По утру ранымъ ранешенько вставала,
На плечики салопчикъ надѣвала,
На головушку платочекъ навязывала,
На босу ногу башмачекъ надѣвала,
Я скорѣ того на рѣченьку бѣжала,
Черезъ рѣченьку платочикомъ махала,
Черезъ быструю голосочекъ подавала,
Чтобы ты мой милый догадался,
Догадался, воротился. .

73.

Дѣтинушко, сиротинушко,
Кудриватая головушка,
Кудриватая, гладенькая,
Ты зачѣмъ поздно шатаешся,
Сиротиной называешься?
Кто-бы, кто-бы сиротинушку любилъ,
Кто-бы, кто-бы, ночевать пустилъ?
Сиротинушку дружка я люблю,
Сиротинушкѣ рубашку шью,
Тонку бѣленьку полотняную,
Дружку милому галунокъ золотой,
Что на свѣтѣ мой милый дорогой,
Сиротину на кровать спать повалю,
Сама-жъ лягу возлѣ его.
Сиротинкѣ много можется,
Животу, сердцу хворается;
Сиротинкѣ Богъ полегче даетъ,
Сиротинка сталъ похаживать,
Сталъ на дѣвушекъ посматривать,
Сталъ по плечикамъ потягивать,
Что котора дѣвка бѣла и баска,
Стала у той дѣвки по молодцу тоска;
Что котора румянешенька,
Всегда молодцу радешенька;
Что котора дѣвка сбурится,
То дѣвка молодцу прилюбится;
Что котора поколачиватъ скобой,
Вы берите-тко ту дѣвку съ собой.

74.

Соловей мой, соловей,
Сизокрылый, молодой,
Чернобровый, веселой,

Соловей гнѣзда не вей
Край дорожки, край пути,
На ракитовомъ кусту,
На малиновомъ листу.
Кабы кустышекъ не милъ,
Соловей гнѣзда не вилъ,
Малыхъ дѣтокъ не плодилъ;
Кабы дѣвка не мила,
Не любилъ-бы я тебя,
Цѣловалъ и миловалъ,
Колечушкомъ подарилъ,
Серебряно колечко,
Перчатное сердечко,
Съ подзолотой перстенекъ,
Сушитъ крушитъ дружененъкъ.
У меня-ли у младой,
Три забавы великихъ,
Есть три ленты широки:
Перва лента алая,
Безпечальна малая,
Втора лента вишная,
Прошла слава лишная,
Третья лента со кистьми,
Идетъ милый со вѣстьми.

85.

По мосту мосточку, по калиновому,
По калинову мосточку, по малиновому,
Тутъ и шелъ, прошелъ дѣтина,
Голубой на ёмъ кафтанъ,
Изъ семи шелковъ кушакъ,
Да опоясался не такъ,
Золотымъ кистьемъ назадъ,
Полы машутся,
Разкамзетовый кушакъ,
Раздувается на ёмъ,
Шиты-бранныя манжеты
Накрахмалены стоятъ,
Кругъ шеички платокъ,
Словно аленькій цвѣтокъ,
Во карманчикѣ второй,
Вотольянскій голубой,
Въ правой рукѣ тросточка камышевая,
Вокругъ тросточки ленточка пакетовая,
Молодецъ тростьемъ подпирается,
Пакетовой лентой похваляется:
Эта лента, эта лента,
Эта ленточка ала,
Да мнѣ сударыня дала.
Не ты-ль меня сударушка повысушила,
Повысушила, повыкрушила,
Спустила сухоту по моему животу,
Разсѣяла печаль, по моимъ яснымъ очамъ,
Заставила сударыня гулять по почамъ,
Что ночамъ, ночамъ, ночамъ,
Да по позднимъ вечерамъ,
Приневолила сударыня гостинички носить,
Гостинички сладки, пранички.

В. СВАДЕБНЫЯ.

1. Невѣстѣ.

Изъ за-лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ за темнаго, дремучаго,
Тутъ летаетъ стадо сѣрыхъ гусей,
Сѣрыхъ, маленькихъ утицъ,
Какъ второе бѣлыхъ лебедей.
Неумѣла лебедушка
По мелкимъ ручьямъ да плавати,
По гусиному да кикати,
Лебединымъ тонкимъ голосомъ;
Еще начали сѣры гуси
Какъ бѣлу-то лебедь щипати,
Что бѣла-то лебедь кикати:
Не щиплите вы сѣры гуси,
Сѣры маленькія утицы,
Не сама я къ вамъ залетала,
Не своею я охотою,
Злой великою неволею,
Занесли да вѣтры буйные,
Злы погодушки великія.
Не умѣла (имя невѣсты)
На головушкѣ управити.
Злой свекровушки уладити,
Еще начали чужи люди,
Богоданные родители,
Журить, бранить (невѣсту);
Какъ дѣвица стала плакати:
Не журите вы, чужи люди,
Богоданные родители,
Не сама я къ вамъ во дворъ пришла,

Что завелъ меня самъ младъ князь,
На своихъ онъ добрыхъ коняхъ,
На добрыхъ, на ступчивыхъ,

2. Жениху.

Что сказали не грозенъ (женихъ),
Что сказали не страшенъ,
Онъ грозенъ, грозенъ, немилостивъ,
Что гроза его великая,
Красота его неизрѣченная.
Онъ ходилъ, гулялъ по улицѣ,
Онъ ходилъ, гулялъ по широкой;
Заходилъ онъ ко тестю во дворъ,
Что ко тещѣ на новы сѣни,
Со новыхъ сѣней во горницу,
Во горницу за завѣсу
Души красной дѣвицы,
Ко княгинѣ первобрачной,
Ко невѣстѣ нареченной;
Бралъ ее за правую за руку,
Прижималъ рука о руку,
Поломалъ у ей злаченъ перстень,
Съ дорогой модной ставочкой.
Тутъ дѣвица испужалася,
Душа красна перепалася:
Ужъ я какъ скажу батюшку,
Ужъ я какъ скажу матушкѣ?
Ужъ ты такъ скажи батюшкѣ,
Ужъ ты такъ скажи матушкѣ, —
Я брала свои золоты ключи,
Отмыкала окованы сундуки,
Вынимала черно плисово сукно,
Я кроила (жениху) кафтанъ,
Чтобы ему не дологъ былъ,
Чтобы ему не коротокъ былъ,
По подолу былъ раструбистый,
По серёдкѣ пережимистый,
По подпазушкамъ перехватистый,
Чтобы онъ легко на коничка скакалъ,
Хорошенько разъѣзживалъ.

3. Когда отдаютъ невѣсту на чужую сторону.

Что ты, что ты сине море
Стоишь, не колыблешся?
Что ты, что ты березонька,
Стоишь, не шатаешься?
Что ты, что ты красна дѣвица (невѣста),
Сидишь, не разсмѣхнешься?
Мнѣ чему-же разсмѣяться,
Мнѣ чему же радоваться.
Мнѣ ночесь молодешенькой,
Мнѣ ночесь мало спалося,
Мало спалось, во снѣ видѣлось,
Что на нашей улицѣ,
Что на нашей, на широкой,
Есть пустая хоромина,
Есть пустая, не крытая:
Углы прочь отвалилися,
По бревну раскатилися,
Отецъ мать отступилися,
Родъ племя отказалися.
Вы, подружечки голубушки,
Посудите, пожалуйте,
Если вы не присудите,
Я сама знаю, вѣдаю.
Молода я догодалася,
Что пустая хоромина.
Чужа дальная сторона,
Что пустая некрытая,—
Злодѣйка незнакомая,
Углы прочь отвалилися,—
Богоданные родители,
По бревну раскатилися,—
То чужи незнакомые;
По полу ходитъ гусыня,—
То свекровушка матушка,
На печи то котище лежитъ
Богоданный свекоръ батюшка,
Что не лавочкамъ ласточки,—
То деверьина братьица,
По окошечкамъ то голуби,—
То голубушки сестрицы,
А во горницѣ ясенъ соколъ,—
То мой богосужоный.

4.

Что не павушка по двору ходила,
Не павины сизы перьи ронила.
Что (имя невѣсты) по горницѣ ходила,
Что (отчество) по свѣтлой гуляла,
Ко стекляннóму шкапу да подходила,
Со нѣмецкимъ замкомъ да говорила:

Ты нѣмецкій замокъ да отоприся,
Кипарисная дверь да отворися,
Отецъ матушка да пробудитеся,
Ты сударыня моя да разбудися,
Мнѣ не вѣкъ же да у васъ вѣковать,
Мнѣ не годъ же да у васъ годовать.
Не весну-то у васъ да весновать,
Не лѣто у васъ да лѣтовать,
Мнѣ не осень у васъ да снаряжатися,
Не зиму у васъ да проклажатися,
Одну ноченьку осталось ночевати;
Ужъ я какъ-же ей буду коротати,
Ужъ не стоя-ли ей да простояти,
Ужъ не сидя-ли ей да просидѣти,
Ужъ не стать-ли да Богу помолитися,
Съ отцомъ матушкой думу думати,
Съ подружечками да рѣчь говорити.

5.

Во саду, саду
Да эхи *).
Во зеленомъ во саду
Что подъ яблонью кровать,
Подъ кудрявой тесона,
На кровати перина,
На перинѣ зголовье,
На зголовьи молодецъ.
(Такой-то).
Еще около его,
Слуги вѣрные его.
Они ходятъ вкругъ него.
Обуваютъ, разуваютъ,
Распоясываютъ,
Спать укладываютъ,
Уговариваютъ:
Ужъ ты спи-тко спи (имя),
Спи (отчество) сударь,
Скоро часъ ночи прошелъ,
Скороходъ скоро пришелъ,
Скору вѣсточку принесъ,
Вѣсть не радостную.
Шелъ изъ-за моря корабь,
Съ чистымъ серебромъ,
Съ краснымъ золотомъ,
Съ скатнымъ жемчугомъ,
Съ красной дѣвицей душой.

*) Послѣ каждаго стиха.

Не могу я братцы встать,
Голова моя болитъ,
Кругъ сердечушка щемитъ,
Глаза не глядятъ,
Уста не говорятъ,
Резвы ноги не несутъ,
Бѣлы руки не берутъ.

6.

Если нѣтъ у невѣсты родныхъ.

Много, много у сыра дуба,
Много, много вѣтвей и повѣтвей,
Много листу зеленаго
Только нѣтъ у сыра дуба
Золотой вершинки, позолоченой маковки,
Много, много у (имя рекъ) роду, племени,
Ближнихъ родителей, Больше милыхъ подружечекъ,
Порядовыхъ сусѣдушекъ,
Только нѣтъ у (имя рекъ),
Нѣтъ родителя батюшки,
Родительницы матушки.
При нонешнемъ времени
При сегодняшнемъ вечерѣ
Спорядить то младу не кому,
Благословить то некому,
Благословляетъ молодешеньку
Воспріемный крёстный батюшко,
Споряжаетъ молодешеньку
Воспріемна крёстна матушка,
Выводимъ молодешеньку
Родимый братцеко,
Становилъ молодешеньку
До спорядна дубова стола,
Отдавалъ молодешеньку
(Имя) на руки,
(Отчество) на вѣки.

7.

На горы на высокой,
На красы на великой
Что построенъ храмъ божій,
Что въ томъ храму божьемъ
Два отрока вѣнчаются
Молодецъ со дѣвицей
(женихъ съ невѣстой).
Говорила, спромолвила

Красная дѣвица:
Ужъ ты свашенька,
Воспріемна хрёсна матушка,
Попроси государя батюшку
Обо мнѣ молодешенькой,
Спорядилъ бы ладнешенько,
Спроводилъ бы хорошенько
Онъ меня молодешеньку
Въ послѣдній разъ, въ остаточный,

8.

Въ сентябрѣ, во первомъ мѣсяцѣ
При дѣвичьемъ большемъ вечерѣ,
Во палатѣ бѣлокаменной,
На стулѣ красна дерева,
На подушкѣ шита бархата,
Противъ зеркала хрустальнаго
Противъ чистаго заморскаго
Чесалъ кудри (имя рекъ),
Расчесывалъ русы,
На расчесъ кудри раскладывалъ:
Ужъ вы кудри, вы кудри мои,
Золоты кудри, серебряныя,
Черезъ волосъ позолоченыя.
Онъ дѣвицу (имя рекъ) заставливалъ,
Красавицѣ приказывалъ:
Ты дѣвица, завей мои кудри
Сквозь серебряно колечушко,
Золотымъ веретешечкомъ.
Я не ваша сударь служечка,
Я не васъ же сударь слушаю,

9.

Течетъ винная рѣченька,
Сахарная источинка,
По сахару рѣка текла
По изюму разливалася,
Далеко рѣка во садъ прошла,
Не далече во зеленый протекла,
До родителя до батюшки,
До родительницы матушки.
У родителя у батюшка, (имя рекъ)
Было умное дитятко,
Было умное разумное,
Было тихое смиреное.
Оно ходило, похаживало,
Гуляло погуливало,
По высокимъ новымъ горницамъ,
Изъ горницы въ матеръ взошло
Къ удалому добру молодцу:
Она будила пробуживала:
Ужи ты встань душа, умный мой,
Я пришла къ вамъ, ни пить, ни ѣсть,
Я не чаю, кофею кушивати,
Я пришла къ вамъ разгулятися,
Во игры играть, во шахматы;
Обыграла красна дѣвица душа,
Удалого добра молодца,
Проигрался удалой молодецъ,—
Со правой руки злаченъ перстень
Съ дорогою модной ставочкой,
Со финистыма заморскими,
Со работою Московскою,
Съ подзолотой Ярославскою.
Обыгралъ и ей удалой молодецъ,
Проигралася красна дѣвица душа,
Удалому добру молодцу,
Проиграла свою-вольну волюшку,
Свою буйную головушку,
Со головки кунью шапочку,
Хавъ повязку красна золота,
Со присадкой скатни жемчуга.

10.

Холостымъ гостимъ

У воротъ вереюшки,
У широкихъ точены,
Точены, золочены.
Не сами становилися,
Становили плотнички,
Плотнички работнички,
Мастера корабельные,
Стружечки заморскіе,
Топоры литовскіе.
У молодца (имя) то кудри,
(Отчество) то русые.
Не сами кудри вились,
Не сами завивались;
Завивала маменька,
На колѣняхъ держала,
Тремя мылами вымыла,
Приговоръ говорила:

Ты рости, рости чадо,
Рости сынъ мой любезный!
Будь уменъ и разуменъ,
Ко дѣвицамъ приглядненъ,
Ко невѣстамъ счастливъ.

11.

Вдовамъ.

Чья это нива,
Нива безъ огорода?
Чей это высокъ теремъ,
Теремъ верхъ непокрытый?
Чьи это новы сѣни,
Сѣни безъ потолоку?
Чья это кунья шуба,
Шуба безъ паволоки?
Чья это бѣдна вдова,
Чьи это малы дѣти?
Сговорила, спромолвила (имя рекъ):
Моя это нива,
Нива безъ огороды,
Мой это высокъ теремъ,
Теремъ верхъ непокрытый,
То мои новы сѣни,
Сѣни безъ потолоку,
Это я бѣдна вдова,
Млада овдовѣла,
То мои малы дѣти,
Отъ отца малы остались.

12.

Женатымъ.

Что по сѣничкамъ, сѣничкамъ,
По частымъ переходинкамъ,
Тутъ ходила, гуляла младая боярыня,
Младая боярыня (такая-то).
Она на блюдечкахъ носила
Два яхонта шарчатыихъ,
Два алмазные запона,
Приговоръ говорила:
Ужъ вы яфонты, яфонты,
Два алмазные запона!
Полежите малешенько,
Пока я малодешенька
Я зайду въ нову горницу
Къ своему другу милому,
Ко пріятелю сердечному.
Гдѣ сидитъ мой сердечный другъ,
За столами за дубовыми
За скатертями перчатными,
Что за кушаньемъ сахарнымъ
За питьемъ за наливчатымъ?
Онъ сидитъ забавляется,
Онъ женой похваляется;
У меня жена умная,
У меня жена разумная;
Она ходитъ тихошенько,
Говоритъ по малешеньку,
У ней походка павлиная,
Тиха рѣчь лебединая. —

13. Новобрачнымъ.

Во горницѣ во новой,
Во свѣтлой столовой,
Стоятъ столы дубовы,
На столахъ ковры шелковы,
На коврахъ чара золота,
Полна меду налита,
Полна сладкаго, полна.
Еще кто эту чару наливалъ,
Кто златую дополнялъ?
Наливалъ чару (имя),
Дополнялъ злату (отчество),
По горницѣ проходилъ,
По свѣтлой проступалъ,
До умной доходилъ,
До разумной доносилъ,
До (имя и отчество):
Прими чару отъ меня,
Выпей (отчество) душа,
Золотую всю до дна,
Спороди сына сокола,
Станомъ возрастомъ въ меня,
Бѣлымъ лицемъ, другъ, въ меня,
Брови черна соболя,
Очи ясны сокола.
По горницы проходилъ,
По свѣтлой проступалъ,
До умной доносилъ,
Выпей чару отъ меня,
Золотую всю до дна,
Спороди дочерь бѣлу лебедь,
Станомъ возрастомъ въ меня,
Бѣлымъ лицемъ, другъ, въ себя,

Брови черна соболя,
Очи ясны сокола.

14. Когда женихъ приходитъ на вечеринку

Долго, долго соколъ не бывалъ,
Долго, долго ясенъ не бывалъ,
Видно соколъ на горы леталъ,
Видно ясенъ высоко леталъ.
Долго, долго (имрекъ) не бывалъ,
Видно молодецъ въ Москву уѣзжалъ,
Какъ теперича противъ тестева двора,
Противъ тестева высока терема,
Воткнулъ копьемъ широки ворота,
Разнесъ ворота среди широка двора,
Среди двора батюшкова.
Ужъ мы по двору похаживали,
Нянюшки, мамушки погуливали,
Ужъ вы нянюшки, мамушки,
Вы (имрекъ) подруженьки,
Сбѣгайте спровѣдайте,
Ужъ и спитъ ли, не спитъ,
(Имя и отчество жениха)?
Я ночесь молода,
Во всю ночь не спала,
Все его прождала,
Все уборъ рядила,
Я коверъ вышила,
На коня-то уборъ,
То коню красота,
На санях-то коверъ,
Молодцу похвальба,—
Подъ ковромъ молодецъ,
Цѣны ему нѣтъ.

15. Женатымъ.

Дымно, дымно въ полѣ,
Чадно, чадно въ чистомъ (припѣвъ).
У (имрекъ) дворъ,
Были трои ворота,
Во первые соколъ пролеталъ,
Во вторые скору ногу прогналъ,
Въ третьи самъ (имрекъ) проѣзжалъ,
Выходила (жена его) на крыльцо,
Махала тонкимъ бѣлымъ полотномъ:
Воротись душа назадъ,
Тебѣ радость скажу,
Тебѣ сына рожу.
Я для сына своего,
Не ворочаюсь назадъ,
Еще сынъ-отъ у мѣня,
Завсегда будетъ въ дому.
Воротись душа назадъ,
Тебѣ радость скажу,
Тебѣ дочи рожу.—
Я для дочери своей,
Ворочусь душа назадъ,
Еще дочи у меня,
Честна гостьюшка въ дому.
Тебѣ сына рожу.

16.

Ужъ по мосту, мосту
Да рай, рай, рай (припѣвъ),
По калиновому,
Тутъ бѣжала карета,
Карета золотая,
Пара коней вороныхъ,
Уздила были, да золотые,
Кучера были лакеи молодые,
Что на кучерахъ кафтаны голубые.
Что во этой во каретѣ,
Что во этой золотой,
Тутъ сидитъ, душа дѣвица,
Тутъ дѣвица заручена,
Княгиня первобрачна,
(Имя и отчество невѣсты);
Она жалобно плачетъ,
Жалобно причитаетъ,
Свою волю вспоминаетъ,
Свою вольную волю,
Свою нѣжную нѣгу:
Я у батюшки во воли,
Я у матушки во нѣгѣ,
Я у братцей во снарядѣ,
Я у сестрицей во прохладѣ.
Мимо ту, мимо карету,
Мимо ту золотую,
Не соколъ пролетаетъ,
Не ясенъ пролетаетъ,
Молодецъ (имрекъ) проѣзжаетъ,
Ко кареты припадаетъ,
Онъ дѣвицу утѣшаетъ:
Ты не плачь душа-дѣвица,
Ты княгиня первобрачна,

Невѣста заручена,
Я изъ воли везу въ волю,
Я изъ нѣги везу въ нѣгу,
Изъ прохлады во прохладу,
Изъ снаряды во снаряду,
Изъ веселья во веселье.

17.

Свѣтъ, наша обманщица,
Зла велика подговорщица,
Намъ сказала (невѣста):
Я сего года въ замужъ не иду,
Я на новый годъ не думаю идти,
Я пойду млада во келейку,
Постригуся я во старицы,
Ужъ я васъ молодыхъ подружичекъ
Я къ себѣ возьму въ клюшницы,
Я во клюшницы, въ сундушницы.
Ужъ какъ нонича, теперича,
Пошла, пошла (имярекъ)
Не за князя, не за боярина,
Не за гостя торговаго,
Не за купца здѣшняго города,
Не за хрестьянина богатаго,—
За молодца тароватаго.
Ты на что душа прельстилася,
На орѣшки ли, на пряники,
На изюмны, сладки яблочки?
Я прельстилась, красна дѣвица-душа,
На дородна добра молодца,
На его же на русы кудри.

18.

Не отъ вѣтра, не отъ вихоря
Воротечки отпиралися,
Вереички попоталися.
Она только услышала,
Какъ бояра на дворъ взъѣхали,
Она только увидѣла,
Что (имя же) вступилъ въ горницу,
(Отчество) въ свѣтлую,
Она тутъ испужалася,
Она тутъ перепалася,
Подломились ножки рѣзвыя,
Опустились руки бѣлыя,
Помутились очи ясныя,
Прокатились горючи слезы изъ глазъ,
Во слезахъ слово молвила,
Въ возрыданьи рѣчь говорила:
Вотъ идетъ разворитель мой,
Вотъ идетъ погубитель мой,
Вотъ идетъ расплести косу;
Вотъ идетъ отнять волю.
Ужъ не я же разворитель твой,
Ужъ не я же погубитель твой,
Разворитель твой батюшка,
Погубительница матушка;
Отнимали волю друженьки.

19.

Что не павушка пава,
Не павино перье ронило,
Не куна жалобилась,
Сестра брату милому,
Брату милому, любимому:
Ужъ ты братъ, братецъ мой,
Удалой добрый молодецъ!
Попроси сударь, братецъ мой!
Ты родимаго батюшку,
Ты родимую матушку,
Зачѣмъ рано воскручинилась
На меня молодешеньку,
На мою же буйну голову,
На дорогую дѣвью красоту,
На повязку красна золота,
Съ присадкой скатна жемчуга?
Ты сестрица родимая,
Не клади судьбу, жалобу
Что на брата на родимаго,
Ты клади судьбу жалобу,
На злодѣйку сватью большую,
На большую, лукавую,
На лукавую, вилявую,
На змѣю седьмиглавую;
Она ходила, похаживала,
Не путемъ, не дорогою,
Хоботами змѣиными,
Тропами собачьими,
Она хвалила, нахваливала,
Богоданнымъ-то родителямъ;
Богоданны то родители,
Они добры были, ласковы,
Они ласковы, пріятливы.
Ужъ какъ нонича, теперича,
Богоданны-то родители,

Недобры они, неласковы,
Неласковы, непріятливы.
Чтобы тебѣ сватьюшкѣ,
Тебѣ пивомъ-то запитися,
Калачемъ задавитися,
Отъ насъ бы те уѣхати,
Домой бы не доѣхати,
Въ лѣсу бы заблудитися,
Сѣрымъ волкомъ навытися,
Бѣлымъ зайкомъ наскакатися.
Чтобы тебѣ сватьюшкѣ,
Во печь бы провалитися,
Тебѣ щами обвариться.

20.

Вился хмѣль въ огородѣ,
Ищетъ хмѣль пространства.
У (имя рекъ) домъ пространенъ,
Горницы были большія,
Подволы широкіе,
Окошечки частыя,
Околенки свѣтлыя,
Малы дѣточки игривые,
Хозяюшка веселая,
Будто куколка увитая.
Наливаетъ чару золотую,
Поитъ гостей до пьяна,
Чтобы всѣ пьяны напились,
Домой бы поѣхали.
У чужихъ воротъ колотилися,
Къ намъ бы воротилися,
Это намъ было бы честно,
Честно было, не безчестно.

21.

Хитёръ, мудёръ первобрачный князь,
Хитрай, мудрай его не было;
Онъ ходилъ въ торги, да закупалъ шолки,
Закупалъ шолки, да разноличные,
Разноличные шолки, да шамаханскіе.
Онъ плёлъ съ шолковъ колыбелюшку себѣ,
Онъ вѣситъ колыбелюшку на улицу,
На улицу, да на широкую,
На дорожечку, да на проѣзжую.
На проѣзжую дорожку противъ тестева двора,
Противъ тестева двора, высокаѣ терема,
Противъ суженыя предъ окошечко,
Противъ ряженыя предъ косесчатое.

Садился Иванъ въ колыбелюшку себѣ,
Садился Ивановичъ, онъ самъ говорилъ,
Самъ говорилъ таковы словеса:
«Ой вы всѣ друзья, всѣ товарищи мои,
Двѣ друженьки, двѣ хоробрые,
Два молодца, два отобраные,
Два брателка, да два названые,
Два щоголя жаравовскіе:
Подите-ко сюда да поскорешенько,
Раскачайтя колыбель мою покыше всѣхъ,
Чтобы видѣть мнѣ подальше всѣхъ.»
Еще что же моя суженая посуживаетъ,
Еще что же моя ряженая поряживаетъ;
Она золотомъ шьетъ, жемчугомъ нижетъ,
Съ руки на руку колечко перебрасываетъ,
Сама кольцу приговариваетъ:
Водою-ли, водою-ли ко двору пришла,
Павою-ли, павою-ли я во дворъ зашла.
Я на лѣсенку взлетѣла перепелышкой,
По сѣнямъ шла красной дѣвицею,
Въ нову горницу зашла молодицею,
Ко свекру батюшку пришла я невѣстушкой,
Ко свекрови матушки пришла я служаночкой,
Я ко мужу-то пришла молодой женой,
Я ко всей семьи пришла слугой вѣрною.

22.

Катилáся карета
Рáю, рáю, рáю *),
Что карета золотая
Пара коней—вороные,
Кучера молодые;
Мимо ту ли карету,
Соколъ пролетаетъ,
Не ясенъ просвитаетъ,
Ко кореты припадаетъ,
Княгиню утѣшаетъ,
Первобрачну утѣшаетъ:
Ты не плачь, не плачь княгиня,
Не тужи первобрачна,
Я изъ воли везу въ волю,
Изъ гулянья въ гулянье,
Изъ прохлады въ прохладу.
Княгиня отвѣчаетъ,
Первобрачна отвѣчаетъ:

*) Этотъ варіантъ изъ № 16 записанъ въ Курейско-Сергіевскомъ приходѣ Холмогорскаго уѣзда.

Еще чортъ будетъ неволя,
И въ Святой — негулянье.
Что будетъ воля:
По утру рано вставати,
Печка топити,
Да каша варити,
Всю семью кормити,
Свекра да свекровку,
Деверя, золовку,
Да пятаго мужа.
Еще гдѣ воля дѣвалась,
Гдѣ утерялась,
Въ лугу-ль загулялась,
Въ лѣсахъ ли заблудилась?

23.

Въ ожиданіи жениха на смотрѣнье *)

Долго, долго соколъ не бывалъ,
Долго, долго ясенъ не бывалъ;
Вѣрно соколъ за горы улетѣлъ,
За высоки ускакалъ.
Какъ сказали, Иванъ зелена вина не пьетъ,
Какъ сказали, Иваныч въ ротъ не береть?
Еще мало по мало вѣсть на дворъ,
Вѣсть на дворъ, вѣсть не радошна
Къ тестю батюшку, да къ тёщѣ матушкѣ.
Еще вашъ-то Иванъ въ царевѣ кабакѣ,
Зелено вино пьетъ, безъ просыпу спитъ, не пробудитце.
Мало по мало втора вѣсть на дворъ,
Вѣсть на дворъ, вѣсть та радошна
Ѣдетъ Иванъ съ каменной Москвы
Ѣдетъ онъ съ славной ярмарки;
Еще конь подъ нимъ полтораста рублевъ,
Уборъ на кони пятьдесятъ рублевъ,
Коверъ на саняхъ-то другіе пятьдесятъ,
Молодецъ на саняхъ, то цѣны ему нѣтъ.
Въ правой руки плёточка шолковая,
Во лѣвой руки копье, двадцать пять рублевъ дано
Заѣхалъ Иванъ средь широка двора,
Средь двора середь батюшкова.
Онъ ткнулъ копьемъ въ широкіе ворота,
Онъ отнесъ ворота средь широка двора.
Онъ скрычалъ, скрычалъ громкимъ голосомъ своимъ:
Вы хорошія побойскія дѣвушки,
Вы хорошія побойскія молодушки,
Вы сбѣгайте, попровѣдайте,—
Еще спитъ ли, нѣтъ Анна моя?
Ежели спитъ, не будите вы ей,
Ежели не спитъ, посылайте сюда.
Горазна Анна отвѣтъ держать,
Горазна Анна отщалкивати:
Ужъ я сплю, не сплю и къ нему нейду,
Право Иванъ всю ночь не спала,
Все уборы рядила, коверъ вышила,
Этотъ уборъ-то коню красота,
Этотъ коверъ, молодцу похвальба,
Молодцу похвальба, людямъ завидость.

*) Варіантъ въ № 14, записанный также въ Курейско-Сергіевскомъ приходѣ.

24.

По пріѣздѣ невѣсты отъ вѣнца *).

Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ-за темнаго, дремучаго,
Лѣтитъ стадо сѣрыхъ гусей,
Что второе бѣлыхъ лебедей.
Отставала лебедушка
Прочь отъ стада лебединаго;
Приставала лебедушка,
Что ко стаду, ко сѣрымъ гусямъ;
Не умѣла лебедушка,
По мелкимъ ручьямъ плавати,
По гусиному кикати;
Начали гуси щипати,
Бѣла лебедь стала кикати,
Не щиплите вы, сѣрые гуси,
Не сама я къ вамъ залетѣла,
Занесло меня погодою,
Злой великою невзгодою;
Завезли меня добры кони,
Добры кони Михайловы,
Наступчивы Ивановичевы.

*) Варіантъ къ № 1 записанный въ Курейско-Сергіевскомъ приходѣ.

Г. ВИНОГРАДЬЕ **)

**) Примѣч.: виноградье красно-зеленое.

I.

Для женатыхъ.

Мы ходили, мы гуляли,
По Мезени городу,
Мы ходили, мы искали,
Господиновъ дворъ,

Господиновъ дворъ,
На семидесяти столбахъ;
Что на каждомъ столбушкѣ,
По свѣчкѣ горитъ,
Что на каждой на свѣчкѣ,
По жемчужинкѣ.
Повелижъ, сударь хозяинъ,
Ко твому двору прійти,
На красно крыльцо взойти,
По новымъ сѣнямъ пройти,
Въ свѣтлу свѣтлицу взойти,
Противъ матицы встати,
Виноградье спѣти.
Что во далечемъ далечѣ, въ чистомъ полѣ,
Что еще того подалѣ, да на украинкѣ,
Тутъ стоялаль яблонь кудреватая,
Что подъ той ли же подъ яблонью кудреватою,
Испостроена кроватка слоновыхъ костей, зубья рыбьяго,
Ножки точеныя, позолоченыя,
На кроваткѣ периночка пуховая лежитъ,
Зголовьице косещатое,
На зголовьицѣ подушечка пуховая лежитъ,
Наволочки тафтяныя,
На перины одѣяло черныхъ соболей лежитъ,
Опочивъ держитъ (такой-то) господинъ,
Онъ съ своей, со душой, со (такой-то) госпожей,
Про межъ ними катается злаченъ перстень,
Дума крѣпкая, слово тайное,
Слово тайное, необъявное.
Они думали думу заединую,
Ясна сокола сряжали,
По поднебесью пущали,
Черновыжлака сряжали,
Во темны лѣса спущали.
Черенъ корабль сряжали,
Во сине море спущали,
Черновыжлакъ-то бѣжитъ,
Онъ куницъ, лисицъ тащитъ,—
Это моей госпожѣ, на кунью шубу;
Какъ ясенъ соколъ летитъ,—
Лебедь бѣлую тащитъ,
Это моему хозяину, на почестенъ столъ,
На возрушанье, на во вкушанье;
Какъ черенъ корабь бѣжитъ,
Животa много тащитъ,—
Это моему хозяину, на житье бытье, на богатство.
Хозяинъ во дому, какъ Адамъ во раю,
Хозяюшка въ дому, какъ аладейка въ меду,
Малы дѣточки въ дому, какъ пряженчики въ меду
За тѣмъ, здравствуешь хозяинъ,
Всему дому господинъ,
Со любезными гостями.
Хоть бы съ нами молодцами,
Хозяинушко, нашъ батюшко,
Ты раздѣлайся добромъ,
Принеси вина ведромъ,
Намъ по рюмочкѣ винца,
По стаканчику пивца,
На закуску калачка.
(На забаву дѣвицу,—припѣваютъ нѣкоторые).

2.

Для холостыхъ.

Во соборѣ у Михаила Архангела
Зазвонили часто раннюю заутреню Рождественскую,
Ото сну ли молодецъ (такой-то) просыпается,
Со великоя хмѣлины пробужается.
Онъ встаетъ молодецъ со кровати со тесовы,
Со перины со пуховы,
Во софьянныя сапожки обувается,
Ключевой свѣжей водой умывается,
Тонкимъ бѣлымъ полотенцемъ утирается,
Въ кунью шубу да одѣвается.
Надѣваетъ на главу да черну шляпу пухову.
Что пошелъ, то пошелъ добрый молодецъ да Божью церковь.
Тамъ вставаетъ молодецъ на правую на руку,
Да ко правому крылосу.
Онъ и крестъ-отъ кладетъ да по писанному,
Онъ поклонъ-отъ ведетъ да по ученому
Отъ желанья богомолецъ Богу молится,
На всѣ стороны четыре покланяется.
Въ три ряды тутъ завивались кудри молодца:
Во первой разъ завивались чистымъ серебромъ,
Во второй разъ завивались краснымъ золотомъ
Во третей разъ завивались скатнымъ жемчугомъ
Вси бояра и купцы сдивовали молодцу:
Не заря ли добра молодца спородила,
Что не младъ ли свѣтелъ мѣсяцъ вспоилъ, вскормилъ
Не часты ли ярки звѣздки звозсіяли молодца?
Ужъ вы глупые бояра, неразумы христіане!

Ужъ какъ бы то заря спородила молодца,
Ужъ какъ бы то часты звѣзды снарядили молодца?
Спородила молодца родна матушка (имя),
Воспоилъ вскормилъ роденъ батюшка (имя),
Снарядила молодца красна дѣвица (имя),
Знать те молодцу жениться пора,
На хорошей, на пригожей, красной дѣвицѣ душѣ
(такой-то).
Намъ не дорого ни злато, ни серебро,
Дорога наша любовь молодецкая:
Злато серебро минуется,
Молодецкая любовь да не забудется,
Хоть забудется, да воспомянется.
Затѣмъ здравствуешь, хозяинъ
(и т. д. какъ въ предъидущей пѣснѣ).

3.

Для дѣвушекъ.

Во далечемъ далечѣ, во чистомъ полѣ,
Что еще того подалѣ по украинкѣ, на приталинкѣ,
На крутомъ бережку, на желтомъ песку,
Тамъ стоялъ, постоялъ бѣлъ полотнянъ шатеръ,
Бѣлъ полотняный шатеръ, столы дубовые,
Столы дубовые, ножки точеныя, позолоченыя,
Что за этимъ за столомъ сидитъ красна дѣвица
душа (имя).
Во рукахъ она держитъ тонко бѣло полотно о четырехъ углахъ,
Первый уголъ вышивала: свѣтелъ мѣсяцъ со звѣздами,
Второй уголъ вышивала: красно солнце съ маревами,
Третій уголъ вышивала: круты горы со лѣсами,
Со лѣсными со звѣрями,
Четвертый уголъ вышивала: сине море съ кораблями,
Со бѣлыми парусами, со алыми со флагами,
Съ удалыми молодцами,
Въ серединѣ вышивала всю Россію со людями,
Со божьими со церквами,
Со попами, со дьяками, со причетниками,
Съ отцемъ съ матушкою.
На той стороны, на кругомъ берегу,
Тутъ и шелъ-то прошелъ удалой молодецъ (такой-то);
Онъ куницами, лисицами обвѣшался,
Онъ чернымъ бобромъ опоясался,
Вострымъ копьемъ подпирается,
Небылыми онъ рѣчами похваляется:
Ужъ я былъ бы и былъ на той стороны,
На той стороны, на крутомъ берегу,
На крутомъ берегу, на желтомъ песку,
Разбилъ бы, разнесъ бѣлъ полотнянъ шатеръ,
Ужъ я вывелъ бы, вывелъ красну дѣвицу душу,
Ужъ я вывелъ бы, вывелъ за правую руку,
Я повелъ бы, повелъ во божью церковь,
Я принялъ бы принялъ законъ божій-отъ.
(Окончанье такое же какъ въ предъидущихъ пѣснях).

Д. РОЖДЕСТВЕНСКІЕ СТИХИ *)

1.

Днесь пресвѣтлая
Небу и земли царица,
Христа царя рождаетъ,
И млекомъ его питаетъ,
Пеленами увиваетъ,
Въ ясли полагаетъ
Звѣзда пути являетъ,
Надъ вертепомъ сіяетъ;
Волсви же поняже
Христу царю пріидоша,
Трои цары принесоша:
Злато, ливанъ, смирную,
Вещь предивную.

2.

Достойно есть удивленія,
Духовнаго веселія,
Нынѣ звѣзда явися,
На востокѣ остановися,
Паче свѣтъ свѣту произвѣщаетъ,
Бога нашего на земли являетъ,
Тако дождь нарушіетъ,
Тако смиренно Господь на землѣ пріидетъ,
Отъ пречистыя Дѣвы Маріи,
Родися яко младенецъ
Пеленами повиванъ,
Горніе дивятся,
Земные о томъ веселятся,
Вкупѣ возрадуются.

*) Поются дѣтьми, которые ходятъ на Рождествѣ со звѣздою. Печатаемые здѣсь стихи, по замѣченію записавшаго, лучшіе изъ слышанныхъ имъ; есть такіе, въ которыхъ никакого смысла.

3.

Днесь Христово рожденіе,
Веселимся здѣсь,
Благодати есть.
Хвалу Богу начнемъ пѣть.
Въ полу на землѣ звѣзда,
Ангели пастыри
Возвѣстили нарожденнаго,
Бога нашего,
Царь же Иродъ,
Во всемъ мірѣ,
Мирѣ намъ явися,
Богъ царь, отъ дѣвы Маріи
Надъ вертепи родися.
Во всемъ мірѣ,
Младенцей побили,
Били, сѣкли, ругали,
Лежитъ тако воронковъ,
На поляхъ снопковъ,
Маткамъ ручки заломили,
Волосы дерутъ,
Мира мируютъ,
Жалостны матки,
Соболи дѣтки.

4.

Новая радость,
Во всемъ мірѣ,
Мірѣ намъ явися,
Богъ царь, отъ дѣвы Маріи,
На земли родися,
Дайте, воспѣвайте,
Возыграйте,
Дай Богъ вамъ,
Вамъ господамъ
Господиновымъ женамъ,
Скупно здравствовати,
Виватъ, виватъ,
Многая лѣта.—

Е. ПРИЧИТАНЬЯ.

1.

На могилѣ.

Я иду бѣдна—злосчастна,
На крѣпкое домовище,
Ко родителю ко матушкѣ,
Катеринѣ-то Ивановнѣ.
Расколися матъ сыра земля,
Откройся гробова доска,
Раскинься саванъ бѣлой,
Росчепитесь руки бѣлы,
Отъ ретиваго отъ сердечка,
Взгляните очи ясны,
На меня бѣдну злосчастну,
Проговорите уста сахарны,
Со мной бѣдной злосчастной.
Немогла бѣдна злосчастна,
Не упросить, не умолить,
Закатилось солнце красно,
За круты горы высоки
И за лѣса дремучи.
Не освѣтитъ мѣсяцъ ясный,
Да не обогрѣетъ солнце красно,
Не проговоритъ родитель
Со мной бѣдною злосчастной.
Вѣрно съ той пути дороженьки
Нѣтъ ни вѣсти, ни павѣсти,
Ни коннаго, ни пѣшаго,
Ни скорописчатой-то грамотки.

2.

Въ домѣ.

Родитель мой, маменька,
Ты куда спаридилась,
Ты куда да сподобилась,
Въ котору путь дорожечку,
Въ котору да невнакому?
На кого меня оставила,
На кого меня спокинула,
На круту ли гору высокую,
На крѣпку-ли стѣну каменну,
На родителя на батюшка,
На Кипріяна Ивановича?
Ты родитель мой батюшка,
Неоставь меня, не спокинь.
Безъ денной моей печальницы,
Безъ почной богомольницы.

3.

Въ церкви.

Вы, попы, отцы духовные,
Церковные служители,
Вы попойте-ко подолѣ,
Почитайте-ко по болѣ,

Ужь намъ дайте наглядѣться,
Ужь намъ дайте насмотрѣться,
На родителя, на маменьку,
На Ографёну Кипріановну
Въ остáнной разъ, послѣдній.

Ж. РЕКРУТСКІЯ.

1.

Во деревнѣ злой народъ живетъ,
Злой народъ, безсовѣстный,
Не даютъ-то съ дружкомъ въ ожить,
Въ любви пожить, живота нажить,
Кроватку купить, кровать новую тесовую,
Перину пуховую, одѣялышко черно-соболиное,
Занавѣсочки модно ситцевыя.
Запустѣла моя кроватушка
Безъ удаленькой головушки,
Безъ бородна, добра молодца,
Безъ надежиньки дружка милаго.
За три годика сердце слышало,
За недѣльку все спровѣдало,
За три денечька все сказало мнѣ:
Отдаютъ-то дружка во солдатушки,
Во солдатушки новобраные.
Хорошо дружка снарядили,
Далеко его спроводили,
Что за три поля широкія,
Что за три моря глубокія.
Среди матушки каменной Москвы,
Что не братъ съ сестрой распрощаются,
Что не мужъ съ женой разставаются,
Разставается красна дѣвица
Съ удалымъ добрымъ молодцомъ.

2.

Воля ты моя, волюшка,
Отъ весны воля до осени:
На осень воля означится,
Волюшка пріозначится,
Время пріостанется;
На осень будетъ солдатчина,
На три города россійскіихъ:
На первый городъ на Маморфисъ,
На второй городъ на Верейскій,
На третій городъ на Борецкій,
На сиротскихъ малыхъ дѣточекъ,
На дѣтей на маленькихъ,
Что отдаютъ ихъ въ солдаты новобраные,
Одѣваютъ въ мундирушки, шляпы солдатскія.

3 *).

Ужь ты воля, наша воля,
Со весны воля до осени,
Волюшка до осени.
На осéнь будетъ большой наборъ,
На три города губернскіе,
На первой городъ Архангельской,
На другой городъ Саратовской,
На третéй городъ на Вологду,
На Волынски славны вотчины,
На сиротскихъ малыхъ дѣтушекъ.
У сиротскихъ малыхъ дѣтушекъ
Ни отца нѣту, ни матери,
Повезутъ ребятъ въ солдатушки,
Во казенную палатушку,
Забривать будутъ ребятушкамъ
Волосы кудрявые,
Скидывать будутъ сибирочки,
Надѣвать будутъ шинелочки,
И все сѣрыя.
Ахъ прощайте дѣвки, бабы,
Намъ теперя не до васъ,
Во солдаты везутъ насъ,
Во солдатушки поѣдемъ,
Съ горя пѣсни запоемъ,
Съ горя ноженьки не носятъ,
Глаза на свѣтъ не глядятъ.

*) Варіантъ, записанный въ Курейско-Сергіевскомъ приходѣ.

V. ПѢСНИ ПИНЕЖСКІЯ.

А. ВЕЧЕРИНОЧНЫЯ.

Пѣсни эти исключительно поются на вечеринкахъ *).

Молодые ребята собираются въ домъ, гдѣ хотятъ собрать вечеринку, предварительно сдѣлавши складчину на покупку свѣчъ и на уплату за помѣщеніе вечеринки; посылаютъ малолѣтнихъ ребятъ закликать, т. е. приглашать дѣвушекъ. Часовъ въ 8 или въ 9 собираются дѣвушки. Обрядовая сторона вечеринки не заключаетъ въ себѣ ничего особеннаго, далеко не сложна, а скорѣе монотонна и утомительна. Дѣвушки сидятъ въ нерѣшимости, посматриваютъ одна на другую, перешептываются и видимо желаютъ, какъ бы поскорѣе нашелся такой смѣльчакъ, или смѣльчанка, которые бы затянули пѣсню. Наконецъ, послѣ долгихъ колебаній, запѣвается пѣсня, лица оживляются.

Больше всѣхъ предпочитается игра въ пары. Она производится такъ: нѣсколько дѣвушекъ, выйдя на середину избы, выбираютъ каждая себѣ по личному своему вкусу и желанію молодца, и потомъ, взявшись съ молодцами рука за руку, запѣваютъ пѣсню, идутъ одна пара за другой и, когда одна ихъ нихъ дойдетъ до конца комнаты, молодецъ оставляетъ дѣвицу, идутъ оба, по сторонамъ идущихъ впередъ паръ, назадъ, чтобы опять сойтись и идти за послѣднею парою и т. дал. По окончаніи пѣсни, тѣ дѣвушки, которыя приглашали молодцовъ, садятся на свои мѣста, а выбранные ими молодцы заступаютъ ихъ мѣсто и поступаютъ совершенно такъ же. Такъ идетъ весь вечеръ.

Существующія другія игры: «Заинько», «По морю» и проч. не пользуются ни репутаціей, ни особымъ расположеніемъ отъ матушекъ, которыя, отпуская дочерей своихъ на вечеринку, долгомъ считаютъ вдолбить имъ въ голову, что это непотребныя игры. «Вишь нонѣ канія дѣвки-то стали», говорятъ они при этомъ случаѣ «и въ пѣсняхъ-то у нихъ все дружки да душеньки».

Вотъ пѣсни, сопровождающія игры въ пары. Онѣ помѣщены здѣсь въ томъ самомъ видѣ, въ которомъ поются:

1.

Не нападывай пороша 2
На талую землю, 2
Что на талую на землю, 2
Въ Петрово говѣнье, 2
Что въ Петровое говѣнье 2
Въ перво воскресенье. 2
Что по той бѣлой пороши, 2
Шелъ Ваня хорошій, 2
Шелъ Иванушко хорошій, 2
Бѣлой кудряватой, 2
Ваня бѣлой кудряватой, 2
Холостъ не женатой. 2
Зажимаетъ праву руку, 2
Ко бѣлому снѣгу, 2
Зажимаетъ, самъ бросаетъ, 2
Къ Парани въ окошко: 2
Ты пойди, выйди Парання, 2
Выйди Парасковья; 2
Есть у батюшка гости, 2
У матушки гостьи, 2
Есть у братьица подъячи, 2
У сестеръ дѣвицы, 2
У сестрицы есть дѣвицы, 2
У Парани Ваня. 2
Я шутя Вани сказала, 2
Взаболь отказала, 2
Пошелъ Ванюша не веселъ, 2
Голову повѣсилъ, 2
Пошелъ Ванюша печаленъ, 2
Головой качаетъ, 2
Самъ головушкой качаетъ, 2
Себѣ размышляетъ; 2

*) Предлагаемыя здѣсь вечерниочныя пѣсни жителей Пинежскаго уѣзда суть по большей части собственно хороводныя пѣсни, утратившія свой первоначальный характеръ вмѣстѣ съ переходомъ веселыхъ и разнообразныхъ хороводныхъ игръ, пріуроченныхъ къ этимъ пѣснямъ въ другихъ губерніяхъ, въ монотонныя вечериночныя игры жителей Пинежскаго уѣзда. *П. Ефименко.*

Ужъ я какъ буду жить, 2
Кого полюбити, 2
Мнѣ стара баба любить, 2
Стыдно къ ней ходити, 2
Мнѣ мужня жена любить, 2
Убитому быти, 2
Молода вдова любить, 2
Денежно носити, 2
Красну дѣвицу любить, 2
Щегольно ходити, 2
Хоша щегольно ходити, 2
Дѣвицу любити. 2

2.

Изъ подъ ели, ели, ели 2
Течетъ рѣчька быстра, 2
Течетъ рѣченька быстренька, 2
Водица мутненька, 2
Мнѣ нельзя воды пить, 2
Нельзя почерпнути, 2
Мнѣ нельзя жены бить, 2.
Нельзя поучити, (2)
Ужъ я билъ жену часъ (2)
Самъ плакалъ недѣлю, (2)
Исприплакалъ ясны очи, (2)
По четыре ночи, (2)
По четыре темны ночи, (2)
Темныя осенни. (2)

3.

Вечеръ соколъ,
Вечеръ ясенъ
Сыры боры (3) облѣталъ,
Алексѣюшко,
Свѣтъ Яковлевичъ,
Свои кудри (2) свои русы расчесалъ;
Дарьюшкѣ,
Свѣтъ Матвѣевнѣ
Два словечка (2), полдесятка сказалъ: (2)
Дарьюшка,
Свѣтъ Матвѣевна,
Взгляни радость (3) на меня;
Коль я хорошъ,
Коль я пригожъ
Наливная ягодка, наливна сахарная. (2)

4.

На первой было на меленькѣ,
Да на второй на серебреной,
Золотая была черпаница,
Да серебренна вычерпальница,
Да какъ Дарья воду черпала.
Да Матвѣевна вычерпывала.
Не побережку конь бѣжитъ,
Не по крутому сивой вороной,
На конѣ сидитъ удалой молодецъ,
Да по имени Алексѣй молодецъ,
По отечеству Яковлевичъ господинъ;
Онъ-то плеточкой посвистываетъ
Стременами пошевеливаетъ,
Ко двору приворачиваетъ,
Да ко двору, да все ко батюшкову:
Да ты Дарья отворяй ворота,
Да ты Матвѣевна встрѣчай молодца,
Ты бери коня за поводъ,
Ты отдай коня конюхамъ,
Накорми коня пшеницею,
Да напой его водицею.

5.

Сѣнокосъ сѣно косилъ,
Да водовозъ воду возилъ,
Ой калина, да ой малина!
Алексѣй то сѣно коситъ,
А какъ Дарья воду возитъ,
Ой калина, да ой малина!
Алексѣй-то приспотѣлъ,
Да испить воды захотѣлъ,
Ой калина, да ой малина!
Алексѣй-то тароватъ,
Да за чѣмъ долго не женатъ.
Ой калина, да ой малина!
А какъ Дарья лебедь бѣла,
Мнѣ жениться не велѣла,
Ой калина, да ой малина!
Мнѣ жениться не велѣла,
За меня за мужъ хотѣла.
Ой калина, да ой малина!

6.

Подъ кустомъ олень,
Люли, люли!
Подъ ракитовымъ олень,
Люли, люли!
Не озябъ-ли олень,
Люли, люли!
Не окутать ли олень?
Люли, люли!

Съ молодца рукавца,
Люли, люли!
Съ молодца эпайча,
Люли, люли!
Съ красной дѣвицы платокъ,
Люли, люли!
Потерялся перстенекъ
Люли, люли!
Со Дашиной руки.
Люли, люли!
Проявился перстенекъ
Люли, люли!
У Якова во дому,
Люли, люли!
У Алексѣя на рукѣ,
Люли, люли!
Ты, Алешинка, соколъ,
Люли, люли!
Ты отдай перстенекъ,
Люли, люли!
Ты, Дашенька, душа, 2
Люли, люли!
Когда будешь умеи,
Люли, люли!
Перстень будетъ у тебя,
Люли, люли!

7.

На улицѣ диво,
На широкой было,
Черпечекъ ты мой,
Чернецъ молодой!
На широкой было,
Варилъ чернецъ пиво,
Черпечекъ ты мой,
Чернецъ молодой!
Я пиво сливала,
Меня разнимало,
. . . . . !
Бросалась хмѣлишка,
Во ручьки, во ножки,
. . . . . !
Во ручьки, во ножки,
Во буйну головку,
. . . . . !
Во буйну головку,
Въ ретиво сердечко,
. . . . . !
Не дастъ мнѣ стрехнуться,
Не дастъ взворохнуться,
. . . . . !
Я пойду стрехнуться,
Встану взворохнуться,
. . . . . !
Пойду взворохнуся,
Съ милымъ распрощуся,
Черпечекъ ты мой,
Чернецъ молодой!

8.

Посѣяли дѣвки ленъ, 2
Ходи браво, гляди прямо, говори, что дѣвки ленъ
Посѣяли въ огородъ, 2
Ходи . . . . . въ огородъ
Во частинькой во новой, 2
Ходи . . . . . во новой
Повадился въ этотъ ленъ, 2
Ходи . . . . . ленъ
Дѣтинушка, парень молодой, 3
Ходи . . . . . молодой
Со льну цвѣтикъ сорывалъ, 2
Ходи . . . . . сорывалъ,
Въ Дунай рѣчьку побросалъ,
Ходи . . . . . побросалъ
Дунай рѣчька неприматъ, 2
Ходи . . . . . неприматъ,
Ко бережку прибиватъ, 2
Ходи . . . . . прибиватъ,
Ко бережку ко кругу, 2
Ходи . . . . . ко кругу,
Ко желтому ко песку, 2
Ходи . . . . . ко песку,
Ко сѣрому камешку; 2
Ходи . . . . . камешку.
Въ сѣромъ камнѣ искры нѣтъ, 2
Ходи . . . . . нѣтъ,
Въ своей жены правды нѣтъ, 2
Ходи . . . . . нѣтъ;
Въ чужой жены правда вся,
Ходи . . . . . вся:
Куплю своей жены лапотки, 2
Ходи . . . . . лапотки
Чужой жены башмачки, 2
Ходи . . . . . башмачки

Своей жены костычекъ, 2
Ходи . . . . . костычекъ,
Чужой жены сарафанъ, 2
Ходи . . . . . сарафанъ;
Носи, жена, береги, 2
Ходи . . . . . береги.
По праздничкамъ годовымъ, 2
Ходи . . . . . годовымъ,

9.

Изъ подъ дубу, изъ подъ вязу,
Изъ подъ липова коренья,
Ой калина, да ой малина!
Изъ подъ липова коренья,
Протекала сквозь рученье,
Ой калина, да ой малина!
Что во эвтомъ ручеенкѣ,
Мыли дѣвушки платочки,
. . . . . !
Онѣ мыли, колотили,
Платокъ въ воду обронили,
. . . . . !
Еще кто-бы-то тому,
Моему горю помогъ,
. . . . . !
Выискался паренекъ,
Подалъ дѣвушкѣ платокъ.
. . . . . !
Какъ спасибо, другъ, тебѣ,
Что помогъ моей бѣдѣ,
. . . . . !
Завтра поздно ввечеру,
Ступай къ нашему двору,
. . . . . !
Какъ у нашихъ у воротъ,
Все гуляньицѣ живётъ,
. . . . . !
Еще дѣвушки гуляютъ,
Про любовь нашу не знаютъ.
. . . . . !
Запускала молодца,
Въ домѣ не было отца,
. . . . . !
Какъ тятинька во торгу,
А маменька во пиру,
. . . . . !
Родной братецъ во гостяхъ,
Невѣстушка въ горестяхъ,
. . . . . !
Отъ того въ горестяхъ,
Что сидитъ мужъ во гостяхъ,
. . . . . .
А сестрица въ терему,
Она не скажетъ ни кому.
Ой калина, да ой малина.!

10.

Нападала порошица,
Нападала молодинька,
Что на землю на талую.
На траву на муравую,
На цвѣточки лазуревы;
Что по той по порошицѣ,
Что по той по молодинькой,
Не бѣлъ заюшко скачетъ,
Не бѣляюшко пляшетъ.
Еще скокъ, поскокъ зайко,
Скокъ по чистому полю,
По широкому раздолью,
Еще хлынь по хлынюшки:
Выбирай селезнюшки,
Себѣ ростомъ дородствомъ,
Себѣ наровень обычьемъ,
Красотою дѣвичьей.
Зайко, зайко, загуляйко,
Загуляй, душа, дѣтинка!
Въ саду ягода малинка.
Приходилъ вечёръ не рано,
Приносилъ даровъ не мало,
Двадцать пять рублевъ въ карманѣ,
По четыре рубля въ штофѣ,
Мнѣ на пару гранитуру,
На вторую дародору,
Мнѣ на третью каленкору,
Мнѣ на шею шаль бухарску,
На головушку платочикъ,
Модной, аленькой цвѣточикъ.

11.

Я вечеръ въ гостяхъ гостила,
Во компаніи была,
Я хорошаго молодчика,
Во любовь себѣ взяла;
Мнѣ не стыдно съ нимъ водится,
Можно радостью назвать,

Во кампанью себѣ взятъ.
Онъ хорошъ собою, славенъ,
Весьма ласковъ на словахъ,
Изъ поступки парень бравой,
Тароватъ по всѣмъ дѣламъ;
Между прочимъ разговоромъ,
Прежде въ рѣчь меня вводилъ,
Пріятнымъ своимъ взоромъ
Грудь мнѣ бѣлу прострѣлилъ,
Прострѣливши, заразивши,
На колѣни посадилъ.
Я не много посидѣла,
Танцовать съ милымъ пошла,
Я не много танцовала,
Милой крѣпко руку жалъ,
Я руки не отымала,
Проявился въ лицѣ жаръ.
Вышла въ сѣни простудиться,
Чтобы жаръ съ лица согнать,
Не успѣла выдти вонъ,
Милъ стоитъ передо мной,
Милъ стоитъ передо мной,
Разговариватъ со мной:
Ужъ ты нѣжная, манежная сударыня моя.
Да не-ты-ль меня сударушка повысушила,
Безъ морозу ретиво сердце повызнобила,
Спустила сухоту, да по моему животу,
Разсѣяла печаль по моимъ яснымъ очамъ,
Заставила ходить по чужой сторонѣ,
Приневолила любить чужемужнюю жену.

12.

На улицѣ дождь поливаетъ, 2
Во деревнѣ дѣвокъ прибываетъ. 2
Дѣвушки поиграйте! 2
Молоды молодки не плошайте! 2
Вы, молодежь, не глядите! 2
Гляженьемъ дѣвушекъ не возмешь:
Взять, не взять съ полюбови, 2
Съ батюшкова дозволенья, 2
Съ матушкина позволенья. 2
Сохнетъ по дѣвушкѣ дружочикъ, 2
Тоненькой осиновой листочикъ, 2
Машинька дочь офицерска, 2
Вышла за мужъ за енерала 2
За енерала молодаго, 2
За молодаго, холостаго, 2
Пѣшъ она къ обѣдни не ходитъ, 2
Все она на коничкахъ гуляетъ, 2
Конички вороные,
Извощички молодые, 2
На нихъ кафтаны голубые. 2

13.

Мнѣ во вѣкъ тоска не бывала, 2
Мнѣ вечеръ тоска нападала, 2
Во всю ночь молода не сыпала, 2
У тесовыя кровати простояла, 2
Соболино одѣяло продержала, 2
Все мила дружка дожидала, 2
Все мила дружка Иванушка; 3
Я на силу его дождалася, 2
Я изъ горницы во горницу ходила, 2
Я изъ свѣтлицы во свѣтлицу гуляла, 2
Я раскрашены шкапы отпирала, 2
Я хрустальную посуду разбирала, 2
Я по большѣ стопашикъ выбирала, 2
Пополнѣе сладкой водкой наливала, 2
Я милу дружку подавала; 2
Поди, выкушай душа, доброй молодчикъ, 2
Отъ меня отъ красной дѣвки стаканъ водки,
На меня на красну дѣвку не надѣйся, 2
У меня у красной дѣвки безвременье, 2
Безвременьице, разореньице, 2
Разоряетъ меня матушка родная,
Отдаваетъ за такого, за сякого, 2
Да ему-ли уроду мной владати? 2
Да ему-ли узорочьемъ снаряжати? 2
Ужъ владать, не владать кому иному, 2
Своему дружку любезному! 2
Я котораго во дѣвицахъ любила, 2
Золотымъ витымъ колечкомъ дарила; 2
За колечюшко маменька бранила, 2
За серебрено сударыня журила, 2
Ты куда, шельма, колечко дѣвала ? 2
Прости, маменька, виновата! 2
Вечеръ долго по садику гуляла, 2
Золоту, виту капустку поливала, 2
Между грядъ кольцо обронила, 2
Нелюба моя подружка находила, 2
Своему дружку подарила, 2
Своему дружку Иванушку. 2

14.

Черезъ поле у сосѣда,

Собрана была бесѣда,
Очень хороша!.
Весьма пригожа!
Случилося мнѣ идти,
Я не могъ мимо пройтти,
Сталъ до постоялъ! 2
У окошка постучался,
Во стекольце побречалъ,
Со опасностью,
Со великою!
Дѣвки бросились въ окно,
Отвѣчали за одно,
Съ кѣмъ милой стоишь?
Съ кѣмъ говоришь?
Я сказавшись, что единъ,
Къ воротишкамъ подходилъ,
Дѣвки отперли!
Красны впустили!
Въ нову горницу зашелъ,
Все весельице нашелъ,
Веселиться сталъ!
Забавляться сталъ!
Стало молодцу обидно,
Едной дѣвицы не видно,
Котору желалъ,
Прежде цѣловалъ!
Я помѣшкавши маленько,
Бѣжитъ дѣвица скоренько,
Ты моя милая,
Свѣтикъ дорогая,
Я по старой по любови,
Началъ шуточки шутить,
Заигрывати! 2.
Дѣвка шутокъ невзлюбила,
Во глаза парня ругатъ,
Что ты за дуракъ!
Что ты за свинья!
Ты програешь, просмѣешь,
Меня за мужъ не возмешь,
Куда я пойду!
Куда побряду!
Отдаютъ молоду,
На чужу сторону,
Не заровнюшку!
Не заровнюшку!
Не заровней Машѣ жить,
Горючи слезы ронить,
Плакать завсегда!
Плакать завсегда!
Не плачь, Машенька моя,
Не забуду я тебя.
Возьму за себя!
Возьму за себя!

15.

Ты утушка луговая, 2
Луговая! 2
Ты молодка молодая 2
Молодая! 2
Гдѣ ты ночесь ночевала? 2
Ночевала? 2
Ночевала во садочку, 2
Во садочку! 2
Подъ ракитовымъ кусточкомъ, 2
Подъ кусточкомъ! 2
Подъ малиновымъ листочкомъ, 2
Подъ листочкомъ! 2
Наши люди веселые, 2
Веселые 2
Пинежанки игромыя, 2
Игромыя! 2
Брали парня молодого, 2
Молодаго! 2
Не жената, холостаго, 2
Холостаго! 2
На улицѣ мателица, 2
Мателица! 2
Кутитъ, мутитъ, въ глаза мечетъ, 2
Въ глаза мететъ! 2
Меня милой дружекъ кличетъ, 2
Дружекъ кличетъ! 2
Василь, Василь, Васильечикъ, 2
Васильечикъ! 2
Василь миленькой дружочикъ, 2
Вотъ дружочикъ! 2

16.

Что, Ваня, не бѣелъ, не румянъ?
Гдѣ, Ваня, румянецъ потерялъ?
А-ли на дорожки обронилъ?
А-ли красной дѣвкѣ подарилъ
Бѣлая румяная моя!
Все, радость печальна за все а:
Тужишь ли, плачешь обо мнѣ
Все я по тебѣ, милой, тужу,
Темные ночи мало сплю;

Вес я надзираю надъ тобой,
За твой за хорошій приговоръ,
Лапушка, за ласковы слова,
Свѣтелъ, за пріятливыя!
Помнишь, какъ гуляли мы съ тобой?
Щипали, ломали виноградъ,
Вѣточки бросали мимо садъ,
Летѣли соколы мимо насъ,
Видѣли въ садочку двое насъ.
Лапушка мнѣ до того:
Пилъ бы я пиво и вино,
Жилъ бы я съ милой хорошо.
Съ пивушка головушка болитъ,
Съ вина просыпанье тяжело.
Есть на насъ не другъ супостатъ,
Съ нами въ едной улицѣ живетъ,
Все на насъ кутитъ и мутитъ,
Все на насъ насказываетъ,
Свѣтикъ наговариваетъ:
Дуня такова и сякова,
Авдотьюшка этакова,
Дуня у чужихъ воротъ стоитъ,
Дунюша Ванюшу манитъ:
«Подь, подь Иванушко дружокъ,
Подь, подь малиновой душекъ,
Я тебѣ словечушко скажу,
Я тебя колечкомъ подарю!»
То Вани честь и хвала,
Дунюша три платка дала,
Авдотья пожаловала,
Первымъ платкомъ шелковымъ,
Вторымъ полушелковымъ,
Третьимъ миткалиновымъ платкомъ. 2

17.

Зелено вино въ кармашкѣ, 2.
Сахаръ во бумажкѣ! 2.
Зеленое вино выпьемъ, 2.
Сахаромъ закусимъ! 2.
Промежду собой братаны, 2.
Совѣтъ совѣтали, 2.
Они совѣтъ совѣтали! 2.
Жеребей метали! 2.
Кому деньги, кому платье, 2.
Кому красна дѣвка! 2.
Достарались деньги Мишкѣ, 2.
Цвѣтно платье Гришки! 2.
Иванушку щеголюшку, 2.
Красная дѣвица! 2.
Какъ у моего милаго, 2.
Два сада зеленыхъ: 2.
Во первомъ саду, садочку, 2.
Дѣвица гуляетъ; 2.
Во второмъ саду, садочку, 2.
Поетъ пташка пѣсни, 2.
Она поетъ, воспѣваетъ, 2.
Разнымъ голосочкомъ. 2.
Кабы знала, я списала, 2.
Эвтотъ голосочикъ, 2.
Что на тоненькой листочикъ, 2.
На бѣлу бумажку, 2.
Что на бѣлу на бумажку, 2.
На гербовъ листочикъ; 2.
Я пошлю эвту бумажку, 2.
Въ разны городочки. 2.
Ты велишь ли, моя радость, 2.
Щегольно ходити, 2.
Ты ходи, моя милая, 2.
Ходи наряжайся! 2.
Не ходи, моя милая, 2.
Ко сосѣду на бесѣду! 2.
У сосѣда на бесѣды, 2.
Все сидятъ холосты! 2.
У холостыхъ глаза востры, 2.
Сами завидущи! 2.
Холостъ глазынькомъ наводитъ, 2.
Изъ ума выводитъ! 2.
Черны брови подымаетъ, 2.
На дворъ вызываетъ! 2.
Онъ на дворъ-то вызываетъ, 2.
Подарокъ вымаетъ! 2.
Онъ подарочокъ вымаетъ, 2.
Персидской платочикъ! 2.
Во персидскомъ во платочикѣ, 2.
Золото колечко! 2.

18.

Какъ у моего милого, 2.
Четыре примѣты, 2.
Что первая то примѣта 2.
Его лице бѣло, 2.
Что втора его примѣта, 2.
Волосы кудрями. 2.
Что третья-то примѣта, 2.

Шубочка съ морхами, 2.
Что четвертая примѣта 2.
Шапка съ козыречкомъ 2
Загануть лите любезна 2.
Шесть загадокъ: 2.
Еще что же дѣвица, 2.
Выше лѣсу? 2.
Еще что же дѣвица, 2.
Краше свѣту? 2.
Еще что же дѣвица, 2.
Безъ коренья? 2.
Еще что же дѣвица, 2.
Безъ замочку? 2.
Еще что же дѣвица, 2.
Безъ цвѣточку? 2
Еще что же дѣвица, 2.
Безъ любови? 2.
Не прогнѣвайся любезной, 2.
Все я отгадаю: 2.
Выше лѣсу, любезной, 2.
Свѣтелъ мѣсяцъ 2.
Краше свѣту, любезной 2.
Красно солнце; 2.
Безъ коренья, любезной, 2.
Сѣрой камень, 2.
Безъ замочку, любезной, 2.
Быстра рѣчка 2
Безъ цвѣточку, любезной, 2.
Полынь травка 2.
Безъ любви, любезной, 2.
Мы съ тобою 2.
Научить ли тя, любезна, 2.
Какъ по мнѣ ходити? 2
Не дорогою ходи, 2.
Ходи переулкомъ; 2.
Не ступенями ступай, 2.
Соколомъ лѣтай 2.
Не воротами во дворъ, 2.
Ходи подворотней, 2.
Не языкомъ говори, 2.
Соловьемъ свищи. 2.

19.

У воротъ дѣвка стоитъ,
Да въ бѣломъ лицѣ жаръ горитъ.
Ай люли, ай люли!
Да въ бѣломъ лицѣ жаръ горитъ,
На што, миленькой сердитъ,
Да ничего не говоритъ,
Ай люли, ай люли!
Ничего не говоритъ,
Ничего неговоритъ?
Да въ зеленъ садъ гулять манитъ?
Ай люли, ай люли!
Да въ зеленъ садъ гулять манитъ.
Пойдемъ дѣвица во садъ,
Да раскрасавица гулять,
Ай люли, ай люли!
Раскрасавица гулять.
Сорвемъ съ травоньки цвѣтокъ,
Да со муравоньки алый,
Ай люли, ай люли!
Да со муравоньки алый,
Мы завяжемъ цвѣтокъ,
Да во тальянской во платокъ,
Ай люли, ай люли!
Да во тальянской во платокъ.
Во тальянскій ли платокъ.
Во нѣмецкой узелокъ,
Ай люли, ай люли!
Да въ нѣмецкой узелокъ
Мы положимъ узелокъ,
Да на кроватку въ уголокъ,
Ай люли, ай люли!
Да на кроватку въ уголокъ.
Мы помѣшкаемъ немножко,
Поноровя часокъ,
Ай люли, ай люли!
Поноровя часокъ.
Мы развяжемъ узелокъ,
Да посмотримъ на цвѣтокъ,
Ай люли, ай люли!
Да посмотримъ на цвѣтокъ,
Еще вянетъ ли, не вянетъ ли,
Да нашъ розовый цвѣтокъ.
Ай люли, ай люли!
Да нашъ розовый цвѣтокъ?
Еще тужить-ли, не тужить-ли,
Мой миленькой дружокъ,
Ай люли, ай люли!
Да мой миленькій дружокъ?
Тужитъ, тужитъ обо мнѣ,
На чужой на сторонѣ,
Ай люли, ай люли!

На чужой на сторонѣ;
На чужой на сторонѣ,
Да во матушкѣ во Москвѣ,
Ай люли, ай люли!
Да во матушкѣ въ Москвѣ.
Во матушкѣ въ Москвѣ,
Да въ Нѣмецкой улицѣ,
Ай люли, ай люли!
Да въ Нѣмецкой улицѣ,
Во Нѣмецкой улицѣ,
Сидятъ дѣвки въ горницѣ,
Ай люли, ай люли!
Сидятъ дѣвки въ горницѣ;
Онѣ сидятъ, разсуждаютъ,
Дружка въ Питеръ спровожаютъ,
Ай люли, ай люли!
Дружка въ Питеръ спровожаютъ.
На добра коня садятъ,
Въ стремена ноги кладутъ.
Ай люли, ай люли!
Въ стремена ноги кладутъ.
Въ стремена ноги кладутъ,
Въ руки поводъ подаютъ.
Ай люли, ай люли.
Въ руки поводъ подаютъ,
Онѣ сами дружечку
Наказываютъ,
Ай люли, ай люли!
Да наказываютъ:
Ты гуляй, гуляй дѣтинка,
Не загуливайся,
Ай люли, ай люли!
Не загуливайся!
На хорошихъ да на баскихъ,
Не засматривайся!
Ай люли, ай люли!
Не засматривайся!
Какъ хороши да баски,
Часовы не вѣковы,
Ай люли, ай люли?
Часовы не вѣковы,
А я худинька, худа,
Вѣковѣчная твоя,
Ай люли, ай люли!
Вѣковѣчная твоя,
Вѣковѣчная твоя,
Да подвѣнечная жена,
Ай люли, ай люли!
Да подвѣнечная жена;
Ужъ я слушаю тебя,
Послушаю молодца,
Ай люли, ай люли!
Послушаюсь молодца.

20.

Что подъ бѣлою,
Да подъ березою,
Дѣвка сѣетъ, высѣваетъ,
Рѣшетомъ конопле:
Уродися добрѣ,
Конопелышко;
Что не долго, не коротко,
Въ саду вишенье,
Да людямъ слышанье.
Захотѣли меня,
Что за стараго отдать,
За стараго, за сѣдатаго,
За семейнаго, за дѣтейнаго.
Кому тошно по насъ,
Тотъ и будетъ у насъ,
Кому не тошно,
Тому не по что.

21.

Вы дѣвицы красавицы,
Люли, люли!
Вы сидите, не дремлите,
Люли, люли!
Молодежь скоро подпатитъ,
Люли, люли!
Молодежь непроста,
Люли, люли!
Все цыганы, да ваганы,
Люли, люли!
Нинежскіе братаны,
Люли, люли!
Алексѣюшко принатитъ,
Люли, люли!
Еще Дарьюшку подхватитъ,
Люли, люли!
Поцѣлуетъ, обойметъ,
Люли, люли!
Онъ своею назоветъ
Люли, люли!

Дарьюшка моя душа
Люли, люли!
Замѣню вездѣ тебя.
Люли, люли!...

22.

Простучало, прогремѣло,
Сынъ боярской проѣзжалъ,
Калина, калина, калинушка моя!
Выходила Катерина
За новыя ворота.
. . . . . .
Ты пожалу-ко милой
На широкой ко мнѣ дворъ,
. . . . . .
Ты пожалуй-ко милой,
Въ нову горенку со мной,
. . . . . .
Ты пожалуй-ко милой
Въ теплу спаленку со мной;
. . . . . .
Скинь-ко шляпу да сертукъ,
Повѣсь, милинькой, на крюкъ.
. . . . . .
Какъ на эвтотъ на злой часъ
Мужъ изъ Питера тотчасъ.
. . . . . .
Что у тя, Катюша,
За конь вороной?
. . . . . .
Что за конь вороной,
За уборъ золотой?
. . . . . .
Я вчера въ рынокъ ходила,
Ворона коня купила.
. . . . . .
Ворона коня купила,
Триста семьдесятъ платила.
. . . . . .
Что у тя, Катюша,
За шляпа, за сертукъ?
. . . . . .
Вчера гости у мня были,
Сертукъ, шляпу позабыли.
. . . . . .
Въ нову спаленку зашелъ
Молода парня пашелъ
. . . . . .
Что у тя, Катюша,
За купчикъ молодой?
. . . . . .
Вчера поздно вечерочкомъ
Сиротинушка пришелъ;
. . . . . .
Неужели сиротинку
Не напоить, не накормить?
. . . . . .
Напоила, накормила
Во дорожку спроводила;
. . . . . .
Во дорожку проводила,
Слезно плакала по немъ.
. . . . . .
Что у тя, Катюша,
Призаплананы глаза.
. . . . . .
Вчера у маменьки была,
Моя маменька больна.
Калина, калина, калинушка моя!

23.

Голубица надъ водицей,
Голубь надъ водою,
Хорошая, любезная
Говори со мною.
Говори, радость, со мною,
Какъ братецъ съ сестрою.
Говори, радость, не тайся,
Въ тоску не вдавайся.
Тоска придетъ, горе найдетъ,
Послы скоро будутъ;
Послы будутъ, вѣсти скажутъ,
Что я самъ прибуду,
Что я самъ скоро прибуду,
Все самъ перебаю.
Ужъ ты все сидишь въ компаньи,
Ничего не знаешь.
Ужъ мы пьемъ, ѣдимъ во здравье:
Здравствуй, моя радость!
Здравствуй радость дорогая,
Утѣха другая!
Во саду-ли, въ огородѣ
Дѣвица гуляетъ:
Невозможно про то вѣдать,

Чья она такая.
Она писаря шветскаго *)
Всячески ругаетъ,
Молодого офицера
Весьма восхваляетъ.
Ты, раскурвинъ шветскій писарь,
Что въ гости не ходишь?
Ужъ ты, что въ гости не ходишь,
Гостинцевъ не носишь?
Радъ бы, Машинька, ходити,
Нечѣмъ мнѣ дарити.
Я пойду, душа Маша,
Самъ въ Питеръ гуляти.
Привезу я, душа Маша
Дорогой подарокъ,
Дорогой парчи на юбку,
Глазету на шубку.

25.

Ѣхала кума,
Люли, люли!
Изъ за кумова двора,
Люли, люли!
Повстрѣчалася бѣда,
Люли, люли!
Поломалася дуга,
Люли, люли!
Сорвалися гужи,
Люли, люли!
Гужи шелковые,
Люли, люли!
Полушелковые;
Люли, люли!
Да еще мой-то мужъ дуракъ
Люли, люли!
За охотою ходилъ,
Люли, люли!
Перепелочекъ ловилъ;
Люли, люли!
Изловилъ голубка,
Люли, люли!
Сизокрыльнаго,
Люли, люли!
Сизонеринькаго.
Люли, люли!
Сизокрылой голубокъ
Люли, люли!
Сизы перышки расправь,
Люли, люли!
Куда хошь полетай.
Люли, люли!

26.

Мимо Пашеньку Шинкова,
Мимо Сеньку Кузнецова,
Ай, люшеньки, съ полюли,
Мимо Сеньку Кузнецова.
Алексѣй тутъ проѣзжалъ,
Да Дарью просвѣщалъ,
Ай, люшеньки, съ полюли,
Да Дарью просвѣщалъ!
Онъ не столько просвѣтилъ,
Сколько Дарьи подарилъ:
Ай, люшеньки, съ полюли,
Сколько Дарьи подарилъ
Модну юбку, модну шаль,
На головушку платокъ,
Ай, люшеньки, съ полюли,
На головушку платокъ.
На головушку платокъ,
Да нарученьку перстенекъ.
Ай, люшеньки, съ полюли,
Да нарученьку перстенекъ!

27.

За тынью, 2
За тынью, за рѣчкой быстрою, 2
Выгоню я, 2
Выгоню я, пару голубей, 2
Голубь-то у насъ, 2
Голубь-то у насъ, Алексѣюшка, 2
Сизой-то у насъ, свѣтъ Яковлевичъ 2
Голубка при немъ 2
Голубка при немъ, свѣтъ Дарьюшка 2
Сизая при немъ 2
Сизая при немъ, Матвѣевна,
Сайдутся они, 2.
Сойдутся они, обоймутся, 2.
Свидятся они, 2.
Свидятся они, поцалуются, 2.
Они прочь пойдутъ, 2.
Они прочь пойдутъ, поклонятся.

28.

Какъ сказали про дѣвицу

*) Вѣроятно, сельскаго.

Небылъ, не былицу,
Будто я, красна дѣвица,
По молодцѣ тужу!
Не тужи, мая милая,
Тебя незабуду,
Случай будетъ въ Питеръ ѣхать,
Привезу подарокъ.
Привезу тебѣ подарокъ:
Кумачу, китаекъ.
Кумачу я не хочу,
Китайки не надо;
Привези-ко сынъ отецкой,
Золото колечко,
Золото-ли-то колечко.
Ко красну крылечку.
Пойду, выйду на крылечко,
Взвеселю свое сердечко,
Стукну, брякну околечко,
Взвеселю сердечко.
Заплету тоску кручину,
Коню сиву гриву,
Сивой конь бѣжитъ, подткнется,
Ушва растрехнется.
Сива грива растрехнется,
Тоска разойдется.
Разойдетъ тоска кручина
По чистому полю,
Обростетъ тоска кручина
Травой муравою,
Травой, травой муравою,
Алыми цвѣтами.
Ужъ какѣ всѣ цвѣты алые,
Единъ всѣхъ алѣе;
Еще всѣ дружки милые,
Единъ всѣхъ милѣе.

29.

Ужъ ты зимушка зима,
Холодна, студена,
Зима морозливая!
Заморозила зима
Удалого молодца,
У удала молодца
Горитъ сердце и душа:
Есть дѣвица хороша!
Дѣвка маленькая,
Головка гладинькая!
Безъ бѣлилъ дѣвка бѣла,
Безъ румянъ румяна!
Что безъ платьица толстенька.
Безъ башмачекъ высока!
Задумала голова
Во всю ночь гулять одна!
Въ ту ноченьку прогуляла
Любезнаго не видала!
Не видала, не слыхала,
Въ худу славушку попала!
Не боюсь я худой славы,
Здѣсь не городъ Ярославль;
Не боюся никого,
Полюблю я одного.
Одного дѣвкѣ любить
На бѣлила не нажить!
Семерыхъ полюбить,
Голубушки не сносить!
Полюблю я одного,
Своего любезнаго.
Я куплю своей сударышкѣ
Червончатой корабль!
Я найму своей сударушкѣ
Гребцовъ молодцовъ,
Славныхъ песѣльничковъ;
Гребцы грянутъ и гребутъ,
Веселы пѣсни поютъ!
Веселы пѣсни поютъ,
Въ теремъ голосъ подаютъ!
Чтобы слышала мила,
Не дремала, не спала!
Не дремала, не спала,
Дружка въ гости ждала!
Не успѣла сѣсть на лавку,
Милой стукъ у воротъ!
Подъ окошкомъ постучалъ,
Ульянушкой взвеличалъ!
Ульянушка, Ульяна,
Ульяна Васильевна!
Не про насъ ли съ тобой Яша,
Люди говорятъ!
Люди говорятъ?
Всѣ сосѣдушки бранятъ.

30.

Вдоль было по травкѣ

Вдоль по муравкѣ *)
Ай люли, ай люли!
Донской казакъ гуляетъ,
Онъ ходитъ и гуляетъ
Себѣ невѣсту выбираетъ
Ай люли. ай люли!
Себѣ невѣсту выбираетъ.
Ты хороша, ты пригожа,
Пойди за мужъ за меня **)
Ай люли, ай люли!
Пойди за мужъ за меня;
Не пойдешь ты, спонаешься
Воспомянешь—не возьму, ***)
Ай люли, ай люли!
Воспомянешь—не возьму.
Пойду спрошу у сосѣдей,
Про невѣсту про свою
Ай люли, ай люли!
Про невѣсту про свою.
Сосѣдушки, собранушки,
Похвалите мнѣ ее,
Ай люли, ай люли!
Похвалите мнѣ ее.
Вамъ спасибо, сосѣдушки,
Что женили вы меня ****)
Ай люли, ай люли!
Что женили вы меня.
Благодарствуйте, собранушки
За мужъ выдали меня,
Ай люли, ай люли!
За мужъ выдали меня *****).

31.

Поѣду завтра въ городъ
Да диво, диво
Младо мое.
Привезу женѣ подарокъ
. . . . . .
Я гранапелю на платье,
. . . . . .
Ты прими, жена не чванься
. . . . . .
Надо-мною не ломайся,
. . . . . .
Посмотрите, люди добры,
. . . . . .
Какъ жена мужа не любитъ,
. . . . . .
На передъ мужа гуляетъ
. . . . . .
Все подарочекъ бросаетъ.
. . . . . .
Я поѣду завтра въ городъ,
. . . . . .
Привезу женѣ подарокъ
. . . . . .
Ужъ я шелковую плетку,
. . . . . .
Ужъ я стану жену бити,
. . . . . .
Молоду жену учити.
. . . . . .
Посмотрите, люди добры,
. . . . . .
Какъ жена-то мужа любитъ,
. . . . . .
Позади мужа гуляетъ,
. . . . . .
Напередъ забѣгаетъ *)
. . . . . .

Какъ всякая пѣсня имѣетъ свое значеніе и принаравливается къ извѣстнаго рода обстоятельствамъ, такъ и самыя «нечеринки» имѣютъ не одинъ и тотъ же харак-

*) Во время этой пѣсни ходитъ по комнатѣ молодецъ; всѣ прочіе сидятъ.

**) При этихъ словахъ онъ подходитъ къ одной изъ дѣвицъ и кланяется.

***) Тоже.

****) При этихъ словахъ онъ подходитъ къ выбранной дѣвушкѣ, беретъ ее за руки и вружится съ нею до конца пѣсни.

*****) Эта пѣсня составляетъ варіантъ пѣсни, которая въ другихъ великороссійскихъ губерніяхъ поется при хороводной игрѣ, называемой «Казачекъ удалой.» См. Быт русскаго народа, Терещенки, Вып. IV, стр. 153.

П. Ефименко.

*) Въ другихъ губерніяхъ варіантомъ этой пѣсни сопровождается хороводная игра называемая «Лугъ лужечекъ.» Быт русскаго народа Терещенка. Вып IV-й стр. 160. Въ шенкурскомъ уѣздѣ подобная пѣсни поется также при хороводахъ См. Труды Арх. Стат. Ком. за 1865 г. Кн. 1: лѣти. и зими. гуляньи шенкур. народа. Стр. 95

П. Ефименко.

теръ, а подраздѣляются: на вечеринки домашнія и съѣзжія. Первыя, устроиваются за просто, по домашнему, безъ всякихъ предвзятыхъ ранѣе цѣлей; а послѣднія, начинающіяся послѣ Рождества и оканчивающіяся Великимъ постомъ, имѣютъ совершенно иной видъ. Эти вечеринки, такъ сказать, публичныя служатъ дѣвушкамъ и мужчинамъ ареною для побѣды сердецъ своимъ суженымъ ряженымъ. Такъ какъ на подобныя вечеринки собирается молодежь, женихи изъ всѣхъ окружныхъ ближайшихъ деревень съ сказанною уже цѣлью, то дѣвушки-невѣсты являются сюда не какъ на домашнія вечеринки, а разряженныя въ лучшіе свои наряды, и, угождая условіямъ своего быта, стараются казаться болѣе церемонными. Пріѣзжимъ молодцамъ оказывается большее вниманіе, чѣмъ мѣстнымъ, точно также богатому предъ женихомъ средней руки.

И. Селиверстовъ.

Б. ПѢСНИ КАШНИЦЪ (НА ПОМОЧАХЪ.) *)

1.

По сѣничкамъ, сѣничкамъ,
По сѣнямъ господиновымъ,
Вью-ли-лю-вью-ли-лю, вью-ли-лю-вью-ли-лю,
вьюрью-ли, вьюрью-ли вьюрью-ли, вью-ли-лю **)
Господина ласковаго,
Да у свѣта пріятливаго,
Афанасія Семеновича ***)
(припѣвъ.)
Тутъ не павушка павывала,
Не павина перье ронила,
Тутъ и ходила и гуляла
Пожилая боярыня
Пожилаго боярина,
Анна Аникишна ****)
(припѣвъ)
Она ходила—гуляла
По всей свѣтлой свѣтлицѣ,
По столовой новой горницѣ.
Подошла млада къ окошечку:
«Посмотрю же я въ окошечко
На улицу широкую,
На дорожку проѣзжую,
На младъ свѣтелъ мѣсяцъ,—
Веселъ ли сударь, господинъ
Афанасій Семеновичъ?»
(припѣвъ)
Ко кроваточкѣ тесовой подошла,
Ко постелюшкѣ пуховой,
Ко заголовьицу косящетому,
Къ одѣялушку чернаго соболя.
Какъ спроговоритъ умная,
Какъ спроговоритъ разумная
Анна Аникишна:
(припѣвъ.)
«Ужъ ты станько мой ласковый,
Ужъ ты станько мой пріятливый!
Мимо нашихъ высокъ теремъ,
Пролеталъ тутъ ясенъ соколъ,
Мимо нашей-то горницы,
Мимо свѣтлой свѣтлицы
Проѣзжалъ православный князь
Во соборъ Богу молитися.»
(припѣвъ)
Какъ спроговоритъ ласковый,
Какъ спроговоритъ пріятливый
Афанасій да Семеновичъ:
«Отойди ты прочь умная,
Отступи прочь ты разумная
Анна Аникишна!
(припѣвъ)
У насъ все будетъ излаженное,
Будетъ Богомъ исправленное,—
У насъ извощики нарощенные
У насъ лошади накупленныя,
Во коляску заложенныя
Только сѣсть намъ и ѣхати
Во соборъ Богу молитися,
До Николы Святителя,
Пресвятой Богородицы.»
(припѣвъ)

2.

Какъ по горницѣ столовой,
Какъ по свѣтлицѣ пировой,
Тутъ стоятъ столы дубовые,
На стѣнахъ ковры шелковые,
На коврѣ чара золота

*) Записаны въ городѣ Пинегѣ бывшимъ студентомъ А. Н. Сивановскимъ въ 1862 году.

**) Припѣвъ этотъ повторяется въ продолженіе всей пѣсни, послѣ нѣсколькихъ стиховъ.

***) Имя хозяина дома.

****) Имя хозяйки.

Какъ полна меду налита.
Еще кто чару наливалъ?
И еще кто съ медомъ дополнялъ?
Наливалъ чару *) Гаврило господинъ,
Дополнялъ съ медомъ Афанасьевичъ;
Свою умную призывалъ,
Свою разумную приклikалъ,
Александрушку **) призывалъ:
«Александрушка другъ моя,
Ты Гавриловна—мила,
Ты дойди, радость до меня,—
Ты любишь ли меня?
Поцѣлуешь ли въ уста?
Ты прими чару отъ меня.
Выпей-выкушай всю до дна.
Принеси сына ясна сокола,
Что бѣлымъ лицомъ во меня,
Умомъ, разумомъ во себя,
Какъ ясны очи сокола,
Какъ черны брови соболя.»—
Александрушка подошла,
Гавриловна приняла,
Выпила, высушила всю до дна,
Принесла сына ясна сокола,
Что бѣлымъ лицомъ во меня,
Умомъ разумомъ во себя,
Что ясны очи сокола,
Черны брови соболя ***)

3.

Какъ по морю, морю синему . . . 2
Не здунай!
По синему морю по Хвалынскому . . 2
Не здунай!
Тутъ и плыло, выплывало тридцать кораблей—2
Со единымъ кораблемъ.
Какъ одинъ-то корабль напередъ забѣжалъ, 2
Какъ соколъ залетѣлъ.
Какъ на этомъ корабликѣ немножко людей
Со единымъ молодцомъ — 2
Федоромъ Афанасьевичемъ. ****)
Федоръ-то по кораблику похаживаетъ,
Афанасьевичъ по чорному погуливаетъ,
Ужъ онъ съ ножки на ножку переступываетъ,
Онъ сапогъ о сапогъ покалачиваетъ,
Ужъ онъ стружечки строгалъ,
Во сине море бросалъ,—
Уронилъ съ правой руки златой перстень,
Со любимаго перста—со мизинушка.
Онъ кричалъ-то и зычалъ
Громкимъ голосомъ своимъ:
«Вы друзья и братья,
Вы товарищи мои!
Вы берите-ко товарищи шелковы невода,
Вы мечите-ко тони во сине море,
Выпеживайте мой злаченъ перстень »—
Какъ перву тоню закинули—
Не попало ничего,
Какъ втору-то они закинули—
Ни съ чѣмъ ничего,
Какъ третью-то они закинули—
Три окуня попали злато-перые:
Какъ первой-то окунь—стоитъ сто рублей,
Какъ второй-то окунь—стоитъ тысячу рублей;
Третьему окуню цѣны здѣсь нѣтъ,
Опѣвшики во славной Москвѣ,
Какъ закупщики во славномъ Пинежскомъ городу
Въ Афанасьевскомъ во дому,—
Закупщичекъ Федоръ Афанасьевичъ....
Дай-Богъ Федору на житье, да на бытье,
Афанасьевичу на богачество на большо!
Гдѣ бы тебѣ задумать здѣсь невѣсту взять безотказно,
Что приданаго съ ней на три тысячи рублей,
Злата, серебра хоть лопатами греби,
Скаченаго жемчугу возами вози.

4.

По морю, морю суденко бѣжитъ, 2.
На ефтомъ суденкѣ тридцать молодцовъ, 2.
Со единымъ молодцомъ,
Арсеніемъ Николаевичемъ!
Сзади молодца сорокъ красныхъ дѣвицъ, 2.
Пятьдесятъ молодицъ! 2.
«Накатись, накатись гровна туча, 2
Ушиби, ушиби тестя моего ласковаго, 2
Который съизмала меня затемъ звалъ,
Выростилъ дочекъ—за ипаго отдавалъ.» *).

*) Имя женатаго сына хозяина.
**) Его жена.
***) Послѣдніе пять стиховъ каждый поется дважды.
****) Имя холостаго сына хозяина.

*) Первыя двѣ пѣсни поются женатымъ, а послѣднія двѣ холостымъ.

5.

Ты гуляньицо ли, наше гуляньe,
Молодецкое наше, безотецкое!
Я пойду ли да вдоль по улицѣ,
Вдоль по улицѣ самъ по гулію,
Я зайду ли въ гости ко сударушкѣ—
Самъ побываю!
Я спрошу ли у сударушки
Самъ про здоровье.
Во здоровьицѣ ли моя сударушка
Живешь—поживаешь?
Какъ отвѣтъ-то держитъ сударушка милому дружку:
«Не корыстно-ли мое здоровьице жить безъ милаго,
Что безъ душечки, безъ добра молодца жить безъ надежды?»
Со правой ли руки колечушко потеряла,
Со лѣвой ли злаченъ перстень обронила,
Со окошечка яснаго сокола упустила,
Со постелюшки я добраго молодца дружка проводила....
Ужъ я все ли про все съ милымъ дружкомъ переговорила?
Я одно ли тайно словечушко сказать позабыла,
Со дорожечки я дружка милаго назадъ воротила.
«Ужъ ты душечка, добрый молодецъ, другъ не женися,
Пока я замужъ невышла».

6.

У нашихъ было у воротъ
Стоялъ душечка—удалый—добрый молодецъ,
Не одинъ стоялъ,—съ красной дѣвицей душой.
Красавица говорила молодцу:
«Тебѣ колно во компаньицу ходить,
Перестань, милъ, пусты рѣчи говорить,
Пусты рѣчи, не былыя словеса!
Про насъ такъ, милъ, худа слава прошла,
Худа славушка—не очень хороша.
Что со той славы за мужъ дѣвка пошла,
За мужъ вышла за старого старика.
Не спущаетъ старъ на улицу гулять,
Хоша спуститъ, самъ въ окошечко глядитъ:
Не стоитъ ли молода жена съ милымъ дружкомъ?
Я стояла съ миленькимъ одинъ малый часъ,
Я ронила горючи слезы изъ глазъ,
Я ронила въ полотняный бѣлый платокъ,
Завязала во нѣмецкій узелокъ,
Положила ко милому дружку во карманъ.
Ужъ я клала, приговаривала:
«Вы бѣлиличка—румяничка мои,
Вы сойдите со бѣла лица долой».
Какъ за рѣченькой было за рѣкой,
Что за быстрой было за Невой
Выпадали тутъ зеленые лужка,
Выростала тутъ шелковая трава.
Эту кто шелковую траву косилъ,
Онъ косилъ, косилъ, косу въ сторону бросилъ:
«Пропадай моя окладная коса!
Ты помри, помри постылая жена,
Взялъ бы дѣвицу красавицу за себя» *).

7.

Пѣсня во время страды.

Маленькой мальчишко въ горенкѣ сидѣлъ,
Въ горенкѣ сидѣлъ, самъ свое горе терпѣлъ.
Сушилъ, крушилъ сердце—знаю для кого,
Знаю для кого: для любезной своее.
Тамъ моя любезная далече живетъ,
Далече, далече межъ горъ высоко.
Тамъ мѣсто прекрасно, пріятенъ духъ несетъ.
Схожу я ко Аннушкѣ, спрошу самъ ее:
«Скажи, скажи Аннушка! любишь или нѣтъ?
Ежели ты любишь, возьму я за себя;
Ежели не любишь, убью я самъ себя,
Самъ себя убью, во сыру землю пойду;
Буду я молодчикъ во сырой земли лежать.
Пущай люди скажутъ, пущай говорятъ,
Пущай говорятъ, меня молодца бранятъ.

В. ДѢВИЧЬИ ПѢСНИ.

Сидѣла Дунюшенька въ горенки една,
Шила, вышивала дружку милому початокъ,
Она брала, собирала свѣчки сальны со стола,
Ждала, дожидала себѣ ясна сокола.
Тутъ пріѣхалъ Олешинька въ полночь на конѣ,
Стукнулъ Олешинька коньемъ въ ворота.
Екнуло сердечушко Овдотьюшкино:
Что-же ты, Олешинька долго небывалъ?
Извини, Овдотья, призамѣшкался:
Молодаго шурина въ Питеръ отряжалъ,
Молоду свояченину за мужъ отдавалъ.

*) Таково окончаніе пѣсни; на всѣ мои вопросы объ этомъ, былъ одинъ отвѣтъ «ужъ такъ поется».

2.

Ахъ на посадѣ дѣвка взрощена,
Кренделями дѣвка вскормленная,
Въ деревеньку отданая,
Въ деревеньку—на пустыньку,
За крестьянина богатаго,
За дѣтину тароватаго,
Толкучись,
Опихаючись,
Изъ овина небываючись.
Ужъ ты теща,
Ты теща моя,
Теща не ласковая!
У тебя дочь ученая была,
Она поставлена во станы красна,
Какъ девятая весна красна,
Какъ десятое лѣто теплое.
Сквозь подножечки трава проросла,
Сквозь набилочки цвѣты процвѣли.
Ужъ я ту траву повыкошу,
На печѣ траву повысушу,
На полатяхъ зароды намечу,
Подъ полатями сива коня вскормлю.
Распашу я въ избѣ пашеньку
Среди полу рѣпки насажу,
А по подлавичью капустоньки,
По лавочьямъ рѣдечки,
Въ большой уголъ луку
И чесноку насажу.

3.

Ахъ тонокъ, да дологъ,
Тотъ зароды метать.
Черноброзъ, черноглазъ,
Тотъ посвистывать горазъ.
Кругломицъ, бѣломицъ,
Тотъ пѣсенъ пѣть горазъ
Толстота, охомака—
Воду волочить;
Съ косыми-то глазами —
Овинъ молотить.
Овинъ загорѣлъ,
Тутъ косой заревѣлъ.
Идти было ко женушки позавтракати;
Недосугъ, всговоритъ жена:
«Надо хлѣбы катать,
Надоть ребенка качать
Ты баю, баю, дитятко,
Изъ колыбельки бы упасть
Да тебѣ во вѣки пропасть».

4.

Кустъ, кустъ,
Непорато густъ.
Безполезенъ, другъ любезенъ,
Дружка милаго нѣтъ.
Сидятъ птички по кустамъ,
И всѣ овечки по мѣстамъ.
Онѣ спокойны и довольны,
До утра поздно спятъ.
Часты блохи, часты вздохи,
Почаще грызутъ;
Онѣ глазами-то сомкнутъ,
Будто сонъ наведутъ.
Мужикъ—мужика,
Мужикъ—отъ косякъ;
Онъ и въ зубы, онъ и въ губы,
Мужикъ съ мосту упалъ.
Онъ дубиною грозиной
Онъ желаетъ побить.
У насъ во деревнѣ,
Веселѣе будетъ жить.
На пеньи тамъ
Мой миленькой живетъ,
За всегда рожь продаетъ;
Солоду наростить,
Зачасту пиво варитъ;
Онъ денегъ не куетъ,
А денегъ въ люди раздаетъ.

5 *).

Ахъ, голубица по водицу
Голубь надъ водою,
Хорошая любезная
Говори со мною,
Говори радость, нетайся,
Въ тоску не вдавайся,
Тоска какъ найдетъ,
Дальше горе придетъ.
Послы скоро будутъ,
Послы будутъ побываютъ,
Все сами перебаютъ.

*) Записаны П. И. Ивановымъ.

*) Слячи эту пѣсню и послѣдующую съ № 23 предыдущаго отдѣла изъ числа записанныхъ г. Бессоновымъ.

Мы всѣ сидѣимъ въ кампаньи,
Ничего не знаемъ;
Ужъ мы пьемъ, ѣдимъ за здравье:
Здравствуй моя радость!
Здравствуй радость дорогая,
Утѣха драгая;
Хочешь—любишь,
Дамъ и купишь золото колечко,
Золото колечико,
Золотомъ витое.
По красну крылечику
Пойду—выйду,
Растоскуется сердечко
На крылечко брякну,
О количеко стукну-брякну,
Взвеселю сердечко.

6.

Ты раскурвинъ сельскій писарь,
Что въ гости не ходишь,
Что гостинецъ не носишь?
Радъ-бы Машинька ходити
Да гостинецъ носити;
Я поѣду душа, Маша
Самъ во Питеръ гуляти,
Привезу я душа, Маша,
Дорогихъ подарковъ:
Дорогой парчи на юбку,
Гризету на шубку,
Алу ленту съ янтарями
На бѣлую шею.
Мнѣ-ка тѣ дары не надо,
Камни не подъ-пару.
Заплету я вольну волю
Коню въ сиву гриву,
Отведу я добру лошадь
Во чистое поле;
Ты гуляй, гуляй
Добра лошадь,
Во чистомъ во полѣ!
Добра лошадь подопнется;
Грива сива растрехнется,
Тоска люта разойдется
По чистому полю.

7.

У Макарова двора
Есть укатана гора,
Есть укатана, увалена,
Водою улита,
Есть водою улита,
Каблуками убита,
Каблуками убита
Да башмачками занята. (2 раз.)
Маша скокъ на ледокъ,
На сафьяной башмачекъ;
Неслыхала какъ, упала,
Погляжу—млада лежу, (2 раз.)
На правомъ боку,
Я на правомъ и на лѣвомъ,
На кисейномъ рукаву.
Я туды—сюды сгляну
Меня не кому поднять
Изъ гостинова двора
Шелъ мальчишко, точно я.
Я незнала какъ назвать,
Не умѣла взвеличать.
Получила два слова,
Павлушенькой назвала.
Ты, душа, Павлушенька,
Подыми за рученьку.
Радъ-бы, радъ-бы я поднять
Да со сторонъ люди глядятъ,
Глядятъ люди не чужіе,
Все товарищи мои.
Какъ семьнадцать дѣвки лѣтъ,
Полюбила парня на вѣкъ;
Полюбила, говорила,
Что нигдѣ такаго нѣтъ (2 раз.),
Ни въ Казани, ни въ Рязани,
Нѣтъ ни въ Астрахани;
Проявился, учинился
Въ Ерославѣ городѣ,
Въ Ерославѣ городѣ.
Въ нижнемъ-земскіимъ судѣ.

8.

А я куда съ горя дѣваюся,
Дѣваюся, до сопечалюшки потеряюся,
Потеряюся, а я пойду съ горя,
А я пойду съ горя, да во темны лѣса;
Во темны лѣса, да въ зелены лужка;
Въ зелены лужка, да тамъ ростетъ трава,
А тамъ ростетъ трава, да ростетъ травонька,
А ростетъ травонька, да все шелковая,
Шелковая; да расцвѣли цвѣты лазуревы,

А расцвѣли цвѣты лазуревы, да разнесли духи анисовы,
А разнесли духи анисовы, да все малиновы,
А все малиновы; а ужъ я съ той травы,
А ужъ я съ той травы, да я сорву цвѣтокъ,
А сорву цвѣтокъ, да я сплету вѣнокъ;
А я сплету вѣнокъ, да милому дружку,
А милому дружку, да на головушку,
Да на головушку: да ты носи милой,
А ты носи мой милой, да не уранивай,
А не уранивай, да люби дѣвушекъ,
А люби дѣвушекъ, да не обманывай;
А какъ вѣночикъ сплалъ, да милъ любить не сталъ,
А милъ любить не сталъ, да онъ смѣяться сталъ,
А онъ смѣяться сталъ, да все надъ Дунюшкой,
А вотъ надъ Дунюшкой, да крѣпкой думушкой.

9.

Что кому за дѣло,
Что я,
Что я къ милому сѣла,
Сѣла, посидѣла, (растяжно)
Сѣла Машинька,
Маша,
Сѣла посидѣла,
Посидѣла, (рас.)
Разговоръ,
Разговоръ имѣла; (раст.)
Разговоръ имѣла,
Да разговоръ,
Ахъ разговоръ имѣла,
Машинька имѣла, (р.)
Вотъ имѣла,
Гулять захотѣла, (р.)
Гулять захотѣла.
Да гулять-то,
Ахъ гулять-то,—
Батюшки-ли я
Боюся,
Вотъ боюся, (р.)
Матушки,
Матушки стыжуся, (р.)
Матушки стыжуся,
Да пойду я,
А пойду-выйду я,
Млада,
За ворота,
За ворота, (р.)
Въ тѣ лѣса,
Въ тѣ лѣса, болота, (р.)
Въ тѣ лѣса, болота,
Да пойду я,
А пойду-выйду я,
Млада,
За новыя,
За новыя, (раст.)
Въ лужка,
Въ лужка зеленые, (р.)
Въ лужка зеленые,
Да не про насъ-ли,
А не про насъ-ли
Та славушка худая,
Славушка худая,
Слава не хороша, (р.)
Слава нехороша.
Да ходилъ,
И ходилъ Ванюша,
Ваня,
По базару,
По базару, (р.)
Спрашивалъ,
Спрашивалъ товару, (р)
Закупалъ товару,
Не нашелъ,
Ахъ не нашелъ то ли,
Ванюша,
Товару
Вотъ товару, (р.)
По всему,
По всему базару (р.)
По всему базару,
Да пошелъ,
Ахъ пошелъ Ванюша,
Ваня,
Во рыночикъ,
Во рыночикъ, (рас.)
Въ желѣзной,
Въ желѣзной рядочикъ (р.)
Въ желѣзной рядочикъ;
Да купилъ,
Ахъ купилъ Ванюша,
Ваня,
Вострy косу,
Вострую косу, (р.)
Все для сѣна,
Все для сѣнокосу, (р.)
Все для сѣнокосу;
Да косилъ,

Ахъ косилъ Ванюша,
Ваня,
Чужу траву,
Чужу траву, (р.)
Своя въ полѣ,
Своя въ полѣ вянетъ, (р.)
Своя въ полѣ вянетъ.
Да любилъ то-ли,
Ахъ любилъ Ванюша,
Ваня,
Чужу жону,
Чужу жонку; (р.)
Своя дома,
Своя слезно плачетъ, (р.)
Своя слезно плачетъ.
Да ты неплачь,
Ахъ ты неплачь
Ты моя хозяйка, (р.)
Жонка,
Жонка молодая, (р.)
Жена молодая!
Да поѣдуль,
Вотъ поѣду,
Вотъ поѣду, (р.)
Пиши-ко
Пиши ко мнѣ письма, (р.)
Пиши ко мнѣ письма;
Да я писать,
А я писать-то,
То ли млада,
Не умѣю,
Не умѣю, (р.)
Пищика,
Пищика не имѣю, (рас.)
Пищика не имѣю,
А писарямъ,
Ахъ писарямъ толи млада,
Млада я не вѣрю,
Вотъ не вѣрю;
Писаря-то,
Ахъ писаря-то ребята,
Ребята молодые, (р.)
Ребята молодые,
Плуты не худые, (р.)
Плуты не худые,
Да они письма,
Ахъ они письма-то,
Пишутъ,
Пишутъ,
И плутуютъ, (раст.)
Плутуютъ, всей правды,
Всей правды не скажутъ (р.)

10.

Стояла рябинушка на городѣ,
Срубили рябинушку на четверо,
Сдѣлали рябиновы гуселицы:
Этимъ-то вотъ гуслицамъ нѣту игрока.
Игрывалъ, не игрывалъ,
Удалой молодецъ,
Прохожій—молодецъ,
Тѣшилъ, потѣшилъ,
Любушку свою.
Что же ты
Не весела сидишь?
Что же ты
Не ясно глядишь?
Я вѣдь тебя
Не насилу замужъ бралъ,
Впереди себя да сватовьей посылалъ;
Сваты сватались,
Да низко кланялися,
Молитву творили,
Слова говорили.

Г. ПѢСНИ КОЛЫБЕЛЬНЫЯ *).

1.

Бай, бай,
Спи усни,
Да угомонъ тебя возьми.

2.

Васинька дружечекъ,
Не ходи ты на лужокъ,
Потеряешь сапожокъ,
Тебя мышка съѣстъ.

3.

Каты по каты,
Женихи наши богаты;
Катъ катышекъ,
Да богатой женишокъ.

4.

Байки по байки,
Матери китайки,

*) Первыя шесть записаны П. И. Ивановымъ, слѣдующія четыре И. Костылевымъ, одиннадцатая свящ. Таратинымъ, послѣднія три г. Базилевскимъ.

Отцу кумачу,
Брату ластовицу,
Сестрицы-рукавицы,
Бабки лапанцы,
Дѣдку катанцы.

5.

Тпруни, тпруни у Петруни,
Была сивая кобыла,
Сива, сива некрасива,
Заскочила въ огородъ,
Съѣла гряду огурцовъ,
Все Петра,
Да все Ивановича.

6.

Приди котикъ ночевать,
Приди Ванюшку качать,
Я те котикъ заплачу:
На недѣлю дамъ харчу,
Дамъ те рюмку вина
И конецъ пирога.

7.

Байки по байки да матери китайки,
Отцу кумачу да на ластовицу,
Братцу бархатцу на шапочку,
Сестрицѣ доброй купи штофъ дорогой,
Бабкѣ треухъ соболій пухъ,
Пѣстуньѣ цѣпочка серебряная.

8.

Спи, поспи по ночамъ, да рости по часамъ,
Выростешь большой, станешь въ Питеръ ходить,
Сребро, золото носить.

9.

Бай, бай, бай, лю, лю, лю!
Утѣшу царя въ Москвѣ,
Короля въ Литвѣ, старца въ кельѣ,
Младенца въ люлькѣ, красную дѣвицу въ высокомъ терему.

10.

Соболи, куницы въ головкахъ спятъ,
Соболи убаютъ, куны да усыпятъ.

11.

Спи Аннушка моя,
Спи голубушка моя,
Баю, баюшки баю.
Сонъ да дрема накатись на глаза
Сонъ ходитъ по сѣнямъ, дрема по теремамъ.
Ищетъ сонъ колыбели себѣ.
У Анюши колыбель въ высокомъ терему,
Въ высокомъ терему, на гибкомъ очану,
На гибкомъ очану въ шитобранномъ пологу.

12.

Спи пока заботъ не знаешь
Баюшки баю.
Когда будешь ты большa
Все узнаешь ты тогда.
Баюшки баю.
Нынче Господу молись,
Уму разуму учись
Баюшки баю.
Въ церковь Божію ходи
И со всѣми миръ веди
Баюшки баю.
Почитай отца и мать,
Ближнихъ бойся осуждать.
Баю, баюшки баю.

13.

Спи, спи мое дитятко,
Спи, спи мое сердечко!
Баюшки баю,
Люлюшки люлю!

—

Спи, спи, не лѣпись;
Сосни пробудись!
Баюшки баю,
Люлюшки люлю!

Ужъ ты выростешь большой,
Будешь въ золотѣ ходить!
Баюшки баю,
Люлюшки люлю!

—

Будешь въ золотѣ ходить,
Чисто серебро носить!
Баюшки баю,
Люлюшки люлю!

—

Будешь жить поживать,
Не лѣниться, работать!
Баюшки баю,
Люлюшки люлю!

—

Байте кота,
Укачайте дитя!

Баюшки баю,
Люлюшки люлю!

—

Дрема то говоритъ:
(Имя мальчика) укладу!
Баюшки баю,
Люлюшки люлю!

—

Сонъ то говоритъ:
(Имя) усыплю!
Баюшки баю,
Люлюшки люлю!

Куницы спятъ,
Лисицы спятъ,
Баюшки баю,
Люлюшки люлю!

—

Одни голуби летали,
И тѣ уснули,
Баюшки баю,
Люлюшки люлю!

(Имя), дружекъ!
Не ходи на лужокъ!
Баюшки баю,
Люлюшки люлю!

—

Тебя мышка съѣстъ,
Либо птичка уклюетъ!
Баюшки баю,
Люлюшки люлю!

—

Либо деревцо падетъ
И тебя зашибетъ,
Баюшки баю,
Люлюшки люлю!

14.

Баюшки бай, люлюшки лю!
Байки побайки, матери китайки.

—

Баюшки бай, люлюшки лю!
Отцу кумацу, да на ластовицу.

—

Баюшки бай, люлюшки лю!
Бабушкѣ тряхъ, соболиновой пухъ.

Баюшки бай, люлюшки лю!
Пѣстуньѣ поцѣпочка серебряная.

—

Бай, бай (имя) спатъ,
Люлю, мое дитятко!

—

Баюшки бай, люлюшки лю!
Спи, усни, да великъ вырости.

VI. ОНЕЖСКІЯ ПѢСНИ И ИГРЫ.

А. УТОЧКА.

Начало каждой вечеринки даетъ—уточка, т. е. парни берутъ дѣвушекъ и ходятъ по парѣ подъ пѣсни, вдоль по комнатѣ, взадъ и впередъ.

1.

Уточка, поплавай-ка,
Сѣрая со селезнемъ;
Молодецъ со дѣвицей:
Радъ бы я поплавати—
Угорѣлъ, голова моя болитъ:
Завяжу я голову платкомъ,
Плеточкомъ тальянскимъ,
Рукавцомъ бѣльянскимъ,
Самъ я изъ круга вонъ пойду,
По иного-то по добра молодца,
По ину-то по красну дѣвицу.
Я по дѣвицу, пойду,
Я по красную пойду!
Зайду съ бочка,
Погляжу съ личка,
Какъ на яблочко!
Коя есть тонка, высока,
Изъ лица хороша,
Красна дѣвица душа;
Ужъ я ту возьму,
За собой поведу,
Молодой назову.
Не укажешь-ли,
Не навяжешь-ли?
Кому тошно по насъ,
Тотъ и будетъ у насъ;
Кому нѐ тошно,
Тому нѐ по что;
Кому хочется,
Тотъ сволочится,
Поклонится,
Отворотится.

2.

Утка лебедку гонила-гонила,
Александра N любила-любила.
Какъ его свѣта не любить:
Онъ мой свѣтъ басенекъ,
Онъ мой свѣтъ хорошенекъ,
Шапочка съ углами,
Головка съ кудрями,
Синь кафтанъ со сборами,
Кушакъ съ полосами.
Соколъ да Соколовичъ,
N да Петровичъ,
Приходилъ къ окошечку,
Говорилъ словечко:
Александра душечка,
Васильевна любка,
Проговори въ окошечко,
Пришли подарочекъ,
Ярославскій пряничекъ,
Самоваръ на тарелочкѣ,
Да рубль съ полтиной,—
Съ полтиною, съ гривною,
Съ четыремя копѣчками,
Съ четыремя колечками,—
Поѣдешь вѣнчаться,
Кольцами обручаться.

3.

Ходитъ гуляетъ,
Мой милый хорошій,

*) Пѣсни эти записаны бывшимъ студентомъ Кіевскаго Университета Фрязе въ Онежской тюрьмѣ со словъ мѣщанки А. И. Н. въ январѣ 1867 г.

Щиплетъ, ломаетъ,
Зеленъ виноградъ, } 2.
Вѣточки мечетъ
Ко мнѣ на кровать,
Ой шуточки шутитъ,
Со мной молодой, 2.
Рѣчи мнѣ не молвитъ,
Слова не дастъ.
Охъ погляжу въ окошечко,
Куда милъ пойдетъ? 2.
Пошелъ мой миленькій,
По улицѣ вдоль,
Зашелъ мой миленькій,
Въ самый крайній домъ, 2.
Въ самый крайній домъ,
Ко вдовушкѣ въ домъ.
У вдовушки доченьку
Сашенькой зовутъ,—2
Выходила Сашенька
На ново крыльцо,
Выносила Сашенька
Чайницу съ виномъ, 2.
Наливала Сашенька,
Чарку золоту,
Подносила Сашенька
Милому дружку! 2.
Выпей-ка, выкушай,
Мой милый хорошій,
Вспомни-ка, вздумай,
Какъ вмѣстѣ росли,
Да ночьки, ноченьки,
Просиживали.
Забавныя рѣчиньки
Говаривали: 2.
Тебѣ не жениться,
Мнѣ замужъ нейдти!
Женишься, женишься
Мой милый, хорошій, 2.
Возьмешь ты, возмешь,
Надежду свою.
Надежду свою,
Любезненькую. 2.

4.

Не летай-ка соловьюшка,
Не летай-ка, молоденькій:
Безъ тебя въ саду не весело.
Всѣ птички, всѣ пташечки,
Всѣ головушки повѣсили,
Крылья, перья пріопустили.
Ты заря-ли моя зорюшка,
Ты заря, позно-вечерняя,
По тебѣ-ли, моя зорюшка,
По тебѣ-ль, позно-вечерняя,
Я ходилъ, гулялъ ко дѣвушкѣ
Я носилъ дѣвкѣ подарочки:
Я тафты, камки на юбочку,
Гранитуру на шубеечку,
На головушку тальянскій платокъ,
Околъ шеи алый галстучекъ.

5

Я пойду-ли пойду, загуляю,
Ай люли, люли загуляю, (2)
Бѣлую березку заломаю,
Ай люли, люли заломаю (2).
Выломлю два пруточка,
Ай люли, люли пруточка (2).
Сдѣлаю два гудочка,
Ай люли, люли гудочка (2).
Стану въ гудочки играти,
Ай люли, люли играти, (2)
Стараго мужа побужати,
Ай люли, люли побужати (2).
Вы гудки не гудите,
Ай люли, люли, не гудите, (2)
Стараго мужа не будите,
Ай люли, люли не будите (2).
Старый мужъ проснися,
Ай люли, люли проснися, (2)
Вотъ-те помои умойся,
Ай люли, люли умойся (2).
Вотъ тебѣ онучи утрися,
Ай люли, люли утрися, (2)
Вотъ тебѣ заслонъ, помолися,
Ай люли, люли помолися, (2)
Вотъ-те лопата, причешися,
Ай люли, люли причешися (2).

6.

Не ходи моя, милая
Къ сосѣду въ бесѣду, (2)
У сосѣда во бесѣдѣ
Все сидитъ холостье: (2)
У холостыхъ глаза востры,

Сами завидущи; (2)
Холостой глаза поводитъ
Изъ ума выводитъ; (2)
Черны брови подымаетъ,
На дворъ вызываетъ, (2)
На дворъ, на дворъ вызываетъ,
Платочекъ даваетъ: (2)
Не хочу платокъ приняти,
Хочу такъ обняти, (2)
Хочу, хочу такъ обняти,
Въ уста цѣловати. (2)
Знать у моего милаго
Два зеленыхъ сада: (2)
Во первомъ саду, садочку
Кукушка кукуетъ, (2)
Во другомъ саду, садочку
Самъ, душа, гуляетъ. (2)
На головкѣ черна шляпа
Со алой, со лентой (2)
Что со алою, со лентой,
Съ желтымъ позументомъ (2).
Кабы знала, сповѣдала
Сашинъ голосочикъ, (2)
Я списала-бъ голосочикъ
На тонкій листочикъ, (2)
Что на тоненькій листочикъ,
На бѣлу бумажку. (2)
Отошлю я тотъ листочикъ
Въ иной городочикъ, (2)
Что во иной городочикъ,
Въ питейный домочикъ, (2)
Во питейный во домочикъ,
Къ батюшкѣ родному, (2)
Что ко батюшкѣ родному,
Къ своему милому, (2)
Что ко своему милому,
Своему сердечному. (2)

7.

Во садику была Я,
Во садику была Я,
Ай! Была Я,
Ай! Была Я,
Ай! Была Я,
Ай! Была Я *).

*) Ударение во всѣхъ стихахъ на послѣднемъ слогѣ.

Воробышка видѣла (2).
Ай! Видѣла (4),
Воробышка молодца (2)
Ай! Молодца (4),
Петербургскаго купца (2),
Ай! Купца, купца (4);
Купчика, голубчика! (2)
Встань, встань, прибодрись (2).
Ай! ну, да прибодрись (4).
Цѣловать будутъ: садись (2).
Ай! ну, да садись (4).
Ты пожалуста садись (2),
Ты садись—таки садись (4).

8.

На ручью было, на мѣдвяномъ,
На ручью было серебряномъ,
Золотая была черпалка,
Серебряна почерпушечка,
Александра была душечка,
Да Васильевна была ягодка:
Александра воду черпала,
Свѣтъ Васильевна вычерпывала:
Тамъ-ли конь бѣжитъ по бережку,
Тамъ-ли сивый бѣжитъ по кругому;
За конемъ идетъ удалый молодецъ,
Свѣтъ по имени (имя) да (отчество),
Кричитъ громкимъ голосомъ:
«Александра, удержи добра коня,
«Васильевна, сиваго жеребца
«За узду, узду серебряную,
«За поводья позолоченые!

9.

Что не штофики по горницѣ бречатъ,
Не стаканы по подносамъ говорятъ:
Марья ходитъ по терему,
Ивановна по высокому.
Она бѣлится, румянится,
Въ чисто зеркальце смотрится,
У Павла въ гости просится:
«Ужъ ты Павелъ, буди—ягода,
«Да Васильевичъ, наливная,
«Отпусти въ гости ко батюшкѣ,
«Ко сударынѣ, ко матушкѣ!»
— «Дорогая, честна гостьюшка,
«Ужъ ты Марья, свѣтъ Ивановна,
«Посиди-тка у меня въ терему,

«Погляди-тко на меня молодца,
«На меня, на добра молодца,
«На Павла Васильевича».

10.

Кто у насъ въ горенкѣ хорошій,
Ай, люшеньки-лю, ой люшеньки-люли?
Михайлушка, хорошій,
Ай, люшеньки, и т. д.
Ивановичъ, пригожій;
Ай, люшеньки, и т. д.
Ужъ онъ конička сѣдлаетъ,
Ай, люшеньки и т. д.
Конь—отъ съ нимъ играетъ,
Ай, люшеньки и т. д.
Ужъ онъ плеточкой машетъ,
Ай, люшеньки и т. д.
Конь—отъ подъ нимъ пляшетъ;
Ай, люшеньки и т. д.
Къ воды подъѣзжаетъ,
Ай, люшеньки и т. д.
Воды разливаютъ;
Ай, люшеньки и т. д.
Къ лужкамъ подъѣзжаетъ,
Ай, люшеньки и т. д.
Лужки зеленѣютъ;
Ай, люшеньки и т. д.
Къ садику подъѣзжаетъ,
Ай, люшеньки и т. д.
Цвѣты разцвѣтаютъ;
Ай, люшеньки и т. д.
Къ терему подъѣзжаетъ,
Ай, люшеньки и т. д.
Дѣвица встрѣчаетъ,
«Ай, люшеньки и т. д.
Марфушка встрѣчаетъ,
«Ай, люшеньки и т. д.
Дмитріевна взвеличаетъ:
Ай, люшеньки и т. д.
Поди ты, мой хорошій!
Ай, люшеньки и т. д.
Поди ты, мой пригожій!
Ай, люшеньки и т. д.
А я тебя ждала,
Ай, люшеньки и т. д.
А я дождала,
Ай, люшеньки и т. д.
Въ уста цѣловала;
Ай, люшеньки и т. д.
Гостинцы давала,
Ай, люшеньки и т. д.
Ночевать унимала
Ай, люшеньки и т. д.

11.

Двое ходятъ не велики,
Настоящи двѣ калики;
Двое сойдутся,
Два обоймутся,
Поцѣлуются.
Еще въ старые тѣ годы
Не бывало такой моды,
Пришелъ нонѣче указъ
Цѣловаться сто пять разъ:
Поцѣлуй въ уста.
На то нѣтъ поста
Нынѣче заговѣнье.

12.

Чивиль чивиль, воробей,
Чивиль чивиль, молодой!
Прививается воробей,
Прививается молодой
Къ Натальинымъ воротамъ,
Къ Петровнинымъ широкимъ.
Похваляется
Да Иванъ молодецъ,
Похваляется
Да Федоровичъ:
Воротечка отворю,
Приворотенку выломлю,
Натальюшку выведу
За рученьку,
За правую,
За перстни-тѣ
Злаченые.
Цѣлуя я тебя,
Милую я тебя,
Въ уста твои
Въ сахарные.

3.

Деревня отъ деревни
Неподалече стоитъ.
Эхъ, звонъ-трезвонъ,
Согласенъ попъ,
Согласна поподья
Согласилась за попа,

За попова козака,
За дородна молодца:
«Поди сватай у отца,
Сватай у батюшки,
Сватай у матушки.
Будетъ батюшка отдастъ,
Родна матушка отдастъ,
Не отстану я отъ васъ,
Ни на малый часъ:
Буду я за вами,
За вашими пятами,
За толстыми кулаками».
Толстые кулаки
Принамякали бока!
Ты не ѣшь молока
Да по постнымъ днямъ,
Да по пятницамъ.

Б. ИГРЫ.

Для начала игры составляется кругъ изъ дѣвушекъ и парней.

1.

Царевъ сынъ *)

На средину комнаты выходитъ одинъ изъ парней, порасторопнѣе, беретъ любую изъ дѣвушекъ за руку и ведетъ за собой; дѣвушка, затѣмъ, другой рукой должна взять другаго парня, этотъ парень беретъ опять дѣвушку и т. д., такъ-что составляется цѣлая вереница изъ дѣвушекъ и парней, и все парами; начавшій-же первымъ игру парень водитъ всю вереницу за собой, кружа по комнатѣ, и стараясь сдѣлать шествіе по возможности запутанными путями. Всѣ же присутствующіе, во время этаго шествія, т. е. сборъ лицъ играющихъ поютъ.

1.

Кычи гуси, домой.
Кычи лебеди, домой,
Со ржавченки,
Со болотенки,
Со свѣжія воды,
Со Дуная, со рѣки;
Этотъ нашъ, этотъ нашъ,
Этотъ нашъ гусенекъ;
Гусь сѣренькой,
Гусь бѣленькой.

Пѣсня повторяется нѣсколько разъ, или же переходитъ къ другой наборной пѣснѣ:

*) Изъ старинныхъ игръ.

2

Ужъ ты хрѣнъ, мой хрѣнъ,
Садовой, полевой.
Ахъ не я тебя садилъ,
Да не я поливалъ.
Садилъ тебя Иванъ,
Поливалъ Селифанъ,
Селифанова жена
Присматривала;
Его дочь Катерина
Приговаривала:
«Вырву я хрѣнинку,
Отрехну,
Выведу дѣвицу,
Усмотрю.
Я ко бабушки
Пестеку,
У ней рѣдечки
По прошу.
Скажу: бабушка,
Добра, добра, добра!
У тя рѣдька,
Сладка, сладка, сладка,
Рѣдька рано посѣянная,
Часто поливанная,
Былъ у бабы, у дуры,
Новой возгородъ;
Сѣмяна были чужія,
Покупаемыя,
Вода ношеная,
Замороженная,
Такъ и брошенная».
Ѣхали бояре
Изъ Нова-города:
Ай, увидѣли дѣвицу
На крутомъ бережку,
На крутомъ бережку,
На желтомъ песку:
Продай, дѣвица, хрѣнку,
Продай красавица хрѣнку.

Когда собирается достаточное количество играющихъ паръ, вся вереница останавливается, образуя кругъ. Двѣ пары отдѣляются: мужчины вдвоемъ выходятъ за кругъ, а двѣ дѣвушки остаются внутри круга. Какъ кругъ, такъ и отдѣлившіеся парни и дѣвки начинаютъ потихоньку ходить то въ одну сторону, то обратно. За тѣмъ начинается самая пѣсня, въ продолженіи которой

вышедшія на сцену пары должны дѣлать то, о чемъ поется:

Еще ходитъ царь,
Да царевъ сынъ; (3)
Еще ищетъ царь,
Да царевъ сынъ, (3)
Отпирайтеся ворота, *)
Да царевъ сынъ, (3)
Выступай душа царевна,
Да царевъ сынъ (3)
Выступай-ко правой ножкой, **)
Да царевъ сынъ, (3)
Ты бери за праву ручку, ***)
Да царевъ сынъ, (3)
Ужъ вы кланяйтесь низенько ****)
Да царевъ сынъ, (3)
Да еще того пониже, *****)
Да царевъ сынъ, (3)
Вы цѣлуйтесь-ка миленько, ******)
Да царевъ сынъ, (3).
Вы еще того миляе, *******).
Да царевъ сынъ, (3)
Ужъ какъ взялъ свою царевну,
И повелъ свою царевну,
Кругомъ города:
Скачи моя царевна,
Пляши моя царевна,
Ужъ какъ царь приказалъ,
Молодой приказалъ —
Скакать и плясать,
Перемѣны искать, —
Перемѣниваться.
Съ красной дѣвушкою.

Вслѣдъ за послѣднимъ поцѣлуемъ обѣ пары входятъ внутрь круга, кругъ замыкается, идя снова въ ту и въ другую сторону; а попавшіе въ средину круга подъ послѣдній плясовой припѣвъ кружатся попарно сильнѣйшимъ образомъ.

За тѣмъ отдѣляются новыя пары и игра продолжается описаннымъ образомъ до тѣхъ поръ, пока всѣ перечередуются.

*) Кругъ расходится, дѣлясь въ одномъ звенѣ и давая возможность стать другъ противъ друга двумъ парнямъ и двумъ дѣвушкамъ, которые были передъ тѣмъ отдѣлены между собою другомъ.

**) Выставляютъ правую ногу.

***) Берутъ другъ друга за правую руку.

****) Кланяются.

*****) Кланяются ниже.

******) Цѣлуются.

*******) Снова цѣлуются.

2.

Не новъ монастырь становился. *)

Игра начинается совершенно также, какъ и предъидущая: собирается кругъ подъ тотъ-же припѣвъ и съ тѣми же церемоніями, попарно мущины и женщины. Когда достаточное количество народу собрано, начавшій игру парень заходитъ внутрь круга, представляя собою черненца, т. е. монаха, и вмѣстѣ съ хоромъ запѣваетъ пѣсню:

Что не новъ монастырь становился,
Молодой чернецъ постригся, (2)
Захотѣлось чернецу погулять, (2)
По заулкамъ, по межуткамъ политати (3).
Какъ на встрѣчу-то чернецу стары бабы, (2)
Чернище колпачище напрягаетъ: (2) **)
Не мое было дѣло жениться, (2).
Какъ мое-то было дѣло спасаться (2).
Что не новъ монастырь становился, (2)
Молодой чернецъ постригся, (2)
Захотѣлось чернецу погулять; (2)
По заулкамъ. по межуткамъ полытати (2).
Какъ на встрѣчу чернечищу красны дѣвки (?)
Чернечище колпачище скидываетъ: (2) ***)
Не мое было дѣло спасаться, (2)
Какъ мое-то было дѣло жениться (2).
Я поѣду на Китай городъ гулять, (2) ****)
Чего надобно хозяйкѣ закупати: (2)
Я куплю-ль своей женѣ покупку.
Саму лучшу предиковинную юбку (2).
Ты примайка, молода жена, не чванься, (2)
Душа сердце мое да не ломайся. (2) *****)
Посмотритека, добрые люди, (2)
Какъ жена-то меня молодца нелюбитъ, (2)
Душа-сердце мое ца не цѣлуетъ, (2)
Я поѣду на Китай городъ гулять, (2)
Чего надобно хозяйкѣ закупати: (2)

*) Изъ поныхъ, весьма недавняго времени.

**) Представляющій черница стоитъ въ шапкѣ; въ это время, находящійся въ кругу, надвигаетъ ему ее на глаза.

***) Чернецъ снимаетъ шапку.

****) Иногда поютъ: въ Новъ-городъ, вмѣсто „на Китай городъ".

*****) Чернецъ, выбравъ одну изъ дѣвушекъ, стоящихъ въ кругу, которая была съ нимъ въ парѣ, останавливается противъ нея и бросаетъ ей платокъ; но дѣвушка, не желая принять подарокъ, кидаетъ платокъ ему обратно; и это продолжается до трехъ разъ. Тогда парень беретъ платокъ, и подъ припѣвъ: посмотрите-ка добрые люди и т. д. ходитъ въ кругу, машетъ платкомъ надъ головой, какъ бы показывая тѣмъ свою обиду окружающимъ.

Я куплю-ли своей женѣ покупку, (2)
Саму лучшу предиковинную шубку (2).
Ты примай-ка, молода жена, не чванься, (2)
Душа, сердце мое да не ломайся (2).
Посмотритека-ка, добрые люди, (2)
Какъ жена то меня, молодца, не любитъ, (2)
Душа, сердце мое да не цѣлуетъ (2) *)
Я поѣду на Китай городъ гуляти, (2)
Чего надобно хозяйкѣ закупати: (2)
Я куплю-ль своей женѣ покупку. (2)
Саму лучшую предиковинную плетку (2).
Ты примайка, молода жена, нечванься, (2).
Душа, сердце мое, да не ломайся (2).
Посмотрите-ка добрые люди (2)
Какъ жена-то меня молодца любитъ, (2)
Душа сердце мое да цѣлуетъ (2).

Вслѣдъ за словами: ты примай-ка молода жена и т. д. парень начинаетъ бить дѣвушку приготовленною имъ заранѣе плеткой, свитой изъ того же платка; а дѣвушка начинаетъ его обнимать. Съ припѣвомъ: «посмотритека» и т. д. пара эта затѣмъ начинаетъ кружиться, и—игра кончена.

3.

Баринъ женитъ! **)

Одинъ изъ болѣе расторопныхъ на вечеринкѣ мущинъ, представляющій барина-жениха, входитъ на средину комнаты, тогда какъ всѣ прочіе гости сидятъ кто гдѣ попало. Женихъ ходитъ вокругъ и вдоль комнаты, помахивая краснымъ или другаго цвѣта платкомъ, и въ то время, какъ общій хоръ съ нимъ вмѣстѣ поетъ нижепомѣщенную пѣсню, онъ долженъ набирать себѣ поѣзжанъ на свадьбу, а потому подходитъ къ разнымъ лицамъ, кланяясь имъ въ поясъ:

Ходилъ, гулялъ баринъ,
Вдоль по хороводу;
Искалъ баринъ (2)
Любимаго тестя къ себѣ: ***)
Пусть ты мнѣ тесть-отъ.
Я-ли тебѣ зять.
Всѣ добрые люди
Пожалуйте на свадьбу. ****)

У насъ пиво вареное
У насъ вино готово,
Сусло не сбѣжало.

—

Ходилъ, гулялъ баринъ
Вдоль по хороводу,
Искалъ баринъ (2)
Любимую тещу къ себѣ: *)
Пусть ты мнѣ теща,
Я-ль тебѣ зять-отъ.
Всѣ добрые люди **)
и проч.

Затѣмъ поется опять, какъ въ первомъ и второмъ куплетѣ, и припѣваютъ прочихъ поѣзжанъ, какіе обыкновенно присутствуютъ на свадьбѣ: крестный отецъ, божатка (крестная мать), братъ, сестра, дядя, тетка, дѣдка, бабка, ключникъ, ключница и т. д.; затѣмъ поется:

Хожу я, гуляю,
Ищу, выбираю,
Свою младу, милую,
Невѣсту любимую. ***)
Покажи-ка зятюшка
Свои ножки рѣзвыя, (2)
Сапоги козловые,
Заинька бѣленькій,
Сапоги козловые!
Изволь, люди добрые,
Мои ноги рѣзвыя (2)
Сапоги козловые.
Заинька, бѣленькій.
Сапоги козловые.
Если такъ не вѣрите,
Во глаза увидите ****)

—

Покажи-ка зятюшка
Свои ручки бѣлыя, (2)
Кулаки здоровые,
Заинька, бѣленькій,
Кулаки здоровые!

*) Парень и дѣвушка повторяютъ снова тоже, что было при проч идущемъ припѣвѣ.

**) Изъ новыхъ какъ и предыдущая.

***) Подходитъ къ одному изъ парней, кланяется ему; тотъ береть его за ту руку, въ которой платокъ, и они начинаютъ уже ходить вдвоемъ.

****) Кланяются оба гостямъ, а преимущественно дѣвушкамъ.

*) Останавливаются передъ одной изъ дѣвушекъ и кланяются ей оба; тесть береть ее за руку и идутъ втроемъ снова по комнатѣ.

**) Кланяются всѣмъ гостямъ.

***) Въ это время жениховъ подходитъ къ невѣстѣ, кланяется ей, береть ее за руку и присоединяетъ къ кругу изъ поѣзжанъ; кругъ останавливается и женихъ расхаживаетъ снова внутри круга.

****) Показываетъ, приплясывая, свои ноги и сапоги.

Изволь, люди добрые
и т. д.
Если такъ не вѣрите
Во глаза увидите. *)
Покажи-ка зятюшка
Свое лицо бѣлое,
Глаза развеселые,
Заинька, бѣленькій,
Глаза развеселые!
Изволь люди добрые
и т. д.
Если такъ не вѣрите **)
и т. д.
Покажи-ка, зятюшка,
Твого тестя батюшка!
Мой-отъ тесть-отъ батюшка,
Изволь люди добрые;
Если такъ не вѣрите,
Во глаза увидите. ***)

Далѣе повторяется тоже самое и со всѣми остальными поѣзжанами. Затѣмъ:

Покажи-ка, зятюшка,
Свою младу милую,
Свою младу милую,
Невѣсту любезную
Заинька, бѣленькій,
Невѣсту любезную!
Изволь, люди добрые,
Мою младу, милую (2)
Невѣсту любезную,
Заинька, бѣленькій
Невѣсту любезную.
Если такъ не вѣрите,
Во глаза увидите.

Показавъ свою невѣсту и походивъ съ ней вокругъ поѣзжанъ, женихъ, начинаетъ съ ней вертѣться, при чемъ хоръ поетъ:

Ужъ какъ весело женили,
Да не съ кѣмъ спать.

4.

Дружина. ****)

Двѣ дѣвушки ходятъ, взявшись за руку посреди комнаты, а въ это время поется

Походить было съ дружиночкой,
Походить было съ хорошенькой.
Ты дружина, милъ сердечный другъ (2)
Обоймемся-ка съ дружиночкой,
Обоймемся-ка съ хорошенькой; *)
Ты дружина, милъ сердечный другъ (2).
Ужъ поклонимся съ дружиночкой,
Ужъ поклонимся съ хорошенькой; **)
Ты дружина и т. д.
Поцѣлуемся съ дружиночкой,
Поцѣлуемся съ хорошенькой; ***)
Ты дружина и т. д.
Выбирай себѣ дружиночку,
Выбирай себѣ хорошеньку; ****)
Ты дружина и т. д.
Еще вотъ моя дружиночка,
Еще вотъ моя хорошенька.
Ты дружина и т. д.

Дѣвушки кланяются каждая своему избранному парню, берутъ ихъ за руки, становятся другъ противъ друга парами и начинаютъ ходить подъ нижеслѣдующую пѣсню такимъ образомъ, что обѣ пары доходятъ до средины комнаты, гдѣ встрѣчаются, а потомъ отступаютъ задомъ каждая на свое мѣсто и опять идутъ впередъ.

Вотъ спасибо сосѣдушки,
Что женили молодца;
Вотъ спасибо собранные,
Замужъ выдали меня.

При этой пѣснѣ обѣ пары начинаютъ вертѣться и кружиться, и чѣмъ сильнѣе и быстрѣе, тѣмъ парень болѣе предпочитается другимъ и считается ловкимъ, молодцоватымъ.

По окончаніи вышеписанной пѣсни, парни, избранные для игры дѣвушками, сажаютъ этихъ послѣднихъ на мѣста, а сами приглашаютъ вмѣсто ихъ другихъ двухъ дѣвушекъ, съ которыми и продолжаютъ ходить вышеписаннымъ образомъ подъ приведенную пѣсню, которая теперь только получаетъ свой настоящій смыслъ и значеніе ибо до тѣхъ поръ игралась лишь двумя дѣвушками, безъ парней, единственно для начала игры. Какъ игра, такъ и пѣсня, продолжаются столько времени, сколько того пожелаетъ компанія и пока нахо-

*) Показываетъ руки, постукивая кулакомъ по кулаку.
**) Показываетъ лицо и глаза, поглаживая то и другое.
***) Беретъ за руку тестя и ходитъ съ нимъ по кругу, показывая его поѣзжанамъ.
****) Изъ болѣе новыхъ.

*) Обнимаются
**) Кланяются.
***) Иногда цѣлуются.
****) Каждая подходитъ къ одному изъ парней, по желанію.

дятся желающіе на эту игру. Пары мѣняются постоянно съ окончаніемъ послѣдней строфы пѣсни, во время которой сильно кружатся, и если въ предъидущій разъ парни приглашали или брали, по мѣстному выраженію, дѣвушекъ, то вслѣдъ за тѣмъ мѣняются парни и уже вмѣсто ихъ дѣвушки берутъ другихъ парней; за тѣмъ мѣняются дѣвушки, а избранные ими передъ тѣмъ парни берутъ другихъ дѣвушекъ и т. д. Болѣе веселые и беззаботливые парни исполняютъ обрядъ поцѣлуя съ дѣвушками, когда о томъ поется, и къ заключенію пѣсни позволяютъ себѣ иногда прибавлять слѣдующее двустишіе:

Ужъ весело женился,
Да не съ кѣмъ спать!

5.
Столбичекъ. *)

Большею частію одинъ изъ парней, и очень рѣдко дѣвушка, садится посреди комнаты на стулъ, представляя собою *столбичекъ*. Одна, а иногда, если много на лицо, двѣ дѣвушки, поднимаются съ своего мѣста и начинаютъ ходить вокругъ столбика, или комнаты, итутъ же начинается хоромъ пѣсня:

Еще кругъ столбика я хожу,
Еще кругъ дубова ли гуляю;
Еще чѣмъ столба будетъ дарить,
Еще чѣмъ дубова будетъ дарить:
Подарю столба животомъ,
Животомъ ли, красной дѣвицею,
Александрою Васильевною.

Послѣ того дѣвушка, ходившая первою подъ пѣсню и имя которой было пропѣто, передаетъ столбичку парню платокъ, или другую какую изъ мелкихъ вещей, садится на свое мѣсто. Таже пѣсня начинается снова, другая дѣвушка ходитъ такимъ-же образомъ, при чемъ уже припѣвается ея имя; за ней третья и т. д.

Когда уже всѣ дѣвушки, и даже болѣе веселыя молодыя женщины (женки), находящіяся на вечеринкѣ, поочереди обходятъ кругъ столба и каждая дастъ парню столбичку, у котораго бываетъ иногда стоящій сзади другой парень *подстолбичекъ*, какую нибудь вещь изъ мелочи: платокъ, серьги, кольцо, или что другое, тогда начинается *выкупъ* отданныхъ вещей. По той же очереди, какая была при хожденіи вокругъ столба, выходитъ дѣвушка, бывшая первою; ходитъ снова кругомъ парня столбичка и въ тоже время хоръ поетъ:

Выкупай-ка Александрушка, вѣнокъ,
Выручай-ка, Васильевна, шелковъ;
Не отдамъ я вѣнка безъ выкупа,
Я безъ ста рублей, безъ тысячи,
Безъ удалаго добра молодца
Безъ (имя) да (отчество).
Мнѣ-ка хлѣба-то не ѣсть,
Мнѣ-ка (имя дѣвушки) любить
Мнѣ (отчество).
Еще кто ногой не топнетъ, *)
У того нога отсохнетъ
По косточки,
По ладыжечки.
Еще выскочи высоко,
Поцѣлуй столба
Въ золоты уста
И съ подстолбичкомъ.

Парень подымается на стулѣ по возможности выше, для того чтобы дѣвушкѣ было труднѣе достать поцѣлуй; дѣвушка-же старается подпрыгнуть или *выскакать*, по мѣстному выраженію, повыше и цѣлуетъ парня три раза, равно и подстолбичка, крестъ-на-крестъ; тогда парень возвращаетъ ей ея закладъ.

За первой дѣвушкой идетъ выручать *вѣнокъ* или закладъ слѣдующая и т. д. до послѣдней; къ имени всякой дѣвушки, ходящей кругъ столба, припѣвается имя столбичка.

6.
Косая огорода. **)

Сущность этой игры очень проста: три дѣвушки становятся посреди комнаты, образуя собою треугольникъ, у каждой за спиной становится по парню; съ началомъ пѣсни, первая пара, впереди дѣвушка, назади парень, идутъ *въ ворота*, которыя образуютъ вторая и третья пара промежь себя; пройдя по другую сторону воротъ они оборачиваются такъ, что парень уже будетъ впереди, а дѣвушка позади его: остальныя пары дѣлаютъ не большой поворотъ на своихъ мѣстахъ съ пѣлью, чтобы всѣмъ стоять лицомъ другъ къ другу. Затѣмъ очередь за второй парой, которая идетъ въ ворота между первой и третьей парой, послѣ чего оборачиваются, какъ и прежде другъ къ другу лицомъ,—и идетъ въ ворота—между первою и второю парой—третья пара, поступая такимъ же образомъ, какъ двѣ предъидущія. Далѣе очередь опять первой пары и т. д.,—въ

*) Изъ старинныхъ.

*) Дѣвушка притопываетъ ногой.

**) Пѣсня изъ прежнихъ, нынѣ почти оставленная.

этомъ заключается вся игра. Названіе же *косой огороды*, т. е. неправильная ограда или заборъ, зависитъ отъ того, что, отъ постоянныхъ переходовъ паръ съ мѣста на мѣсто по настоящему, весь треугольникъ долженъ описывать *косую* линію, но играющіе, чтобы не упереться въ стѣну или уголъ комнаты, направляютъ линію такъ, что она кружится около центра комнаты.

1.

Вася маленькой,
Вася коротенькой,
Вася коротенькой,
Плясать охоченькой,
Вася коротенькой,
Плясать охоченькой.
На немъ плисовы штаны,
Да рантовы сапоги,
На немъ плисовы штаны,
Рантовые сапоги;
На немъ шапочка,
Камилавочка,
На немъ шапочка,
Камилавочка;
Гранитуровый платокъ,
Онъ въ залогъ не кладетъ,
Гранитуровый платокъ,
Онъ въ залогъ не кладетъ;
Онъ въ залогъ не кладетъ,
Лучше такъ отдаетъ:
Родимая моя мать,
Тебѣ меня не унять,
Тебѣ меня не унять,
За рѣку ходить гулять.
Тебѣ меня не унять,
За рѣку ходить гулять,
Что за рѣченькой, за быстрой,
Я гулялъ—таки, гулялъ.
Что за рѣченькой, за быстрой,
Я гулялъ—таки, гулялъ,
Я свою радость—хорошую,
Я видалъ—таки, видалъ.
Я свою радость—хорошую,
Я видалъ-таки, видалъ,
Что моя радость—хорошенька,
Лицемъ бѣла, румянешенька.
Что моя радость—хорошенька,
Лицемъ бѣла, румянешенька,
Лицемъ бѣла, румянешенька,
На нее глядѣтъ милешенько.

2.

Жердочка тоненька,
Сама слабенька.
Я по жердочкѣ шла,
По слабенькой,
По слабенькой,
Я по тоненькой;
Тонка жердочка гнется,
Сама не ломится 2
Хорошо съ милымъ живется,
Не стошнится,
Хошь и стошнится,
Разгуляемся пойдемъ: 2
Какова, милый, пора.
Не болитъ ли голова,
Не болитъ ли головушка,
Не ноетъ ли животъ; 2
Хошь и ноетъ животъ,
Да лицо мило живетъ;
Что за варницами,
За поварницами, 2
Тамъ не въ гусельцы играютъ,
Не въ свирѣли говорятъ;
Говоритъ красна дѣвица
Со удалымъ молодцомъ: 2
Мы пошутимъ съ тобою,
Будто братъ съ сестрою,
Будто братъ съ сестрой,
Съ красной дѣвицей. 2

7.

По горамъ ходить. *)

Игра начинается тѣмъ, что мущина беретъ дѣвушку и идетъ съ ней вдоль по комнатѣ, за ними слѣдомъ другая пара, за этими еще пара и т. д. нѣсколько паръ, желающихъ играть, и строятся такимъ образомъ, чтобы мущина шелъ за мущиной, а дѣвушка за дѣвушкой, составляя нѣчто въ родѣ *полонеза*. Первая пара, дойдя до стѣны, разнимаетъ руки: мужчина поворачивается въ одну сторону, идя обратно къ прежнему мѣсту, а дѣвушка въ другую сторону, также ида обратно; за ними слѣдуютъ и остальные—мущины за мущиной, а дѣвушки за дѣвушкой составляя два теченія до тѣхъ поръ, пока у противоположной стѣны, т. е. откуда на-

*) Изъ очень старинныхъ, давно уже покинутыхъ.

чалось шествіе, не встрѣтятся мущины и дѣвушки сначала первой пары, а за ними и остальные. Тутъ, шествіе идетъ какъ и въ началѣ, именно: рука въ руку идутъ пары мущинъ и дѣвушекъ, другъ за другомъ, до того мѣста, гдѣ снова приходится дѣлиться на двѣ струи—мужскую и женскую. Пѣсня поется слѣдующая:

По горамъ было, по высокімъ, (2)
По лужкамъ зеленымъ; (2)
Разцвѣтали тамъ цвѣточки, (2)
Все цвѣты алые. (2)
Еще всѣ цвѣты аленьки, (2)
Одинъ поаляе всѣхъ (2).
Чѣмъ онъ, чѣмъ онъ поаляе, (2)
Чѣмъ повеселяе? (2)
Еще все дружи миленьки, (2)
Одинъ помиляе всѣхъ. (2)
Чѣмъ онъ, чѣмъ онъ помиляе, (2)
Чѣмъ повеселяе? (2)
Ужъ я своему милому (2)
Стану, буду вѣнки плесть; (2)
Своимъ бѣлыма рукама, (2)
Алой лентой перевью, (2)
Надеженькой назову. (2)
«Ты, надежда, милъ-сердечный, (2)
Что въ гости не ходишь?» (2)
—Ужъ я радъ въ гости ходить, (2)
Не своя неволя: (2)
Надо синь кафтанъ со сборами, (2)
Кушакъ съ полосами, (2)
Надо шапочка съ углами, (2)
Головка съ кудрями. (2)

В. ВЕЧЕРИНКИ ВООБЩЕ.

Когда на вечеринкѣ присутствуютъ парни, то сверхъ *уточки* и вышеписанныхъ *игръ*, которыя въ послѣднее время стали выводиться, а нѣкоторыя трудно и встрѣтить совсѣмъ,—большею частію уже занимаются танцами, особенно кадрилью, а иногда являются уже знакомые и съ другими мелкими танцами. Когда же нѣтъ парней, или есть, но нерасторопные, или не танцующіе, то дѣвушки больше сидятъ по мѣстамъ, или обхватившись межъ собой прохаживаются по комнатѣ, занимаясь уничтоженіемъ чаю, сластей и закусокъ (пряниковъ) и пѣснями, большею частію общими, которыя поются при разныхъ работахъ, какъ то: рыбной ловлѣ, греблѣ въ лодкѣ, заводскихъ работахъ и т. д., а также и тѣхъ которыя лѣтомъ поются въ хороводахъ. Какъ одну изъ пѣсенъ изъ разряда общихъ, замѣчательную по хорошей прогласицѣ (напѣву), приводимъ нижеслѣдующую:

1.

Шила брала коверъ, (2)
Шила, вышивала; (2)
Вышиваючи коверъ (2)
Рѣчи говорила: (2)
—Что кому этотъ коверъ, (2)
Коверъ достанется? (2)
Доставается коверъ (2)
Старому мужу; (2)
Старому мужу, негодяю, (2)
Первому злодѣю. (2)
Я могу-жъ ковра, (2)
Коврика убавить, (2)
Со всѣхъ четырехъ сторонъ (2)
Я-ли по узору, (2)
Шито-браному узору, (2)
Все по золотому. (2)

Когда поется эта пѣсня, дѣвушки, шаля, а также и женки, которыя по моложе и по веселѣе, берутъ другъ друга за плечи, обратясь лицемъ къ лицу, и такимъ образомъ ходятъ, подпрыгивая то въ сторону одной, то въ сторону другой.

Также хороша одна изъ пѣсенъ *общихъ*, которая поется на вечеринкахъ, когда не составляется танцевъ или игръ, а равно и въ другихъ случаяхъ, гдѣ попадается; она хороша какъ по содержанію, такъ и по прогласицѣ:

2.

По Дону гуляетъ
Казакъ молодой, 2
Онъ на ворономъ конѣ,
Во збруѣ золотой. 2
Разкрасавица плачетъ
Надъ быстрой рѣкой, 2
—«О чемъ, Маша, плачешь,
О чемъ слезы льешь? 2
Коня-ли тебѣ жалко;
Али збруи золотой!» 2
—Не жалко мнѣ збруи,
Не жалѣю коня. 2
«Отца-ли тебѣ жалко,
Али матери родной?» 2
—Не жалко мнѣ матери,
Не жалѣю отца. 2
«Братца-ль тебѣ жалко,
Али сестеръ своихъ?» 2

—Не жалко мнѣ брата,
Не жалѣю сестрицъ. 2
Растошпехонько жалко
Тебя молодца! 2
Когда я млада-младешенька
Ребеночкомъ была, 2
Мнѣ бѣлая цыганочка
За ручку брала: 2
Смотрѣла на правую,
Качала головой; 2
Сказала: потонешь
Въ день ты свадебной свой. 2
—«Не вѣрь, не вѣрь хорошая,
Не повѣрь, душа моя! 2
Черезъ быструю рѣчку
Я-ли выстрою мостъ, 2
Предлинный мостъ, чугунный,
На тысячу верстъ; 2
Поставлю я стражу
Впередъ на пятьсотъ » 2
По чугунной дороженькѣ
Карета бѣжитъ, 2
Карета бѣжитъ ли,
Колеса гремятъ. 2
—«Знать мою-ли расхорошую
Къ вѣнчанью везутъ!» 2
Подъ невѣстой конь вороной
Споткнулся, упалъ; 2
Женихъ оглянулся;
Невѣста въ Невѣ!... 2
Успѣла, сказала:
—«Прощай, бѣлый свѣтъ!» 2
Какъ второй разъ говорила:
«Прощай отецъ и мать!» 2
Какъ въ третій разъ говорила:
«Прощай, любезный другъ!» 2

Приводимъ еще въ примѣръ общихъ пѣсенъ нѣсколько подобныхъ, такъ какъ онѣ поются и на вечеринкахъ:

3.

Ужъ вы горы, горы высокія;
Горы Воробьевскія (2)
Воробьевскія,—(2)
Горы подмосковскія, (2)
Подмосковскія. (2)
Ничего-то вы горы, горы не спородили (2)
Не спородили; (2)
Спородили вы, да горы, (2)
Да горы (2),
Сѣръ горючъ вы камешекъ (2),
Изъ подъ камня бѣжитъ (2)
Рѣчка быстра; (2)
Подлѣ рѣченьки стоитъ (2)
Частъ ракитовъ одинъ кустъ; (2)
На кусточкѣ сидитъ, (2)
Сидитъ младъ-сизой орелъ; (2)
Во когтяхъ-то онъ держитъ, (2)
Чернаго ворона; (2)
«Ужъ онъ бить-то его, не бьетъ,
Только спрашиваетъ:
Ужъ гдѣ ты, воронъ, ты леталъ,
Гдѣ, сизой, ты полетывалъ?
—Я леталъ-то, леталъ
По дикимъ, по степямъ,
Степямъ, по Саратовскимъ.
Ты кого же воронъ видалъ?
Видѣлъ я чудо-чудное,
Видѣлъ тѣло бѣлое:
Тѣло бѣлое лежитъ,
Лежитъ не устрѣлено.
Какъ ни кто-то по тѣлу,
По тѣлу-то не схватится?
Какъ схватились объ тѣлѣ,
Объ тѣлѣ да родители:
Прилетали къ тѣлу
Три ласточки.
Какъ первая ластка,
Ластка родная матушка;
Какъ другая то ластка,
Ластка родная сестрица;
Какъ третья-то ластка,
Ластка-молодая жена.
Родная-то матушка сидитъ,
Сидитъ у головушки;
Родная-то сестрица сидитъ,
Сидитъ на бѣлыхъ грудяхъ;
Молода жена сидитъ,
Сидитъ на рѣзвыхъ ногахъ.
Родная матушка плачетъ,
Плачетъ, какъ рѣка течетъ;
Родна сестрица плачетъ,
Какъ ручьи весной бѣжатъ;
Молода жена плачетъ,
Плачетъ, какъ рѣка падетъ,
Родная матушка плачетъ,

Плачетъ до гробной доски!
Родна сестрица плачетъ,
Плачетъ до замужьеца!
Молода жена плачетъ,
Плачетъ до мила дружка! *)

Оканчивая очерки вечеринокъ м[illegible] города Онеги, нахожу нужнымъ присоединить къ тому еще нѣсколько необходимыхъ замѣтокъ.

Во 1-хъ съ вечеринкой не должно смѣшивать в е ч е р к а, упоминать о которомъ отдѣльно я и не подумалъ бы, но такъ какъ пришлось къ слову, то скажу, что вечерокъ мѣщанъ есть каррикатурное, подражательное обезьянничанье баламъ, вечерамъ и вечеринкамъ мѣстныхъ чиновниковъ. А потому и можно себѣ представить, что послѣ того выходитъ. Нанимаются музыканты, больше на складчину мущинъ; пѣсни, игры и словомъ все, напоминающее нѣсколько настоящее народное удовольствіе,—отбрасывается, а вмѣсто того является на сцену ангажированье на танцы, французскія кадрили, съ вывертами, притопываніями и кружеиіемъ паръ до окончательнаго паденія, разныя польки, **) вальсы и прочія балетныя штуки, кончая новѣйшимъ лясье. Все это уродливо, безобразно и пьютъ до отвращенія. Если въ этомъ и стоитъ на что обратить вниманіе, то во 2-хъ на шэнъ, или шинъ какъ здѣсь величаютъ этотъ танецъ, замѣчательный тѣмъ, что онъ произведеніе чисто почвенное, онежское, прикрѣпленное къ городу Онегѣ, и не встрѣчаемое за чертою города уже нигдѣ. Кто былъ творцомъ этого танца и время возникновенія его—забыто. Состоитъ онъ въ началѣ изъ точно тѣхъ же пріемовъ и путешествій, какія указаны подробно въ игрѣ Царевъ сынъ. Когда соберется кругъ, то онъ распадается на пары, послѣднія стараются стать другъ противъ друга, и начинаютъ танцовать тогда какую-то смѣсь изъ второй фигуры французской кадрили, поклоновъ и еще другихъ фигуръ, не заслуживающихъ особеннаго упоминанія; по исполненіи этого обряда, пары сцѣпляются снова въ кругъ и дѣлаютъ уже настоящій шэнъ, какой танцуется въ заключеніи 6-й фигуры французской кадрили; затѣмъ слѣдуетъ опять разбиваніе на пары и исполненіе разсказанной смѣси, послѣ чего снова шэнъ, и такъ далѣе до безконечности, то есть пока не надоѣстъ Танцуется этотъ танецъ болѣе подъ обще-извѣстныя пѣсни какъ то: «Сѣни мои сѣни», «По улицѣ мостовой», или подъ музыку тѣхъ же пѣсней, если таковая имѣется.

Въ 3-хъ вечеринки составляются зимой въ продолженіе всего заговѣнья, то есть когда нѣтъ поста, очень часто; рѣдкая изъ дѣвушекъ, посѣщающихъ вечеринку не составитъ таковой хоть однажды у себя, охотницы же собираютъ и по нѣскольку разъ въ зиму. Да и обходится онѣ очень дешево, весь расходъ идетъ лишь на двѣ-три сальныя свѣчи, с е в а с т о п о л ь с к і й, какъ говарятъ здѣсь, то есть едва желтѣющій чай дѣвушкамъ и для нихъ же самыя дешевыя сласти, большею частію орѣхи и закуски (то есть дешевые пряники), и рѣдко конфекты. Для мущинъ угощенія во все не полагается: даже которые изъ нихъ были званы хозяевами лично, и тѣ не удостоиваются чашки севастопольца. Но напротивъ, чтобы доказать свою свѣтскость, умѣнье ухаживать за хорошенькими горожаночками, молодоватость, мущины необходимо, собираясь на вечеринку по приглашенію или по слуху о таковой, должны запасти въ карманы по больше угощенія для тѣхъ особъ прекраснаго пола, вниманія которыхъ они добиваются. Если же сами пожелаютъ угоститься, то имъ разрѣшается для сего послать кого нибудь изъ зрителей, мальчишку, дѣвочку или даже услужливую женку, въ распивочную за извѣстнымъ угощеніемъ (водкой), выше которой ничего болѣе мѣстными мущинами не можетъ быть и придумано; развѣ уже за особенную любезность кавалеровъ хозяюшка квартиры, гдѣ идетъ вечеринка, снесетъ въ особый чуланчикъ, играющій роль курительной комнаты, житничекъ, да пожалуй еще селедокъ или трески, коль имѣется въ излишкѣ.

Въ 4-хъ входъ на вечеринку доступенъ всякому желающему и для того не требуется ни взноса, ни особеннаго знакомтва съ хозяевами: достаточно услыхать, что тамъ то будетъ вечеринка, чтобы идти безъ церемоніи (то-есть церемоніи). Вотъ только случай, когда приходится раскошеливаться пришедшему на вечеринку лицу не привиллегированнаго пола, то есть мущинамъ; а именно если по своей несчастной судьбѣ, онъ ступитъ въ комнату, гдѣ идетъ вечеринка, въ то время, когда тамъ не происходитъ ни игръ, ни ляскы; тогда обыкновенно, дѣвушки сидятъ (многія помѣщая на своихъ колѣнахъ любимыхъ парней) по своимъ мѣстамъ, то есть во кругъ

*) Эта пѣсня поется медленнымъ, заунывнымъ голосомъ; въ ней каждая строка повторяется два раза, а ганже и послѣднее слово каждой строки поется два раза, какъ это показано въ началѣ пѣсни.

**) Но слѣдуетъ замѣтить, что польки въ п е р в о н а ч а л ь н о м ъ с в о е м ъ в и дѣ была и есть до сихъ поръ народною славянскою пляской, именно у племени чешскаго.

всѣхъ четырехъ стѣнъ комнаты и поютъ пѣсни, которыя я назвалъ выше общими. Въ это время, на злосчастнаго, вновь прибывшаго обращается все вниманіе молодыхъ сребролюбицъ, которымъ мгновенно всѣмъ является мысль: надо NN пѣсню пропѣть, можетъ бросить что на тарелку, затѣмъ, послѣ короткаго шушуканья, затягиваютъ хоромъ какую либо пѣсню, въ которой злосчастному NN припѣваютъ имя дѣвушки, или женщины, имѣющей, или иногда и во все не имѣющей для NN значенія. Пѣсня пропѣта, и онъ слышитъ даже слѣдующее обращеніе къ себѣ, тоже хоровое:

а) Ты пожалуй, господинъ,
Намъ за пѣсенку—
Виноградіе, красно-зеленое
Ужъ ты рубль, либо два,
Либо вина полведра.
Виноградіе, красно-зеленое.

Просьба эта такъ ясна и настоятельна, что господинъ, къ которому она была обращена, долженъ уже непремѣнно вынуть изъ кошеля сколько нибудь денегъ (самое меньшее бываетъ 3 копѣйки серебромъ, и доходитъ до 15, а прежде давали и болѣе значительные куши, 1 рубль серебр. и больше) и отдать дѣвкамъ на свѣчки, или же на лакомство. Но горе тому злосчастному, кто или не пойметъ желанія дѣвушекъ, а можетъ по скупости не раскошелится! тогда уже безъ милости, при общемъ хохотѣ, поется ему такая пѣсни, которая и въ печать не можетъ попасть, по своимъ черезъ-чуръ отборнымъ, очищеннымъ и рѣжущимъ ухо выраженіямъ. Такихъ пѣсенъ двѣ, и изъ начальныхъ я приведу по нѣсколько строкъ:

б) Фантатуры, фантатуры,
На спичкѣ, да на лучинкѣ
Мышка точится;
Андріяну молодцу
Чего хочется?
Катерина не дала,
Только выругала,
Андріяну то хотѣлъ,
У Катерины большой хохолъ,
Андріяну то квашня,
У Катерины большая мошна
. . . . . .

в) Виноградіе, красно-зеленое,
Какъ Натальи-то хохла
Тридцать лѣтъ берегла!
Виноградіе, красно-зеленое.
Что кому этотъ хохолъ
Достанется на поворъ?
Виноградіе, красно-зеленое,
Достается хохолъ
Да Ивану молодцу,
Виноградіе, красно-зеленое,
Что Ивану молодцу,
Да Ефиновичу
Виноградіе, красно-зеленое.
. . . . . .

О внѣшней, форменной, обрядовой сторонѣ, какъ вечеринокъ, такъ и вечеровъ сказать больше нечего,—остается только упомянуть объ ихъ внутреннемъ, нравственномъ значеніи для народа.

Противъ вечеринокъ, вообще, какъ мѣста собранія молодежи для удовольствій, возставать было бы глупо; но нельзя не пожалѣть, что въ настоящее время вечеринки въ городахъ потеряли весь свой прежній невинный и вполнѣ народный характеръ, а замѣнили его чѣмъ-то пошлымъ, развратнымъ и подражательнымъ. Замѣна пѣсенъ и игръ господскими танцами, равно какъ сидѣнье парней на колѣнахъ дѣвушекъ (иногда и на оборотъ), при чемъ разумѣется изъ подтишка дается большой просторъ рукамъ, и наконецъ — прогулка по большей части прямо съ вечеринки дѣвушекъ въ гости на домъ къ парнямъ, по парно, и даже куда нибудь въ другое по близости потайное мѣсто для извѣстной цѣли — все это такъ уронило вечеринку въ глазахъ самаго народа, что, матери, желающія сберечь нравственность и репутацію дочерей — невѣстъ, почти вовсе не отпускаютъ ихъ на подобныя вечеринки, развѣ только въ знакомый, извѣстный своей строгою нравственностью домъ, и то при собственномъ надзорѣ и сопровожденіи.

Г. ЛѢТНІЕ ХОРОВОДЫ.

Лѣтомъ, которое начинается здѣсь съ момента, когда пройдетъ заторъ, то есть рѣка Онега освободится отъ льда, лѣтомъ въ каждый праздничный день, не разбирая—солнечный ли онъ, или пасмурный, только бы не было окончательной непогоды — дождя или снѣгу, весь городской людъ, обходивъ сначала знакомыхъ и всѣ улицы города вдоль и поперегъ, собирается въ извѣстныхъ пунктахъ. Этихъ пунктовъ довольно много, но главныхъ — три, по числу главныхъ частей города: на погостѣ, на самомъ нижнемъ концѣ города, гдѣ имѣлась прежде церковь, теперь уже несуществующая,—на

пирахъ или лужкахъ, уже въ самомъ центрѣ города, вблизи одной изъ трехъ—четырехъ лавокъ, или не далекѣ, на площади, передъ соборною церковію, на лужкахъ, и наконецъ на верховьи города, гдѣ для того есть нѣсколько пунктовъ. Когда въ извѣстномъ пунктѣ соберется достаточное количество народу, дѣвушки составляютъ хороводъ, то есть сцѣпляясь руками образуютъ кругъ, который въ продолженіе всего времени, пока поются хороводныя пѣсни, двигается то въ одну сторону, то въ другую. Молодцы же, или парни подходятъ къ кругу, приглашаютъ одну изъ дѣвушекъ, которая бѣжитъ сначала вокругъ круга, а затѣмъ далѣе по улицѣ, парень же въ догоню за ней, стараясь ее догнать или тронуть рукой или ударить платкомъ, тогда дѣвушка останавливается, и они оба возвращаются, разговаривая, къ хороводу. Подойдя къ кругу, дѣвушка ударяетъ платкомъ какого нибудь другаго парня, который затѣмъ бѣжитъ за ней по примѣру перваго; когда же они возвратятся, то дѣвушка становится въ кругъ, а парень въ свою очередь ударяетъ другую изъ круга, и такъ далѣе,—въ этомъ состоитъ вся игра хоровода. Пѣсни поются слѣдующія:

1.

Безпечальное, беззаботное
Это дѣвушкамъ житье,
Отъ родителей гуляньице
Оченно вольно!
Ходи, дѣвушка, гуляй,
Своей воли, ты, дѣвка не теряй!
Я гуляла-бы, млада,
Со дѣвичьяго глупаго ума
Потеряла-бы, млада.
Всю прекрасную дѣвичью красу!
Что-й-то за эту-ли вину
Прощеньица дѣвушкамъ нѣтъ!
Какъ задумали злые родители
За мужъ отдавать,
Со веселенькимъ, со гуляньицемъ
На вѣкъ разлучать.
Я-то осмѣлилась словечико
Батюшку сказать:
Хоша выдашь за мужъ,
Не начаю я себѣ живой быть;
Буду ли дѣвушка, я жива,
Не забуду я-то дѣвичья житья.
Въ житьѣ-то, да во бытьѣ
Есть тамъ молоденькій дружокъ мой.
Ваши ласковы, столь пріятливы
Къ сердцу слова,
Да безъ огня-то мое сердце,
Да сердечко разожглись;
Что безъ вѣтра-то мои мысли-то
Съ думушкой разнесло.
Разнесло мысли-та по чистымъ,
Широкимъ полямъ,
Чтой-та по тѣмъ-то-ли полямъ
По ракитовымъ кустамъ!
Кто бы моему горюшку,
Да горюшку помогъ,
Кто бы да великому
Сей годъ пособилъ!
Со пути-бы со дороженьки
Дружка воротилъ:
Воротися, воротися, воротися,
Мой миленькій назадъ!
Наглядитесь вы очи ясныя
На дружка во запасъ
На такой запасъ на кругленькой,
На весь да годокъ,—
Чтобы не ныло сердечико,
Ни въ какой часокъ.
Красное солнышко да негрѣетъ,
Солнце не печетъ:
Цвѣтное платье не влаетъ,
Платье не сушитъ,
Мой-отъ миленькой не тужитъ,
Любезной, обо мнѣ. (*)

2.

Я единой дочкой у батюшки
Въ дѣвушкахъ росла.
Была единешинька у матушки,
Въ дѣвушкахъ была.
Не сидѣла бы въ новой горницѣ,
Безъ дружка одна.
Не глядѣла-бы въ чисто поле,
За лѣсъ далеко.
Не ругала-бы чужой дальной,
Злодѣйки стороны:
Ты злодѣй, злодѣйка чужая,
Дальная сторона!
Разлучила ты, развела съ отцемъ-матерью,

*) Въ этой пѣснѣ одно послѣднее слово каждаго втораго стиха повторяется два раза.

Дѣвушку меня;
Во вторыхъ-то развела со родимой
Ты меня стороной;
Ноньче, еще того тошнѣй, съ дружкомъ миленькимъ
Дѣвушку меня.
Ужъ вы, братцы, товарищи,
Вы братцы мои!
Не съ одной-ли сторонушки.
Вы братцы со мной?
Не поѣдите-ли по скорости,
Вы братцы домой?
Вы свезите моему дружку
Милому письмо.
Во-письмцѣ-то есть подписана
Съ миленькимъ любовь,
Чтобы милый иную дѣвку,
Дѣвку не любилъ;
Меня бы горькую, несчастную
На вѣкъ не сушилъ.

3.

Не весела компаньица,
Гдѣ милаго-то нѣтъ, (2)
Веселая бесѣдушка,
Гдѣ миленькой пьетъ, (2)
Онъ да не пьетъ, голубчикъ мой
За мной младой шлетъ, (2)
Какъ я-то млада младешенька
Замѣшкалася: (2)
За утками да за гуслями,
За лебедями (2)
За вольною, за птицею,
За журочкою: (2)
Журавлюшка по бережку
Погуливаетъ, (2)
Шелковую травиночку
Поклевываетъ, (2)
Свѣжу воду, ключевую
Захлебываетъ, (2)
За рѣченьку, за быструю
Посматриваетъ. (2)
За рѣченькой, за быстрою
Слободка стоитъ; (2)
Не малая слободушка—
Четыре двора, (2)
У каждаго, у дворика
Четыре шатра; (2)
Въ каждомъ во шатричкѣ
Четыре окна;
У каждаго окошечка
Четыре стекла; (2)
У каждаго стеклышка
Четыре кумы (2)
Ужъ вы кумушки, голубушки,
Кумитеся вы,
Кумитеся-любитеся,—
Любите вы меня! (2)
Ужъ вы пойдете во зеленый садъ
Возьмите вы меня! (2)
Ужъ вы станете цвѣточки рвать,
Сорвите вы мнѣ! (2)
Ужъ вы станете вѣночки плесть,
Сплетите вы мнѣ! (2)
Ужъ вы станете въ Дунай бросать
Бросьте вы мой! (2)
Еще всѣ вѣнки да поверхъ воды,
Одинъ мой на днѣ; (2)
Еще всѣ дружки съ Москвы ушли,
Мого то нѣтъ!

4.

Объ чемъ мальчикъ сумнѣвался,
Холостъ мало погулялъ? (2)
Онъ схватился,—что женился,
Не любую женушку взялъ, (2)
Не любую да не милую,
Не свою-то сударушку. (2)
Я не буду, я не стану,
По согласью съ ею жить! (2)
Ужъ я буду-ль, вѣрно-стану
Къ прежней любушкѣ ходить! (2)
Охочан, любезная
Въ лѣсъ по ягодки ходитъ.
Случилося, сиротинушкѣ,
Подъ березой ночевать. (2)
Стой, ну, береза не шатайся!
Въ рѣчку, во Пашу не свались, (2)
Рѣчка Пашенька глубока,
Осенняя ночь долга; (2)
Что осенняя ночь долга,
Я одна спать не смѣю. (2)
Я одна, дѣвушка, спать боюся,
Товарища со мной нѣтъ, (2)
Еще нѣту со мной товарища,

Нѣту милаго дружка. (2)
Отколь взялся, проявился—
Стоитъ милый за рѣкой, (2)
Стоитъ милый за рѣкой,
Машетъ правою рукой: (2)
Стой-ты дѣвица не топися,
Красавица ты не давись: (2)
Не топися, не давися,
Своей души не губи! (2)
Свою ли душеньку погублю
Мила дружка изсушу. (2)

5.

Какъ цвѣли-то, цвѣли,
Въ саду цвѣточки,
Разцвѣли-да повяли.
Какъ любилъ-то, любилъ,
Парень дѣвушку,
Любилъ да покинулъ, (2)
По кидавши-то, парень
Красной дѣвушкѣ
Въ глаза насмѣялся, (2)
Насмѣялся-то парень
Надъ красною дѣвушкой
При всемъ, при народѣ. (2)
Какъ при всемъ-то, при всемъ
При народѣ
Въ большомъ хороводѣ, (2)
Какъ въ большомъ-то, большомъ
Хороводѣ,
Лѣтомъ на лужечкѣ. (2)
Ужъ онъ снялъ-то, сорвалъ
Съ красной дѣвушки
Шалевой да платочекъ,
Отпоясалъ-то, отпоясалъ
У красной дѣвушки
Шолковъ поясочекъ; (2)
Онъ стянулъ-то, сломалъ
Со правой рученьки
Золото ново колечко. (2)
Уливалася, уливалася
Красная дѣвушка
Горькими слезами, (2)
Утиралася да утиралася
Красная дѣвушка
Русою она, косою. (2)
Выходила-то, выходила
Красна дѣвушка
На крутъ бережечикъ, (2)
Выступала-то, выступала
Красная дѣвушка
На сѣръ каменечикъ, (2)
Умывалася-то, умывалась
Красная дѣвушка
Водой ключевой, (2)
Утиралася-то, утиралася
Красная дѣвушка
Бѣлымъ полотенцемъ, (2)
Смотрѣлася, смотрѣлася
Красная дѣвушка
Въ зеркалѣ хрустальномъ;
Что въ зеркало-то, въ зеркало
Въ хрустальное
Рѣчи она говорила:
Заростайте-ко, заростайте
Пути дороженьки
Горами да долами,
Заносите-ко, заносите
Милаго слѣдочки
Бѣлыми снѣгами!
Что по городу-то, по городу
По Саратову
Сашенька гуляла;
Дорогія себѣ, дорогія
Покупочки
Саша закупала,
Закупала себѣ, закупала
Покупочки—
Гербовъ листъ бумажки;
Что искала себѣ, искала
Молодчика
Писаря она искала,
Чтой-то-на своего, на своего
На любезнаго
Просьбу написала,
Астраханскому-то, Астраханскому
Губернатору
Просьбу подавала:
«Ой, ужъ ты батюшка, батюшка,
Астраханскій
Новый Губернаторъ!
Охъ, ты прими-тко, возьми
Мою просьбицу,—

Суди по закону!
Ой, неразсудишь ты, неразсудишь
По закону,
Подамъ сепотору».
Ужъ ты глупа, ты глупа,
Красная дѣвушка,
Глупа, не разумна;
Не сама-ли ты, не сама-ли ты
Красна дѣвушка,
Эфтому виновата!
Ой, какъ безъ утренней-то, безъ утренней,
Безъ зорюшки
Солнышко не всходитъ;
Безъ причинушки парень, безъ причинушки
Къ красной дѣвушкѣ
Въ гости не ходитъ,
Ой, безъ подарочекъ-то, безъ подарочекъ
Красна дѣвушка
Молодца не любитъ!

6.

Снѣжки бѣлые, пушистые
Все покрыли, поле все,
Едного лишь не покрыли (2)
Горя люта моего.
Есть кусточекъ среди поля
Единешенекъ стоитъ,
Онъ не клонитъ къ землѣ вѣтки
А листочковъ нѣтъ на немъ. (2)
Слеза канетъ, снѣгъ растаетъ—
Въ полѣ выростетъ трава.
Какъ на томъ прекрасномъ мѣстѣ
Всѣ цвѣточки разцвѣтутъ,
Никто травыньки не коситъ,
Никто ей не обомнетъ,
Никто дѣвушку меня не любитъ,
Никто замужъ не возметъ.

7.

Вы премилыя мои дѣвушки,
Вы придите въ гости ко мнѣ
Попросите вы у батюшки
Вы меня въ гости къ себѣ, (2)
У родимой матушки—
Въ зеленъ садикъ погулять, (2)
У меня въ садочку
Есть забава хороша, (2)
Забава премилая—
На древахъ листья шумятъ, (2)
Подъ кусточкомъ пташечки
Тихо, громко говорятъ, (2)
Молодой соловьюшко
Летитъ, свищетъ мимо сада. (2)
Спрошу я соловьюшка,
Тужитъ-ли милый обо мнѣ?
Я-ли по своемъ миленькомъ,
Каждый часъ объ немъ тужу: (2)
Зайду въ нову я горенку—
Уливаюся слезьми, (2)
Зайду въ теплу спаленку—
Лягу вничь я на кровать,
До тѣхъ поръ лежать буду (2)
До куль два часа не бьетъ. (2)
Часъ ночи да ударило
Ко мнѣ милый не пришелъ. (2)
Два часа ударило
Ко мнѣ миленькій пришелъ. (3)
Миленькій, хорошенькой
За чѣмъ долго ты не шелъ?
До чего-жъ ты меня довелъ, (2)
До славушки худой, (2)
До худой до славушки:
Вывелъ краску изъ лица! (2)
У любушки, сударушки—
Въ лицѣ краска не была: (2)
Бѣлыя бѣлилушки,
Накладныя румяна. (2)

8.

Отлетаюшко-дѣвушки запоемъ.
Отлетаетъ мой соколикъ,
Мой соколикъ, Вытегорикъ,
Изъ очей моихъ. (2)
Вздумалъ ѣхать мой любезный
Жить во дальній городокъ,
Я не мало слезъ ронила, говорила,
Говорила тебѣ, голубчикъ мой, (2)
Во слезахъ кружка просила, говорила:
Хоть немножко со мной поживемъ
Хоть немножечкой, миленьки, хорошенькой
Единъ маленькій часокъ! (2)
Мнѣ никакъ нельзя, не можно,
не возможно
Нельзя, любушка моя, пожить!

Тамъ живутъ сосѣди, злые разлютые,
Не совѣтуютъ тебя любить,
Велятъ душеньку, милую, дорогую,
Велятъ бросить—позабыть. (2)
«Я-то тебя забуду, позабуду,
Когда скроются мои глаза,
Призакроютъ тѣло-бѣло
Тонкимъ, бѣлымъ полотномъ,
Призасыплютъ очи ясны, глаза красны,
Съ горя желтымъ, мелкимъ пескомъ, (2)
На мою-ли грудь бѣлую
Сѣрый камень накатятъ.

Я-то на камешкѣ срисую, нарисую,
На бумажечкѣ напишу;
На той бѣленькой бумажкѣ,
На гербовомъ, на листу, (2)
Всѣмъ подружкамъ, дѣвушкамъ накажу:
Вы подруженьки мои голубки,
Подруженьки, разголубынки
Не любите вы да мужиковъ! (2)
Что отъ этой, отъ любови
Приключается больша болесть,
Что отъ этой, отъ болести
Приключается скоро смертъ. (2)

VII. ЗАКЛИНАНІЯ, НАГОВОРЫ, ОБЕРЕГИ.

А. НА ЛЮБОВЬ.

1. Слова присушать дѣвицу.

Говорить въ питье и пищу:

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Стану, рабъ божей, благословесь, пойду перекрестесь, выйду въ чистое поле, въ широкое раздолье; на встрѣчу мнѣ середи чистаго поля и широкаго раздолья семдесять буйныхъ вѣтровъ и семдесять вихоровъ и семдесять вѣтровичь и семдесять вихоровичь. Пошли они на святую Русь зеленаго лѣсу ломать и на полъ изъ корени вонъ воротить и пещеры каменные розжигать. И тутъ я, рабъ божей (имя рекъ), помолюсь имъ и поклонюсь: о, вы есть 70 буйныхъ вѣтровъ и 70 вихоровъ и 70 вѣтровичь и 70 вихоровичь, не ходите вы на святую Русь зеленаго лѣсу ломать, изъ корени вонъ воротить и пещеры каменныя розжигать, подьте вы, разожгите у рабы божіей (имя рекъ) бѣлое тѣло, ретивое сердцо, памятную думу, черную печень, горячую кровь, жилы и суставы и всю ей, чтобы она раба божія (имя рекъ) не могла бы не жить, не быть, не пить, не исть, не слова говорить, не рѣчи творить, безъ меня, раба божія (имя рекъ). Какъ меня она, раба божія (имя рекъ), увидить или гласъ мой услышитъ, то бы радовалось ей бѣлое тѣло, ретивое сердце, памятная дума, черная печень, горячая кровь, кости и жилы и всѣ у ней суставы веселились. И какъ ждетъ народъ божія владычнаго праздника, свѣтлаго Христова Воскресенія, и звону колокольнаго, такъ бы она, раба божія (имя рекъ), дожидалась: на которой день меня она не увидитъ или гласа моего не услышитъ; такъ бы она сохла, какъ кошеная трава въ поли; какъ не можетъ быть рыба безъ воды, такъ бы не могла бы быть она безъ меня, раба божія (имя рекъ). Тѣмъ моимъ словамъ и рѣчамъ ключевыя слова, аминь, аминь, аминь.

(Изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги, Холмогор. у.).

2. Присушить дѣвицу.

Молодой человѣкъ, желающій возбудить къ себѣ любовь непреклонной дѣвицы, идетъ къ знахарю, съ просьбой присушить къ нему ту, которая была къ нему равнодушна.

Колдунъ вынимаетъ пряникъ и, принявъ таинственный видъ, начинаетъ, поводя глазами и расширяя по временамъ ноздри, наговаривать на этотъ пряникъ: «Во имя Отца и Сына Святаго Духа, аминь. Стану я рабъ божій Н. благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, въ чисто поле за дворами; взмолюся тремъ вѣтрамъ, тремъ братьямъ: вѣтеръ Моисей, вѣтеръ луна, вѣтеръ буйные вихори! Дуйте и вихрите по всему бѣлому свѣту и по всему міру крещеному, распалите, разожгите и сведите рабыню Н. со мною, съ рабомъ божіимъ, Н., душа съ душей, тѣло съ тѣломъ, плоть съ плотью, хоть съ хотью, не уроните той моей присухи ни на воду, ни на лѣсъ, ни на землю и не на скотину: въ воду сроните—вода высохнетъ; на лѣсъ сроните—лѣсъ повянетъ; на землю сроните—земля сгоритъ; на скотину сроните—скотина посохнетъ. Снесите и донесите, вижите и положите въ рабицу божію (имя рекъ) въ красную дѣвицу, въ бѣлое тѣло, въ ретивое сердце, въ хоть и въ плоть: чтобы красная дѣвица не могла безъ меня раба Божія (имя рекъ) ни пить, ни быть, ни дневать, ни часа часовать, о мнѣ, рабѣ божіемъ (имя рекъ), тужила бы и тосковала и никогда бы не забывала. Есть въ чистомъ полѣ сидитъ баба сводница, у бабы у сводницы стоитъ печь кирпичная, въ той печи кирпичной стоитъ кунганъ литръ; въ томъ кунганѣ литрѣ всякая вещь кипитъ перекипаетъ, горитъ перегораетъ, сохнетъ и посыхаетъ И такъ бы о мнѣ, рабѣ божіемъ Н., сердцемъ кипѣла, кровію горѣла, и не могла бы безъ меня, раба божія Н., ни жить, ни быть, ни дня дневать, ни часа часовать, ни питіемъ отпитися, ни дутьемъ отдутися и ни въ парной банѣ отпариться. Тѣмъ моимъ словамъ ключъ и замокъ, аки ключь на церкви. Во имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь, аминь, аминь.

«Стану я рабъ Божій Н. благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, въ чистое поле на три розстана, помолюся я, рабъ божій,

тремъ братамъ, тремъ вѣтрамъ: первый братъ вѣтръ восточный, второй вѣтръ западъ, третій вѣтеръ сѣверъ! Внесите тоску и сухоту въ рабину божію П., чтобъ она о мнѣ, рабѣ божіемъ, сохла и тосковала; не могла бы и дня дневать, ни часу часовать, отынѣ до вѣка и вовѣки, аминь, аминь, аминь.

Получивъ отъ колдуна приникъ, парень долженъ отдать его своей возлюбленной. Если это ему удастся, она побѣждена

(Записано А. Харитоновымъ въ Шенкур. уѣздѣ.)

3. На присушеніе.

Господи Іисусе Христе, Сыне Божій помилуй насъ, аминь.

На русской и на нѣмецкой земли есть огняной царь, высушилъ рѣки и озера и мелкій источины, — и какъ въ нынѣшнихъ вѣтрахъ (высушилъ), такъ бы сохла раба б. Н. по мнѣ рабу б. Н. двадцати четырехъ часу денныхъ и ночныхъ, на новцѣ мѣсяцѣ, и на ветхѣ мѣсяцѣ, и на перекроѣ мѣсяцѣ, и во вся меженны дни, и не могла бы не жить и не быть, ни исть раба б. Н. безъ меня р. б. Н.: въ семидесятъ суставахъ и въ семидесяти жилахъ, въ поднятое жиліе и въ подколѣнномъ жиліе и во пространной жилы въ . . . . и вездѣ бы сохло и болѣло, по мнѣ р. б. П. Еще есть въ чистомъ полѣ стоитъ Феоклистъ, да все высохло; днемъ при солнцѣ, а ночью при мѣсяцѣ и при частыхъ звѣздахъ, и при частыхъ дождикахъ, въ семидесяти суставахъ и въ семидесяти жилахъ и въ подколѣнномъ жильѣ и въ пространной жилѣ въ . . . . и вездѣ бы сохло у рабы б. Н. двадцать четыре часу денныхъ и ночныхъ, на утряной зорѣ, на вечерной зорѣ, на новцѣ мѣсяцѣ. и на ветхи мѣсяцѣ и на перекроѣ мѣсяцѣ, во вся меженные дни, не могла бы она р. б Н. безъ меня раба б. Н. не жить и не быть Еще есть въ чистомъ полѣ печь мѣдная, накладена дровъ дубовыхъ, какъ отъ тѣхъ дровъ дубовыхъ сколь жарко разгорятся, и такъ бы разгорялась раба б. Н. по мнѣ рабу б. Н. 24 часу денныхъ и ночныхъ, на новцѣ мѣсяцѣ и на ветху мѣсяцѣ, и на перекроѣ мѣсяцѣ, во вся меженныя дни, на утренной зори, во вся меженныя дни, не могла бы она р. б. Н. безъ меня р. б. Н. не жить и не быть. Всѣмъ моимъ словамъ ключь и замокъ, аминь, аминь, аминь.

Трижды плюнь, а говорить на соль или на пиво, или на приникъ, или въ вино.

(Списано со старинной тетрадки, доставленной изъ Пинежскаго уѣзда г. Хромцовымъ).

4. Присушить дѣвку.

Выйду я на улицу, на божій свѣтъ, посмотрю въ чисто поле. Въ чистомъ полѣ есть 77 мѣдныхъ свѣтлыхъ каленыхъ печей, на тѣхъ 77 на мѣдныхъ, на свѣтлыхъ, каленыхъ печахъ есть по 77 еги-бабъ; у тѣхъ у 77 еги-бабъ есть по 77 дочерей, у тѣхъ у 77 дочерей есть по 77 клукъ и по 77 метелъ. Помолюсе и покорюсе я р. б. И. этимъ еги-бабовымъ дочерямъ: «ой еси! вы, еги-бабовы дочери, присушите и прилуците рабу б. Н. къ рабу б Н. метлами, слѣды запашите, клуками заключите, бейте убивайте подпятную жилу, бейте убивайте подколенную жилу, бейте убивайте становую жилу, бейте убивайте корекорнстой дубъ, бейте убивайте мѣдны калены печи». Коль горятъ пылко и жарко мѣдны калены пеци, такъ же бы раба б. им. пеклась и калилась по всяко время, по всякъ часъ, утра рано, вечера поздно, о середки дня, о полуноци, на утряной зори и на вечерной, на нову и на ветху мѣсяцу, и на перекроѣ мѣсяцѣ; немогла бы она безъ р. б. Н. не жить, не быть, не пить, не исть, во снѣ не засыпала, во питіи не запивала, во ѣды не заѣдала, съ добрыми людьми во бесѣды не засиживала, все меня р. б. Н. на умѣ держала; и казался бы я р. б. Н. свѣтле свѣтла мѣсяца, красне краспа солнышка, любе отца—матери, толще и матерѣй всего міру крещеного. Вѣтры вѣтероцки, буйны вѣхроцки! спушу я съ вами свои слова, свою статію, на свою сторону, гдѣ ее найдете, тутъ ее возмите, —на широкой улицы, во мшаной хороминѣ, во дверехъ, воротницкахъ.

(Этотъ заговоръ, кажется не законченный, списанъ со старинной тетрадки, доставленной г. Хромцовымъ изъ Пинежскаго у.).

5. На разженіе сердца у дѣвицы.

Стану я, не благословясь, пойду не перекрестясь, изъ избы не дверями, изъ двора не воротами, въ чистое поле. Въ томъ полѣ есть окіанъ-море, въ томъ морѣ есть латырь камень, на томъ камнѣ стоитъ столбъ, отъ земли до неба огненный, подъ тѣмъ столбомъ лежитъ змѣя жгуча, опалюча. Я той змѣѣ поклонюсь и покорюсь: Ой еси, ты, змѣя! не жги, не пали меня, полетай подъ восточну сторону, въ высокъ теремъ, въ новы лкой, пухову перину, шелкову подушку, къ дѣвицѣ, N., разожги и распали у той дѣвицы бѣлое тѣло, ретивое сердце, черную печень, горячую кровь, всѣ подлятныя и заножотныя жилы; чтобъ она дѣвица N. не могла ни жить ни быть, часу часовать и минуты ми-

новать; поутру вставала—обо мнѣ бы вздыхала, помпла—на мнѣ Н. величала, ни съ кѣмъ бы она думы не думала, мыслей не мыслила, плоду не плодила, плодовыхъ рѣчей не говорила, ни съ отцемъ бы, ни съ матерью, ни съ родомъ, ни съ племенемъ, кромѣ меня р. б. Н.; все бы она дѣвица Н. со мной р. б. Н. думу думала, мысли мыслила, плодъ плодила, плодовыя рѣчи говорила, на ветку и на ноѣу мѣсяцу и на перекроѣ мѣсяцу. Будьте тѣ мои слова недоговорены, переговорены, всѣ сполна говорены. Ключъ симъ словамъ въ зубы, замокъ въ ротъ.

(Доставилъ П. А. Ивановъ изъ г. Пинеги.)

6. На рожденіе дѣвичья сердца.

Встану я, рабъ божій имярекъ, благословясь, пойду перекрестесь, изъ избы дверями, изъ двора воротами, въ чистое поле, поглижу и посмотрю подъ восточную сторону; подъ восточной стороной стоитъ есть три печи: печка мѣдна, печка желѣзна, печка кирпична. Какъ онѣ разожглись и распалились отъ неба и до земли, разжигаются небо и земля и вся подселенная; такъ бы разжигало у рабы божей (имярекъ) къ рабу божію (имярекъ) легкое и печень и кровь горячу, не можно бы ей ни жить, ни быть, ни пить, ни ись, ни спать, ни лежать, все на умѣ меня держать. Недоговорены, переговорены, прострѣлите, мои слова, пуще вострого ножа и рысьяго когтя.

(Записалъ помощ. миссіонера Батраковъ въ с. Ухтостровѣ.)

7. Слова тоску напустить, присушить дѣвокъ.

Четыре зорницы, четыре сестрицы: первая Марія, вторая Марфа, третія Марина, четвертая Макрида; подьте вы, сымайте тоску и великую печаль съ гостей съ властей со кручинныхъ потюремныхъ людей, салдатовъ новобраныхъ и съ малыехъ младенцевъ, которые титьку сосали и отъ матерей остались; наложите ту тоску и тѣлесную сухоту, великую печаль, на рабу божію имя рекъ, чтобы она, раба божія имярекъ, безъ меня, раба божія имярекъ, не могла бы она не жить, не ходить, не лежать, не спать, все по мнѣ, рабѣ божіемъ имярекъ, тосковать. Тѣмъ словамъ и рѣчамъ ключевыя слова, аминь, аминь, аминь.

(Изъ старинаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги, Холмогор. у.)

8. Слова тоску напустить.

Во имя Отца и Сына и святаго Духа. Стану я рабъ Божей имярекъ, благословесь, пойду перекрестесь, изъ избы дверями, изъ двора воротами, выйду въ чистое поле; въ чистомъ полѣ стоитъ изба, въ избѣ изъ угла въ уголъ лежитъ доска, на доскѣ лежитъ тоска. Я той доски, рабъ божій имярекъ, помолюся и поклонюся. о, сія тоска, не ходи ко мнѣ, рабу божію имярекъ, поди тоска, навались на красную дѣвицу, въ ясныя очи, въ черныя брови, въ ретивое сердце, розожги у ней, рабы божіей имярекъ, ретивое сердце, кровь горячую по мнѣ, рабѣ божіемъ имярекъ, не могла бы ни жить, ни быть. Вся моя крѣпость аминь, аминь, аминь.

(Изъ стараго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги, Холмог. у.)

9. Навести тоску.

Встану я, рабъ Божій, благословясь, пойду перекрестясь изъ дверей въ двери, изъ дверей въ ворота, въ чистое поле, стану на западъ хребтомъ, на востокъ лицомъ, позрю, посмотрю на ясное небо; со ясна неба лѣтитъ огненна стрѣла; той стрѣлѣ помолюсь, покорюсь и спрошу ее: «Куда полетѣла, огненна стрѣла?»—Во темные лѣса, въ зыбучія болота, въ сыроѣ коренье!—«О ты огненна стрѣла, воротись и полетай, куда я тебя пошлю: есть на святой Руси красна дѣвица (имя рекъ) полетай ей въ ретивое сердце, въ черную печень, въ горячую кровь, въ становую жилу, въ сахарныя уста, въ ясныя очи, въ черныя брови, чтобы она тосковала, горевала весь день, при солнцѣ, на утренней зарѣ, при младомъ мѣсяцѣ, на вѣтрѣ-холодѣ, на прибылыхъ дняхъ и на убылыхъ дняхъ, отнынѣ и до вѣка.»

(Шенкур. у.)

10. Присушать дѣвокъ.

Говорить въ пищу и питье:

Держитца, сохнетъ, прочь не отходитъ. Какъ малой младенецъ отъ матери прочь не отходитъ, держитца, сохнетъ по всякой часъ и на всякое время, какъ косякъ косяка держитца, прочь не отходитъ, такъ бы держалась раба божія, имя рекъ, крѣпко и плотно прочь отъ меня, раба божія имя рекъ, неотходила, держалась и сохла крѣпко; какъ двери отъ обо-дверины неотходятъ, держатца крѣпко, какъ печная доска отъ печи прочь не отходитъ, горитъ и сохнетъ, прочь не отходитъ, такъ бы не отходила раба Божія имя рекъ отъ меня, раба божія имя рекъ, сохла, горѣла, прочь не отходила по всякой часъ на всякое время. Стану я, рабъ божій имя рекъ, благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора во-

ротами, выйду на широкую улицу, пойду въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ красное солнце грѣетъ и огрѣваетъ сыроматерую землю; отъ краснаго солнца сохнетъ и обсыхаетъ роса медвяная, такъ бы сохло и обсыхало ретивое сердце у рабы божіей имя рекъ по мнѣ, рабѣ, божіемъ имя рекъ. Какъ красное солнце огрѣваетъ сыроматерую землю, щепитце и колитца и сохнетъ, какъ хмѣль вьетце и тянетце по сыроматерой земли, такъ бы вилось и тянулось ретивое сердце по мнѣ, рабѣ божіемъ имя рекъ, на всякой часъ, на всякое время. Пойду я рабъ божій по зорю Марію, по зорю Маремьянію ко господню престолу, на господнемъ престолѣ мати Марія и Маремьянія, прійду я къ тебѣ, рабъ божей имя рекъ, низко помолюся и поклонюся, какъ на тебѣ нетлѣнныя ризы держатца, такъ бы держалась раба божія имя рекъ Пойду я, рабъ божей имя рекъ, подле синее море: есть въ мори ковылъ щука, безъ воды не можетъ ни жить ни быть, ни дня, ни ночи, ни малой часъ. Поди та тоска въ семдесятъ жилъ и въ семдесятъ суставовъ во становыя въ двѣ жилы и въ едину, въ попядную и спиновую жилу. Тѣмъ моимъ словамъ ключь и замокъ, брошу замокъ въ морскую пучину, тѣмъ моимъ словамъ ключа не бывать и того замка не отпирать, аминь, аминь, аминь.

(Изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги, Холмогорскаго у.)

11. Подходъ на любовь дѣвицы.

Наговариваютъ на воду или на пряникъ или на что либо другое, и даютъ выпить или съѣсть той, которую хотятъ приворожить:

Стану я р. б. благословясь, пойду перекрестясь изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, выйду я въ чистое поле. Есть сидитъ въ чистомъ полѣ сама Пресвятая Богородица Мати Божія. Какъ она скрипитъ и болитъ по своемъ сынѣ, такъ бы по рабу б. Н. раба б. Н. скрипѣла и болѣла, и въ огнѣ горѣла, не могла бы она ни жить, и не быть, и не пить, и не исть. Во имя О. и С. и Св. Д. Аминь.

(Запис. въ г. Онегѣ).

12. На любовь дѣвушекъ и всѣхъ людей.

Наговорить на кольцо или на крестъ, и положить его себѣ за пазуху или въ платокъ.

Собирайтеся народъ, люди добрые, ко честному Христову празднику. Какъ глядятъ на кресты, на маковки, на Мать Пресвятую Богородицу, на различный образъ; такъ бы на раба б. Н. глядѣли и смотрѣли старые старики, молодые мужики, старыя старухи, молодыя молодухи, красныя дѣвицы, малыя ребятка; такъ бы раба б. Н. глядѣла и смотрѣла; такъ бы рабъ б. Н. (имя заговаривающаго) казался краше краснаго золота, чище чистаго серебра. Будьте мои слова тверды и крѣпки, на вѣки нерушимы. Ключь въ воду, а замокъ въ руки.

(Запис. въ г. Онегѣ.)

13. Наговоръ на присушеніе.

Какъ рабъ божій Н., любитъ рабу божію Н, такъ чтобы и раба Божія Н., любила раба Божія Н. не могла безъ него ни жить, ни пить и не исть; и любила и почитала его лучше отца и матери, бѣлаго мѣсяца и краснаго ясна солнышка, вѣки повѣки, отнынѣ до вѣку, аминь

(Доставилъ П. А. Ивановъ изъ г. Пинеги.)

14. Для присухи.

Изъ свѣжаго вѣника берется прутокъ, который кладутъ у порога двери, въ которую пройдетъ тотъ, для кого назначена присуха. Какъ только перешагнуто черезъ прутъ, онъ убирается въ такое мѣсто, гдѣ его никто не могъ бы видѣть. Потомъ берутъ прутъ въ жарко истопленную баню, бросаютъ на полокъ и приговариваютъ:

«Какъ сохнетъ этотъ прутъ, пускай сохнетъ по мнѣ рабъ божій (такой-то)».

(Доставилъ г. Никольскій изъ Мезени).

15. Старинное заклинаніе на любовь.

Стану отрокъ, имя рекъ, не благословесь, пойду не перекрестесь, изъ избы не дверми, изъ двора не воротми, и пойду въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ стоитъ три и два и единъ: бѣсъ Сава, бѣсъ Колдунъ, бѣсъ Асаулъ, и я сойдусь поближе отрокъ им. р. и поклонюсь пониже: а.....*) вы три деветъ бѣсовъ три, два, и единъ, бѣсъ Сава, бѣсъ Колдунъ, бѣсъ Асаулъ, и какъ вы служили Ироду царю, и такъ послужите мнѣ отроку им., пойдите по городамъ и по уѣздамъ и по деревнямъ, избирайте тоску и сухоту, со звѣрей и съ птицы, и съ рыбы и со всякаго званія людей, и снесите ту тоску и сухоту въ отроковицу, имя рекъ, въ ясныя очи, въ черныя брови, въ румяное лице, въ сахарныя уста, въ горячую кровь, въ черную печень, въ тридевять жилъ, и въ одну жилу, во становую, въ подпятную....., чтобы отроковица (имя рекъ) не могла бы не жить, не быть ни день по солнцу; ночію по мѣсицу. Какъ младенецъ

*) Здѣсь и въ слѣдующихъ мѣстахъ вырвано по одному слову въ рукописи.

безъ матернаго молока жить не можетъ, такъ бы жила отроковица и. р.: безъ воды не можетъ жить ни днемъ, ни ночью, ни въ которую пору. Есть въ чистомъ полѣ стоитъ дубъ сорочинской, и подъ тѣмъ дубомъ сорочинскимъ есть тридевять отроковицъ, изъ подъ того дуба сорочинскаго выходитъ Яга баба и пожигаетъ тридевять саженъ дубовыхъ дровъ. И коль жарко и коль ярко разгоралось тридевять саженъ дубовыхъ дровъ и столь жарко..... разгоралась отроковица р. б. (имя рекъ), разгорались ясныя очи и черныя брови, и румяное лицо, сахарныя уста, ретивое сердце и горячая кровь, черная печень, семдесять жилъ и семдесять суставовъ и семдесять одинъ суставъ, чтобы отроковица р. б. (имя рекъ) безъ отрока, имя рекъ, не могла бы съ себя тоски и сухоты снять, въ парной банѣ паритце, не могла бы въ чистомъ полѣ разгулятца и прѣснымъ молокомъ нахлебатце, ни сномъ отоспатце, въ бесѣди не отсидѣтце. И тѣмъ моимъ словамъ ключь и замокъ, и замокъ замкну, и снесу замокъ въ акіянъ-море подъ латырь камень.

(Списанъ со старинной рукописи, доставленной изъ Пинежскаго у. г. Хромцовымъ).

16. Наразожженіе сердца удѣвицы.

Встану не благословесь, пойду не перекрестесь, въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ стоитъ терновъ кустъ, а въ томъ кусту сидитъ толстая баба, сатанина угодница. Поклонюсь я тебѣ, толстой бабѣ, сатанинной угодницѣ, и отступлюсь отъ отца и отъ матери, отъ роду, отъ племяни. Поди, толстая баба, разожги у красной дѣвицы сердце по мнѣ, рабѣ имя рекъ.

(Заговоръ этотъ выписанъ изъ стариннаго дѣла бывшей Архангелогородской Губернской канцеляріи. Дѣло значится по секретной описи подъ № 251-мъ 1734 года и названо: Присланный его Императорскаго Величества изъ С.-Петербургской канцеляріи Тайныхъ и Розыскныхъ Дѣлъ указъ Кехотской волости о крестьянинѣ Трофимѣ Поповѣ).

17. Напустить тоску парню.

Пойти въ баню, послѣ паренья, стать на тотъ вѣникъ, которымъ парились, и говорить:

Выйду изъ парной байны, стану своимъ бѣлымъ бумажнымъ тѣломъ на шелковъ вѣникъ: дуну и плюну въ четыре вѣтра буйныхъ. Попрошу изъ чиста поля четырехъ братьевъ,—четыре птицы востроносы и долгоносы, окованы носы. Лети изъ чистаго поля бѣлый кречетъ, неси бѣлый кречетъ вострый ножъ и востро копье; садись бѣлый кречетъ рабу Божію (имя рекъ) на бѣлы груди, на ретиво сердце. Рѣжь же его бѣлы груди тѣмъ же вострымъ ножемъ, коли же его ретиво сердце тѣмъ же вострымъ копьемъ; вынимай изъ его ретива сердца, изъ черной печени и изо всей крови горячей еще тоску и кручину. Полети бѣлый кречетъ, понеси, бѣлый кречетъ, всю тоску и кручину, на воду не опусти, на землю не урони, на стужѣ не позноби, на вѣтрѣ не посуши, на солнце не повянь; донеси всю тоску кручину, всю сухоту, чахоту и юноту велику до раба Божія (имя рекъ) гдѣ бы его завидѣть, гдѣ бы его заслышать, хошъ бы въ чистомъ полѣ, хошъ бы при разстаньѣ великомъ, хошъ бы при путяхъ—дорогахъ, хошъ бы въ парной байнѣ, хошъ бы въ свѣтлой свѣтлицы, хошъ бы за столами дубовыми, хошъ бы за скатертями перчатными, хошъ бы за кушаньями сахарными, хошъ при мягкой постели, при высокомъ изголовьи, хошъ при крѣпкомъ сну. Садись бѣлый кречетъ рабу Божію (имя рекъ) на бѣлы груди, на ретиво сердце, рѣжь его бѣлы груди тѣмъ же острымъ ножомъ, коли его ретиво сердце тѣмъ же острымъ копьемъ, клади въ его былы груди, въ ретиво сердце, въ кровь кипучую всю тоску кручину, всю сухоту, всю чахоту, всю юноту великую, во всю его силу могучую, въ грудь и спину, въ хоть его и въ плоть его, въ семьдесять семь жилъ, въ станову его жилу, въ семьдеслъ семь суставовъ, въ становой его суставъ, во всю буйну голову, въ лицо его бѣлое, въ брови черныя, въ уста сахарныя, во всю его красоту молодецкую. Рабъ Божій (имя рекъ) по мнѣ рабѣ Божіей (имя рекъ) чахъ бы чахотой, сохъ сухотой, вялъ виноtой въ день по солнцу, въ ночь по мѣсяцу, на новцу, на полну и на ветху, въ перекрой мѣсяцу во всѣ меженые дни, въ утренни и въ вечерни зори, во всякой часъ и минуту. Какъ Май мѣсяцъ мается, такъ бы рабъ Божій (имя рекъ) за рабой Божіей (имя рекъ) ходилъ и маялся. Не могъ бы ее ходить и переходить, никоимъ словомъ обходить, вѣкъ по вѣки, и рабъ Божій (имя рекъ) по рабѣ Божіей (имя рекъ) не могъ бы ни жить, ни быть, ни пить, ни ѣсть, ни на новцу, ни на полну, ни на ветху, ни на перекрой мѣсяца, во всѣ межны дни. Какъ Май мѣсяцъ мается, также бы рабъ Божій (имя рекъ) за рабой Божіей (имя рекъ) ходилъ и маялся, и не могъ бы онъ ее никоимъ словомъ ходить и переходить, и не могъ бы безъ ее ни пить, ни ѣсть, ни жить, ни быть. Эти мои наговорны слова, которы договорены, которы переговорены, которы назади остались, — берите мои слова во-

стрѣй востраго ножа, вострѣй копья, вострѣй сабли, лрѣй ключевой воды. И этимъ моимъ наговорнымъ словамъ заключенныя слова ключь и замокъ, ключь щукѣ, замокъ въ зубы,—щука въ морѣ. Нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

(Доставилъ г. Никольскій изъ г. Мезени).

18. На прилученіе парня.

Пойду я въ чисто поле, есть въ чистомъ полѣ бѣлый кречетъ. Попрошу я бѣлаго кречета: слеталъ бы онъ въ чисто поле, въ синее море, въ крутыя горы, въ темные лѣса, въ зыбучія болота и попросилъ бы онъ окаянную силу, чтобы дала она ему помощи сходить ему въ высокій теремъ и застать его хотъ бы середка темной ночи соннаго; и сѣлъ бы бѣлый кречетъ на бѣлую грудь, на ретиво сердце, на горячую печень, и вложилъ бы рабу Божію (имя рекъ) изъ своихъ окаянныхъ устъ, чтобы онъ не могъ безъ рабы Божіей (имя рекъ) ни жить, ни быть, ни пить, ни ѣсть.

(Доставилъ г. Никольскій изъ г. Мезени).

19. На людскую любовь.

Стану я рабъ Божій поутру, благословясь и перекрестясь; выйду я въ чистое поле, погляжу на всѣ на четыре стороны: на восточной сторонѣ стоитъ святая церковь. Какъ на эту церковь смотрятъ и зарятся, такъ бы на раба Божія и смотрили и зарились старыя старушки, старые старики, маленькія ребятка, красныя дѣвицы, молодыя молодицы, смотрили и зарились на раба Божія. Будьте слова мои крѣпки и емки, какъ ключи подземельные, аминь.

Это заклинаніе употребляется для привлеченія любви какъ дѣвушекъ, такъ и всѣхъ вообще людей.

(Записано въ г. Онегѣ).

20. Навести красоту.

Чтобы навести красоту, или казаться красивѣе, берется платокъ, съ которымъ выходятъ на улицу, произносятъ ниже приведенныя слова и потомъ, придя домой, утираются тѣмъ платкомъ:

Стану благословясь, выйду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, выйду на широку улицу, стану на востокъ хребтомъ, на западъ глазами. На западной сторонѣ тамъ сидитъ обрученный Іосифъ, зритъ и смотритъ на Госпожу Пресвятую Богородицу, такъ и на меня бы рабъ Божій весь вѣкъ смотрѣлъ бы и глядѣлъ.

(Доставилъ г. Никольскій изъ г. Мезени).

21. Снять тоску.

Нужно взять въ какую либо посудину воды изъ трехъ ручьевъ. Наливаютъ ее ковшомъ, перекрестившись прежде всего три раза. Зачерпываютъ воду по теченью, считая ковши такъ: не разъ, не два, не три..... не девять.... (всего 27 ковшей, т. е. три раза по 9-ти). Нужно стараться брать столько воды въ ковшикъ, чтобы въ эти 27 разъ наполнить ровно половину посудины. Если же кажется больше или меньше, то выливается вонъ, на отмашъ, говори: тьфу ты окаянная сила! Если же налилось какъ разъ до половины, то становятся на развязанной вѣникъ и обливаются этой водой, произнося слѣдующія слова:

Стану я млада на шелковъ вѣникъ бѣлымъ тѣломъ, бѣлой грудью, черными бровями, ясными очами, ретивымъ сердцемъ, слабыми мыслями, попрошу я сѣраго зайка: прибѣжалъ бы ко мнѣ сѣрый заюшко, снялъ бы съ меня тоску—кручину,—печаль, и понесъ бы онъ ее въ чистое поле и спустилъ бы ее по буйному вѣтру, разнесло бы ее по разнымъ городамъ и вложилъ бы ее рабу Божію (имя рекъ), объ комъ я млада кручинна тоскую.

(Доставилъ г. Никольскій изъ г. Мезени).

22. Остудныя слова.

Эти слова употребляются для того, чтобы сдѣлать немилымъ кого либо или разлучить съ другимъ. Обыкновенно они наговариваются на землю, взятую между двухъ горъ или же изъ ручья (тогда оба берега считаются за горы). Эту землю даютъ въ какомъ нибудь кушаньѣ. Для большей дѣйствительности прибавляютъ въ нее мелко-изрубленные медвѣжьи когти.

«Стану не благословясь выйду не перекрестясь изъ избы не дверьми, изъ двора не воротами, —мышей норой, собачей тропой, окладнымъ бревномъ; выйду на широку улицу, спущусь подъ круту гору, возьму отъ двухъ горъ земельки. Гора съ горой не сходится, гора съ горой не сдвигается, такъ же бы р. б. (имя рекъ) съ р. б. (имя рекъ) не сходился, не сдвигался. Гора на гору глядитъ, ничего не говоритъ, такъ же бы р. б. (имя рекъ) съ р. б. (имя рекъ) ничего бы не говорилъ. Чуръ отъ дѣвки отъ простоволоски, отъ жонки отъ бѣлоголовки, чуръ отъ стараго старика, чуръ отъ еретиковъ, чуръ отъ еретицъ, чуръ отъ ящеръ ящерицъ».

(Доставилъ г. Никольскій изъ г. Мезени).

23. На остуду.

Ручей съ ручьемъ сбѣгается, гора съ горой не сходится, лѣсъ съ лѣсомъ срастается, цвѣтъ съ цвѣтомъ слипается, трава развивается. Отъ той травы цвѣтъ сорву, съ собой возьму, выйду на долину, на таку большу тропину, возьму себѣ земляну, сяду подъ лѣсину, выйду на широкій лугъ, посмотрю на всѣ четыре стороны: нейдетъ ли р. б. (имя рекъ), я кину и брошу я въ чисто поле; — и какъ гора съ горой не сходится, такъ бы и р. б. (имя рекъ) не сходился и не двигался.

(Доставилъ г. Никольскій изъ г. Мезени).

24. На разлученіе.

Зайду я во широкій дворъ во высокій домъ, запашу я (имя рекъ) отстуду велику, отстудился бы р. б. (имя рекъ) отъ р. б. (имя рекъ), чтобы онъ былъ ей не на глаза ни днемъ, ни ночью, ни утромъ, ни вечеромъ; чтобы онъ въ покой, она изъ покои, онъ бы на улицу, она бы съ улицы; такъ бы она ему казалась, какъ люта медвѣдица. И въ какомъ бы она ни была платьѣ, хошъ въ цвѣтномъ, хошъ въ держамомъ *), все бы онъ не могъ ее терпѣть, и нажинный бы разъ не спосилъ бы съ ея зубовъ своихъ кулаковъ. Хошъ бы ладно она дѣлала, а ему бы все казалось неладно, и хошъ бы по уму дѣлала, а ему бы казалось не по мыслямъ. Пошелъ бы онъ на улицу, разогналъ бы грусть тоску кручину съ чужими людьми, и пошелъ бы онъ домой и поналился бы на мѣсто, **) и есть у него подружка, ночна подушка и разогналъ бы онъ съ ей грусть — тоску.

(Доставилъ г. Никольскій изъ г. Мезени).

25. Наговоръ на разлученіе.

Чертъ идетъ водой, волкъ идетъ горой; они вмѣстѣ не сходятся, думы не думаютъ, мыслей не мыслятъ, плоду не плодятъ, плодовыхъ рѣчей не говорятъ. Такъ бы и рабы божіи (такіе-то) мыслей не мыслили, плоду не плодили, плодовыхъ рѣчей не говорили, а все бы какъ кошка да собака жили.

(Доставилъ г. Ивановъ изъ г. Пинеги).

26. На устудну.

Стану я рабъ б. N. не благословясь, и пойду не перекрестясь, изъ избы не дверьми, изъ воротъ не въ ворота, выйду подвальнымъ бревномъ и дымнымъ окномъ (трубою) въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ бѣжитъ рѣка черна, по той рѣки черной ѣздитъ чертъ съ чертовкой, а водяной съ водяновкой, на одномъ челнѣ не сидятъ, и во одно весло не гребутъ, одной думы не думаютъ, и совѣтъ не совѣтуютъ. Такъ бы рабъ б. N. съ рабой б. N. на одной бы лавки не сидѣли, въ одно бы окно не глядѣли, одной бы думы не думали, одного совѣта не совѣтовали. Собака бѣла, кошка сѣра — одинъ змѣиный духъ. Ключъ и замокъ словамъ моимъ.

Заговоръ этотъ преимущественно употребляется въ г. Онегѣ и наговаривается или на воду или на съѣстное. Записалъ С. Огородниковъ *).

*) Державный — булавочный, рабочій.

**) Мѣсто — постель, перина.

Б. ПРИ БРАКѢ.

1.

Въ праздникъ Покрова Пресвятыя Богородицы, т. е. 1 октября, бываетъ необыкновенное стеченіе въ церкви дѣвушекъ, для слушанія литургіи. При моленіи, онѣ произносятъ особую молитву:

Пресвятая Мати Богородица! покрой мою голову краснымъ кокошникомъ, золотымъ подзатыльникомъ.

Объ этомъ же дѣвушки молятся на сей день всю ночеченьку на пролетъ.

(Доставилъ П. А. Ивановъ изъ г. Пинеги).

2.

Въ день св. Параскевеи нареченной Пятницею, 28 октября, какъ и въ день Покрова Пресвятыя Богородицы собирается къ литургіи много дѣвушекъ. Онѣ вымаливаютъ себѣ жениховъ:

Пятница-Параскевея пошли женіховъ поскорѣе.

(Доставилъ Ивановъ изъ г. Пинеги).

3. Подходъ свата.

Желающій жениться на избранной невѣстѣ посылаетъ, съ благословенія родителей, бойкаго свата, или сватью, къ родителямъ невѣсты. Для достиженія успѣха, сватъ встаетъ передъ иконой Божьей Матери, обтираетъ ее чистымъ полотенцемъ и трижды шепчетъ:

Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Стану я рабъ Божій имярекъ, благословясь, пойду перекрестясь, войду въ чистое поле, встану на востокъ лицомъ, на западъ хребтомъ, помолюся Господу нашему Іисусу Христу и Матери Пресвятой Владычицы Богородицы и всѣмъ святымъ; надѣну утреннійй бѣлый свѣтъ и застегаюсь утренними мелкочастыми звѣздами, умоюсь мокрою росою Соломоніею, утруся бѣлымъ полотенцемъ-бѣлымъ свѣтомъ, положу царскій колпакъ, пойду къ рабу Божію ко властелину (имя рекъ), въ свѣтлыя очи и въ радостное сердце. Какъ рабъ Божій имярекъ зритъ и гля-

*) Срав. труды Арханг. Стат. Ком. 1866 г. стр. 44.

дить на Матъ Пресвятую Богородицу и на истиннаго Христа, Царя Небеснаго, такъ и на меня, бъ (имя рекъ) раба Божія зрѣлъ, и глядѣлъ, и ярымъ окомъ не взбудимъ, и зубомъ не скрипнулъ, и головой не тряхнулъ, и ногой не топнулъ, и зла-лиха не подумалъ. Будьте слова эти сполна и крѣпки на рабѣ Божіемъ (имя рекъ). Во имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь.

(Рукопис. описаніе свадьбы въ Турчасовскомъ приходѣ, Онежск. у. священника Алексѣева).

4.

На канунѣ брака наряжаютъ невѣсту и моютъ съ нижеслѣдующими словами, наговариваемыми на пиво, которымъ невѣста умываетъ свое лице:

Какъ ты, чисто злато-серебро, чисто и прилично; какъ на тебя, злато-серебро, всякъ зарится, заглядывается: старый и младъ, женатый и холостой, старыя старухи и молодыя молодицы, и красивыя дѣвицы и молодые молодцы; такъ бы на тебя, рабу N., зарились бы и заглядывали всѣ, казалась бы ты имъ златомъ-серебромъ, глядѣли бы и смотрѣли бы и очей съ тебя не спускали.

(Доставилъ свящ. А. Колчинъ изъ села Пингишей, Холмог. уѣзда).

5. Свадебный отпускъ.

Когда случится отпустить свадьбу, говоритъ предъ Богомъ въ платъ или въ воскъ:

Господи Іисусе Христе, Сыне Божій! Во имя Отца и Сына и Св. Духа аминь. Отъ чего тѣ слова говорятца? отъ евангелія Христова царя небеснаго. Михаилъ архистратигъ, святый Петръ и Павелъ верховніи апостоли, ставьте тридесять тыновъ мѣдныхъ отъ земли подошвы и до небесной до морской глубины, отъ восточныя и до западныя, отъ лѣта до сѣвера, отъ земли и до небеси и со всѣхъ четырехъ сторонъ стоятъ около меня раба Божія имя рекъ; у тѣхъ же у тридесяти тыновъ есть тридесять воротъ, у тѣхъ же у тридесятъ воротъ есть тридесять замковъ, у тѣхъ же у тридесять замковъ есть тридесять ключей. Пріиду я, рабъ божій имя рекъ, и затворю тѣ тридесять замковъ и брошу тѣ тридесять ключей во святое Хвалынское море, и пріидетъ щука золотая, челюстію ухватитъ тѣ ключи и понесетъ во глубину морскую, въ пуповину, подъ колоду бѣлодубовую. И тѣмъ словамъ ключевыя слова, аминь, аминь, аминь.

(Изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги, Холмогор. у.)

6.

При входѣ, послѣ вѣнца, въ домъ мужа молодая говоритъ:

Первая, другая, я иду третья, цицъ! всѣ вонъ, мнѣ одной домъ.

Этотъ приговоръ молодой употребляется ею вѣроятно для того, чтобы первенствовать въ домѣ надъ другими снохами.

(Записалъ свящ. Алексѣевъ въ с. Турчасовѣ, Онежскаго у.)

7.

Когда молодой идетъ въ домъ невѣсты на жительство (зять-пріемышъ), то, вступая въ избу послѣ вѣнца, произноситъ слова глядя на потолокъ:

Я иду звѣрь лапистъ и гордъ горластый, волкъ зубастый; я есть волкъ, а вы есть овцы мои.

(Записалъ свящ. Алексѣевъ въ с. Турчасовѣ, Онежскаго у.)

8.

Въ Шенкурскомъ уѣздѣ, въ заключеніе стола послѣ вѣнца, приносятъ горшокъ крупяной каши. Послѣдній изъ гостей, выхлебавъ всю и зачистивъ остатки, бросаетъ порожній горшокъ на печь съ приговоромъ:

Сколько черепья, столько ребятъ молодымъ!

(Шенкур. уѣзда).

9. Свадебный оберегъ.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Есть въ западной стороны море Черное; въ томъ же мори есть островъ; на томъ же острову выросло древо, на томъ же древѣ корень и вѣтвіе. На томъ же древѣ сидитъ желѣзенъ мужъ, осматриваетъ желѣзенъ мужъ всякаго вѣдуна, колдуна, кудесника, чтобы видѣти мнѣ сторожу колдуна и вѣдуна, мужика и женку, и дѣвку. Окажи мнѣ на всѣхъ четырехъ сторонахъ, окажи мнѣ сторожу въ избѣ или на улицы, въ пиру или на сварбы, или у заплота или за плахами или за рѣкою, вездѣ, кто гдѣ не стоитъ, какъ бы сторожа не тронуть. Тотъ же желѣзенъ мужъ, кабы на колдуна и вѣдуна тенетъ онъ лукъ, отворачиваетъ недобрыя словеса и рѣчи колдунове и вѣдунове, яже онъ врагъ ими на меня вражитъ, онъ отворачиваетъ, тотъ же желѣзенъ мужъ. Или баба еся сѣтьми же, тотъ же врагъ ее же, кабы она легонько въ зубы подолъ знела и подругу бы оказала, руки бы зняла, своего дьявола звеселила, да тотъ же желѣзенъ мужъ въ избу привяжи ея къ печному столбу, а на улицы къ огороду. А мужикъ тотъ же колдунъ надо мною пыта-

етця; ты же желѣзенъ мужъ, кабы насъ не пяла ево ни молитва, а ему колдуну не чѣмъ бы ему отъ меня не онятця; сведи его тотъ же желѣзенъ мужъ, сведи ево въ баню и поставь его въ каменицу головою, иже ево врага, кой вражитъ, и повесь ево же вверхъ ногами у стропилъ по одному углу, и броси ево же о сыру землю, да тотъ же желѣзенъ мужъ не отпущай меня раба божія (имярекъ); его врага о землю порази, ево стречника. Или у князя молодова лошадь подтыкаетця отъ подтычки, или у свахи, у тысечково, у дружекъ, у сторожа, у всѣво княжева поѣзду прибору отъ вожения, которая врагъ повалить захочетъ о крѣпостѣ, тотъ же желѣзенъ мужъ обороняетъ меня, раба божія имярекъ, сторожа и князя и княгиню, тысецкаго, дружекъ и весь княжей приборъ, бросаетъ ево того же врага, какъ бы на насъ не думалъ, броси ево о сыру землю; во вѣкъ вѣковъ, аминь.

(Списанъ П. С. Ефименкомъ изъ старинной рукописи, доставленной крестьяниномъ Холмогор. у. Дохтуровымъ).

10. Свадебный оберегъ.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Есть святое море акеянъ; на томъ море окіане бѣлъ красенъ камень; на томъ бѣломъ красномъ камени, звѣрь лубимечь, охватилсе и обогнулсе зверь лубимечь зъ бѣлымъ каменемъ, не отходитъ прочь; и какъ охватилсе звѣрь лубимечь, обогнулсе зверь лубимечь и прочь не идетъ, такъ же бы охватиласе и обогнулаcе та раба божія имярекъ съ тѣмъ рабомъ божіимъ имярекъ; и какъ любимечь звѣрь обогнулъ бѣлъ камень, и тако бы обогнулася та раба божія имя рекъ, и любилися между собою тѣ мужъ да жена другъ по другѣ. Коль жарко разгораетца кирпичная печь, въ той огненной печи дубъ и дрова, коль жарко разгораетца дрова и угольѣ, коль жарко и пыжко, столь же бы пыжко, столь же бы жарко горѣло сердце и кровь, въ день бы она ходила, голова бы у ней болѣла, сердце бы щемило, хлѣба бы не ѣла, другъ безъ друга головы у нихъ болѣли, въ почь сна другъ безъ друга не было. Коль ярко горитъ святая свѣща предъ образомъ божіимъ, толь же бы ярко горѣло сердце у рабы божіей имярекъ по рабѣ божіемъ имя рекъ днемъ и почію, и какъ всякая мати тужитъ и плачетъ по своемъ сынѣ, спустя на чужую сторону, неутѣшно плачетъ, такъ бы тужила и плакала та раба божія имярекъ по рабѣ божіимъ имярекъ: она глазомъ завидитъ, ухомъ заслышитъ, усмотря сердцемъ возрадуетца раба божія имярекъ по рабѣ божіемъ имярекъ душею своею и сердцемъ. И какъ идетъ сонцо къ вечеру на покатъ на западъ безотпятно, такъ же бы та раба божія по рабѣ божіимъ имярекъ безотпятно, и безъотворотно. Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго, аминь, аминь, аминь.

(Списано П. С. Ефименкомъ со старинной рукописи, доставленной крестьяниномъ Холмогорскаго уѣзда Дохтуровымъ).

11. Свадебный оберегъ.

За молитвъ святыхъ отецъ нашихъ, Господе Исусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ и спаси. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Христосъ Царь Небесный, ангели небесніи и архангели и вся силы небесныя сотворили небо, землю, море, оградили песками и рукою, ногами, оградите меня р. б. имярека каменнымъ градомъ о трехъ запорахъ и заборонахъ, поставите желѣзенъ тынъ въ небесную вышину и въ морскую глубину, поставите желѣзенъ тынъ, желѣзныя вереи и мѣдныя ворота, затворите замки тѣ, схороните въ двинскую вершину и въ каменную пещеру, отъ вѣдуна и отъ вѣщицы, отъ волхва и отъ чудесника и отъ всякаго злаго человѣка, недобраго. Коли тѣ ключи найдетъ вѣдунъ и вѣщица, а замки отомкнетъ, и ворота отворитъ и градъ потопитъ, ни вѣдуну, ни вѣщицы тѣхъ ключей не нахаживать, и воротъ ни замковъ не отмыкивать, и воротъ не отваривать, а меня р. б. N. не порчивать, и тѣ слова говорить земляной силою и водяною во вѣки, аминь.

А ти слова говорить дважды:

Молитва первая: «Господи Іисусе Христе Сыне Божій! Маркъ, Іоаннъ, Лука, Матвѣй писали евангеліе Христово и снесли и сложили во единое мѣсто, и въ той хоромины Пресвятая Богородица Христа родила, а я р. б. N. въ той же хоромины тутъ же былъ»; — а говорить тѣ слова на два куска на хлѣбъ, да на безушую новую недержанную иглу, да на булавку новуюж недержануюж, а булавку безушую тыкать въ воротъ въ рубашной, а тыкать ушми вверхъ, а востріемъ къ земли.

За симъ читается молитва воскресная:

Да воскреснетъ Богъ и разыйдутся врази его и да бѣжатъ отъ лица его вси ненавидящи его, яко исчезаетъ дымъ да исчезнутъ; яко таитъ воскъ отъ лица огня, тако да погибнутъ бѣси отъ лица любящихъ Бога и знаменающихся крестнымъ знаменіемъ и возвеселятся рекуще: радуйся, кресте Господній, силою на тебѣ распятаго Господа нашего Іисуса Христа и въ адъ сошедшаго и поправшаго на немъ всю силу діаволю и давшаго мнѣ

р. б. N. крестъ свой на прогнаніе всякаго врага и супостата. О, пресвятый и животворящій крестъ Господень, помогай мнѣ р. б. N. со святою Господнею Дѣвою Богородицею и со архистратитомъ съ Михаиломъ и Гавріиломъ, и съ херувими, и съ серафими, и со всѣми небесными силами, и со Иваномъ Крестителемъ Предтечею, и со евангелисты Маркомъ, и Матфѣемъ, и Лукою и Іоанномъ богословомъ, и со святыми со святители, и съ праведными уродивыми Христа ради, съ мученики, съ Георгіемъ страстотерпцемъ и со святителемъ Петромъ, митрополитомъ Алексіемъ, Іоною и съ Николою, и съ мученицами, съ великою прехвальною Варварою и Катериною и Парасковіею и Ульяніею, и со всѣми мученицы и съ преподобными женами и со ангеломъ хранителемъ моимъ. Соблюди Господи домъ сей и живущихъ въ немъ (имярекъ) и всѣхъ православныхъ христіанъ, отъ всякаго видимаго и не видимаго врага и супостата и всякаго злаго лукаваго человѣка, отъ всякаго вражія злаго ухищренія и хазней, силою честнаго и животворящаго Креста Господня и святыхъ ангеловъ хранителей нашихъ; Господи І. Хр. С. Б. помилуй насъ грѣшныхъ всегда и нынѣ и присно и вовѣки вѣковъ, аминь. Господи І. Хр. С. Б., помилуй Господи насъ рабовъ своихъ; запрети Господи сатаны и злымъ его темнымъ и лукавымъ человѣкомъ, угодникомъ его, еже не прикасатися имъ къ симъ и къ сему нашему свадебному причету, къ намъ рабу б. ко мнѣ рабу б. (имярекы) и къ первобрачному N. и къ первобрачной N., и къ тысяцкому, и къ боярамъ, и къ дружкамъ, и свашенинамъ, и къ проводникамъ и сущихъ съ нами, ко всѣмъ православнымъ христіянамъ, и къ коимъ нашимъ, и къ кобыламъ, и къ сапнамъ, и къ сѣдламъ, никоими ихъ злыми лукавыми мечтаніи. Постави Господи, Владыко, человѣколюбче, кругъ насъ рабовъ своихъ божіихъ свое храненіе силою и дѣйствіемъ св. Твоего духа, аки тынъ желѣзенъ отъ неба до земли, а отъ земли и до неба со всѣ четыре стороны; огради Господи кругъ насъ рабовъ своихъ пламенемъ огняным, аки щитомъ отъ земли до неба, а отъ неба и до земли, со всѣ четыре стороны; и посли Господи на сохраненіе насъ рабовъ своихъ божіихъ, посли Господи съ небеси отъ святаго жилища твоего и отъ престола славы твоея дванадесять своихъ учениковъ и апостолъ и четыре евангелисты: Луку, Марка, Матфѣя, Іоанна богослова, и небесныхъ силъ воеводъ Гавріила и Михаила со ангелы и со архангелы, съ херувими и съ серафими, и со всѣми небесными силами и воинстви съ копьи, и со скипетры, и со всякимъ огненнымъ оружіемъ, которымъ поразилъ сатану и діавольскіе бѣси, и съ тѣхъ оружіевъ повели Господи оражати и оберегати сей нашъ поѣздъ и насъ рабовъ своихъ (имярекъ) и мнѣ р. б. (имярекъ) и первобрачнаго имярека и сущихъ съ нами всѣхъ православныхъ христіанъ и коней нашихъ, и кобылъ и сапей, и сѣделъ, и всего нашего свадебнаго причету, отъ всякаго злаго врага и супостата, въ день и въ ночь, на утренней зори, на вечерной зори, пьючи и ядечи, и путемъ ѣдучи, и въ стрѣчю, и по собѣ идучихъ, и со стороны, и съ сзади, и съ переди смотрячи, и съ подъ тыновъ и сквозь тыны смотрящихъ, и въ избахъ сѣдячимъ, и на дворехъ стоячи и спѣючи, и на всякомъ мѣстѣ владствія твоего. Сохрани, Господи, отъ всякія порчи и пытощи, и козней діавольскихъ, и злыхъ лукавыхъ человѣкъ, отъ колдуновъ и отъ колдуней, отъ вѣдуновъ и отъ вѣдуней, отъ блядуновъ и отъ блядуней, отъ еретиковъ и отъ еретицъ, и отъ иноземцовъ, и отъ всякаго плотскаго зараженія на земли, отъ седмидесяти двухъ языковъ, и отъ всякаго злаго ихъ гляженія и думы на всякій часъ, въ полдни и въ перекрой, въ новѣ, и въ ущерби, всегда, нынѣ и присно, и вовѣки вѣковъ, аминь. Господи І. Хр. С. Б., помилуй насъ, аминь. Ты самъ, владыко, человѣколюбче, постави, Господи, кругъ насъ рабовъ своихъ имя реки, тынъ желѣзной отъ земли и до неба, отъ неба и до земли, кругъ сего нашего поѣзду со всѣ четыре стороны, и запрети, Господи, сотонѣ и лукавымъ его бѣсомъ и злымъ лукавымъ человѣкомъ, еретикамъ и еретицамъ, вѣдуномъ и вѣдуньимъ, колдуномъ и колдуньимъ, блядунамъ и блядуньямъ, и всѣмъ его сатанинымъ угодникамъ, и поспѣшникомъ не прикасатися имъ къ сему нашему поѣзду, къ намъ рабу божиму имя реки, силою и дѣйствіемъ св. твоего Духа, силою честнаго и животворящаго креста твоего и моленіемъ Пресвятыя Твоея Матери и всихъ святыхъ твоихъ, аминь, аминь, аминь.

Во имя О. и С. и Св. Д. Отъиди сатана и со всѣми бѣси своими и со злыми лукавими человѣки, угодники своими, изъ сея храмины отъ четырехъ угловъ и двухъ дверей и отъ всихъ отъ коней; въ сей храмины престолъ божій, на престолѣ сидитъ самъ І. Хр. Сынъ Божій, роспятый на крестѣ и во адъ сошедый и поправый всехъ силу твою діяволю; окрестъ престола стоятъ четыре евангелиста: Лука, Маркъ, Матфѣй, Іоаннъ Богословъ, съ ними небесныхъ силъ воеводы Божіи, архистратигъ Гавріла и Михайла, со всѣми небесными силами и воинства, и въ рукахъ держатъ скипетры и па-

лицы желѣзныя и всякое огняное божіе оружіе, бьютъ тя сатану и прогоняютъ и всю твою силу вражію отъ дому сего и отъ насъ рабовъ Божіихъ имиреки, вѣрующихъ ся честному кресту его; со крестомъ станемъ, со крестомъ пойдемъ и печатаемся печатью, симъ честнымъ и животворящимъ крестомъ, и крестомъ ся ограждаемъ, раб. бож., всегда и нынѣ, и присно, и вовѣки вѣковъ, аминь. Искони бѣ слово и слово бѣ у Бога и Богъ бѣ слово, плоть бысть и вся тимъ быша (3 жды), Христосъ съ нами устався вчера, днесь тойже и вовѣки, (трижды).

Далѣе читается церковная молитва заостойникъ: О всепѣтая Мати, рождши всѣхъ святыхъ (см. заклинаніе при выпускѣ скота на пастьбу).

Пошелъ изъ избы глаголи:

Христе свѣте истинный, иже просвѣщая и освѣщая всякого человѣка, грядущаго въ миръ, да знаменается на насъ свѣтъ лица твоего, Господи, яко да въ немъ ходящіи узримъ свѣтъ неприкосновенныя ти славы, исправи стопи наша къ дѣланію заповѣдей твоихъ. яко благословенъ еси вовѣки, аминь. *)

Со двора поѣхавъ, глаголи:

Стопы моя направи по словеси твоему, и да не одолѣетъ ми всякое беззаконіе, избави мя отъ клеветы человѣческія, и сохраню заповѣди твоя, лице твое просвѣти на раба твоего, и научи мя оправданіемъ твоимъ.

Господи благослови, св. Отче! какъ загорается ярый пчелый воскъ на свѣчахъ, такъ бы загорялися думы и мысли сердечныя у рабовъ божіихъ имя реки; какъ свиваются сіи брачныя свѣчи, и такъ бы свивалися и любилися думою и мыслію сердечною совѣстію рабъ б. имя рекъ и раба б. имя рекъ, и какъ си ярого воска свѣчи до конца згорятъ, вмѣсти совьючись, такъ бы имъ рабомъ б. им. р. и до смерти имъ жити бы любовію, и какъ огня никто того не можетъ терпѣть, такъ бы на нихъ, рабовъ б. им. р., никто не можетъ подумать ни вѣдовствомъ, ни колдовствомъ, ни какою разлукою, ни мужъ, ни жена, ни старъ, ни младъ, ни отрокъ, ни отроковица, ни вдовецъ, ни вдовица, ни черницъ, ни черница, ни каковъ человѣкъ. Аминь, аминь, аминь.

Указъ: свивать свѣчи на посолонъ брачныя и говорить, и какъ совьешь, и поставь предъ образомъ, и зажги, и до конца дай згорѣть, чтобы не осталось ничего, себя оградить: Господи Боже, благослови Отче!

*) Это извращенная молитва священника въ концѣ перваго часа. Во имя О. и С. и св. Д. Востану язъ р. б. им. р. на сей день благословлясь, пойду перекрестясь, по восточную сторону, ставлюсь на мѣдное гумно, покрываюся краснымъ солнцемъ и свѣтлымъ мѣсяцомъ, ограждаюся частыми звѣздами, что вострыми стрѣлами, язъ р. б. им. р. отъ всякаго друга и недруга и отъ всякаго жива человѣка. Спасъ и Пресвятая Богородица, и св. Николай Чудотворецъ, Михайло архангелъ, Гавріилъ и вси святые апостолы, пророци и мученики, Козьма и Деміянъ, доспѣйте около меня, р. б. им. р., на сей день три стѣны желѣзныя, три стѣны каменныя, три стѣны деревянныя, и замкните меня р. б. им. р. въ ти городы за тридевять замковъ, и киньте ключи ти въ морскую пучину, подъ бѣлой камень; и какъ не могли тихъ ключей не добыть изъ морской пучины и съ подъ бѣлаго каменя, и такъ бы меня р. б. им. р. не могли испортить на сей день и на всякой часъ, никакими ни врачбами, ни порчами; и какъ колдунъ или вѣдунъ и колдунья или вѣдунья, или еретикъ, или еретица не могутъ выкусить естества своего черезъ плече, и такъ бы меня р. б. им. р. не могли на сей день никоими врачбами, ни порчами испортить; и какъ всякому не мощно проити сивозе игольные уши, и такъ бы меня, р. б. N, не могли на сей день никакими ни врачбами, ни порчами испортить, нынѣ и присно и вовѣки вѣковъ, аминь (говорить трижды, ставъ по утру, какъ ставаютъ, и плевать на землю). И какъ на сего свѣтодавца Христа не могутъ зрити херувими и серафими и вся небесныя силы, такъ бы не могли лиха подумать на раба б. им. р. и на его поѣздъ, ни вѣдунъ, ни вѣдунья, ни колдунъ ни колдуница, ни каковъ человѣкъ, ни старъ, ни младъ, ни мужской полъ, ни женской; и какъ на сего свѣтодавца Христа боятся и трепещутъ небесныя силы и земные человѣцы и проклятіи бѣсови. такъ бы отъ того моего поѣзду боялися ужасались вѣдуны и вѣдуницы и всякіе лихіе люди, въ день и въ ночь, въ утри рано и въ вечери поздо; и какъ сему свѣтодавцу Христу Богу нашему и его честному образу и кресту Сасятія его и Матери Царицы и всѣмъ святымъ вѣру держатъ и молятся цари и князи и всякое православное христіанство и невѣрные языци, и такъ бы мнѣ рабу б. и моему поѣзду радовалися всѣ православные христіяне мужіе и жены, и младыя, и старые и всякія люди. Коль сіе серебро честно царю и князю и всякому человѣку, толь бы язъ рабъ б. им. р. былъ честенъ и весь мой поѣздъ всѣмъ православнымъ христіянамъ, и были бы передо мною рабомъ б. им. р. вся

кіе лихіе люди, аки передъ соколы дрозды. Указъ какъ говорить: положить въ воду непитную образъ Христовъ да серебро, и то судно поставить на хлѣбную квашню, говорить, и тою водою мазатися сохранно на чистомъ мѣстѣ, а лица не утирать, а досталь воды выпить и вылить въ чистое мѣсто и въ харчу, и серебромъ утиратися по лицу, и серебро отдать на свѣчи къ церкви.

12. Слова отъ порчи.

Во имя О. и С. и Св. Д. Какъ сіе желѣзо во огни горитъ, и такъ бы горѣло сердце у вѣдуна и у вѣдуньи, у колдуна и у колдуньи, у еретика и у еретицы по мнѣ р. б. им. р.; какъ сіе желѣзо въ водѣ кипитъ, такъ бы кипѣло сердце у вѣдуна и вѣдуньи и у вѣдуницы, у колдуна и у колдуницы, у еретика и у еретицы, по мнѣ по р. б. им. р., какъ игольныхъ ушей никому не нахаживать, и къ сей иглѣ не прикладывать, такъ бы меня р. б. и. р. никому не испорчивать: ни колдуну, ни колдуницы, ни вѣдуну, ни вѣдуницы, ни еретику, ни еретицы, всегда, нынѣ и присно и вовѣки вѣковъ аминь.— Говорить надъ иглою трижды, держать близко зубовъ, и откусить уши, и выплюнуть на землю, а иглу безъ ушей у себя держать въ рубашномъ въ вороту.

Указъ: Ащели прочтешь, въ который день прочтено на имя свое, отступятся вси лукавіи бѣсы отъ раба б. имя река, аще кто хощетъ свататце, или женитце, проговори на имя того предъ иконою, будетъ соблюденъ; ащели которому человѣку врагъ прикоснется, проговори трижды на воду и пити дай; аще ли лижетъ одинъ во храминѣ, проговори молитву сію, не прикоснется діяволъ: Владыко милостивый, Господи Іисусе Христе, призри на мое моленіе и помилуй мя раба своего, помоги мнѣ рабу своему, аминь. Отгоните врага отъ раба б. N., аминь. Отступи сатана и идоли и лукавые бѣси отъ раба б. N. аминь, вскорѣ станете во храминѣ сей окрестъ раба своего, надъ главою. Самъ истинный Іисусъ Христосъ, Царь небесный, побѣдивъ враговъ желѣзомъ, заградилъ уста врагамъ, затворилъ путь крестомъ честнымъ, чтобы вамъ проклятымъ врагомъ во храмину сію не входить и раба сего божія не смущать, не мучить, аминь, аминь. Азъ, самъ Господь, надъ самъ рабомъ и Матерь моя Марія; сего раба б. N. сотворилъ его азъ, Христосъ; роди мя мати моя Марія, въ семъ рабѣ б. имя рекъ престолъ Христовъ; около раба сего сила ангельская и архангельская и апостольская, поютъ херувими и славятъ серафими, аминь. Раба сего божія имя река уста глаголютъ и святаго Христа Царя Небеснаго и Матерь мою Марію къ себѣ на помощь призываютъ, а врага прогоняютъ и проклинаютъ, отъ раба б. имя река; азъ Христосъ семо ста и Мати моя Марія во храминѣ сей и съ рабомъ божіимъ имя рекъ. Словеса сія, рабъ божіи имярека, побѣда и пагуба на сатану и на діявола, сей же рабъ божій имярекъ отгонитъ врага и самаго сатану и побіетъ тьму враговъ; духъ святый отдымаетъ раба сего божія имярека; отъ сего святаго духа молнія опаляетъ, враговъ отгоняетъ отъ раба б. имярекъ, аминь. Плеваніе раба божія имярека и прысканіе сею водою и морскою и отпѣваніе на враговъ каменія горяща, и побіетъ враговъ до конца, аминь, и еще отъ самого Господа исполняю Христа Небеснаго: громы и молнія летятъ съ небеси, сила ангельская и архангельская, не сутъ ангелы стрѣлы небесныя, ставаютъ ангелы и архангелы около раба б. имярека на крѣпко крѣпко, стоятъ и стреляютъ сатану и враговъ его, идолы отгоняютъ и прогоняютъ отъ раба б. имярекъ аминь, всегда нынѣ и присно, и вовѣки вѣковъ аминь. Се дано сему рабу б. отъ самаго истиннаго Христа, Царя Небеснаго, на погубленіе врагомъ и на прогнаніе бѣсомъ, и идоламъ во вѣки, аминь, и нынѣ прогоняютъ отъ раба б. имярекъ силою истиннаго Христа, Царя Небеснаго, и Пресвятыя Богородицы Маріи, помощію силы небесныя, чипоначальныхъ хранителей, ангеловъ тьмы тысящи, и еще къ рабу б. N. летятъ съ небеси отъ престола божія сила ангельская и архангельская, послана отъ самаго Господа, Царя Небеснаго, накрѣпко крѣпко, хранятъ раба б. имярекъ, облакаютъ меня облаками, покрываютъ мя небесами, опоясываютъ поясомъ Пресвятыя Богородицы Маріи, во главѣ солнце, на серцы мѣсяцы, составы—частыя звѣзды, коль крѣпка луна солнечная силою ангельскою, столбы всѣмъ рабомъ божіимъ имяреки и около раба божія имярекъ сила ангельская крѣпка; какъ начнетъ призывать на помощь къ себе, а сіе прочтетъ и писаніе прочтется, а сила ангельская накрѣпко вооружится, да крѣпко на что призывается, и будетъ у раба б. имярекъ, аминь. Рабъ б. именемъ Господнимъ начнетъ проклинати лукавое дѣло, а божіи ангелы начнутъ отгонять и связати враговъ и сатану и идолы; вовѣки аминь и нынѣ. Еще молюся рабъ б. истинному Христу, Царю Небесному, и пресвятой Богородицы Маріи, о рабѣ болящемъ многими причами и портежми и грыжами, потвореніемъ діявольскимъ, отъ во зліянія мира на главу сему рабу б. имярекъ, аминь. Видитъ Господь болящаго и услышитъ молитву съ не-

бѣси самъ истинный Христосъ, словомъ своимъ пошлетъ своихъ ангеловъ, иже стоятъ о крестѣ его, свой жезлъ имъ даваетъ, крѣпко имъ повелѣваетъ у раба б. имя река сего Боже стояти и желѣзомъ и жезломъ враговъ и сатану и идолы погубить до конца, аминь. И въ руку своя Христовы даетъ исцѣленіе мира, посылаетъ на главу и на сердце, на суставахъ раба. Всего имя рекъ, слышится сатана, убоятся лукавія бѣси отъ посланія Господня и матери его Маріи, а разверглися небеса, летятъ силы ангельскія и архангельскія во мгновеніи ока, ставаютъ къ рабу б. имя реку, аки дождя небеснаго и до облака; толькѣ ставаютъ силы ангельскія около раба б. N., направлены крѣпко духомъ Божіимъ и вооружены на крѣпко крѣпко, стоатъ, не отходятъ отъ раба него божія, враговъ проклинаютъ, и прогоняютъ сатану силы ангельскія. Враги и сатана, аки дымъ, исчезаютъ, яко воскъ таетъ отъ лица Господня, аминь. Горе сатаны и демономъ и бѣсомъ и горе еретикомъ, которыи бѣсовскіе полки призываютъ, и имъ Господь заградитъ уста, аки у Вала-сама волхва, и аки Урія безбожнаго. Како не мощно еретику или кудеснику на солнце смотрѣть и красоты солнца снять, тако еретику не можно устами и мыслію зла сотворити мнѣ рабу б. аминь, аминь, аминь. Сильна есть сила ангельская и архангельская, и погибе сила діявольская и сатана противо ихъ избранныхъ полковъ лукавыхъ бѣсовъ, около раба б. им. р. стоитъ сила ангельская и архангельская, невидимая человѣкомъ, запрещеніе еретикомъ, погубленіе бѣсамъ несмѣтна и неизглаголанная, дана на крѣпко, вооружена неизмѣрно, врагомъ и сатоны и и идоломъ прикоснути къ рабу б. имя реку аминь, не сверхъ, не съ исподъ, ни совсихъ четырехъ странъ отовсюдь, проклинаетъ Христосъ и ангели отгоняютъ аминь, замкнутъ р. б. им. р. силою ангельскаго и архангельскаго на крѣпко крѣпко до втораго пришествія Христова, аминь, аминь, аминь. Ключъ на небеси у престола Христова, до вѣку, аминь, въ руки у самаго истиннаго Христа Царя Небеснаго и Матери его Маріи, аминь, аминь, аминь; повелѣніемъ божіимъ сколько стоитъ около солнца и мѣсяца и частыхъ звѣздъ ангеловъ божіихъ, и повелѣніемъ божіимъ стойте около раба б. N., ангели божіи, берегите и стерегите раба б. N, аки самаго Господа и Матерь Христову Марію Азъ Христосъ здѣ и мати моя Марія во храминѣ сей и престолѣ христовѣ, и ангели, арханги моя христовы, отгоните враговъ и сатану, идолы, сохраните раба б., безъ отходу стойте, на голѣ оружіе держите на враговъ, и сатану близко раба сего не пущайте, а враговъ и сатану побивайте, раба б. N не давайте; сей рабъ божій им. р. причтенъ у престола божія, побіетъ враговъ и сатану. Ангеловъ призываю азъ рабъ б. им. р. къ себѣ на помощь истиннаго Христа, Царя небеснаго, и матерь его Пресвятую Богородицу Марію и ангеловъ хранителей чиноначальныхъ: Михаила и Гавріила, Урііла и Рафаила, и Ноиля, и Помаила, и Нафанаила, и Самосаила и Ненафада, и Сасанія, на помощь ихъ ангельскую силу; убиваютъ врага ангели, по вся дни и часы и мгновенія ока. Еще азъ рабъ б. им. р. прошу у истиннаго Христа, царя Небеснаго, на помощь тмы тысящи хранителей ангеловъ, вооруженыхъ на враговъ его крѣпко стоять, надъ рабомъ им. р., раба сохраняютъ и связаютъ враговъ духомъ святымъ и исчезаютъ враги во мгновеніи ока отъ руки ангельскія, и ангели вражи запретятъ языкъ и духъ въ себѣ ради призыванія бѣсовскаго, заградитъ уста имъ посланъ отъ Господа Михаилъ архангелъ надъ главами ихъ со оружіемъ, аминь, аминь, аминь. Крѣпка стѣна, крѣпка и сила ангельская около раба б. им. р. и кругомъ дому его, аминь, аминь, аминь; во вѣки не погибнетъ рабъ б. аминь. Аще ли кто прочтетъ сіе писаніе надъ водою, рѣки и морсковою, или въ дому раба б. имя река, и снидетъ съ небеси сила ангельская къ рабу божію им. р., аминь. Аще прочтется вторый день, вторый наконъ на ими, и снидетъ съ небеси истинный Христосъ, Царь Небесный, Царь съ Маріей съ матерью и съ Пресвятою Богородицею, аминь. Ста надъ рабомъ б., сохраняютъ отъ врага раба божія имя рекъ вскоре отступите, идетъ съ небеси Илья пророкъ на огняной колесницы, несетъ на языцѣ громъ великъ, и духъ его молнія великая, слово его стрѣла, плаваніе его каменіе горящее, на васъ враговъ. окаянныхъ, отступите въ бездну преисподнюю окаянныи и лукавіи бѣси отъ раба божія им. р. повелѣніемъ божіимъ, развергнется небеса и не затворяются, послана отъ Господа истиннаго Христа, Царя Небеснаго, и Пречистыя Богородицы Маріи на васъ окаянныхъ враговъ до конца седмичастый огонь, и пожжетъ васъ окаяныхъ враговъ до конца, аминь, аминь, аминь; и еще съ небеси летятъ на васъ окаянныхъ враговъ, посланы отъ Господа и матерію Маріею; звѣри ядовитые и двоеглавые, и розрываютъ васъ враговъ и на свѣтъ не пущаютъ, гдѣ завидятъ близко раба б. имя рекъ аминь, аминь; и еще летятъ съ небеси птицы желѣзныя, а ногти у нихъ мѣдныя, а зубы булатныя, и посланы отъ Господа, посланы съ небеси отъ самаго Господа, Царя небеснаго

къ рабу б. N, гдѣ завидятъ враговъ или заслышатъ близко раба б. имя рекъ, сохраняти отъ враговъ всегда, и враговъ погубити до конца, аминь на крѣпко; отъ сего писанія исчезнутъ враги со отцемъ своимъ сатаною, и во вѣки вѣковъ, аминь, исчезнутъ отъ сего моленія лукавыхъ бѣсовъ триста шестьдесятъ и пять видомъ, и которыя приходятъ въ миръ на прелесть всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь. Проговори трижды: Аминь.

Послѣ этого читаются молитвы ангелу хранителю находящіяся въ старыхъ канонникахъ:

1. Ангеле Христовъ, къ тебѣ припадая, молюся.
2. Святый ангеле, предстоій окаяный моей души.
3. О божественный, любезный, сладчайшій живота предстателю мой, заступниче, хранителю.
4. Тропарь ангелу хранителю, гласъ 6-й: Ангельскимъ зракомъ сія и божественною славою озаряемъ.
5. Кондакъ, гласъ 4-й.
6. Подобенъ явися днесь.

(Оберегъ сей, вмѣстѣ съ предыдущимъ, списанъ П. С. Ефименкомъ со старинной рукописи, доставленной изъ с. Ухтострова, Холмогор. у. помощникомъ миссіонера Ѳ. С. Батраковымъ).

В. ПОДХОДНЫЯ СЛОВА.

1. На царскія очи.

Господи благослови! Какъ утренняя заря размыкается, божій свѣтъ разсвѣтается, звѣри изъ пещеры, изъ берлогъ выбираются, птицы съ гнѣздъ слетаются, такъ бы рабъ Б. N. ото сна пробуждался, утренней зарей умывался, вечерней зарей утирался, краснымъ солнцемъ одѣвался, свѣтлымъ мѣсяцемъ подпоясался, частыми звѣздами подтыкался. Покорюсь и помолюсь: вы же кормилицы, царскіе очи, какъ служили царямъ-царевичамъ, королямъ-королевичамъ, такъ послужите рабу Б. N., день послужите, и въ ночь послужите, потру рано, и въ вечеръ поздно, въ каждый часъ, въ каждую минуту, вѣкъ по вѣку, и отъ нынѣ довѣку. Ключь и замокъ словамъ моимъ.

. Подходъ ко властямъ.

Стану я рабъ б. им. благословесь, пойду перекрестесь, помолюся и поклонюся Воскресенію Христову. Какъ къ тебѣ, Воскресеніе Христово, на праздникъ на христово воскресеніе ходятъ цари и царевичи, князи и бояра и священны ереи, а вся православные христіана, на тебя, на Воскресеніе Христово, не супающе, не сердяще, не ретующе, лиха не думаютъ, зла не творятъ, тебѣ, Воскренію Христову, всегда радуются и веселятся и покланяются тебѣ, Воскресенію Христову, тако же бы на меня раба б. им. цари и царевичи, князи и бояра и великіе вельможи и священные ереи и вся православные христіяны не супалисе, не сердились, не ретовались, лиха не думали, зла не творили, всегдаъ мнѣ рабу б. и. р. радовались и веселились и поклонялисябъ мнѣ рабу б. и. по всякой день, и по всякой часъ и по всякое время. Стану я рабъ б. им. благословясь, пойду, перекрестясь, помолюся и поклонюся самому Іисусу Христу Царю Небесному. Самъ Господь Іисусъ Христосъ обвертитъ во оболока меня раба б. имр., покрытъ краснымъ солицомъ, подпояшетъ зорею утренею, подтычетъ частыми звѣздами. Какъ тебѣ цари и царевичи, князи и бояра и великіе вельможи, и священные ереи и вся православные христіаны радовалисе и веселисе солнцу красному и свѣту бѣлому, зорѣ утреннія, дитяти своему милому, манне божіи, хлѣбу и соли, тако же бы мнѣ рабу б. имр. цари и царевичи, князи и бояра, и великіе вельможи и священные ереи и вся православные христіяне радовалисе и веселилисе и поклонялися бы мнѣ рабу б. им. по всякъ день и по всякой часъ, на всякое время, всегда и нынѣ и присно и вовѣки вѣковъ, аминь. Слава Тебѣ, Христе Боже, Упованіе Наше, Слава Тебѣ.

3. Подходъ къ начальству.

Спать и стать по утру рано не мывши, взять чистыя воды и съ той воды вымыть Спасителевъ образъ и Богоматеринъ образъ съ Предвѣчнымъ ъмладенцемъ, а какъ вымоешь, въ той воды наговаривай, а какъ наговоришь, вымой лицо свое, и той воды оставь ложки три, а какъ оставишь той воды и попрыщи шапочной платъ, а какъ попрыщень, приди ко властямъ и платомъ тѣмъ потри лице свое и говори:

Во Имя Отца и Сына и Св. Духа, стану я рабъ Божій имрекъ, благословесь, по утру рано и пойду далече въ чистое поле, отъ отца благословенъ и отъ матери прощенъ, и отъ роду и отъ племени ближнего и дальнего, войду далече въ чистое поле и стану на востокъ лицемъ а на западъ хребтомъ. Земля мать, небо отецъ, зори Марія, зари Маремъянія; красное солце въ очи вставлю, младь свѣтелъ мѣсяцъ въ тылъ положу, часты-

ми звѣздами подтычуся, ризою Господню нетленною покроюся. И какъ зрятъ цари и князи, и бояра и всякіе пестрыя власти, и всѣ православные христіяна, и какъ зрятъ сія власть на Господа Бога Саваофа, и на ангеловъ, и на архангеловъ, и на херувимъ, и на серафимъ, и на апостоловъ, и на пророковъ, и на всяніехъ святителей, и на красное солнце, и на младъ свѣтелъ мѣсяцъ, и на частые звѣзды, и на луну небесную и на вышную, и не думаютъ они цари и князи и бояра и всякіе пестрые власти и всѣ православные, и не думаетъ сія власть ни на Господа Бога Саваофа, и на ангеловъ, и на архангеловъ, и на херувимовъ, и на серафимовъ, и на апостоловъ, и на всѣхъ святыхъ святителей, и на красное сонце, и на младъ свѣтелъ мѣсяцъ, и на луну небесную, и на вышнюю ни зла, ни лиха и на меня раба Божія имрекъ, и казался бы я рабъ Божей властямъ нимъ въ очахъ красныя краснаго сонца, свѣтлѣе свѣтлаго мѣсяца и частыхъ звѣздъ, всегда, нынѣ присно, и вовѣки вѣковъ, вся крѣпость святаго духа, аминь, аминь, аминь.

(Всѣ три взяты изъ стариннаго сборника, полученнаго изъ села Ваймуги, Холмогор. уѣзда)

4. Подходъ къ властямъ.

Господи Боже благослови (трижды). Какъ озарится и замычетъ ранняя утренняя заря и взойдетъ обрадованное красное солнце, и возрадуется и возвеселится обрадованному красному солнцу царь государь и святѣйшій патріархъ, и всѣ судьи, и всѣ начальные люди, и всѣ православные христіане, одождавши свѣтлаго Христова Воскресенія, такобъ возрадовался и возвеселился начальный человѣкъ и судья праведный Іоаннъ по мнѣ рабѣ Божіи Титѣ, и дай ему, Господи, очи ангельскіе, сердце каменное, губы воловы, языкъ тетеревиной, и чтобъ супротивъ меня раба божія Тита не могъ не зинуть, не пикнуть, не слова промолвить и не выговорить, и буди со мной рабомъ божіимъ Титомъ Спасъ и Пречистая Богородица и св. архангелъ Гаврііалъ и вся небесныя силы; како Петръ апостолъ замыкаетъ и запираетъ свой рай пресвѣтлы, тако замяни, Господи, у начальнаго человѣка и судьи праведнаго уста сахарные и укроти у него, Господи, отъ ярости ретивое сердце; како изъ гроба не возставаетъ мертвый мертвецъ и покрытъ матушкой сырой землей, такобъ не могъ возставать супротивъ меня, раба божіи Тита, начальный человѣкъ и судья праведный Іоаннъ. И тѣмъ моимъ словамъ ключъ и замокъ во имя Отца и Сына и св. Духа, аминь.

Говорить сей приговоръ на чистый воскъ, три раза, и за каждымъ разомъ плевать, а держать во всякой чистотѣ, то всѣ судьи будутъ милостивы.

(Изъ дѣла 1753 года, выписано П. Я. Ефименкомъ).

5. Подходъ къ начальству.

Во имя Отца и Сына и св. Духа аминь. Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправый и выведій изъ ада праведныя и грѣшныя усопшія души, и какъ тѣ праведныя и грѣшныя усопшія души возрадовались и возвеселились трехдневному Христову воскресенію, такъ же возрадовалась и возвеселилась соборная апостольская церковь, всѣ ангелы и архангелы, херувимы и серафимы, мученики и мученицы, преподобные и богоносные отцы, пастыри и учители вселенные, также бы возрадовались обо мнѣ р. б. N. всѣ начальные и чиновные люди и судіи праведные; куда прійду или пріѣду, въ чемъ буду просить ихъ рабовъ б., тобъ ни въ чемъ не могли мнѣ отказать и не дѣлали бы мнѣ безъ пользы. Утренняя зоря радуется выходу краснаго солнца, вечерняя зоря радуется темной ночи, темная ночь радуется частымъ и яснымъ мелкимъ звѣздамъ младому (или вѣтхому) свѣтлому мѣсяцу, также бы возрадовались и возвеселились обо мнѣ р. б. N. вси начальные и чиновные люди и судьи праведные, куда приду или пріѣду и въ чемъ буду просить ихъ, тобъ ни въ чемъ не могли мнѣ отказать и не сдѣлали бы просьбы моей безъ пользы; тѣмъ моимъ приговорамъ и молитвамъ аминь.

6.

Во имя О. и С. св. Д. Аминь. Стану я р. б. N. на сей день Господенъ благословясь и пойду перекрестясь изъ избы дверми, изъ двора воротами, подъ духомъ святымъ и подъ страхомъ божіимъ, выйду я р. б. N. въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ взойдетъ красное солнце обрадованное, освѣтитъ и обогрѣетъ всю подвселенную, и такъ тому восходу краснаго солнца возрадуется царь и государь и святѣйшій патріархъ и весь миръ православный, вси начальные и чиновные люди и судіи праведные, и дайже моимъ начальникамъ брюхо матеро, сердце каменно, уши тетеревины, очи свѣтлы, а языкъ мертваго человѣка, и будете мои слова емки и забористы во всякомъ мѣстѣ, аминь.

7.

Во имя О. и С. и св. Д. Аминь. Стану я р. б. N. на сей день Господень благословясь и пойду перекрестясь изъ избы дверьми, изъ двора воротами, подъ ду-

хомъ святымъ и подъ страхомъ божіимъ, печать на мнѣ р. б. N. Христова, лягу я р. б. N. въ материну утробу, никтобы меня не нашелъ, къ царю Давиду пойду я смиренность, въ смѣлость и кротость, къ Александру Македонскому пойду на хитрость, а къ царю Соломону на премудрость, у начальниковъ и чиновниковъ и судей праведныхъ умъ и кротость ихъ у меня подъ ногами, аминь.

8.

Помяни Господь Богъ царя Давида и всю кротость его, сколь былъ царь Давидъ смиренъ и кротокъ и милостивъ, такъ бы были у меня р. б. N. вси начальные и чиновные люди и судьи праведные смиренны и кротки и милостивы. Аминь.

9.

Плюнь, помни, помяни и сохни по мнѣ р. б. N. вси начальные и чиновные люди и судьи праведные, смирны и кротки и милостивы. Аминь.

Молитва воскресная: Да воскреснетъ Богъ.

(Всѣ пять подходовъ записаны помощ. миссіонера Батраковымъ въ с. Ухтостровѣ Холмогор. у.).

10. На подходъ ко властямъ.

Господи Боже, благослови! Отъ синя моря силу, отъ сырой земли рѣзвоты, отъ частыхъ звѣздъ зрѣнія, отъ буйна вѣтра храбрости ко мнѣ, рабу Божію (имя рекъ). Стану, рабъ божій (имя рекъ), благословясь и пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, пойду я, рабъ божій, на бѣлый свѣтъ, въ чистое поле, подъ красное солнце, подъ свѣтелъ мѣсяцъ, подъ частыя звѣзды, подъ полетныя облака. Стану я, рабъ божій (имя рекъ) въ чистое поле, на ровное мѣсто, что на престолъ Господа моего, облаками облачуся, небесами покрываюся, на главу свою кладу красное солнце, оболоку на себя свѣтлый младый мѣсяцъ, подпояшусь свѣтлыми зорями, облачуся частыми звѣздами, что востримыми стрѣлами отъ всякаго злаго недруга моего. И буди у меня, раба Божія, сердце мое — лютаго звѣря льва, гортань моя, челюсь-звѣря волка порыскучаго. Буди у супостата, моего властелина (имя рекъ) сердце заячье, уши его тетерьи, очи его—мертваго мертвеца; и не могли бы отворятися уста и ясныя его очи возмущатися, не ретиво сердце бранитися, не бѣлыя его руки подниматися на меня, раба божія (имя рекъ). И помолюся я, рабъ божій (имя рекъ) Михаилу архангелу: «Государь небесный, воевода Михаилъ архангелъ, пристань ко мнѣ, рабу божію (имя рекъ), и дай мнѣ, рабу божію (имя рекъ), сердце мое каменное, главу желѣзную, носъ мѣдный, очи царскія, языкъ золотой, и говорить рѣчи царскія, щиты булатные и грозу царскую, и какъ отъ великаго государя вси горды дрожатъ, вѣрные и невѣрные». Еще заради, Господи, у-зла супостата, у властелина (имя рекъ), очи его,—стыдилися бы на меня, раба, зло думать, и кто хочетъ меня бити или убити, или смерти меня предати, и ярости мое растерзати, и съ животомъ разлучити. Господи, Христосъ мой, Богъ милостивый и премного-милостивая моя Государыня, Госпоже Пресвятая Богородица, Дѣво Марія, Мати вышняго Бога, Христова молебница, теплая заступница, скорая помощница! Какъ ты, Мати Пресвятая Богородица, родила Іисуса Христа, Сына своего, Бога нашего, Царя небеснаго, какъ ему поклоняются и покоряются, Христу Богу нашему, Царю небесному, архангели и ангели, херувимы и серафимы, и вся небесныя силы, ему поклоняются пророки и ученики,—такъ бы мнѣ рабы покорны и поклонны, и послушны цари и царицы, князи и княгини, бояра и боярыни, дьяки и подьячіи, и пестрыя власти, и вси приказные судьи, мои супостаты (имя рекъ) ко мнѣ, рабу божію (имя рекъ). Какъ возрадуется темная ночь младому свѣтлому мѣсяцу, и какъ возрадуется утренная заря бѣлому свѣту, и какъ возрадуется бѣлый свѣтъ красному солнцу,—такъ бы возрадовались мнѣ, рабу божію (имя рекъ), моему приходу, цари и царицы, князи и княгини, бояра и боярыни, дьяки и подьяки, и пестрыя власти, вси приказные люди, судьи и всѣхъ чиновъ люди, мои супостаты (имя рекъ), отъ меня, раба божія (имя рекъ), въ лице или въ тыло и со стороны и смотрѣли бы на меня, раба божія (имя рекъ), какъ на красное солнце, и не могли бы насмотрѣтися душею и тѣломъ, и ретивымъ сердцемъ, ясными очами, думой и помысломъ. Всегда нынѣ и присно и вовѣки вѣковъ, аминь. Вси цари и царицы, князи и княгини, бояра и боярины, и вси приказные люди, и мои супостаты (имя рекъ)—вси овцы мои; я, рабъ, волкъ; своимъ яснымъ окомъ взяляну и поймаю, и въ руки возьму, и на зубъ брошу, раскушу и всѣмъ на полъ плюну, и ногой заступлю и растопчу. Вси мои слова, будьте благословенны, сильны и крѣпки, крѣпчае и жесточае желѣза и булату и востраго ножа, и ногтей орлиныхъ, и всѣхъ моихъ сильныхъ и крѣпкихъ словъ. Казанская Богородица печать свою приложила златымъ своимъ перстнемъ. Всегда отнынѣ и до вѣку. Замокъ камень. Аминь, аминь, аминь!

А говорить слова трижды въ воду да въ воскъ, да въ бѣлый платъ, да въ маленькій кусокъ хлѣбца; водою мыться и пить воскъ; положи ко кресту и хлѣбецъ сей, платомъ трись, поди куда хошь.

(Изъ старинной рукописи).

11. Приговоръ, когда идешь къ начальству.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Стану я, рабъ божей имя рекъ, благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, стану на востокъ лицемъ, на западъ хребтомъ, обрещу ярово воску и сперва воззрю далече, Спасу помолюся, праотцамъ нашимъ Якову, Іосифу прекрасному. Какъ вы Яковъ и Іосифъ прекрасны пришли предъ Фараона царя Египетскаго и какъ онъ не могъ на мѣстѣ усидѣть и честь имъ воздалъ паче всѣхъ, такъ же бы супротивъ меня, раба божія имя рекъ, князи и бояра, архіепископы, епископы, архимандриты, игумены и всѣ пестрыя власти и всѣ православные христіяне не могли бы на мѣсти усидѣть и честь бы мнѣ воздали паче всѣхъ, и казался бы нимъ милѣе всѣхъ я, рабъ божей имя рекъ, серце бы нимъ укротилось, что у кроткого Давида царя, винность къ нимъ моя не была бы винность, а казалась бы невинностію, вороги бы и злодѣи мои имъ супостаты казались, аки лютые звѣри, мою бы винность клали на вороговъ и на злодѣевъ на моихъ супостатовъ; какъ на семъ свѣти всякой живущей человѣкъ не можетъ жить безъ хлѣба и безъ соли и безъ питія, такъ же бы безъ меня, раба божія имя рекъ, князи и бояра, архіепископы, епископы, архимандриты, игумены и всѣ пестрыя власти и всякіехъ чиновъ люди и всѣ православные христіяне не могли бы безъ меня, раба божія имя рекъ, не жить, не быть, не пить, не исть, не ходить, дня прожить, ночи проспать, часу часовать. Какъ возрадовалась и возвеселилась Пресвятая Богородица востанію и воскресенію Христову, единородному своему сыну, такъ же бы радовались и веселились князи и бояра, намѣстники, архіепископы, архимандриты, игумены, князи и бояра и всѣ пестрыя власти и всякихъ чиновъ люди имѣли бы они меня, раба божія имя рекъ, какъ душу въ тѣли своемъ, глазъ во лбу, по всякой день и по всякой часъ въ день и въ ночь, въ полни мѣсяцы, и въ новѣ мѣсяцы, и въ ущерби мѣсяцы, и на меженныхъ днѣхъ, всегда, нынѣ и присно, и вовѣки вѣковъ; вся крѣпость Святаго Духа во вѣки вѣкокъ, аминь, аминь, аминь.

(Изъ старинаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги, Холмогорскаго уѣзда).

12. Подходъ къ начальству.

Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его, царя Соломона и всю премудрость его.

(Запис. свящ. Лисестровскаго прихода, Арханг. уѣзда Ѳедоровъ).

13. Тоже.

Придя къ дверямъ, ухватиться за скобу и говорить: вставайте волки и медвѣди, и всѣ мелкіе звѣри, левъ-звѣрь самъ къ вамъ идетъ!

(Запис. г. Огородниковъ съ Соломбалѣ).

14. Подходъ ко всякому нужному человѣку.

Стану р. б. N., помолюсь Матери Пресвятой Богородицы, Истинному Небесному Христу поклонюсь; какъ на истиннаго небеснаго Христа никто не можетъ злой думы думать и мысли мыслить, ни зло творить, ни щоки отворить, ни языка поворотить, такъ бы какъ я р. б. N пойду куда, глядѣли бы на меня голубинымъ окомъ, материнымъ сердцемъ царя Давида, царя Константина кротость и смиренство. Казался бы р. б. N честнѣй хлѣба и соли, милѣе сну и дѣла, во всякое время, днемъ при солнцѣ, а ночью при мѣсяцѣ подъ частыми звѣздами и подъ темнымъ облакомъ. Будьте мои слова вострѣе востраго ножа, вострѣе востраго топора, вострѣе вострой сабли, крѣпче бухвальнаго слова, что ключь языкъ замокъ, аминь.

Слова эти списавъ и закатавъ въ воскъ носить на крестѣ для подходу ко всякому нужному человѣку.

(Записано кр. Батраковымъ).

15.

Лягу я р. б. им. р. помолясь, встану я р. б. перекрестясь, умоюся святынею, помолюсь Спасу и Пречистыя Богоматери; пойду я р. б. изъ избы дверьми, воротами, на встрѣчу мнѣ архистратигъ Михаилъ архангелъ со святыми своими съ ангелами и апостолами, и возмолюсь я р. б. Михаилу архангелу: Михаилъ архангелъ, заслони ты меня желѣзною дверью, и запри тридевятью ключами, замками. И глаголетъ мнѣ рабу б. Михаилъ архангелъ: заслоню я тебя раба б. желѣзною дверью, и замкну тридевятью замками, ключами, и дамъ ключи звѣздамъ: первый Маріи, второй Прасковью, третій Ериси (sic), возмите ключи отнесите на небеса и кто эти ключи достанетъ, тебя раба божія отмыкать станетъ. Мати Божія Пресвятая Богородице, покрый мя омофоромъ своимъ. Иду я рабъ б. къ рабу б. имя рекъ: лежалъ ты у матери своей во чревѣ, тогда у тебя на меня не было ни думы, ни словъ, ни рѣчей ника-

кихъ, такъ и нынѣ я къ тебѣ иду, чтобы не было у тебя ни думы, ни словъ, ни рѣчей, ни мѣста, а хотя я р. б. хожу и пятами своими тончу, только бы у тебя на меня не было ни думы, ни словъ, ни рѣчей никакихъ. Какъ на небѣ мѣсяцъ лазилъ снѣги мертвы, такъ бы и тѣло твое было мертвое; ты предо мной еси лютый огнь, а я предъ тобой есть сильная вода; когда разгорится твое лютое сердце, то я твое лютое сердце залью своею сильною водою, во вѣки вѣковъ, аминь. Боже, очисти мя грѣшнаго, яко николи же благое сотвори предъ тобою, но избави мя отъ лукаваго, да будетъ воля твоя, да неосужденно яко отверзу уста моя недостойный и восхвалю имя твое, Отца и С. и С. Д. А.

Во и. О. и С. и Св. Духа. Аминь, аминь, аминь, видѣ идущимъ и вѣдущимъ все святымъ отцемъ Сисаніемъ, на горѣ Синайской стоитъ столбъ, въ томъ столбѣ сидитъ святой отецъ, селенія имать четыре.

(Изъ старой рукописи).

16. Подходъ ко всякому человѣку.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь. Какъ возрадуется вечерняя заря темной ночи, такъ же бы возрадовался рабъ божій имя рекъ рабу божію имя реку. Какъ возрадуется и возвеселится темная ночь частымъ звѣздамъ, такъ бы возрадовался и возвеселился рабъ б. им. р. рабу б. им. р. И какъ возрадуются и возвеселятся часты звѣзды свѣтлому мѣсяцу, такъ бы возрадовался и возвеселился рабъ б. им. р. рабу б. им. р. Какъ возрадуется свѣтлой мѣсяцъ утренней зарѣ Маріи, такъ бы возрадовался рабъ б. им. р. рабу б. им. р. И какъ возрадуется утренняя заря Марія бѣлому свѣту, такъ бы возрадовался рабъ б. им. р. рабу б. им. р. Какъ возрадуется бѣлой свѣтъ красному солнцу, такъ же бы возрадовался рабъ б. им. р. и зрилъ и смотрилъ, что солнце, и любилъ бы, имѣлъ, что душу въ тѣлѣ, какъ крестъ на церкви, не могъ ни жить, ни быть безъ меня раба б. им. р. И какъ мертвый человѣкъ не можетъ безъ земли жити, такъ бы тотъ рабъ б. им. р. не могъ безъ меня раба б. ни жить, ни быть, ни пить, ни истъ. Какъ рыба безъ воды, и мало дитя безъ матери, и какъ сажа сохнетъ на потолкѣ, такъ бы тотъ рабъ б. сохъ о мнѣ рабѣ б. им. р., сохъ на полну мѣсяцу, не перекроѣ мѣсяцѣ и на межныхъ днихъ, по всякой день, по всякой часъ; тѣмъ моимъ словомъ ключъ и замокъ, вовѣки, аминь.

(Извлечено П. С. Ефименкомъ изъ старин. рукописи).

17. На властей.

Господи Іисусе Христе сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго раба Твоего им. р., аминь; на мнѣ р. б. им. грамата отъ града Господня, пріидетъ ко мнѣ рабу б. и. р.,— и ту сію грамоту возьму на лѣвую руку, подыму на свою главу крестъ животворящій, стану я рабъ им. р. на крестъ взирати, грамоту прочитати на всякъ день Господень, на воскресенье, на понедѣльникъ на святый, аще на сію нощь за очи меня сѣкутъ и рубятъ, пластаютъ и вѣшаютъ; а во очи появлюсь я р. б. им. р. предъ княза болярина, и предъ судьями, и воеводами и предо старымъ и молодымъ, и обо мнѣ рабѣ б. радуются и веселятся и съ мѣста востаютъ; какъ же станетъ около меня раба б. тынъ желѣзный и заборъ каменный, отъ юга до сѣвера, отъ земли и до небеси, отъ вѣрующихъ колдуновъ, горѣзовицъ летающихъ, отъ бѣсовскихъ ученицъ, отъ калика перехожіа, отъ. . . . . и отъ всякаго злаго человѣка; какъ снидетъ ко мнѣ рабу им. р. самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ со всѣми евангелистами, Матвѣемъ съ Маркомъ, съ Лукою, и Іоанномъ и со всею силою небесною, и ведетъ меня самъ Господь нашъ Іис. Хр., и ту вѣтку сладкую сорветъ, около главы моей трижды обнесетъ, отъ князя и болярина, отъ судей и воеводы, отъ всѣхъ христіанъ старыхъ и молодыхъ; бабамъ я рабочимъ своимъ паче злыхъ рабовъ и супостатовъ совсѣмъ я рабъ б. и сердце у нихъ выну, а тѣмъ моимъ крѣпкимъ своимъ словамъ ключь и замокъ, и во вѣки вѣковъ. Аминь. Запечаталъ самъ Господь нашъ Іисусъ Х., Небесный Царь сильными печатями, положи образъ на образъ къ своему сатанѣ, съ тѣмъ моимъ крѣпкимъ словомъ слава тебѣ Царю Небесному. Аминь. День пройде, ночь настанетъ, ложится спать рабъ б. им. р., печать на мнѣ Христова и спасова рука, пресвятыя Богородицы замокъ, крестомъ крещусь, крестомъ облекусь, крестомъ діавола прогоню, крестомъ ограждаюсь отъ врага и супостата, откажись отъ меня, тутъ тебѣ нѣтъ мѣста: на тебя евангелисты, Михаилъ архангелъ, Петръ и Павелъ верховные апостолы, св. Никита столпникъ врага прогонятъ, враги ему заклинаются, мнѣ тутъ не бывать, на рабѣ б. не стояти, учинили храмины печать, Петръ и Павелъ Константинъ и Елена, у ней архангелы и ангелы Божіи Аминь. Да воскреснетъ Богъ.

(Заговоръ сей извѣстенъ и на сѣверѣ у старобрядцевъ. Срв. Ж. М. Н. Пр. 1863 г. № 1, ст. Щапова стр. 62).

Г. ОТНОШЕНІЕ КЪ ПРИРОДНЫМЪ И СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫМЪ СИЛАМЪ.

1. Молитва грому.

Сіи молитва глаголати, егда громъ возгремитъ:

Святъ, святъ, святъ! сѣдый въ грому, обладывый молніями, проливый источники на лице земли, о владыка страшный и грозный! Самъ суди оказанному діаволу съ бѣсы, а насъ грѣшныхъ спаси, всегда и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь. Умъ преподобенъ, самоизволенъ, честь отъ Бога, отечеству избавленіе, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

(Ж. М. Н. Пр. 1863 г. № 1, ст. Щапова: истор. очер. нар. міросоз. стр. 16. Извѣстна и на сѣверѣ.)

2. Молитва къ грому.

Боже страшный, Боже чудный, живый въ вышнихъ, сѣдай на херувимѣхъ, ходяй въ громѣ, обладая молніями, призывая воду морскую и проливая на лице всея земли. Боже страшный, Боже чудный! самъ казни врага своего діавола, всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

(Ж. М. Н. Пр. 1863 г. № 1, Щапова: Ист. очер. народ. міросоз. стр. 17. Извѣстна и въ Архангел. губ.)

3. При паденіи звѣзды.

Падающія звѣзды означаютъ кончину праведника; по этому при паденіи звѣзды говорятъ:

Аминь, аминь, аминь!

При этомъ крестятся.

(Сообщ. учит. холм. приходск. училища Елезаровъ.)

4. При дождѣ.

Приговариваютъ рѣчи: Мать Божья! не давай дождя, давай солнышка, да высоколнышка.

(Запис. П. А. Ивановъ въ г. Пинегѣ.)

5. При дождѣ.

Чтобы дождь пересталъ, дѣти приговариваютъ:

Дождикъ, дождикъ перестань, мы поѣдемъ на ердань, Богу молиться, Христу поклониться. Какъ у Бога сирота, затворяй ворота, ключикомъ-замочкомъ, золотымъ платочкомъ.

(Сообщ. П. А. Ивановъ изъ г. Пинеги.)

6. Мольба вѣтра.

Въ Поморьѣ Кемскаго уѣзда предъ возвращеніемъ промышленниковъ съ Мурманскаго берега домой, бабы цѣлымъ селеніемъ отправляются къ морю *молить вѣтеръ*, чтобы не серчалъ и давалъ бы льготу дорогимъ лѣтникамъ. Для этого онѣ предварительно молятся крестамъ, поставляемымъ во множествѣ на всемъ Бѣломорскомъ прибрежьи. На слѣдующую ночь послѣ богомолья всѣ выходятъ на берегъ своей деревенской рѣки и моютъ здѣсь котлы; затѣмъ бьютъ полѣномъ флюгеръ, чтобы тянулъ повѣтерье и притомъ стараются припомнить и сосчитать ровно 27 (3×9) плѣшивыхъ изъ знакомыхъ своихъ въ одной волости, и даже въ деревнѣ, если только есть возможность къ тому. Вспоминая имя плѣшиваго, дѣлаютъ рубежекъ на лучинѣ угломъ или ножемъ; произнося имя послѣдняго, 27-го, нарѣзываютъ уже крестъ. Съ этими лучинами все женское населеніе деревни выходитъ на задворки и выкрикиваетъ сколь возможно громко: «Востокъ да обѣдникъ пора потянуть! западъ да шалоникъ пора покидать! Тридевять плѣшей всѣ сосчитанныя, пересчитанныя; востокова плѣшь напередъ пошла» Съ этими послѣдними словами бросаютъ лучинку черезъ голову, обратясь лицомъ къ востоку, и тотчасъ же припѣваютъ: «Востоку да обѣднику каши наварю и блиновъ напеку; а западу шалоннку спину оголю. У востока да обѣдника жена хороша, а у запада шалоника жена померла!» Съ окончаніемъ этого припѣвка спѣшатъ посмотрѣть на кинутую лучину: въ которую сторону легла она крестомъ, съ той стороны жгутъ вѣтра. Но если она опять провозвѣститъ неблагопріятный вѣтеръ, то прибѣгаютъ къ послѣднему, извѣстному отъ старины средству; сажаютъ на щепку таракана и спускаютъ его въ воду приговаривая: «поди тараканъ на воду, подними тараканъ сѣвера.»

(Годъ на Сѣверѣ, Максимова, I,385.)

7. Призываніе домоваго на новоселье.

При переходѣ на житье въ новопостроенный домъ, семейные хозяева приходятъ въ старый домъ и раскланиваясь во всѣ четыре угла избы, говорятъ: Хозяйнушко-господинъ! пойдемъ въ новый домъ, на богатый дворъ, на житье, на бытье, на богачество!

(Зап. П. А. Ивановъ въ Пинежскомъ у.)

8. Къ домовому.

Переходя въ новый домъ, или на новую квартиру, прежде всего вносятъ образъ квашню съ растворенным, тѣстомъ, а потомъ кошку, собственно для домоваго, приговаривая: Вотъ тебѣ, хозяинъ, мохнатый звѣрь на богатый дворъ.

(Карман. кн. для любит. землевѣд., изд. Геогр. Общ. въ 1848 г. Извлеч. изъ замѣтокъ о повѣр. и суев. жител. Арх. губ., Верещагина, стр. 312—320.)

9. При покупкѣ скота.

Купивши скотинку, крестьянинъ молится вмѣстѣ съ продавцемъ Богу, творитъ молитву Іисусову, три раза обводитъ вокругъ себя коня, несмѣя держать узды голыми руками, и говоритъ: «Вотъ тебѣ, хозяинушко, мохнатый звѣрь на богатый дворъ; пой, корми, рукавичкой гладь.»

(Запис свящ. Таратинъ въ с. Курьѣ, Холм. у).

10. Къ домовому.

Вводя вновь купленную скотину въ стойло, строго соблюдаютъ слѣдующій обрядъ: низко кланяются, обращаясь къ каждому изъ четырехъ угловъ хлѣва или стойла, и приговариваютъ: «Вотъ тебѣ, хозяинъ, мохнатый звѣрь; моего (или мого) такого-то (кличка скотины) люби, пой да корми.»

(Карман. книга для любителей землевѣд. изд. Рус. Геогр. Общ. 1848 г. Извлеч. изъ замѣтокъ о повѣрьяхъ и суевѣр. жит. Арх. губ. Верещагина, стр. 312—320).

11. Къ домовому.

Когда приводятъ купленную скотину въ хлѣвъ, тогда употребляютъ слѣдующее воззваніе къ домовому;

«Дѣдушка Отаманушко! полюби моего чернѣюшка (или пестрѣюшка, смотря по шерсти), пой, корми сыто, гладь гладко, самъ не шути, и жены не спущай, и дѣтей уникай.»

(Записано въ г. Онегѣ).

12. Чтобы увидѣть двороваго.

«Дядя дворовый, приходи ко мнѣ не зеленъ, какъ дубравный листъ, не синь, какъ рѣчной валъ, приходи такимъ, каковъ я; я тебѣ христовское яичко дамъ.»

Кто хочетъ видѣть двороваго, долженъ первый получить отъ священника, по окончаніи заутрени на св. Пасху, красное яйцо и взять изъ церкви свѣчу, съ которою стоялъ у заутрени. За тѣмъ долженъ ночью, до пѣтуховъ, взявъ въ одну руку зажженную свѣчу, а въ другую красное яйцо, стать передъ отворенною дверью хлѣва и сказать приведенныя выше слова: дворовой выйдетъ, по виду совершенно подобный произносившему заклятіе.

(Запис. А. Харитоновъ въ Шенкур. у).

13. Къ банному.

По выходѣ изъ бани, благодарятъ баннаго словами: «Спасибо те, байнушко, на парной байночкѣ!»

(Сооб. П. А. Ивановъ изъ г. Пинеги).

14. При знакомствѣ съ лѣшимъ.

Крестьянинъ, желающій снискать милость лѣшаго, долженъ въ ночь передъ Ивановымъ днемъ отправиться въ лѣсъ, и, найдя осину, срубить ее такъ, чтобъ она вершиною упала на восточную сторону; на пнѣ срубленной осины, ставъ лицомъ на востокъ, онъ долженъ нагнуться, и, глядя въ отверстіе, образовавшееся между ногами, говорить: «Дядя лѣшій, покажись, не сѣрымъ волкомъ, не чернымъ ворономъ, не елью жаровою; покажись такимъ, каковъ я!»

(Зап. А. Харитоновъ въ Шенкур. у.)

15. Молитва Нежиту.

Святые Михаилъ-Гавріилъ грядите, вземъ желѣзны лукъ, желѣзни стрѣлы, стрѣлати хоте елена и елену, и не обрете ту елена и елену и обрѣте Нежита, иже сидеша на мырацѣпивъ (sic) и вопроси его: что ты еси иже сѣдиши на мырацѣпивъ? Отвѣщавъ ему: азъ есмь Нежить, иже человѣче глава расцѣплю, и мозыч исрьчу, кровь ему пролею. И рече ему Михаилъ-Гавріилъ: проклеты, проклеты Нежите, не мозыга срьчи, ни главы расцѣпи, ньиди въ пустую гору, вълѣзи въ елену главу, та ти есть трьпѣлива, трьпѣти те, аще ли же по семь дни обрѣщу, любо же посѣкну, любо же прострѣлю. И взмолился Нежить: не посѣци и не прострѣли мнѣ, да бѣжу въ гору и въ еленю главу, егда имать по три земле.

(См. Ж. М. Н. Пр. 1863 г. № 89, ст. Щапова, стр. 11. Извѣстна и въ Архангел. губ.)

16. Молитва Нежиту.

Сербская молитва, встрѣчающаяся въ рукописяхъ на сѣверной Руси:

Поиде 7 ангелъ, 7 архангелъ, 7 свѣщь носеще, 7 ножь остреще, и срете ихъ архангелъ Гавріилъ и рече имъ: камо идете 7 ангелъ, 7 архангелъ, 7 свѣшь несеще, 7 ножь остреще, и рѣче ему ии: идемъ Нежита осѣщи изъгнати.

(См. Ж. М. Н. Пр. 1863 г. № 1, ст. Щапова.)

17. Молитва Нежиту.

Седмьдесятъ ангелъ, семдесятъ архангелъ, и срѣте и святый Михаилъ и Гавріилъ и святый Козма и Доміяне. И рекоша ему: камо идеши Нежите. И рече имъ Нежить: иду человѣчу главу кости преломити, мозыга срьцати. Рекоша ему: иди въ пустую гору, и вышедъ въ еленю (оленью) главу и останися раба божіи (имя рекъ) и ту клятву да имаши, и иже смѣшаетъ воду, подобне и есть егда станешь добрѣ. Станешь страхомъ, тако да станетъ съ Нежить.

(Оттуда же.)

18. При исканіи кладовъ.

Когда покажется счастливцу кладъ онъ долженъ проговорить:

«Чуръ! чуръ! свято мѣсто,—чуръ Божье да мое!» или: «чуръ мой кладъ съ Богомъ на-пополамъ!»

Затѣмъ желающій пріобрѣсть кладъ долженъ накинуть на мѣсто клада шапку съ головы, что значитъ оставить въ залогъ голову и никому не повѣдать тайны. Наконецъ приговариваютъ:

«Аминь, аминь, аминь, разсыпься!»

Послѣднія слова говорятся по тому случаю, что клады обыкновенно являются въ видѣ огоньковъ, горящихъ воскуяровыхъ свѣчей, золотыхъ пѣтуховъ и пр.

(Зап. г. Ивановъ въ г. Пинегѣ.)

19. При собираніи папоротника.

Въ одномъ травникѣ о папоротникѣ сказано: «есть трава черная попороть; ростетъ въ лѣсахъ около болотъ, въ мокрыхъ мѣстахъ, въ лугахъ, ростомъ въ аршинъ и выше стебель, а на стеблѣ маленьки листочки, и съисподa большіе листы. А цвѣтетъ она на канунѣ *Иванова дня* въ полночь... Тотъ цвѣтъ очень надобенъ, если кто хощетъ богатъ и мудръ быти. А брать тотъ цвѣтъ не просто—съ надобностьми, и очертясь кругомъ говорить: Таланъ божій, судъ твой; да воскреснетъ Богъ!

(Ж. М. Н. Пр. 1863 г. № 1. ст. Щапова стр. 21.)

20. Противъ чорта.

Въ Святки отправляются на розстань, очертываются три раза, приговаривая за каждымъ разомъ: «за три черты чортъ не ходи!» Потомъ слушаютъ, что чудится.

(Записано въ г. Холмогорахъ.)

21. Отъ нечистаго.

Отъ Духа Святаго, причастника Христова, Спасова рука, Богородичинъ замокъ. Ангелъ мой, сохранитель мой! сохрани мою душу, скрѣпи сердце мое; врагъ сатана! поди прочь отъ меня. Есть у меня три листа, написано все Маркъ да Лука да Никита великомученикъ; за грѣхи душу мучитъ, за меня Бога молитъ.

(Доставлено свящ. Грандилевскимъ изъ с. Емецка Холмог. у.)

Эта молитва отъ нечистаго духа, произносимая ежедневно на сонъ грядущій, составляетъ предохранительное и заклинательное средство отъ всякаго недуга и скорби.

22. Молитва отъ нечистаго духа.

Во имя Отца и Сына и св. Духа, аминь. Облекомся во единаго Христа и слова Божія; убойся діяволю, отыди отъ меня, раба Божія имярека. Христосъ воскресе своею волею, имѣяй силу изгоняти тя, страшный и нечистый діаволю, имѣяй силу Вышняго Бога, отца невидимаго, Христосъ погребенъ бысть; Христосъ воскресе, бѣжи діаволю, побѣдою Отца и Сына и Св. Духа, и во вѣки вѣковъ, аминь.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь. Стану я рабъ Божій имярекъ, благословесь, пойду изъ западу въ востокъ. Поднимаетца царь грозная туча, и подъ грозною тучею мечетца царь громъ, царица молнія. Какъ отъ царя грома и отъ царицы молніи бѣжатъ враги и діаволы лѣсные, водяные и дворовые и всякая нечистая тварь въ свои помѣстія — подъ пень и подъ колоду, во езера и во омуты, и такъ бы бѣжали и отъ живущихъ во оныхъ хоромахъ, отъ меня, раба божія имр., бѣжали всякіе враги и діаволы, лѣсные, водяные и дворовые, всякая нечистая тварь въ свои помѣстія подъ пень и подъ колоду, во езера и во омуты безотпятно и безотворотно, вѣкъ по вѣку, отнынѣ и до вѣку, аминь.

Христосъ родися, и распяся, и воскресе, и въ третій день воскресеніе и животъ дарова всему міру, и мнѣ, рабу, Божію имярекъ, крестъ. Крестомъ человѣкъ родися, Богъ прославися, сатана связанъ бысть съ сильными своими бѣсы; отъ нынѣ и до вѣка, и до втораго пришествія Христова, аминь.

Святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ, сѣдяй въ вышнихъ, ходяй по громѣ, осѣняяй силою небесною, призываяй воду морскую къ проливанію на лице всея земли, праведный самъ судія врагу нашему, діаволю, аминь.

Господи Боже благослови. Во имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь. Стану я, рабъ божій имя рекъ, благословесь, и пойду перекрестесь, изъ избы дверми, изъ двора воротами, въ чистое поле задворми, подъ утреннюю зорю и подъ восточную сторону, ко истинному Господу Саваоѳу, Спасу Іисусу Христу, Сыну Божію, Царю Небесному, и помолюся я, рабъ Божій имя рекъ, истинному Господу Богу Саваоѳу, Спасу Іисусу Христу, Сыну Божію, Царю Небесному и святымъ архангеламъ Михаилу и Гавріилу, шестокрылатымъ херувимамъ и серафимамъ и прочимъ безплотнымъ небеснымъ силамъ, и святому честному пророку Предтечи и крестителю Господню Іоанну, и святымъ четыремъ апостоламъ и евангелистамъ Матвею, Марку, Лукѣ, Іоанну богослову, и святому пророку Ильѣ Ѳезвитянину: создай, Господи, свое божіе великое милосердіе отъ престола Господня гроз-

ную тучу и темную, каменную, огненную и пламенную, изъ тое тучи грозныя спусти, Господи, частаго дождика. На небесахъ, отъ престола Господня зачинается и подымается божія милость и грозная туча, сильный громъ и молнія; и спустилъ истинный Господь, Саваоѳъ Богъ, Спасъ Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій, Царь Небесный, свое божіе великое милосердіе, отъ престола Господня святый Духъ, царя грома и царицу молонію: царь громъ грянулъ, царица молонія огненное пламя спустила, молнія освѣтила, разскакались и разбѣжались всякіе нечистые духи. И какъ изъ тыя божіей милости, изъ грозной тучи, сильнаго грому, отъ молніи вылетаетъ грозная громовая стрѣла, и сколь она грозно, и пылко, и ярко, и принимчиво діявола изгоняетъ и нечистаго духа демона К., С., С., Н., и мамонта насыльного и нахожего у меня, раба б. им., изъ двора выгаиваетъ, камень и древо разбиваетъ, и какъ отъ тое грозныя громовыя стрѣлы не можетъ камень въ одно мѣсто срастать, древо отрастать, и такъ же бы проклятый діяволъ и нечистый духъ демонъ К., С., С., Н., и мамонтъ насильный и нахожій избѣжали бы отъ меня, раба божія имр., отъ сего мѣста прочь за 39 (вѣроятно 3 × 9, или *тридевять*) земель, за 3. 9 городовъ и за 3. 9 морей, и не могли бы меня, раба божія им., видѣть и не могли бы слышать; и какъ тыи грозныя огнянныя громовыя стрѣлы боится проклятый діяволъ и нечистый духъ демонъ К., С., С., Н., и мамонтъ насыльной и нахожій, и такъ же бы раба б. им. устрашилися и убоялися недруги и мои супостаты имя реки и всякіе нечистые духи разскакалися и разбѣжалися отъ меня раба б. им. во свояси: водяной въ воду, а лѣсной въ лѣсъ подъ скрыпучее дерево, подъ корень, и вѣтряный подъ кусты и подъ холмъ, а дворовой, мамонтъ насыльный и нахожій и проклятый діяволъ и нечистый духъ демонъ, на свои на старые на прежнія жилища. И какъ Господь умудряетъ слѣпцы, не видятъ, а все знаютъ, такъ же умудри, Господи, меня, раба б. им. на нечистыхъ духовъ; гласъ грома Твоего въ колеси. освѣтиша молніи твои, вселенная подвижеся, и трепетна бысть земля, такъ же бы трепетны были нечистые духи отъ меня раба б. им; и какъ наши родители въ землѣ лежатъ, не чуютъ звону колокольнаго, ни пѣнія церковнаго, и такъ бы сей мой заговоръ и приговоръ былъ столь бы крѣпокъ и силенъ во всякое время до будущаго вѣку во вѣки, аминь.

Крестъ на мѣстѣ, крестъ по рабѣ божіемъ имя рекѣ. крестъ у меня, раба божія, и крестомъ Христовымъ діявола проклинаю, отступи бѣсъ и діяволъ и нечистый духъ отъ меня, раба Божія им., отъ сихъ дверей, отъ четырехъ угловъ фатеры моей; здѣсь сидятъ архангелы, ангелы, херувимы и серафимы,—Михаилъ архангелъ и Гаврінлъ архангелъ, здѣсь сидитъ Пресвятая Богородица, родшая Творца плотію, Христа Бога нашего, Царя Небеснаго; силою Христовою діяволъ буди проклятъ и нечистый духъ, всѣми седьмій соборами, всегда, нынѣ и присно, и вовѣки вѣковъ, аминь. Крестъ хранитель всея вселенныя, крестъ красота церкви, крестъ царемъ держава, крестъ и діяволомъ прогнаніе отъ раба б. им. Во имя Отца и Сына и св. Духа, аминь. Крестъ крестителъ, Христовъ хранитель, крестъ красота, крестъ церковная высота, крестъ ангеломъ слава, крестъ царю держава, крестъ твердо утвержденіе, крестъ бѣсомъ бо язва, крестъ и врагомъ прогонитель, храни мя и милуй раба б. им. въ ветху и въ молоду, и въ перекроѣ мѣсяцѣ, и ото всякаго врага и супостата, ото всякаго злаго человѣка, скорби и болѣзни, ненавидящаго и обидящаго человѣка.

Во имя Отца и Сына и св. Духа, аминь. Стану я, рабъ б. им. благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, въ чистое поле заворми, подъ восточную сторону, покорясь и помолясь Господу Іисусу Христу и святымъ архангеломъ и ангеломъ Михаилу и Гаврінлу, шестокрылымъ херувимомъ и серафимомъ, и евангелистомъ Матвѣю, Марку, Лукѣ, Іоанну богослову: какъ васъ боится демонская сила и какъ смущаетъ небесная стрѣла, молнія и громъ, и такъ же бы устрашилися и убоялися меня раба б. им. во всякое, время и такъ бы мой заговоръ и приговоръ былъ столь силенъ и крѣпокъ, и какъ Господь умудрилъ слѣпцы, не видятъ, а все знаютъ, а такъ же бы у меня раба б. им. столь бы силенъ и крѣпокъ мой заговоръ, а сей приговоръ; и какъ наши родители въ землѣ лежатъ, не чуютъ звону колокольнаго, ни пѣнія церковнаго, и столь бы былъ крѣпокъ сей заговоръ. во всякое время до будущаго вѣку. вовѣки. аминь.

Во имя Отца и Сына и Св Духа, аминь. И ставитъ около меня, раба б. им., самъ истинный Господь Богъ Саваоѳъ, Спасъ нашъ Іисусъ Христосъ, Царь небесный, со своею Пресвятою Матерью Богородицею, Дѣвою Маріею, и со всею небесною силою, со ангелами и со архангелами, съ херувимы и серафимы, со апостолы и пророками и со святителями, и съ врачами съ безсребрянниками, съ мучениками и съ мученицами, съ страстотерпцами и съ страстотерпицами, съ преподобными,

и съ праведными, и со всѣми святыми тынъ желѣзный, врата мѣдные, верен булатныя, замокъ пресвѣтлаго рая, ключь небеснаго царствія, отъ земли и до неба, отъ неба и до престола, и по земли отъ востока и до запада, отъ запада и до сѣвера, отъ сѣвера и до лѣта, со всѣхъ съ четырехъ сторонъ, и заграждаетъ самъ истинный Господь Богъ Савао҃ѳъ, Спасъ нашъ Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій, Царь небесный, меня раба б. им. сто всякаго отъ злаго, отъ лихаго человѣка и супостата: отъ угроватаго, отъ возгриваго, отъ сопливаго, отъ шедливаго (вѣроятно шелудиваго), отъ киловотаго, отъ сутулатого, отъ старца и отъ старицы, отъ бѣльца и отъ бѣлицы, отъ черница и отъ черницы, отъ схимника и отъ схимницы, отъ жени долговолоски и отъ дѣвки частоволоски, отъ черноволосыхъ, отъ чернорусыхъ, отъ бѣловолосыхъ, отъ русоволосыхъ, отъ сѣдоволосыхъ, отъ пестрыхъ, отъ рябыхъ, отъ лысоватыхъ, отъ слѣпыхъ, отъ хромыхъ, отъ волшебниковъ, отъ волшебницъ, отъ колдуновъ, отъ колдуницъ, отъ вѣдуновъ, отъ вѣдуницъ, отъ кудесниковъ, отъ кудесницъ, отъ порчельниковъ, отъ порченицъ, отъ лихоглазыхъ, отъ дихозубыхъ, отъ лихокровыхъ, отъ лихощербныхъ, отъ богоотступниковъ, отъ богоотступницъ, отъ богоотмѣтниковъ, отъ еретиковъ, отъ еретицъ, отъ вѣщуновъ, отъ вѣщуницъ, и сто всякихъ отъ злыхъ, отъ лихихъ отъ притчей, отъ скорбей и отъ болѣзней, отъ щипоты и отъ ломоты, отъ 12-ти проклятыхъ Иродовыхъ дщерей, отъ злыя отъ лихія отъ лихорадки: отъ Листопухи, отъ Комухи, отъ Лопухи, отъ Коршухи, отъ Каркуши, отъ Пухоты, отъ Хрыпоты, отъ Ломихи, отъ Знобихи, отъ Гнятяницы, отъ Огневицы, отъ Трясавицы, отъ всякія вражіи, непріязненныя силы и сто всякаго мечтанія, сатанина угодія, затворяетъ святые верховные апостолы Петръ и Павелъ тынъ желѣзной вратами мѣдными и булатными верезями запираютъ и замкомъ пресвѣтлаго рая, ключемъ небеснаго царствія; и какъ не бывать въ пресвѣтломъ раю, въ небесномъ царствіи окаянному проклятому діяволу и волшебнику и волшебницы, колдуну и колдуницѣ, вѣдуну и вѣдуницѣ, кудеснику и кудесницѣ, порченику и порченицѣ, лихоглазому, лихозубому, лихокровому, лихошерстному, богоотступнику, богоотметнику, еретику и еретицѣ, вѣщуну и вѣщицѣ и злому человѣку, лихому супостату, помышлителю нашему, въ вѣкъ по вѣку, отнынѣ и до вѣку, и такъ бы не бывать на мнѣ, рабѣ божіемъ им., тѣмъ злымъ лихимъ притчамъ, скорбямъ и болѣзнямъ, хрипотамъ и ломотамъ и 12-ти проклятымъ Иродовымъ дщерямъ злой лихорадкѣ; Листопухѣ, Лопухѣ, Комухѣ, Коршухѣ, Коркушѣ, Пухотѣ, Хрыпотѣ, Ломихѣ, Знобихѣ, Гнятяницѣ, Огневицѣ, Трясавицѣ, и всякой вражіей непріязненной силѣ и всякому мечтанію сатанину угодію вѣкъ по вѣку, отнынѣ и до вѣку. И поставляетъ Господь Богъ Савао҃ѳъ, Спасъ нашъ Іисусъ Христосъ Сынъ Божій, Царь Небесный, у того желѣзнаго тына у мѣдныхъ вратъ святаго своего великаго святителя и теплаго заступника и скораго помощника Николая, Мирликійскаго чудотворца, и святый великій святитель Христовъ, теплый заступникъ и скорый помощникъ Николай Мирликійскій, чудотворецъ, стоитъ у того желѣзнаго тына и у мѣдныхъ вратъ, натягиваетъ свой мѣдный лукъ, накладываетъ булатныя стрѣлы и стрѣляетъ, и отстрѣливаетъ отъ меня раба б. им. всякія злыя, лихія притчи, скорби и болѣзни: щипоту и ломоту и 12-ть проклятыхъ Иродовыхъ дщерей злую лихую лихорадку: Листопуху, Лопуху, Коршуху, Комуху, Коркушу, Пухоту, Хрыпоту, Ломиху, Знобиху, Гнятяницу, Огневицу, Трясавицу и всякую вражью непріязненную силу и всякое мечтаніе сатанино угодіе, стрѣляетъ и отстрѣливаетъ отъ того отъ желѣзнаго тына, отъ мѣдныхъ вратъ и отсылаетъ вспять, откуду пришли отъ проклятаго сатаны, изъ преисподней бездны, изо ада; и назадъ вспять возвратитесь въ преисподнюю, въ бездну, во адъ, къ дѣду своему къ проклятому, къ сатанѣ.

Глаголи сіе трижды.

Христосъ воскресе, адъ плѣнися, и проклятая сатанинская сила побѣдися, и впредь адовымъ замкамъ не отмыкиваться и вратамъ не отвариваться, и такъ же бы впредь на мнѣ рабѣ б. им. тѣмъ злымъ лихимъ притчамъ, скорбямъ и болѣзнямъ, щипотамъ и ломотамъ и 12-ти проклятымъ Иродовымъ дщерямъ, злой лихой лихорадкѣ: Листопухѣ, Лопухѣ, Коршухѣ, Комухѣ, Коркушѣ, Пухотѣ, Хрыпотѣ, Ломихѣ, Знобихѣ, Гнятяницѣ, Огневицѣ, Трясавицѣ и всякой вражіей непріязненной силѣ и всякому мечтанію, сатанину угодію, ввѣкъ по вѣку, отнынѣ и до вѣку; уповающихъ на Господа Бога Савао҃ѳа, Спаса нашего Іисуса Христа, Сына Божія, Царя небеснаго, сотворившаго небо и землю, бѣлый свѣтъ, луну божію и красное солнце, утреннюю зорю и вечернюю, младъ свѣтелъ мѣсяцъ и частыя звѣзды, и птицы небесныя, и рыбы морскія, и праотца Адама и бабу Еву, и всю тварь небесную, истинному Господу Богу Савао҃ѳу и Спасу нашему Іисусу Христу, Сыну Божію, Царю небесному, и его непобѣдимой и неостижимой и божественной силѣ слава и держава, честь и поклоненіе; вси возрадуемся

вѣкъ по вѣку, отнынѣ и до вѣку, всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

Во имя Отца и Сына и св. Духа, аминь. Во храминѣ, въ домѣ своемъ возстану азъ рабъ б. им. благословясь, умоюся ключевою водою и говорю: буди вода сія чиста и свята, аки Іорданъ рѣка текущая, а въ ней крестился самъ Іисусъ Христосъ во своихъ свѣтлыхъ ризахъ Іисусовыхъ, утирался убрусомъ своимъ, самъ рекъ: буди рѣка сія чиста, свята, аки четыре рѣки Іорданскія Тиръ, Өимъ и Ефратъ, аки Іорданъ рѣка текущая; а въ ней крестился самъ Іисусъ Христосъ въ своихъ свѣтлыхъ ризахъ Іисусовыхъ, утирался убрусомъ своимъ, самъ рекъ: буди убрусъ сей, аки пелена нетлѣнная Іерусалимскія Богородицы. Украшаюся азъ, рабъ б. им., савановъ свѣтлообразнымъ, фелетовы ризы, своей свѣтлообразною зорею, и стану предъ образомъ божіимъ и святою иконою на мѣсто свое, аки на златый престолъ поднебесный и реку глаголомъ и творю молитву Іисусову; изыди глаголъ мой изъ устъ моихъ, аки громъ сильный съ каменіемъ, опальнымъ огнемъ, страшнымъ судомъ, изыди духъ изъ устъ моихъ, скорые буйные вѣтры, драло да пахало и сушило, отъ златокованныхъ трубъ евангелистовыхъ. Помолюся азъ рабъ б. им. о своей многогрѣшной душѣ милости и о помощи, и упрашиваю и умаливаю по числу херувимовъ и пасущихъ мя, по числу серафимовъ стерегущихъ мя, и замкните меня раба б. им. въ ридѣ семъ отъ злыхъ человѣкъ, и пущайте изъ убрусовъ своихъ на сырую землю на злыхъ человѣкъ на мятежниковъ и на помышленниковъ и на мя глаголющихъ, испустите изъ убрусовъ своихъ вся погубительная и страшная по земли и по воздуху несчетныхъ тмы ангеловъ, возглаголите мнѣ, аки сильный громъ грянулъ: не бойся, человѣче. рабъ б. им., и утверждайся въ родѣ семъ ангельскимъ утвержденіемъ, вставъ силы небесныя и замкнувъ градъ въ вышнимъ замками; то вы замкните и ключи положите подъ врата, и стогны града того обтеките со огненными удары, и около града того обтеките колесницы огненныя. Объѣхали конные и воеводы небесныя силы Михаилъ и Гаврінлъ, херувими и серафими, и Илія пророкъ, и апостолы, и Евангелисты съ трубы златокованными, обставъ испустивъ около меня, раба б. им., громъ и молнію огненную, скипетромъ стрѣлы булатныя и рѣки огненныя, отъ востока и до запада, отъ юга и до сѣвера, отъ земли и до воздуха; нача силы небесныя меня, раба б. им., любить и хранить, изо всѣхъ оружій лыменныхъ, изъ убрусовъ и скипетровъ бити и палити, и громъ мя ради слать, молнію пожигать, супостатовъ моихъ стрѣлять и кто испортитъ, порчи ихъ сжигать огнемъ, отъ моего спорожденія до исхода души моей, и донеси ю Господи, въ руцѣ живу, и сохрани меня раба б. им. отъ всякія непріязни діавольскія и много хранимо и во вѣки нерушимо аминь, аминь, аминь.

Говорить дважды.

(Извлечено П. С. Ефименкомъ изъ старинной рукописи.)

23. Молитва святаго священномученика Кипріана на прогнаніе сопротивныя непріязненныя сѣти и на имущихъ духъ нечистый, надо всякимъ инымъ.

Призываемъ Владыко невидимъ, благодѣтелю высокій мирный, Господи, Царю сотворивый небо и землю, отнюду же возсія сиречь начатокъ и конецъ, предавый человѣкомъ четвероногая гадина и звѣрія земныя, ты покорилъ еси Господи, простерлъ Господи руку твою крѣпкую и мышцу твою святую, и посѣщеніемъ святымъ посѣти насъ и здравія подаждь и посли ангела тепла, тѣлу и души хранителя, иже запретитъ и отженетъ отъ него духъ непріязненъ, яко ты еси Господь высокъ, отцу-утѣшителю благословенъ. Заклинаю тя, душе непріязненный, духомъ вдохнувшимъ человѣкомъ животъ вѣчный, его же имя страшно незъмогаютъ уста человѣка изглаголати, заклинаю тя огнемъ горячимъ съ сѣрою и пепломъ и трубою, емуже являшуся солнце побѣжитъ на западъ, и звѣзды спадутъ на землю, и сплачются племена племеномъ и людіе людемъ; заклинаю тя сошедшимъ въ долняя части земли и разверзшимъ твердая верея и разрѣшившимъ болѣзни смертныя, и благовѣствившимъ патріархомъ изъ мертвыхъ воскресеніе; заклинаю тя ходившимъ по морю, воскипѣти въ немъ съ топившимъ, и по земли, въ ней же лежащимъ мертвымъ Богу на судищи; заклинаю тя повелѣвшимъ морю не преступати отъ предѣла своего, дондеже Господь пріидетъ судити миру; заклинаю тя вшедшимъ на Синайскую гору и глаголавшимъ Моисею и Аарону, являшемся имъ во пламени огнемъ и въ столпѣ облачнемъ; заклинаю тя изведшимъ люди отъ земли Египетскія и давшимъ изъ пламени воду сладкую пити, превратившимъ воду въ кровь; заклинаю сидящимъ на престолѣ славы, предъ нимъ же стануть тмы тмами ангелъ и архангелъ, херувимъ и серафимовъ, вопіющихъ: святъ, святъ, Господь Савао҃въ! исполнь небо и землю славы твоея; благословенъ еси вовѣки, аминь. И ты душе лукавый даде

славу имени его, иже сидиши, или во удеси тѣла его, или во главѣ, или въ темени, или въ крови, или очесѣхъ, или въ ушахъ, или во устѣхъ, или во языцѣхъ, или въ шеи, или въ плечяхъ, или между плечями, или въ мышцѣ, или въ персѣхъ, или въ душѣ, или въ сердцѣ, или въ селезени, и въ пелькахъ, или во чревѣ, или подъ чревомъ, или въ точилѣхъ, или во естественныхъ предѣлѣхъ, или въ крѣпости и во жилахъ, или въ костѣхъ, или въ мозгу, или въ крови, или во власѣхъ, отлучи душе лукавый, яко Богъ силенъ есть надъ всѣми, яко клятся, иже аще призоветъ имя Господне, исчезнути вамъ. Заклинаю тя именемъ Господа Іисуса Христа, распятаго при Понтійстемъ Пилатѣ; заклинаю тя рекшимъ: небо мя престолъ и земля подножіе ногама моима; заклинаю тя архангелы его, Михаиломъ и Гавріиломъ и Уріиломъ и Рафаиломъ; заклинаю тя великимъ именемъ Божіимъ, отлучися отъ созданія сего, заклинаю тя всеобразное на злобу стремленіе, нападеніе дневное и полудневное и полунощное, отлучися отъ созданія сего и не изведи душа, ни разгнати, ни разрушити тѣла, но устрой чисто живу Богу на судищи, заклинаю тя предъ идущимъ. Утвердите престолъ между небомъ и землею, суди всякому роду грѣшныхъ и умниковъ и ты, душе нечистый, убойся имени его святаго, отъиди отъ созданія сего, убойся огня негасимаго, убойся родства огненаго, всядущаго, убойся уготовавшаго тебѣ огнь и сѣру и пепелъ, убойся являшагося Моисею и Аарону на рѣцѣ Іорданстей, егоже видѣ рѣка уступися, и ты, душе лукавый, убойся, отступися отъ созданія сего; заклинаю тя одѣющимся свѣтомъ, яко ризою единою, имѣяй безсмертнаго; яко тому подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе Отцу и Сыну и св. Духу, нынѣ и присно и вовѣки вѣковъ, аминь. Христосъ градъ рубитъ около меня, раба Божія имярекъ, со всѣхъ четырехъ сторонъ, три стѣны желѣзны, четвертая каменная, кроетъ Христосъ городъ небомъ, замыкаетъ замки о пяти спицахъ, ключь мечетъ во синее море и сквозь тотъ желѣзной и каменной тынъ стрѣлы на простреленіе и птицы не пролетѣтъ; такоже бы у меня, раба божія имярекъ, не опортить и не опризорить вѣкъ повѣку, отнынѣ и до вѣку, аминь. Господи Боже благослови Отче. Во имя Отца и Сына и св. Духа аминь. Есть святое море акіянъ, среди святаго моря акіина есть бѣлъ камень, струи бьютце денная и полуденная и полуношная, поутру рано и вечеромъ поздо и середи темныя ночи, такоже бы у меня, раба Божія имярекъ, жилы не билися пуповая и становая исердечная; и какъ того бѣла камени съ мѣста не ворохнуть, такъ бы у меня, раба Божія имярека, не уваливать пупа, нескрививать становой (жилы?), и меня р. б. им. не испарчивать вѣкъ по вѣку, отъ нынѣ и до вѣку. И тѣмъ моимъ словамъ закрѣпа нынѣ и присно, и вовѣки вѣковъ, аминь.

Да воскреснетъ Богъ и разыйдутся врази Его и т. д.

Начинаемъ глаголати молитву святого священномученика Кипріяна въ день и часъ, въ онь же упражняеся сила сопротивнаго, ради славы живаго Бога сей святый священномученикъ Кипріянъ молящеся Господу Богу свою душою глаголя:

Господи, Боже сильный, содержай вся, святъ еси, Господи, сый прославленъ, Царь царствующимъ и Господь господствующимъ, слава Тебѣ сидящему во свѣтѣ несочисленнемъ, Его ужасаются всическая, Его же никто же видѣ, ни видѣти можетъ, иже тысящи тысящъ и тмою темъ святыхъ ангелъ и архангелъ предстоятъ предъ Тобою, Ты вси тайная раба твоего, яко не познавшу ми Тебе первые твари же сіе держахъ, облаки не одождити древеса садовная, еже не сотворити плода, па праздныя же неражати и иныя еще не зачати, па ограждение токмо винограда взирахъ и творяхъ розгнѣжъ не цвѣтати, такоже и злакъ вертоградный, еже не прозябати, и рыбы морскія возбранихъ лежати и, просто рещи, всяко чародѣйство дѣяхъ и вси лукавіи бѣси мнѣ работаху. Нынѣ убо Господи, Отче сильный и великій, благоволивый отъ недостойна достойну ми быти и причаститися священному Твоему стаду и преестественному величествомъ, милосердовавый о мнѣ грѣшномъ и не восхотѣ погубити мя со беззаконніи моими, знаемаго сотвори и недостойнаго раба Твоего, припадаю бо и прошу Твое пречистое имя о всѣхъ православныхъ христіянахъ. И прочтется сія молитва на котораго главѣ, яко да разрѣшится отъ вязанія и удержанія и зависти и ненависти злаго сретенія и дѣйственнаго отравленія и языческаго яденія и клеветанія и клятвы, и ито убо стяжать будетъ молитву сію во своемъ дому, да будетъ соблюденъ отъ всякаго ухищренія, потвора и отравы лукавыхъ человѣкъ.

Господи Боже, Отецъ нашъ всея твари, небу и земли услыши, Господи, гласъ раба своего, имярекъ, и молящегося тебѣ, азъ бо созданіе Твое и дѣло руку Твоею, молюся Тебѣ и милосердію: пошли, Господи, мнѣ на помощь небесныхъ воеводъ, Михаила и Гавріила, Рафаила и Уріила, херувимовъ и серафимовъ и всю небесную силу, и всѣ архангельски и ангельски полцы съ пламенными оруліемъ, съ покровомъ крилъ твоихъ, да после-

ши, Господи, съ ними небесными силами помощь и силу, десницу руку Твоею, еще же и пошли, Господи, ризу Твою святую, да насъ одѣешь ризою Твоею честною, и наставятъ на путь истины, да станутъ округъ и около всѣхъ насъ рабовъ Божіихъ во весь свѣтъ крѣпостію Твоею и помощію и заступленіемъ, яко столпи непоколебими, и утвердятъ стѣны недвижимыя отъ земли и до небесъ, да защититъ свѣтомъ не мерцающимъ отъ видимыхъ и невидимыхъ врагъ нашихъ, которые враги ополчатся на насъ; пошли, Господи, стрѣлы молнины на супостатъ нашихъ видимыхъ и невидимыхъ, враговъ нашихъ, да проженеши и побѣдиши и сокрушиши всѣхъ вскорѣ подъ ноги наша, яко прахъ предъ лицемъ вѣтра; который врагъ ополчится на насъ со бѣсовскою силою, начнетъ портити, бури вѣтренніи посылати или вѣтръ роздымать или стрѣлы вражіи посылати или дождь, или мразъ, или воды потопляти, и дороги засѣкать или мракъ темный посылать или къ дороги морозити, или изъ сѣдемъ вышибати, или на дороги прожити, или горы и холми ставити или какія скорби посылати, или угорѣлыя паданцы, или умомъ обходнаи, или какіе иные напуски, или уветки, естественные уды или недуги какіе посылати, или завертки рвати, или супони верхныя и нижныя или оглобли ломати, или изъ гужовъ дуги выпрядывать и гужи рваться, или храмины разрушаться, или переды ломати, или землю колыбати, или половицы воздымати, вражіимъ привидѣніемъ казати, или черного звѣря въ избу пущати или волка пущати, или кошкою или собакою портити, или ножемъ, или стрѣлою, или копіемъ, или жеребей . . . . . въ кашу метати, или въ питіе или въ ядѣніе или въ бани угаромъ или по вѣтру спущати . . . . или собаки, или кошки, или съ копья, или съ рогатины или какими видами вражьими казати жениха или невѣсту, отъ тѣхъ всѣхъ свѣтей вражіихъ и привидѣній бѣсовскихъ отъ всякихъ насыльныхъ скорбей колдуновыхъ и колдуньихъ и сорокою, или-вороною, или какою птицею воружатся, супостатъ нашъ найдетъ портити; Господи, Боже нашъ, Ты нынѣ и самъ приди, съ небесными воеводами и грозными силами, отжени отъ мене, отъ насъ всякаго врага и супостата нашего и со всею силою вражьею вскорѣ сокруши подъ ноги наша, яко прахъ предъ лицемъ вѣтра, и нынѣ же, Господи, осени насъ десницею Твоею, небеса добродѣтелію своею, подъ твердію тремя святыми полками и шестію столпами, крѣпостію Твоею непоколебимою или окрестъ враги наша, и даруй побѣду на нихъ и на нечистые духи ихъ во имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь. Востани, Господи, въ помощь намъ пресвѣтлого лица Твоего, умываемся, Господи, свѣтомъ лица Твоего, утираемся, Господи, зарею разума Твоего, святого евангелія; сохрани насъ, Господи, въ утри рано и вечеряхъ поздо, во дни и нощи, отъ колдуновъ и отъ колдуней, отъ вѣдуна, отъ вѣдуньи, отъ всякаго зла сохрани насъ, Господи, отъ старца, отъ старицы, отъ вѣдуницы, отъ молодицы, отъ рыжаго, отъ чернаго, отъ двоезубаго, отъ трезубаго, отъ плѣшиваго, отъ шелудиваго, отъ всякаго человѣка; а еще который человѣкъ начнетъ вооружаться со враги, портити насъ посылати лѣшихъ и водяныхъ, дворовыхъ или подпольныхъ или какихъ невидимыхъ, или насъ отсылати начнетъ невидимымъ, сохрани насъ, Господи, отъ тѣхъ всѣхъ враговъ насильныхъ, видимыхъ и невидимыхъ, зракъ защити ризою своею и нетлѣннымъ щитомъ отъ земли и до небесъ, и вкругъ около всѣхъ насъ во весь свѣтъ сохрани насъ, Господи, отъ всякія скорби отъ Огнянеи и отъ Гнетеи, и отъ Коркуши и отъ Трясовицы, и отъ Трясуницы и отъ черной Плясовицы, и отъ Блядовицы и отъ Яровицы, и отъ мимоходящихъ и отъ малоходящихъ, отъ стрѣлы и отъ прострѣла, отъ ворогуши, отъ жабы, отъ закосу, отъ винокосу и кружачей, отъ вертячей и отъ уроковъ, отъ оговоровъ и отъ призоровъ, и отъ всѣхъ скорбей, отъ всѣхъ семидесяти двухъ немощей насильныхъ и отъ лихого глаза, и отъ лихой думы и мысли.

Крестъ хранитель всей вселенной, крестъ красота церковная, крестъ апостоломъ слава, крестъ царямъ держава, крестъ бѣсомъ язва, крестъ на враги побѣда и одоленіе, крестомъ ограждаемся, крестомъ врага прогоняемъ, крестная сила съ нами, крестъ Господень помогай намъ силою Іисусъ Христовою прогонять силу вражію, всегда и нынѣ, тойже и во вѣки, аминь. Хомада Мудросота. Комада Дромулота.

(Списано П. С. Ефименкомъ со старинной рукописи, полученной изъ г. Архангельска, отъ Ф. Ф. Вальнева).

24. Молитва Архангелу Михаилу, грозному воеводѣ небесныхъ силъ.

Господи Боже Великій, Царю безначальный, пошли, Господи, архангела своего Михаила, на помощь рабу своему N, изъяти мя отъ враговъ моихъ видимыхъ и невидимыхъ. О господень великій архангеле Михаиле, излей мира благого на раба своего N.! О Господень, великій архангеле Михаиле, демоновъ сокрушителю, запрети всѣмъ врагамъ борющимся со мною, сотвори ихъ, яко овцы, и сокруши ихъ, яко прахъ, предъ лицемъ вѣтра. О Го-

сподень, великій Михаиле архангеле шестокрылатый, первый княже и воевода небесныхъ силъ, херувимъ и всѣхъ Святыхъ, о чудесный архангеле Михаиле, хранителю неизреченный, буди ми помощникъ во всемъ, въ обидахъ, въ скорбяхъ, въ печаляхъ, въ пустыняхъ и на рѣкахъ и на моряхъ тихое пристанище. Избави мя, великій Михаиле архангеле, отъ всякія прелѣсти діявольскія. Егда услыши мя грѣшнаго раба своего N., молящагося тебѣ и призывающаго имя твое святое, ускори на помощь мою и услыши молитву мою. О великій архангеле Михаиле, побѣди вся противящіяся мнѣ силою честнаго и животворящаго креста Господня, молитвами Пречистыя Богородицы и святыхъ ангелъ и св. апостолъ, и св. великаго Николая Чудотворца, и св. пророка Иліи, и св. великомученикъ Никиты и Евстафія, и преподобныхъ отецъ и святыхъ святителей, небесныхъ силъ, аминь. О великій архангеле Михаиле, помози мнѣ, грѣшному рабу своему имя рекъ, избавитися отъ труса и потопа, отъ огня и меча, и отъ напрасныя смерти, и отъ всякаго зла, и отъ врага льстиваго, и отъ бури наносимыя, и отъ лукаваго избави мя, великій Михаиле, архангеле Господень, всегда, нынѣ и присно и вовѣки вѣковъ, аминь

(Найдена между вещами богомолки московск. губ. умершей въ Холмогор. уѣздѣ. Такая же самая молитва записана была П. И. Ивановымъ и въ Пинежскомъ уѣздѣ).

25. Молитва архангелу Михаилу.

Аще человѣкъ котораго дни глаголетъ, то не прійдетъ на него никакое зло, ниже діаволъ, но вся исчезнетъ яко прахъ; а по смерти того человѣка, душу адъ не приметъ:

Господи Іисусе Христе сыне Божій, великій Царю безначальный, не видимый, и не созданный, и сидяй на на престолѣ со О. и С. и со Св. Д., славимый и отъ небесныхъ силъ, безплотныхъ вой, посли Господи архангела своего Михаила на помощь мнѣ, грѣшному рабу им. р., избави мя враговъ моихъ видимыхъ и невидимыхъ; великій господине архангеле Михаиле, изліей море благо на раба твоего имя рекъ, ты еси демоновъ сокрушителю и бѣсовъ прогонителю, избавя мя отъ бѣсовскихъ козней, на вѣтри и стужи, и человѣкъ лукавыхъ, и призри на мя недостойнаго раба твоего имя рекъ, и запрети имъ всѣмъ врагамъ, борющимся со мною, видимыхъ сотвори овецъ и не видимыхъ, яко прахъ предъ лицемъ вѣтра, и великій святый архангелъ Михаилъ, первой княже и воевода ангеломъ и архангеломъ, херувимомъ и серафимомъ и всѣмъ небеснымъ силамъ безплотнымъ, буди помощникъ во всемъ грѣшному рабу твоему, въ бѣдахъ и въ скорбяхъ, и въ печаляхъ, а на расходнымъ, и на морѣ и на рѣкахъ, и на сухомъ пути тихое пристанище буди въ пустынѣ, и сохрани-спаси, сохрани-укрѣпи у всѣхъ человѣкъ въ чести, избавился прелести діавольскія и проч.

(Извлечена изъ старинной рукописи; см. Ж. М. Н. Пр. 1863 г. № 1, ст. Щапова стр. 62. Извѣстна и на Сѣверѣ Россіи).

26. Молитва Пресвятыя Богородицы.

Шла Богородица по землѣ, шла, пріустала; легла спать, пріуснула. Привидѣла сонъ про Господа Бога, про Христа Небеснаго: завели на гору, руки и ноги гвоздьемъ приковали, буйную главу весьма сшибли, горячую кровь разливали, тѣло Христово бѣло прободали. —Кто эту молитву прочитаетъ по утреней зори и по вечерней зори, избавленъ будетъ отъ мукъ вѣчныхъ, отъ огня палящаго, отъ смолы кипящей, отъ воды топящей.

(Записано въ с. Емецкѣ, Холмог. уѣздѣ).

27. При купаніи.

Когда ребята купаются, то приговариваютъ: «Троица велѣла, Богородица велѣла, трижды окурнутся, нырком пройти, и изъ воды вонъ идти».

(Зап. г. Ивановъ въ г. Пинегѣ).

28. При высѣканіи огня.

Когда высѣкаютъ огонь въ сажу чела печки, то говорятъ:

«Царь-огонь, достаньси: не табакъ курить-каши варить!»

(Запис. А. Харигоновъ въ Шенкур. у.)

29. Молитва на сонъ.

Ангелъ мой, сохранитель мой, сохрани мою душу, скрѣпи сердце мое; врагъ сатана, откачись отъ меня, Спасова рука, Богородица сама. Стоятъ во градѣ три святыхъ: Ѳома, да Лука да Никита Великомученикъ; за насъ Бога молятъ денну и ночну, за грѣшную душу. Около нашего двора Іисусова молитва, Николина ограда—тынъ мѣдный, ворота желѣзны, аминемъ заперты, а на хоромахъ святая вода.

(Запис. г. Постниковъ въ Пинежск. у.)

30. Молитва на сонъ.

Ангеле мой, Хранителе мой, сохрани мою душу, скрѣпи сердце мое, а врагъ сатана откачись отъ меня. Стоитъ храмъ; на храму написано три листа: се Марка, се Лука, се Никита Великомученикъ Христовъ. Душу мучатъ, за Христа, Бога молятъ за меня. На Церкве Крестъ, на Престолѣ Божіемъ Крестъ. Крестомъ кре-

щуся, Крестомъ гражуся; Крестомъ Христа призываю, Крестомъ врага отгоняю. Будь же врагъ проклятъ именемъ Господнимъ, Крестомъ Животворящимъ.

(Зап. П. Ивановъ въ г. Пинскѣ).

31. Молитва на сонъ грядущій

Записана съ соблюденіемъ мѣстнаго выговора:

На хоромахъ свята вода. На порогѣ ножикъ. На окошкѣ тупича. Двери на крюцкѣ. Окошецки, Богъ съ вами! Во имя Отча и Сына и Св. Духу, и нынѣ и присна, и во вѣки вѣковъ, Аминь.

(Доставилъ стан. прист. Дьяконовъ изъ с. Емецка, Холмогор. у.)

32. Молитва о снѣ.

Спала еси и опочивала Мати Пресвятая Богородице во святомъ градѣ Виѳлеемѣ Іерусалимстии, и видѣла еси сонъ страшенъ и дивенъ вельми зѣло. И пріиде къ ней Господь Іисусъ Христосъ нашъ, Сынъ Божій, и рече къ ней: Мати моя, Мати Пресвятая Богородице, спиши или зриши? — Пресвятая Богородица отвѣча на гласъ Его, глаголя: видѣла еси я Тебя, Бога и Царя славы, у жидовъ, поимали въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ четвертомъ числѣ, и привели къ Понтійскому Пилату Игумену, на древѣ кипарисѣ распяли руцѣ и ноги твои, ко кресту пригвоздиша, вѣнецъ и съ терніемъ на главу твою возложиша, тростію по главѣ твоей биша, уста желчіемъ напоиша, ребра твои копіемъ прободоша, изъ которыхъ потече кровь и вода на спасеніе всѣмъ православнымъ и во исцѣленіе душамъ и телеси. Нѣкто богатый Іосифъ жидовинъ и ученикъ его Никодимъ тайно пришли и просили у старѣйшиновъ тѣло твое со Креста снять и получили отъ Пилата позволеніе. Обвели тѣло твое бѣлѣйшимъ полотномъ со ароматы и положили въ новомъ гробѣ, изсѣченномъ отъ камени. На утрій же день пріидоша къ нему благочестивые мироносицы и желали прикоснуться тѣлеси его, и оле чудесе таинства! Поразишася свѣтомъ необычнымъ и слышаша гласи: «что ищете живаго съ мертвыми, нѣсть его здѣсь, онъ воскресъ, разорилъ адова царства и раздра Адамова рукописанія.» И рече Господь нашъ Іисусъ Христосъ: «о превозлюбленнѣйшая Мати моя, Пресвятая Богородице, поистину неложенъ сонъ сей, не праведенъ можетъ быть отъ злыхъ людей и отъ жидовъ и Казыловашей. И Азъ въ третій день воскресну имя твое и возвеличу паче всѣхъ родовъ, вѣрнымъ же христіаномъ животъ вѣчный дарую». Аминь.

Аще который человѣкъ сонъ твой съ благоговѣніемъ при себѣ держитъ, то его по смерти пріиму на ложе Аврамово. Аще кто сонъ твой слышатъ и въ дому у себя держатъ и подъ изголовье кластъ и за пазухой носитъ будетъ, къ тому дому и человѣку не прикоснется тать, ни разбойникъ, ни злый человѣкъ, ни демонъ лукавый духъ, и въ томъ дому будетъ изобиліе во всемъ. Аще кто его въ пути съ собою носитъ, сохранитъ его отъ всякой опасности и помилуетъ въ пиру сидящаго, въ судѣ судящаго. Аще кто при смерти про него вспомянетъ, избавленъ будетъ отъ муки, и придутъ Ангели Божіи и возьмутъ его душу и будутъ блюсти ее, дондеже совершится надъ ней судъ Божій, отъ вѣка уготованный. Аще же кто сему сну не повѣруетъ, тому анафема, проклятъ, и трясавица, лихоманка, и огневица, и моръ, и слѣпота, и глухота, и тоска тьмущая, во вѣки вѣковъ, Аминь.

(Достав. свящ. Ѳедоровъ изъ Лисестр. прих.)

Д. ПРОМЫСЛЫ И ДОМОВОЕ ХОЗЯЙСТВО.

1. Отпускъ пастуха скотъ пасти.

Господи, Боже, благослови! во имя О. и С. и св. Д. Стану я, рабъ Божій (имярекъ), благословесь, и пойду перекрестесь, изъ избы дверми, изъ двора воротами, путемъ и дорогою, въ чистое поле, подъ восточную сторону, и стану я р. Б. (им.) на земь, на востокъ лицемъ, на западъ хребтомъ, покроюся я р. Б. и не бесными облаками и всѣми облаки, подпояшуся поясомъ, умываюся росою, утираюся зорею, помолюся я р. Б. им. Господу Богу Нашему, Іисусу Христу, Сыну Божію, и Пречистой Матери Божіей, Богородицы и Присно дѣвы Маріи, Апостоламъ, Архангеломъ и всѣмъ небеснымъ силамъ, Іоанну Крестителю, Михаилу архангелу, архистратигу Гавріилу, Петру и Павлу верховнымъ апостоламъ, Іоанну Богослову, Андрею первозванному, Луки, Филиппу святителю Христову, Василію великому, Николы, святителю Власію, святому Георгію страстотерпцу Христову; ты, Господи, сотворилъ небо и землю и славное святое окіанъ море; ты, Господи, сотворилъ прадѣда намъ Адама и Еву, и ты, Господи, сотворилъ по прадѣдѣ нашемъ Адамѣ и Евѣ и насъ грѣшныхъ людей, и меня р. Б. им., и емлю я р. Б. себѣ скотъ на руки, милой мой, любимой крестьянскій животъ, всякую живущую домошерстную скотину (помянуть всякую шерсть), комолаго и рогатаго, быковъ холостыхъ, быковъ порозовъ, и малыхъ телновъ и подтелковъ.

Помолюся я р. Б. им. Господу Богу нашему Іисусу

Христу, Сыну Божію, и Пречистой Его матери Божіей Богородицы и Приснодѣвы Маріи, Ангеломъ, Архангеломъ, и всемъ небеснымъ силомъ, Іоанну Крестителю, Михаилу Архангелу, Архистратигу Гавріилу, Петру и Павлу верховнымъ Апостоломъ, Іоанну Богослову, Андрею Первозванному, Луки Евангелисту, Филиппу апостолу Христову, Василію великому, Николы святителю Христову, Власію, святому Георгію, страстотерпцемъ Христовымъ. Постави, Господи, около меня р. Б. и. и около скотины моей и около стада моего, милаго, любимаго кретьянскаго живота и около всякія живущія домошерстныя скотины, комолаго и рогатаго, около быковъ холостыхъ и около быковъ порозовъ, и около малыхъ телковъ и подтелковъ (помянуть шерсть), мѣдной и булатной тынъ, стѣну каменну совсѣхъ четырехъ сторонъ, отъ земли и донеба, отъ востока до запада, за тридцать за три версты, за тридцать саженъ, глубина въ землю на тридцать локоть на три локти, отъ чернаго звѣря широколапаго, отъ пасылошнаго, и отъ напущеного, отъ опрокидеия, отъ переходящаго пакостника, волка рыскучаго и волчицъ, и отъ всякія зміи и скорпіи, и отъ всякаго злаго и лихаго человѣка, чтобъ не ходилъ въ моей поскотинѣ черной звѣрь широколапый, и опрокидень, и насылошной, и перехожій пакостникъ, волкъ рыскучій и волчица, и всякая змія и скорпія, и всякой злой и лихой человѣкъ въ день и въ нощь и повсякой часъ, въ утро рано и въ вечеръ поздо, отъ нынѣ и во вѣки вѣковъ. И вы запирайте и замыкайте тридевять булатные ворота тридевятью булатными замками, замыкайте и заваливайте пеньемъ и колодіемъ и выскиді емъ *) и бѣлымъ каменемъ, землею матерою, отъ чернаго звѣря широколапаго и отъ насылошнаго, и отъ опрокидеия и перехожаго пакостника, волка рыскучего и волчицы, и отъ всякой зміи и скорпіи, и отъ всякаго злаго и лихаго человѣка, и чтобъ исходить въ моей поскотинѣ черному звѣрю широколапому, насылошному и опрокидеию и прохожему пакостнику, волку рыскучему и волчицы, и всякой зміи и скорпіи, и всякому злому и лихому человѣку, въ день и въ нощь, и по всякой часъ, по утру рано, и въ вечеръ поздо, отъ нынѣ и вовѣки вѣковъ. И емлю я р. Б. им. тридевять булатные замки, запираюся и замыкаюся тридевятью булатными ключами, булатные ворота, отъ чернаго звѣря широколапаго, отъ насылошнаго, и отъ опрокидеия, отъ перехожаго, и отъ пакостника волка рыскучего и волчицы, и отъ всякой зміи и скорпіи, и отъ всякаго злаго и лихаго человѣка, чтобъ исходить въ мою поскотину черному звѣрю широколапому, и насылошному, и опрокидеию, и перехожему пакостнику, волку рыскучему и волчицѣ, и всякой зміи и скорпіи, и всякому злому и лихому человѣку, въ день и въ нощь и повсякой часъ, утра рано и въ вечеръ поздо, отнынѣ и вовѣки вѣковъ. И емлю я р. Б. им. тридевять булатные ключи, и отношу я р. Б им. къ синему морю и окіяну: стоитъ въ синемъ окіанъ-морѣ бѣлый каменъ латырь, что есть подъ тѣмъ бѣлымъ каменемъ латыремъ, стоитъ свѣжа рыба щука, очи бисерны, зубы желѣзны, и выходитъ та свѣжа щука рыба изъ синяго окіяна моря изъ подъ бѣлаго латыря камеия ко мнѣ р. им., и принимаетъ та свѣжа рыба щука у меня р. Б. им. тридевять булатные ключи, и поядаетъ, и исходитъ, и припосить въ синее акіанъ море подъ латырь камень, и какъ той свѣжей рыбы щуки не бывать изъ синего акіяна моря изъ подъ бѣлаго латыря камеия съ тридевятью булатными ключами, и такобъ небывать и не живать въ моей поскотинѣ черному звѣрю широколапому, насылошному, и опрокиденю, и перехожему пакостнику волку рыскучему и волчицы и всякой зміи и скорпіи, всякому злому и лихому человѣку въ день и въ нощь, по всякой часъ, утра рано, въ вечеръ поздо, отнынѣ и вовѣки вѣковъ.

Господи Боже благослови Отче. Во имя О. и С. св. Д. Стану я р. Б. благословесь и пойду перекрестесь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, путемъ и дорогою въ чистое поле подъ восточную сторону, и есть подъ восточной стороной, стоитъ лѣствица златая отъ земли до небеси, степени у ней серебряны, исходитъ той лѣствицей съ небеси сама Мати Божія, Пречистая Богородица. Она глаголетъ со Архангелы и со всею небесною силою ко мнѣ р. Б. им. на пособь и на помощь, ограждаетъ она Пречистая Богородица меня р. Б. им. своею петлѣнною ризою, и на путь провождаетъ со своимъ скотомъ, съ милымъ любимымъ крестьянскимъ животомъ, со всею живущею домошерстною скотиною (помянуть всякую шерсть), съ комолыми и съ рогатыми, съ быки холостыми, съ быки порозы, съ малыми телки и подтелки; укрываетъ она Пречистая Богородица, Мати Божія меня р. б. им. и мой скотъ милой, любимой кретьянской животъ, всякую живущую домошерстную скотину (помянуть всякую шерсть) комолою и рогатою, съ быки холостыми, съ быки порози, съ малыми телки и подтелки; укрываетъ своей нетлѣнною ризою— небомъ и землею матерью, отъ чернаго звѣря широко-

*) Выскидь—дерево вырванное изъ земли съ корнемъ бурею.

лапаго, и отъ насылошного, и отъ опрокиденя, отъ перехожаго пакостника, волка рыскучего и волчицы, и отъ всякаго злаго и лихаго человѣка, въ день и въ нощь и по всякой часъ, по утру рано и въ вечеру поздо, отнынѣ и вовѣки вѣковъ. И какъ ходитъ духъ Божій тѣтерь по земли, и поломаетъ пенie, колодія, и выскидіе, и всякое суховерное дерево ломитъ на земли, и тако бы ломало моего друга и не друга, и супостата моего и кто на меня, р. Б. им.,. подумаетъ зло и лихо порчею и пыточею, отнынѣ и вовѣки вѣковъ.

Святіи Господіе, Петръ и Павелъ, верховніе апостоли, сидите ко мнѣ р. б. и. на помощь и на пособь, ограждите меня р. б. и. своею нетлѣнною ризою, и на путь проводите съ моимъ скотомъ, милымъ любимымъ крестьянскимъ животомъ, со всякою живущею домашнею скотиною (помянуть всякую шерсть) съ быки холосты, съ быки порозы, съ малыми телки и подтелки. Проведите около меня р. б. и. и около поскотины моей и около скота моего всякой живущей домошерстной скотины (помянуть всякую шерсть), комолаго и рогатаго, быковъ холостыхъ, быковъ порозовъ, съ малыми телки и подтелки, и вы проведите огненную рѣку отъ востока до запада, отъ лѣта до сѣвера, со всѣхъ четырехъ сторонъ, отъ чернаго звѣря, широколапаго и отъ насылошнаго, и отъ опрокиденя, и отъ перехожаго, и пакостника волка рыскучего и волчицы, и всякой зміи и скорпіи, и отъ всякаго злаго лихаго человѣка, чтобъ не ходилъ въ мою поскотину черный звѣрь широколапый, и опрокидень, и перехожей пакостникъ, волкъ рыскучій и волчица, и всякая змія и скорпія, и всякой злой и лихой человѣкъ, всегда нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь.

И сколь жарко и ярко горятъ огни горящіе, палящіе, и не погасающіе, такъ жарко и ярко горѣло бы у всякой скотины поскотинно сердце, такъ же и ко мнѣ р. б. и., гдѣ услышатъ гласъ мой, сошли бы на гласъ сей и гортань мою, и на трубу мою, по утру рано и въ вечеръ поздно, по всякъ день и по всякъ часъ, всегда, нынѣ и присно, и вовѣки вѣковъ; аминь.

Указъ: Ходить кругомъ скота, волочить топоръ, а наговаривать на воскъ, а воскъ прилепить къ ножу, и какъ станешь читать, раскладн огонь и положи въ заворницахъ на правую сторону ножикъ, а на лѣвую камешокъ, и замокъ на правую сторону, а на лѣвую душку, и по прочтеніи отпуска воскъ разнять на двое, и огонь положить по сторонамъ, и скота провести подъ образъ Богородицы, и когда скотъ войдетъ весь, тогда взять замокъ, камень и воскъ, сложить въ одно мѣсто, и сокрыть въ тайномъ мѣстѣ, а замокъ въ ручей и камешки въ ручей же.

(Зап. свящ. Дьячковъ въ с. Лямцѣ, Онежск. у.).

2. Правила пастуху.

Во имя Отца и Сына и святаго Духа аминь. Самъ Господь Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій помози мнѣ р. б. Н. и постави, Господи около моего скота, милаго моего живота, Власьева рода, кругомъ со всѣхъ четырехъ сторонъ, чернаго и бѣлаго, и краснаго, и пестраго, и бураго и сѣдатаго, рогатаго и комолаго, желѣзный тынъ отъ земли и до неба, отъ неба и до земли. И обыди ты, Господи, около того тына желѣзнаго еще рѣку огненную отъ востока и до запада, отъ запада, отъ запада и до сѣвера, отъ сѣвера и до лѣта, и со всѣхъ четырехъ сторонъ, отъ земли и до небеси, отъ небеси и до земли. Кабы не приходилъ сѣрый волкъ и сѣра волчица, и рыскуша и лютой звѣрь и люта волчица, и лютая черная медвѣдица. Кабы не обходили всякія звѣри милаго моего живота, Власьева рода, всякаго-чернаго и бѣлаго, и краснаго и сѣдатаго, и черемнаго, рогатаго, комолаго, быковъ, коровъ и телятъ, и подтелковъ. И невредили бы зубомъ и ногтемъ, и ничѣмъ его не враждалъ, по всякой часъ, и по всякой день, и по всякую нощь, вовѣки вѣковъ, аминь.

3. Тоже.

Истинный Христосъ Царь Небесный и Пресвятая Богородица, Георгій страстотерпецъ, милостивъ буди до меня до грѣшнаго р. б. Н. и сохрани и соблюди ты, Господи, по всякой часъ милаго моего живота, Власьева рода, и бѣлаго, и пестраго, чернаго, и черемнаго, рогатаго и комолаго, сѣдастаго и бураго, быковъ и коровъ, телятъ и подтелковъ, и всего моего скота, и сохрани, и соблюди во всякомъ мѣстѣ, гдѣ онъ ходитъ и спитъ или стоитъ; — и кажись онъ милый мой животъ, крестьянскій скотъ, Власьева рода, лютому черному звѣрю и лютыя черныя медвѣдицы, и сѣрому рыскучему волку и сѣрой рыскуночной волчицы, рыси и росомахи, и всякимъ звѣрямъ кажися: при водахъ—водою, при дворахъ—воротми, при огородахъ—огородомъ, при людяхъ—людьми, при щепѣ—щепою, при пескахъ—пескомъ, при пеньи—пеньемъ, при колодѣ—колодьемъ, при кореньѣ—кореньемъ, при листу—листомъ, при пещерахъ—пищерами, кажись мой милый животъ, Власьевъ родъ, вѣдень, вѣнощь, повсякой часъ, и по всякой день, и повсякую нощь: въ день подъ солнцемъ, а въ нощь подъ мѣся-

цемъ и подъ частыми звѣздами, подъ всѣмъ воздухомъ Господнимъ во вѣки вѣковъ, аминь.

4. Тоже.

Господи Боже, благослови, р. б. Н. Есть на семъ бѣломъ вольномъ свѣтѣ, Боже Творецъ, мурашевъ сотворилъ еси. Какъ они расходятся по чистому полю и по дремучимъ лѣсамъ, на всѣ на четыре стороны, а въ ночи собираются въ свое мурашево и во свое жилище, безпопятно, и безотворотно, къ своему царю муравью; такожъ со всѣхъ четырехъ сторонъ сбирался бы, и стекался бы, и сходился бы и мой милый животъ, крестьянскій скотъ, Власьевъ родъ, безотпятно и безотворотно, по всякой вечеръ въ домъ бы свой ночевать радѣли и приходили. Какъ стекаются и сбѣгаются воды со всѣхъ четырехъ сторонъ и рѣки ко славному морю акіану безотпятно и безотворотно, также бы мой милый животъ, крестьянскій скотъ, Власьевъ родъ, радѣли и приходили въ домы бы свои, во вѣки вѣкомъ, по всякой день и по всякой часъ, и по всякой вечеръ безъотпятно и безъотворотно. Какъ всякая живущая скотина не можетъ жить безъ травы и безъ воды никакого дня, такъ бы мой милый животъ, крестьянской скотъ, Власьевъ родъ, не могли жить дружка безъ дружки, по всякой часъ и не могли бы ночевать въ чистомъ полѣ и во дремучихъ лѣсахъ.

Говорить три раза передъ образомъ Господнимъ, шерсти имать отъ всякой скотины измежу роговъ, ту шерсть закатать въ воскъ, и съ воскомъ наговорнымъ ходить кругомъ скота, да съ образомъ Господнимъ, или Его-ріемъ ходить около скота. Какъ обойдешь скота, скотъ выпусти изъ дверей скрозь замокъ, да скрозь огнь, да скрозь воскъ. Наговорный воскъ положи на сторону, а замокъ положъ на другую сторону воротъ, ключъ спусти въ воду. (Всѣ три доставилъ П. А. Ивановъ изъ Нижегскаго у.).

5. Молитва пастуху скотъ пасти.

Господи, Іисусе Христе, Сыне божій, помилуй мя грѣшнаго раба б. им. пастыря. Іисусова молитва, Николина ограда, тынъ желѣзной отъ небеси и до земли, отъ востока и до запада, отъ юга и до сѣвера, со всѣхъ съ четырехъ сторонъ, около меня раба б. им. пастыря и около моего любимаго стада крестьянскаго живота, аминемъ замкнута. Стану я, рабъ б. им., пастырь благословесь, и помолюся Спасу и Пресвятой Богородицы и Михаилу архангелу и Гаврiилу архангелу, и всѣмъ святымъ небеснымъ силамъ и святителямъ Христовымъ Іоанну богослову и Козмы и Демьяну и святому Власію, стану я р. б. им. благословесь, небомъ покроюся, частыми звѣздами исподтычуся отъ всякаго врага и супостата и отъ лѣшаго звѣри, чернаго, широколапаго медвѣдя, отъ напущеннаго, и отъ опрокидня, и отъ прохожего, и отъ волка, и отъ волчицы, и отъ лѣшей собаки, и отъ дѣтей ихъ. Свѣтъ истинный Христосъ, Царь небесный, огради и постави около меня раба б. пастыря им. и около моего любимаго стада бѣлыхъ и черныхъ, и красныхъ, бурыхъ, и черноперстрыхъ и красноперстрыхъ и всякой пошерстною скотиною нетелей и быковъ и подтелковъ, тынъ булатной и концы три сажени въ небо и три сажени въ землю, чтобы не перелетѣть никакою видомъ птицею и ни которымъ образомъ звѣремъ, ни пробить, ни прогрысь ни какому злокозненному человѣку, не испортить никакому врагу и супостату, и черному звѣрю широколапому медвѣдю, и сѣрому волку и волчицѣ, и хорту и хортицѣ и дѣтямъ ихъ, и всякому гаду и ползуну, пресмыкающемуся по земли, не видѣть и не слышить, не вредить ни на водѣ, ни на землѣ и на всякомъ мѣстѣ. Постави, Господи, около меня раба б. им. горы каменныя отъ небеси и до земли, со всѣ съ четыре стороны, аки въ мѣдномъ кольцѣ, отъ всякаго врага и супостата и недруга моего, и отъ чернаго звѣря широколапаго медвѣдя, и отъ волка и отъ волчицы, и отъ хорта и отъ хортицы и дѣтей ихъ; и постави, Господи, огненную рѣку со всѣ съ четыре стороны и сохрани, Господи, меня, раба б. пастыря им., и мое любимое стадо рогатой и кошлатой скотъ, милой крестьянской животъ, всяную пошерстную скотину отъ срока и до срока, отъ весны и до осени и до бѣлаго снѣгу со всѣ съ четыре стороны аки въ мѣдномъ кольцѣ, и пошли, Господи, истинный Христосъ, сторожевъ по мнѣ рабу б. своихъ вѣрныхъ слугъ, святыхъ ангеловъ съ пламеннымъ оружіемъ, и съ ними пошли тридесять борзыхъ кобылей съ вострыми ногтями и съ желѣзными зубами прогонять всякаго врага и супостата моего, чернаго звѣря, широколапаго медвѣдя, насылочнаго опрокидня и сѣраго волка долгохвостаго, отъ моего стада, и чтобы черному звѣрю, широколапому медвѣдю и сѣрому волку, долгохвостому рыскуну и волчицы, хорту и хортицы и дѣтямъ ихъ невидѣти и не слышити меня, раба б. пастыря им., и стада моего. Самъ Всевышній Творецъ и Христосъ, царь небесный, своими пречистыми руками замыкай златыми замками и ключи въ окіянъ-море опусти, и тѣ ключи да поглотъ щука-рыба, и опущается въ пупъ морской подъ бѣлый камень и ито станетъ, какой лихой человѣкъ меня, раба божія пастыря, пор-

тить, моего любимаго стада добывать и звѣрь напущать на меня, раба б. пастыря им., и на мое стадо думать и мыслить, и будетъ онъ можетъ около всего окіяна моря песокъ вызобать, и со древесъ хвою изглотать, изъ моря воду выпить и обсушить, и щуку потребить, и ключи изъ. ней возьметъ, и замки тѣ отомкнетъ, и ворота отворитъ и тогда хотѣніе свое исполнитъ, и какъ не можно никакому человѣку крещепому около окіяна моря песокъ и хвою вызобать и воду выпить, море обсушить, и не можно щуки добыть, и ключей не вынуть, и замковъ не отомкнуть, и воротъ не отворить, и меня раба б. им. не испортить, и моего стада не добыть, и въ певѣрные роды изгинуть и въ непроходимыя мѣста, чтобы ихъ колдуновъ и еретиковъ ненавистниковъ, портежниковъ и вышеписанныхъ звѣрей и гадовъ, нечистаго смрада и діявольскаго навѣту ихъ и слыху не бывать; а гоняли бы и хранили бы святые ангелы мое любимое стадо, христіанской милой животъ, рогатой скотъ, изъ темнаго лѣсу ко всякой ночи домой изъ горъ, изъ болотъ, изъ осѣку и за осѣку, изо всякихъ мѣстъ; и сколь мило и дружно живутъ малые черные муравьи и приходятъ къ своему муравейнику, столь бы любезно ходила у меня, раба б. пастыря им., всякая скотина пошерсная, отъ сроку до сроку, отъ весны и до осени и до бѣлаго снѣгу, приходила бы на гласъ рога и трубы моея, и казалось бы и видѣлось мое стадо, крестьянской милой животъ, пеньемъ и колодьемъ и каменіемъ и огнемъ, при воды водою и всякому, моему супостату гаду и ползуну и черному и бурому звѣрямъ, и широколапому медвѣдю и сѣрому волку и волчицы, хорту и хортицы, отъ весны и до осени и до бѣлаго снѣгу, въ новѣ мѣсяцѣ и въ ветхѣ и въ полнѣ, въ новцовомъ и ветховомъ перекроіхъ и въ межныхъ дняхъ, въ день и въ ночь и во вся часы, отнынѣ и до вѣка и во вѣки вѣковъ, аминь. (Говорить трижды).

Возьми у всякой скотины шерсти съ передней да изъ задней ногъ и приговори: «И какъ задняя нога отъ передней не оставалася и передняя задней не дожидалася,» и древцо возьми невелико, расколи на четверо: два по сторонамъ, третье въ исподъ, четвертое на верхъ, да положи промежъ ихъ тридевять камешковъ да мурашковъ и обвяжи, возьми воскъ и шерсть въ руку, положи на воротъ образъ Божій, топоръ волочи и около скота на посолонь обойди трижды, на выпускѣ по сторонамъ роскладн огни, и какъ приговоришь, шерсть закатай и сомни въ одно мѣсто съ воскомъ и положи треть въ древо, другую треть въ замокъ, третію треть заверти въ рогъ, древцо положи въ дровяную кучу, замокъ запечатай инымъ воскомъ и замни, и ключъ утопи въ воду, образъ положи надъ выпускомъ и поклоновъ бей:

1. Псаломъ: Господь пасетъ мя,
2. Вѣрую во единаго Бога Отца,
3. Воскресную молитву,
4. Милосердіе двери отверзи намъ,
5. Молитву Іисусову трижды.

И выпусти скота.

(Списано въ г. Онегѣ со старинной рукописи).

6. Пастушья молитва.

Во имя Отца и Сына и св. Духа. Лягу я, рабъ божій имя рекъ, благословясь, стану перекрестясь, одѣюся свѣтомъ, опояшуся свѣтлою зорею, покроюся облаками, отычуся частыми звѣздами, и пойду я рабъ божій въ чистое поле, стану на востокъ лицемъ, на западъ хребтомъ, отрекуся отъ сатаны и отъ діавола, и поиду прочь на сторону, и предаюся Вышнему Творцу, Небесному Царю, самому Господу Іисусу Христу, да Саваофу Богу со своимъ съ честнымъ стадомъ, съ милымъ животомъ, съ крестьянскимъ скотомъ, съ конпымъ и съ коровьимъ и съ овчимъ и съ свинымъ, съ разношерснымъ и съ разнокопытнымъ, на сохраненіе и на сбереженіе и въ мѣсто на слученіе и ко двору своему на прихожденіе, и милому животу крестьянскому скоту на логостъ, на здравіе, на Божію милость, на плодъ, на животъ. Истинный Христосъ и Богородица Мати Божія, Михаилъ архангелъ, архангелъ Гавріилъ грозный воевода небесныхъ силъ, Николай чудотворецъ, Власій епископъ Севастійскій чудотворецъ, Георгій храбрый, Флоръ и Лавръ, Меркурій Смоленскій, Аверкій Еронольскій, кіевскіе и печерскіе чудотворцы Антоній и Ѳеодосій, и вы святіи и честные евангелисты Лука и Маркъ, Іоаннъ и Матвѣй, херувимы и серафимы и всѣ небесныи силы научите меня, раба божія имя река, и помозите, пособите и благословите слово говорити, ограду ставити, оборону чинити на милой животъ на крестьянской скотъ, на конеи и на коровъ, на овчіи и на свиней, на разношерспыя и разнокопытныя, а милой животъ и крестьянской скотъ въ мѣсто случить, ко двору своему прилучить, огорода поставить, оборона чинить отъ сѣраго звѣря, отъ чернаго звѣря, отъ рыси и отъ росомахи, отъ рыскучего волка, отъ ползучего гада, отъ нашлаго и отъ наслапнаго урока, отъ призору и отъ пострѣлу, и отъ пострѣлу и отъ порчи, и отъ падшія силы и отъ нечистаго духа, отъ еретика и отъ еретицы, отъ вѣщика и отъ вѣщицы, отъ портежника и отъ портежницы, отъ лихого

глаза и отъ лихой думы, и отъ всякія сиверны земныя и лѣсныя, и отъ всякаго злаго человѣка, отъ лихаго супостата, отъ колдуна и отъ колдуньи, отъ черница и отъ черницы, отъ попа и отъ поповича, отъ дьяка и отъ дьячка, отъ парня и отъ дѣвки, и отъ однозуба и отъ двозуба и отъ троезуба, со стороны видящаго, отъ постигущаго и отъ стретившаго и мимоидущего, отъ суроволоса и отъ сѣроволоса и черноволоса, закрѣпляющаго рабъ божіи и заговариваючи свое чесное стадо, милой животъ крестьянской скотъ, огороду поставить, оборону чинить; толь крѣпка огорода моя божіей милостію и словами моими, аки синей камень въ Синемъ морѣ, аки черной камень въ Черномъ морѣ, аки арагъ камень въ Варяжскомъ морѣ, аки хвалынь камень въ Хвалынскомъ морѣ, аки акіянъ—камень въ акіянѣ морѣ, ни крошитца, ни ломитца, ни рознится, и сколь крѣпокъ сей огородъ и сей заговоръ кругомъ моего милого живота, крестьянского скота на сохраненіе и на соблюденіе и въ мѣсто на слученіе и ко двору на прихожденіе, а милому животу, крестьянскому скоту на легость, на здравіе, на божію милость на плодъ, на животъ. И кто же на меня, раба божія имя река, на мой животъ на крестьянской скотъ думою подумаетъ, мыслію помыслитъ, тому человѣку съ окіяна моря воды выпить, пески позобать и каменіе проглотить; и кто же на меня, раба божія. думою подумаетъ и мыслію помыслитъ на мой животъ, на крестьянской скотъ, тому человѣку зубы со рта, очи со лба и кости съ тѣла; и кто на меня раба божія на мой милой животъ, на крестьянской скотъ, думою подумаетъ и мыслію помыслитъ, тому человѣку кругомъ окіяна-моря лѣсы подщипать и хвоя позобать, что ни есть на земли царей—огонь царь всѣмъ царемъ царь, и отъ меня раба божія отъ моего милого живота зжетъ и палитъ всякаго звѣря, уроки и призоры и лихой глазъ и лихую думу, зжотъ и палитъ завидниковъ и обидниковъ и еретиковъ и портежниковъ, зжетъ и палитъ отъ меня раба божія и отъ моего милого живота, крестьянскаго скота. Какъ стекаются рѣки ко окіяну морю съ толкучихъ горъ, съ дремучихъ лѣсовъ, отъ иховъ и болотъ, съ поточинъ и съ пахомыхъ земель и съ сѣнныхъ покосовъ, и тако бы приходили мой милой животъ, крестьянской скотъ, сами ходили съ лѣсу домой съ толкучихъ горъ, съ дремучихъ лѣсовъ, со иховъ и болотъ съ паточинъ и съ пахомыхъ земель и сѣнныхъ покосовъ; какъ сходится міръ крещеной народъ божій ко звону колокольному и пѣнію церковному ко отцу духовному къ лицу Божію къ Богородицѣ, къ Матери Божіей, тако бы приходили мой милой животъ крестьянскій скотъ сами съ лѣсу домой. Какъ солнце на западѣ, сколь крѣпко Ѳаворъ гора стоитъ на мѣстѣ она и держитца вмѣстѣ, сколь крѣпко сиина гора стоитъ на мѣстѣ она и держится вмѣстѣ, сколь крѣпко святая гора стоитъ на мѣстѣ она и держится вмѣстѣ, сколь крѣпко Аѳонъ-гора стоитъ на мѣстѣ она и держится вмѣстѣ, палестинскія іерусалимскія горы четыре горы и четыре страны не россыпаются и не роздвигаются и вмѣсто не подвигаются, и такожъ мои милой животъ крестьянской скотъ вмѣстѣбъ держался и не расходился, ни рознился; и сколь крѣпко-во святемъ градѣ Іерусалимѣ и во всякой святыни гробъ Господень на воздусѣ держитца духомъ святымъ Господнимъ и столь бы крѣпко мой милой животъ крестьянской скотъ плелся и вился и двора своего держался, и какъ гробу Господню на земли не бывать и такъ бы моего милого живота крестьянскаго скота урону не бывать ни притчи, ни порчи, ни въ лѣсу наслѣгу (ночлегу). Еще помолюся я рабъ божій о своемъ миломъ животѣ крестьянскомъ скотѣ вышнему Творцу, Небесному Царю и Богородицѣ Матери Божіей, о конскомъ и коровьемъ и овчемъ и свиномъ о охраненіи и о сбереженіи и въ мѣсто на слученіе и ко двору на прихожденіе. Истинный Христосъ и Богородица Мати Божія, святые и честные Козьма и Даміанъ, Михаило архангелъ, ангелъ Гавріилъ, Николай чудотворецъ, Власій епископъ Севастійскій чудотворецъ, Георгій храбрый, Ѳлоръ и Лавръ, Меркурій Смоленскій, Аверкій Еропольскій, Антоній и Ѳеодосій кіевопечерскіе чудотворцы и вы святые евангелисты Лука и Маркъ, Іоаннъ и Матвей, херувими и серафими и вси небесныя силы, ставьте кругъ меня, раба божія имя река, кругъ моего милого живота крестьянского скота, кругъ конного и коровья и овечья и свиного, кругъ разношерстныхъ и разнокопытныхъ на сохраненіе и на збереженіе и въ мѣсто на слученіе и ко двору на прихожденіе, отъ сѣраго звѣря отъ чернаго звѣря, отъ бураго звѣря, отъ рыси и отъ росомахи и отъ рыскучего волка и отъ ползучего гада, и отъ нашлаго и отъ насланнаго, отъ пострѣлу и отъ пострѣлу, отъ порчи и отъ отпаденія силы и отъ нечистаго духа, отъ вѣтра и отъ вихоря и отъ всякаго урона, повѣтрія, пострѣлу, падежу отъ еретика и отъ еретицы, отъ вѣщуна и отъ вѣщицы и отъ всякаго злаго человѣка и отъ лихого супостата, ставьте двунадесять апостоловъ тынъ желѣзной, ворота мѣдныя, верси желѣзныя въ землю тридесять лакотъ отъ земли до небеси, отъ небеси до земли, отъ востока до запада, отъ запада до сѣвера, отъ сѣвера до лѣта со всѣхъ четырехъ сторонъ на три поприща, на три версты, и замыкайте тридесятью замками и тридесятью ключами, отдай-

те тридесять ключей въ небесной рай самому Господу Іисусу Христу въ нетлѣнную ризу подъ правую пазуху; еще ставте тынъ каменной, ворота булатные, вереи стальные въ землю тридесять лакоть отъ небеси и до земли, отъ земли до небеси, отъ востока до запада, отъ запада до сѣвера, отъ сѣвера до лѣта со всѣхъ четырехъ сторонъ на три поприща на три версты, замыкайте тридевятью замками и тредевятью ключами, и отдайте тридевять ключей въ седмое небо самому Господу Іисусу Христу, Богу Савоѳу на златой престолъ на златую мису. Еще ставте тынъ сребряной, ворота златыя, вереи укладныя съ огненнымъ пламенемъ и съ искрами и съ дымомъ и божію милостію, отъ востока до запада, отъ запада до сѣвера, отъ сѣвера до лѣта, со всѣхъ четырехъ сторонъ, куды мое око завидить и ухо заслышитъ, за два поприща, за двѣ версты и замыкайте тридевятью замками и тридевятью ключами и отдавайте тридевять ключей Богородицѣ въ седмое небо на престолъ. Како здѣсь на земли седмаго неба никому не видать, небу съ землею не схаживатца, а земли съ небомъ вмѣстѣ не сталкиватца, и тако звѣрю скотины не видать, въ чистомъ стадѣ не бывать, отъ нынѣ и до вѣка.

Ключь: хиже важе нурже каръ жахты саѳаръ кирже саѳаръ баръ юмиръ екъію саѳаръ баръ каюръ баръ, небу по земли не хаживать, а земли по небу, и тако порчѣ не бывать отъ нынѣ и до вѣка, аминь.

(Доставилъ свящ. Колчинъ изъ с. Пингишей, Холмогор. у).

7. Оберегъ скота.

Господи Боже благослови Отче, во имя О. и С. и Св. Духа. Стану я, р. б. им. р. пастухъ, благословясь и пойду перекрестясь на добрые дѣла коровъ пасти, и я у скота у миловаго живота крестьянскаго шерсть теребліо, шерсть у черныхъ у бѣлыхъ и у красныхъ и у чернопестрыхъ у бѣлопестрыхъ и у краснопестрыхъ у рогатыхъ и комолыхъ, у быковъ и коровъ и у нетелей и у подтелковъ и телятъ и у своего всего пастушья скота и милаго живота крестьянскаго, и скатываю и сваливаю шерсть вмѣсто, и какъ бы та шерсть свилась и сваллялась вмѣсто, такъ бы ты мой пастушей скотъ сваливался вмѣсто и милой животъ крестьянской, черной и черемной бѣлой и красной и чернопестрой и краснопестрой, бѣлопестрой, рогатой и комолой, быки и коровы, цетели и подтелки и телята и весь пастушей мой скотъ и милой животъ крестьянской случался и сваливался и свыкался бы вмѣсто на бору и на поскотины, на высокихъ горахъ и на бѣлокаменныхъ мѣстахъ, пещерахъ, свыкался бы и сваливался весь вмѣсто ко мнѣ, р. б. им. р. пастуху, на голосъ и на трублю и домовъ по всякой день, на нову и на ветху и на межныхъ дняхъ, и какъ къ царю муравному муравьи въ муравьище схожаются и збѣгаются на зимное жилище, и такъ бы мой пастушей скотъ и милой животъ крестьянской сходился бы и стекался на бору и на поскотинѣ во едино мѣсто и во едину кучю и домой и милой животъ крестьянской скотъ ко мнѣ, р. б. имя рекъ пастуху, на голосъ и на трублю, и запечатаю азъ, р. б. им. р. пастухъ, ту шерсть въ чистой воскъ, и какъ тому воску не разваливаться и какъ тое шерсти не раскатываться и не разваливатце, такъ бы моему и милому животу крестьянскому, черному, бѣлому и красному и чернопестрому и бѣлопестрому и краснопестрому, рогатому и комолому быкамъ и коровамъ, нетелямъ и подтелкамъ и телятамъ и всему моему пастушью скоту и милому животу крестьянскому не росхаживатся и не розволиватце на бору и на поскотинахъ и на высокихъ холмахъ и на бѣлокаменныхъ мѣстахъ, пещерахъ и на всяких мѣстахъ не росхаживатце и не розсыпатце и всему вмѣстѣ держатце; держись передня за задней и задня передней и всѣ держитесь меня, р. б. имр. пастуха, и гласу моему и трубли и дворовъ своихъ по всякой день и по всякую ночь, на нову и на ветху и на всякомъ мѣсяцу, и вовѣки вѣковъ, аминь.

(Говорить трижды).

Господи Боже, благослови Отче. Во имя О. и С. и Св. Д. и меня, р. б. им. р. пастуха, какъ я радуюся солнцу красному, мѣсяцу свѣтлому и свѣту божію, и какъ я радуюся престолу божію и самому Господу Іисусу Христу, такъ бы радовался скотъ мой и милой животъ крестьянской меня, р. б. им. р. пастуха, и гласу моего и трубли радавался бы по всяюй день на нову и на ветху мѣсяцу и на перекроѣ и на межныхъ дняхъ, и сохрани мой скотъ и милой животъ крестьянской скотъ по водамъ, по землямъ, по поточинамъ, по источинамъ, по падунамъ о томъ по ранной зори и по вечерной, и сохрани мой скотъ животъ крестьянской, черной и бѣлой, красной, чернопестрый и бѣлопестрый, краснопестрый, рогатой и комолой, быковъ и коровъ и телятъ, сохрани Господи на нову и на ветху и по вся нощи и дни, и кажися тотъ мой скотъ и милой животъ крестьянской черному и бурому медвѣдю и медвѣци и рысучему волку и во вся дни кажись при воды вода, при камени каменъ, при травы трава, при огородахъ огорода, при щепы щепа, при людяхъ люди, при дворахъ дворы и какъ святому

дереву рябинѣ въ одной кучѣ и въ одной толпѣ, и такожъ бы мой пастушей скотъ и милой животъ крестьянской ходилъ бы у меня, р. б. им. р. пастуха, въ одной кучи и въ одной толпѣ, и такожъ какъ въ одной кучѣ и въ одной толпѣ, и такожъ бы мой пастушей скотъ и милой животъ крестьянской чернопестрой и краснопестрой, черной, бурой и красной ходилъ бы въ одной толпѣ, сшелся бы и не розошолся, ходилъ бы, а и расходился на бору и на поскотинахъ, на ходныхъ земляхъ, и какъ тѣ шерстины сошлись вмѣсто и нерозошлись, и съ воскомъ вмѣсто скатились и не роскатились, и тотъ бы мой скотъ вмѣсто сшелся бы и нерозходился на бору и на поскотины и на пахатной, земли и такожъ царь муравей о своемъ дому муравьищи, такожъ бы мой пастушей скотъ и милой животъ крестьянской ночевалъ въ своемъ дому по вечеру поздо и по утру рано, аминь моей молитвѣ и вовѣки вѣковъ, аминь.

(Говорить сіе трижды).

Во имя О. и С. и Св. Д. Самъ Господь Богъ помози мнѣ, р. б. имр. пастуху, и поставь Господи около меня, р. б. имр. пастуха, и около моего пастушья скота и милаго живота крестьянскаго, чернаго и черемнаго, бѣлаго и краснаго, черноперстраго и краснопестраго, рогатого и комолого, быковъ и коровъ и нетелей и подтелковъ и около всего моего пастушья скота и милого живота крестьянскаго поставь желѣзной тынъ отъ небеси и до земли, отъ востока и до запада, отъ сѣверъ и до лѣта и со всѣхъ четырехъ сторонъ, кабы не пришолъ черной звѣрь и бурой и опрокидень и пакосникъ, и всякой медвѣдь и медвѣдица, и рискучей волкъ и волчица, и колдунъ и колдунья, мужикъ и женка и всякой злой и лихой человѣкъ, и не обронили бы моего пастушья скота и моего живота крестьянскаго, черного и бѣлаго, краснаго и черемного, черноперстрого и краснопестраго, рогатого и комолого, быковъ и коровъ и нетелей и подтелковъ и телятъ и всего моего пастушья скота и милого живота крестьянскаго,—черной звѣрь и бурой и опрокидень и пакостникъ и всякой медвѣдь и медвѣдица и рыскучей волкъ и волчица ногтемъ и зубомъ, и не спортили бы колдуны и вѣдуны и вѣщицы и всякіе злые люди, меня р. б. им. р. и моего пастушья скота и милаго живота крестьянскаго; обдерни Господи около меня, р. б. имр. пастуха, и около моего пастушья скота и милого живота, крестьянскаго черного и черемнаго, бѣлого и краснаго, черноперстраго и краснопестрого, рогатого и комолого, быковъ и коровъ, нетелей и подтелковъ и телятъ и всего моего пастушья скота и милаго живота крестьянскаго, обдерни Господи огненную рѣку отъ востока и до запада, отъ сѣвера и до лѣта; кабы не пришелъ черной звѣрь и бурой и опрокидень и пакосникъ и всякой медвѣдь и медвѣдица и рыскучей волкъ и волчица, ногтемъ и зубомъ не обронилъ бы моего пастушья скота и милого живота крестьянскаго, и не пришелъ бы колдунъ и колдунья и всякой злой лихой человѣкъ, мужикъ и женка, и не портили бы меня, р. б. имр. и всего пастушья скота ни порчами, ни словами, ни злыми помыслы на нову и на вѣтху, и вовсе теплое лѣто, вовѣки аминь.

(Говорить трижды).

Господи Боже, благослови Отче! во имя О. и С. и Св. Д. Стану я, р. б. им. р. пастухъ, благословясь и пойду перекрестясь со своимъ поступьимъ скотомъ и съ милымъ животомъ крестьянскимъ, бѣлымъ и краснымъ, черноперстрымъ и краснопестрымъ, съ рогатымъ и съ комолымъ и со всѣмъ своимъ скотомъ и милымъ животомъ крестьянскимъ, по утру рано во свою любиму поскотину зеленой травы ясти, а свѣжей воды пити и не боюся язъ, р. б. имр. пастухъ, ни старца схимника, ни старицы схимницы, ни колдуна, ни колдуньи, и вѣдуна и вѣдуньи, и всякаго злаго человѣка; и какъ имъ злымъ лихіимъ людямъ земли матери не пересилище неба имъ не страсти и звѣздъ съ неба не мощипать, такъ бы меня р. б. имр. и моего пастушья скота не уркнуть и не испортить ни словами, ни травами; злой и лихой человѣкъ ѣшь себя и кровь свою, такъ и меня, р. б. им. р. пастуха, и моего пастушья скота крестьянскаго не испортить отъ нынѣ и до вѣка, аминь.

(Говорить сіе трижды).

Словеса говорить врадъ на шерсть и воскъ, и замокъ съ ключомъ и взять двѣ свѣщи, ходить со образомъ Георгіевымъ трижды, и образъ поставить и добыть огня, и сквозь огнь прогонить, и шерсть также и воскъ разрѣзать и положить на обѣ стороны, и прогонить и взять къ себѣ, ступай.

(Списано со старинной тетрадки, доставленной изъ с. Суры, Пинежск. уѣзда волостнымъ писаремъ Григ. Хромцовымъ).

8. Молитва скотъ сводить.

Господи благослови, Отецъ, Сынъ и святой Духъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь. Господи Боже благослови, во имя Отца и Сына св. Духа, и нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь.

Стану я рабъ Божій имирекъ, благословесь, и пойду

перекрестясь, изъ избы дверми, изъ двора воротами, и выйду въ чистое поле, подъ восточную страну, стану лицемъ на красное солнце, на западъ спиной, и стану я, рабъ Божій имярекъ, свои слова красному солнцу говорить: какъ красное солнце на выхожденіе идетъ, такъ бы у меня, раба Божія имярекъ, скотъ милой крестьянской животъ, всѣ на поскотину пойдутъ, вся въ похвалѣ и вся въ почести; и какъ то красное солнце на восхожденіе будетъ и на полдень станетъ, то я, рабъ божій имярекъ, на мѣсто стану и около меня, раба Божія имярекъ, скотъ милой крестьянской животъ, что мѣдное кольцо; какъ то красное солнце съ полудня пойдетъ на вечеръ-на покатъ, такъ бы у меня, раба Божія имярекъ, скотъ милой крестьянской животъ съ поскотины пойдетъ вся вкругъ, вся въ похвалѣ; и какъ по сторонымъ городамъ и по соборнымъ церквамъ въ колоколъ на вечерню звонятъ, такъ мой скотъ милый крестьянской животъ на мѣстѣ въ перечетѣ сталъ. И еще въ томъ же чистомъ полѣ на восточной странѣ чистый чистъ-бѣлъ-горючь камень, на томъ бѣломъ камени сидятъ три брата Христовы: Михаилъ Архангелъ, Гавріилъ-Архангелъ, Лука залучникъ, и помолюся я, рабъ Божій имярекъ, образу Божію и святымъ тремъ святителямъ-братіямъ: пособите и помогите мнѣ, рабу Божію имярекъ, ходити и гуляти въ поли и за полемъ, въ поскотины и за поскотиной за скотомъ, за милымъ христіанскимъ животомъ. Ангели-хранители и святіи святители и всѣ небесныя силы, Саваовъ Богъ Іисусъ Христосъ, Вышній Творецъ, сохраните и соблюдите, обгородите и оберегите меня, раба Божія имярекъ, и всего моего скота, милого христіанскаго живота, отъ колдуна и отъ колдуньи, отъ двоезуба и отъ трозуба, отъ двоеглаза, отъ двосволоса и отъ троеволоса, и отъ бѣлаго и отъ чернаго, и отъ черемнаго и отъ стараго, и отъ молодого и отъ середовичь и отъ холостого, и отъ женатаго, и отъ мужска полу и отъ женска и отъ всякого портежнаго, и отъ бѣльца и отъ бѣлицы, и отъ черпеца и отъ черницы, и отъ всѣхъ моихъ злыхъ вороговъ; храня Господи и люди меня, раба Божія имярекъ, и всего милаго крестьянскаго живота и постави мѣдный и желѣзный тынъ отъ ронка (?) мѣдную гору, огненное пламя, со всѣхъ четырехъ сторонъ, отъ востока и до запада, отъ земли и до неба, отъ всѣхъ моихъ вороговъ и супостатовъ; и кто на меня, раба Божія имярекъ, и на всего моего скота милаго крестьянскаго живота думою одумаетъ и мыслію помыслитъ, зла не сотворитъ, себѣ досадитъ, и впади тому человѣку злому толста, безгромна туча, огненное пламя съ небеси, камень, огненная стрѣла въ булну голову, въ ретивое сердце и черную печень, и помѣшай ему человѣческое нутро, помѣшай ему умъ въ головѣ и его злымъ худымъ помышленіемъ; и закрѣпляю я свои словеса въ окованъ ларецъ за тридевять замковъ, и мечу тридевять золотыхъ ключей въ синее море океанъ, и есть въ томъ мори океани бѣлъ камень, и подъ тѣмъ каменемъ стоитъ щука и уноситъ мои золотые ключи въ синее море океанъ подъ бѣлъ камень, и какъ тѣмъ моимъ золотымъ ключамъ на верхъ воды не выплывать, и такъ бы мнѣ рабу божію имярекъ испорчену не быть, ни моему скоту милому крестьянскому животу, отнынѣ и до второго пришествія Христова, всегда нынѣ и присно, и вовѣки вѣковъ, аминь.

Говорить трижды. Воскъ со скотинной шерстью въ сничатой замокъ замкнуть. Сія молитва скотъ случать.

(Доставлено священникомъ Дьячковымъ изъ Нижнеозера, Онеж. у., и имъ списано со старинной рукописи.)

9. Оберегъ скота отъ звѣрей.

Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!

Стану я, рабъ Божій (имярекъ) благословясь, пойду перекрестясь изъ избы дверьми, изъ воротъ воротами въ чистое поле, въ зеленую дубраву, помолюсь я, поклонюся на восточную сторону истинному Христу и Пресвятой Богородицѣ, Иліи Пророку, великомученику Георгію храброму, Власію и Модесту. Господь нашъ Іисусъ Христосъ, пресвятая Богородица, Илья Пророкъ, св. Власій и Модестъ и Великомученикъ Георгій Храбрый, государи мои! помилуйте скотъ, христіанскій животъ со всякими пестрипами и всѣми шерстями, а завалите мой скотъ пеньками, и колодами и бѣлымъ каменьемъ, что бы небыло ни приступу, ни проходу черному звѣрю медвѣдю, сѣрому волку рыкучему и злющей россомахѣ, ни всякому лихому злу человѣку, вору и навѣтнику. Еще есть Божія тварь муравьи и какъ они въ день расходятся по темному лѣсу и по чистому полю, а къ ночи собираются въ свои муравьища—въ свои жилища, такожде бы расходился мой милый скотъ, быки и коровы и телятка малы и рогаты со всякою шерстною, и сходились бы кучкою на свой дворъ, да соблюдеши и сохраниши пресвятое имя твое, всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Еще есть на семъ свѣтѣ св. Божія церковь и сходится въ ней народъ Божій съ женами и дѣтьми, такожъ сподобились-бы на семъ свѣтѣ мой скотъ и жи-

вотъ; еще есть на семъ свѣтѣ чистыя мухи, бѣлыя пчелки, летаютъ стадами по чистому полю днемъ и собираютъ медъ и воскъ, а къ ночи собираются къ своимъ жилищамъ, чтобы не было приступу темняку, сѣрому волку, ни злущей россомахѣ, ни всякому злу лиху человѣку. Какъ св. Христову Воскресенью возрадуется народъ Божій, когда зазвонятъ въ колокола; такъ возрадовался бы мой милый скотъ христіанскій животъ, когда услышитъ мой голосъ и мою трубу, по вечеру поздно и по утру рано, изъ сыраго бору, изъ чистаго поля, изъ зеленой дубравы, домой сходился къ домамъ и расходился по дворамъ. Пеложу я, рабъ Божій (имя), восиъ недержаной на колокольню къ большому колоколу зазвонному между ушьми, и пусть тотъ воскъ у колокола по три воскресенья у звону. Возьму я чистый воскъ съ колокольни и класть мнѣ на скота со всякими шерстинами и пестринами.

(Записано въ Сумскомъ посадѣ.).

10. Чтобы скотина стояла.

Помяни, Господи, царя Давыда и всю крѣпость его; укроти, Господи, корову сію крѣпостями своими. Во имя Отца и Сына и святаго Духа, аминь. Утренняя зоря Марія, вечерняя зоря Маремъянія, утолите мою тоску-кручину, нынѣ и присно и вовѣки вѣковъ, аминь, аминь, аминь.

(Изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги, Холмогорскаго у.).

11. Отъ ляганья коровы.

Господи Боже, благослови! Какъ основана земля на трехъ китахъ, на трехъ китицахъ, какъ съ мѣста на мѣсто земля не шевелится, такъ бы любимая скотинка (чернавушка, пестравушка и пр.) съ мѣста не шевелилась. Не дай ей, Господи, ни ножнаго ляганья, и хвостоваго маханья, ни роговаго боданья. Стой горой, а дой рѣкой, озеро сметаны, рѣка молока, ключь и замокъ словамъ моимъ.

Наговариваютъ на воду, которою потомъ обмываютъ вымя коровы.

(Зап. г. Огородниковъ въ Соломбалѣ).

12. Для предохраненія теленка отъ падежа или болѣзни.

Помяни, Господи, царя Давида, матери Елены до черпавина житья. Какъ бѣлая березонька стоитъ вѣки по вѣки, не трогнется не ворогнется; такъ бы и теляте жило вѣки повѣки, не трогнулось и не ворогнулось.

(Доставилъ г. Никольскій изъ г. Мезени).

13. На покоть скотины рогатой.

Берутъ мохъ изъ угловъ хлѣва и трутъ по слинѣ, приговаривая: «Какъ изъ угловъ мохъ, такъ изъ благословенной скотины покоть вонъ!» Мохъ этотъ потомъ зарываютъ въ навозъ или въ землю.

(Доставлено крестьяниномъ Леонтьевымъ Холмогорскаго уѣзда),

14. На покоть скотины рогатой.

Говорятъ на воду или въ хлѣбъ съ солью, три раза: Во имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь. Покоть ты, покоть, у благословенной скотины (такой то масти)! поди въ ноздри, изъ поздрей въ голову, изъ головы въ чемерину, изъ чемерной въ хвостъ, изъ хвоста въ землю.

Покоть, по объясненію крестьянъ, родъ падучей болѣзни или родимца: скотина вдругъ падаетъ, заворачиваетъ голову, бьетъ ногами; иногда умираетъ.

(Запис. въ г. Холмогорахъ).

15. Прикосъ коровій.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа Аминь. Говори ты истинному Христу, Ангелъ святый Господень: поди и спроси: нѣтъ ли у раба божія N. у рогатой коровы (черной—или пестрой, смотря по шерсти) не было ли ни скорби, ни болѣзни и ни прикосовъ, и ни призору, и ни вѣтрянаго прострѣла, и воденаго, и не тухло ли вымя и не болять ли титки, и неукрадено ли молоко, и не запретило ли проходу, или выходу въ 73 жилахъ и въ 73 суставахъ? Говори ты истинному Христу и Ангелу святому, Трифонъ святый: въ кое время на распятіи былъ повѣшенъ истинный Христосъ отъ жидовъ и не чулъ въ себѣ ни щепоты и ни ломоты и не удару; такожде и у раба божія N. рогатая корова (такой то шерсти) не чюла бы не прикосу, ни призору, и ни встреннаго прострѣлу, и не тухло бы вымя, и не болѣли бы титки, и не украдено бы молоко, и было бы все по старому и прежнему, всегда и нынѣ. Во имя Отца и Сына и Св. Духа Всѣмъ моимъ словамъ небо есть ключь. Аминь, аминь, аминь.

(Записано помощникомъ миссіонера Батраковымъ въ Куръ-островскихъ деревняхъ, Холмогор. у.)

16. Оберегъ скота отъ медвѣдя.

Должно съ когтемъ «Лева-звѣря» (за который не рѣдко выдаютъ клювъ гагары) обойти кругомъ стада коровъ и при томъ шептать слѣдующее:

Обхожу я, рабъ божій, съ когтемъ лева-звѣря мое милое стадо, крестьянскій животъ. Какъ мои коровуш-

ки до сей поры боялись медвѣдя, такъ теперь да боится медвѣдь моихъ коровушекъ; а къ этому моему слову небо и земля—ключъ и замокъ; аминь.

(Запис. А. Харитоновъ въ Шенкур. у.)

17. Если у кого сдѣлается нездорова скотина.

Берутъ соли щепотку и наговариваютъ:

Стану я, рабъ божій N., благословесь, пойду перекрестесь изъ избы дверьми, изъ двора воротами въ чистое поле за ворами. Мнѣ рабу божію на встрѣчу бѣжитъ тридевять рысей и тридевять лапъ и тридевять ноктей. Призываю я, рабъ божій, къ своей скотинкѣ крестьянской животинкѣ, къ буроѣ (смотря по шерсти), вѣчнѣ упомню я кокоть нутренной, серчевой, паховой, здоховой, рудяной, костиной, зажильной, закожной, зашерстной и закопытный, и кладу я свои слова въ ноздри, въ голову и хвостъ, и посылаю за быстрыя рѣки, за высокія горы, за темные лѣса, гдѣ ни птицы не залѣтаютъ, сѣрой волкъ не зарысиваетъ, вѣкъ по вѣку отъ нынѣ и до вѣку аминь.

(Рукоп. нарядъ Устьпаденскаго удѣльнаго приказа о доставкѣ въ Архангель. Удѣльную Контору свѣдѣній для составленія этнографіи отъ 1847 г. по описи № 60).

18. Слова у скотины путь украсть.

Стану я, рабъ божій имярекъ, благословесь, пойду перекрестесь и стану я, рабъ божей имярекъ, на востокъ лицемъ, на западъ хребтомъ и посмотрю подъ восточную сторону. Есть домъ Господень, въ домѣ Господнемъ престолъ Господень, на престолѣ Господнемъ, самъ сѣтъ истинный Христосъ. Поставь, Господи, тынъ желѣзной отъ земли и до неба, отъ востоку и до западу, кругомъ поскотины моей, со всѣхъ четырехъ сторонъ моей скотины и крестьянской животины. Какъ отъ меня, раба божія имярекъ, отходитъ поясъ на малой часъ и на малое время, такъ же ты отходи, скотина крестьянская животина, на малой часъ и на малое время отъ двора моего. Тѣмъ моимъ словамъ ключь и замокъ во вѣки вѣковъ, аминь, аминь, аминь.

(Изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги, Холмогор. у.)

19. У скотины путь украсть.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Откуда ты, скотина, ведена? Сзади топоромъ сѣкутъ и огнемъ палятъ, впереди рабъ Божей имрекъ кормлю и пою всю ти, и не знай ты скотина не пути и не дороги, не пройти, не пробѣжать опришенно меня, раба божія имрекъ, станетъ противо пути твоего тынъ желѣзной, а другой мѣдной, третій огненой, и не знай ты не пути и не дороги опришенно меня, раба божія имрекъ. Старой хозяинъ умеръ и пропалъ и живота его нѣтъ; вся крѣпость святаго Духа, аминь.

(Изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги, Холмогорскаго у.).

20. Отпускъ пастуха лошадей пасти.

Говорить трижды и ходить кругомъ стада съ образомъ:

Господи Боже, благослови Отче. Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Стану я, рабъ Божій, благословесь, пойду перекрестесь, отцемъ-прощенъ, матерію благословенъ, и пойду въ чистое поле, подъ восточную сторону, покрываюся я рабъ Божій (имярекъ) небомъ, и облачаюся во облаки, и подпоящуся поясомъ, и умываюся росою, и утираюся зорею, и помолюся я рабъ Божій (имярекъ) Господу Богу, Іисусу Христу, Сыну Божію, и Пречистой Его Матери, и всѣмъ небеснымъ силамъ, ангеломъ и архангеломъ, и святому Власію и св. Георгію страстотерпцу: и Ты, Господи, закрой и защити меня, раба Божія (имярекъ), и поставь кругъ моего скота, милаго крестьянского живота, въ поли и за полемъ, въ лѣси и за лѣсомъ, кругъ всей моей поскотины, желѣзенъ и мѣдянъ и булатенъ тынъ, отъ востока и до запада, отъ лѣта и до сѣвера, со всѣ четыре стороны, за тридевять за три версты, за тридевять за три сажени глубиною въ землю. И я рабъ Божій (имярекъ) призываю на помощь св. Власія и св. Георгія, страстотерпца Христова, съ тридевять замками и замыкаютъ меня, раба Божія имярекъ, тридевять булатные ворота, сквозь за тридевять ключей, и я примаю тридевять ключей и отношу во святое океанъ-море. Есть во океанѣ-мори бѣлъ латырь-камень, и подъ тѣмъ латыремъ-камнемъ стоитъ свѣжая рыба щука, очи бисерныя, а зубы желѣзные, и принимаетъ у меня, раба Божія имярекъ, тридевять ключей, и сходитъ, и сноситъ подъ бѣлъ латырь-камень отъ нынѣ и до вѣка; и какъ тѣмъ тридевять ключамъ на верхъ воды не выплывать, такъ бы не бывать у меня раба Божія и у моего скота, любимаго крестьянскаго живота, и у всякія живущія тупошерстныя скотины, коней кладеныхъ и некладеныхъ и кобылъ карихъ и вороныхъ, рыжихъ и бурыхъ, гнѣдыхъ и пеганыхъ, и сѣрыхъ, и сивыхъ, и саврасыхъ, такъ бы не бывать въ моей поскотины и у моего скота звѣрю широколапому, медвѣдю и медвѣдицы съ дѣтями ея, насыльному и опрокиденью, прохожему, жировому и пакостнику, ни

волку, ни волчицы, ни зміи и скорпіи; а начнетъ ходить черный звѣрь и перехожій по моимъ тропамъ и дорогамъ и по моей поскотины, и я на васъ напущу тридевять кобелевъ и не будетъ вамъ уходу ни въ поли, ни за полемъ; а подите вы, черные звѣри, съ моей поскотины за черное море, на фаворную гору и дамъ вамъ пятера гидера (?), ѣшьте зеленую траву, а пейте болотную воду, отнынѣ во вѣки, аминь. И я, рабъ Божій, помолюся Господу Богу, Іисусу Христу, Сыну Божію и Пречистой Богородицѣ Матери Его и св. Власію и св. Георгію страстотерпцу Христову: святой Власій и святой Георгій, страстотерпецъ Христовъ, покрыйте и оберегите вы мой скотъ, любимой крестьянской животъ, небомъ и землею по всякъ день и на всякъ часъ мѣсяца нова и ветха, и въ перекрои, и въ межныхъ дняхъ, отъ нынѣ и во вѣки, чтобъ тотъ мой скотъ, милой любимой крестьянской животъ, казался пеньемъ и колодьемъ и каменемъ, по всякой день, всякому звѣрю широколапому медвѣдю и медвѣдицы и дѣтямъ ихъ, насыльному и опрокидню, и прохожему и жировому и пакостнику, и волку и волчицы, и змѣи, и скорпіи, въ день и въ ночь и по всякой часъ, отнынѣ и во вѣки, аминь. Какъ сему рабу Божію (имярекъ) мертвому не бывать на семъ бѣломъ свѣтѣ и не видать отца—матери, ни роду, ни племени, и такъ бы не бывать у меня, раба Божія имярекъ, ни у моего скота, милого любимого крестьянского животъ, ни слѣду бы моего, ни скотинного не видать всякому звѣрю широколапому медвѣдю, ни медвѣдицы и дѣтямъ ихъ, насыльному опрокидню, прохожему и жировому пакостнику, ни волку, ни волчицы, отъ вѣку и до вѣка, аминь. Какъ не добыть у раба Божія мертваго человѣка ни крови, ни воды, такъ бы не испортить меня, раба Божія имярекъ, ни моего скота, милого любимого крестьянского животъ, ни колдуну, ни колдуньи, ни вѣдуну, ни вѣдуньи, ни еретику, ни еретицѣ, ни какому злому человѣку, отнынѣ и до вѣка, аминь.

(Доставлено священникомъ Дьячковымъ изъ с. Нижмозера, Онежскаго у., а имъ списано со старинной рукописи).

21. При лѣченіи лошади.

Стану по утру по раннему, по вечеру по позднему, выйду на сильный вѣтеръ, на легкій воздухъ, возьму я осинову вичку *), пойду я къ доброму хозяину на честенъ пиръ. Изъ подъ лѣвой ноги, изъ-подъ праваго копыта обложу и обвяжу—кругомъ обнесу, чтобы былъ по старому по прежнему чище и лучше, чтобы болѣе не чула, куда бы ни поѣхали.

(Доставилъ г. Никольскій изъ города Мезени).

22. Противъ конской болѣзни.

Говорить въ соль и дуть лошади въ ноздри и посыпать на спину на лошадь.

Господи Боже благослови. Стану я р. б. им. р. благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, пойду въ чистое поле, изъ чистаго поля пойду къ синему морю. Въ синемъ морѣ есть плита синяя, подъ плитой синей есть щука синяя, у щуки синей есть зубы желѣзные, зубы мѣдные, глаза мѣдные, хвостъ мѣдной, чешуя оловянная, поѣдаетъ та щука и ожираетъ 12 noктей у копя, имя рекъ, своими желѣзными зубами: нокоть пуповой, нокоть сердешной, нокоть костяной, нокоть жильной, нокоть спиновой, нокоть гривной, нокоть глазной, нокоть носовой, нокоть ножной, всѣ тѣ 12-ть noктей, въ молодѣ и перекроѣ и полнѣ мѣсяцахъ, на ветху мѣсяцѣ и на межныхъ дняхъ, по всякой день и по всякой часъ, по всякое время, по вѣку, отнынѣ и до вѣку, во имя Отца и Сына и св. Духа, аминь.

(Заимствовано П. С. Ефименкомъ изъ стариннаго рукописнаго сборника заклинаній).

23. Червь умолвити въ конѣ, или въ нивѣ.

Какъ зайдетъ солнце, плюни на камень или на руку и говори сіе надъ масломъ или надъ солью:

Сѣдла гремятъ, узды бречатъ, въ порозномъ мѣхи, ѣхати по хмѣль по легкой товаръ, червемъ полетѣти за море; тамо у червей свадба, а здѣсь червямъ огонь, сѣра горячая, смола кипячая. Трижды аминь.

Червь разгрызь и плюй, гдѣ черви.

(Изъ рукопис. лѣчеб. достав. свящ. Колчинымъ изъ с. Пингишей Холмогор. у).

24. Пчелиныя слова.

Изосимъ и Саватій Соловецкіе, которые, по преданію первые ввели пчеловодство даже на Соловецкомъ островѣ, признаны были распространителями и покровителями пчелъ и бортей во всей русской землѣ. Въ народѣ составился особый молитвенникъ, въ родѣ цѣлаго молебна, объ изобиліи и сохраненіи пчелъ въ ульяхъ пчеловода. Уставъ чтенія этого молитвенника таковъ: «Сей молитвенникъ и свитокъ читать на праздникъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, на вербное и свѣтлое Христово воскресеніе, между заутренями и обѣднями въ мшеникѣ или на пчельникѣ. И высѣки изъ громовой стрѣлы огня

*) Вѣтка, прутъ.

и положи въ чистый сосудъ, и въ тотъ сосудъ положить роснаго ладону, и окружитъ на пчельникѣ или во мшеникѣ, и поставить свѣчу Изосимѣ и Саватію, Соловецкимъ чудотворцамъ, и помолиться имъ съ вѣрою, и держать сей свитокъ въ самой чистотѣ, три раза аминь.»

Въ молитвенникѣ этомъ, послѣ «прославленія благости Господа къ уповающимъ на него,» состоящаго изъ псалма: «живый въ помощи Вышняго» и пр. читается дважды молитва къ пчеламъ: Господи І. Х. С. Б., помилуй меня, грѣшнаго раба своего (им.). Господи благослови, аминь,» затѣмъ слѣдуютъ самыя молитвы, ихъ всѣхъ семь. Первая изъ нихъ читается:

На морьѣ-окіанѣ, на островѣ-курганѣ лежитъ камень алатырь отъ конца вѣка сего, и на томъ камнѣ сидитъ ангелъ и Спасъ-образъ съ ангелы и архангелы и со Пресвятою Богородицею Божію дѣво-владыцею Матерью Маріею, и великіи помощники Божіи Изосимъ и Савватій Соловецкіе чудотворцы. Посла ихъ въ Нарименскія горы за силою пчелиною поймать крапчика и матку и посадити въ зезлъ свой: подите дорогою, будетъ за вами погоня, то вы бросьте зезлъ свой въ правую сторону. То они посланники Божіи, Изосимъ и Савватій Соловецкіе чудотворцы съ архангеломъ Гавріиломъ, по Божію велѣнію, пойдоша за силою пчелиною въ Пана-Рымскія земли, въ Рымскія горы, и пойдоша путьемъ къ западу и до востоку, и дошедъ они посланники въ ту землю, Изосимъ и Савватій Соловецкіе чудотворцы, поймали крапчика и матку и посадиша въ зезлъ свой и пойдоша путьемъ къ западу и до востоку. Архангелъ Гаврiилъ поднимаетъ отъ земли всю силу пчелиную. Какъ востокъ имай, облацы поднимаются, тако бы поднималася сила пчелиная и пошла за Изосимомъ и Савватіемъ, Соловецкими чудотворцами, силою небесною и Духомъ Святымъ. Идоша по надлежащимъ путьямъ и по тропамъ, то учинилася погоня изъ невѣрныя земли, тогда архангелъ Гаврiилъ повелѣлъ Изосиму и Савватію бросить въ правую сторону зезлъ и крапчика и матку возгнаніе-дороги. То учинилася погоня, невѣрные догнаша и обыскаша по надлежащимъ путьямъ и тропамъ. И рече святый отецъ милостивыи: посланники Божіи Изосимъ и Савватій, Соловецкіе чудотворцы, возмите зезлъ свой, благословите и оградите путь сей и дорогу крестомъ и зезломъ съ востоку и до западу и со западу до востоку. И приведоша крапчика и матку со всею силою пчелиною и къ тому жъ собору Божію и ко Престолу Господню къ ножіямъ Спасителя. И рече святый отецъ Изосимъ и Савватій: Господи! пришедъ еси по вашей седмицѣ по твоему повелѣнію, сохранемъ и помилованъ вашими святыми молитвами. Ты еси Богъ нашъ и Спаситель, ты еси насъ спасъ во всякой часъ и во всякое время. И приведоша къ позѣмъ твоимъ крапчика и матку со всею силою пчелиною. Куда, Господи дѣвать и сажать? Господь же благословивъ и освятивъ духомъ своимъ святымъ, и преда и Господь Изосиму и Савватію Соловецкимъ чудотворцамъ, и велѣлъ пустити отъ востока и до запада во всероссійскую землю, въ темныя лѣса въ угодныя древа, православнымъ хрестіанамъ и ко мнѣ рабу б. (имя реку). Создай Господи милость свою, посли и надѣли мнѣ рабу б. во дворьѣ, въ лѣсу и на пчельникѣ мои пчелы старыя и молодыя молитвами праведныхъ отцовъ Изосима и Савватія, Соловецкихъ чудотворцевъ. Какъ приведено по повелѣнію твоему Господи изъ невѣрной стороны во всю россійскую землю на канонъ и на воскъ, на фимінъ и на всякую утварь церковную укрѣпленіе и утвержденіе скончанія вѣка сего, такожди Господи утверди у меня р. б. (им.), въ пчельникѣ, во дворѣ, или въ лѣсу на пчельникѣ пчелъ старыхъ и молодыхъ, до скончанія вѣка сего Духомъ Святымъ и преподобныхъ отцевъ. Изосима и Савватій, помилуйте святыми своими молитвами у меня раба б. во дворѣ или въ лѣсѣ, на пчельникѣ пчелъ молодыхъ и старыхъ, на выстановкѣ во всякомъ году, во всякомъ мѣсяцѣ, въ четверти и полчетверти. Около ограды пчельника моего обойду, духомъ Святымъ окурю отъ всякаго глаза, отъ мужскаго, отъ женскаго, отъ простоволосыхъ дѣвицъ, отъ черница и отъ черницы, отъ колдуна и отъ колдуницы, отъ еретика и отъ еретицы, отъ нечистоты и отъ лихаго человѣка и отъ чужихъ налетныхъ пчелъ въ ограду мою валитися, дабы отъ пчельника моего не отлетали старые и молодые до скончанія вѣка сего. Какъ по повелѣнію твоему, Господи, океану-морью всѣ морья покорны, рѣки и источники и потоки текутъ непрестанно денно и ночно, такъ бы, по повелѣнію Божіему, чужая пчела моей пчелѣ покорна была завсегда, по всякъ день и часъ. Спаси Господи и помилуй меня раба своего (им. рекъ), на пчельникѣ мои пчелы старыя и молодыя отъ всякаго звѣря и отъ всякой птицы, и отъ водянаго потопленья и отъ нечистаго духа, и отъ лукаваго человѣка; покажи Господи милость свою, пришли и надѣли своимъ Божіимъ повелѣніемъ и надѣленіемъ моимъ пчеламъ, со всякаго дерева, со всякаго цвѣта стараго сухаго, и сѣраго, и со всякаго плоду брать на воскъ и на канонъ. Не повели Господи портить моихъ пчелъ ни колдуну, ни

колдуницѣ, ни еретику, ни еретицѣ, ни дьявольскимъ наученіямъ и всякому злому человѣку. Сохрани и помилуй отъ нынѣ и до вѣка (три раза) аминь. Земля замокъ, небо-ключь, трижды аминь.

(См. Ж. М. Н. Пр. 1863 г. № 1: Щапова, Истор. очер. народ. міросоз. и суевѣрій, стр. 52—54. Встрѣчается и въ Архангельской губерніи.)

25. На рыбную ловлю.

Какъ ты, матушка Шорда рѣка, течешь быстро и яро, берега смываешь, травы омываешь, корьеньице сдираешь, такъ смывай и сдирай съ моей, раба божія (имя рекъ), винтовки, съ рѣзки и съ мешени, съ огненнаго бои, со всей оружейной приправы ото всякого злого и лихого и отъ помышленнаго, отъ колдовства и отъ своей нечистой думы. Къ тѣмъ моимъ словамъ небо и земля—ключь и замокъ; аминь.

(Запис. А. Харитоновъ въ Шенкур. у.)

26. Рыбій приносъ.

Говорить слова на уды и на рыбицу, какую Богъ дастъ:

Буди моя рыбица не прикослива и не урослива, иди ко мнѣ рабу божію скоро, безпопятно и безповоротно, противъ быстрыя воды осеннія рѣки, назадъ не оглядывайся и въ сторону не отворачивайся, иди ко мнѣ рабу божію ежечасно, на утренней зори и на вечерней зори, въ мои желѣзныя уды, рыбица налимъ большеголовой и востроносица щука, красная рыбица семга, иди ко мнѣ, рабу божію N. по всякъ день и по всякъ часъ, на утренней зори и на вечерней зори, въ день подъ солнцемъ, а въ ночь подъ мѣсяцемъ и подъ частыми звѣздами и подъ всею окружностію Божіею... Тѣмъ моимъ словамъ ключъ й замокъ именемъ Господнимъ, Духомъ святымъ, во вѣки вѣковъ аминь. А которое я, рабъ божей, слово узабылъ, узапамятовалъ, то мое слово буди въ томъ же кругу, и вострѣе вострого ножа, булатнаго топора, быстрѣе ключевой воды, именемъ Господнимъ, Духомъ святымъ, во вѣки вѣковъ, аминь, за аминемъ аминь.

27. Тоже.

Для рыбной ловли и для налимовъ и для щукъ и для семги и для всякой, какую Богъ дастъ на уду.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Стану я, рабъ божей, благословесь, пойду перекрестесь, изъ избы дверьми, изъ дверей воротми, выйду въ чистое поле, подъ восточную сторону, въ зеленую дуброву и стану я рабъ божій на восточную сторону лицомъ и помолюся и поклонюся истинному Христу, Царю Небесному, и буди я рабъ божей промышленникъ не уросливъ и не прикословъ отъ своей крови, и отъ своей думы, и отъ буйнаго вѣтра, и отъ своего глаза, и отъ своего сердца, и отъ людской думы и отъ молвы, отъ людского глаза. А кто злой лихой человѣкъ подумаетъ на мой добытокъ и на промыселъ, и то бы ему себѣ да въ пазуху, а что онъ радѣетъ себѣ, то и мнѣ на мой добытокъ и на промыселъ, по всякъ день и по всякъ часъ, и по всяку ночь; и тѣмъ моимъ наговорнымъ словамъ и словесамъ ключь и замокъ, именемъ Господнимъ, Духомъ святымъ, во вѣки вѣковъ, аминь.

(Оба приноса доставилъ кр. Леонтьевъ Холмог. у.)

28. На рыбную ловлю.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь. Небесной Троицѣ, Отцу и Сыну и Святому Духу, и всѣмъ святымъ Ангеламъ и Архангеламъ. Отступися, діаволъ, отъ всѣхъ дверей и отъ всѣхъ угловъ храмины сія, и отъ всѣхъ узловъ ленныхъ и посконныхъ, и конопляныхъ и всякихъ разныхъ ловушекъ. Здѣсь тебѣ нѣтъ ни мѣста, ни части; здѣсь съ нами, съ рыболовами, рабами и рабынями (имя рекъ), честный Крестъ Господень; здѣсь Святая Троица: Отецъ и Сынъ и Святый Духъ; здѣсь Мати Христа Бога нашего, Пресвятая Богородица, держитъ въ правой рукѣ цвѣтъ и траву и даетъ намъ, рыболовамъ, рабамъ и рабынямъ (имя рекъ), обкуриванія для сохраненія нашей рыбной ловли, льняныхъ и посконныхъ и конопляныхъ ловушекъ, красной рыбы, семги и бѣлой рыбы, рака и щуки и прочихъ. Здѣсь начальники силъ небесныхъ, Михаилъ и Гавріилъ, и Уріилъ и Рафаилъ, Херувимы и Серафимы и всѣ небесныя силы, здѣсь святый Іоаннъ Предтеча, и здѣсь святые апостолы Петръ и Павелъ и держатъ во правыхъ рукахъ Адамовъ крестъ, цвѣтъ и траву, и золотые ключи, и даютъ намъ, рыболовамъ, рабамъ и рабынямъ, для ради сохраненія нашей рыбной ловли, для красной рыбы семги, и бѣлой рыбы, рака и щуки и прочихъ разныхъ, всѣхъ бѣлыхъ рыбъ. И здѣсь всѣ святые апостолы и три святителя и учителя: Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ честный; здѣсь съ нами, съ рабами и рабынями (имя рекъ), святый Николай, великій хранитель, и здѣсь русскіе чудотворцы: Алексѣй и Іона; здѣсь мученикъ Агафонъ, здѣсь мученикъ Христовъ Никита. Здѣсь съ нами, съ рыболовами, съ рабами и съ рабынями (имя рекъ), мученицы Христовы, Екате-

рина и Варвара, держатъ ладонъ и кадило и даютъ (имя рекъ) для обкуриванія льняныхъ сѣтей и всякихъ разныхъ нашихъ ловушекъ. И всѣ честные ангелы, хранители наши, берегите и стерегите нашу рыбную ловлю, на всякъ день, и на всякъ часъ, и на всяку ночь, въ ветху и въ новцу, и въ меженныхъ дняхъ перекройныхъ, на заживъ дней и на заживъ нощей. Силою Честнаго и Животворящаго Креста Господня сохраняй насъ, Господи, рыболововъ, рабовъ и рабынь (имя рекъ), на семъ древѣ крестномъ распятый Іисусъ Христосъ. Аминь (трижды). По благословенію Господню идите, святые Ангелы, ко сиию морю съ золотыми ключами, отмыкайте и колебайте синее море. вѣтромъ и вихеромъ и сильною погодою, и возбудите красную рыбу семгу, и бѣлую рыбу, раки и щуку, и прочихъ разныхъ рыбъ, и гоните изъ-подо мху и изъ-подъ виченаго куста, и отъ крутыхъ береговъ и желтыхъ песковъ, и чтобъ она шла бы къ намъ, рыболовамъ, рабамъ и рабынямъ (имя рекъ), въ матушку рѣку быструю Двину, и въ разныя рѣки и озера, и во всякіе водяные протоки; и не застоялась бы на красномъ солнцѣ, и не загуляласъ бы съ охотной травы, и шла бы къ намъ, въ нашъ рыболовный заводъ, и не боялась бы и не петлялась нашихъ ленныхъ и посконныхъ и конопляныхъ сѣтей, и всякихъ разныхъ нашихъ ловушекъ. Не дайте, святые Ангелы, очамъ ея виду, ушамъ ея слыху, и еще святые Ангелы, сохраните нашу рыбную ловлю отъ уроковъ и отъ приковъ, отъ еретика и еретицы, отъ клеветника и клеветницы, отъ мужной жены и отъ вдовицы и отъ дѣвки простоволоски, и отъ всякаго вѣтренаго проходящаго человѣка, отъ нынѣ и до вѣка. Аминь. Христосъ воскресе!

(Запис. А. Харитоновъ въ Шенкур. у.)

29. Слова рыбу лучить.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа аминь. Какъ да народъ Божій—православныи крѣстіяна изъ церкви, съ домовъ и изо всякихъ мѣстъ, и за Спасомъ и за Пресвятой Богородицей идутъ на ерданъ, и прійдутъ на ерданъ и станутъ, съ мѣста на мѣсто не перехаживаютъ и не погуливаютъ, такъ же бы ко мнѣ рабу божію имр. рыба въ лучь всякая шла: лохи, семга, харьюсы, сиги, щуки, палимы,ези, подъязки, окуни, сороги и всякая рыба шла съ ямъ, съ плесъ и съ травы, изъ лапуги, изъ крежьевъ, изъ ручьевъ, изо всякихъ мѣстъ на мѣсто пресвы и на росипи, и прійдутъ въ лучь и стали бы они, съ мѣста на мѣсто не перехаживали и не погуливали на утрѣнной зори, на вечерной зори и середи ночи темной, не боялись бы они ни козы, ни луча, ни лодки, ни остожья, ни шеста, ни меня раба Божія и., ни товарища моего кормщика (имрекъ)-всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

Говорить сіе трижды, какъ станешь лучить зажигать. Къ тому же:

Какъ престолъ Господень стоитъ среди олтаря не шевелится, не похаживаетъ, также бы у меня раба Божія имерекъ рыба съ луча не шевелилась и не похаживала на утренней зори, и на вечерней и на середи ночи темной.

И говорить сіе трижды, и къ тому жъ: какъ попъ стоитъ на ерданѣ не шевелится и не похаживаетъ, такъ бы и у меня р. Б. и. рыба съ лучу не шевелилась и не похаживала на утренней зори, на вечерной зори и среди ночи темной. Говорить сіе трижды.

Обережъ какъ первую рыбу добудешь и съ остроги снимешь, и говорить въ ротъ ей трижды и плюнуть: чуръ моей рыбы и чуръ моего промыслу, чуръ моей думы крови, чуръ меня р. Б. и. промышленника, чуръ моего коршика.

И положить рыбу въ лодку и поѣзжай, Богъ въ помощь.

(Отъ Г. Хромцова).

30. Для удачнаго лова рыбы.

Пойду я на быстру рѣку, на ей есть рыбки потрепущи, и спустили бы мы неводъ, какъ шелковъ поясокъ, и въ этотъ неводокъ, въ каждый поводокъ, наскакало бы рыбы, какъ чины (?).

(Доставилъ г. Никольскій изъ гор. Мезени).

31. При наживкѣ червей на крючекъ.

Когда наживляютъ на крючекъ червей, а иногда рыбу, то приговариваютъ;

Рыба свѣжа, наживка сальна, клонь да подерни, ко дну потяни.

(Записано П. С. Ефименкомъ въ Холмогорахъ).

32. На уженье.

Для того, чтобы на удочку попадалась крупная рыба, поймавши маленькую рыбу, сѣкутъ съ приговоромъ:

Пошли отца, пошли мать, пошли тетку, пошли дядю и т. д.

Думаютъ, что послѣ этой операціи малая рыбка уже не будетъ идти на удочку.

(Записалъ г. Клизаровъ въ г. Архангельскѣ).

33. Для успѣха на охотѣ.

Нужно взять съ собою кусокъ хлѣба или мяса, на которые наговаривать:

Въ чистомъ полѣ, въ темномъ лѣсѣ, въ туманѣ великомъ есть птица полетуща, есть сѣрыя гуси, сизыя утки. У нихъ бы крылья подломилось, сами бы опустились, перье оборвалось и сѣли бы на бугоръ высокій, чтобы меня раба Божія (имярекъ) не видѣли и стрѣльбы моей не слышали и долетѣла бы до ихъ дробь, какъ вольное перо.

(Доставилъ г. Никольскій изъ г. Мезени).

34. На птичью охоту.

Пойду я, рабъ Божій (имярекъ) къ церкви, погляжу, какъ православные собираются и празднуютъ, и радуются; такъ радуйся и веселися и летай ко мнѣ, всякая живущая птица, которая Богомъ Іисусомъ Христомъ создана намъ на жертву; такъ не убойся и не устрашись ни меня, раба Божіи (имярекъ), ни лаюшекъ моихъ, кобелей; не моги ты ногой переступить, ни крыломъ встрепенуться до выстрѣла моего. Какъ изъ-подъ Ивановской росы человѣкъ на конѣ не уѣзжаетъ, пѣшой не уходитъ, такъ не улетай отъ меня, ни какая благословенная птица. Слово мое крѣпко. Къ тѣмъ моимъ словамъ небо и земля—ключь и замокъ. Аминь.

(Зап. А. Харитоновъ въ Шенкур. у.).

35. Охотничьи слова.

Такъ бы у меня, раба Божія (имярекъ), собака не отбѣгала, птица не улетала, всякая живущая, которая создана у Господа Бога Іисуса Христа, Царя небеснаго намъ на жертву благословенная всякая птица: рябъ и рябушка, кòкала и тетерка и косачушка, сѣрая, малая утица,—какъ птица не можетъ летѣть отъ гнѣзда своего; отъ дѣтей своихъ, такъ не бойся и не страшись лаюшекъ кобелей моихъ, и меня раба Божія (имярекъ), не бойся и не страшись ни юку оружейнаго, ни дыму пороховаго, ни боя огненнаго. Радуйся, птица, и веселися по всякъ день, по всякъ часъ и по всякое время: утра рано, вечера поздно. въ ветхѣ мѣсяцѣ, въ новцѣ и въ меженныхъ дняхъ перекройныхъ. Къ тѣмъ моимъ словамъ небо и земля, ключь и камень. Аминь.

(Зап. А. Харитоновъ въ Шенкур. у.)

36. Для удачи на промыслѣ.

По благословенію Господню, идите Св. Ангелы ко синю морю съ золотыми ключами, отмыкайте и колебайте синее море вѣтромъ и вихремъ и сильною погодою и возбудите красную рыбу и бѣлую рыбу и прочихъ разныхъ рыбъ и звѣрей морскихъ, и гоните ихъ изъ-подъ мху и кустовъ, отъ крутыхъ береговъ и желтыхъ песковъ, и чтобъ они шли къ намъ—рыболовамъ и звѣроловамъ (перечисляются имена всѣхъ промышленниковъ) и не застаивались бы на красномъ солнцѣ, и не залеживались бы на льдинахъ среди моря, и шли бы въ наши заводи, сѣти и ловушки, и непятились бы нашихъ ленныхъ и конопляныхъ сѣтей, и всякихъ разныхъ ловушекъ, и не пужались бы нашихъ выстрѣловъ и колотушекъ. Не дайте св. ангелы, тѣмъ звѣрямъ и рыбамъ: очамъ ихъ—виду, ушамъ ихъ—слуху, и еще, святые Ангелы, сохраните нашу рыбную и звѣриную ловлю отъ уроновъ и отъ прикосовъ, отъ еретика и еретицы, отъ клеветника и отъ клеветницы, отъ мужней жены и вдовицы, и отъ дѣвки простоволоски, и всякаго вѣтренаго проходящаго человѣка и порчельника, отъ нынѣ и до вѣка. Аминь. Христосъ воскресе.

37. Для удачи на промыслѣ.

Пойду я на сине море, на сине на волнистое. На синемъ морѣ, на синемъ на хвалынскомъ, на волынскомъ; въ Терской сторонѣ есть морскіе звѣри; чтобы они къ намъ приближались, погодушки бы не боялись, были бы они не чутки, не видки; насъ бы не боялись, духу бы нашего не слышали и дымнаго также.

(Эти два заговора доставилъ г. Никольскій изъ г. Мезени).

38. На стрѣлечью охоту.

Говорить трижды на воскъ:

Есть на восточной сторонѣ, есть пресвѣтлое царство и приказательное государство и среди того трисвѣтлаго царства и приказательнаго государства пресвѣтлыя великія свѣтлицы солнечныя. И какъ тѣ пресвѣтлое царство и приказательное государство, трисвѣтлыя великія свѣтлицы высокія кажутся, такъ бы и мнѣ, рабу Божію (имярекъ), на моей на стрѣльчей охотѣ стрѣльчею пищалью казался свѣтлы и велики, и высоки—и всякая полетущая птица большая и малая, синица и воробей, и всякій звѣрь порыскучій и ходячій и летучая птица, сѣдящая и летущая, на воды плывущая. Какъ я, рабъ Божій стрѣлецъ, жду по себѣ смерти по всякой день и по всякой часъ,—такъ бы всякій звѣрь и птица на моей стрѣчѣ и охотѣ, со моею стрѣльчею пищалью, ждали бы меня по себѣ. Какъ я, стрѣлецъ, съ тылу своего не вижу очей своихъ, такъ бы всякій звѣрь и птица не обозрѣли и не видѣли бы меня, раба Божія (имярекъ), съ моей стрѣльчей пищалью. И какъ

мертвый не видитъ свѣту Божія и ничего не слышитъ, рукъ своихъ отъ грудей не отводитъ, такъ бы всякій звѣрь и птица не видѣла бы и не слышала бы меня, раба Божія, съ моею стрѣльчею пищалью, и рѣчей бы моихъ, и не махала бы, и не ворошилась на моей стрѣльбѣ, на земли и на воды и на древѣ сидячая и летучая. Исповѣдаю во вѣки вѣковъ, аминь.

39. Отъ ворона, мѣшающаго охотнику.

Господи, Боже, благослови! Стану я, рабъ Божій (имярекъ), благословясь; пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами; выйду на широкую улицу, съ широкой улицы въ чистое поле, съ чистаго поля въ зеленое лукоморье; пойду на свою милую тропу, на свой заводъ. Стану я, рабъ Божій (имярекъ), становитъ пáсточки и силышки на благословенную птицу, которая создана намъ на жертву, на рябá и рябýшку, кóпалу и тетéру, косача и косачушку. Проклятая птица, поганый, черный воронъ, полети съ моей тропы, съ моего сгодья, за синее море ко Ироду царю; тамъ Иродъ царь бьется, дерется, кровь проливаетъ. Тутъ тебѣ, черный воронъ, столы разставлены, ѣства сподоблены. На моемъ лѣсѣ, на моей тропѣ, на моемъ заводѣ смоливая спица въ правый глазъ тебѣ! Къ тѣмъ моимъ словамъ небо и земля—ключь и замокъ. Аминь.

(Оба заговора записалъ А. Харитоновъ въ Шенкур. у.)

40. Слова отъ ворона оберегъ.

Господи Боже, благослови Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій. Во имя Отца и Сына и св. Духа, аминь. Отъ востока мьгла и до запада мьгла, отъ лѣта мгла отъ севера мгла, полетятъ черной воронъ съ воронихой и истребъ съ ястребихой, будь ты черной воронъ съ воронихой и истребъ съ ястребихой слѣпъ и теменъ безъ ясныхъ очей и безъ становыхъ костей, не увидиться бы тебѣ черному ворону съ воронихой, ни ястребу съ ястребихой, ѣсть въ сильи и въ слопцахъ тетери и пеструхи и польника и польнюхи, куроптву и куроптихи, рябка и рябухи. Еще у меня, раба Божія имярекъ, есть на моемъ на путикѣ и угодьи, ходитъ Пречистая Мати Божія Богородица, не даваетъ ему ѣсть въ сильи и въ слопцахъ тетери и пеструхи, и полника и полнухи, куроптя куроптиху, рябка и рябуху, и меня, раба Божія имярекъ, ризой укрываетъ и пламеннымъ оружіемъ опаляетъ. Полети ты черный воронъ съ воронихой, и истребъ съ ястребихой на сине море, отъ меня, раба Божія имярекъ, и отъ моего путика угодья, и тамъ тебѣ проклятому именемъ Господнимъ много у заморскаго царя свѣжаго мяса и горячей крови, и есть что тебѣ тамъ пить и исть по всякъ день, по утру рано по вечеру поздо, на ветху на молоду и на меженой перекрой; какъ желту пасыку не бывать въ рѣкѣ и въ синемъ морѣ, и такъ бы не бывать черному ворону съ воронихой, ни ястребу съ ястребихой у меня, раба Божія, и на моемъ путикѣ и угодьѣ, по всякъ день по всякъ часъ, по утру рано и по вечеру поздо, и на ветху и на молоду, въ межахъ на перекрои мѣсяцу, во вѣки, аминь.

Взять земли на своемъ угодьи и съ трехъ вискурей въ платокъ и силья приложить къ песку, говорить тѣ слова трижды и тое силье разоставить, а послѣ того оной песокъ на своемъ угодьи положить въ три мѣста при ловящихъ мѣстахъ.

(Отъ г. Хромцова изъ с. Суры, Пинежскаго у.).

41. Чтобы воронъ не ѣлъ попавшихъ въ ловушку животныхъ.

Стану я, рабъ Божій (имярекъ), благословясь, пойду перекрестясь, въ темные лѣса по своему путику, по своему ухожью. Воззрю я, рабъ Божій имярекъ, чернаго ворона и вороницу и слѣпыхъ его родителей; какъ ты черный воронъ и вороница не видаешь въ іюлѣ мѣсяцѣ воды въ рѣкахъ, въ ручьяхъ и въ озерахъ заклятіемъ Ноя праведнаго и жаждуешь цѣлой мѣсяцъ, такъ бы ты не видѣлъ у меня, раба Божія имярекъ, на моемъ путикѣ, на моемъ ухожьѣ уловныхъ моихъ тетерь, рябовъ и куроптей въ моихъ Пастяхъ, моихъ слопцахъ, въ моемъ сильѣ, ни сверхъ, ни съ испода. Полети ты черный воронъ и вороница съ моего путика, съ моего ухожья за синее окіянъ-море, тамо царь Соломонъ сына женитъ и дочерь въ замужъ даетъ, убилъ на свадьбу 300 гусей, 300 лебедей, 300 яловичь, 300 утей; тамъ тебѣ черный воронъ и съ воронихой много будетъ питенья и яденья; а на моемъ путикѣ, на моемъ угодьѣ нѣтъ тебѣ ничего ни спить, ни съисъ, ни сверхъ, ни съ испода, ни въ день, ни въ ночь, ни на утренней зорѣ, ни вечерней зорѣ, млада и ветха мѣсяца, ни въ полдни и въ перекроѣ и въ меженые дни, ни въ ночные часы, во всѣхъ мѣсяцахъ и во всѣ 24 часа всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь (Трижды читается). Есть у меня раба божія (имярекъ) генеральный стрѣлецъ самъ Іисусъ Христосъ; у Господа нашего Іисуса Христа солнце лукъ, мѣсяцъ стрѣла стрѣлдетъ, излучаетъ тебя, чернаго ворона, и вороницу и слѣпыхъ твоихъ родителей и въ ночь и по вяксу

пору. И гдѣ я рабъ божій (имярекъ) тебя чернаго ворона и вороницу, на своемъ путикѣ и на своемъ угодьѣ, увижу, тутъ тебя и подстрѣлю и ухода своего лишу, всегда, нынѣ и присно, во вѣки вѣковъ, аминь.

(Записалъ г. Шабунинъ въ Пинежскомъ у.).

42. Противъ ворона.

Стану я р. Б. им. благословесь, пойду перекрестесь по своему путику и по ворги, какъ черной воронъ и вороница сидѣли въ материномъ яйцѣ въ злотины, не слышили звону колокольнаго, пѣнья церковного, такъ бы и у меня р. Б. и. не видѣли бы не ворги, не тесковъ, не силбища, не чухаря, не пеструшки, не полника, не полнушки, не реба, не ребушки, не куроптя, не куроптихи на новцу, на ветху, на перекроѣ мѣсецѣ, на утреной зори и и на вечерной, середи бѣлаго дни. Горите мои слова вострѣ вострого ножа, вострѣ булатного копья; моихъ словъ ключъ замокъ матъ сыра земля Аминь, аминь, аминь.

43. Противъ злаго человѣка на охотѣ.

Стану я р. Б. и. благословесь и пойду перекрестесь, пойду по матери по сырой земли, небомъ покроюсь, зорею подпоящусь, звѣздами обтыцусь; злой лихой человѣкъ не можетъ неба покрыти и зори потушити и звѣздъ сощитати и на меня р. б. и. не зла подумать и лиха помыслить. Злой лихой человѣкъ зло подумать, поворотись къ нему на корень, положи между языкъ и щоки желѣзна спица: которое слово забыто на задѣ, будь на передѣ въ лучшемъ мѣстѣ; которое слово прибавлено, то бы къ нимъ пристало; И бервте мои слова вострѣй вострого ножа, вострѣя булатнаго копія, вѣкъ по вѣки, Аминь, аминь, аминь.

(Оба изъ рукописной тетрадки, доставленной писаремъ Хромцовымъ изъ с. Суры, Пинежскаго у).

44. На птичью стрѣльбу.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Стану я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь, пойду перекрестясь, Господу Богу помолюся, пойду изъ избы дверьми, изъ двора воротами, въ чистое поле, на тихія заводи и въ темны лѣса стрѣлять всякія полетучія птицы; какъ я усмотрю, рабъ Божій, на тѣхъ тихихъ заводяхъ полетучихъ птицъ, гуся и лебедя, и жаравлей, и сѣрыхъ утицъ, а на лѣсу чухарей, пеструхъ, марьюхъ, косачей, куроптей; какую сѣдячую и полетущую птицу глазъ мой завидитъ, и ухо заслышитъ на земли, и на воды, и на дереви сѣдячую,—и та птица сиди до моего нострѣлу на одномъ мѣстѣ, не сходи и не солетай прочьизъ цѣли моей и со меня, раба Божія (имя рекъ), и у моей пристрастной пищали и гладкой дробовки. Помолюся я, рабъ Божій (имя рекъ), Михаилу архангелу: «Грозный воевода, Михаилъ архангелъ, архистратигъ Господень, укрѣпи ты сердце и у всякой полетущей птицы, чтобы она меня, стрѣльца, не видѣла и не обозрѣвала бы меня и съ моей стрѣльчею пищалью и со всѣмъ снарядомъ пищальнымъ, и ясныхъ очей стрѣльцовыхъ не видѣла бы. Какъ мертвый мертвецъ съ мѣста и на мѣсто не переходитъ и на мѣсто съ мѣста не дви нется, такъ бы всякая птица не убоялася меня раба Божія (имя рекъ) скоропострѣльной пищали; и какъ глазъ мой птицу завидитъ,—и не отходи, не отлетай прочь изъ цѣли моей; и какъ очи мои отъ меня, раба божія, прочь не отходятъ и не отлетаютъ, такъ бы и ты, всякая птица, не отходила и не отлетала отъ меня, раба божіи, (имя рекъ) и гласа моего, пищальнаго голку, и нынѣ и присно, во вѣки вѣковъ, аминь». И тѣхъ монхъ словъ не отомкнуть, не отгадать и ни какому человѣку, ни вѣдуну, ни вѣдуньи, ни колдуну, ни колдуньи, ни стару, ни младу, ни малу, ни велику. Аминь.

45. Слова утечьи.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Какъ есть окіанъ море бѣлой камень, на бѣломъ камени самъ Іисусъ Христосъ, самъ бѣлъ и рукавицы бѣлыя, и кнутъ бѣлой, загоняетъ и залучаетъ всякую птицу. Стань и не усыпай по утряной зори, по вечерней зори, святый Лука залучи и загони, святый Матфей замани и залучи, святый Еремей закрѣпи отъ всякаго зла и лиха человѣка, отъ зуба и отъ ноктя и отъ всякаго лиха человѣка. Вся крѣпость Святаго Духа, аминь, аминь, аминь.

(Оба заговора взяты изъ старинкаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги, Холмогор. у.)

46. Слова стрѣлять утицъ.

Господи Боже, благослови Отче. Во имя О. и С. и св. Духа, аминь. Святый Отче Симеоне, отверзи отъ меня, отъ раба Б. имя рекъ, всякого злого лихого человѣка, отъ моей стрѣлчей пищали, отъ щуруна казенового, отъ гвоздей, отъ рѣшетки, отъ трехъ петель и отъ ложи, и отъ скамейки, отъ доски и отъ щуруновъ малыхъ, отъ прикладу, и тутъ тебѣ сатана и діаволъ нѣтъ мѣста, тутъ почиваетъ самъ Исусъ Христосъ и святая Троица и четыре евангелиста: Лука, Марко, Матвѣй, Іоаннъ Богословъ и Никита Христовъ мученикъ, седятъ у замка и у пороха и у всей пищалной снасти у меня р. б. имр.;

отъ тое стрѣлчей пищали бѣгаютъ бѣси и діяволъ дьявольскіе ученики, вѣдунъ-вѣдунья, колдунъ колдунья, еретикъ и еретича, волхвъ и волхвица, чернецъ и черница, и дѣвицы и женщины черноглазыя и бѣлоглазыя и кароглазыя, и всякимъ волосомъ, отъ моей стрѣлчей пищали; куды я р. б. пойду, созади меня раба божія крестъ и спереди меня крестъ, со всѣхъ четырехъ сторонъ кресты, куды я р. б. имр. пойду, крещуся небеси и на земли, нынѣ и присно, во вѣки вѣковъ аминь, аминь, аминь. На мори ключъ креста Христова.

(Изображеніе креста).

Кресту Твоему поклоняемся, святое воскресеніе Твое славимъ. Господи, благослови Отче. Во имя О. и С. и св. Духа. Отъ замка, отъ решетки, отъ казны и отъ петелъ, отъ гвоздей, отъ шеппура, — Симеоне Отче, моли Бога о мене о рабѣ б.— отойди сатана и діяволъ, отойди отъ меня, отъ дула, отъ шеппура, отъ решетки, отъ решеточныхъ гвоздей, нѣту тебѣ мѣста; тутъ почиваетъ самъ Исусъ Христосъ и святая Троица и Владычица Госпожа Богородица и четыре евангелиста, Лука, Маркъ, Матвѣй Іоаннъ богословъ, стойте у дула и у пороха и у всей пищальной снасти. Святитель Христовъ мученикъ Никита, за насъ муки претерпѣвый, отгони отъ меня отъ р. б., отъ моей стрѣлчей пищали сатану и дьявола; бѣгаетъ отъ меня отъ р. б. золъ человѣкъ и діяволъ. Проклиная васъ я р. б. Богу молюся по вся дни и по вся часы, и по всякое время, и на всякую ночь, на молоду и на ветху и на перекрои, и на ущербіе и на прибыломъ мѣсяцу и на убыломъ, во вѣки вѣкомъ, аминь. Господи благослови Отче, во имя О. и С. и св. Д. аминь. Сохрани Господи моего слова и лихія моея думы, и завидящаго глаза и думы и помышленія моего, а сохрани Господи отца моего и матери, роду и племени, и женъ и дѣтей, и товарищевъ моихъ стачниковъ и всякого чину священническаго, иноческого и всякого чину русскихъ людей иноземцевъ и о невѣрныхъ, мужескаго полку и женскаго, сохрани Господи слова и лихіе ихъ крови и завидящаго глаза и думъ и помышленій ихъ, отъ бѣлца отъ бѣлицы, отъ черница отъ черницы, отъ бѣлого, отъ русого, отъ черного, отъ черемного, отъ холостаго, отъ женатаго, отъ двоеженатого, отъ троеженатого, отъ двоезуба, отъ троезуба, отъ сутула и на переди поклянаго, отъ горбатаго. Стану я р. б. п. благословесь, пойду перекрестяся гуляти со своею пищалію скорострѣльною на тихіе плеса, заводи утишныя, какъ усмотрю я р. б. и. гуси и лебеди и сѣрыя утицы и жаравли и всякую птицу крылатую и пернатую, сиди моя птица всякая крылатая и пернатая до моего пострѣлу на одномъ мѣстѣ, какъ камень, алатырь лежитъ на одномъ мѣстѣ, не слышитъ, не видитъ, ни стуку, ни грому, ни пищальнаго звуку не боится, такъ бы ты не боялась всякая птица пернатая и крылатая, высоко не отлѣтывалабъ отъ меня р. б. и., всякая птица пернатая и крылатая, по воздуху и по земли на ногахъ не отходила, и по водѣ не отплывала отъ меня р. б. отъ моей пищальной цѣли; какъ очи мои прочь отъ меня не отходятъ не отлетаютъ, такъ бы той птицѣ пернатой и крылатой, которую глазомъ увидѣть на земли ходячую и сидячую, и на водѣ плаваючи и на всякомъ древи сидячи, которую глазомъ увидятъ, ухо мое услышитъ, и той бы моей птицы до моего велѣнія прочь не отлетывать, во вѣки вѣкомъ, аминь, аминь.

Взять на отпѣваніи у мертваго человѣка воску вмѣсто и наговаривать: Какъ тотъ мертвой умертвился до втораго страшнаго пришествія Христова не вставати, очима свѣту не обезрѣвати, ногами по земли не хаживати, и рукъ отъ сердца не отымивати, такъ бы той моей птицѣ пернатой и крылатой, котору глазъ мой увидитъ ухо услышитъ, которую я р. б. вкругъ обѣжу на земли и на деревахъ сидячу, и той бы моей птицѣ изъ моего кругу не вылетать, очима свѣту не видать, а крыльямъ по воздуху не махиваться, и ногами по земли не хаживать и отъ моей пищалной цѣли, во вѣки вѣковъ, аминь.

Крестъ Господень прогоняя своей силой гонитъ силу діаволю, прогоняетъ въ бездну, во дно адово, у того стиха ключъ съ неба сойдетъ, тогда меня р. б. стоять и мою стрѣлчую пищалну и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

Богородица Дѣво радуйся.

(Составлено г. Хрущовымъ).

47. Молитва прикосная на звѣря.

Стану я рабъ божій Н. благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы въ дверь, изъ дверей во дворъ, изъ двора въ ворота, подъ восточную сторону. Тутъ самъ Іисусъ Христосъ и Пречистая Мати Божія Богородица. Научи же меня, Господи, ловить и промышлять разныхъ звѣрей: кривоногихъ, черноухихъ, красныхъ, черныхъ лисицъ и бурнастыхъ, каждыхъ ловецкихъ звѣрей. Посылаетъ меня самъ Іисусъ Христосъ къ Егорію храброму чудотворцу: онъ тебя научитъ ловить и промышлять звѣрей кривоногихъ, черноухихъ, черныхъ, красныхъ и бурнастыхъ лисицъ. Я пришелъ къ Егорію храброму

чудотворцу; онъ сидитъ выше тридевяти апостоловъ: Научи же меня ловить и промышлять звѣрей кривоногихъ, черноушихъ, красныхъ, черныхъ и бурнастыхъ лисицъ, каждыхъ ловецкихъ звѣрей. По Христову велѣнію, не ослушайтеся меня р. б. Н. Егорій храбрый чудотворецъ беретъ отъ меня р. б. Н. веревки, капканы, тугіе луки и самострѣлы лонскаго году, снимаетъ и вновь становитъ, и самъ святымъ духомъ наказываетъ и наговариваетъ: Ой, еси звѣри лисицы, подьте, побѣжите отъ тридевяти ловцовъ, отъ тридевяти промышленниковъ къ рабу б. Н. по своимъ полевымъ тропамъ, продольнымъ и поперечнымъ, изъ подъ вычепу не видѣть ни пружинья, ни капканья, ни подхода моего, впередъ безъ ускоку, назадъ безъ усмотру, ушкомъ не кивните, глазомъ не мигните, на сторону не скочите, назадъ не воротитесь, души ваши сквозь ловушки, а туши ваши въ ловушку; ой, еси звѣри кривоноги, черноухи, черны, красны лисицы и бурнасты; ой, еси ловетскіе звѣри лисицы, если не побѣжите сквозь петли и капканы сквозь тугіе луки и самострѣлы, Господь нашлетъ съ небесъ огненное пламя и васъ лисицъ сожжетъ и спалитъ, не будетъ вамъ уходу, ни въ гору, ни въ воду, ни въ каменны пещеры; вѣкъ по вѣку, доскончанія вѣка. Будьте мои наговорныя слова имки, ярки на повчю и на перекрой мѣсяцу. Тѣмъ моимъ наговорнымъ словахъ ключъ и замокъ, ключь щука, а щука въ море отъ лихихъ людей, отъ завидящихъ, отъ своей думы, во вѣки вѣковъ, аминь. Богъ мои надежда.

Какъ идутъ съ ловли:

Какъ на мой булатной ножъ никто не можетъ думой подумать, мыслей помыслить, рѣчи выговорить, также на меня раба б. Н. на всѣ мои капканы и ружья дробовки и винтовки. Иду я р. б. Н. съ промысломъ звѣринымъ и птичьимъ за огнемъ забытомъ; ежели завидитъ человѣкъ черной, черемной, частозубой, рѣдкозубой, женка бѣлоголовка, дѣвка простоволоска, попъ, попадья, дьяконъ, дьяконица, дьячекъ, дьячица, пономарь, пономарица, чернецъ, черница, отъ своей думы, отъ своей молвы и помолвы, отъ товарищевой думы, отъ своей семьи, отъ товарищевой семьи, черь моей думы, черь *) моей рѣчи, черь моей крови отъ колдуна, отъ колдуньи, отъ говедуна, **) отъ говедуньи, отъ всякаго злаго человѣка и всякую злую завидищею кровь, злому лихому соли въ глазъ, смолы въ глазъ, дверсты ***) въ глазъ, всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь. Тѣмъ моимъ словамъ небо—ключъ, земля—замокъ.

Говорить три раза на ножъ, или на сукъ дерева, или на комъ снѣга. Сей грамоты не показывать никому и не сказывать.

(Доставлена въ г. Холмогорахъ, Холмогорскимъ мѣщаниномъ Палеховымъ.)

*) Черь—чуръ.
**) Говедунъ—волшебникъ.
***) Дверста—каменъ толченый, дресва.

48. Охотничьи заклинанья.

Господи, Боже, благослови! Стану я, рабъ божій (имя рекъ), благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ дверей воротами, въ чистое поле за воротами, изъ чистаго поля во темный лѣсъ. Въ темномъ лѣсу стоитъ кипарисъ-древо; подъ тѣмъ кипарисомъ сидитъ сама Матъ Пресвятая Богородица. Держитъ она во своей десной рукѣ три прута: прутъ желѣзный, прутъ мѣдный, прутъ серебряный. Ударю я первымъ прутомъ по сырымъ лѣсамъ, ударю я другимъ прутомъ по мхамъ, по болотамъ: сырые лѣса сшатаются, мхи-болота сколеблются; разбѣжатся бѣлые звѣри горностаи на всѣ на четыре стороны: побѣгите вы, кривоноги, черноухвосты! Ударю я третьимъ прутомъ бѣлаго мужа жубрила. Ай, ты, бѣлъ мужъ жубрило, самъ ты бѣлъ и конь подъ тобой бѣлъ; заѣзжай и залучай со всѣхъ четырехъ сторонъ, со стока и запада, и съ лѣта и свевера: идите со всѣхъ четырехъ сторонъ, бѣлые звѣри горностали; какъ идетъ солнце и мѣсяцъ и частыя мелкія звѣзды и вся луна поднебесная идетъ неотпятно, такъ идите на мой завоцъ, на мои стодья, къ моимъ плашкамъ, бѣлые звѣри горностали, а минуйте, проходите мои силья насти; они не по васъ изложены. Кушайте по плашкамъ мои ѣствы: тѣ мои ѣствы лучше и слаще матерняго молока. Къ этому моему слову ключъ и замокъ отношу я къ окіанъ-морю. Есть на окіанѣ-морѣ островъ великъ, къ берегу лежитъ бѣлъ-камень Алатырь; подъ камнемъ стоитъ живая щука, пожретъ тотъ мой ключь и замокъ. Кто кругомъ окіанъ-моря обойдетъ, кто около окіанъ-моря песокъ вызоблетъ кто изъ окіанъ моря воду выпьетъ, кто ту живую щуку добудетъ, ключь и замокъ мой достанетъ, — тотъ мой промыслъ попортитъ.

(Записалъ А. Харитоновъ въ Шенк. у.)

49. Слова горносталіе.

Стану я р. б. и. благословесь, пойду перекрестесь на добрыя дѣла, на промыселъ ловити бѣлыхъ звѣрей, горностаевъ черноухвостыхъ, помолюся Самому Исусу Христу Небесному Царю. Самъ Исусъ Христосъ Небес-

ный Царь меня р. б. и. не ослышается, посылаетъ св. Николу на пособъ и на помощь ловить бѣлыхъ звѣрей горносталей чернохвостыхъ, хитрыхъ и мудрыхъ слугъ посылаетъ ко мнѣ р. б. и., приходитъ ко святому Николы, моитъ свои бѣлыя руки, утираетъ своимъ бѣлымъ полотенцомъ, садится на золотый стулъ, рушаетъ и редитъ сахарные ѣствы на бѣлаго звѣря, горносталя чернохвостаго на престолѣ: ѣшьте бѣлые звѣри горностали чернохвостые, ѣшьте наживки, рябка и пеструшку и мышку, буде вы бѣлые звѣри горностали чернохвостые, не станите ѣсть наживки, наложитъ той Никола на тебя бѣлаго звѣря горносталя чернохвоста тоску и сухоту, и велику тяготу, не можно тебѣ бѣлому звѣрю горносталю не жити, не быти; отмыкаетъ святой Никола земную широту, небесную вышину и роспускаетъ бѣлыхъ звѣрей горносталевъ чернохвостыхъ. Какъ идутъ и текутъ въ синее море быстрыя рѣки со всѣхъ четырехъ сторонъ, такъ же вы бѣлые звѣри горностали чернохвостые безъ отпяту и безъ отвороту на мое угодье къ моимъ плашнамъ, ѣшьте вы бѣлые звѣри и горностали, ѣшьте въ моихъ плашкахъ со всѣхъ четырехъ сторонъ, буде не станете въ моихъ плашкахъ наживки съ концовъ и съ боковъ и со всѣхъ четырехъ сторонъ, наложитъ святой Никола тоску и сухоту и велику тяготу, не можно тебѣ бѣлому звѣрю горностаю чернохвостому безъ моихъ плашекъ и безъ моихъ наживокъ не пити и не исти, знаю не знаю, помню и не помню, исполни Господи слова сіи.

Придешь къ первой плашки, проговори: идетъ святый Никола, святый Георгій, бѣлому звѣрю горностаю чернохвостому чуръ васъ бьетъ отъ земли и до неба, и до небесной высоты, кто злой, лихой человѣкъ, завидливой подумаетъ—мыслитъ помыслитъ, порчами портитъ, уроками урочитъ, травами и словами, и кореньемъ и которыми злыми и лихими дѣлами, тотъ же лихой человѣкъ коломъ обился, сычецу отгелся, кровію отбѣлися и будь у меня р. б. и. отъ моего лову и промыслу, отъ моихъ бѣлыхъ звѣрей горносталевъ чернохвостыхъ, и знаю и не знаю, помню и не помню, исполни Господи мои слова всѣ сполна.

Вымать горносталя изъ плахъ, приговоръ:

Приведи бѣлой звѣрь горносталь чернохвостый отца и матерь, жену свою и дѣтей своихъ, и весь родъ родъ свой ко мнѣ р. б. и. ко всякой плашкѣ, ко всякому мѣсту, подо всякой елью больше стараго, Господи Христосъ, сколько мнѣ надобно р. б. и.

Сей вышеписанной приговоръ изо плашекъ вымать горносталевъ, какъ оной попалъ лежитъ отъ йлашки, такъ его сквозь плаху принимать и назадъ оттягивая вышеписанные приговоры наговаривай въ медъ, а медъ бери у церкви о трехъ праздникахъ: о Благовѣщеніи Пресвятыя Богородицы и недѣлю о Пасхи и Троицынъ день, по толикому числу храни въ удобномъ мѣстѣ, наживы мажь чеснокомъ, мажь противъ наживы верхную половину весьма, и бѣлка идетъ, какъ перваго горносталя упромыслишь, то изъ него сердце и печень вынь, совсѣмъ и высуши въ чистой тряпки, вси слова наговори съ нею, и съ собой неси какъ промышляешь.

(Изъ старин. рукопис. сборника, присланнаго изъ с. Ваймуги).

50. Заговоръ о ловлѣ горностаевъ.

Сталъ я, рабъ божій (имярекъ), благословесь, пойду перекрестесь, изъ избы дверми, изъ двора воротами въ чистое поле, за дворами, въ зеленые луга, въ темные лѣса на свой добрый промыселъ, ставить свои ловушки и поставушки свои пасти, деревянныя сосновыя плашки на бѣлыхъ звѣрей горносталей черноглазыхъ, широкоухихъ, коротконогихъ, чернохвостыхъ, умывшись водою съ матушки рѣки Пѣжмы. Какъ матушка Пѣжма рѣка срываетъ и смываетъ красно крутые бережка и мелкосыпучіе пески, такъ бы срывало и смывало съ меня раба божія (имярекъ) и съ моихъ ловушекъ и поставушекъ сосновыхъ, и въ моихъ мышьихъ и мясныхъ и рыбныхъ наживокъ и насторожекъ; и какъ матушка Пѣжма рѣка утекаетъ и убѣгаетъ въ океанъ—синее море, взадъ не ворочается, такъ бы и ко мнѣ рабу божію (имярекъ) и къ моимъ ловушкамъ и поставушкамъ, сосновымъ плашкамъ и къ моимъ наживкамъ и насторожкамъ, мышьимъ и мяснымъ и рыбнымъ, бѣлымъ горносталямъ черноглазымъ, широкоухимъ, коротконогимъ, чернохвостымъ взадъ неворочаться. Какъ матушка Пѣжма рѣка скоро течетъ и бѣжитъ быстрыми струями въ океанъ синее море, такъ скоро теките и бѣгите бѣлые горностали черноглазые, широкоухіе, коротконогіе, чернохвостые со всѣхъ три-девяти рѣкъ, со всѣхъ три-девяти озеръ и со всѣхъ четырехъ сторонъ въ мои ловушки, поставушки, сосновые плашки и къ моимъ столамъ поставленнымъ и ѣствамъ наложеннымъ, пейте и попивайте, ѣшьте и поѣдайте пищи медовыя сладкія и прѣсны, ѣствы сахарныя, черную, сѣрую, бѣлую, красную и полосатую мышь и заячье, и птичье мясо и водяную рыбу безъ-отступно и безъ-отворотно, а назадъ не возвращайтесь, попускайте на свои буйныя

головы и на свои ретивыя сердца, по утру рано и вечеру поздно, днемъ и ночью, по вся дни и по вся часы, во всякое время, вѣкъ по вѣку, отъ нынѣ и до вѣку. Будьте мои слова хитры, мудры, дѣйствительны. Коль елико мечь, сабля и ножъ булатный и коса преострая, мои слова сильнѣе меча, сабли и ножа булатна и косы преострой.

Будьте мои слова крѣпки и горностальнымъ лѣпки, какъ сосновая смола и еловая сѣра, моимъ словамъ ключъ и замокъ рѣка да песокъ.

(Доставилъ свящ. Карелинъ изъ с. Ровдина, Шенкур. у.)

51. Слова ловить векошъ.

Благослови Господи, Господь Исусъ Христосъ, Сынъ Божій, во имя Отца и Сына и святаго Духа и во вѣки вѣковъ аминь. Стану я р. б. благословесь, пойду перекрестесь Христу на восточную сторону, на Божій свѣтъ осмотрю я р. б. на ясномъ небѣ первую звѣзду, противъ того осмотру на сырой земли порченика урозника или злаго призорника, злого завидящаго словесника или травеника или на меня р. б. или на товарища моего, или на мою собаку, или на мою всю лѣсну снасть, или на мой весь лѣсной промыселъ кто думатъ зломыслитъ, и р. б. возьму..... лукъ, накладываю мѣдну тетиву, емлю я р. б. и. костяну стрѣлу, пострѣлю я р. б. и. костяну стрѣлу, пострѣлю я р. б. на ясномъ небѣ первую звѣзду, противъ того пострѣлю на сырой земли порченика или призорника, злого завидника, словесника, травеника, или кто на меня р. б. и. или на товарища моего или на всю лѣсную снасть, или на мой весь лѣсной промыселъ лихо думаетъ, зло мыслитъ приговариваю я р. б. и. къ той костяной стрѣлы: полети ты костяная стрѣла въ чистое поле, въ темный лѣсъ, въ сырый боръ, въ сухое дерево лонгу, въ скрыпучее дерево, рошиби на мелкіе жеребки, и вышла та костяна стрѣла изъ сухіе лонги изъ скрыпучаго дерева. Еще я р. б. приговариваю къ той костяной стрѣлѣ: полети ты костяная стрѣла къ старому хозяину къ колдуну, къ вѣдуну и къ порченику, и къ урочнику или призорнику, злому завидинику словеснину или къ травенику ли, хто на меня р. б. и. и на товарища моего и на всю лѣсную снасть и на весь мой лѣсной промыселъ лихо думатъ, зло мыслитъ, и пади ты костяна стрѣла къ старому хозяину колдуну или къ вѣдуну, къ порченику къ урочнику, или къ призорщику злому завидинику, словеснику ли къ травенину въ сердцо и печень и бѣлы груди, расколи ретивое сердцо въ становыя жилы и въ сердечныя и въ ручныя и въ ножныя и въ подпятки и во всю его лѣсную снасть, въ оружіе и въ порохъ и въ свинцову пулю, собаку и въ товарища его, и какъ той сухой лонги скрыпучему дереву не отростать и не оживать, въ сыромъ бору не стоять, и такъ бы порченику, урочнику, призорнику, или злому завидинику словеснику, или травенику въ лѣсу не быть, промышленикомъ не бывать, съ оружіемъ не хаживать, не было бы ему приспоры ни въ хлѣбѣ ни въ соли, ни въ скотѣ ни въ животѣ, ни въ домашнемъ числѣ и въ лѣсномъ промыслу. Которыя слова въ оборонѣ и не въ договорѣ, будьте мнѣ р. б. въ помощь, а о помощь и впередъ поступайте; будь моя молитва во вѣки вѣковъ аминь.

52. На бѣличью ловлю.

Господи Боже благослови, Отче. Во имя О. и С. и св. Д. аминь. Какъ родился сей рабъ младенецъ, незнаетъ себѣ ни имени ни вотчины, ни отца ни матери, ни роду ни племени, и не страсти и не болзни, не имѣетъ въ себѣ не ума и не разума, и на ногахъ скораго и тихаго хожденія, ставанія, скаканія и не пути и не дороги, не днины не ночи, и тако же бы меня раба б. не огненаго моего оружья и свинцовой пули, ни пороху, не моей промышленой собаки бѣлые звѣри бѣлки и всякія поголовныя птицы не знали бы, и не имѣлъ бы о себѣ ни ума и не разума, въ ногахъ скаканія, въ крылахъ маханія и не страсти и не боезни, въ день подъ краснымъ солнцемъ въ ночь и подъ младымъ свѣтлымъ мѣсяцомъ, и находи на ихъ неумъ великой на древахъ, и будьте вы мои слова пушкой бѣлой звѣрю и бѣлой голубой бѣлкѣ и всякой поголовной птицы, будте крѣпки лепче клею, крѣпче синяго булату Святымъ Духомъ Божіимъ изволеніемъ Господнимъ благословеніемъ, всегда и нынѣ и присно во вѣки вѣкомъ, аминь; и не пути и не дороги и не дни не ночи, всегда бы были тихи кротки и смирены, какъ малой младенецъ передъ матерію смиренъ, такобъ передомною р. б. бѣлые звѣри и всякія поголовныя птицы кротки и смиреныя.

(Извлечены изъ старинной рукописи, доставленной изъ Пинеж. у. кр. Хромцовымъ).

53. Отпускъ лисицъ ловить.

Молитва 1-я. Господи Боже благослови, есть трава во лузѣхъ Господаре, кто на миня р. б. и. то [1]) подумаетъ на мою лыжницу и на мой волокъ и на мой сахарной кусокъ [2]) и на моихъ лисокъ и лисавокъ и

---

1) Вар. тожъ.

2) Сахарное мусье.

на мои ловецкіи промыслы, и лиха бы на меня на р. б. и. не думали, а хто что подумаетъ и то [3]) ему кругъ [4]) головы да въ пазуху.

Молитва 2-я. Господи Боже благослови во имя О. и С. и св. Д. Свята Троица живоначальная и Георгій Страстотерпецъ Христовъ, покрываюся я р. б. и., оболокаюся [5]), подпоясываюся со оружіемъ, покрылся есми я р. б. и. отъ всякихъ людей и супостатовъ, противъ меня солнце, надъ главою моею мѣсяцъ, звѣзда моя въ нееси, связалъ: вы есте на семъ свѣтѣ вольномъ семдесятъ князей силнихъ, также есте свежити, нашихъ лихихъ людей и супостатовъ колдуновъ и колдуньей, вѣшняковъ и вѣщицъ, порченіковъ и порченицъ, стрижныхъ и постриженыхъ [6]), черныхъ и черемныхъ и сивыхъ и русыхъ, самоѣдиновъ и самоѣдокъ, старцовъ и старицъ, поповъ и попадей, дьячковъ и дьячицъ, пономарей и пономарицъ, кузнецовъ и кузнечицъ [7]) посниковъ и лясниковъ [8]) и застниковъ и рыбниковъ, мужей и женъ [9]) и михоношъ своихъ и потъ [10]) свою думу и старыхъ и младыхъ людей и лихаго человѣка отъ меня р. б. и. и отъ моей лыжницы и отъ моего волока и отъ моего сахарнаго кусья, за верховище ударьте его въ сырую землю, шибите его въ сильное гиѣздо, чтобы онъ лихой человѣкъ лежалъ 12 дней безъ ума и безъ памяти, свѣта бы божія не видалъ и рукъ бы своихъ не обозрилъ по всякой день; и тѣхъ моихъ молитвъ и словъ ни водою ни росою не залить и дождямъ не смочить, аминь моимъ словамъ и молитвамъ ключъ и замокъ и вся крѣпость Святаго Духа, и нынѣ и присно и вовѣки вѣковъ, аминь.

По утру оболокатца и говоритъ молитва 3-я:

Господи Боже благослови я р. б. и. оболокаюсь солнцемъ и свѣтлымъ [11]) мѣсяцемъ, покрываюсь оболокомъ отъ земли и до небеси, около меня р. б. и. градъ Вифліемъ, а въ томъ градѣ породила Пресвятая Богородица Сына своего Господа нашего Исуса Христа,— ангелы и архангелы и всѣ лики святыхъ и св. Дмитрей Селунскій и св. Георгій храбрый, и тѣ миня оберегутъ и огородятъ своими скипетры, не дадятъ на миня р. б. и. и на мои промыслы и на мои ставушки и ловушки и на моихъ лисокъ и лисаковъ [12]) всякіе ловецкіе промыслы иноплеменникомъ лихимъ людямъ лихими оттворами [13]) лихими призорами двигнути служебника своего меня р. б. и. на паря Александра Македонсиаго, ни стару, ни молоду, ни черну, ни черемну, ни бѣлу, ни русу, ни смуглу, ни сѣдуну, въ годахъ, ни колдунамъ, ни еретикамъ, всѣ тѣ предо мною какъ птицы предъ соколомъ. Даждь совершеніемъ [14]) вовѣки аминь. Завижу перейму мудрецѣмъ и цѣремисамъ [15]) татарамъ, еще я вамъ порченикамъ и порченицамъ, колдунамъ и колдуньямъ, вѣдуны и вѣдуньи переспѣшніи и переспѣшницы [16]) галилейцы [17]), одноженцы и двоеженцы и троеженцы, однозубы и двоезубы и троезубы, одноглазы и двоеглазыя [18]), черныя и черемныя, русыя и смуглыя и желтыя не мощно [19]), вамъ меня р. б. и. не уркнуть не испортить, но и метель не можетъ высоко летѣть не тяжело пасти, како ли [20]) изъ роженицы дитя темянемъ выйдетъ, тогда меня р. б. и. уркнутъ и испортятъ и изурочатъ; какъ отъ роженицы дитя темянемъ родиться не можетъ, такъ не можно порчамъ прямо летать на миня р. б. и. отъ нашихъ супостатовъ и отъ лихихъ людей на мои ловецкіе промыслы [21]) по всякой день и по всякой часъ во младѣ мѣсяцѣ и въ ветху и на перекроѣ, и тѣхъ моихъ молитвъ и словъ водою и росою не залить и дождемъ не смочить, аминь моимъ молитвамъ ключъ и замокъ и вся крѣпость св. Духа аминь.

Молитва 4-я. Господи Боже благослови. Во имя Отца и Сына и св. Духа. Стану я, рабъ божій имярекъ, благословясь, пойду въ чистое поле, въ темныя лѣса своихъ смотрѣть лоушекъ и ставушекъ; и встрѣчу я, рабъ божій имярекъ, св. Георгія Храбраго, ѣдетъ св. Георгій храбрый на своемъ сивосивомъ конѣ, плеткой постегиваетъ, копіемъ погоняетъ черныя лисицы и лисавки, красныя лисицы и лисавки, бурнасты лисицы и лисавки, рыси и росомаки, волки и волчицы, бей болно и гони безпамятно и безотпятно и безъотворотно и [22]) моимъ ставушкамъ и лоушкамъ, по моей лыжницы по моему сахарному кусью во [23]) всѣ четыре стороны по

---

[3]) Кнобы.
[4]) Вкругъ.
[5]) Оболокомъ.
[6]) Стриженныхъ и постиженныхъ.
[7]) Кузнецыцъ.
[8]) Польниковъ и лѣстниковъ.
[9]) Прон. веселыхъ.
[10]) Подъ.
[11]) И свѣтомъ.
[12]) Лесаковъ.
[13]) Огородами.
[14]) Съ утвержденіемъ.
[15]) Черемисамъ.
[16]) Перешпіи переспѣшницы.
[17]) Галеяницы.
[18]) Проп. и троеглазыи
[19]) Не можно.
[20]) Когда ли.
[21]) На мой ловчей промыселъ
[22]) и къ.
[23]) Со.

всякой день и по всякой часъ тѣмъ моимъ словамъ замокъ святымъ духомъ, аминь.

Молитва 5-я. Господи, Боже, благослови. Стану я, рабъ божій имярекъ, благословясь, пойду перекрестясь въ чистое поле въ зеленую дубраву, смотрятъ на миня потаенники и помышленники и забаенники, не смотрите вы на меня, раба божія имярекъ, на мои ловецкіе промыслы всякіе, и какъ намъ потаенникамъ иномышленникамъ и забаенникамъ и заугорникамъ [24]) чревъ своихъ не видать и руды своей не пивать, такъ бы меня, раба божія имярекъ, и моего промыслу не уркнуть и не испортить и не изурочить порченникамъ и колдунамъ и вѣдунамъ, стрижному и постижному [25]), сутулому и горбатому, изъ лѣсу приходящему и съ поля видящему, на лѣсу лежащаго, сидяча и стоящаго [26]), закрой и защити Господи, отъ всякаго человѣка и супостата и отъ всякія лихія горячія крови по всякой день и по всякой часъ, а того моего огорода и тое моей молитвы, ни водою ни росою не залить, и дождемъ не смочить, аминь моимъ молитвамъ, ключь и замокъ и вся крѣпость св. Духа. аминь.

Молитва 6-я. Господи, Боже, благослови. Стану я, рабъ божій имярекъ, благословясь, пойду перекрестясь, выйду въ чистое поле; умоюсь водою и росою, утруся тканымъ преденомъ [27]), и встану я, рабъ божій имярекъ, въ чистомъ полѣ между небомъ и землею, обтыкаюсь [28]) частыми звѣздами, подпоящусь бѣлымъ свѣтомъ, замкнуся младымъ мѣсяцемъ, помолюся [29]) Пречистой сущей Богородицы: Пресвятая сущая Богородица закрой и защити меня, раба божія имярекъ, ты своей ризой желѣзной и нетлѣйной, отъ колдуна отъ вѣдуна и отъ вѣдуновъ, отъ вѣшника и отъ вѣшницъ, отъ порченика и отъ порченіковъ [30]), отъ стрижнаго и отъ постижнаго [31]), отъ дохтура и отъ дохтурицы, отъ чернаго и отъ черемнаго, отъ сиваго и отъ русаго, отъ бѣлаго, отъ бояръ и отъ гостей, отъ нѣмець и отъ татаръ, отъ самоѣдиновъ и отъ самоѣдокъ, отъ отрока и отъ отроковицы, отъ старцовъ и отъ старицъ, отъ веселаго и отъ михоноши [32]), и отъ своего поту, и отъ своей думы, отъ старыхъ и младыхъ людей, и отъ всякія лихія горячія крови, и отче, я тебѣ помолюсь, и отче, я тебѣ поклонюсь. Пресвятая сущая Богородица помолися же ты о мнѣ, рабѣ божьемъ имярекъ, Іисусу Христу Небесному Царю, о моемъ промыслѣ. Іисусъ Христосъ небесный Царь сотворивый небо и землю, и всѣ святители, святые Христовы, и сотворилъ Христосъ святаго Илію милостиваго, и св. Георгія Храбраго, и святаго бога Козму-Демьяна, я тебѣ св. Илія милостивому помолюся и поклонюся о себѣ, рабъ божій имярекъ, и о моемъ промыслѣ, и какъ ты, св. Илія милостивый, на своемъ савсиномъ конѣ ѣздишь во всѣ четыре стороны, по крутымъ краснымъ горамъ по желтымъ пескамъ; и какъ ты св. Илія милостивый своимъ святымъ духомъ одымаешь и очищаешь бѣлъ снѣгъ съ крутыхъ горъ, съ желтыхъ песковъ и берега омываешь, очисти же ты съ миня, раба божія имярекъ, и съ моего угодія [33]), и съ моихъ ставушекъ и ловушекъ всякихъ, всякую порчу и всякую притчу, и кое прежде сего бывало; и какъ ты св. Илія милостивый украсилъ [34]) тридевять храмовъ, тридевять церквей — своихъ святыхъ божіихъ благодатіею Божіею, такожде ты меня украси, раба божія имярекъ, въ чистомъ полѣ въ зеленомъ луѣ [35]), своимъ святымъ духомъ благодатіею божіею въ моемъ ухожьѣ, въ моихъ ставушкахъ и ловушкахъ, и какъ ты св. Илья милостивый, очищаешь тридевять храмовъ и тридевять церквей своимъ духомъ и какъ ты Илья милостивый убиваешь сатану и діяволовъ изъ своего огненнаго оружія, такъ же ты св. Илія милостивый — убей [36]) же моихъ порченіковъ и порченицъ, колдуновъ и колдуній, вѣдуновъ и вѣдуницъ, стрижнаго и постижнаго, дохтура и дохтурицъ, чернаго и черемнаго и русаго, князя и боярина, гостя и нѣмець, и татаръ, и самоѣдиновъ [37]) и всякую лихую горячую кровь; и какъ ты Илія милостивый замыкаешь тридевять храмовъ и тридевять церквей божіихъ въ тридевять замковъ и въ тридевять ключей, отъ сатаны и отъ діяволовъ, такожде св. Илія милостивый замкни меня, раба божія имярекъ, ставушки и ловушки, въ тридевять замковъ и тридевять ключевъ моихъ

---

24) Забаенники и заугольники.
25) Стриженному и постиженному.
26) Лежача и сидяча и стоячаго.
27) Тканымъ пряденомъ.
28) Отычусь.
29) И поклонюся
30) Отъ порченицъ.
31) Отъ стриженнаго и постиженнаго.
32) Лихиошой.
33) Ухожья
34) Упросилъ.
35) Лѣсѣ.
36) Убивай.
37) Самоѣдиновъ.

въ желѣзной тынъ [38]), отъ колдуновъ и отъ колдуницъ, отъ вѣдуновъ и отъ вѣдуновъ и отъ вѣдуницъ, и отъ всякаго злаго лихаго человѣка, крещенаго и некрещенаго, и кой колдунъ и колдунья, вѣлунъ и вѣдунья, и меня портитъ, кой сидятъ на печѣ и на воронцѣ и на голбечѣ, и на полатяхъ на кутникѣ [39]), на полу и на лавицы, на коникѣ и на шескѣ, на край поле на среди, на поче [40]) и на мосту, на дворѣ и на улицѣ и вытти гледеть [41]) и того убей, и будьте вы мои слова острѣе меча и сабли и всякаго оружія же желѣзнаго, и булату бритчае, и то моимъ словамъ ключь и замокъ, и вся крѣпость святаго духа, аминь.

Молитва 7-я говоритъ надъ звѣремъ надъ носомъ [42]).

Господи Боже благослови, посылай Христосъ сороковъ на тысячу атаману съ товарищи, аминь, аминь, аминь.

Да у перваго звѣря переломить нога передняя правая, а задняя лѣвая, а сердце вынять, да красни взять на платокъ, да подкуритца когда ловъ потравитца.

Молитва 8-я: Господи Боже, Исусе Христе, нашъ Вседержитель прообразилъ еси Моисеовою палицею честнаго и животворящаго креста образъ Господа нашего Исуса Христа, его же далъ еси на соблюденіе душамъ и тѣлесамъ нашимъ на отгнаніе всякаго врага видимаго и невидимаго; Твоею, Господа, силою буду соблюденъ всегда я р. б. и. отъ всякаго злаго человѣка и отъ всякія пакости денныя и нощныя, и укрѣпи мя безъ пакости и безъ мятежа, сохрани мя недвижима [43]) соблюди и спаси раба своего, яко благословися и прославися пречестное и великолѣпное имя Твое Отца и С. и св. Духа нынѣ и присно, и в. в. аминь.

Молитва 9-я говоритъ на поросу [44]) послѣ 3-й молитвы:

Господи Боже благослови, помолюся и поклонюся я р. б. им. Исусу Христу, есть чистое поле и есть въ чистомъ поле море акіянъ, середи святаго моря акіяна есть святой златой шаломъ [45]) и есть стоитъ [46]) златъ дубъ, кореніе златое и всяко [47]) злато и весь дубъ златъ; подъ златымъ дубомъ есть тридевять братовъ, у тридевяти братовъ тридевять луковъ, у всякаго по три девять стрѣлъ, и помолюся и поклонюся я р. б. и. св. Георгію страстотерпцу и три девяти братомъ, поидите вы тридевять братовъ во всѣ четыре стороны, и святаго моря акіяна и святаго злата шолома, и во всѣ четыре стороны, въ восточную, въ полуденную, въ западную и въ нощную; заставайте же вы и залучайте же вы всякіе ловчіе [48]) звѣри, красныя лисицы и лисавки бурластыя, лисицы и лисавки, черныя лисицы и лисавки, рыси и росомаки, волки и волчицы, и всякіе ловецкіе звѣри заставайте же вы и залучайте же вы; св. Георгій страстотерпецъ гони ко мнѣ, пристеливайте ко мнѣ къ р. б. и. къ моимъ ставушкамъ и ловушкамъ ко всякимъ изъ тридевяти луковъ по тридевяти стрѣлъ, отстрѣливай [49]) же вы отъ тридевяти ставщиковъ [50]), отъ тридевяти ловушниковъ, отъ тридевяти колдуновъ, отъ тридевяти вѣдуновъ; и св. Георгій страстотерпецъ гони ко мнѣ р. б. и со всѣхъ четырехъ странъ красныя лисицы и лисавки, черныя лисицы и лисавки, бурластыя лисицы и лисавки, рыси и росомаки, волки и волчицы ко мнѣ къ р. б. и. по всякой день и по всякую нощь и по всякой часъ, по утру рано и повечеру поздо, и какъ идутъ сколь скоро и борзо большія рѣки и малыя рѣчки, ручьи и паточины и бѣжатъ сколь скоро и борзо [51]), безотпятно и безотворотно, и безовсякаго отступанія и ослушанія, и такъ же бы шли и бѣжали ко мнѣ р. б. и. всякіе ловчіе звѣри, красныя лисицы и лисавки, бурластыя лисицы и лисавки, черныя лисицы и лисавки, рыси и росомаки, волки и волчицы ко мнѣ р. б. и. къ моимъ ставушкамъ и ловушкамъ, по моему волоку къ моему сахарному кусью безотпятно и безотворотно по всякой день и по всякой часъ, по всякую нощь въ утрѣ рано и въ вечеру поздо, заставайте же вы и залучайте же вы на утренной зори и на вечерной и на солнышномъ всходѣ; и еще я р. б. и. помолюся и поклонюся [52]) св. Георгію страстотерпцу, ѣзди же ты св. Георгій страстотерпецъ на своемъ савосивомъ конѣ, заставай же ты, государь, залучай же ты, государь, со всѣ четыре стороны: отъ тридевяти морь, съ тридевять поль, съ тридевяти озеръ, съ тридевяти рѣкъ, съ тридевяти болотъ, съ тридевяти зеленыхъ луговъ шли бы и бѣжали всякіе

---

38) Въ желѣзномъ тынѣ.
39) На коникѣ.
40) На порогѣ.
41) И вытти гатѣди.
42) Надъ носовъ.
43) Не движима.
44) На поврасу.
45) Шоломъ.
46) Святый.
47) И все.

---

48) Ловецкіе.
49) Отстрѣливаютъ же.
50) Стаушниковъ.
51) Къ морю.
52) Поклонюсь.

ловчіе [53]) звѣри красные лисицы и лисавки, бурнастыя лисицы и лисавки, черныя лисицы и лисавки, рыси и росомаки, волки и волчицы всякія ловчія звѣри ко мнѣ р. б. и.; какъ всходитъ красное солнце и младъ свѣтелъ мѣсяцъ и частые звѣзды безо всякаго отступанія и ослушанія, шли бы и бѣжали ко мнѣ р. б. и. къ моимъ ставушкамъ и ловушкамъ безотпятно и безотворотно, безо всякаго отступанія и ослушанія у [54]) млада мѣсяца, слава тебѣ и слову моему во вѣки вѣкомъ аминь.

Обережимая [55]) молитва 10-я.

Господи Боже благослови, Христе Сыне Божій, и я р. б. и. стану благословесь, пойду перекрестесь, спущается съ небесъ Николай скорый помощникъ съ двунадесяти учениками, садилъ [56]) Николае на три пещеры каменыя, емлетъ Николае скорый помощникъ три лука золотополосые [57]) и три стрѣлы золотоперыя, стрѣляетъ Николае и сберегаетъ меня р. б. и. отъ порченика отъ порченицы, отъ колдуна и отъ колдуньи, отъ черна и отъ черемна отъ бѣла и отъ руса и отъ киловата бѣса [58]) и отъ плешиваго и шутливаго, отъ женки бѣлоголовки, отъ дѣвки простоволоски и отъ своего помысла, младъ мѣсяцъ свѣтелъ ярки слова замокъ аминь, моимъ словамъ ключъ и замокъ и вся крѣпость св. Духа аминь.

И летятъ тридевять вороновъ въ восточную сторону на синее море и несутъ тридевять замковъ и тридевять ключевъ и стрѣтитъ Илія милостивый: куды вы есте вороные полетѣли, куды есте вы замки и ключи понесли; полетѣли мы, св. Илія милостивый, и понесли мы тѣ замки и ключи во святое море акіянъ отъ того р. б. и. и положимъ мы тѣ ключи и замки во святомъ морѣ акіанѣ подъ бѣлъ-свитъ камень латырь, и какъ тѣ замки и ключи пескомъ замоетъ, водою замоетъ, и какъ тѣхъ замковъ и ключовъ не добыть изъ святаго моря-акіяна изъ подъ латыря камня, и какъ того камня незглодать всякому человѣку и меня р. б. и., и моихъ ловушекъ и ставушокъ, и моей лыжницы и моего волоченя, и моего сахарнаго кусья и моей добычи всякой лѣшебной не уркнуть и не испортить вѣдуну и вѣдуньи, колдуну-колдуньи, вѣщику и вѣщицы, порченику и порченицы, стрѣжному и постижному и всякому человѣку крещеному и некрещеному, сиву волосомъ, русу волосомъ, черну волосомъ, черенему волосомъ и всякой лихой горячей крови и меня р. б. и. и моихъ ловушекъ и ставушекъ и моей лыжницы и моего волоченя и моего сахарнаго кусья и моихъ лисокъ и лисавокъ красныхъ бурнастыхъ, черныхъ лисочекъ и лисавокъ и моей добычи всякой лѣшебной неуркнуть и неиспортить, неизурочить по всякой день, по всякій часъ и по всякую ночь, по утру рано, по вечеру поздо, на утряной и на вечерной зоряхъ, и кое слово забыто было и то слово впереди стало въ лутчемъ мѣстѣ, и кое слово прибавлено и то бы слово къ нимъ же пристало о младѣ мѣсяцѣ въ полнѣ и въ перекрои; тѣхъ моихъ молитвъ и словъ не водою не росою не залить, не дождемъ не мочить аминь, моимъ молитвамъ ключь и замокъ и вся крѣпость св. Духа отъ нынѣ и довѣка и вовѣки вѣковъ, аминь.

Надъ звѣремъ пришедъ говоритъ: Г. І. Хр. С. Б., помилуй мя грѣшна го р. б. и. въ день и въ нощь, я тебѣ не завидникъ, я тебѣ не отретчикъ, я тебѣ не урочникъ, я тебѣ не отговорщикъ, я тебѣ не призорщикъ, нѣтъ тебѣ не уговорщиковъ, нѣтъ тебѣ не завидниковъ, нѣтъ тебѣ не урочниковъ, не отъ мужескихъ плодовъ, не отъ женскихъ плодовъ, не отъ лихія крови, не отъ лихаго человѣка, не отъ колдуновъ, не отъ колдуньей, не отъ вѣдуновъ, не отъ вѣдуньей, не отъ порчениковъ, не отъ порченицъ, не отъ стрѣшнаго, не отъ постижнаго, не отъ сутулаго, не отъ горбатаго, не отъ самоѣдина и не отъ самоѣдокъ, не отъ веселыхъ, не отъ лихоношъ, не отъ путниковъ, не отъ лѣсниковъ, не отъ засчинниковъ, не отъ рыбниковъ, не отъ моего поту, не отъ моей думы, не отъ старыхъ, не отъ младыхъ, не отъ всякихъ людей, не отъ первороженца, не отъ двороженца, не отъ тророженца, не отъ первозубаго, не отъ двузубаго, не отъ трозубаго, не отъ сива волосомъ, не отъ черна волосомъ, не отъ руса волосомъ, не отъ чернеца, не отъ черницы, не отъ схимниковъ, не отъ схимницъ, не отъ бѣлцовъ, не отъ бѣлицъ, не отъ отроковъ, не отъ отрочицъ, и такъ бы мой добытокъ не слышилъ, не видѣлъ не уроковъ, не уговоровъ, не прозоровъ, не стрѣчи, не притчи, не вѣдуновъ, не вѣдуньей, не вѣщиковъ, не вѣщицъ, не порчениковъ, не порченицъ, не старцовъ, не старицъ, не стречнаго, не постижнаго, не дохтура, не дохтурицы, не черныхъ, не желтыхъ, не путниковъ, не лѣсниковъ, ни рыбниковъ, ни заешниковъ, ни мужиковъ, ни женокъ, ни веселыхъ, ни лихоношъ, ни моему поту, ни моей думы, ни моей крови, ни старымъ, ни младымъ, ни всякимъ людямъ, ни сиву волосомъ, и такъ бы мой добытокъ не слышилъ, не видѣлъ по всякой день, по всякій часъ, по всякую ночь, по утру рано,

---

53) Ловецкіе.
54) Млада мѣсяца.
55) Обережная.
56) Садится.
57) Свой лукъ золотополосый.
58) Буса.

по вечеру поздо, на утренной зори и на вечерной зори, млада мѣсяца и вѣтха, въ полнѣ и въ перекроѣ, и тѣхъ моихъ молитвъ и словъ ни водою, ни росою не залить, не дождемъ не смочить аминь, моимъ слонамъ ключъ и замокъ и вся крѣпость св. Духа, нынѣ и присно и вовѣкъ вѣкомъ, аминь.

Говорить надъ звѣремъ надъ носомъ:

Господи Боже благослови, Отче посылай сорокъ [59]) на тысячу атаману съ товарищи, и какъ та лисица шла со всѣ четыре стороны къ моей лыжницѣ по моему волоченю [60]) и къ моему сахарному кусью безотпятно [61]) и безъ отвороту, и такъ же бы шли и бѣжали со всѣ четыре стороны всякія ловчія звѣри, красныя лисицы и лисавки, бурнастыя лисицы и лисавки, черныя лисицы и лисавки, рыси и ресомаки, и волки и волчицы и всякіе звѣри дорогоцѣнныя ко мнѣ р. б. и къ моей лыжницы по моему волоченю, къ моему сахарному кусью безъотпятно и безъотворотно, по всякой день и по всякой часъ и по всякую ночь, въ утрѣ рано въ вечеру поздо, на утрянной зори и на вечерной зори, и какъ тое лисицы вѣкъ по вѣку не хаживать, по свѣту и по земли. Трижды.

(Списано съ двухъ старинныхъ тетрадокъ доставленныхъ изъ с. Суры, Пинежскаго у. волостнымъ писаремъ Гр. Хромцовымъ).

54. На заячью ловлю.

Господи Боже благослови, І. Хр. Сыне Божій, во имя О. и С. и св. Д. аминь. Стану я р. б. и. святыхъ молитвъ проговоримъ сеи Христовъ день—отъ чего свѣтъ зачинается: зачинается свѣтъ отъ небесныя высоты, отъ земныя широты, отъ морскія глубины,—отъ чего божіи словеси поидутъ, божіи словеси поидутъ отъ святыхъ апостоловъ, сами святые апостолы переняли; есть же на чистомъ полѣ стоитъ храмъ божественный, на храмѣ стоитъ престолъ Господенъ, на престолѣ сидитъ Іисусъ Христосъ на небеси и здѣсь ликъ бываетъ. Выйду я р. б. и. изъ избы дверьми, изъ двора воротами и поиду въ чисто поле ставлю я р. б. и. ловушки, петли, веревки, капканы, самострѣлы словы и сосновы и бѣлы березовы. И поставь же Господи около моего промыслу по одну сторону тынъ желѣзенъ, а по другу сторону мѣденъ отъ небесъ до земли, отъ земли до небесъ, станетъ же бѣлой звѣрь заецъ жить по вечерней зори, поздо въ полночь, по утреной зори, какъ онъ не боится опалной въ палникахъ травы и отъ сучья и отъ бѣлого березника, такъ же бы пусть не боялся моей ловушки и моей лыжницы тропы отъ меня р. б. и. Есть на томъ же храмѣ святый великій Егорей, есть у великого Егорья конь бѣлой, плеть шелкова весьма долга, помолюсь и поклонюсь тебѣ св. Егорей: Ты еси, святый великій Егорей, востань же Господи на пособь и на помощь, возьми же ты своего копя бѣлого и плеть шелкову, зайди же ты кругъ бѣлаго свѣту, найди же ты бѣла звѣря заеца и лесицы красны, черны, бурнасты и ресомаки, выгони по своимъ по старымъ тропамъ по любимымъ, станетъ же бѣлои заецъ по своимъ по старымъ тропамъ ити впереди идучи не посматривать, и въ сторону не поглядывать, назадъ не воротитча, буди станетъ впереди идучи не посматривать и въ сторону не поглядывать или назадъ думать, ино ты же святый великіи Егорей плегью остегни выбуди, выстегай прытко, шибко и ярко по моимъ петлямъ и веревкамъ ловушкамъ и самострѣламъ безотворотно, вовѣки вѣковъ, аминь.

(Изъ старинной рукописи, доставленной изъ с. Суры, Пинеж. у. волостнымъ писаремъ Хромцовымъ).

55. Правила о заецахъ.

а) Господи Боже, благослови! Во имя Отца и Сына и св. Духа. Стану я рабъ божій (имя рекъ) по утру рано, умоюсь ключевою водою, поклонюсь чудными образамъ, пойду я рабъ б. им. на божій путь, на добрыя дѣла, въ чистое поле, въ темные лѣсы со своими ловушками. Стану я рабъ б. им. ставить свои ловушки на бѣлого звѣря, зайца, на всѣ на четыре стороны, возлѣ темные лѣсы, на полденную сторону, на западную сторону, на сиверную сторону, на восточную сторону, помолюсь Егорью храброму: Егорій храбрый свѣтъ, мой помощникъ! гони бѣлаго звѣря зайца ко моимъ ловушкамъ черезъ поля чистыя своему рабу божію имя реку, гони бѣлаго звѣря зайца со всѣхъ съ четырехъ сторонъ къ рабу божію имя реку жирового и набѣглого въ мои ловушки, бѣжи бѣлой звѣрь заяцъ ко моимъ ловушкамъ, пади бѣлой звѣрь заяцъ въ мои ловушки, ѣшь бѣлой звѣрь заяцъ мою насторожку, зеленую вичку осинку. Како же на сподъ трава мурава отъ косы отъ булатныя (падаетъ), такъ же палъ бѣлой звѣрь заяцъ въ мои ловушки къ рабу божію имя рекъ. Будьте мои слова крѣпки, во присно, во вѣки вѣковъ, аминь.

---

[59]) Сороковъ.
[60]) Волочію.
[61]) Безъ отняту.

б) Отнынѣ и довѣку уговариваю свои слова отъ урокъ, отъ призоровъ, отъ чернаго глазу, отъ чернаго волосу, отъ сѣраго глаза, отъ руса волоса, отъ черемна волосу. Бѣжи бѣлой звѣрь заяцъ изъ-за рѣкъ изъ-за быстрыхъ, изъ-за лѣсъ изъ за темныхъ, чрезъ болота зыбучія, бѣжи бѣлой звѣрь заяцъ ко моимъ ловушкамъ, къ рабу божію имя рекъ въ мои ловушки, по своимъ по тропкамъ, не устрашись бѣлой звѣрь заяцъ отъ моихъ слѣдовъ, отъ моего духа, отъ моихъ бѣлыхъ рукъ. Прибѣжалъ бѣлой звѣрь заяцъ ко моей ловушкѣ, принялся за мою насторожку, за зеленую вичку за осинку. Пади моя ловушка на бѣлаго звѣря на зайца, на буйную главу, на ревные на ножки. Слава тебѣ, Отцу и Сыну и св. Духу, ни присно и вовѣки вѣковъ, аминь.

в) И та моя молитва раба божія имя рекъ,—молился я рабъ божій имя рекъ Егорью храброму: какожде ярова пчела вьется около маточки, такожде бы бѣлой звѣрь заяцъ вился около моей, раба божія имя рекъ, ловушки, шелъ бы въ мою, раба божія им., ловушку и ѣлъ бы мою насторожку, раба божія им.; есть же у меня, раба б. им., на тропахъ, на ухожьяхъ стоитъ бѣлая осинка. Пейте и ѣшьте въ моихъ ловушкахъ въ садкахъ и въ куломахъ бѣлые, чалые, сѣрые зайцы коротхохвостые и кривоногіе и черноусые и черноушные и по утрянымъ зорямъ и по вечернимъ; и пьютъ, и ѣдятъ и въ саткахъ и въ куломахъ бѣлую осину съ комля и до вершины. Сколь сладка и паточна вамъ бѣлымъ, пчолымъ, ярымъ зайцамъ коротхохвостымъ и кривоногимъ и черноушнымъ медвяная роса и травы сладки и паточны, и въ молодѣ мѣсяцѣ и сполна, въ ветху и перекроѣ и въ межныхъ дняхъ, по утрянымъ зорямъ и по вечернымъ по всякой день, по всякой часъ, и пейте и ѣшьте бѣлую осину съ комля и до вершины въ тѣхъ же ловушкахъ, въ саткахъ и въ куломахъ. Какъ изъ неба и снѣгъ и дождь падатъ и валится на землю безотпятно безотворотно, какъ изъ лѣсу у меня, у раба божія имя рекъ листъ, валится на землю безотпятно, безотворотно, такъ же бы у меня раба божія им. пали бы и валились въ мои ловушки, въ сатки и въ куломы бѣлые, пчолые, ярые зайцы коротхохвостые и кривоногіе и черноусые и черноушные безотпятно безотворотно, ко мнѣ, къ рабу б. им., по всякой день и по всякой часъ и время, въ молодѣ мѣсяцѣ и ополни, и въ ветху и перекроѣ, въ межныхъ дняхъ; не устрашись бѣлой звѣрь заяцъ отъ моихъ слѣдовъ, отъ моего духу, отъ моихъ бѣлыхъ рукъ. И будте у меня у раба б. им. слова крѣпче бѣлаго горючаго камени и синя булату и въ заговорѣ, и въ договорѣ, отнынѣ и до вѣку; въ морѣ глава моя у меня, у раба б. имя рекъ; и въ небѣ языкъ мой у меня, у раба божія имя рекъ, во вѣки вѣковъ, и всѣмъ словамъ крѣпость, аминь.

г) Господи, Боже, благослови. У меня, у раба божія имя рекъ (наприм. Іоанна Авдотьина сына), осина дерево слаще изюму и сахару и меду и патоки и исть бѣлому звѣрю зайцу черноуху коротхохвосту; подьте и потеките бѣлые звѣри зайцы ко мнѣ къ рабу божію Іоанну Авдотьину сыну, подъ мои подъ пастины и подъ куломы со всѣхъ четырехъ сторонъ, съ лѣта и съ сивера, съ востоку и съ западу, изъ ломовъ и со ржавчинъ, изъ за высокихъ горъ, кривыхъ наволоковъ ко мнѣ къ рабу божію, Іоанну Авдотьину сыну, подъ пастины и подъ куломы; подъѣдайте и подсысайте на перу за сторожевой сукъ, по всякой день и по всякой часъ, по всѣ времена, въ день по солнцу, а въ ночь по мѣсяцу по частымъ звѣздамъ.

д) Господи Боже, благослови. Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Стану я рабъ божій имя рекъ благословесь, и пойду перекрестесь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, выйду я рабъ божій имя рекъ въ чистое поле, помолюсь и поклонюсь на восточную сторону и на всѣ четыре стороны. Есть у меня, у раба божія имя рекъ въ чистомъ полѣ кобыла дикая, есть у ея, у кобылы у дикія, тридевять жеребцовъ, три два и одинъ жеребецъ и какъ тебя, кобылу дику, три и два и единъ жеребецъ подсысаетъ и подъѣдаетъ, такъ же бы у меня, у раба божія имя рекъ, прибѣгали бы бѣлые звѣри, зайцы криволапые, черноухіе со всѣхъ съ четырехъ сторонъ съ востоку и съ западу, съ лѣта и съ сѣвера, по всякой день и по всякой часъ подсѣкали бы и подъѣдали бы у меня, у раба божія имярекъ, на передъ сторожимой прутокъ бѣлые звѣри зайцы, криволапые и черноухіе и не ослышались бы меня, раба божія имя рекъ, въ день по солнышку и въ ночь по мѣсяцу и по утру рано и по вечеру поздо, по утрянной зорѣ и по вечерней зорѣ, подсѣкайте и подъѣдайте у меня, раба божія имя рекъ, бѣлые звѣри зайцы безотходно и безотпятно. И кое мое слово назадъ и тое мое слово будь напереди, и кое мое слово въ забытье и то же мое слово тутъ же будь, и тутъ моимъ словамъ ключь и замокъ отъ нынѣ и до вѣку во вѣки вѣковъ, аминь и тѣ мои слова трою заключены: слава Отцу и Сыну и Святому Духу. Когда у тебя, у бѣлаго звѣря зайца нога сростется, тогда у меня, у раба божія имя рекъ, статья побьется.

ѣ) Взять соли въ Великой Четвертокъ и та соль хранить до Покровской субботы, и въ ту соль приговаривать та статьи, а въ избу той соли не носить:

Какъ къ тебѣ, Михаилъ Архангелъ, сбирается народъ божій къ церкви, такъ бы но мнѣ, къ рабу божію имя рекъ, сбѣгалися бы бѣлые звѣри зайцы, криволапые и черноухіе со всѣ четыре стороны, со встоку и съ западу, съ лѣта и съ сивера.

Брать ту траву канунъ Иванова дни въ вечеру, а ту траву трою дергать въ трехъ мѣстахъ, а окуриваться той травой трою.

ж) Господи Боже благослови. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Сѣку я рабъ божій имя рекъ медъ да патоку, сахарные ѣствы бѣлому звѣрю, зайцу черноуху и черноусу, пить да ѣсть, воскушать на здравіе, сѣку да рублю, тѣмъ словамъ ключь и замокъ, аминь.

з) Стану благословесь, пойду перекрестесь, я рабъ божій имя рекъ изъ избы дверьми, изъ двора воротами да поклонюсь и помолюсь на всѣ четыре стороны, пойду на божіи дѣла, на божій путь, стану ставить платочки, ловушочки на бѣлаго горносталя на черноховста. Бѣжи бѣлъ горносталь изъ-за рѣкъ изъ-за быстрыхъ, изъ-за лѣсъ изъ-за темныхъ, чрезъ болота зыбучіе, бѣжи ко моимъ ловушкамъ; прибѣжалъ бѣлъ горносталь ко моимъ ловушкамъ, только скочилъ, спрянулъ, завидѣлъ мою ловушку, поначалъ своимъ теплымъ гнѣздышкомъ, схватилъ бѣлъ горносталь въ моей ловушечкѣ, принялся за животцу, моя плашечна возбудилась, прихватила бѣлаго горносталя черноховста по нузру, по самому животцу, по рѣзвымъ по ножкамъ по буйной головкѣ. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь. Примѣты выше сего.

и) Во имя отца и Сына и Святато Духа. Стану я, рабъ божій имрекъ, благословесь, пойду перекрестесь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, выйду я, рабъ божій имрекъ, въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ какъ мертвецъ лежитъ въ сыро-матерой земли, не слышитъ и не видитъ колоколеннаго звона и попова пѣнья, такъ какъ же бы рыскучій звѣрь зайко не слышалъ и не видѣлъ моей шелковой петли и шелъ бы онъ, зайко кривоногой, черноухой и черноушой, безотпятно въ день по солнцу, а въ ночь по мѣсяцу, по частымъ звѣздамъ, при буйныхъ вѣтрахъ, по всякой день и по всякой часъ, по вся времена; слава Отцу и Сыну и Св. Духу, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

і) Во имя Отца и Сына и св. Духа. Стану, благословясь, пойду перекрестясь, я рабъ б. им. изъ избы дверьми, изъ двора воротами, выйду въ чистое поле. Есть у меня раба б. им. въ чистомъ полѣ крѣпки веревки льняныя и конопляныя, есть же въ чистомъ полѣ синее море окіянъ, есть же въ синѣ морѣ окіянѣ тридевять островыхъ, есть же на тридевяти островыхъ тридевять лисицъ бурнастыхъ и тридевять долгохвостыхъ, есть же въ синѣ морѣ окіянѣ тридевять островыхъ, есть же на тридевяти островыхъ тридевять бѣлыхъ, пчолыхъ и ярыхъ зайцовъ, короткохвостыхъ, кривоногихъ, черноусыхъ и черноушихъ. Бѣжите и теките бѣлые, пчолые и ярые зайцы, короткохвостые и кривоногіе, и черноусые и черноушные, и бѣжите и теките лисацы бурнастыя, долгохвостныя и по утрянымъ зорямъ и по вечернимъ, по своимъ по тропкамъ, по моему ухожью со восточную сторону въ сторону скачите: стоитъ желѣзный тынъ отъ земли и до небеси, назадъ попятиться вамъ бѣлымъ, пчолымъ и ярымъ зайцамъ короткохвостымъ и черноушнымъ, назадъ попятиться лисицамъ бурнастымъ долгохвостнымъ — и стоитъ храбръ Егорій и на сильномъ конѣ, самъ бѣлъ и кнутъ бѣлъ и рукавицы бѣлыя и борода бѣлая, и залучаетъ и загоняетъ лисицъ бурнастыхъ долгохвостыхъ, залучаетъ и загоняетъ бѣлыхъ, пчолыхъ, ярыхъ зайцовъ короткохвостыхъ и кривоногихъ, и черноусыхъ и черноушныхъ, по утрянымъ зорямъ и по вечернимъ, по всякой день, по всякой часъ и время божіихъ, въ молодѣ мѣсяцѣ и сполни, въ ветху и перекроѣ, въ межныхъ дняхъ; въ морѣ глава моя, въ небѣ языкъ мой у меня у раба б. им. Не устрашись бѣлой звѣрь заядъ отъ моихъ слѣдовъ, отъ моего духа, отъ моихъ бѣлыхъ рукъ; будьте у меня у раба б. им. слова во вѣки вѣковъ, аминь, въ заговорѣ и въ договорѣ, отнынѣ и до вѣку, и крѣпче бѣлаго горячаго каменя и сини булату, и всѣмъ словамъ крѣпость аминь.

к) Господи Боже благослови Іисусъ Христосъ. Во имя Отца и Сына и св. Духа. Стану я, рабъ божій, благословясь, пойду въ чистое поле подлѣ синее море, подлѣ святое море окіанъ, и помолюсь я рабъ. б. им. святому и праведному Мамантію: золотой кнутъ удари далеко, тропи близко бѣлыхъ звѣрей зайцовъ и красныхъ бурыхъ черныхъ лисокъ, россомахъ и рысей; идите и бѣжите изъ-за тридевяти морей, изъ-за тридевяти ключеватыхъ ордъ; есть у меня, у раба б. им. яствы сахарныя, питья медвяныя, идите и бѣжите ко своему рабу б. им., льните и вѣсните въ мои нитки, въ новцѣ мѣсяцу, въ ветху и молоду, по всякой часъ, во всѣ времена, ключь и замокъ и архангельско слово, аминь.

А нитки прясть изо льну не слинить; а скать по солнышку и вымыть ихъ въ водѣ и выморозить на морозѣ, чтобъ до бѣла, а потомъ напарить въ котлѣ или въ горшкѣ всякой хвои и вымыть въ той водѣ, а оправлять въ рукавицахъ, не пятиться и не оглядываться на заячью тропу.

л) Во имя Отца и Сына и св. Духа. Какъ въ веснѣ пройдутъ рѣки и ручьи и малыя поточины, а ихъ не имуть ни уроки, ни оговоры, ни призоры и ни прикосы, и такъ меня раба б. им. не няли бы ни уроки, ни оговоры, ни призоры и ни прикосы, и моей пищали, свинцу и пороху, огненнаго оружья; и какъ рабъ божій лежитъ въ землѣ, отъ всего своего пришествія отшедъ, а не слышитъ и не видитъ, такъ птица тамъ сидѣла на землѣ и на водѣ, и на лѣсу, а не слышала бы и не видѣла, меня, раба б. им., и моей пищали, свинцу и пороху, до моего пострѣлу; и какъ я рабъ б. им. у тое птицы вышибу единое перо, не перо вышибу, вышибу ретивое сердце съ печенью и все нутро смѣшаю, какъ той птицѣ безъ сердца и безъ печени нельзя ни итти, не летѣть, такожъ и отъ тое раны нельзя ни итти и ни летѣть безъ единаго пера, и отъ меня раба б. им. и отъ моей пищали огненнаго оружія, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

Сія говорить три раза.

м) Во имя Отца и Сына и св. Духа. Есть святое море окіянъ, въ святомъ морѣ окіянѣ есть пупъ морской, воду беретъ со всѣхъ четырехъ сторонъ, а не имутъ его ни уроки, ни оговоры, ни призоры и ни прикосы, и такъ же я рабъ б. им. беру птицу съ земли и съ воды и съ лѣсу, а не нялибъ ни уроки, ни оговоры, ни призоры и ни прикосы, и моей пищали, свинцу и пороху огненнаго оружія отъ всякаго человѣка по землѣ ходящаго, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

н) Во имя Отца и Сына и св. Духа. Есть святое море окіянъ, во святомъ морѣ окіянѣ есть камень латырь, на камнѣ латырѣ есть три брата родные, три друга сердечные: единъ судитъ, другой дѣла отправляетъ третій уроки заговариваетъ у меня, у раба б. им., и у моей пищали, свинцу и пороху, огненнаго оружія. Три брата родные, три друга сердечные ставили кругъ меня, раба б. им., тынъ желѣзенъ отъ земли и до неба, отъ востоку до запада, отъ лѣта до сѣвера, изъ моря глубины придетъ царь морской съ тридевятью замками, съ тридевятью ключами, тридевять ворота затворити и тридевятью замками замкнетъ и ключи въ море бросить, изъ моря глубины изъ пещеры выйдетъ рыба щука, и ключи пожретъ и въ море уйдетъ, што тое щуки взять нигдѣ ни ловцамъ и ни поводчикамъ, такожъ меня раба б. им. взять негдѣ и моей пищали, свинцу и пороху, огненнаго оружія взять негдѣ же и никому не испортить, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

о) Господи Боже. Во имя Отца и Сына и св. Духа. Стану я р. б. им. сѣчи и ронить осину бѣлому зайцу широколапому и коротохвосту у меня, раба б. им., и пить, исть сахарные ѣствы; и буди мол осина слаще сладкаго винограда, и подай Богъ васъ мнѣ, рабу б. им., бѣлыхъ зайцовъ, широколапыхъ и черноухихъ и коротохвостыхъ, подай Богъ на всю ночь и на весь день, подай Богъ и укрѣпи Богъ въ колодѣ и въ кулемѣ, въ день при солнцѣ и въ ночи при мѣсацѣ, ветха и молода, перекроп, въ межные дни, присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

(Списано П. С. Ефименкомъ со старинной рукописи.)

56. Заячьи слова.

а) Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Стану я, рабъ божій N., благословесь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, выйду я на Двину рѣку, стану я р. б. на востокъ лицомъ, на западъ спиной, помолюся и поклонюся Царю Небесному и Матери Божіей Пресвятой Богородицы и буди я, рабъ божій N. промышленникъ не уросливъ и не прикосливъ отъ своей думы и мысли, и отъ своей крови, и отъ буйнаго вѣтра, и отъ своего глаза, и отъ людской молвы, и отъ людскаго глаза. А кто злой лихой человѣкъ подумать на мой добытокъ и на промыселъ, тобъ ему самому давъ пазуху, а что онъ, радѣтъ себѣ, тобы и мнѣ на мой добытокъ и на промыселъ, во всякъ день и по всякъ часъ, тѣмъ моимъ словамъ ключь и замокъ именемъ Господнимъ, духомъ святымъ, во вѣки вѣковъ, аминь, аминь, аминь.

Говорить слова на наживку и на зайца, какъ Богъ дастъ.

б) Буди мой заецъ и лисица не прикосливъ и не урасливъ, заецъ черноухій и бѣлохвостой, косолапой, бѣжи ко мнѣ р. б. N., борзо, безотпятно и безотворотно, бѣжи, не оглядывайся назадъ, не отворачивайся и не отпрядывай, бѣжи ты, заецъ и лисица, ежечасно, по своимъ тропамъ, а по моимъ ухожьямъ, а въ правой руки есть черное море, а въ лѣвой руки есть огненная рѣка, вправо скочить утонуть будетъ, въ лѣво скочить въ огненной рѣки сгорѣть будетъ, бѣжи заецъ и лисица, по своимъ тропамъ, а по моимъ ухожьямъ, въ мои ло-

вушки и поставушки, въ ленны конопляныя петли безотлятно и безповоротно, по всякъ день и по всякъ часъ, и на сторону не оглядывайся и назадъ не отворачивайся и не отпрядывай, а за тобой, заецъ и лисица, бѣжитъ ежечасно 40 кобелей, гонитъ тебя, заецъ и лисица, въ мои ловушки и поставушки, въ ленны конопленны петли, но всякъ день и по всяку ночь и по всякъ часъ и на утренней зори и на вечерней зори, въ день подъ солнцемъ, въ ночь подъ мѣсяцемъ, и подъ частыми звѣздами и подо всею окружностію божію, и и тѣмъ моимъ наговорнымъ словамъ и словесамъ ключъ и замокъ, именемъ Господнимъ, духомъ святымъ, во вѣки вѣковъ аминь.

Говорить на пленицы предъ образомъ божіймъ, когда свои пленицы ставить станешь.

в) Приговорить на зайца въ мырку какъ Богъ дастъ, провести хвоиной по правому боку три раза:

Стану я р. б. благословесь, пойду перекрестесь, изъ избы дверьми, изъ двора воротми, и выйду я въ чисто поле, взгляну на восточную сторону и на восточной стороны окіянъ море, на окіяни мори лежитъ бѣлъ камень, на бѣломъ камню лежитъ гробъ Господенъ, у того гроба Господнего стоитъ Богородица съ четырьмя евангелистами: Іоаннъ и Лука, Матвѣй и Маркъ, и вся силы небесныи и отстреляйте отъ р. б. N. уроки и прикосы, и и откуда пришли и туда подите, и отъ царя и отъ царицы, и отъ старца и отъ старицы, и отъ попа и отъ попадьи, и отъ мужика и отъ жени, и отъ парня и отъ дѣвки простоволоски, отъ черноволоски, и русоволоски, и красноволоски, и отъ двоеглазаго, и отъ одноглазаго, отъ слѣпаго, и отъ своей лихой думы и мысли, и отъ чужой думы и мысли, и рабъ божій которыхъ словъ не доумѣю и тѣ слова въ число, которыя слова налишны и неналишныя и ти слова не уменьшаютъ, и ти слова ключъ и замокъ отъ земли и до неба, отъ нынѣ и до вѣку и вѣкъ повѣку, аминь, за аминемъ аминь.

Приговорить на звѣря въ мырку, по правому боку провести хвоиной три раза и приговорить: Слава Богу добрымъ людямъ на похвальбу, а завиднымъ на завидость.

(Рукопись доставл. крест. Леонтьевымъ.—Пленицы или плѣнки—волосяные силки.)

57. Заячій прикосъ.

а) Стану р. б N. благословесь, пойду перекрестесь, изъ избы дверьми, изъ двора воротми, выйду въ чистое поле и пойду подъ восточную сторону и стану я на востокъ лицомъ, на западъ хребтомъ, покорюсь и помолюсь истинному Христу, царю небесному, и Пречистой Божьей Матери Пресвятой Богородицѣ, и постави Господи кругъ меня р. б. N. тынъ желѣзной, ограду каменну и гору кременну, отъ земной подошвы и до небесной высоты и до христова престола и со христова престола, и закрываетъ меня раба б. N. ризой своей и пеленой нетлѣнной и неизреченной отъ колдуна и отъ колдуницы, и отъ еретика и отъ еретицы, и отъ попа и отъ попадьи, и отъ бѣльца и отъ бѣлицы, и отъ парня и отъ дѣвки простоволоски и отъ женки бѣлоголовки, и отъ всякаго злаго лихаго человѣка и отъ всякаго зловомысленнаго супостата, и отъ своей лихой думы и мысли, и кто на меня р. б. N. зло подумать и лихо помыслить, и тому лихому человѣку пройди сквозь языкъ и сквозь щеки желѣзная спича, и на очи ему лихому человѣку наверги бѣлое бѣльмо, да ему же Пречистая Богородица пропусти огненную рѣку отъ востока и до запада, отъ лѣта и до сѣвера, и который огнь отъ враговъ и супостатовъ, и какъ стоитъ тынъ желѣзной и вереи булатныя и двери укладныя и замки благословенные и ключи Давыдовы, во имя О. и С. и Св. Д. аминь. Заключается ключь въ мори, а замокъ въ роти, и будьте мои слова крѣпки и прытки во вѣкъ вѣковъ, аминь, и ни кто бы моихъ словъ не могъ переговорить, и назадъ отговорить, аминь, за аминемъ аминь.

б) На лоушки говорить три разъ:

Стану я р. б. N. благословесь, пойду перекрестесь изъ избы дверьми, изъ двора воротами, и выйду я въ чистыя поля, въ темныя лѣса ставить своихъ ловушекъ и поставушекъ ленныхъ, конопленныхъ петелъ для бѣлыхъ звѣрей зайцей и для красныхъ лисицъ бурнастыхъ, покорюсь и помолюсь Егорью храброму: ой еси Егорій храброй, поди ты въ чистыя поля, въ темныя лѣса со своей съ брудой богатырской, выганивай и вылучай бѣлыхъ звѣрей заецевъ и красныхъ лисицъ бурнастыхъ на узкія тропы и на любимыя его угодья, бѣжите и скачите и глазами не гледите и ушами не тресите, назадъ не отпячивайся и неотворачивайся и не отпрядывай и въ сторону не отскакивай. Ѣздитъ Егорей храброй за тридевять землями за тридевять брынскими лѣсами за тридевять промышленниками за тридевять бѣлкосовъ, единъ Егорей храброй выганиватъ и вылучаетъ бѣлыхъ звѣрей заецей и красныхъ лисицъ бурнастыхъ исъ подо всякой вичи и вершины, говоритъ Егорей храброй: ой еси бѣлые звѣри заицы, красны лесицы бурнасты, бѣ-

жите и теките въ мои ловушки, постанушки въ конопленыя петьли, и беретъ Егорей храброй свой тугой лукъ, натягиваетъ шелковую тетиву и стрѣляетъ своимъ тугимъ луковъ, каленой стрѣлой, самъ Егорей приговариваетъ ко своей каленой стрѣлѣ: какъ отъ светаго Егорья летитъ каленая стрѣла, не отпячивается и не отворачивается и въ сторону не отскакиваетъ, и также вы заецы бѣлыя красны лесицы бурнасты нельзя вамъ ни отпячиваться и ни отворачиваться и въ сторону ни отскакивать, есть у меня для васъ обѣ стороны узкихъ тропъ поставленъ тынъ желѣзной, нельзя вамъ отпячиваться и отворачиваться и въ сторону ни отскакивать, и льзя вамъ бѣжать въ мои ловушки, постанушки въ ленны, конопленныя петли, по моему прошенью, по Егорью благословенью, всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь, за аминемъ аминь. Будьте мои слова крѣпче и зорче вострого ножа, булатнаго топора, быстрѣе ключевой воды, во вѣки вѣковъ, аминь. (Оттуда же).

Е. ОБЕРЕГИ ЧЕЛОВѢКА ОТЪ НЕДУГОВЪ, ВОЛШЕБСТВА И ВНѢШНЕЙ СИЛЫ.

1. Отъ всякой болѣзни.

Господи Боже благослови! Во имя Отца и Сына и св. Духа, аминь. Какъ Господь Богъ небо и землю, и воду, и звѣзды, и сыроматерной земли твердо утвердилъ и крѣпко укрѣпилъ, и какъ на той сыроматерной земли нѣтъ ни которой болѣзни, ни кровныя раны, ни щипоты, ни ломоты, ни опухоли, такъ же сотворилъ Господь меня раба б. имр.; какъ сотворилъ Господь, твердо утвердилъ и крѣпко укрѣпилъ жилы моя и кости моя и бѣлое тѣло мое, также у меня раба б. имр. не было бы на бѣломъ тѣлѣ, на ретивомъ сердцѣ, ни на костяхъ моихъ ни которой болѣзни, ни крови и ни раны и ни щипоты, ни ломоты, ни опухоли. Единъ архангельскій ключъ; во вѣки вѣковъ, аминь.

(Выписано изъ старинной рукописи, доставленной изъ Шенкурска.)

2. Тоже.

Господи Іисусе Христе, Сыне Божій помилуй, насъ. Стану я р. б. им. благословясь, пойду перекрестясь изъ избы въ двери, изъ двери въ ворота, въ восточную сторону; есть въ востокѣ, въ восточной сторонѣ стоитъ буевой островъ; на томъ буевомъ островѣ стоитъ святое дерево, изъ толстаго святаго дерева выходитъ булатный быкъ, булатными рогами гору бодетъ, ногами скребетъ; и какъ у этого булатнаго быка булатные рога крѣпки не гнутся, и неломятся, и не плющатся, также бы у меня р. Б. и становая жила не гнулась бы и не ломалась, крѣпко бы стояла, какъ колъ, рогъ рогомъ стояла бы, столбъ столбомъ, стрѣла стрѣлой, копіе копьемъ, ни задъ бы, ни передъ не ломяло, ни щипоты и не ломоты, не въ денныхъ часахъ, и ни въ нощныхъ часахъ, ни въ полуденныхъ и полуночныхъ, ни на молоду, ни на исходѣ мѣсяца, по моему животу до моей смерти, вѣки по вѣки и во вѣки вѣковъ аминь. Во имя О. и С. и св. Д. Какъ громъ грянетъ и молнія палитъ, такъ бы въ рукахъ моихъ огненное оружіе палило и гремѣло; какъ не можетъ никто тварь Божію, солнце и луну, громъ и молнію постановить, такъ бы не могли въ рукахъ моихъ огненное оружіе постановить. Аминь

(См. загов. извл. изъ рук. старообр. Ж. М. Н. Пр. 1865 г. № 1, статья Щанова стр. 60. Извѣстенъ и въ Архангельской губерніи.)

3. При родахъ.

а) Къ женщинѣ, начинающей мучиться родами, призываютъ повивальную бабку. Деревенская повивальная бабка, какъ только заходитъ въ двери къ больной говоритъ:

«Отпирайте, отпирайте! отперли, отперли. Запрягайте, запрягайте; поѣзжайте, поѣзжайте! Поѣхали, поѣхали, ѣдутъ, ѣдутъ».

Это говорится для того, чтобы больная скорѣе разрѣшилась отъ бремени. Послѣ этого бабка осматриваетъ больную и начинаетъ помогать ей своими средствами

б) Бабка беретъ квашню, замѣшиваетъ въ ней ржаное тѣсто и приговариваетъ:

«Я тебя, квашеночка, творю съ вечера до утра; такъ бы робицѣ Божіей (имя рекъ) мучиться одинъ часокъ минутный.»

И даетъ больной принимать это тѣсто съ ложки.

в) Если приведенныя слова не помогаютъ, то бабка наливаетъ въ какой либо сосудъ воды и шепчетъ про-себя въ воду три раза слова:

«Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Изъ города Іерусалима идетъ Іисусъ Христосъ, Мати Марія родила Сына, Іисуса Христа, не болѣвши, не стонавши и люди не слыхавши. Такъ бы рабицѣ Божіей (имя рекъ) родить младенца не стонавши, не болѣвши и люди не слыхавши.

И даетъ эту воду пить больной.

г.) Не помогаютъ и эти слова, также въ воду говоритъ другія:

«Во имя «Отца и Сына и Св. Духа. Стану я рабица. Божія (имя рекъ) благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, въ чисто поле за дворами, въ восточну сторону. Въ восточной сторонѣ съ небесъ стоитъ серебряная лѣстница, по серебряной лѣстницѣ ползетъ Мать Пресвятая Богородица съ золотыми ключами, съ шелковыми поясами, отпирать, отмыкать мясной ларецъ. Я рабица Божія помолюсь и покорюсь: Мать Пресвятая Богородица отпирай, отмыкай у рабицѣ Божіей (имя рекъ) мясной ларецъ, выпускай отрока (или отрочиху) на Божью волю, на бѣлой свѣтъ».

д) Это заклинаніе въ городѣ Холмогорахъ произносятъ такъ:

«Стану я рабъ божій (имярекъ) благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами. Выйду я въ чистое поле, помолюсь и поклонюсь на восточну сторуну. На той восточной сторонѣ стоитъ престолъ Господень. На томъ престолѣ Господнемъ сидитъ Пресвятая Мати Божья Богородица. И помолюсь, Пресвятой Матери Божьей Богородицѣ; Пресвятая Мати Богородица, сходи съ престола Господня и бери свои золотые ключи и отпирай у рабы Божіей (имя рекъ) мясные ворота, и выпущай младеня на свѣтъ и на божью волю. Во вѣки вѣковъ, аминь.»

Говорится трижды на воду, которую даютъ пить родильницѣ, или которою обкачиваютъ больную.

е) Еще средство при родахъ. Бабка идетъ за водой на рѣку, почерпаетъ ее въ свою посудину девять разъ и девять разъ говоритъ слова:

«Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Матушка рѣка Вага дала мнѣ ключи пьяны, отпирала гору каменную, пропускала голову костяную.» И воду эту больная должна пить.

ж) Всѣ приведенныя здѣсь слова заканчиваются слѣдующимъ заклинаніемъ:

«Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Стану я, рабица божія (имя рекъ), благословясь, пойду перекрестясь изъ избы дверьми, изъ двора воротами, въ чисто поле задворами, къ окіяну морю. Въ окіянѣ морѣ есть сѣрый, бурый камень, на сѣромъ буромъ камнѣ сидитъ старъ матеръ человѣкъ, держитъ въ правой рукѣ желѣзный молотокъ, бьетъ побиваетъ, крѣпкія слова прибиваетъ: Я рабица божія (имя рекъ) помолюсь и покорюсь: «ты старъ матеръ человѣкъ, бей, побивай; мои крѣпкія слова прибивай. Возьми тридевять ключей, отпирай тридевять замковъ, положи мои слова, запри и замкни, смеси эти слова въ окіянъ-море, положи эти ключи подъ сѣрый бурый камень, чтобы люди не знали и рабы не слыхали».

(Заклинанія эти записаны въ Шенкурскомъ у. Е. Ивановскимъ, кромѣ одного, которое записано П. С. Ефименкомъ въ Холмогорахъ).

4. Надъ новорожденнымъ.

а) Когда родится младенецъ, бабка обмываетъ его и кладетъ подъ образа приговаривая:

«Будь мое дитятко счастливо и талантливое; будь мое дитятко губернаторша или чиновница, попадья или протопопица.» А если младенецъ мужескаго пола, то говоритъ: будь губернаторъ, или чиновникъ и пр.

б) Послѣ этого, бабка беретъ у матери повойникъ, кладетъ его на пупъ новорожденнаго, беретъ его въ зубы и говоритъ:

«Грызу я загрызаю двѣнадцать грыжъ: грыжу пуповую, грыжу путряную, грыжу сердцевую, грыжу шулятную.»

в) Послѣ родовъ бабка идетъ съ ребенкомъ и его матерью въ баню; въ банѣ беретъ кусочекъ хлѣба и говоритъ въ него слова

«Какъ на хлѣбъ-на соль и на камешокъ ничто не приходитъ, такъ бы и на рабицу божію (имя рекъ), ничто не приходило: не притчи, не прикосы, не озѣвы, не оговоры и никакія скорби. Поставлю я кругомъ тебя (родильницы) тынъ желѣзный отъ земли и до неба, отъ востоку до запада.»

Хлѣбъ этотъ кладется въ пазуху родильницѣ.

г) Въ банѣ бабка въ воду, въ которой будетъ мыть младенца, кладетъ три камешка, которые беретъ изъ избы, съ улицы и изъ бани, и говоритъ:

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа Какъ эти камешки спятъ и молчатъ, никогда не кричатъ, не ревятъ и ничего они не знаютъ, ни уроковъ, ни призору, ни озѣву, ни оговору и никакой скорби, такъ бы и у меня рабѣ божій младенецъ спалъ бы и молчалъ, никогда не кричалъ, не ревѣлъ и ничего бы онъ не зналъ: ни уроковъ, ни призору, ни озѣву, ни оговору и никакой скорби. Будьте мои слова плотно на плотно, крѣпко на крѣпко; къ моимъ словамъ ключь и замокъ и булатна печать.»

д) Часть воды бабка наливаетъ на каменку и говоритъ:

«Мою я младенца въ жару да въ пару, Какъ идетъ изъ каменки жаръ, изъ дымника паръ, изъ сѣней дымъ, такъ бы сходили съ раба божія всякія скорби и болѣзни.»

(Эти заклинанія записаны въ Шенкурскомъ у. Е. Ивановскимъ).

5 Отъ родимца.

а) У каждаго ребенка непремѣнно бываетъ болѣзнь названіемъ родимецъ. Всѣхъ же родимцевъ двѣнадцать. Они носятъ названіе по той части тѣла, которая болитъ у ребенка: родимецъ пуповой, сердцевой, внутренной, суставной, жиленой, костяной, волосяной, ножной, ручной, глазной, ревунъ и говорунъ.

Ребенка, подвергшагося родимцу, поятъ и моютъ водой, въ которую говорятъ слова:

«Грызу я загрызаю, уйму я унимаю на рабѣ божіемъ (имя рекъ), двѣнадцать родимцевъ (слѣдуетъ перечисленіе ихъ). Какъ мертвый отъ могилы не ворочается, такъ бы и на раба божія (имя рекъ) эти двѣнадцать родимцевъ никогда бы не ворочались, вѣки по вѣки, отнынѣ и до вѣка.»

(Записалъ Е. Ивановскій въ Шенкурскомъ у.)

6. Отъ ночницы, или полуночницы.

Ночницей, или полуночницей называется болѣзнь ребенка, признаки которой: безсонница, подошвы на ногахъ бываютъ блестящія, при этомъ ноги ребенка постоянно бываютъ въ движеніи. Крестьяне думаютъ, что эта болѣзнь происходитъ оттого, что миѳическія существа, ночницы, щекочутъ дѣтей подъ подошвы.

По зорѣ носятъ ребенка по улицѣ и, обращаясь къ зорѣ, приговариваютъ трижды:

«Зоря-зоряница! возьми безсонницу, безугомонницу, а дай намъ сонъ-угомонъ.»

(Записанъ въ г. Холмогорахъ).

7. Тоже.

Берутъ ножки ребенка, складываютъ вмѣстѣ, потомъ огаркомъ спички чертятъ крестъ на крестъ вдоль и поперегъ, приговаривая:

«Ариды и мариды, ариды и макариды, уймите и уговорите у раба божія N ночницу и полуночницу, чтобъ она вѣкъ не была и не щупала, вѣкъ по вѣку и отъ нынѣ до вѣку. Будь мои слова крѣпки и заговористы, и тѣмъ моимъ словамъ ключь и замокъ, во имя Отца и Сына и св. Духа.»

(Записалъ Огородниковъ въ Соломбалѣ).

8. Отъ полуношницы.

Берутъ больное дитя на руки, подымаютъ его вверхъ и трижды его ногами касаются матицы; при этомъ трижды плюютъ и приговариваютъ:

«Во имя О. и С. св. Д. Полуношница Анна Ивановна, по ночамъ не ходи, рабой божьей N. не буди! Вотъ тебѣ работа: днемъ играй пестомъ да ступой, а ночью матицей, вовѣки вѣковъ, аминь.»

(Записанъ въ г. Холмогорахъ).

9.

Въ банѣ трутъ ноги ребенка о потолокъ и говорятъ.

«Какъ эта матица съ потолочинами спитъ и молчитъ, никогда не кричитъ, не ревётъ; такъ и самой ребеночекъ спалъ бы и молчалъ, никогда не кричалъ, не ревѣлъ.»

(Записалъ Е. Ивановскій въ Шенкурскомъ у.)

10.

а) Если ночницы безпокоятъ младенца мальчика, то берутъ нарочно сдѣланные стрѣлку и лучокъ и, втыкая въ колыбель, приговариваютъ:

«Вотъ тебѣ стрѣлка и лучокъ; играй стрѣлкой и лучкомъ, а не нашимъ дитемъ!»

б) Если больна дѣвочка, то втыкаютъ прялку, кудель и вертено подъ матицу, со словами:

«Вотъ те прялка, кудешка и веретешко; пряди, а не дитемъ играй.»

(Записано въ г. Холмогорахъ).

11.

а) Больному мальчику кладутъ въ ноги топоръ со словами:

«Ночная полупочна, утренняя полуутренна, денная полуденна, вечерня полувечерня, не тѣшься моимъ младенцемъ, на тебѣ топоръ, сѣки и руби, отъ моего младенца отойди; дай моему младенцу спать и молчать, уснуть, умереть.»

б) Если дѣвушка, то кладутъ ей въ ноги прялку съ такими словами:

«Ночная полупочна, утренняя полуутренна, вечерня полувечерня, не тѣшься моимъ младенцемъ, на тебѣ прялку; сиди да приди (пряди), отъ моей дѣвушки отойди».

(Записано Е. Ивановскимъ въ Шенкурскомъ у.)

12. Для чистоты тѣла младенца.

Обливаютъ или окачиваютъ младенца водою, приговаривая: «Съ гоголя вода, съ младенца N. вся худоба! вода подъ полъ, младенецъ на полъ.»

Это дѣлается большею частью бабкой въ банѣ.

(Записалъ свящ. Ѳедоровъ въ с. Лисестровѣ, Архангельскаго уѣзда.)

13. Отъ чесотки.

Чесотку ребенка выводятъ такъ: мажутъ больное мѣсто сѣрой, смѣшанною съ сливками и дегтемъ; берутъ соръ изъ трехъ бань, пометъ курицы, листъ отъ чеснока, все это превращаютъ въ пепелъ, и мажутъ больное мѣсто. Или же берутъ однѣ сливки и говорятъ въ нихъ слова:

«Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Идетъ красна дѣвка съ сухимъ вѣникомъ, тушить, гасить банную нечисть, мокры коросты. Какъ у этого вѣника листки сухи, такъ были бы и коросты сухи; какъ у этого вѣника листки падутъ, такъ бы и чесотка спала.»

(Записалъ Е. Ивановскій въ Шенкурскомъ у.)

14. Отъ зубовъ.

Выпавшій зубъ дѣти бросаютъ въ то мѣсто, гдѣ есть мыши, съ приговоромъ:

«На тебѣ, мышка, рѣпной (зубъ), дай мнѣ костяной.»

(Шенкурскаго уѣзда).

15. Отъ дѣтской грыжи.

Повивальная бабка приговариваетъ: «Бабушка Соломонидушка у Пресвятой Богородицы грыжу заговаривала (или: заѣдала) мѣдными щеками, желѣзными зубами, такъ и я заговариваю у раба б. N.»

(Доставилъ священ. Ѳедоровъ изъ с. Лисестрова, Арханг. у.)

16. На грыжу.

Станетъ р. б. (имя рекъ) благословясь и пойдетъ перекрестясь изъ избы дверьми, изъ двора воротами и станетъ подъ восточную сторону и заглянетъ за тридевять земель и за тридевять морей. Тамъ есть вылѣтаетъ злать пѣтухъ, садится къ рабу б. N на голову и на темя, порхатъ и выпорхаетъ у р. б. N золотымъ своимъ крыльемъ и золотыма своима коктями вси грыжи и грыжухи, родовы и напускны, уросны и прикосны, улетаетъ у р. б. N изъ головы и съ темени; онъ уноситъ въ золотыхъ своихъ коктяхъ и въ золотомъ своемъ крыльи вси грыжи и грыжухи, родовы и напускны, уросни и прикосны, улетаетъ за тридевять земель и за тридевять морей. Въ томъ синемъ морѣ есть лютая змія, отдаваетъ злать пѣтухъ той лютой змѣи изъ своихъ золотыхъ коктей вси грыжи и грыжухи, та лютая пріѣдаетъ и прижираетъ, тѣмъ сыта пребываетъ. Во вѣки вѣковъ, аминь.

(Записано на Куръ-островѣ Холмог. у. помощ. миссіонера Батраковымъ).

17. Отъ грыжи.

Господи Боже благослови, Во имя О. и С. и св. Д. Есть море Окіянъ; въ томъ морѣ Окіянѣ есть бѣлой камень латырь, высота его 60 сажень, толщина его 60 сажень, поперекъ его 60 сажень: На томъ на камени латыри стоитъ хрустальный теремъ, въ томъ хрустальномъ терему стоитъ золотой стулъ, на томъ стулѣ сидитъ красная дѣвица, подпоясалась золотымъ поясомъ, подперлась золотымъ посохомъ. Государыня ты красная дѣвица, дай ты мнѣ р. б. и. грыжныхъ словъ добрыхъ, грызетъ у меня раба б. вотчину золотная грыжа, истовая грыжа, пуповая грыжа, мокрая грыжа, бѣлая гр., красная гр., родимая гр., привязанная гр., кила-грыжа, тазотеченная гр., отрочная гр., сердечная гр., десная гр., поясовая гр., водяная гр., кроваая гр., пригнойная гр., суставная гр., путренная гр., верхняя гр., ручная гр. и ножная грыжа. Грызетъ та грыжа вѣтха мѣсяца и молода мѣсяца и въ перекрой мѣсяца, по утреннимъ зорямъ и по вечернимъ зорямъ, и по всякой день и по всякой часъ и по всякое время. И возговоритъ красная дѣвица: ой еси грыжа, вошла еси ты въ р. б. N. въ вотчину щукою, и ты выйди изъ него окунемъ, и пойди къ бѣлому каменю, буди тамо до скончанія вѣка, да свей себѣ, грыжа, въ камени гнѣздо круглое, а не грызи ты у меня р. б. N ни крови, ни тѣла, ни костей, ни мозговъ, грызи себѣ злая грыжа у тридевять рѣкъ головы, а не ѣшь ты, злая грыжа у меня р. б. *N.* ни крови, ни тѣла, ни костей, ни мозговъ, грызи себѣ, злая грыжа, у тридевять горъ головы, а нѣшь ты у меня р. б. *N.* ни крови, ни тѣла, ни костей, ни мозговъ, грызи себѣ злая грыжа у тридевять древъ головы, а нѣшь у меня р. б. *N.* ни крови, ни тѣла, ни кости, ни мозговъ, грызи себѣ злая грыжа горькое древо осину, и нѣшь у меня р. б. *N.* ни крови, ни тѣла, ни костей, ни мозговъ отъ нынѣ и до вѣку и до гробовой доски, въ день и въ ночь по всякій часъ, аминь.

Указъ: говори трижды на сало ворванное, или на кислыя шти, или на матерно млеко, или на щучьи зубы, и мазать безъименнымъ перстомъ противъ того мѣста, гдѣ грызетъ.

(Изъ рукоп. статьи Ив. Костылева: Простонар. медицина въ Шенкур. у.).

18. Отъ грыжи.

Бабушка Соломонія мыла, парила раба б. *N*. въ парной байнѣ, заѣдала, загрызала и заговаривала грыжные грыжи у раба б. *N*. въ становой кости, въ пуповой жилы, въ рукахъ и ногахъ, заноготные и чипальные грыжи; не троньте и не грызите раба б. *N*. ни въ день, ни въ ночь, ни въ утреню зорю, ни въ вечерню, ни на нову, ни на ветху и ни на перекрою мѣсяцу. Пойдите грыжи изъ сѣньцей воротами, изъ байни дверьми, въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ есть сѣръ камень, грызите грыжи сѣрый камень. Во вѣки вѣковъ, аминь.

Три раза приговариваютъ и за каждымъ разомъ трижды сплевываютъ.

(Записано П. С. Ефименкомъ въ г. Онегѣ).

19. Отъ грыжи.

Говорить въ теплую воду, обданою на дресвѣ:

Господи Боже, благослови. Стану я рабъ божій Іоаннъ благословесь, пойду перекрестесь, изъ избы дверми, изъ двора воротами, пойду въ чистое поле; есть въ чистомъ полѣ акіянъ море и есть на акіанѣ-морѣ бѣлой камень, и есть подъ бѣлымъ каменемъ щука золотая и перье золотое и кости золотыя, и зубы золотыя, и приди щука къ рабу божію имяреку и выгрызи у р. б. имярека своими золотыми зубами грыжу вѣтряную, грыжу напущенную, грыжу жильную, грыжу костяную, сосновую грыжу, красную грыжу, мокрую грыжу, отъ отца грыжу, отъ матери грыжу, всякую бывающую, и спустись грыжа къ поясу и выйди мочью и шулятами на дресвянъ камень, и поживи три часа денныхъ, и пойди грыжа съ дресвяна камени на пустое мѣсто, въ темное мѣсто, гдѣ солнце не огрѣваетъ, гдѣ люди не ходятъ и не бываютъ, гдѣ птицы не летаютъ, гдѣ звѣри не заходятъ, и пойди грыжа за быстрыя рѣки и пойди грыжа за гремучіе ручьи, и когда будетъ Христово второе пришествіе, обратись грыжа вспять, тѣмъ словамъ во вѣки вѣковъ, аминь:

(Выписано изъ стариннаго сборника заклинаній).

20. Зубныя слова.

Стану я р. б., благословесь, пойду перекрестесь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами въ чистое поле, подъ восточную сторону, къ синему морю. И есть въ чистомъ полѣ подъ восточной стороной лежитъ бѣлодубова гробница, и есть въ той бѣлодубовой гробницѣ Іюня мертвецъ, и какъ у того Іюня мертвеца зубы не болятъ, мясо не пухнетъ, червь зубовъ не точитъ, такъ же бы у меня раба б. N зубы не болѣли, мясо не пухло и червь зубовъ не точила. Вѣкъ повѣки, отъ нынѣ и до вѣку. Будьте мои слова полны не договорны и не переговорны, которое слово учитель недоучилъ или самъ ученикъ позабылъ, то слово не отставай, въ тотъ же аминь приставай. Аминь.

(Изъ рукописнаго дѣла, доставленнаго изъ Шенкурскаго уѣзда: «Нарядъ Устьпаденскаго приказа о доставленіи въ Архангельскую уѣздную контору свѣдѣній для составленія этнографіи чиновникомъ особыхъ порученій г. товарища министра удѣловъ, 8 апрѣля 1847 года»).

21. Отъ зубной боли.

Если у какого человѣка болятъ зубы, то берутъ щепотки въ соль и кладутъ на зубы.

Стану я р. б. N благословесь, пойду перекрестесь изъ избы дверьми; изъ двора воротами въ чистое поле задворами въ восточную сторону, по пути же мнѣ святые Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ, на супротивъ ихъ въ синемъ окіянѣ морѣ плаваетъ утоплой мертваго человѣка трупъ, а по-подъ ясному небу летитъ ясной соколъ, и спрашиваютъ св. Авраамъ, Исаакъ и Яковъ: что ты утоплой мертваго человѣка трупъ, не болятъ ли у тебя зубы, не шипятъ ли щоки, не гнилетъ ли алаковъ? Отвѣтъ имъ держитъ мертвой трупъ съ синяго моря: св. Авраамъ, Исаакъ и Яковъ, у мертваго человѣка не болятъ зубы, не шипитъ щокъ и не грызетъ алаковъ, а у яснаго сокола не пришеваютъ губы, такъ же у р. б. N не болѣли бы зубы, не шипѣли бы щоки, не пришевели губы и не грызло бы алаковъ, вѣкъ по вѣку отъ нынѣ до вѣку. Будьте мои слова крѣпки, какъ камень на водѣ и на землѣ на хлѣбѣ и соли. Всѣмъ моимъ добрымъ словамъ небо ключъ земля замокъ, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь.

(Нарядъ Устьпад. удѣльн. приказа о доставл. въ Арх. Удѣл. Конт. этногр. свѣдѣній 1847 г. за № 60.)

22. Отъ зубной боли.

Берутъ листокъ луку и говорятъ въ него: «Стану я рабица божія (имя рекъ), благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы двермы, изъ двора воротами, въ чисто поле задворами, въ восточную сторону. Въ восточной сторонѣ стоитъ Лазарева церковь, въ Лазаревой церкви, на средней лавкѣ, стоитъ дубовая гробница; въ боду-

вой гробницѣ лежитъ Иванъ мертвецъ. У Ивана мертвеца не болѣла голова, не щимило зубы, не ломило кости, вѣка по вѣки отъ нынѣ до вѣка. Такъ бы и у р. б. (имярекъ) не болѣла голова, не щипило зубы, не ломило кости вѣки по вѣки, отъ нынѣ до вѣки. Будьте мои слова плотно на плотно, крѣпко на крѣпко, къ моимъ словамъ ключь и замокъ булатна печать.»

Лукъ кладется на больной зубъ.

(Записалъ Е. Ивановскій въ Шенкурскомъ у.).

23. Отъ зубной болѣзни.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь. Стану я, рабъ божій им., до сходъ солнца, стану благословесь, и пойду перекрестесь; выйду въ чистое поле, въ широко роздолье. Въ чистомъ полѣ, въ широкомъ раздольѣ лежитъ бѣлый камень Латырь. Подъ тѣмъ бѣлымъ камнемъ лежитъ убогой Лазарь. То я, рабъ божій им., спрошу убогаго Лазаря:-не болятъ ли у тебя зубы, не шепитъ ли щоки, не ломитъ ли кости.—И отвѣтъ держитъ убогой Лазарь: «рабъ божій имя рекъ, не болятъ у меня зубы, не шепитъ щоки, не ломитъ кости.» Такъ бы у меня раба божія им. не болѣли бы зубы, не шепило бы щеки, не ломило бы кости, въ день при солнцѣ, ночью при мѣсяцѣ, на утреней зори, на вечерней зори, на всякъ день, на всякъ часъ, на всякое время. Тѣмъ моимъ словамъ ключь и замокъ: во имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь.

(Заимствована изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ г. Шенкурска).

24. Отъ зубной боли.

Во имя О. и С. и Св. Д. Аминь! Мѣсяцъ Генваръ (или другой, тотъ, въ который произносится заговоръ). Спрашивалъ я, р. б., N. у Ивана Богослова: болятъ ли у мертвыхъ зубы? Іоаннъ Богословъ спрашивалъ у Самаго Истиннаго Христа: болятъ ли у мертвыхъ зубы? Рече ему Истинный Христосъ: не болятъ у мертвыхъ зубы до втораго святаго пришествія Христова. Также не болѣли бы и р. б. N. до втораго святаго пришествія Христова.

(Доставилъ П. А. Ивановъ изъ г. Пинеги).

25. Слова зубныя.

Говорить въ соль, вино, воду и пр.

Во имя Отца и Сына Св. Духа. Стану я, рабъ божей имя рекъ, благословесь слова говорить: самъ Господь Іисусъ Христосъ поди на помощь, явися Маій мѣсяцъ, восходитъ высоко и видитъ далеко въ чистомъ полѣ мертвыхъ много. Какъ у мертвыхъ зубы не болятъ, такъ бы у меня, раба божія имя рекъ, зубы не ныли и неунывали, черви не точили и не подтачивали. Какъ мертвый не слышитъ въ себѣ ни скорби, ни болѣзни, такъ бы я, рабъ божей имя рекъ, не слышалъ ни скорби, ни болѣзни, ни опухоли, ни щепоты, ни уразу отъ всякаго зла и лиха человѣка вся крѣпость Св. Духа, аминь, аминь, аминь.

(Изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги, Холмогор. у.)

26. Отъ зубной боли.

Стану я рабъ б. N. благословясь, выйду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротми. Выйду я на широкую улицу, посмотрю и погляжу на младъ свѣтелъ мѣсяцъ: въ томъ младу мѣсяцу два брата родные, Кавель (sic) да Авель, какъ у нихъ зубы не болятъ и не шипятъ, такъ бы у меня раба. б. N. не болѣли и нещипѣли.

(Записано въ г. Холмогорахъ.)

27. Отъ зубной боли.

Четыре сестрицы Захарій да Манарій, сестра Дарья да Марья, да сестра Ульянѣя, сами говорили, чтобы у раба б. N. щеки не пухли, зубы не болѣли, вѣкъ по вѣку и отъ нынѣ до вѣку,—тѣмъ моимъ словамъ ключъ и замокъ: ключь въ воду, а замокъ въ гору.

Наговариваютъ на воду, которую потомъ и выпиваютъ.

(Записалъ г. Огородниковъ. См. Труды Арх. Ст. К. 1865, стр. 41.)

28. Отъ зубной боли.

Взять три корешка земляники, пустить въ воду и сказать три раза: «Какъ земляника эта засыхаетъ и завядаетъ, такъ чтобы и у раба б. N. зубы замирали и занѣмѣли, чтобы черви и пути занѣмѣли, по сей день, по сей часъ.» Положить корешки на зубъ, а воду пить.

(Доставилъ П. А. Ивановъ изъ г. Пинеги.)

29. Отъ зубной боли.

Говорить три раза на вино:

Яостъ есть островъ, Яостъ полонъ людей, венъ при своей простотѣ, и хвалитца Арханъ на Русь побывать и Русь (воевать?)-И молюся, я рабъ божій имярекъ, Пречистой Богородицы, чтобы Архану царю на Руси не бывать, Русь не воевать; такъ бы у меня, раба божія имя

рекъ, зубному недугу не бывать, щекамъ не пухнуть, зубамъ не болѣть, въ полнѣ мѣсяцѣ и въ ущерби мѣсяцъ. Моимъ словамъ небо и земля ключь и замокъ, аминь, аминь, аминь.

(Изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги, Холмогорскаго у.)

30. Отъ ячменя.

Господи благослови! Солнце на западъ, день на исходъ, сучекъ на глазу на изводъ, самъ пропадетъ, какъ чело *) почернѣетъ. Ключъ и замокъ словамъ моимъ.

Смачиваютъ указательный палецъ слюною, и мажутъ имъ больной глазъ, приговаривая на палецъ три раза слова заговора.

(Записалъ г. Огородниковъ. См. труды Арх. ст. ком. за 1865 г., стр. 44.)

31. Отъ сучьяго сучка.

Воспаленіе глазнаго вѣка (сучій сучекъ) лечатъ искрами, высѣкаемыми изъ огнива прямо на больной глазъ. Искры высѣкаетъ на вечерней зорѣ старшій или младшій въ семействѣ. Больной спрашиваетъ: «что сѣчешь?» Ему отвѣчаютъ. «Огонь огнемъ засѣкаю рабу Б. Н.» Больной опять говоритъ: «сѣки горазне, чтобы въ вѣкъ не было!» Это повторяется три раза.

(Карм. кн. для любит. землев. изд. Рус. Геогр. Общ. 1848 г. Извл. изъ замѣт. о новѣр. и суев. жит. Арх. г., Верещагина стр. 312—320.)

32. Отъ боли глазъ съ озѣву.

Когда кто укоритъ другого какимъ либо недостаткомъ глазъ, съ пожеланіемъ еще худшаго, и если укоренный подумаетъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ не случилось съ нимъ этого, тогда непремѣнно явится боль въ глазахъ. Отъ такой боли моютъ глаза водой, въ которую наговариваютъ:

«Сама себя озѣвала, сама себя окоркала, сама себѣ и пособлю.»

(Записалъ Е. Ивановскій въ Шенкурскомъ у.)

33 Отъ боли въ ушахъ.

Прикладываютъ дитя къ угловому кресту у избы, образующемуся изъ древесной сѣры, отъ дѣйствія жара, и говорятъ:

«Уголъ рубленъ и крестъ дубовъ. У того креста не болѣло, не щипѣло и уха не вертѣло; и такъ бы у раба Б. Н. не болѣло, не щипѣло и уха не вертѣло, ни въ день, ни въ ночь, ни въ утренню зорю, ни въ вечерню, ни на нову, ни на вѣтру, и ни на перекрою мѣсяцу Вовѣки вѣковъ, аминь.»

(Записано П. С. Ефименкомъ въ Холмогорахъ.)

34. Утинъ прискать.

Утинъ, или спинную боль лѣчатъ, преимущественно старухи, слѣдующимъ образомъ: больной лежитъ ницъ черезъ порогъ и когда онъ такъ ляжетъ, лѣкарка-старуха кладетъ на спину его вѣникъ (листоватикъ) и ударяетъ по немъ остріемъ топора. Послѣ каждаго удара топоромъ, больной спрашиваетъ: — что сѣчешь? «Утинъ сѣку!» Отвѣчаетъ лѣкарка.—Сѣки крѣпче!—говоритъ больной. Это повторяется до трехъ разъ. Вѣникъ, лежащій на спинѣ больнаго утиномъ, выносится имъ на улицу и бросается на отмашку.

(Доставилъ священникъ Макаровъ изъ Шенкур. у.)

35. Слова-заговоръ косить (чтобъ не болѣла спина).

Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Стану я, рабъ божій имя рекъ, благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, выйду въ чистое поле, и въ зеленые луга; и какъ ростетъ въ зеленыхъ лугахъ трава и отъ Божей милости и отъ вѣтра колыбаетца и шатаитца и сгибаитца и не чуетъ въ себѣ никакія скорби и не болѣзни, также бы мнѣ, рабу божію имя рекъ, косою траву косилъ, шаталсе изгибалсе и не чюлъ бы въ себѣ устатку и въ спины своей никакія скорби и не болѣзни; и сколько оная трава шатаитце отъ вѣтра и отъ всякой милости Божіей и не чуетъ никакого въ себѣ устатку и болѣзни, также бы мнѣ, рабу божію имя рекъ, сколько бы не косилъ и нечулъ бы въ себѣ и въ спины своей никакія болѣзни, не скорби и не устатку отъ нынѣ и до вѣку и до втораго Христова пришествія; и тутъ моимъ словамъ ключь и замокъ, ключь въ мори, языкъ въ роти. Во имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь, аминь, аминь.

(Изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги. Холмог у.)

36. Противъ безсилія.

а) Во имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь. Есть святое якіянъ море, на томъ святомъ яніянъ море

*) Устье печи, откуда пламя и дымъ идутъ въ трубу.

есть стоитъ островъ, на томъ острову стоитъ дубъ булагкой, у того дуба булатнаго корени булатные, сучье булатное, вершина булатная; кругъ того дубу булатнаго вѣтромъ не согнетъ, вехоремъ не сломитъ, такъ бы у меня раба божія имя рекъ, стояли семьдесятъ жилъ и единая жила... на женекой лихъ, на красныя дѣвицы, на старыя бабы, на молодыя молодицы, на сивыя кобылицы. Еще же подъ тѣмъ булатнымъ дубомъ кузовъ ярости и юности, и азъ, рабъ божій имя рекъ, возьму кузовъ ярости и юности, распущу ярость и юность на раба божія имя рекъ, въ ретивое сердце, въ 77 жилъ, въ едину жилу сердечную и въ единую жилу... Еще же на верху булатнаго дуба сидитъ веселая птица пѣтухъ, ставаетъ рано, голову дымаетъ и поетъ весело, столь же бы стояли у раба божія имрекъ, 77 жилъ и едина жила... ставали бы рано на женской полкъ и на мужской, на молодыя молодицы, на красныя дѣвицы, на старыя бабы; и злаго человѣка порчельника, кто на меня зло думаетъ и мыслитъ, ударь его коленки о камень, убей его; у меня, раба божія им., стали 70 жилъ и едина жила... стали лучше стараго, хоробрѣе прежняго, что турей рогъ, что еловой сухъ, толь бы тотъ рабъ божій имр., пылокъ и ярокъ на женскую похоть, на полое мѣсто, во вѣки вѣковъ, аминь.

б) Господи Боже, благослови Отче. Во имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь. И пойду въ чистое поле и помолюся Истинному Христу Царю Небесному, и какъ стоитъ путъ желѣзный, жерновной не тряхнется, не ворохнется, не пошатается, такъ бы у раба божія имр., стояли 70 жилъ и едина жила... 70 суставовъ противъ полого мѣста противъ женскія, не погнулся бы, не ворохнулся бы, не пошатался. И какъ стоитъ желѣзное долото не сломится, не тряхнется; такъ бы у меня раба божія имр., 70 жилъ и едина жила... 70 суставовъ противъ полого мѣста, противъ женскія. Какъ стоитъ... острога не тряхнется, не ворохнется, не пошатается, такъ же бы стояли 70 жилъ и едина жила... 70 суставовъ противъ полого мѣста, противъ женскія, противъ нечистой и поганой, не тряхнулся бы, не ворохнулся бы, не пошатался бы, всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

Говорить трижды въ воду чистую, испить не много, достальною обкатиться въ бани на парное тѣло.

в) Во имя отца и сына и Св. Духа аминь. Есть окіанъ море, на пуповинѣ морской лежитъ Латырь камень, на томъ Латырѣ камени стоитъ булатной дубъ и вѣтвіе и корень булатной. Коль тотъ булатной дубъ стоитъ крѣпко и плотно, столь бы крѣпко и плотно столлъ бѣлой... ярый... п. ...ная жила на женскую похоть, на полое мѣсто. Изъ подъ того камени выходитъ быкъ порозъ, булатны рога и копыта булатныя, и ходитъ около дуба булатнаго и тотъ дубъ бодетъ и толкаетъ и не можетъ того дуба сломить и повалить. Сколь тотъ крѣпко булатной дубъ стоитъ и сколь крѣпки рога у пороза, столь бы крѣпко стояла ярая п. ...ная жила на женскую похоть, на полое мѣсто. Изъ подъ того Латыри камени вылетаетъ пѣтухъ, съ ними вылетаетъ триденять куриць, и онъ пѣтухъ на тридевять куриць топчетъ и скачетъ пылко и ярко, сколь тотъ пѣтухъ пылокъ и ярокъ, столь бы тотъ рабъ божій имр., пылокъ и ярокъ на женскую похоть, на полое мѣсто, во вѣки вѣковъ, аминь.

(Списано со старинной рукописи, доставленной кр. Дохтуровымъ изъ с. Ракузы. Холмогор. у.)

37. Отъ стрѣлъ.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа аминь. Не отъ вѣтра не отъ вихоря пришла сія стрѣла въ раба Б. N, и выходи сія стрѣла изъ раба б. N на укладъ, на желѣзо и на масло, тенесь, не ломись и не рвись. Всегда, нынѣ и присно и вовѣки вѣковъ, аминь.

(Извлено изъ старинной рукописи въ с. Ворзогорахъ, Онежск. уѣз.)

38. Аще у кого сердце болитъ.

Говорить трижды:

Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Ѣдетъ мертвъ въ полѣ, и рече ему: «далече ли, друже, ѣдешь?» Ѣду за море на красныя дѣвицы, на бумажныя перины; тамо мертвые наши веселятся, сердца у нихъ ни болятъ, ни шипятъ, ни о чемъ не тоскуютъ; — и тако бы у раба Божія им рекъ, сердце на болѣло, не шепило, ни о чемъ не тужило. Сколь скоро сіе слово измѣнится, столь скоро и борзо у имя река сердечная тоска болѣзнь измѣнилась, вовѣки вѣковъ, аминь.

(Изъ стариннаго рукописнаго лѣчебника доставленнаго изъ с. Пингишей, Холмогор. уѣз. свящ. А. Колчинымъ).

39. Отъ трясцы.

Писать по ровну на бумаги три имена:

Анфака, Іугалы, Ѳатутей.

(Изъ стариннаго лѣчебника, доставленнаго свящ. А. Колчинымъ изъ села Пингишей, Холмогор. у.).

40. Отъ лихорадки, или дрожжалки.

Больной, если хватитъ силы, идетъ въ лѣсъ, находитъ осину, кланяется ей и говоритъ:

«Осина, осина, возьми мою тресину, дай мнѣ леготу!»

Послѣ этого перевязываетъ осину своимъ поясомъ.

(Записалъ Е. Ивановскій въ Шенкурскомъ у.).

41. Отъ лихорадки.

На морѣ на окіянѣ, на островѣ на Буянѣ, лежитъ камень алтырь. На томъ каминѣ сидятъ три старца съ желѣзными прутьями. Идутъ къ нимъ на встрѣчу 12 сестеръ лихорадокъ.—Вы, куда идете грѣшныя, окаянныя, проклятыя?—«Идемъ въ міръ, у людей кости ломать да силу вынимать». — Воротитесь грѣшныя, проклятыя, окаянныя. — «Мы тогда воротимся, когда эти слова будутъ всѣ знать, да по три раза въ годъ читать».

(Доставилъ П. А. Ивановъ изъ г. Пинеги).

42. Отъ лихорадки.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь. При морѣ Чермномъ стоитъ столбъ каменный и всѣ тутъ стоятъ 4 евангелиста, Іоаннъ Богословъ, Лука, Матвѣй и Маркъ, и Ангелы Христовы, сами ѣдятъ на море. И вышедъ изъ моря 12 женъ сестръ простовласыхъ и окаянныхъ видѣніемъ и вопросиша ихъ святые Отцы и Ангелы: что вы за жены окаянныя видѣніемъ? куда идете? Онѣ же отвѣщаша, что идемъ искати и мучити рода человѣческа. Они же начаша ихъ самихъ мучити и давати имъ по 300 ранъ по хребтамъ ихъ. И начаша окаянныя видѣніемъ молиться: Господіе, ослабите намъ, и гдѣ заслышимъ имена ваша святія, то отъ того человѣка, раба Божія, бѣжимъ прочь за семь поприщъ. И вопросиша ихъ святые отцы и Ангели Христовы, что суть имена ваша? Онѣ же окаянныя сказаша имена своя: мы дщери Ирода царя, а зовутъ насъ трясовицами, а имена наша: 1. Кашея, 2. Овена, 3. Каса, 4. Орыста, 5. Оледья, 6. Ломея, 7. Кашлея, 8. Горлея, 9. Пухлея, 10. Вертея, 11. Желтица, 12. Горница. И рекоша имъ Святіи Отцы и Ангели Христовы: съ нами Богъ, и гдѣ заслышите имена наша святія и молитвы Іисуса Христа, то отъ того человѣка, раба Божія, бѣжите прочь въ крутыя горы, на семь рабѣ Божіемъ (имярекъ) Христово знаменіе, крестъ хранитель всея вселенныя, крестъ красота церкви, крестъ царямъ держава, крестъ вѣрнымъ утвержденіе, крестъ Ангеламъ слава, крестъ демонамъ язва, крестъ прогонитель бѣсовъ, огневицъ, трясовицъ, и утреннихъ костоломныхъ жильныхъ корчуневъ, крестъ избавляетъ всякаго человѣка вѣрующаго въ него. Аминь. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Рече Ангелъ Господень: Заклинаю васъ, окаянныхъ, грозными воеводами Михаиломъ и Гавріиломъ Архангелами и Святыми Апостолами и Евангелистами, Іоанномъ Богословомъ, Луною, Матвѣемъ и Маркомъ, и преподобнымъ Сисиніемъ, всѣхъ огневицъ, трясовицъ и утреннихъ костоломныхъ жильныхъ корчуневъ, да не прикоснется къ сему рабу божію (имярекъ). Аминь. Да воскреснетъ Богъ (говорить до конца). Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Въ началѣ бѣ слово и слово бѣ къ Богу и Богъ бѣ слово. Сей бѣ искони Богу, вся тѣмъ быша, и безъ него ничтоже бысть, еже бысть. Аминь. Крестъ хранитель всея вселенныя, крестъ красота церкви, крестъ царямъ держава, крестъ вѣрнымъ утвержденіе, крестъ Ангеламъ слава, крестъ демонамъ язва, крестъ прогонитель бѣсовъ, огневицъ, трясовицъ и утреннихъ костоломныхъ жильныхъ корчуневъ. Аминь. О, великій пророче Предтеча и крестителю Господень Іоаннъ и Святіи Апостоли, Христовые Евангелисты, Іоаннъ Богословъ, Лука, Матвѣй и Марко, и Святіи Архистратизи Божіи Михайле и Гавріиле и Святіи Козьма и Демьяне и Святіи 9-ть мученикъ и преподобный отецъ Сесиніи и всѣ Святіи, избавите сего раба божія (имярекъ), отъ всякой болѣзни, отъ лихорадки, огневицъ, трясавицъ и утреннихъ костоломныхъ жильныхъ корчуневъ и изжените изъ сего раба божія (имярекъ), изнутри и живота и сердца его. Аминь.

Стихъ сей прочитать трижды передъ иконою надъ водой и потомъ этой водой вымыть больнаго и напоить и потомъ будетъ здравъ.

(Списано П. С. Ефименкомъ со старинной рукописи).

43. Отъ трясавицы.

а) Напиши на служащеи просфорѣ, дай ясти болному сію молитву.

Во имя Отца и Сына, и Св. Духа. Яко же святіи Аркадій укроти львы въ пустыни, тако и ты, Господи, укроти трясавицу сію въ рабѣ божіемъ имя рекъ, всегда, нынѣ и присно, и во вѣки, вѣковъ, аминь.

б) Молитву вторую напиши на бумагѣ, которую, когда болящій выноситъ три дня, сжечь, и тотъ пепелъ выпить, растворя святою водою:

Шедшу святому Сисенію отъ горы Синайскія, обрѣте бѣсица, имуща очи разжены и руце желѣзны и власы верблюжіе, и рече си святій Сисеній: — гдѣ идешь

нечистыя душе и откуду еси? — Она же отвѣща ему и рече: «азъ иду юность женску изсушити, млеко остановити, а младенцы погубити, очи возвратити человѣкомъ, а другіе родятъ глухи и нѣми, и погублю во чревѣ матернемъ.» Тогда помолися святій Сисеній Господу Богу, и предста ему святій архангелъ Михаилъ, ухвати ея, вкова десною рукою своею, и рече ей:— аще ми не кленешися, не отъидешь отъ руки моея,— она же клятся ему и рече тако: «мышца великаго Бога и непоколеблемая, яко не имать ти солгати, да аще кто можетъ начитати двинадесять именъ мбихъ, не имамъ приближитись къ тому человѣку, ни къ дому его, а имена моя 1-е Вящица, 2-е Бѣсица, 3-е Преображница, 4-е Убійца, 5-е Елина, 6-е Полобляющая, 7-я Имарто, 8-я Арія, 9-я Изѣдущая, 10-я Негризущая, 11-я Голяда, 12-я Налукія». И рече ей архангелъ Михаилъ:—заклинаю, проклятая сатано, Іисусъ Христомъ, Сыномъ Маріинымъ, той изгонитъ трисавицу отъ р. б. им. и отъ дому его, молитвами и заступленіемъ честнихъ небесныхъ силъ, безплотнихъ, и святія причистія преблагословенія Владичицы нашеи Богородицы и Приснодѣвы Маріи и святаго великомученика и побѣдоносца Георгія и всѣхъ святыхъ молитвами; оставися трясавица отъ р. б. им. Во имя Отцы и Сына и Св. Духа. Аминь.

(Списано П. С. Ефименкомъ со старинной рукописи въ Холмогорахъ.)

44. Списокъ о трясавицахъ.

Сей списокъ на пользу всякому православному христіанину отъ болѣзней трисавицъ.

Когда бываетъ у человѣка лихорадка, тогда надобно говорить надъ больнымъ человѣкомъ трижды, и говорить въ крещенскую канунскую воду, и крестъ или распятіе въ тужъ воду положить, и глаголя молитву сію:

Въ пречестномъ святомъ Окіянѣ морѣ стоитъ столбъ, на томъ столбѣ камень, и на томъ камени святый отецъ Сисиній, и узрѣ на морѣ видѣніе: возмутися вода до облакъ, изыдоша изъ моря 12 дѣвокъ простоволосыхъ и безпоясыхъ, и видѣніе ихъ діавольское. И спроситъ у нихъ святый отецъ Сисиній:—что вы за дѣвы?—Они отвѣчаютъ ему, окаянныи діаволѣ: «мы есть трясавицы, отца Филипа, брата Иродова, дщери, которой снялъ главу вашего Іоанна Предтечи. И рече имъ отецъ Сисиній:—почто вы пришли и куда идите?— Они же рѣша: «изъ рода христіанскаго людей мучити, аще кто зло творитъ и клевещетъ, безмѣрно упивается виномъ и объядается, заутрени просыпаетъ, обѣдни прогуливаетъ, мы тѣхъ добираемся и мучимъ немилостиво; они есть угодницы наши».

И поча молится, Господу Богу и Отцу святый отецъ Сисиній: Господи, избави родъ христіанскій, сихъ діаволѣй. И послалъ Господь три архангела: Михаила, Сихаила и Акноса, и четырехъ евангелистовъ: Луку, Марка, Матфея, Іоанна Богослова; и повеле ихъ окаянныхъ мучити и бити трема прутами желѣзными, по хребту и по чреву и по всему тѣлу, и даша по три тысячи ударовъ на каждый день; они же возмолишася: помилуйте ны святыя отецъ Сисиній и три архангела Михаилъ, Сихаилъ, Акносъ, помилуйте родъ христіанскій и рече окаянныи діаволѣ: «Господи и угодниче божій! гдѣ мы васъ заслышимъ, въ которомъ городѣ или страны, то мы того города или страны станемъ боятся и побѣжимъ отъ васъ за сто верстъ, и къ тому человѣку болѣе не придемъ.» Испросивъ у нихъ святый отецъ Сисиній и Михаилъ, Сихаилъ, Акносъ, какія ваши имена окаянныи діаволѣ.

Они же рѣша:

1-я рече: имя мнѣ Тресѣя.

2-я рече: имя мнѣ Огнія кипучая, какъ въ печи смольнима дровами сжгу человѣка.

3-я рече: имя мнѣ Недра, знобитъ человѣка, не можетъ онъ и въ печи согрѣтися.

4-я рече: имя мнѣ Ломѣя, ложиться на грудяхъ и подъ грудями и збираетъ у человѣка утробу, всю перемутитъ.

5-я рече: имя мнѣ Уема губилиа, та ложится у человѣка въ грудяхъ, у сердца и находитъ хрепотой.

6-я рече: имя мнѣ Оглухица, уши затыкаетъ и голову ломитъ, ежели проминуетъ годъ, тотъ человѣкъ навѣчно будетъ глухъ.

7-я рече: имя мнѣ Томея; та человѣка такъ ломитъ, какъ буря сухое дерево.

8-я рече: имя мнѣ Пухея, та у человѣка плечи и утробу пушитъ.

9-я рече: имя мнѣ Желтѣя, тогда человѣкъ бываетъ желтъ, какъ въ куриномъ яйцѣ желтокъ.

10-я рече: имя мнѣ Окоркуща, та всѣхъ злѣе и проклятѣе, избираетъ ручныя и ножныя жилы, влечетъ.

11-я рече: имя мнѣ Гладея, та человѣку въ ночи спать не даетъ, бѣси приступаютъ и съ умомъ раздѣляютъ.

12-я рече: имя мнѣ Невея, сестра большая и старшая

трясавица, при усѣкновеніи честныя главы Предтечи несла главу на блюдѣ и всѣхъ зляе и проклятѣе, къ которому человѣку пристанетъ, тотъ не можетъ живъ быть.

Молитва надъ болящимъ человѣкомъ подобаетъ говорить въ канунъ-крещенскую воду священнику или простому мірянину:

Крестъ хранитель всея вселенныя; крестъ красота церквѣ; крестъ царемъ державы, крестъ ангеломъ слава, а діаволамъ язва. Во имя О. и С. и св. Д., аминь. Окаянныя трясавицы заклинаю васъ святымъ отцомъ Сисиніемъ и тремя архангелами: Михаиломъ и Сихаиломъ Акносомъ и четырьмя евангелистами: Лукою, Маркомъ Матфѣемъ, Іоанномъ Богословомъ.

Ты еси окаянная Тресея,
Ты еси окаянная Огнія,
Ты еси окаянная Недра,
Ты еси окаянная Ломѣя,
Ты еси окаянная Усма,
Ты еси окаянная Оглухица,
Ты еси окаянная Томея,
Ты еси окаянная Пухея,
Ты еси окаянная Желтѣя,
Ты еси окаянная Окорюша,
Ты еси окаянная Гладѣя,

Ты еси окаянная Невѣя, сестра большая и старшая трясавица,—заклинаю васъ святымъ отцемъ Сисиніемъ и тремя архангелами Михаиломъ, Сихаиломъ и Акносомъ и четырьмя евангелистами, Лукою, Маркомъ, Матѣемъ и Іоанномъ Богословомъ, и святыми безсребренниками Козмою и Даміаномъ, и страстотерпцемъ Георгіемъ побѣдоносцемъ, Димитріемъ мироточцемъ Артемономъ священномученикомъ. И побѣжите вы окаянныя діяволѣ прочь отъ раба или рабы божія (имя рекъ), и призову на васъ святыхъ отцовъ Сисинія и Михаила и Сихаила и Акноса и четырехъ евангелистовъ: Луку, Марка, Матѣя и Іоанна Богослова, и начнутъ они васъ мучити и бити прутами желѣзными немилостиво и давати вамъ окаяннымъ по три тысячи ударовъ пруги желѣзными на каждый день, во вѣки, аминь.

И пей канунъ-крещенскую воду и глаголи молитву Исусову: Господи Исусе Христе, Сынѣ Божій, помилуй мя грѣшнаго.

(Изъ старинной рукописи, доставленной помощникомъ миссіонера Батраковымъ, изъ с. Ухтострова, Холмог. у.).

45. Молитва кресту отъ болѣзней.

Въ близкомъ къ этому заклинанію варіантѣ, списанномъ П. С. Ефименкомъ изъ старинной рукописи, полученной изъ г. Шенкурска, помѣщена слѣдующая молитва кресту:

Крестъ хранитель всеа вселенныя, крестъ красота церковная, крестъ царемъ держава, крестъ вѣрнымъ утвержденіе, крестъ ангеломъ слава, крестъ бѣсамъ язва, крестъ человѣкомъ хранитель, крестъ рабу божію (имя рекъ) отъ бѣсовскія болѣзни избавленіе: отъ мимохода и отъ черной трясавицы и отъ икоты, отъ грыжи отъ всякія, и отъ шепоты, или кто съ ума собредетъ и на свадьбу ѣхать; крестъ на главѣ и на очехъ, и на сердцѣ, и на рукахъ, и на ногахъ, и въ шеи, и въ плечахъ, и въ колѣняхъ, и во утробѣ и на всѣхъ 72 суставахъ и во всѣхъ 72 жилахъ нашихъ.. .. Евангелисты Матфей, Марко, Лука, Іоаннъ Богословъ дающе вамъ всѣмъ: мимоходѣ, икотѣ, трясцы и грыжи, свадебныя порчи, призоры и оговоры, всякому нечистому духу по четыре тысячи ранъ на всякій день и по другой тысячи на ночь, прогоняемъ васъ черную мимоходу, икоту и трясцу, и грыжу, и всякую порчу, уроки, прикосы, оговоры и всякія находныя и наводныя, и напущенныя, и всякую порчу, тяготы и позевоты, тоску, сухоту со всѣми нечистыми духи: идите вы, окаянные, проклятые со всѣми болѣзнями своими яко отцу своему сатанѣ на западъ, и подите въ тартарары, отпалиливый (отпали ли вы?) есте славы божія отъ Сына; на мнѣ рабѣ божіи опочиваютъ силы Господа и Спаса нашего Іисуса Христа; крестная сила ангелъ хранитель, котораго далъ Господь Богъ отъ святаго крещенія, на всякъ день и ночь, на всякій часъ, на сохраненіе наше, и будетъ благость божія на рабѣ божіи имя рекъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь. (Оттуда же).

46. Молитвы отъ двѣнадцати трясавицъ и лихорадокъ.

По обычномъ началѣ глаголемъ первѣе:

За молитвъ святыхъ отецъ нашихъ, Господи Іисусе Христе, сынѣ Божіе, помилуй насъ, аминь. Трисвятое и по Отче нашъ. Господи помилуй, 12. Слава и нынѣ. Пріидите поклонимся Цареви нашему Богу, поклонъ. Пріидите поклонимся Хр. Ц. и Б. нашему, поклонъ Пріидите поклонимся и припадемъ къ самому Г. Іисусу Хр. Ц. и Б. и.. поклонъ.

Молитва Кресту. Да воскреснетъ Богъ и разойдуца врази Его, (до конца).

а) Молитва на всяку немощь:

Владыко Вседержителю, врачу душъ и тѣлесъ, смиряй и возносяй, наказуяй и паки исцѣляяй, исцѣли раба твоего имярекъ, немощьствуща, посѣти милостію твоею, простри мышцу твою исполнену исцѣленія и врачбы, исцѣли его, возставляя его отъ одра немощи, запрети духу немощи, отстави отъ него всяку язю, всяку рану, всяку огневицу и трясавицу, аще въ немъ есть согрѣшеніе или беззаконіе, ослаби, остави, прости твоего раба ради твоего человѣколюбія. Ей Господи, пощади созданіе твое, во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, съ нимъ благословенъ еси съ пресвятымъ и благимъ и животворящимъ твоимъ Духомъ и нынѣ, и присно, и вовѣки, вѣковъ, аминь.

б) Молитва св. архангелу Михаилу:

Господи Боже великій, царю безначальный, пошли, Господи, архангела своего Михаила на помощь рабу твоему имярекъ, и защити мя отъ враговъ моихъ, видимыхъ и невидимыхъ. О, Господень великій архангеле Михаиле, изволи мира благаго на раба твоего имярекъ. О, Господень великіи архангеле Михаиле, демоновъ сокрушителю, запрети всѣмъ врагамъ борющимся со мною, сотвори ихъ яко овцы и сокруши ихъ яко прахъ предъ лицомъ вѣтра. О, Господень великіи архангеле Михаиле, первый княже и воевода небесныхъ силъ херувимовъ и серафимовъ и всѣхъ святыхъ, о, чюдный архангеле Михаиле, хранителю не изреченный, буди ми помощникъ во всемъ: въ обидахъ, въ скорбѣхъ и печалѣхъ, въ пустыняхъ, на моряхъ и на рѣкахъ, тихое пристанище; избави мя, великій архангеле Михаиле, отъ всякія прелести діявольскія; егда услышиши мя, грѣшнаго раба твоего имярекъ, ускори на помощь мою и услыши молитву мою. О, великій архангеле Михаиле, побѣди вся противящіяся мнѣ силою честнаго и животворящаго креста Господня и молитвами пречистыя Владычицы нашея Богородицы и приснодѣвы Маріи и святыхъ отецъ и архангелъ, и св. апостолъ, и св. пророка Иліи, и св. Николы чюдотворца, и св. великомученикъ Никиты и Евстафія, и преподобнаго отца нашего Нифонта и преподобныхъ отецъ и св. святителей и всѣхъ святыхъ, аминь. О великій архангеле Михаиле, помози мнѣ, грѣшному рабу твоему имярекъ, избави мя отъ труса, и потопа, отъ огня и меча, и отъ напрасныя смерти; и отъ всякаго зла, и отъ бури наносимыя, и отъ лукаваго избави мя, великій архангеле Михаиле Господень, всегда и нынѣ и присно и вовѣки вѣковъ, аминь. Аще кто сію молитву чтетъ на каждый день со усердіемъ и со умиленіемъ, то аще преставленія отъ житія сего, душу его и адъ не пріиметъ.

в) Молитва Господа нашего І. Христа отъ трясавицъ и отъ всякихъ причъ:

Во святую и великую пятницу, егда распяша жидове Господа нашего І. Хр. С. Б., онъ же на крестѣ висяще и дрожаше, а жидове у креста Господня стояще и мучаху Господа рекоша Іисусу: «что дрожиши», Іисусъ же рече имъ:—дрожу ради великія немощи, студеныя трясавицы. — Іисусъ же Христосъ моляся ко Отцу своему глаголя:—Отче, молю ти о всѣхъ людяхъ страсть мою поминающихъ и сею болезнію страждущихъ, избави ихъ отъ тоя, и сію мою молитву кто при себѣ носяще отъ всѣхъ трясавицъ, да будетъ больнымъ Іисусъ исцѣленіе, грѣшнымъ спасеніе, немощнымъ избавленіе, и посемъ Іисусъ рече: — заклинаю васъ окаянныхъ трясавицъ отцемъ моимъ святымъ Богомъ Саваѳомъ и всѣмъ воинствомъ ангелъ божіихъ, еще васъ всѣхъ сестеръ дневныхъ и нудящихъ раба б. имяр. и неимете никакія власти и не вредите его ничемъ; заклинаю васъ окаянныхъ трясавицъ и діяволицъ именемъ отца моего Господа Саваѳа, отъидите вы окаянніи отъ раба божія имярекъ, и побѣжите діяволицы, заклинаю васъ святымъ отцемъ Сисиніемъ и св. архангеломъ Михаиломъ и ангеломъ Сихаиломъ и четырми евангелистами Матѳеемъ, Маркомъ, Лукою, Іоанномъ Богословомъ и егда на одрѣ лежаще святый апостолъ Петръ предъ враты Галилейскими и той боля трясавицею студеною, и пріиде къ нему Іисусъ Христосъ, рече же Петру: о чемъ лежиши? Петръ же отвѣща ему: «Господи, боленъ есмь трясавицею студеною». Рече ему Іисусъ:—возстани, Петре, отъ трясавицы:—и воста Петръ и помолись Господу Богу: «Господи Іисусе Христе, Боже мой, молю тя, даждь всѣмъ людямъ твоимъ такое же избавленіе отъ трясавицъ молящихся святому отцу твоему». Да аще кто сію молитву при себе носитъ или почасту прочитывать будетъ и востая рано и на тощее сердце пити будетъ освященную воду, той воистину отъ всѣхъ трясавицъ избавленъ будетъ вовѣки вѣковъ, аминь

г) Во имя Отца и Сына и Св. Духа аминь. Заклинаю васъ окаянныхъ трясавицъ и діяволицъ Богомъ Вседержителемъ и Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и святымъ именемъ Его и святымъ архангеломъ Михаиломъ и ангеломъ Сихаиломъ и четырьми евангелистами Матѳеемъ, Маркомъ, Лукою и Іоанномъ и святымъ отцемъ Сисиніемъ, и положи крестъ въ воду недержанную и погружай крестъ трижды съ молитвою

воскресною; и давай пить болящему воду сію по многія утра на тощe сердце, проглаголывай сію молитву надъ водою тако:

Ты еси трясея окаянная, отъиди,
Ты еси гнетея окаянная, отъиди,
Ты еси злобея окаянная, отъиди,
Ты еси гладея окаянная, отъиди,
Ты еси глущѣя окаянная, отъиди,
Ты еси ломея окаянная, отъиди,
Ты еси пухлея окаянная, отъиди,
Ты еси желтея окаянная, отъиди,
Ты еси неядея окаянная, отъиди,
Ты еси корчея окаянная отъиди,
Ты еси хрипущея окаянная, отъиди,
Ты еси плисея окаянная, отъиди.

Заклинаю васъ окаянныхъ святымъ Богомъ Саваофомъ и возлюбленнымъ его сыномъ, Господомъ нашимъ І. Христомъ и всесвятымъ и благимъ и животворящимъ его Духомъ, и всѣми небесными его силами, и святымъ архангеломъ Михаиломъ, и ангеломъ Сихаиломъ, и четырьми Евангелистами и св. отцемъ Сисиніемъ, побѣжите вы окаянныя трясавицы и діяволицы отъ раба Б. им. за 30 поприщъ; аще не побѣжите, то приведу на васъ окаянныхъ св. архангела Михаила и ангела Сихаиза и четырехъ евангелистовъ, и начнутъ васъ бити и мучити желѣзными прутьями, дадутъ вамъ по 3 и 300 ранъ на день и прогонять васъ и отженутъ окаянныхъ трясавицъ и діяволицъ отъ раба Божія им. въ землю мрачную, темную, непроходную и безводную, въ землю кипящую и горящую огнемъ и жупеломъ, навфою и смолою, на нейже человѣкъ не обитаетъ, а Богъ единъ презираетъ, и заключатъ васъ тамо въ безконечныя вѣки, вѣкомъ, аминь.

и) Молитва заклинательная на трясавицъ:

Въ мирѣ идущу святому отцу Сисинею и виде на горѣ синайстей столпъ огненный отъ земли и донебеси, и съ того столпа изыдоша 12 дѣвъ простоволосыхъ окаянныхъ, и св. отецъ Сисиней вопроси ихъ: — кто вы есте за жены окаянныя волницы? — они же рекоша ему: «мы есть трясавицы, Ирода царя дочери» и глаголюще имъ св отецъ Сисиней:—вамъ окаяннымъ волницамъ дня не велѣно выходить изъ моря и почто вы сами вышли безъ веленія Божія—рекоша же они окаянніе: «мы пришли въ міръ мучити родъ человѣческій, аще кто въ васъ упивается виномъ или кто заутреню просыпаетъ и Богу не молится часто со усердіемъ, и праздника Божіи не чтитъ, и блудъ творитъ, не чистъ востаетъ, и рано пьетъ, той намъ есть угодникъ, того мы и мучимъ. Помолись св. отецъ Сисиней Господу Богу своему, дабы избавилъ отъ скорбей сей родъ христіянскій, отъ окаянныхъ трясавицъ и діяволицъ. Іисусъ Христосъ призва святаго архангела Михаила и ангела Сихаила и четырехъ евангелистовъ: Матеея, Марка, Луку, Іоанна, повеле имъ бити ихъ окаянныхъ трясавицъ и мучити желѣзными прутьями, и даша имъ по 3 и 300 ранъ на день; окаянія же начаша молитися архангелу Михаилу и ангелу Сихаилу и 4-мя евангелистамъ св. Матеею, М., Л., І. вопіюще тако: Помилуйте ны рабы Христовы, оставите ны тако мучити, ибо мы побѣжимъ отъ сюду, отъ р. Божія имярекъ бѣжимъ въ землю пусту непроходную и безводную, на ней же человѣкъ не обитаетъ, а Богъ единъ призираетъ и не возвратимся семо, и аще который человѣкъ въ болѣзни сей имена ваши помянетъ и васъ на помощь призоветъ и мы отъ того человѣка бѣжимъ и невозвратимся паки; и вопроси святый отецъ Сисиней: како есть вамъ окаяннымъ имена? И рече ему 1-я: мнѣ имя трясея, 2-я рече: мнѣ имя гнетея, 3-я рече: мнѣ имя злобея, 4: мнѣ имя гладея, 5 рече: мнѣ глущея, 6 рече: мнѣ имя ломея, 7 рече: мнѣ имя пухлея, 8 рече: мнѣ у имя желтея, 9 рече: мнѣ имя неядея, 10 рече: мнѣ имя корчея, 11 рече: мнѣ имя хрипущея, 12 рече: плисея, сестра ихъ старейшая, коего человѣка поймаю, той живъ небудетъ, аще ли тогда приключится православный или священникъ, да чтетъ молитвы вышеписанныя надъ главою болящаго и потомъ налей въ сосудъ воды недержаной, и погружай свой крестъ, его же носиши на персехъ, трижды, съ молитвою воскресною, и давай пить болящему воду сію по многія утра и на тощее сердце Во имя О. и С. и св. Д. аминь.

(Списано П. С. Ефименкомъ со старинной рукописи, доставленной крестьяниномъ Дохтуровымъ изъ с. Закулы холмог. у.)

47. Отрочные..

Стану я, рабъ божій, Іоаннъ, благословесь, пойду перекрестесь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, въ чистое поле, въ широко раздолье, къ окіайъ морю. Въ окіанъ морѣ симень камень, на камени престолъ, на престолѣ Богородица, и смываетъ и стираетъ съ меня р. б. имярекъ отъ старой старухи, отъ дѣвки чернавки и отъ бабы косматки, отъ двоезуба и троезуба, отъ троежена и отъ двоежона, отъ колдуна и отъ колдуніи, отъ квоезглаза и отъ троеглаза. Выйду я рабъ божій имя-

рекъ въ чистое поле. Есть въ чистомъ полѣ огненна рѣка и за той огненной рѣкой сіонская гора, и за той сіонской горой 77 церквей, и въ тѣхъ церквахъ единъ престолъ, и на томъ престолѣ Мати Пресвятая Богородица, и стрижетъ съ меня р. б. им. и посылаетъ Матъ самому истиному Іисусу Христу, и беретъ златые ключи, отмыкаетъ и запираетъ, къ огненной рѣкѣ посылаетъ. Стоитъ тынъ мѣдной и ворота желѣзны, замыкаю отнынѣ до вѣку, аминь.

Аминь, аминь, аминь. И выйду я въ чистое поле въ широко раздолье, подъ красное солнце, подъ частые звѣзды, подъ свѣтелъ месяцъ. Есть въ чистомъ полѣ стоитъ храмина, и въ той храминѣ сидитъ старъ матеръ человѣкъ, разжигаетъ печь палющимъ огнемъ отъ меня р. б. им., печь розжигаетъ палющимъ огнемъ, жырою и сжигою. Какъ рыба безъ воды не можетъ ни жить, ни быть; есть на томъ озерѣ святые ключи, отпираю, замыкаю отнынѣ и до вѣка, аминь.

(Выписано изъ вышеназваннаго стариннаго сборника заклинаній.)

48. На начинающійся чирей.

«Не отъ угля, не отъ каменя не отростаетъ отростель и не разцвѣтаетъ цвѣтъ: также бы и у меня р. б. им. не отростали бы на семъ тѣлѣ ни чирьи, ни вереды, ни лишаи и ни какіе пупыши.»

Слова эти шепчутъ трижды надъ угленъ, коимъ три раза обводятъ чирей, перекрещиваютъ и тычутъ въ средину его, а послѣ бросаютъ на отмашь на улицу, приговаривая: «съ вѣтра пришло, на вѣтеръ поди, отколь пришло, туда и поди.»

(Запис. свящ. Алексѣевъ въ с. Турчасовѣ, Онежскаго у.)

49. Отъ вереда или нарыва.

Прикладываютъ репейный листъ, льняное сѣмя, мелко растертое и смѣшанное съ водой, и пьютъ настой травы медвѣжьи ягоды; проводятъ на нарывѣ черты ножемъ, а потомъ на сукѣ въ стѣнѣ, и говорятъ:

«Какъ у этого сучка нѣтъ ни плоду, ни роду, такъ бы и у этого попушка (нарыва) не было ни плоду, ни роду, вверхъ бы не поднимался и въ ширину не раздавался.»

(Записалъ К. Ивановскій въ Шенкурскомъ у.)

50. Отъ вереда или чирія.

Берутъ въ чашку сливки и наговариваютъ на нихъ:

«Рабъ б. Н. (имя больнаго) вставалъ, благословясь, и пошелъ, перекрестясь, изъ избы дверьми, со двора воротами, вышелъ въ чистое поле. Есть въ чистомъ полѣ сухая шалга; на той шалгѣ трава не растетъ и цвѣты не цвѣтутъ, и также у раба б. не было бы ни чирія, ни вереда, ни баенной нечисти. Очищается р. б. Н. Во имя Отца и С. и Св. Д. Аминь.»

Проговоривши эти слова, помазываютъ по три раза больное мѣсто сливками.

(Записано мною въ г. Онегѣ.)

51. На чирій или на нарывъ.

«Во имя Отца и Сына и Св. Духа, Аминь. Зааминю, зааминю, зааминю: вси цирьи, вси вереды, всю баенную нечисть у раба Божія (имя рекъ).»

Говорятъ три раза. При наговорѣ очерчиваютъ надъ чирьемъ вокругъ, потомъ съ послѣднимъ словомъ дѣлаютъ надъ чирьемъ крестъ ножемъ и ищутъ маленькій сучокъ въ стѣнѣ на деревѣ, въ который и вколачиваютъ ножикъ.

(Записалъ А. Шешенинъ въ Кемскомъ у.)

52. Отъ вереда или пупыша.

Обводятъ три раза чирей угленъ или безъимяннымъ пальцемъ, и, крѣпко прижавши его, приговариваютъ: «Ни отъ камени плоду, ни отъ чирія руды, ни отъ пупыша головы; умри, пропади!»

Послѣ этого бросаютъ уголь на опашку, съ приговоромъ: «откуль пришолъ, туда и пойди.»

(Записанъ П. С. Ефименкомъ въ г. Холмогорахъ).

53. Чтобъ не шла кровь изъ раны.

При порубѣ, или при другихъ подобныхъ случаяхъ, когда кровотеченіе признается опаснымъ, три раза наговариваютъ шопотомъ нижеслѣдующія слова, и послѣ каждаго раза на рану сплевываютъ:

«Лягу благословясь, стану перекрестясь; выйду изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота; погляжу въ истое поле—ѣдетъ изъ чистаго поля богатырь, везетъ вострую саблю на плечѣ, сѣкетъ и рубитъ опъ по мертвому тѣлу, не тече ни кровь, ни руда, *) изъ евтово мертваго тѣла.

(Записалъ А. Шешенинъ въ Кемскомъ уѣздѣ.)

54. Заговоръ крови.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа аминь. Доселева было при Агаренѣ царѣ небо мѣдно и земля желѣзна

*) Руда—нечистая испортившаяся кровь; а иногда значитъ кровь—безъ различія. Отсюда слова рудометъ, или рудометка, открыватель крови.

и не дала плоду отъ себя. Какъ утихнулись и ужахнулись рѣки и ручьи и малые источники, такъ бы утихнулась у раба б. Н. кровь горячая и щепота и ломота, и много пособлянешь всѣмъ моимъ словамъ, какъ ключъ небо, а замокъ земля, аминь, аминь, аминь.

(Записалъ помощн. миссіонера Батраковъ въ с. Ухтостровѣ, Холмогор. у.).

55. Заговорить кровь.

Фу ты, Боже мой! ни крови, ни раны,—чистая рана, ни синей опухоли. Ни ножомъ не сѣклося, ни топоромъ и никакимъ инструментомъ. И нѣтъ у раба божія (имя рекъ) ни щипоты, ни ломоты, ни синей опухоли.

(Доставилъ г. Никольскій изъ р. Мезени).

56. Чтобъ не шла кровь изъ раны.

Конь младъ, человѣкъ старъ. Ты, руда, стань, болѣ не капь у раба божія (имя рекъ).

(Записалъ А. Шешенинъ въ Кемскомъ у.)

57. Чтобъ не шла кровь изъ раны.

Баба шла по дорогѣ, собаку вела за собой; баба пала—собака пропала; руда стань, больше не капь.

(Записалъ А. Шешенинъ въ Кемскомъ у.)

58. Для остановленія крови.

Летитъ воронъ черезъ Чермное море, несетъ нитку, шелковинку. Ты нитка оборвись, а ты кровь уймись.

Слова эти говорятъ надъ раной до трехъ разъ и послѣ каждаго раза дуютъ надъ ней.

(Доставилъ г. Ивановъ изъ г. Пинеги.)

59. Заговоръ крови.

На островѣ на Буянѣ стоитъ столбъ, на этомъ столбѣ сидятъ три дѣвицы, всѣ родныя сестрицы; шьютъ вышиваютъ, кровавыя раны зашиваютъ. Ѣдетъ Царь, подъ нимъ конь карь; конь не пряметъ, руда не капетъ, аминь.

(Доставилъ г. Ивановъ изъ г. Мезени.)

60. Отъ ранъ.

Надъ раной говорятъ:

Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Шла красная дѣвка съ шелковой ниткой, булатной иголкой зашивать, зажимать кровяную рану. Баба шла занялася, дѣвка шла оборвалася, въ ранѣ руда унялася. Нѣтъ въ камнѣ воды, нѣтъ въ ранѣ руды, нѣтъ на небѣ шели, нѣтъ въ ранѣ щипи у раба божія (имя рекъ). Будь мои слова крѣпко накрѣпко, плотно на плотно; къ моимъ словамъ ключъ и замокъ булатная печать.

По прочтеніи сихъ словъ плюютъ на рану, читаютъ же ихъ до трехъ разъ.

(Записалъ Е. Ивановскій въ Шенкурскомъ у.)

61. Если какой человѣкъ посѣкетъ что нибудь у себя, то заговаривать кровь или щипоту.

Стану я, рабъ божій имр., благословесь, пойду перекрестесь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, въ чистое поле за воротами. Въ чистомъ полѣ стоитъ святъ окіянъ камень, на святомъ окіянѣ камнѣ сидитъ красная дѣвица съ шелковой ниткой, рану зашиваетъ, щипь унимаетъ и кровь заговариваетъ у раба божія имя рекъ, и чтобы не было ни щипоты, ни ломоты и опухоли, тѣмъ моимъ добрымъ словамъ ключь и замокъ, отъ нынѣ до вѣку аминь.

(Нарядъ Устьнад. Удѣльн. Прав. о доставл. въ Арх. Уд. Конт. этногр. свѣд. 1847 г. По описи № 60.)

62. На остановленіе крови отъ порѣза.

Стану я, рабъ божій имр., (тотъ, кому нужно остановить кровь) благословесь, пойду перекрестесь, и выйду въ чисто поле, стану на востокъ лицомъ, на западъ хребтомъ и помолюся Господу нашему Іисусу Христу и Матери Пресвятыя Богородицы и всѣмъ святымъ. Есть въ чистомъ полѣ океанъ море, въ океанѣ море есть алатырь камень, на алатырѣ камнѣ сидитъ красная дѣвица и шьетъ золотой иголкой и шелковой ниткой, а зашиваетъ всякія моря и рѣки и всякія мелкіе источники; также бы и у меня, раба божія имр., зашивала кровавую рану и кровь горячую и не текла и не капала, отъ кости не щипѣло, отъ жилъ не ныхло. Кое слово я не договорилъ, то въ постѣнъ (пользу) поди, и переговорилъ въ постѣнъ поди. Будьте слова эти сполна и крѣпки на рабѣ бож. имр., во имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь.

Слова эти трижды шепнуть надъ раной, надъ виномъ или надъ деревяннымъ масломъ; въ послѣднихъ двухъ случаяхъ этими веществами мажутъ рану.

(Изъ рукописной статьи: свадеб. обряд. въ Турчасовскомъ приходѣ Онежск. у. свящ. Алексѣева.)

63. Молитва руду унимать.

Шелъ Господь съ небесъ съ вострымъ копіемъ, ручьи, протоки запираетъ, руду унимаетъ, стрѣльную ру-

чебную, ножевую, топоровою. Выду я въ чисто поле на чисто море, на чистомъ морѣ чистый камень, на чистомъ камнѣ стоитъ дубъ краколистый, подъ тѣмъ дубомъ краколистымъ сидитъ твердая красная дѣвица, самоцвѣтные шелки мотаетъ, раны зашиваетъ, руду унимаетъ, не своими, Господи, мудростями, твоими Господи, святыми молитвами; на землѣ камень не растетъ, у раба б. и. руда нейдетъ, крѣпче крѣпкаго камня, камень мѣсто ключа и замка, руду прикладываетъ, вода не канетъ, не каменемъ руда не канетъ. Аминь. Царя небеснаго Господа І. Хр. Сыне Божій помилуй насъ, Аминь.

(Заговоры, извлеч. изъ рукописи старообр. Ж. М. Н. Пр. 1863 г. № 1 ст. Щапова: Истор. очер. нар. міросоз. и суев., стр. 56.)

64. Унятіе руды.

Господи Іисусе Христе. Сыне Божій помилуй насъ. Аминь. Стану я, р. б., благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы во двери, изъ двора въ ворота, въ чистое поле на востокъ, въ восточную сторону подъ красное солнце, подъ младъ мѣсяцъ, подъ частыя звѣзды, подъ утреннюю зорю, къ окіану морю; у окіана моря, на крутомъ берегу лежитъ латырь камень, на латырѣ камнѣ церковь соборная, въ церкви соборной златъ престолъ, на златѣ престолѣ сидитъ бабушка Соломонія, Христа повивала, щепоты, ломоты унимала, садести и болѣзни, порѣзы и посѣки отъ удару и отъ укладу и булату унимала, и запирала; какъ отъ латыря камня не воды, такожде изъ раба б. ни руды, ни садѣли, ни болѣзни, изъ курицы не молока, изъ пѣтуха ни яйца, не изъ раба б. и. ни руды; какъ Илья пророкъ изсушилъ рѣки, источники, такожде бы у р. б. и. твердо утвердились, руда заключись въ море, ключи на небесахъ, замки достану, эти ключи и замки святыми молитвами запру и укрѣплю, посѣки и удары, вовѣки вѣковъ. Аминь. Дерно вернись, рана въ мѣсто жмись, не отъ кости руды, не отъ камени воды, стань кровь запекись, гуще густаго клею; во имя О. и С. и Св. Д. Аминь, аминь, аминь.

(Заговоры, извл. изъ рук. старообр. Ж. М. Н. Пр. 1863 г. № 1 ст. Щапова, стр. 60.)

65. Слова кровь заговаривать.

Егда Матъ Пресвятая Божія Богородица шла по каменному мосту, на рукахъ несла Превѣчнаго Младенца, подпиралась носохомъ желѣзнымъ. Отъ того посоха желѣзнаго нѣтъ ни крови, ни раны, ни щепоты, ни опухоли, ни костяной, ни жилиной. О мать земля, не пей крови моей и не губи души моей, вынь изъ тѣла моего болѣзни и сердца моего щепетъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь, аминь, аминь.

(Изъ старинаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги, Холмогор. у.)

66. Заговоръ руду унимать.

Во имя О. и С. и Св. Д. Стану я, р. б. Н., благословясь, и пойду перекрестясь, къ окіяну морю. На томъ окіянѣ морѣ на островѣ есть камень. На томъ камнѣ сидѣла Пресвятая Богородица, держала въ рукѣ золотую иглу, вдѣвала шелковую нитку и зашивала рану кровавую. Тебѣ, рана, не болѣть и тебѣ, кровь, не бѣжать. Аминь.

(Изъ рукописн. ст. г. Костылева «Простонародная медицина въ Шенкур. у.»)

67. Отъ раны.

Говорятъ надъ раной до трехъ разъ и послѣ каждаго раза плюютъ на рану:

Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Стану я рабица божія (имя рекъ) благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, въ чисто поле заворотами. Въ чистомъ полѣ на восточной сторонѣ стоитъ серебряная лѣстница, по серебряной лѣстницѣ идетъ Матъ Пресвятая Богородица. Истинный, Небесный Христосъ повелѣваетъ, Матъ Пресвятая Богородица свои ризы утираетъ, своими ризами рану затыкаетъ, чтобы не было ни скорби, ни болѣзни, онухоли, чтобы бѣло тѣло не болѣло, кости не ломило, раны не щемило.

(Записалъ Е. Ивановскій въ Шенкурскомъ у.)

68. Отъ раны.

Господи, Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ! Стану я рабъ б. благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ воротъ воротми, стану на востокъ лицомъ, на западъ крестомъ. Сидитъ Матъ Пресвятая Богородица, въ три золотыя пяла шьетъ: шелкова нитка, золота иголка. Зашей у меня раба б. N. кровавую рану, чтобы не щипала и не болѣла—въ новый мѣсяцъ и въ полный мѣсяцъ, въ ветху мѣсяцу и въ самыя межныя дни, и вовѣки вѣковъ аминь.

(Выписано П. С. Ефименкомъ изъ старин. рукописи въ с. Ворзогорахъ, Онежск. у.)

69. Заговоръ руду унимать.

Пресвятая Мати Божья Богородица, укрывай меня р.

б. N. своими нетлѣнными ризами, закрывай ты мою кровавую рану; у меня р. б. N. стань руда и не кань руда и буди то мѣсто желѣзнымъ. Отъ нынѣ и до вѣку Аминь.

(Изъ рукописной статьи Костылева: простонародная медицина).

70. На крѣпость тѣла.

Лягу я, рабъ б. имя рекъ, помолюся перекрестясь, умоюся святою водою, утреннею росою, утруся бѣлымъ тканнымъ полотѣнцемъ; пойду я р. б. им. изъ избы дворами, съ двора воротами на улицу на сіонску взирающи, крестомъ себя ограждающи; погляжу я р. б. и. въ чистое поло, въ зелено поле: около моря, въ чистомъ полѣ, въ зеленомъ окоморьи стоитъ златая святая лѣстница, и съ той возрачно по святой лѣстницѣ шелъ Божій ангелъ, Михаилъ архангелъ; и пойду я р. б. им. помолюся и поклонюсь: батюшка Божій ангелъ, Михаилъ архангелъ, заговори мнѣ тѣло бѣлое, закрыто крѣпче стали и булату, красной меди и укладу, крѣпче свинцоваго желѣза и нѣмецкаго, крѣпче тугаго луку, каленой стрѣлы, и подпоянь златымъ своимъ святымъ поясомъ, и запри и замкни въ тридевять замковъ, и въ тридевять ключей; и рече ему рабу своему им.: поди ты на путь на дорогу, на пути на дорогѣ стоитъ святая апостольская соборная церковь; въ той соборной апостольской церкви на престолѣ стоитъ застушница мати Божія пресвятая владычица Богородица: поди рабъ б. помолись и поклонись, при семъ р. б. им. помолился и поклонился, застушница матушка, пресвятая владычица Богородица, заговори мое тѣло бѣлое, и закрѣпи крѣпче стали и булату, крѣпче мѣди и укладу, крѣпче свицкаго желѣза и нѣмецкаго, крѣпче тугаго луку, каленой стрѣлы, и подпоянь златымъ своимъ поясомъ, и запри и замкни въ тридесять ключей. И рече ему рабу своему и.: поди ты рабъ божій на путь, на дорогу; на пути на дорогѣ стоитъ апостольская, соборная церковь; въ той соборной апостольской церкви на престолѣ стоитъ самъ Господь Сынъ Божіи, Іисусъ Христосъ, подойди и поклонись: батюшка истинный Христосъ сынъ Божій, заговори мое тѣло бѣлое, закрѣпи крѣпче стали и булату, крѣпче меди и укладу, крѣпче свицкаго желѣза и нѣмецкаго, крѣпче тугаго лука и каленой стрѣлы, и подпоянту святымъ своимъ поясомъ, и запру и замину въ тридевять замковъ и тридевять ключей, и пущу ключи въ окіянъ море,—и взяла ихъ щука; какъ щуку въ море не поймать, такъ и тебя рабъ б. не отмыкать, а кто есть ключъ доставитъ, тотъ тебя р. б. отомкнетъ. На синемъ морѣ на большомъ каминѣ сидитъ стратимъ птица, а какъ стратиму птицы покаряются, какъ и льву звѣри вси покаряются, такъ бы и тебѣ вси покорялися, други и не други покорялися, что ты говоришь, тебя бы и слушали, и твою волю творили. Во им. О. и С. и Св. Д. А.

(Загов. извл. изъ рук. старообр. Ж. М. Н. Пр. 1863 г. № 1. ст. Щапова, Ист. очер. нар. міроС. и суев., стр. 57).

71. Отъ кровавыхъ ранъ.

Во имя О. и С. и Св. Д. Жиды Христа роспинали, на крестъ росковали, въ руки, ноги гвоздье колотили, въ ретивое сердце желѣзомъ кололи. Какъ у истинна Христа не была кровавая рана и щипота и ломота, и опухоль, и какъ печь топится и изъ печи пламя пащетъ; такъ бы у меня р. б. Н. кровь и рана утихала и переставала, и вовѣки вѣковъ, аминь

Приговариваютъ трижды и по три раза плюютъ въ рану.

(Записано П. С. Ефименкомъ въ Холмогорахъ).

72. Слова кровь заговаривать.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Лежитъ Захарей праведный между церковію и олтаремъ, и какъ у святаго кровь засыхала и замирала и окаменѣвала въ ручныхъ и въ ножныхъ и въ подпятныхъ жилахъ, щень и грыжа и разная сѣченая и молодая, такъ бы у меня, раба божія имя рекъ, засыхала и замирала сѣченая, ветхая и молода, всегда, нынѣ и присно, и вовѣки вѣковъ, аминь, аминь, аминь.

(Изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги, Холмогор. уѣзда.).

73. Слова кровь заговаривать.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Какъ Артемей праведный между церковію и олтаремъ разрубленъ и разсѣченъ, не подается не кровь, не руда, не изъ жилъ, не изъ суставовъ; такъ бы не подавалась у раба божія имя рекъ не изъ жилъ, не изъ суставовъ, на ноги мѣсяцѣ, не на ущерби мѣсяцѣ, не на ветхи мѣсяцы, аминь, аминь, аминь.

(Изъстариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги, Холмогор. у.).

74. На рану.

Стану я, благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ воротъ воротами, выйду я въ чистое поле; въ чистомъ полѣ ѣдетъ человѣкъ старъ, подъ нимъ конь каръ, въ рукахъ держитъ саблю вострую, и сѣчетъ тѣло мертвое. Какъ не слышитъ тѣло мертвое ни грыжи, ни щепоты, ни ломоты, ни уразу и ни кровавой раны; такъ бы не слышалъ рабъ Б. N. ни грыжи, ни щепоты, ни уразу и ни кровавой раны. Во вѣки камень стань, руда не кань. Ключъ и замокъ словамъ моимъ.

Повторить три раза и кровь вмигъ утихнетъ.

(Запис. г. Огородниковъ въ с. Соломбалѣ).

75. На рану.

Стану я благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ воротъ воротьми, выйду я въ чистое поле, въ чистомъ полѣ ѣдутъ святые скипетры на каремъ на конѣ, на золотомъ сѣдлѣ, унимаютъ щепоту, становятъ кровь и руду. Во вѣки камень стань, руда не кань. Ключъ и замокъ словамъ моимъ (трижды).

(Записалъ г. Огородниковъ въ с. Соломбалѣ, возлѣ г. Архангельска).

76. Слова уразъ снять, или ушибъ.

Господи Боже, благослови и научи мя, раба божія имя рекъ, добрыхъ словъ оворить. Стану я, рабъ божій имя рекъ, благословесь, и пойду перекрестесь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, и выйду я рабъ божій имя рекъ на востокъ лицемъ, на западъ хребтомъ, и помолюсь я рабъ божей имр., истинному Христу Небесному и Пресвятой Его Матери Богородицы. Какъ жидове Христа роспинали на трехъ древахъ на кедрѣ, и..... и кипарисѣ; и какъ вышній Творецъ Господь Саваофъ угоноривалъ свое чадо истиннаго Христа Царя Небеснаго: чадо мое возлюбленное, не убойся и не устрашись, не услышишь въ себѣ не раны, не болѣзни, не щепоты, не уразу, не крови и не руды и не сердечныя болѣзни, такъ же бы мнѣ, рабу божію имр., самому въ себѣ не услышать не раны, не руды и не сердечныя болѣзни отъ семидесяти суставовъ отъ трехъ и отъ двухъ и отъ единой жилы и отъ единаго сустава; очи ясны, брови черны, мозгъ бѣлой, въ молодѣ мѣсяцѣ, въ полни мѣсяцы, въ новѣ мѣсяцы и въ перекрои мѣсяцы, и въ ветхи мѣсяцы и въ меженныхъ дняхъ, въ день при соньцѣ, въ ночь при мѣсяцѣ, по всякъ день и часъ; сей день святъ, буди я рабъ божей имр., Здравъ и не вредимъ во вѣки вѣковъ, аминь, аминь, аминь.

(Изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги, Холмогорск. уѣз.).

77. Уразъ снять.

Говорятъ въ воду:

Господи Боже, благослови Господи Боже, и свѣтъ начался у самого Христа и ходитъ Адамъ новый, какъ жидови Христа распинали и всякими муками и всякими оружьями били древами и каменьемъ и желѣзомъ, и какъ Господь Богъ Саваофъ Сына своего, единороднаго Іисуса Христа, заговаривалъ отъ всякаго оружія, отъ древа и отъ огня и отъ каменія и отъ желѣза, отъ ранъ и отъ руды, какъ Господь Богъ посылалъ съ небеси двухъ святыхъ угодниковъ Кузьму и Демьяна по всей земли учить меня раба божія заговаривать отъ всякаго оружія, отъ древа, отъ огня и отъ каменія, отъ желѣза, отъ раны, отъ руды и отъ щепоты, и отъ грыжи и отъ уразу и отъ всѣхъ скорбей и болѣзней, и какъ Господь Богъ Іисусъ Христосъ не чулъ въ себѣ, ни въ тѣлѣ своемъ и въ суставахъ уразу и никакой скорби, и такъ бы я рабъ божій (имя рекъ) не учулъ бы въ себѣ щепоты, ни уразу, ни какія скорби, ни въ тѣлѣ своемъ, ни въ жилахъ своихъ, ни уразу, ни щепоты, ни недугу, ни болѣзни, ни какія скорби, и какъ нашего Господа Іисуса Христа не яли никакія оружія, ни древа, ни каменіе, и какъ тотъ камень скаменѣетъ жестокъ, былъ бы такъ я рабъ божій (имя рекъ) жестокъ нынѣ и присно; вся крѣпость Святаго Духа; аминь, аминь, аминь.

(Изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги, Холмогорскаго у.).

78. Молитва отъ уразу.

Говорить на воду три раза и окачиваться и пить, ходить въ чистотѣ, а не въ чистотѣ не ходить.

Господи Боже благослови Отче. Взыди на гору Сіонскую Іисуса Христа отъ престола, окрестъ міра во имя Господа нашего Іисуса Христа; буди, Боже, со мною божія милость; о стрѣлатой, не ходи до меня раба божія (имя рекъ) моленіемъ Пречистыя Владычицы Богородицы и присно Дѣвы Маріи; о стрѣлатой, не ходи ко мнѣ рабу божію (имя рекъ) моленіемъ святаго пророка Ильи; о стрѣлатой, не ходи ко мнѣ рабу божію (имя рекъ) моленіемъ святаго пророка Предтечи Крестителя Господня

Іоанна и моленіемъ Михаила и Гавріила и святыхъ апостоловъ и исповѣдниковъ и всѣхъ святыхъ чудотворцевъ; о стрѣлатой, не ходи ко мнѣ рабу божію (имя рекъ) моленіемъ великаго чудотворца Николая и моленіемъ Петра, Алексѣя, Іоны и Филипа московскихъ чудотворцевъ всея Россіи и моленіемъ всѣхъ святыхъ отецъ и святителей, моленіемъ дѣвицъ; о стрѣлатой, не ходи ко мнѣ рабу божію (имя рекъ) моленіемъ Благовѣщенія Господа нашего Іисуса Христа и Пречистыя Богородицы и присно Дѣвы Маріи и моленіемъ мучениковъ и мученицъ и всѣхъ святыхъ молитвами и моленіемъ соблюди, Господи, помилуй, закрой и заступи и защити раба божія (имя рекъ) отъ стрѣлъ летящихъ и ото всякаго древа и ото всякаго желѣза кованаго и некованаго, отъ булата и отъ уклада, отъ стрѣлъ каленыхъ и отъ простого желѣза, отъ мѣди, отъ красной, синей и зеленой, отъ проволоки, и ото всякаго звѣринаго копія, и ото всякія птицы и отъ жилмустія, и ото всякаго древа русскаго и заморскаго, и ото всякія птицы пернатой, въ поли и въ лѣси, и ото всякого роду человѣческаго и отъ татарскаго и черемискаго и чувашескаго и всѣхъ враговъ и супостатовъ; о стрѣлатой, не ходи ко мнѣ рабу божію (имя рекъ), поди чрезъ живаго Бога, кой сотворилъ небо и землю и чрезъ святыхъ, которые творили волю Божію отъ начала вѣка сего; о стрѣлатой, не ходи ко мнѣ рабу божію (имя рекъ) прежде помянутаго Господа нашего Іисуса Христа чрезъ терноваго вѣнца, которой былъ на главѣ его Господней; о стрѣлатой не ходи ко мнѣ рабу божію (имя рекъ), поди чрезъ гаданіе Господа нашего Іисуса Христа, сохрани и соблюди и помилуй, за добро защити и заступи раба божія (имя рекъ) всемогущія жизни; исцѣлитъ, сохранитъ службою раба своего божія (имя рекъ), во едино совершеніе и утвержденіе святыхъ отецъ, вся крѣпость святаго Духа, аминь, аминь, аминь.

(Изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги, Холмогор. у.).

79. Отъ ожогу или обвару.

Наплевать три раза на больное мѣсто и три раза произнесть:

«Во имя О. и С. и Св. Д. Свѣтъ до зори, а зоря до свѣту, а ожогъ (или обваръ) до словъ. Во вѣки вѣковъ аминь».

(Записано П. С. Ефименкомъ въ г. Онегѣ).

80. Отъ ожога.

На обожженое мѣсто плюютъ и говорятъ слова: «Огонь жжетъ, щука теретъ, вода моетъ у раба Божья (имя рекъ).»

(Записалъ Е. Ивановскій въ Шенкурскомъ у.)

81. Отъ ожога.

На обоженное мѣсто плюютъ и говорятъ слова:

«Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Идетъ красная дѣвка съ мокрымъ вѣникомъ, тушитъ, гаситъ огненную рѣку, огненныя искры, огнепное плама».

(Записалъ Е. Ивановскій въ Шенкурскомъ у.)

82. Отъ пьянства.

Во имя О. и С. и Св. Д. аминь Хмель и вино отступись отъ раба б. N. въ темные лѣса, гдѣ люди не ходятъ и кони не бродятъ, и птица не летаетъ.

Во имя О. и С. и Св. Д. (дважды). Хмель и вино выходи на быструю воду, на которой воды люди не ѣздитъ; отъ раба б. N. хмель и вино поди на буйные вѣтры, которой вѣтеръ по дальности ходитъ. Во имя О. и С. и Св. Д. (дважды), зайди это вино за холмы горы. Во имя О. и С. и Св. Д., привяжись къ лихому человѣку, который на N. лихо думаетъ, къ тому привяжись, которой добра не сдѣлаетъ, отъ меня во вѣки отвяжись. Во имя О. и С. и Св. Д. аминь.

(Выписано изъ старинной рукописи въ с. Ворзогорахъ, Онежск. у.)

83. Отъ пьянства.

Чтобы пьющій запоемъ уснулъ, и послѣ этого сна пересталъ пьянствовать, нужно взять у него воскъ, на который наговаривать:

Зоря зорница, красная дѣвица, сама мати и царица; свѣтелъ мѣсяцъ, ясны звѣзды, возмите у меня безсонницу, бездремотницу, полуношницу, дайте сонницу, дремотницу, ночную полуношницу. Среди ночи приди ко мнѣ хоть красной дѣвицей, хоть матерью царицей и сложи съ меня и отведи отъ меня окаянную силу и дай мнѣ Спасову руку, Богородицынъ замокъ. Ангелъ мой, архангелъ мой, сохрани мою душу, сирѣпи мое сердце, врагъ сатана откажись отъ меня. Крестомъ крещуся, крестомъ ограждуюсь, крестомъ ангела призываю, крестомъ лукаваго отгоняю. Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь. Знаю святыя знаменья!

(Доставилъ Никольскій изъ г. Мезени).

84. Человѣку похмелье умолвить.

Господи хмель, буйвая голова, не вейся визъ голо-

вою, вейся въ посонъ *) подъ воргою, а яжъ тебя не знаю, гдѣ живешь, въ верхъ сыра древа, лѣзь къ своему государю въ медвеныя бочки и въ пивныя. Какъ не лежитъ на огнѣ, и такъ на семъ человѣкѣ лихая словеса у имярека: аще испіеши чашу сія, доколѣ изъ меня словеси сія изошли, а изъ сего раба б. и. похмѣлье. Господи хмелю, какъ царь сидитъ на царствіи своемъ, тако и ты сиди на мѣстѣ своемъ, государь родись.

(Изъ старин. рукопис. лѣчеб., доставленнаго св. Колчинскимъ изъ с. Пингишей, Холмогор. у.)

85. Отъ лѣни и долгаго спанья.

Говорятъ лѣнивымъ и дѣтямъ, которые послѣ сна долго протягиваются на постели:

«Лѣнь потягота поди на ѳедота, съ ѳедота на Якова, и съ Якова на всякаго.»

(Запис. г. Ивановъ въ г. Пинеги).

86. Составъ о голосу ѳиламента философа Афинейскаго.

Взять отъ трехъ колодцевъ или отъ трехъ разныхъ источниковъ воды и на то устроить мѣсто и сосудъ, а окрестъ его поставить четыре свѣщи возженныхъ, и поверхъ сосуда положить два ножа, на-крестъ, и тогда лити воду въ сосудъ, да въ туже воду положить мѣди тертыя заазвоннаго колокола, — и глаголати молитва сія трижды:

«Гласъ грома твоего освѣтиша, молнія твоя вселенную подвиже, и трепетна бысть земля, въ мори путіи твои и стези твои въ водахъ многихъ, и стопы твоя подвижутся, наставилъ есть овцы, люди твоя, рукою Моисеевою и Ааронею.»

И та вода пить сквозь лебяжье горло, да тоюжъ водою и окатиться. По сотвореніи сего глаголати подобаетъ:

«И яко потрясеніемъ поколебатися всѣмъ удомъ человѣческимъ.»

(Изъ старинnаго рукописнаго лѣчебника, полученнаго въ с. Пингишей, Холмогорскаго у. отъ священника А. Колчина.)

87. Отъ портежа съ вѣтра.

Берутъ изъ трехъ прорубей или колодцевъ воду, которою окачиваютъ больнаго по три раза. При черпаніи, воду всегда размахиваютъ на посолонь, а почерпнувши, приговариваютъ:

«Царь рѣчной! дай воды неболтаной, на леготу, на здоровье рабу божію имя рекъ».

Когда несутъ воду, со встрѣтившимися не здороваются и не говорятъ.

(Записалъ свящ. Розановъ въ с. Зимней Золотицѣ, Арханг. у.)

88. Наманокосъ.

Слова эти шепчутъ трижды на воду, которою поятъ больнаго и обдаютъ на скотской трубѣ (отверстіе, черезъ которое подаютъ кормъ скоту); а если больной—младенецъ, то шепчутъ на молоко матери:

«Какъ вечерняя зоря развелась да разгорѣлась, да и скоро потухла; такъ же и у меня раба б. им. завелися скорби и болѣзни, уроки и манакосы, призоры и оговоры, и вѣтренные переломы, упажи, перепажи, родимцы и лихорадки, всѣ бы и потухли. Съ вѣтра пришло, на вѣтеръ и поди, и отъ людей пришло, къ людямъ и поди; откуда пришло, туда и поди.

(Зап. свящ. Алексѣевъ въ с. Турчасовѣ, Онежск. у.)

89. Съ глазу.

Господи Боже, благослови! Вода водица, красная дѣвица, какъ течешь, омываешь красны бережочки, желтые песочки, пенья и коренья, часты пустовья и бѣлы каменья; такъ омой раба божія N. притчи и уроки, и монокосы и оговоры, вѣтряны переломы, изъ лицъ и изъ косицъ, и изъ ясныхъ очей, и изъ черныхъ бровей, изъ бѣлаго тѣла и изъ рѣтиваго сердца, изъ рѣзвыхъ ногъ и изъ бѣлыхъ рукъ. Ключь и замокъ словамъ моимъ.

Повторяется три раза на воду, которую потомъ и выпиваютъ, или умываются ею.

(Зап. г. Огородниковъ въ Соломбалѣ).

90. Отъ оговора и дурнаго глаза.

Лучшимъ средствомъ отъ оговора и дурнаго глаза считается лоскутъ отъ одежды или клочекъ волосъ, принадлежащихъ лицу, служившему причиною болѣзни. Добывъ эти вещи, надобно старшему или младшему въ семействѣ сжечь ихъ на раскаленныхъ угольяхъ. При этомъ дѣйствіи больной спрашиваетъ: «что куришь?» и ему отвѣчаютъ: «курю уроки, призоры, лихіе оговоры, отъ мужика русака, отъ бабы черноволосой, отъ дѣвки ростоволой». Больной опять говоритъ: «кури горазне,

*) т. е. въ посолонь.

чтобы въ вѣкъ не было». Этимъ оканчивается обрядъ, который смотря по надобности, повторяется еще нѣсколько разъ.

(Карман.кн. для люб. землев. изд. Рус. Геогр. общ. 1848 г.: Извлеч. изъ замѣтокъ о повѣр. и суевѣр. жит. Арх. губ. Верещагина, 312—320).

91. Отъ сглазу, грыжи и баенной нечисти.

Когда занеможетъ младенецъ, то моютъ въ банѣ и приговариваютъ:

Стану я рабъ б. N. благословясь, выйду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротми; выйду я въ чистое поле; помолюсь и поклонюсь на восточную сторону. Подъ восточной стороной есть окіянъ море, на окіянѣ морѣ ходитъ щука бѣла, зубы уладны, хвостъ булатный, поѣдатъ и пожираетъ у раба б. N. уроки и прикосы, и грыжи, и баенны нечисти, чтобы вѣкъ не бывали ни въ день, ни въ ночь, ни въ утренню зорю, ни въ вечерню, ни на нову, ни на ветху и ни наперекрою мѣсяцу; во вѣкъ вѣковъ, аминь. Будте мои слова замкомъ замкнуты, ключемъ заперты.

(Записано П. С. Ефименкомъ въ г. Онегѣ).

92. Отъ сглазу, грыжи и баенной нечисти.

Во имя О. и С. и Св. Духа, аминь. Сходитъ Егорій съ небесъ, по золотой лѣстницы, сноситъ Егорій съ небесъ триста луковъ златополосныхъ, триста стрѣлъ златоперьихъ и триста тетивъ златополосныхъ и стрѣляетъ и отстрѣливаетъ у раба б. N. уроки, прикосы, грыжи, баенны нечисти и отдаваетъ черному звѣрю медвѣдю на хребетъ: и понеси черный звѣрь медвѣдь въ темные лѣса и затопчи черный звѣрь медвѣдь въ зыбучіе болота, чтобы вѣкъ не бывали ни въ день, ни въ ночь.... Во вѣки вѣковъ аминь.

Три раза произносятъ и за каждымъ трижды сплевываютъ.

(Зап. П. С. Ефименкомъ въ г. Холмогорахъ).

93. Съ глазу, ломоты и отъ испуга.

Стану я рабъ б. N. благословясь, пойду, перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ воротъ воротьми, выйду въ чистое поле, подъ восточную сторону, подъ бѣлый день, подъ красное солнышко, подъ свѣтелъ мѣсяцъ, подъ частыя звѣзды, подъ утреннюю зорю, подъ вечернюю зорю. Стану я на окіянѣ морѣ подъ бѣлый день, подъ красное солнышко, подъ свѣтелъ мѣсяцъ, подъ утреннюю зорю и подъ вечернюю зорю,—стану на востокъ глазами, на западъ спинами, поклонюсь и помолюсь: не ѣшь ты щучка ни ржавчинки, ни болотинки, и ни рыбы гульбы. Засысай, загрызай, подъ сѣрый камень метай раба б. N. щепоты и ломоты и уроки и прикосы, призоры и переполохи, и баенной нечистища, и привалища, и костоломища и переполохъ отъ жару и отъ пару, отъ похвальнаго слова, отъ отцовой думы и отъ матерней, отъ дѣвки простоволоски, отъ женки черноголовки, отъ мужика скалозуба, отъ стараго, отъ малаго и отъ средняго, отъ всего міра крещенаго; въ рукахъ и ногахъ, и въ ясныхъ очахъ, въ коренныхъ зубахъ и въ могучихъ плечахъ въ ретивомъ сердцѣ, въ 77 жилахъ, въ 77 суставахъ безъ единой жилы,—а такъ бы раба б. N. будь мои слова крѣпки и емки и заговористы востре востройсабли, востраго ножа, и тѣмъ моимъ словамъ ключь и замокъ, крѣпкій заговоръ; ключь въ воду, а замокъ въ гору.

Говорятъ надъ водой или надъ виномъ или надъ масломъ: водой умываются, вино выпиваютъ, а масломъ мажутъ больное мѣсто.

(Зап. г. Огородниковъ въ Соломбалѣ).

94. Отъ сглаза.

Наговариваютъ на воду, которою окачиваютъ больнаго:

Всталъ рабъ б. N. благословясь, пошелъ перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротми да вышелъ въ чисто поле: въ чистомъ полѣ есть синее море; на томъ синемъ морѣ тихая заводь; на той на тихой на заводѣ плаваетъ сѣрый гоголь, на томъ на сѣромъ на гоголѣ не держится ни вода, ни роса. Также на р. б. N. не держались бы ни уроки, ни призоры, ни лихіе оговоры, ни вѣтрены прострѣлы, и ни ночные переполохи. Во вѣки вѣковъ, аминь.

(Зап. П. С. Ефименкомъ въ г. Холмогорахъ).

95. Оприкосныя слова.

Роки, прикосы, шипота и ломота, скорбь и болѣзнь, откулъ вы пришли, тамъ и подите съ раба божія (имя рекъ) къ птицѣ синицѣ на пяту.

(Доставилъ г. Никольскій изъ г. Мезени).

96. Отъ оприкосу.

Чтобы предохранить себя отъ дѣйствія дурнаго глаза, нужно постоянно имѣть при себѣ сѣтку. Поэтому-то поясá дѣлаются въ видѣ сѣти. Если же кто либо пренебрегъ подобной предосторожностью и захворалъ отъ

дурнаго глаза, того нужно умыть водой, на которую наговорены слѣдующія слова:

Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Откуль мнѣ-ка пришло: съ вѣтра ли буйнаго, съ погодой ли великою, со слова ли окаяннаго, отъ жени ли долговолоски, отъ дѣвки ли простоволоски, отъ мужика ли еретника, отъ старика ли волшебника, отъ старухи ли отъ волшебницы; и когда мнѣ-ка пришло, середка ли ночи, середка ли бѣла дня, когда бы не пришло, тогда и сойди.

(Доставилъ г. Никольскій изъ г. Мезени).

97. Слова на уроки и на прикосъ и на уразы и на зубную болѣзнь вопше (вообще).

Станетъ рабъ б. N. благословясь, и пойдетъ перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, стенетъ подъ восточную сторону и зглянетъ на сіонскую гору. По сей сіонской горѣ ѣздитъ и розъѣзжаетъ ростомъ матеръ человѣкъ на своимъ ворономъ кони, по колѣнъ ноги въ серебри, по локоть руки въ золоти, во правой руки тугой лукъ, а во лѣвой руки калена стрѣла; тугой лукъ натегаетъ, калену стрѣлу спущаетъ, во мертвеца въ бѣло тѣло бьетъ и сѣчетъ каленой стрѣлой. Тако лежитъ мертвой мертвецъ, истиной небесной Христосъ не слышитъ въ себѣ ни удару и ни уразу, и ни щепоты, и ни ломоты и ни синей опухоли и ни уроковъ, и ни прикосовъ, и ни вѣтренныхъ прострѣловъ, и ни людскихъ оговоровъ, и ни зубной болѣзни; откуль пришло, туда и поди: отъ бѣльца къ бѣльцу, отъ черица къ черицу, отъ троезубыхъ къ троезубымъ.. Тѣмъ всѣмъ моимъ словамъ небо ключь, земля замокъ. Во вѣки вѣковъ, аминь.

(Записано помощн. миссіонера Батраковымъ въ Куростровскихъ селеніяхъ).

98. Заговоръ отъ призоровъ и прикосовъ.

Во имя О. и С. Св. Д. Аминь. Стану я р. Б. благословесь, и пойду перекрестесь, отцемъ своимъ прощенъ и матерью благословленъ, изъ избы дверьми, изъ двора воротми въ далече въ чистое поле подъ восточную сторону. Течетъ огненная рѣка и есть черезъ огненную рѣку мѣдяной мостъ и ѣздитъ мѣдяной мужъ на своемъ мѣдяномъ конѣ съ мѣдянымъ войлокомъ и съ мѣдными стременами. И помолюся я р. б. N. Спасу и Пресвятой Богородицѣ и мѣдянному мужу: ой, еси ты мѣдянной мужъ, почто тебѣ ѣздить черезъ огненную рѣку по мѣдянному мосту, и поѣзжай ты мѣдянной мужъ ко мнѣ р. б. N. на правое плечо, а съ праваго на лѣвое, а съ лѣваго подъ правую пазуху, подъ лѣвую пазуху, а изъ подъ лѣвой въ мою сердечную утробу, и въ горячую кровь, и черную печень, и въ семьдесятъ суставовъ и въ семьдесятъ жилъ и подъ правое яйцо. И самъ ты мѣдянной мужъ вынимай изъ р. б. N. всякую скорбь и болѣзнь, и всякія притчи и призоры, и прикосы, и оговоры, и вѣтренные переломы, и вѣтренные пострѣлы и всякія грыжи; и самъ ты мѣдяной мужъ на конѣ выѣзжай, и конемъ своимъ выкармливай и очми своими высматривай. Да въ чистомъ полѣ ѣдетъ встрѣчь черемный мужъ и несетъ булатный мечь, и доидоша до черемнаго кампя и разсѣкаетъ черемный мужъ булатнымъ мечемъ камень на четыре части и раскипетъ на четыре стороны и развѣетъ буйными вѣтрами по чистому полю, по темному лѣсу. Такожде бы у р. б. N. разсыпалась всякая скорбь, оговоры, прикосы, вѣтренные переломы и всякіе пострѣлы по чистому полю, по темному лѣсу, всегда, нынѣ и присно, и вовѣки вѣковъ, аминь. Указъ: трижды наговорить на воду, и эту воду дать пить больному.

(Простонар. медицина; рукопис. ст. Ив. Костылева).

99. Отъ уроковъ и призоровъ.

Господи Іисусе, помилуй насъ! Молюся азъ рабъ божій (имя) Истинному Христу Царю Небесному, и услышалъ Истинный Христосъ молитву, спущается съ небесъ и съ нимъ спущается тридевять ангеловъ золотоперыя и золотокрылыя, и съ собою спущаютъ тридевять луковъ и тридевять стрѣлъ золотоперыхъ и золотокрылыхъ, и стрѣляли они скрось семеры облаки и отстрѣливали отъ N. рабы божіей уроки и призоры, какъ съ гоголя вода катится, такъ и съ ней рабы б. N. уроки и призоры, всегда и нынѣ, и вовѣки вѣковъ, аминь *).

Наговаривалъ на воду, чертя ножемъ по водѣ и пить ту наговорную воду. (Выписано изъ дѣла объ Осипѣ Баженинѣ и женѣ его 1714 года. Срв. статью Н. А. Попова: «Осипъ Андреевичъ Баженинъ» въ сборникѣ «Древняя и Новая Россія» за 1877 г. № 9.)

100. Отъ сглаза.

Стану благословясь, пойду перекрестясь, изъ воротъ въ вороты, въ чистое поле къ окіянъ морю. На окіянѣ

*) Варіантъ: такъ бы катилась съ тоя рабы божія, съ ясныхъ очей, съ бѣла тѣла и съ ретива сердца, и вѣкъ по вѣку отъ нынѣ и до вѣку.

морѣ стоитъ золотъ стулъ; на золотѣ стулѣ сидитъ св. Николай, держитъ золотъ лукъ, натягиваетъ шелковую тетивку, накладываетъ каленую стрѣлу, станетъ стрѣлять уроки и призоры, станетъ стрѣлять отцеву думу и материну думу и братьевы думы, всѣхъ людей думы, жолтучый, гнетучій и жомучій; отъ дѣвки отъ черноголовки, отъ стрѣшняго поперешняго. Во имя О. и С. и Св. Д. Аминь

(Извлечено изъ старинной рукописи въ с. Ворзогорахъ, Холмогор. у.).

101. На притчу.

Станетъ рабъ Божій (имярекъ), по утру и ввечерѣхъ, благословясь, умоется утренней зарей и вечерней, утрется бѣлымъ свѣтомъ, во лбу пекетъ красное солнце, въ затылкѣ свѣтлый мѣсяцъ, по косицамъ частныя мелкія звѣзды разсыпаются; пойдетъ изъ дверей дверьми, изъ сѣней сѣньми, изъ воротъ воротами, выйдетъ далече въ чистое поле, станетъ на четыре ростани, станетъ во востокъ лицомъ, на западъ хребтомъ. Во востокѣ свѣтъ истинный Христосъ на синемъ морѣ бѣлый камень, на бѣломъ камни бѣлый человѣкъ, въ бѣломъ платьѣ, свѣтъ-Георгій храбрый, у Георгія свѣта храбраго два молодца, два горазда удалыхъ, великихъ стрѣльца: одинъ сынъ Симіонъ, другой Герасимъ, ходятъ со тугимъ лукомъ, стрѣляютъ по сырому дубу. Ой же вы, Семевонъ да Герасимъ! не стрѣляйте по сыру дубу, стрѣляйте по приточнымъ ранамъ, отстрѣливайте, откалывайте у раба Б. и притчи, призоры, приточны оговоры, вѣтренны переломы, отъ черной печени, отъ ретиваго сердца.

Послѣ этого должны быть сказаны ключевыя слова, которыхъ колдунья не сказала изъ опасенія, что если она ихъ передастъ, то ея заговоръ не будетъ дѣйствовать, что можетъ сказать только передъ своею смертью.

(Запис. А. Тешенинъ въ посадѣ Сумѣ, Кемскаго у.)

102. Озевны или призорны шепотки.

Стану я р. б. N. благословесь, пойду перекрестесь изъ избы дверьми, изъ двора воротами, въ чистое поле за воротами. Въ чистомъ полѣ стоитъ святъ окіянъ камень, на святомъ окіянѣ камнѣ святая Государыня Богородица, Николай милостивый, Зосима и Савватій Соловецкіе чудотворцы, Варламій, Феодосій тотемскій, Аѳанасій наволоцкій, Прокопій устьянскій; св. апостолы Петръ и Павелъ, помогайте, пособите, на добро поучите, добрыхъ словъ поговорить, опахивать и омахивать своими золотыми ризами отъ р. б. N. отъ дѣвки черноголовки, отъ бабы бѣлоголовки, отъ колдуна, отъ колдуньи, соймите всѣ приточки, прикосы, озевы, оговоры, съ буйныя головы, съ ясныхъ очей, съ ретиваго сердца. Будьте мои слова всѣмъ сполнымъ сполна, которое слово забудено, будь незабудено, которое слово неисполнено, будь исполнено, будьте мои слова крѣпче булатнаго ножа, вѣкъ повѣку отъ нынѣ и до вѣка аминь.

(Нарядъ Устьпад. Удѣл. кон. прик. о достав. въ Арх. Удѣл. конт. этногр. свѣд. 1847 г. № 60).

103. Прикосъ или оговоръ человѣку.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь. Говори ты истинному Христу ангелъ святый господень: поди и опроси у р. б. N. нѣтъ ли у него скорби и болѣзни и прикосу или оговору, или вѣтренна прострѣла и воденнаго, и незапретило ли проходу или выходу въ 73 жилахъ и въ 73 составахъ; говори ты истинному Христу и ангелу святому Трифонъ святой: въ кое время на роспятіи былъ повѣшенъ истинный Христосъ отъ жидовъ и не чюлъ въ себѣ ни щепоты ни ломоты, и ни удару, и ни прикосу, и ни людскаго оговору, и ни вѣтреннаго прострѣлу, такожде бы и у р. б. N. не было бы ни прикосу и ни призору, и ни людскаго оговору и ни щепоты или ломоты, и было бы все по старому и прежнему всегда и послѣ. Во имя О. и С. и Св. Д. Всѣмъ моимъ словамъ небо есть ключъ. Аминь, аминь, аминь.

(Записано помощ. миссіон. Батраковымъ въ с. Ухтостровѣ, Холмогор. у.).

104. Слово прикосъ снять.

Говорить въ воду:

Стану я рабъ, божій имярекъ, благословясь, пойду перекрестесь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, на чистое поле; идутъ четыре жены Маріи къ церкви божей престолу Христову: первая святая жена Марія несетъ крестъ животворящей, а другая святая жена Марія несетъ святую воду, а третія святая жена Марія несетъ тиміянъ и ладанъ, четвертая святая жена Марія несетъ пелену нетлѣнную. Первая святая жена Марія огради крестомъ животворящимъ, вторая святая жена Марія окропи святою водою, третія святая жена Марія накади тиміяномъ и ладаномъ, четвертая святая жена Маріи оботри пеленою нетлѣнною отъ призору, отъ прикосу, отъ оговору, чтобы у меня, раба божія имярекъ, не ще-

пило, не болѣло на всякъ день, на всякъ часъ; вся крѣпость святаго Духа, аминь, аминь, аминь.

(Изъ стариннаго рукописнаго сборника, полученнаго изъ с. Ваймуги, Холмогор. у.).

105. Отъ колдуновъ.

Стану я рабъ б. благословясь, пойду перекрестясь изъ избы дверьми, изъ воротъ воротами, въ чистое поле подъ восточную сторону, подъ восточной стороной, есть акіянъ синее море, на томъ на акіянѣ на синемъ морѣ лежитъ бѣлолатырь камень, на томъ бѣлолатырь камнѣ стоитъ святая золатая церковь, въ той золотой церкви стоитъ святъ золотъ престолъ, на томъ златѣ престолѣ сидитъ самъ Господь Іисусъ Христосъ, Михаилъ архангелъ, Гаврiилъ архангелъ, Иванъ Богословъ, Иванъ Предтеча, Георгій храбрый, Николай святитель Христовъ угодникъ; я прійду рябъ б. и. въ чистотѣ, поклонюсь и помолюсь: о батюшка истинный Христосъ, Михаилъ архангелъ, Гаврiилъ архангелъ, Иванъ Богословъ, Иванъ Предтеча, Георгій храбрый, Николай святитель Христовъ угодникъ, обставьте кругъ меня р. б. и. тынъ желѣзный, верси булатны на 120 верстъ, окомъ не окинуть, глазомъ не увидѣть; пропущайте огненную рѣку! Оттовариваюсь я р. б. и. отъ колдуна, отъ вѣдуна, отъ колдуньи, отъ вѣдуньи, отъ чернова, отъ черемнова, отъ двоеженова, отъ троеженова, отъ двоезубовъ, отъ троезубова, отъ трубинова, отъ окошечнаго, отъ сѣнинова, отъ дѣвки пустоволоски, отъ бабы, отъ самокрутки, отъ всякаго злаго находа человѣка. Можетъ ли злой лихой человѣкъ заговорить громче громову стрѣлу, огненную молнію, можетъ ли испортить, изурочить мертваго? Не можетъ злой лихой человѣкъ колдунъ, колдунища, еретикъ, еретица, не можетъ громъ, громову стрѣлу и огненную молнію, не можетъ испортить, изурочить мертваго человѣка; бралъ бы злой, лихой человѣкъ колдунъ, колдунища, еретикъ, еретица, своими бѣлыми руками свой булатный ножъ, рѣзалъ бы онъ свое бѣлое тѣло своими бѣлыми руками, грызъ бы онъ свое бѣлое тѣло своими бѣлыми зубами; уста мои зубы, замокъ языкъ; во имя О. и С. Св. Д. Аминь.

(Заг. изви. изъ рук. старообр. Ж. М. Н. Пр. 1863 г. № 1, ст. Щапова стр. 59).

106. При накладываніи пояса, какъ средства противъ колдуновъ и ихъ порчи.

Во имя О. и С. и Св. Д. Аминь. Заговорю твое тѣло бѣлое и закрѣплю крѣпче стали и булату, крѣпче мѣди и укладу, крѣпче желѣза нѣмецкаго, крѣпче тугаго лука и каленой стрѣлы и подпояшу своимъ заговорнымъ поясомъ; и запру и замкну въ тридевять замковъ и тридевять ключей, и пущу ключи въ окіянъ море, а взяла ихъ щука, какъ щуку въ морѣ не поймать, такъ и тебя раба б. Н. не отмыкать, а кто ключи достанетъ, тотъ и отмыкнетъ. Аминь.

Отъ всѣхъ колдуновъ и ихъ заговоровъ и всякой порчи носятъ пояса на головѣ тѣлѣ изъ сѣтки (шарфа), и при этомъ талисманѣ не можетъ дѣйствовать никакое колдовство и никакая порча.

(Простонародная медицына, рукоп. статья Ив. Костылева.)

107. Чтобы испортить, или навязать килы.

Чтобы испортить кого либо, необходимо взять шерстяную нитку и навязать на ней узлы. Эту нитку нужно бросить гдѣ либо въ такомъ мѣстѣ, въ которомъ могъ бы наступить на нее тотъ, кого нужно испортить. При завязкѣ восьми двойныхъ узловъ говорятся слѣдующія слова:

1) «Выйду я на улицу, 2) брошу въ чисто поле, 3) въ разстанье, 4) межъ дворы, 5) въ луга, 6) въ моря, 7) въ лѣса, 8) въ зыбучія болота».

Когда завяжутся всѣ 8 узловъ, то говорится:

«Хоша и здѣсь оставлю; куды пойдетъ, тутъ и очутится.»

При завязываніи каждаго изъ 13 остальныхъ узловъ говорится:

«По позднему вечеру выйду я на улицу и откажусь я отъ Іисуса Христа, отъ царя земнаго, отъ Бога вышняго, отъ вѣры православной, отъ бытюшки, отъ матушки, предаюсь я къ нечистому духу, къ окаянной силѣ, прошу я ей помощи, чтобы она помогла мнѣ и пособила: поступаю я на вора разбойника, на деннаго грабильщика, на ночнаго полуночника, на (имя рекъ), и хочу я его свержить, хочу я его испортить: хоша среди дня, хоша среди ночи, хоша въ чистомъ полѣ, хоша въ темныхъ лѣсахъ, хоша въ зыбучихъ болотахъ, хоша соннаго, хоша дремучаго, хоша въ терему, хоша за столами дубовыми, хоша со явствами медовыми, хоша пошелъ бы онъ и запнулся бы, самого себя заклялнулся бы. Окаянные духи! придайте мнѣ силы, помогите и пособите мнѣ, чтобы не было (имя рекъ) ни въ день житья, ни въ ночь спанья, ни въ часъ моготы, ни въ полчаса терпѣжу. Хошъ бы схватило его грыжами

или стрѣлами, взяло бы его въ минуту или въ двѣ и узналъ бы онъ всѣ скорби и печали.»

Заклинаніе произносится обыкновенно вечеромъ, при чемъ заклинатель непремѣнно долженъ быть безъ креста. Знатоки этого дѣла совѣтуютъ передъ началомъ убить совершенно чернаго кота или кошку. Коль скоро тотъ, для кого приготовлено подобное заклинаніе, наступитъ на наговоренную нитку, то онъ спотнется и если при этомъ скажетъ какое либо скверное слово, заговоръ начнетъ свое дѣйствіе.

(Доставилъ г. Никольскій изъ г. Мезени).

108. Икоту напускать

При самомъ началѣ, когда учиться напускать икоту, снять съ шеи крестъ, положить въ сапоги подъ пяту, продержать полсутки, говорить слова:

«Отрекаюсь Бога и животворящаго Его креста, отдаю себя въ руки дьяволамъ.»

Шептать въ соль, упоминая имя человѣка, коему зло намѣренъ сдѣлать, не иначе во-первыхъ (прежде всего), какъ родственницѣ, упоминать слова:

«Пристаньте сему человѣку скорби, подъ названіемъ икоты, трясите и мучьте (имярекъ) до окончанія жизни».

Послѣ, вынувши изъ сапога крестъ, повѣсить на спину, въ то время будутъ дьяволы у тебя; помѣшкавъ сутки, перемѣнить по обыкновенному, напередъ, тогда дьяволы отъ тебя отойдутъ, а будутъ мучить того, на кого сіе учинишь. Соль же бросить на дорогу или въ другое мѣсто, коимъ тотъ человѣкъ ходитъ, съ приговоромъ:

«Какъ будетъ сохнуть соль сія, такъ сохни и имярекъ (тотъ человѣкъ, коему таковое зло учинишь). Отступите отъ меня дьяволи, а приступите къ нему.»

И не вдолгѣ сходить, соль ту разрыть, и сказать:

«Поди, дьявольщина, отъ меня прочь!»

И тогда злой духъ (икота) начнетъ мучить то о человѣка.

(Выписано П. С. Ефименкомъ изъ дѣла Пинежскаго Уѣдн. Суда, 1815 г.. о признавшемся чародѣѣ въ напускѣ болѣзней, подъ названіемъ икоты, крест. Пинежогор. волости Мих. Чупаревѣ, апрѣля 13 дня 1815 г.; по генер. описи подъ № 985).

109 Оберегъ отъ оружія и отъ всякаго погубленія.

а) Ложуся я рабъ Б. имрекъ—Богу помолюся, встаю р. б. имрекъ—крестюся, умываюся я р. б. имрекъ — благословлюсь водою бѣлъ, утираюся я р. б. им. престольною пеленою, иду я р. б. им.: далече бѣлая береза, подъ тою бѣлою березою стоитъ гробница, въ той гробницѣ лежитъ Афанасій чернецъ, старецъ Анисимъ патріархъ и посхимшеся именемъ, оставшеся каменемъ, и слово неговоритъ; еще въ чистомъ полѣ стоитъ Іоаннъ Предтеча и Спасъ милостивый Пресвятая Богородица, Никита столпникъ, Гаврілъ архангелъ, Сергій чудотворецъ, Петръ и Павелъ святыс апостолы, Михаилъ архангелъ, Гаврілъ архангелъ, Георгій храбрый, Николай святитель чудотворецъ, помолюсь я р. б. им. 12-ти апостоламъ, Іоанну Предтечи, Спасу милостивому, Пресвятой Богородицѣ, Никитѣ столпнику, Гаврілу архангелу, Сергію чудотворцу, Петру и Павлу святымъ апостоламъ, Михаилу архангелу, Гаврілу архангелу, Георгію храброму, Николаю святому чудотворцу, одѣваюся я р. б. им. небомъ, подпоясуся я р б. им. облаками, частыми звѣздами, на главѣ держу крестъ Христовъ, зарею обмываюся, небесною силою очищаюся, Господа Бога на помощь призываю, какъ Афанасій чернецъ, старецъ схимонахъ, постриженъ и посхимленъ, окаменемъ осташеся и съ каменемъ въ гробницѣ лежа, таиже и противникъ мой онѣмѣлъ. Крестъ на мнѣ р. Б. им., крестомъ я р. б. им. ограждаюся отъ сопротивника своего, сретика, сретицы, отъ клеветницы; замыкаюся я р. б. им. отъ грѣховъ девяносто позолоченными ключами, отъ колдунъ, отъ колдуницы, отъ волхвовъ и отъ волхвицъ, кину, кину я р. б. им. съ тѣхъ девяносто позолоченныхъ ключей въ окіанъ-море, и одинъ на днѣ лежитъ камень латырь, никому въ окіянѣ не бывать, и ключей моихъ не вынимать.

б) Во имя О. и С. и св. Д. аминь. Отъ земли до небеси около меня р. б. им. стоитъ, стоитъ градъ каменный; въ немъ породила пресвятая Богородица сына своего Господа нашего Іисуса Христа, ангела, архангела и великіе архангеліе: грозныхъ силъ воевода святый архангелъ Михаилъ и архангелъ Гаврілъ, и святой страстотерпецъ Дмитрій святый и храбрый Георгій; тѣ меня р. б. им. берегутъ со всѣхъ четырехъ сторонъ скипетры своими, не даютъ меня р. б. им. лихимъ людямъ стрѣлять и рогатиною колоти, ни чѣмъ бити, ни копіемъ вергнуть, ни саблею сѣчь, ни ножемъ ни колоть, ни мечемъ лихимъ людямъ сокрушати и ни чѣмъ бити служенника своего ангельскаго, мученическаго р. б. им. предъ царемъ Александромъ Македонскимъ, и всякой птицы совершеніемъ и утвержденіемъ, святыхъ вдовицъ умоленіемъ. Стой не ходи ко мнѣ рабу б. им. умолені-

емъ святыхъ апостоловъ и святыхъ отецъ, не ходи ко мнѣ рабу б. им., умоленіемъ всѣхъ святыхъ, которые сотворили волю Божію отъ начала и до сего дни; умоленіемъ вдовицъ стрѣла стой, не ходи ко мнѣ рабу б. им., черезъ Благовѣщеніе пресвятыя Богородицы и приснодѣвы Маріи, умоленіемъ всѣхъ святыхъ молитвами, аминь. Соблюди Господи и помилуй, заради и заступи и защити раба б. им. отъ стрѣлъ лѣтящихъ, и отъ всякаго желѣза, отъ булату и отъ укладу; и отъ камене, отъ стали и отъ мѣди зеленой, и отъ разныя проволоки желѣзныя, отъ всякаго древа русскаго и заморскаго, и отъ жимолости, отъ ружья ратнаго и воинскаго и отъ стрѣлъ и отъ пушекъ и отъ пищалки, и отъ самопаловъ и отъ пушекъ мѣдныхъ и отъ оловянныхъ, и отъ всякаго камени, отъ каменныхъ трескъ и оловяныхъ, и отъ свинцовыхъ, и отъ дроби всякой, и отъ всякаго пороху русскаго и заморскаго, и отъ всякаго древа, и отъ всякаго погубленія на семъ свѣтѣ отъ востока до запада, отъ земли и до небеси, отъ всѣхъ четырехъ сторонъ, и отъ всякой птицы перыя и отъ всякаго погубленія черемисскаго и татарскаго, бухарскаго и крезинскаго (sic), и отъ литовскаго и чернаскаго, и отъ латынскаго и нѣмецкаго, и отъ русскихъ людей не мирныхъ, и отъ всякихъ нечистыхъ родовъ, и отъ всякаго врага и супостата. Аминь. Крестъ хранитель, крестъ всея вселенныя крестъ креста церковнаго; крестъ царская держава, крестъ вѣрнымъ утвержденіе, крестъ ангеламъ слава, крестъ бѣсамъ язва. О святый великій Іоанне пророче и предтече, крестителю Господень, отгони отъ меня раба б. им. Иродовыхъ 12-ти дщерей и сохрани меня грѣшнаго раба своего им. душу мою и тѣло цѣло издраво, до окончанія живота моего и во вѣки вѣковъ, аминь, аминь, аминь.

Читать по утрамъ и зарямъ трижды.

(Заговоры, извлеч. изъ рукописей старообрядческихъ Ж. М. Н. Пр. 1863 г. № 1.; а также Щапова Истор. очерки народ. міросоз. и суевѣрія стр. 54. Извѣстны и въ Архангельской губерніи).

110. Слова на кулачный бой.

Во имя Отца и Сына и св. Духа. Аминь. Стану я р. б. благословясь и пойду перекрестясь изъ избы дверьми, изъ двора воротами, умоюсь не водою, но росою и утруся шелковымъ полотенцомъ, помолюся Спасу пречистому и Матери Божіей Богородицы, Михаилу Архангелу и Гаврiилу Архангелу, Петру и Павлу верховнымъ апостоламъ; взойду я р. б. Н. краснымъ солнцомъ, облеку на себя свѣтлый мѣсецъ, опояшусь румяными зорями, обтычусь частыми звѣздами, что острыми стрѣлами отъ недруга и супостата. И какъ жидове Христа роспинали и били его деревомъ и копіемъ и веревкою, и какъ истинный Христосъ не чюлъ въ себѣ ни щепоты, ни ломоты, ни опухоли, ни въ кос(т)ьи, ни въ жильи, ни въ бѣломъ тѣлѣ, ни въ ретивомъ сердцу. И такъ бы и я р. б. не чюлъ въ себѣ ни щепоты и ни ломоты и ни опухоли ни въ кости, и ни въ жильи, ни въ бѣломъ тѣлѣ, ни въ ретивомъ сердцу. И какъ въ въ свѣтлое Христово воскресенье радовалось красное солнце и апостоли и вси святыи и весь міръ православный, и какъ радуется зоря, ждетъ и дожидаетъ краснова солнца и какъ на красное солнце зрятъ и смотрятъ цари и князи и вси начальницы и весь міръ православный; также бы и меня р. б. Н. ждали и дожидали, зрѣли и смотрѣли цари и князи и начальницы и весь міръ православный. И какъ далече въ чистомъ полѣ лежитъ кость отвердѣла и окостенѣла, какъ крѣпко и какъ твердо; такъ же бы и у меня р. б. Н. окаменѣло бѣлое тѣло и ретивое сердце и горячая кровь. И какъ далече въ чистомъ полѣ лежитъ сѣръ горючій камень окаменѣлъ, сколь крѣпко и твердо, и также бы у меня р. б. Н. окаменѣло бѣлое тѣло и ретивое сердце и горячая кровь, и буди мой кулакъ по семи фунтовъ. И тѣ мои слова будьте крѣпки и емки, и тѣмъ моимъ словамъ небо ключь, а земля замокъ.

(Записано помощ. миссіонера Батраковымъ въ с. Ухтостровѣ, Холмог. у.)

111. Тоже.

Стану я р. б. благословясь, пойду перекрестясь изъ избы въ двери, изъ воротъ въ ворота, въ чисто поле въ востокъ, въ восточную сторону, къ окіану морю, и на томъ святомъ окіянѣ-морѣ стоитъ старъ мастеръ мужъ и у того святаго окіана-моря, сырой дубъ крековастый, и рубитъ тотъ старый мастеръ мужъ своимъ булатнымъ топоромъ сырой дубъ, и какъ съ того сыраго дуба щепа летитъ, такожде бы и отъ меня имр. валился на сыру землю борецъ добрый молодецъ, по всякій день и по всякій часъ. Аминь. (Трижды).

И тѣмъ замокъ моимъ словамъ, ключь въ море, замокъ въ небѣ, отъ ныни и до вѣка.

(Загов. извл. изъ рук. староб. Ж. М. Н. П., 1863 № 1. ст. Щапова, стр. 60. Извѣстенъ и въ Архангельской губ.)

VIII. СКАЗАНІЯ И СКАЗКИ.

А. СКАЗАНІЯ *)

1. Сказаніе о муцѣхъ, ихъже Михаилъ Архангелъ показа Пресвятѣй Богородицѣ.

Рече Пресвятая Богородица къ Михаилу Архангелу: поведи мена, гдѣ мучатся многи народы, и гдѣ тьма кромѣшная, черви несыпучіе и мука вѣчная.

И приведе ю ко древу желѣзному, стоитъ древо желѣзное, на немъ вѣтки огненныя, и тутъ многіе народы мучатся. И рече Мати Божія: сіи люди за кія дѣла мучатся? И рече: сіи суть судіи неправедніе. О горе имъ, горе!

И приведе ю Михаилъ ко рѣкѣ огненной и въ ней людіе стоятъ: по колѣно,—то блудъ творящіе и отцовъ не почитаючи; по поясъ,—то отцы латыни дѣти свои уччи; по уста,—то свитокъ сей отмстаючи.

И приведе ю къ рѣкѣ темной, въ ней вопль, пискъ и визгъ страшенъ зело, и въ ней сидятъ жидови дѣти, и брады брѣючи и кохтія не сохраняючи.

И приведе ю къ огню великому, и въ немъ въ котлахъ кипятъ, иже пятницы несоблюдаючи, искры питаются, дымомъ напиваются и мучатся.

И приведе ю къ червямъ несыпучимъ и къ молію неисытному и ядитъ червіе и грызутъ моліе, иже въ среды на сыръ разрѣшаючи, и въ дышло ѣздючи.

И приведе ю къ озеру смолью кипучему и въ немъ мучатся архіереи, попы и дьяки и весь причетъ церковный, зане ругу и яица собираше, усы подстригаше, и съ боляры хлѣбъ-соль водяше, браги много испиваше, по долгу спаше, того ради тіи мучатся.

И приведе къ зміямъ лютымъ многоглавымъ и тіи сгрежутъ тѣлеса человѣчи, и то суть бояри злые, бояри жестоіе, и нѣмцы управители и сѣнныя клюшницы, иже батогами православныхъ отъ барскихъ погребовъ отгоняючи.

И приведе ю къ дракону змію, кохти желѣзны, языки огненны, и сосетъ кровь человѣчу и кусками мяса заядаетъ, а то прикащики и выборные, иже оброкъ сбираше, на барску работу посылаше, и дѣти православныхъ въ науку обираше и въ солдаты иныхъ отдаваше, сущіи міроѣды, за то имъ и мука.

И приведе ю, гдѣ діаволи жгутъ тѣло человѣка, и какъ пряжу на клубки мотаютъ, и это зачѣмъ колдунамъ не вѣрили, за чѣмъ ворожбой не ворожили, за чѣмъ пива хорошаго не варили, сытой не сытили и православныхъ не честили.

И рече Мати Богородица со слезами: о горе бѣдному роду человѣческому! и возмолись къ Сыну своему: помилуй ихъ, Сыне мой! И рече къ ней Сынъ Божій: ито будетъ носить сей свитокъ, того помилую, сниму съ него всѣ грѣхи, а кій человѣкъ его отринетъ и деньги за него грамотѣю не дастъ, тому мука безъутѣшная, сгрежетъ зубовъ, мразъ, огнь, аминь.

2. Пятничный свитокъ.

Желающій угодить Господу Іисусу Христу долженъ соблюдать и поститься двѣнадцать пятницъ, и кто сіе соблюдаетъ, тотъ хотя и Богу не молится и въ церковь не ходитъ, и евангелія не читалъ, спасется.

Первая пятница, на первой недѣли великаго поста. Кій человѣкъ въ ту пятницу постится, внезапною смертію не умретъ, по и изъ воды сухъ, изъ огня не опаленъ, и изъ всякой бѣды чистъ выйдетъ, и если при смерти не будетъ священника, ангелъ причститъ его.

Вторая пятница, предъ Благовѣщеніемъ Богородицы.

*) Печатаемыя здѣсь три сказанія записаны священникомъ Лисестровскаго прихода Ѳедоровымъ.

Постящійся въ оную отъ напраснаго убійства сохранится, никакой грѣхъ ему не вмѣнится, но все простится.

Третія пятница, на страстной недѣли. Постящійся въ оную отъ непріятеля избѣгнетъ и всякаго колдуна попѣдитъ, и бѣшеная собака никогда не укуситъ.

Четвертая пятница, предъ Сошествіемъ Святаго Духа. Кій отецъ не имѣетъ дочерей и ни одного сына, тотъ постись въ оную, и кая мать желаетъ дочери, та постись въ оную. *(За сими пропускъ).*

Шестая пятница, предъ Рождествомъ Іоанна крестителя. Постящійся въ оную не будетъ страдать головною и зубною болію, прострѣлъ его не ударитъ, и онъ ни въ чемъ скудѣть не будетъ.

Седьмая пятница, предъ днемъ Пророка Иліи. Постящійся въ оную избавленъ будетъ отъ муки и ада, отъ сего же разведутся хорошія лошади и легкіе роды.

Осьмая пятница, предъ Успеніемъ Божіей Матери. Постящійся въ оную получитъ смирную жену, красивыхъ дѣтей и не пострадаетъ отъ язвы.

Девятая пятница, предъ днемъ Козьмы и Даміяна. Постящійся въ оную всякій судъ высудитъ, всякаго богача осилитъ и на войнѣ не поразится.

Десятая пятница, предъ днемъ Архангела Михаила. Имя постящагося въ оную напишется у Богородицы на престолѣ, и ангелы возьмутъ его душу.

Одиннадцатая пятница, предъ Рождествомъ Христовымъ. Постящійся въ оную, хотя годъ или больше пролежитъ на смертномъ одрѣ, но умретъ безъ страданія.

Двѣнадцатая пятница, предъ Богоявленіемъ Господнимъ. Постящійся въ оную будетъ знать всякую тайну и будетъ написанъ на Моисѣевѣ жезлѣ у самаго Іисуса Христа.

Кто сему вѣруетъ и помянутыя пятницы честитъ, тотъ блаженъ и преблаженъ, а кто сему, яко заповѣданію Божію не вѣруетъ, тому анаѳема, проклятъ, таръ-тарары и преисподняя, аминь.

3. Отчего уставися вино душепагубное *).

Братіе, разумѣимъ хмѣльное питіе отъ бѣса сотворшаго на пагубу душамъ православнымъ христіанамъ и на вѣчную муку. По вознесеніи Господа нашего Іисуса Христа, ходяща ученицы Господни по земли и учаше люди заповѣди Господни, истинныя вѣры христіанскія: закону Божію. Сатана же, завистію своею распаляемъ, позавидѣ доброму дѣлу Божію и нача съ бѣсы бесѣдовати, како бы уловити и погубити родъ человѣческій піянствомъ наипаче вѣрныхъ христіанъ, и выступи у нихъ единъ-изъ собору піяный бѣсъ и глагола сатанѣ: «азъ вѣдаю, господине, отъ чего сотворить горѣлку-піяное вино». Сатана же даде ему власть піяную и нача съ нимъ бесѣдовати, и глагола ему бѣсъ: «еще азъ вѣдаю, господине, яко осталось тоежъ травы, что есмь прельстилъ Ноеву жену до потопа на Аравійскихъ горахъ, и азъ пойду по тую траву и прельщу человѣка нѣкоего, его же обрящу.» Воста сатана съ престола своего съ бѣсы и поклонися ему до земли, и воздаша ему честь великую, и посадиша его на престолѣ своемъ, и положи на главу его вѣнецъ, и облече его въ порфиру, и даде ему скипетръ царскій, и нарече ему имя, піяный бѣсъ. По мнозѣ времени пойде бѣсъ путемъ своимъ, и обрѣте человѣка нѣкоего въ Палестинѣ идуща изъ града во иный градъ, обнищавша зѣло, и рече бѣсъ человѣку тому: «куда идеши человѣче?» и глагола ему человѣкъ: «скитаюсь отъ бѣдности.» И рече бѣсъ человѣку тому: «возвратися вспять и поди во градъ, изъ его же пришелъ еси сѣмо, во времени пріиди на уроченное мѣсто сіе, иже пріобрѣтоша себѣ; при рѣцѣ источникъ течетъ, азъ ти сотворю предивную вещь и дамъ ти, и будеши у царя пожалованъ, чего ты не видалъ.» И пойде человѣкъ той въ путь свой, а бѣсъ тогда побѣжа скоро на Аравійскія горы и взя траву, еже есть хмѣль, и возвратися на прежде-реченное мѣсто и приготовиша сосуды-кубы, трубы и кади. По времени пріиде и человѣкъ той на уроченное мѣсто, идеже бѣсъ призываль. Научи его бѣсъ, како ростить солодъ и варить брагу, дондеже выкиснетъ, и уготовиша горнъ и горшки и поставиша кубы и налиша браги, на крыши и окружа горшки и тестомъ замазаша, трубами сквозе роспустиша и налиша кади воды и положиша подъ кубъ огня, начаша варити. И пойде сквозе кади трубами, яко нѣкая хитрость-мудрость и на умъ человѣкомъ не взыде. Такъ умудрилъ бѣсъ на погибель человѣкомъ и наипаче православнымъ христіанамъ и наливъ скляницы и даде человѣку тому, и посла его къ царю, яко дары честны, и по времени созва царь вельможъ своихъ и нача дивитися, каково сіе есть питіе, и налія чашу и испиша царь, и потомъ даде вельможамъ

*) Другое заглавіе: «видѣніе блаженныя памяти государя царя и великаго князя Іоана Васильевича всея Россіи о хмѣльномъ питіи.

своимъ и быша веселы, и начаша человѣка того дарити, чего ему на сердце не взыде, и глаголаше царь человѣку тому: «кто тебѣ указалъ питіе сіе сотворити, человѣка того ко мнѣ послати и азъ дамъ ему полцарства моего». А бѣсъ пойде тогда въ свое мѣсто и поклонися сатанѣ и сказа ему: «все потребно како сотвори піяное питіе и человѣка къ царю его отпусти, яко цары честны.» Радъ бысть сатана вельми и нача дивитися и даде ему власть царскую по обѣщанію своему. И еще даде ему сатана въ почесть на помощь триста бѣсовъ ко піянству людей пригонять, а наипаче православныхъ христіанъ. И бысть честенъ и великъ той бѣсъ у сатаны. Человѣкъ той, коего бѣсъ научи дѣлати піяно вино, прііде отъ царя на прежде реченное мѣсто и не обрѣте бѣса, возвратися скоро къ царю: «не вѣмъ, царь, откуда человѣкъ еси пришелъ и камо ушелъ. Не скорьби царь о семъ: азъ умѣю зеліе то сотворити.» И бысть той человѣкъ первый у царя въ палатѣ съ вельможами и другъ царю. Разнесеся то піяное питіе въ Кесарію и Литву и по всѣмъ царствамъ и странамъ, и потомъ же на кончину вѣка сего и къ намъ, въ русскую страну, на погибель душамъ христіанскимъ и на муку вѣчную. Потомъ прііде въ русскую страну злая брань матерная на осквереніе земли и воздуха и всея твари. Затѣмъ прііде въ русскую страну антихристово питіе сухое.

Б. СКАЗКИ.

1. О молодцѣ и прекрасной дѣвицѣ, величавой Душѣ.

Бѣ нѣкій молодецъ, дивенъ дворянинъ боярскаго рода, въ красотѣ юности и храбрости своей чуднѣ блистался корпусомъ, политическими науками паче германскихъ бывателей. Нѣкогда случилося ему бесѣдовать съ прекрасною дѣвицей, величавой Душой наединѣ. Рече младой юноша: «о душа моя, милая, прекрасная Дѣвица! гуляхъ я, младый юноша, по многимъ землямъ и по многимъ городамъ, въ Цареградѣ великомъ, во Франціи премудрой, въ Гишпаніи прекрасной и Греціи прекрасной, и въ Италіи во бодрой, и въ прочихъ городахъ немѣцкихъ, на восточную сторону и подъ западную, и не могъ я найти, какъ ты моя милая, душа прекрасная дѣвица. Дондеже врѣніемъ благолѣпнѣшія персоны вашей не усладился, точію слухъ былъ о красотѣ вашей, имѣлъ многія безпокойства о вашей красотѣ; нынѣ же, егда ваше лице зрительно узрѣхъ, въ подлинное увѣреніе пришелъ; ибо ты, украсившися юностію своею, аки маковъ цвѣтъ, блистаешися природой твоей персоны румяностію, аки кринъ сельный, умѣренностію возраста подобящися Елѣ троянской, премудростію спѣеши, аки Венера избраннѣйшая, разумомъ цвѣтеши, аки Семирамида царица пречудная.» Слышавъ сіе отъ молодца величавая Душа посмѣися рече: «кто неподивится твоему безумію, вѣдая, что не знаться лучше дворянину съ боярыною счастливою. Откуда ты пришелъ, чертъ тя знаетъ! Отъ глупыхъ ли ты, отъ безумныхъ молодцовъ, несъ ли тебя добывалъ? мѣняльница ли тебя родила? Свинья ли тебѣ баба? Медвѣдица ли тебя пестовала? Курица ли тебя воздоила? Коза ли тебя воскормила? Ежовая кожа, рачья рожа, медвѣжій взглядъ, облѣчье видѣніе, куничій носъ, налитыя губы, окуньи зубы, кобылья голова, собачій рыскъ, телячій умъ, овѣчій смѣхъ; кабы у тебя не уши, былъ бы ты вмѣсто ворогуши.» Сіе молодцу хотя и весьма горько, обаче въ ничто вмѣнивъ, сице рече: «о душа моя милая, прекрасная дѣвица, павлиное твое видѣніе, голубиное твое ступаніе, соколиное твое зрѣніе, бумажное твое тѣло, перепелныя твои кости, златовидные твои власы, сахарныя твоя уста, ароматное твое дыханіе, сосцы твои яки яблоки въ саду, руки твои наполнены щедрости.» Но прехвальная дѣвица рече удалому молодцу: «откуду тебѣ таковая дерзость прііде, яко хощешь меня музыкательными словами склонить въ любовь себѣ, ибо его мышья тропа Езопова притча, подподольная звѣзда, запечной свѣрчокъ, батанинъ стольникъ, адскій дворникъ, заугольный добытокъ, дьявольской прибытокъ, полудница худой ржи, ночной нетопырь, банный слизъ повисъ голову свой внизъ. Жилъ бы ты, бѣдный, дома, пилъ бы ты лапти, ѣлъ бы оскребки, пилъ бы ты болотную воду со ржавчины.» Отчего молодецъ пришелъ во изступленіе своего разума; не можетъ отвѣчать противъ прекрасной дѣвицы. Обаче укрѣпился рече: «видъ мой предражайшихъ очей укрытися не можетъ, тако же твоя красота не можетъ во всей подсолнечной. Аще мнѣ волей принять неизволиши, не то и по неволѣ принять будешь. Какъ стѣнь безъ краснаго солнца завсегда мраченъ есть, такъ твоя красота безъ любви друга своего въ мрачномъ рубищѣ; и какъ въ прекрасныхъ поляхъ апартаменты безъ покрововъ своихъ въ краткомъ времени разрушаются, такъ твоя красота, не имѣя любезнаго своего друга, скоро изгибнетъ; какъ дерево съ листвіемъ своимъ въ лѣтѣ слаще украшается, пришедшая зима, не имѣя прохладнаго Фавонія, вскорѣ лишается

красоты,—тако и ты, аще возлюбишь друга, аки въ лѣтѣ непреставъ украситься имаши. Аще же имѣть не будешь вскорѣ лишишься красоты лица твоего; и яко корабль безъ оной погружается съ волнъ морскихъ, такъ и ты, не имѣя друга своего сладчайшаго, вскорѣ погрязнеши въ печалѣхъ люттѣйшихъ, и какъ пріятнѣйшей сладости растворенное музыками мое играніе, аще и въ пребезмѣрной горести пребываеши, увеселитъ, такъ твоя красота да будетъ въ радости на вѣкъ со мною». *(безъ конца)*.

2. Диво дивное, чудо чудное.

Въ нѣкоторомъ градѣ иностранныя земли жилъ нѣкій богатый купецъ, по имени Славеръ, и тотъ купецъ торговалъ дорогими и знатными товарами и отсылалъ также и въ иныя государства для лучшаго барыша. Въ нѣкое же время сдумалъ самъ туда ѣхать съ своими товарами, и когда началъ онъ собираться въ корабль, то спросилъ свою жену: «радость моя! что велишь купить тебѣ въ гостинецъ: я ѣду въ иностранныя земли.» Жена его на то ему отвѣчала: «другъ мой сердечной! ужъ я всѣмъ у тебя довольна и все у меня есть, такъ мнѣ ничего не надобно; а купи ты мнѣ диво.» Купецъ подумалъ и сказалъ женѣ: «хорошо.» Потомъ приказалъ одинъ корабль нагрузить лучшими своими товарами, и послѣ чрезъ нѣсколько дней поплылъ; и чрезъ три мѣсяца пристalъ къ одному какому то незнакомому ему совсѣмъ городу, гдѣ распродалъ всѣ свои товары и послѣ, накупивъ тамошнихъ товаровъ, нагрузилъ опять корабль свой. Ходилъ тотъ купецъ по городу и думалъ, гдѣ найти ему купить диво, и попался ему навстрѣчу незнакомый человѣкъ и примѣтилъ, что сей купецъ гораздо призадумался, и сталъ ему говорить: «господинъ-купецъ! скажи пожалуй тоску, печаль свою; авось либо я тебѣ въ чемъ помогу сдѣлаю» — «Добрый человѣкъ, сказалъ ему въ отвѣтъ купецъ Славеръ, какъ мнѣ молодцу не кручиниться, ищу я купить женѣ своей диво, да незнаю гдѣ». — «Ты давно бы мнѣ сказалъ, молвилъ ему незнакомый человѣкъ, поди со мной, у меня есть диво-дивное чудо-чудное, и ты краше меня ни гдѣ ненайдешь.» Купецъ обрадуясь пошелъ съ нимъ. Незнакомой человѣкъ привелъ купца въ свой домъ и сказалъ: «видишь ли ты на дворѣ у меня гуся?» «Вижу», отвѣчалъ ему купецъ. «Такъ смотри же, что съ нимъ будетъ» — молвилъ незнакомой человѣкъ и, проговоря сіи слова, закричалъ гусю: «гусь поди сюды!» Гусь тотчасъ пришелъ въ горницу; незнакомой взялъ сковороду, а потомъ сказалъ: «гусь, ложись на сковороду!» Когда гусь легъ на сковороду, тогда онъ взялъ сковороду и поставилъ въ печь и какъ скоро изжарился гусь, то незнакомой человѣкъ поставилъ его на столъ и просилъ купца, чтобъ онъ съ нимъ поѣлъ того гуся, но чтобъ костей его не бросать подъ столъ. Купецъ сѣлъ съ нимъ вмѣстѣ застолъ ѣсть гуся, и когда они всего его съѣли, тогда незнакомецъ, свернувъ кости въ скатерть, бросилъ на полъ и молвилъ: «гусь! встань, встрепенись и поди на дворъ». Гусь всталъ, встрепенулся и сталъ живъ по прежнему и пошелъ на дворъ. Купецъ тогда сказалъ: «подлинно, что есть диво-дивное и чудо-чудное;» а потомъ началъ того гуся торговать, и сторговалъ его за дорогія деньги, и взялъ его на свой корабль И послѣ того скоро отправился во свое отечество купецъ, привозитъ гуся, сказалъ женѣ, какія чудеса съ тѣмъ гусемъ дѣлаются, что изжаривъ его и съѣшь, онъ опять оживетъ. Тогда жена его обрадовалась и говорила своему мужу: «вотъ у меня всякой день будетъ жаркое некупленное.» На другой день послѣ того пошелъ купецъ въ лавку свою торговать, а къ женѣ его пришелъ любовникъ. Купчиха рада была такому гостю и вздумала поподчивать его жареннымъ гусемъ, а печка тогда топилась. Она закричала: «гусь! поди въ горницу.» Гусь тотчасъ пришелъ, потомъ сказала: «гусь! ложись на сковороду!» гусь не слушаетъ ее и нейдетъ на сковороду. Она осердилась на гуся, что не слушаетъ ее; ударила его сковородникомъ, тогда сковородникъ однимъ концомъ прильнулъ къ гусю, а другимъ къ купцовой женѣ такъ плотно, что никакъ оторвать его нельзя. Купчиха закричала своему любителю: «ахъ, дружокъ мой! пожалуй оторви ты сковородники отъ руки моей; конечно этотъ гусь проклятой непростъ, а завороженъ». Любитель купчихи взялся было оторвать сковородникъ отъ руки ея, но и самъ тутъ же прильнулъ; тогда гусь потащилъ ихъ обоихъ къ лавкѣ купца Славера. Купецъ, увидя свою жену съ незнакомымъ человѣкомъ и всѣхъ вмѣстѣ сольнувшихъ, удивился и велѣлъ своему прикащику разнять. Тотъ тутъ же прильнулъ. Купецъ догадался тому диву, взялъ самъ и сталъ ихъ разнимать, и разнявъ всѣхъ, спрашивалъ свою жену о томъ человѣкѣ, который съ нею былъ сольнувши. Она принуждена была мужу своему признаться во своемъ проступкѣ; купецъ же незнакомаго человѣка любителя жены своей отпустилъ.

3. О Марьѣ царевнѣ.

Не въ какомъ царствѣ, не въ какомъ государствѣ, былъ жилъ царь съ царицею, и была у нихъ одна дочь, Марья царевна; а какъ умерла царица, то онъ взялъ Ягичну, и у Ягичны родилось двѣ дочери: первая двоеглазая, а другая троеглазая. Ягична падчерицы незалюбила; послала ее пасти коровушку буренушку, дала ей съ собой сухую краюшку хлѣба. Она пошла въ чистое поле, въ праву ножку поклонилась, напилась, наѣлась, хорошо срядилась; за коровушкой буренушкой день ходитъ какъ барыня. День прошолъ, опять поклонилась въ праву ножку, разрядилась; пришла домой, краюшку положила на столъ: «чѣмъ сука сыта живетъ?» спрашиваетъ Ягична. Прошелъ другой день, взяла опять туже краюшку, и посылаетъ Ягабовна большую дочь свою посмотрѣть, чѣмъ Марья царевна питается. Пришла; сестра говоритъ: «дай, сестрица, поищу въ головкѣ.» Стала искать, говоритъ: «спи, спи, сестрица! спи, спи, спи родима! спи-спи вся». Стала и пошла къ коровушкѣ буренушкѣ. Поклонилась въ правую ножку, напилась, наѣлась и срядилась, и ходитъ день какъ кбарыня. Пришелъ вечеръ, говоритъ Марья царевна: «ставай, сестрица! ставай, родимая! пойдемъ домой,!» — «Охти мнѣ! я все проспала, меня мати забранитъ, ни чего невидѣла». Пришла домой, спрашиваетъ мати; «что ѣла,?» — «Я ничево не видѣла.» Стаетъ по утру, посылаетъ другую дочерь; говоритъ: «поднко, сука! что она пьетъ и ѣстъ?» Пришли въ чистое поле буренушку пасти; говоритъ Марья царевна: «дай я тебѣ, сестрица, въ головушкѣ поищу». — «Поищи, сестрица! поищи, родима!» Стала искать. «Спи—спи, сестрица; спи—спи родима! спи-спи глазокъ! спи-спи другой! спи-спи вся сестрица!» а третій глазокъ глядитъ, что робитъ сестрица. День проходитъ, поклонилась въ праву ножку, напилась, наѣлась и раздѣлась. «Ставай, сестрица! ставай, родима.» — «Ох-ти-мнѣ! Я все проспала, меня мати забранитъ.» Пришла домой, краюшку на столъ положила. Стала мать спрашивать дочерь: что пьетъ и ѣстъ? Говоритъ: «пошли въ чистое поле, стала умеия въ головушкѣ искать: спи, сестрица! спи, родима! спи, глазокъ! спи, другой! а умеия третье-тъ глазокъ и видитъ». Матерь говоритъ: «рѣжь, старикъ, коровушку буренушку». Зарѣзалъ коровушку, Марья царевна говоритъ: «дай, дѣдушко родимой! хоть гузенную кишочку».» Бросилъ старикъ въ рожу. Посадила къ вереѣ, выросъ ракитовъ кустъ; всякія птички-пташечки поютъ пѣсни царскія и крестьянскія. Прослышалъ Иванъ царевичь про Марью царевну, пришелъ Иванъ царевичь, положилъ блюдо на столъ; Ягична послала свою дочь ягодъ брать. Птички и близко не подпустили, не дали, а выпустили Марью царевну. Взяла блюдичко и пошла ягодокъ брать; она беретъ, а птички-пташечки вдвое да втрое на блюдо кладутъ, пришла положила на столъ и поклонъ отдала. Веселымъ пиркомъ да и свадебкой. Взялъ за себя Иванъ царевичь Марью царевну. Долго-ли, коротко-ли жили, родила сына; захотѣла къ отцу въ гости. Пріѣхали въ гости, мачиха оборотила ее гусемъ, и свою дочь срядила Ивану царевичу въ жену. Пріѣхалъ въ домъ пестуна старична. Старичекъ стаетъ по утру ранехонько, умывается бѣлехонько и пошелъ въ чистое поле къ кусточику. Летятъ гуси. «Гуси! вы гуси! сѣрые гуси! гдѣ вы видали младенаго?» Матерь на землю скочила, кожухъ сдернула, другой сдернула, взяла младенца на руки, взяла сосать. Сама реветъ: «севодня посошу, да завтра посошу, да послѣ завтра, и улечу за темные лѣса, за высокія горы.» Старичекъ пошелъ домой, паренекъ спитъ до утра безъ разбуду. По утру опять старичекъ стаетъ ранехонько, умывается бѣлехонько. У Ивана царевича жена бранится: «что старикъ всего заморилъ сына?» Пошелъ старичекъ въ чистое поле, а Иванъ царевичь не видимо за старичкомъ идетъ. Сѣлъ къ кусту, а Иванъ царевичь въ кустъ забрался. Летитъ гуси сѣрые: «гдѣ младенаго матку видали?» — «Въ другомъ стадѣ.» Летитъ другое стадо, летитъ. «Гуси! вы гуси! гдѣ вы младенаго матерь видали.» Младенаго матерь на землю скочила, кожу сдернула, бросила на кустъ, стала младенаго сосить. Стала прощаться съ нимъ: «улечу за темные лѣсы.» Младенца старичку отдала. «Что, говоритъ, смородомъ пахнетъ?» Хотѣла надѣвать космы, хватилась и нѣтъ ни чего. Иванъ царевичь захватилъ Марью царевну. Она оборнулась скакухой ящерицой и всякой гадиной, повернулась веретешечкомъ и переломилась на двое. Пяткой на задъ бросилъ, стало денегъ кошелекъ; носокъ предъ себя, стала молодая молодица. И пошли домой. Ягична реветъ: «разорительница идетъ.» И собралъ князей и бояръ; говоритъ: «съ которой одной прикажите жить?» Онѣ сказали: «съ первой.» — «Ну, господа! которая жена на ворота скорѣе скочитъ, съ той и жить стану,» Ягична какъ говорить взлезла, а Марья царевна только цапается, а вверхъ не лезетъ. Тутъ взялъ Иванъ царевичь свое ружье и застрѣлилъ Ягичну, а съ Марьей царевной сталъ жить, да поживать, да добра наживать.

4. О старикѣ и старухѣ и о сынѣ ихъ Ѳедорѣ Ивановѣ.

Не въ которомъ мѣстѣ былъ старикъ съ своей старушкой, у коихъ былъ одинъ сынъ по имени Ѳедоръ Ивановичъ. Сдумали старикъ и старуха своего сына учить разнымъ наукамъ; отдали одному богатому купцу на три года. Послѣ трехъ годовъ купецъ говоритъ старику: «приходи по сына!» Старичекъ приходитъ, близко-то сынъ отца своего увидѣлъ и обвернулся соколомъ, и прилетѣлъ ему на встрѣчу и сѣлъ ему на голову А старикъ ужахнулся: «кто же меня прельщаетъ?» Соколъ съ головы соскочилъ и ударился о сыру землю и сталъ такой молодецъ, что такова въ свѣтѣ нѣтъ, и говоритъ ему: «здраствуй, батюшка! идешь сюда за мной, только трудно меня взять, да и трудно меня узнать. Купецъ выведетъ тридцать жеребцовъ, какъ одинъ; то ты смотри, я буду съ правой руки третій; ты не хватай за узду, а говори: мой сынъ!»—и обвернулся опять соколомъ, улетѣлъ въ свое мѣсто. Такъ пришолъ старикъ къ купцу и постучалъ подъ окошкомъ и говоритъ: «господинъ купецъ! отдай моего сына!» Отвѣчалъ купецъ старику: «хорошо, старичекъ! только извольте помѣшкать съ полчаса». Ида на конюшню вывелъ купецъ къ старику тридцать жеребцовъ, какъ одинъ. Тутъ старичекъ къ жеребцамъ приходитъ поближе, жеребцы копытами бьютъ о землю. Старикъ съ правой руки третьяго жеребца хватилъ за узду и сказалъ: «это мой сынъ!» купецъ: «Да правда, сынъ твой Ѳедоръ Ивановичъ; только я его отдать теперь тебѣ не согласенъ, а приходи завтра рано и выбери второй разъ, то и получить можешь». Старикъ ночь переночевалъ, по утру стаетъ ранешенко, умываетца бѣлешенько и снаряжается скорешенько, идетъ къ купцу подъ окошко, постучался и сказалъ: «господинъ купецъ! отдай моего сына!» Отвѣчалъ купецъ: «только извольте погодить съ полчаса времени, и приходи по сына сюда». Какъ полчаса миновало, старикъ опять подходитъ. Сынъ его обвернулся соколомъ, полетѣлъ ему навстрѣчу и сѣлъ на голову; старикъ ужахнулся: «ахъ, кто меня прельщаетъ?» А соколъ соскочилъ съ головы, ударился о землю, сталъ такой красавецъ и говоритъ: «здраствуй, батюшка! пришелъ ты сюда по меня, только трудно меня взять да и трудно узнать; выведетъ купецъ тридцать дѣвицъ, какъ одну, я-жъ натычу назадъ булавокъ; то ты батюшка, ходи по всѣмъ дѣвицамъ по головамъ рукой, гдѣ уколетъ, ту и бери за руку и говори: «вотъ сынъ мой, Ѳедоръ Ивановичъ!» Когда вывелъ купецъ въ садъ тридцать дѣвицъ и сказалъ: «выбирайте своего сына», старикъ пошелъ позаду, глядитъ по головамъ, разъ прошолъ, другой прошолъ и укололъ руку, взялъ за руку и сказалъ: «господинъ купецъ! вотъ сынъ мой!» Купецъ сказалъ старику: «да правда сынъ твой; только отдать тебѣ его несогласенъ, а приходи въ утрѣ и выбери, то и отдамъ тебѣ его». Старикъ пошелъ въ печали въ свое мѣсто, а купецъ говоритъ сыну Ѳедору Ивановичу: «не отецъ твой мудеръ, а ты мудеръ», и началъ его бить, рвать и терзать такъ, что едва оставилъ живаго. Старикъ ночь ночевалъ, поутру стаетъ ранешенько, умывается бѣлешенько, сряжается крутешенько, идетъ скорешенько; пришелъ къ купцу, подъ окошкомъ постучался и скричалъ купцу: «господинъ купецъ! отдай моего сына!» — «Хорошо, хорошо старичекъ! только извольте помешкать полчаса и приходи по сына своего». Какъ полчаса миновало, старикъ пошелъ къ купцу. Сынъ его увидалъ, обвернулся соколомъ и прилетѣлъ на встрѣчу, сѣлъ на голову, старикъ и ужахнулся: «ахъ, кто экой прилетѣлъ? что за мразь?» Соколъ скочилъ и ударился о землю: «здраствуй, батюшка! пришелъ сюда по меня, только трудно меня взять, да и сегодня меня не узнать. Купецъ обвернетъ тридцать соколовъ, какъ одинъ. Я тебѣ имѣю сказать: онъ выведетъ на широкій дворъ и насыпетъ пшены бѣлояровой, а мы будемъ клевать и соберемся въ одно стадо. Я тогда начну бѣгать кругомъ и полетимъ и подымемся высоко, а я выше всѣхъ и опустимся на землю и опять начнемъ клевать; я тоже буду бѣгать кругомъ, ты тогда меня хватай самъ». И обвернулся соколъ и полетѣлъ въ свое мѣсто. И пришелъ старикъ къ купцу: «господинъ купецъ! отдай моего сына». Отвѣчалъ купецъ: «хорошо отдамъ! только прошу помѣшкать полчаса». Какъ полчаса миновало, то купецъ выпускаетъ тридцать соколовъ, какъ одинъ, и насыпалъ пшены бѣлояровой и всѣ въ одномъ стадѣ начали клевать, а одинъ бѣгаетъ кругомъ и полетѣли, поднялись высоко, одинъ выше всѣхъ и опустились на землю, и начали клевать пшену, а одинъ кругомъ бѣгатъ; старикъ началъ подбираться поближе и ухватилъ сокола и сказалъ купцу: «это сынъ мой Ѳедоръ Ивановичъ!» Купецъ: «ну, старичекъ! и поведи своего сына; мудеръ твой сынъ!» И пошли старикъ съ своимъ сыномъ, идутъ путемъ дорогой, долго-ли, коротко-ли, близко-ли, далеко-ли.

Скоро сказка скажится, а не скоро дѣло дѣлается, ѣздятъ господа охотники за охотой, промышляютъ звѣрей. Увидалъ старикъ съ сыномъ—бѣжитъ лисица. Сынъ

оворитъ отцу: «батюшка! я обвернусь кобелемъ на схвачу лисицу; хотя охотники къ намъ пріѣдутъ и станутъ отбивать лисицу, а ты говори имъ: господа охотники! у меня есть кучко свой, я тѣмъ голову свою кормлю; охотники скажутъ: продай намъ кучка! а ты не продавай, проси два ста рублей». И обвернулся кобелемъ, тотчасъ лисицу ухватилъ и пріѣхали охотники: Увидя же лисицу, сказали ему: «зачѣмъ ты, старой, пришелъ сюда на нашу охоту?» Старикъ: «господа охотники! есть у меня свой кучко, я съ нимъ голову кормлю». Охотники говорятъ старику: «продай кучка!» старикъ: «купите!» «Дорогъ твой кучка?» — старикъ: «200 рублей». Охотники деньги заплатили, повели кучка съ собой, а старикъ отправился одинъ. Охотники увидѣли бѣжащую лисицу, гонятъ свои кобели, а догнать не могутъ, и говоритъ одинъ изъ охотниковъ «отпустимъ этого кобеля». Лишь опустили, кобель побѣжалъ, лисицу ухватилъ и убѣжалъ въ слѣдъ отца. Какъ отца догналъ и ударился о землю, сдѣлался молодцомъ и пошли въ путь далѣе; дошли до озера, охотники стреляютъ гусей-лебедей и сѣрыхъ утокъ. Летитъ стадо гусей, говоритъ сынъ отцу: «батюшка! я обвернусь соколомъ, стану хватать гусей, придутъ охотники отбивать гусей; ты имъ отвѣчай: есть у меня соколъ свой, я тѣмъ и голову кормлю; охотники начнутъ торговать сокола, ты продавай, проси 300 рублей». И обвернулся соколомъ, поднялся выше гусей, и началъ хватать гусей и на землю опускать, а старикъ лишь въ кучу собираетъ. Охотники увидѣли его добычу, пріѣхали къ старику: «почему ты пришелъ на нашу добычу?» онъ отвѣчалъ: «господа тинохоки, у меня соколъ свой, я тѣмъ голову кормлю». Охотники начали у него торговать гусей и сокола. Старикъ: «купите!» Охотники: «что платить?» Старичекъ: «300 рублей». Охотники деньги заплатили, старичекъ пошолъ одинъ. Охотники увидѣвъ другое стадо гусей, одинъ охотникъ спустилъ сокола, соколъ поднялся выше стада гусей, убилъ одного гуся и полетѣлъ вслѣдъ отца, какъ догналъ отца, ударился о землю и сдѣлался молодецъ. Пошли далѣе. Какъ пришли домой въ свою самую ветхую хижину, и началъ сынъ отцу говорить: «батюшка, у насъ теперь денегъ есть, то построимъ себѣ новый домъ». Послѣ того пришла ярманка, сынъ отцу говоритъ: «батюшко, пойдемъ нынѣ въ ярманку, я обвернусь жеребцомъ, ты меня продавай, проси 40.000 рублей; станутъ давать 40.000 рублей, ты меня продавай, а узды не продавай». Какъ пришли въ ярманку, онъ обвернулся жеребцомъ, старикъ началъ продавать и проситъ 40.000 рублей. Торговые люди не знаютъ оцѣнить жеребца, а купецъ, который его училъ, услышалъ, что этотъ жеребецъ самой его супостатъ, и пришелъ къ тому старику, началъ торговать жеребца: «старичекъ, продай жеребца». Старикъ: «купи, господинъ!» купецъ: «чего стоитъ?» старичекъ: «40.000 рублей!» купецъ: «возми тритцать тысячъ». Старикъ: «менѣе 40.000 рублей не отдамъ». Купецъ 40.000 рублей заплатилъ и сѣлъ на жеребца. Старичекъ хотѣлъ было узду снять, а купецъ сказалъ: «нѣтъ, старичокъ опоздалъ теперь», и поѣхалъ. Купецъ ѣздилъ трои сутки, истомилъ жеребца до самаго худаго положенія, пріѣхалъ домой, привязалъ его въ конюшнѣ передними ногами не опираясь земли. У купца были дочери, увидя коня на конюшнѣ привязаннаго: «ахъ у насъ батюшка какъ ѣздитъ и привязываетъ; а не то напоитъ и накормитъ». Отвязали, повели поить; конь шелъ, вдругъ бросился и вырвался у дочерей его изъ рукъ и убѣжалъ. Послѣ того купецъ пробудился, спрашивалъ: «гдѣ мой конь, который былъ привязанъ», дочери ему отвѣчали: «мы, отвязавъ его, повели поить; онъ у насъ вырвался и убѣжалъ.» Какъ услышалъ купецъ, что конь убѣжалъ, то обвернулся конемъ и бѣжалъ въ погоню. Услышалъ Ѳедоръ Ивановичъ за собою погоню, обвернулся въ морѣ ершомъ, а купецъ щукой и побѣжали моремъ. Ершъ сунулся въ ракову нору и сказалъ щукѣ: «ерша съ хвоста съѣшь»; не можетъ щука и говоритъ ершу: «ершъ! поворотись сюда головой!» ершъ говоритъ: «щука съѣшь ерша съ хвоста»; и такъ стояли трои сутки, наконецъ щука заснула, а ершъ выскочилъ изъ норы и бѣжалъ моремъ, и прибѣжалъ къ нѣкоему царству. Въ то время вышла служанка къ морю почерпнуть воды, ершъ обвернулся перстнемъ и попался въ ведро, а перстня такого во всемъ царствѣ не было; служанка подарила онымъ царскую дочь, которая днемъ носила его на рукѣ, а ночью спать съ молодцомъ Какъ купецъ опять про этотъ услышалъ перстень. А Ѳедоръ Ивановичъ наказалъ царевнѣ, что будетъ купецъ меня торговать, ты продавай, проси 80.000 рублей; какъ деньги получишь, въ то время урони перстень на полъ, а я россыплюсь мелкимъ жемчугомъ; прикатится одна жемчужина къ тебѣ, то ты ту жемчужину заступи своимъ башмакомъ; тогда онъ обвернется пѣтухомъ и начнетъ клевать жемчугъ, какъ только весь поклюетъ и скажетъ: «теперь я потребилъ своего супостата», тогда

ты съ той жемчужины свою ногу подними, я обвернусь ястребомъ и разорву его на двѣ части. Какъ этотъ купецъ пришелъ къ царевнѣ, началъ уже торговать перстня и согласились за 80.000 рублей Какъ деньги царевна получила, будто нечаянно уронила перстень на полъ, перстень россыпался въ мелкій жемчугъ, прикатилась одна жемчужина царевнѣ къ ногамъ, царевна заступила своимъ башмакомъ; а купецъ обвернулся пѣтухомъ и началъ клевать жемчужины; какъ поклевалъ все и сказалъ: «теперь я своего супостата потребилъ»; а царевна приняла ноги, жемчужина обвернулась ястребомъ; разорвалъ пѣтуха на двѣ части и сказалъ: «теперь я своего супостата истребилъ». Послѣ того на царевнѣ женился и провождали жизнь свою благополучно. Я тамъ былъ, вино и пиво пилъ, пиво то текло по губамъ-то, текло, а въ ротъ не попало; мнѣ колпакъ давали, да вонъ толкали, я упирался, да вонъ убирался.

5. О солдатѣ Мартышкѣ,

Бывали, живали старикъ да старуха; у нихъ былъ одинъ сынъ Мартышка, а работы никакой не работалъ; да отецъ его никуда нарядить немогъ, и съ того отдалъ онъ сына своего Мартышку въ солдаты. А ему въ солдатахъ ученье недалось, и поставили одинъ разъ его на часы, а онъ Мартышка ушелъ съ часовъ домой, и положилъ своё оружье на гряду, сдѣлалъ палку и шаръ, и пошелъ на парадное мѣсто и сдѣлалъ буй, и сталъ играть шаромъ, и щелканулъ шаромъ фельдфебеля въ лобъ. И говоритъ фельдфебель: «что ты, Мартышка робишь.»—Отвѣчаетъ Мартышка: «я вѣдь жилъ у батюшки своего, а все шаромъ игралъ», и спросилъ фельдфебель: «гдѣ у тебя оружье»; сказалъ ему Мартышка: «у моего батюшки десять оружьевъ, и всѣ на грядкѣ, и я свое оружье снесъ на грядку же», почему его и начали розгами бить. И послѣ битья заснулъ крѣпко, и привидѣлось Мартышкѣ во снѣ, что—Мартышка сбѣжи въ Ишпанское королевство, и тамъ тебѣ жира будетъ добрая, и дойдешь ты до Ишпанскаго королевства, и будетъ тутъ Ишпанка рѣчка, и за рѣчку мостъ, и возлѣ этаго моста стоитъ троетажной каменной домъ, и зайди въ этотъ домъ; а въ томъ дому никого нѣтъ, а стоитъ на столѣ важнаго кушанья и разныхъ напитковъ довольно, тутъ ты напейся и наѣшься, и еще загляни въ столъ; а въ столѣ лежатъ однозолотныя карты, и возьми эти карты къ себѣ, и еще возьми; тутъ же кошелекъ съ деньгами, а изъ того кошелька, хотя полну фатеру насыпью золота, а изъ него не убываетъ. Вотъ пробудился Мартышка ото сна и наладилъ сухарей, и сбѣжалъ изъ полку вонъ, и шолъ онъ дорогой, а больше стороной три мѣсяца, и пришелъ къ Ишпанскому королевству и къ Испанкѣ рѣчкѣ, и зашелъ въ троетажной каменной домъ, въ коемъ стоитъ на столѣ всякаго кушенья и питья довольно, онъ сѣлъ за столъ напился и наѣлся, и заглянулъ въ столъ, взялъ однозолотныя карты и съ золотомъ кошелекъ къ себѣ въ карманъ, и пошелъ съ картами и съ деньгами въ Ишпанское королевство, и зашелъ въ трактиръ. Въ томъ трактирѣ живетъ маркитантъ, камзолъ на немъ красной, колпакъ на головѣ красной, и сапоги на ногахъ красны, лице и носъ красные, и говоритъ солдатъ Мартышка маркитанту: «подай мнѣ съ устатку крѣпкой водки рюмку!» И поглядѣлъ этотъ маркитантъ на солдата, и налилъ ему рюмку воды, и солдатъ покушалъ, въ рюмкѣ вода, стегнулъ маркитанта и попалось въ носъ и разшибъ до крови. И завопилъ маркитантъ: «господа генералы и министры!—эдакой солдатъ меня всего прибилъ». Вотъ эти генералы и министры говорятъ солдату: «зачѣмъ въ нашъ пришелъ трактиръ? въ этотъ трактиръ простые люди и солдаты не ходятъ; въ этотъ трактиръ пріѣзжаетъ Ишпанскій король, дамы, генералы и министры». Говоритъ солдатъ: «я, братцы, заведенія вашего не знаю; я —человѣкъ русской, и зашелъ въ вашъ трактиръ, и съ устатку похотѣлось выпить рюмку водки, и попросилъ у маркитанта крѣпкой водки рюмку, а онъ мнѣ подалъ рюмку воды, за то я осердился, ударилъ его въ лицо и попалъ по носу». И говоритъ маркитантъ: «экой ты впрямь, гдѣ тебѣ деньги взять, у меня рюмка водки 2 руб. 50 коп., а на тебѣ платье худое». И вынялъ солдатъ Мартышка свой кошелекъ и насыпалъ изъ кошелька золота въ сѣнную кучу, и говоритъ: «бери, сколько тебѣ надо за водку!» И обвинили его маркитанта всѣ генералы и министры: «зачѣмъ воду продаешь», и взяли господа этого солдата понаивать, и говоритъ солдатъ: «пейте, братцы! и мою водку, денегъ вамъ моихъ не пропить; неугодно ли, господа, со мной въ карты поиграть»,—и вынялъ изъ кармана свои однозолотныя карты, что эдакихъ картъ господа и на вѣку невидали, и стали съ нимъ въ карты играть, и Мартышка у нихъ всѣ деньги выигралъ, также лошадей и повозки, кучеровъ и фалетуровъ, и все платье до наготки, и говоритъ имъ: «ну, братцы господа! убирайте все свое, которое мнѣ проиграли, также и мои деньги». И напоили хмѣлемъ, и приказали подъ

него послать постелю, а маркитанта заставили съ него смахивать мухъ, говоря ему: «ежели ты что возмешь у солдата, кошелекъ ли или убавишь денегъ, и онъ пожалуется; то тебя мы здѣшняго мѣста лишимъ». И пріѣхали господа министры къ Ишпанскому королю, объявили, что есть въ нашемъ трактирѣ русскій солдатъ Мартышка; у него кошелекъ съ золотомъ полны твои палаты засыплетъ, а изъ кошелька не убываетъ, и есть однозолотныя карты, на вѣку ты эдакихъ картъ невидалъ. Приказалъ король шестерку лошадей подъ карету заложить, и взялъ кучера, фалетура и капитана, и самъ сѣлъ въ карету и поѣхалъ въ трактиръ. Какъ пріѣхалъ, вскричалъ: «что за человѣкъ спитъ», и скочилъ солдатъ на колѣни, «что ваше королевское величество надо?», говоритъ король: «что жъ ты за человѣкъ спишь здѣсь», отвѣчалъ ему: «я солдатъ Мартышка, я человѣкъ русской и сбѣжалъ изъ команды». И приказалъ король трактирщику поднести графинъ водки, и наливаетъ рюмку, и подаетъ солдату. «Опохмѣлься солдатъ!» Говоритъ ему Мартышка: «пейте сами, ваше величество! мнѣ своихъ денегъ не пропить будетъ»; король самъ выпилъ рюмку, а ему подалъ другую, и говоритъ ему король: «што, солдатъ, я слышалъ, што ты мастеръ въ карты играть». Вынималъ солдатъ однозолотныя карты, издивился король, што эдакихъ картъ и навѣку не видалъ, и стали играть. Тогда солдатъ Мартышка у короля всѣ деньги выигралъ, также платье и лошадей съ каретой, съ кучеромъ и фалетуромъ; послѣ того все выигранное королю взадъ отдалъ. Этого король возлюбилъ солдата Мартышку, и пожаловалъ его первымъ министромъ, и состроилъ ему трехстажный каменный домъ, и живетъ солдатъ министромъ управно. И спросили короля на три года въ другую землю; то на мѣсто себя оставляетъ онъ король новаго министра Мартышку править его королевствомъ. И повелъ онъ Мартышка по своему, приказалъ онъ солдатамъ сшить шинели и мундиры изъ самово чистово сукна, какъ и на офицерахъ, и прибавилъ салдатамъ жалованья по 1-му рублю, а по разсмотрѣнію другимъ и по 2 рубля, и передъ каждой вытью пить по стакану вина, и говядины, и каши вдоволь. А чтобы по Ишпанскому королевству нищая братія не была, приказалъ выдать изъ казенныхъ магазейновъ по кулю и по два на человѣка муки. Итакъ за сво солдата и нищая братія Бога молятъ. А у того короля осталась въ дому дочь, Настасья Королевна, и посылаетъ она свою служанку позвать новаго министра Мартышку къ себѣ въ гости. «Поди, скажи новому министру, что у меня будетъ сегодня балъ, чтобы приходилъ ко мнѣ въ гости,»—и приходитъ служанка въ домъ къ новому министру: «господинъ министръ! наша королевна Настасья звала васъ къ себѣ въ гости». Сказалъ онъ ей: «ежели я нуженъ ей, можетъ она и сама придти позвать меня». Приходила служанка, отвѣщаетъ королевнѣ, что—сказалъ мнѣ новой министръ: ежели нуженъ я ей, то можетъ она придти комнѣ сама. Тогда надѣла королевна на себя салопъ, и пошла Мартышку звать, говорила: «господинъ министръ! пожалуй ко мнѣ въ гости; у меня сегодня будетъ балъ». Говоритъ министръ: «хорошо, сударыня! сейчасъ одѣнусь и иду за вами въ домъ», и привела его къ себѣ въ домъ, и дѣвокъ набрала, танцію и балы завела. И говорила Мартышкѣ: «поиграй со мною въ карты», и вынялъ изъ кармана однозолотныя карты, что королевна эдакихъ картъ на вѣку не видала, и стали играть, и выигралъ у королевны всѣ деньги и платья, и говоритъ ей: «сударыня королевна! уберите вы свои деньги и платье обратно; у меня своихъ денегъ довольно, и не прожить мнѣ будетъ». Тогда она посадила министра Мартышку къ себѣ за столъ, и сама сѣла съ нимъ, пили ѣли и веселились, и уронили вилки подъ столъ Говоритъ: «господинъ министръ! подай мнѣ вилки, пожалуста» Какъ наклонился онъ по вилки, тогда взяла она королевна его за уши и поцѣловала. Итакъ не взлюбилъ Мартышка, стопталъ ногами: «видно я зашелъ въ б.....й домъ, хотя вытти изъ покоевъ вонъ»; начали его унимать: «посиди, посиди пожалуста, господинъ министръ!» Такъ укротилъ онъ свое сердце, сѣлъ застолъ и приказала она тайно служанкѣ поднести ему рюмку усыпающаго зѣлья; то какъ министръ Мартышка выпилъ рюмку и уснулъ, и спалъ трои сутки. Тогда отобрала у него однозолотныя карты и кошелекъ, и приказала снять съ него платье оставила его въ одной рубашкѣ, и приказала бросить въ нужникъ. Тутъ Мартышка спалъ трои сутки, пробудился и говоритъ: «видно я въ добромъ мѣстѣ сплю», и разломалъ онъ дыру, и вышелъ вонъ на восходъ солнца, и пошелъ къ рѣчкѣ Испанкѣ. Вымылся бѣло думая: «куда же нынѣ мнѣ итти», и нашелъ смоляное солдатское платье, одѣлся и пошелъ вонъ изъ Ишпанскаго королевства. И шелъ онъ долгое время, и похотѣлось ему ѣсть, и увидѣлъ онъ на яблонѣ висящія яблоки, сорвалъ два яблока и съѣлъ, и съ того заболѣла у его голова и выросли въ головѣ рога и такіе большіе, что онъ не можетъ ихъ носить, и дошелъ до другой яблони и поѣлъ другихъ яблоковъ, съ того отпали

у него рога; то набралъ онъ съ собой этихъ яблоковъ обѣихъ сортовъ, воротился въ Ишпанское королевство, думая добраться до той королевны, которая его въ тако мѣсто впястала. И пришелъ въ Ишпанское королевство, увидѣлъ: сидитъ въ лавкѣ старая старушка, вся трясется. Онъ сказалъ ей: «нако, бабушка съѣшь яблочекъ хорошаго сорту?» она съѣла яблочекъ и стала молодая и толстая. Говорила: «гдѣ ты, дитятко, взялъ эти яблоки?» говоритъ ей солдатъ Мартышка: «нѣтъ ли у васъ, бабушка, хорошаго маркитантскаго платья, пойду я этихъ яблоковъ продавать». Говоритъ старушка: «я для тебя хотя всю лавку отдамъ», и дала ему самое чистое платье и однозолотную тарелку. И пошелъ солдатъ Мартышка яблоковъ продавать; идетъ мимо королевскаго дома, кричитъ громко: «у новаго маркитанта сладкія яблоки въ кармашкѣ». И услышала королевна, послала свою служанку: «спроси, почемъ продаетъ яблоки?» «Извольте сударыня, покушайте моего яблочка». Тогда она съѣла, то сдѣлалась молодая, красивая и толстая; и королевна ее не опознала, говорила: «ты ли служанка?» Говорила ей служанка: «я сударыня королевна,» то послала ее: «купи мнѣ этихъ яблоковъ одну парочку», и послала съ ней денегъ 200 рублей. Она купила ей этихъ яблоковъ и подала королевнѣ, которыя она въ то время съѣла, и заболѣла у королевны голова и выросли у нея въ головѣ рога, лежитъ она на кровати, а надъ ней сдѣлали грядки и положили на нихъ рога. Въ то время бѣжалъ этотъ маркитантъ къ той же старушкѣ, гдѣ взято было платье, отдалъ ей обратно а самъ срядился въ коновальское платье. Въ то время пріѣзжаетъ Ишпанскій король въ домъ свой; объявили ему, что маркитантъ окормилъ нашу королевну, и приказалъ король собрать всѣхъ маркитантовъ, и посадить ихъ въ тюрьму. Между тѣмъ идетъ мимо государева двора коновалъ, кричитъ: «нѣтъ-ли коновалу работы», и говоритъ король слугамъ своимъ: «зовите сего коновала ко мнѣ въ палаты» и говоритъ король коновалу: «ты, видно, не нашего королевства, и незнаешь-ли моей дочери Настасьѣ пособить, окормилъ ее какой-то маркитантъ яблоками; ежели ты пособишь, то тебя первымъ министромъ пожалую, и отдамъ за тебя свою доч Настасью въ замужество; а при старости моихъ лѣтъ, поставлю тебя на своё мѣсто королемъ». Тогда говоритъ коновалъ: «ваше величество! прикажите вытопить баню а я пойду въ рынокъ и куплю надобья». Пошелъ коновалъ въ рынокъ, купилъ три прута, первый мѣдный, второй желѣзной и третій оловянный, и приказалъ королевну вести въ баню, едва въ двери рога впихали. Отослалъ этихъ кучеровъ отъ бани прочь, говоря: «когда я вылечу, то самъ доставлю въ домъ», вынялъ прутъ мѣдный и взялъ за рога, и почалъ драть говоря: «за грѣхи у тебя эти выросли рога, не убивала-ли ты кого, повинись! не обманывала-ли кого и не бирала-ли чего нибудь чужаго?» Она ему говорила: «батюшка коновалъ! я навѣку никого не убивала и не обманывала и не бирала». Онъ взялъ другой прутъ желѣзный и началъ также драть, и растяжилъ тотъ прутъ до рукъ; и вынялъ третій прутъ оловянный, тоже началъ драть. Тогда она говорила: «виновата я! бросила новаго министра Мартышку въ нужникъ, содрала съ него платье, взяла однозолотныя карты и кошелекъ». Говоритъ ей коновалъ: «гдѣ карты и кошелекъ?» Она сказала: «у меня въ любимомъ ящикѣ.» «Отдашь мнѣ всѣ это?» Говоритъ она ему: «я вся твоя, что хочешь, то и дѣлай надо мной». И далъ онъ ей изъ кармана яблокъ съѣсть. Какъ она съѣла, то у нея рогъ отпалъ; далъ ей и другой, тоже и другой отпалъ; далъ же съѣсть и третій яблокъ; и такъ она стала лучше и красивѣй стараго. И вскричалъ онъ кучерамъ своимъ, и сѣли съ ней на дрожки и пріѣхали къ королю въ домъ. То королю возлюбилось, пожаловалъ его первымъ министромъ, и отдалъ за ево свою дочь Настасью королевну въ замужество, и начали они жить благополучно, и по старости тестя своего всталъ на мѣсто Ишпанскаго короля, во всякой радости и въ спокойствіи.

6. О разбойникѣ Колотыгѣ.

Въ древніе годы былъ разбойникъ Колотыга, имѣлъ съ собой шайку товарищей, состоящую съ нимъ изъ 40 человѣкъ. А тотъ Колотыга пришелъ съ своими разбойниками изъ Тарнянской волости въ Верхоледскую слободу, и началъ въ оной чинить грабежи. Придетъ къ богатому мужику, спроситъ: «давай, старикъ! деньги». Тотъ отзывансь, что хошъ, то надо мной и дѣлай, а у меня денегъ нѣтъ; то Колотыга прикажетъ своимъ товарищамъ раздѣть до нага: повалятъ на землю, одни держатъ за голову, за ноги и за руки, а другіе зажгутъ метлы и начнутъ бѣднаго старика жечь. Не хотя деньги скажетъ. Это чинилъ Колотыга надъ многими богатыми стариками. Жители видя себѣ отъ Колотыги крайнюю обиду и чрезвычайное огорченіе, что и проѣзду не было, не одинъ разъ хотѣли этого разбойника убить. Но оный былъ злой колдунъ, увидитъ надъ собой невзгоду, то съ своими товарищами убѣжатъ въ

воду рѣки Леды, и уйдутъ оною въ рѣку Вагу; оттудова опять придутъ въ Верхоледскую слободку. Если какъ ничего не могутъ пошкодить, то свои одѣнія бросятъ на воду, сами сядутъ на нихъ и начнутъ играть въ карты. Былъ въ Верхоледской слободкѣ на погостѣ крестьянинъ, по прозванію Поспѣлко; услышалъ, что Колотыга съ своими товарищами появился въ Верхоледской слободѣ, то, пріискавъ себѣ семь товарищей, пошелъ Колотыгу истреблять. Колотыга это все зналъ прежде, сказалъ товарищамъ: «пойдемте, братцы! нѣтъ возможности здѣсь жить право». Подступаетъ Поспѣлко; лишь только вышелъ изъ своей деревни, услышалъ, что Колотыга съ шайкою разбойниковъ идетъ къ нимъ въ деревню съ верху волости. Сошлись объ артели и начали одна въ другую стрѣлять. Колотыга изъ тугихъ луковъ, а Поспѣлка изъ ружей и сей послѣдній побѣдилъ Колотыгу: семь человѣкъ изъ шайки до смерти убилъ, а съ остальными Колотыга убѣжалъ неизвѣстно куда; то Поспѣлка, видя свою надъ Колотыгою побѣду, захотѣлъ и всю шайку истребить, забѣжалъ на колокольню, началъ звонить, чтобъ изъ волости сбирать народъ. Но тогда было время страдное, никого въ домахъ не было и остался Поспѣлко не причемъ. Види Колотыга, что его въ конецъ побѣдить не кому, воротился назадъ съ остальными 33 человѣками въ деревню—погостъ; увидалъ, что у Поспѣлка никого нѣтъ, и началъ деревню эту разорять и всѣ домы и пристройки сожегъ; въ томъ числѣ сгорѣли заводы винный и кожевенный. Колотыга опасаясь, дабы его Поспѣлка какъ либо не истребилъ, побѣжалъ съ шайкою разбойниковъ въ Таринскую волость; тамъ пришелъ къ одному богатому мужику, приказалъ вытопить баню, выпарились, въ оной легли отдыхать. А тутошніе жители, видя удобное время, чрезъ окна съ улицы закололи рогатиной Колотыгу, потомъ и товарищей его разбили. Такъ и кончился этотъ атаманъ съ шайкою разбойниковъ.

7. О волкѣ и лисицѣ.

Волкъ и лиса жили въ одномъ мѣстѣ.—У Волка былъ домъ коряной, а у Лисы ледяной.—Вотъ пришла весна красная и у Лисы домъ растаялъ, какъ не бывало. Что дѣлать ей? но (лисицы хитры) пришла она къ волку подъ окошечко, да и говоритъ: «волченокъ-голубокъ! пусти меня горемычную на крылечко.»; а тотъ такъ толсто: «поди Лиса!»—«Волченокъ голубокъ! пусти хоть во дворъ.»—«Поди, Лиса!»—«Волченокъ-голубокъ! пусти хоть въ избу»—«Поди Лиса!»—«Волченокъ-голубокъ! пусти хоть на приступочекъ.»—«Поди Лиса!»—«Волченокъ-голубокъ! пусти на печку»—«Поди Лиса.»—Вотъ Лиса и на печкѣ лежитъ, да хвостомъ вертитъ. Совсѣмъ бы она: да, вишь, трои сутки не ѣдала. —«Какъ узнать—она говорила—у Волка хлѣбъ»? И ну искать у Волка хлѣба: искала, искала да и нашла на избицѣ у Волка лукошко толокна, да кринку масла. А сама опять на печку. «Стукъ! стукъ! стукъ!» — Лиса подъ шубой говоритъ. А Волкъ: «Лиса, кто то стучается?»—Лиса въ отвѣтъ: «Волченокъ-голубокъ тебя въ кумы зовутъ, а меня въ кумушки.»—«Поди Лиса, а мнѣ лихо».—А Лиса тому и рада: съ печки скокъ, да на избицу скокъ, а тамъ масла лизнетъ, толоконца лизнетъ, лизала, лизала, лизала, да все и свобала.—Съ избицы скокъ, да на печку скокъ—и лежитъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Волкъ спалъ, спалъ да ѣсть захотѣлъ, и въ избицу побрелъ. «Ахти бѣда! Волкъ завопилъ:—Ахти бѣда!—кто масло съѣлъ? толокно свобалъ?» А Лиса: «Волченокъ-голубокъ! на меня не подумай!» — «Полно ты кума, кто подумаетъ на тебя?»—И тѣмъ дѣло рѣшили, а голода не заморили.—«Поди кума на Русь,—Волкъ Лисѣ говоритъ,—что найдешь, то и тащи, не то съ голоду умремъ». А Лиса ни слова въ отвѣтъ и юштыкъ на Русь. Выбѣжала на дорогу; видитъ: ѣдетъ съ сельдями мужикъ; прикинулась и легла по перегъ дороги, какъ умерла. Наѣхалъ мужикъ на Лису «Ай,—говоритъ,—лисица, что за шерсть! что за хвостъ?»—А самъ Лису и въ возъ; Лиса тому и рада, и ну рыть сельди; дорылась до дна: и ну грызть рогожу, — и ну грызть дно саней. Сельди всѣ въ дыру пропустила и сама ускочила. Мужикъ въ это время спалъ и ничего незналъ.—А Лиса сельди собрала и къ Волку въ избу принесла.—«На, говоритъ,—Волченокъ-голубокъ ѣшь, веселись, ни объ чемъ не тужи!» Волкъ не можетъ и надивиться кумы своей ухваткѣ—«Да какъ ты, моя кума, сельди-то имала?»—Волкъ Лисѣ говоритъ. «Ой-ты куманекъ-голубокъ! Я хвостъ-то какъ въ прорубь упущу: сельдь да-двѣ, сельдь да двѣ.» Волка такъ и забираетъ отпробовать это дѣло неслыханное. Вотъ онъ хлѣба себѣ наклалъ и отправился сельдей ловить, какъ кума его ловила, и какъ его учила. Пришелъ онъ къ рѣкѣ, упустилъ въ воду хвостъ, да и держитъ. А Лиса въ тоже время молитъ: «На небѣ ясни, ясни!» у волка хвостъ мерзни, мерзни.» И вотъ треснулъ морозъ, что у Волка хвостъ замерзъ! Пришли поповы дочки да и Волка качигой зашибли и изъ шкуры себѣ шубы сши-

ли! А Лиса осталась жить одна и теперь живетъ и насъ переживетъ!

8. О старухѣ волшебницѣ.

Въ одной деревнѣ жилъ крестьянинъ; была у его престарѣлая жена, которая занималась чернокнижіемъ и волшебствомъ. Въ одно время былъ у того крестьянина праздникъ, на которомъ былъ священникъ. Во время праздника оный ушелъ на повѣтъ спать того дома, прикрывшись одѣяломъ; тудаже на повѣтъ сказанная женщина вышла, сняла съ себя все платье и упала на повѣть, превратившись въ сороку, и лѣтала этою птицею одни сутки. Священникъ, прибытія ее недождавшись, уѣхалъ домой. Послѣ этого старуха эта сдѣлалась больна и пожелала къ себѣ священника для напутствованія, который пріѣхавъ всѣ у старухи грѣхи разспрашивалъ, а старуха всѣ разсказала прегрѣшенія, кромѣ одного. Тогда священникъ спросилъ: «ой, окаянная! утаивать грѣхъ тотъ, отъ котораго должна ты идти на вѣки въ подземельную пропасть къ Плутону; помнишь, какъ я былъ у васъ въ праздникъ и лежалъ на повѣти подъ видомъ сна, а ты пришедши раздѣлась и превратилась въ сороку, и неизвѣстно мнѣ куда улетѣла; покайся, старуха! покайся.» На что старуха отвѣчала ему: «молчи, долговолосой калугеръ! я умру, такъ тебя вспомню.» Съ тѣмъ священникъ и домой уѣхалъ. Послѣ этого старуха та вскорѣ померла; привезли ее на погостъ, священникъ отпѣлъ и похоронили. Послѣ того спустя не много времени, въ канунъ праздника святаго Николая Чудотворца, бываемаго 6-го числа декабря, ночью, пришедши къ священнику, церковный сторожъ благословляться благовѣстить къ утрени, котораго священникъ благословилъ, потомъ и самъ началъ сряжаться къ утрени. Какъ скоро зашелъ въ кладбище, увидалъ, что сторожъ звонитъ въ полной колокольной звонъ безъ всякаго порядка, подобно какъ женщина. Онъ не зналъ, что дѣлать: воротиться назадъ или идти впередъ; но рѣшился идти въ церковь, лишь зашелъ въ паперть, а звонарь бѣжитъ туда же: священникъ видитъ, что та самая окаянная женщина, которая прежде летала сорокою, то онъ поспѣшилъ скорѣе въ церковь; старуха въ паперть, а священникъ въ олтарь и взялъ святой животворящій крестъ. Старуха ему взяла за плеча, сказавши: «что — теперь то я добралась до тебя, раздѣлаюсь калугеръ! помни впередъ, какъ волшебницъ укоряютъ лжедѣйствіемъ!» — Священникъ же долженъ былъ обороняться отъ этой еретицы: взявши животворящій Господень крестъ, простеръ рукою на сію окаянную старуху, которая отъ этого не могла священника не то, что чѣмъ либо изъязвить, но не смѣла дотронуться, стояла неблизко. Это приключеніе съ священникомъ происходило до слѣдующаго дня, а какъ ночь та прошла и наступило утро, то старуха упала наполъ—мертва. Собравшійся туда многъ народъ того мѣстечка къ обѣдни увидали мертвую старуху, и имъ священникъ все свое происшествіе разсказалъ; а потомъ взявши они старуху вывезли въ поле, тамъ вырыли глубокую яму, наклавши въ оную дровъ, зажгли огнемъ; на оной бросили старуху, которая превратилась въ гады: изъ нея поползли жабы, черепахи, змѣи, лягушки, мыши и тому подобные гадины въ немаломъ количествѣ, которыхъ народъ сдѣланными изъ березовыхъ вѣтвей метлами срывали въ яму и этимъ способомъ сожгли старуху въ прахъ. Яму закопали пескомъ, а послѣ этого сказанная еретица болѣе никогда не стала пугать, можетъ быть прошла въ адъ; а на которомъ мѣстѣ старуху жгли, того никто нынѣ не знаетъ: ибо въ древніе годы была такая колдунья, и никто не можетъ дать свѣдѣній.

9. Что случилось на о. Грумантѣ.

Одинъ молодой человѣкъ остался зимовать на Грумантѣ съ прочими товарищи. Во время этой зимы онъ имѣлъ пребываніе па гальетѣ т. е. въ суднѣ; каждый вечеръ игралъ въ гусли, а предъ нимъ невидимо кто то плясалъ; лишь только платье шумитъ. Этотъ молодецъ много разъ нечаянно освѣщалъ свое судно огнемъ, дабы увидѣть кто пляшетъ; но все оставалось безъ успѣха. Онъ это все разказалъ своему товарищу, который сказалъ ему: «ты, пріятель, такъ сдѣлай: возьми сальную свѣчу, поставь на стулъ, зажги огнемъ и закрой горшкомъ или чѣмъ другимъ, только бы свѣчка не могла потухнуть, самъ ляжь на койку, заиграй въ гусли, и если опять невидимка будетъ плясать, то въ тужъ минуту открой свѣчку, и увидишь кто пляшетъ.» Поблагодаривъ молодой человѣкъ своего товарища за наставленіе, пошелъ на свое судно и по наступленіи, вечера такъ и сдѣлалъ какъ товарищъ велѣлъ, взялъ свѣчку, зажогъ огнемъ и закрылъ горшкомъ, а самъ началъ играть въ гусли, а передъ нимъ и ну! плясать кто-то невидимо, лишь платье шумитъ. Вотъ онъ свѣчку открылъ, увидѣлъ весьма прекрасную дѣвицу, подобной ей еще отъ роду своего невидалъ, эта дѣвица сказала ему: «ну, молодецъ догадался, женя

какъ увидать; то я тебя буду любить страстно,» — и легла на койку и начали любезно цѣловаться. А дѣвица стала къ ему ходить каждый вечеръ, только таилась, чтобъ его товарищи про ее не узнали и жили они въ любви цѣлые три года. Въ одинъ день сказала ему полюбовница: «ну, другъ любезной! намъ съ тобой не долго жить въ любви, а пришло время разставаться.» Любовникъ спросилъ съ жаромъ: «а что же такое насъ растроитъ?»—«А вотъ мой любезной, меня выдаютъ замужъ въ Петербургъ подъ Калиновой мостъ за черта.» Любовникъ прервалъ: «отчего же ты поступаешь за чертей, и какъ къ нимъ попала, или ты сама такая же чертовка?» — «Нѣтъ, пріятель! Я родилась въ одномъ славномъ городѣ и были мои родители самодержцы; а я къ чертямъ попала отъ того, какъ еще была малолѣтна и въ одинъ прекрасной жаркой день подавала своему отцу стаканъ меду, нечаянно какъ-то стаканъ у меня изъ рукъ выпалъ на полъ, и отецъ за то меня проклялъ, сказалъ: унеси тебя черть! Я въ ту минуту въ морской глубинѣ очутилась, въ каменномъ домѣ у чертей; мнѣ хотя и хорошо жить у нихъ, но не такъ какъ съ крещеными людьми. Не одинъ разъ хотѣла я себя жизни лишить, но нѣкоторая невидимая сила до того меня не допускала. Я всякими средствами старалась отъ нихъ уйти, но все безполезно осталось: изъ воды худо уйти; и такимъ образомъ въ этомъ пропащемъ жилищѣ препровождаю жизнь свою до сего часа. А я какъ выйду въ замужество, тогда уже къ тебѣ ни одинъ разъ не приду, потому что не будетъ возможности; а ты обо мнѣ будешь тосковать, то я тебѣ вотъ даю своими руками вышитую ширинку, и когда тебѣ будетъ обо мнѣ скучно, ты въ эту ширинку посмотри, тебѣ веселѣе будетъ. И то будетъ, что ты сію ширинку потеряешь, и загорюешь обо мнѣ, и начнешь вино пить такъ, что все съ себя платье пропьешь, завернешься въ рогожу; тогда приди въ Петербургъ на Калиновой мостъ и на отмашку бросись въ воду, тебѣ представится зеленой лѣсъ, лугъ и деревни съ каменными домами, ты въ первую деревню зайди, пройди мимо первой домъ и второй, а въ третій зайди; я тутъ и буду жить. Ну, другъ любезной! прощай, намъ болѣе несвободно съ тобой бесѣдовать. Если сюда зайдутъ черти и застанутъ съ тобой въ бесѣдѣ, то тебя лишатъ жизни, да и мнѣ не остаться безъ наказанія.» Еще въ послѣдній разъ лягли на койку, полюбовались и распростились, молодецъ остался одинъ; и когда ему придетъ на умъ прежняя любовь, хочетъ себя умертвить, но тотчасъ придетъ въ разсудокъ и посмотритъ въ подаренную любовницею ширинку; и вся тоска исчезнетъ. Пожилъ онъ не болѣе какъ два года и сказалъ своему товарищу, что такая-то у меня имѣется ширинка; а товарищъ его послѣ того вскорѣ укралъ у него сказанную ширинку. Тотъ молодецъ не зналъ, куда дѣлъ ширинки, по которой началъ тосковать, и запилъ вино и до того допилъ, что все съ себя платье пропилъ. Завернувшись въ рогожу сказалъ: «пойду въ Питеръ на Калиновой мостъ, брошусь подъ мостъ въ воду, хоть и утону, такъ того и стоилъ». Пришелъ на означенной мостъ, на отмашку опустился подъ мостъ въ воду. Въ тужъ минуту представились ему въ глаза чистые поля, и зеленые луга съ благовонными цвѣтами, прекрасными ручейками и кустарниками, на которыхъ сидѣли разныхъ родовъ птицы и пѣли прекрасныя пѣсни. Онъ надъ этимъ долго стоялъ въ радости, наконецъ увидѣлъ большія деревни съ каменными домами удивительной работы, и въ ближайшую изъ нихъ пошелъ, первой домъ и второй прошелъ мимо, и идетъ къ третьему дому, смотритъ въ окна и начала женщина кричать: «эй милой! приворачивай; я здѣсь живу.» Онъ зашелъ, на сѣни выбѣжала его встрѣчать та самая красавица, которую онъ на Грумантѣ любилъ, сказала «здравствуй, мой милой! давно тебя невидала и не чаяла болѣе тебя видѣть, но еще судьба привела, удостоила меня посмотрѣть тебя»; и въ тѣхъ разговорахъ погрузилась въ объятія ему и повела въ уготованную комнату и, посадивши за столъ, начала его угощать всякими напитками и стала любезно цѣловать. Въ то время пришедъ къ нимъ одна служанка и несла на рукахъ малаго младенца, тутъ сказала любовница своему другу: «вотъ, пріятель! отъ твоей любви родился младенецъ, и-поди ты въ особливую комнату; я тебя тамъ скрою въ потаенное мѣсто, потому что скоро придетъ мой мужъ и закричитъ громко: зачѣмъ русакъ пришелъ? ты молчи; онъ спроситъ тоже и въ другой разъ, ты все молчи; а какъ онъ спроситъ въ третій разъ: зачѣмъ русакъ пришелъ? ты скажи, что въ зыбкѣ-то мой младенецъ. Онъ тебѣ за младенца станетъ давать сто руб., ты молчи; онъ станетъ тебѣ давать двѣсти рублей; ты молчи; то кричитъ съ сердца: что дуракъ молчишь? возьми за мальчика триста рублей;—а ты на то скажи что кабы жару кулекъ, *) то бы согласился взять, да

*) Кулъ золота и серебра.

еще меня съ этимъ представь, куда мнѣ хочется. Какъ ты согласишься взять 100, 200 и 300 рублей, онъ тебя обманетъ, вмѣсто денегъ дастъ конинаго помету или другаго чего». Только лишь они успѣли свой разговоръ кончить, едва успѣлъ онъ скрыться въ потаенное мѣсто, тотчасъ пришелъ въ домъ мужъ ея т. е. чертъ, закричалъ: «зачѣмъ русакъ пришелъ?» тотъ молчитъ. Онъ тоже закричалъ и другой разъ, а русакъ все отмалчиваетъ; чертъ закричалъ въ третій разъ: «зачѣмъ русакъ пришелъ?» а тотъ сказалъ: «что въ зыбкѣ, то мой младенецъ; и его хочу унести», то чертъ сказалъ: «возьми за его 100 рублей!» русакъ молчитъ; онъ закричалъ: возьми 200 рублей!» русакъ все молчитъ; чертъ въ третій разъ вскричалъ съ горячности: «возьми русакъ 300 рублей!» а онъ сказалъ: « кабы жару кулекъ, взялъ бы!» Чертъ сейчасъ вынесъ изъ кладовой куль злата и сребра: «возьми, русакъ!»; а сей сказалъ: «да еще вынеси меня съ этими деньгами на Русь!» Чертъ взялъ кулекъ подъ пазуху, а русака посадилъ на колѣна и сказалъ: «закрой глаза»! Тотъ закрылъ себѣ глаза, а чертъ понесъ его вихоремъ на Русь. Вдругъ русакъ закричалъ: «постой, я шапку уронилъ!» На то чертъ сказалъ: «далеко твоя шапка осталась, за не одну тысячу верстъ», и въ тѣхъ разговорахъ представилъ его въ Петербургъ на Калиновой мостъ, и сказалъ: «возьми свои деньги, и болѣе меня не знай, и я тебя не буду знать!» Молодецъ этотъ сидѣлъ на мосту трои сутки, дожидался —не поѣдетъ-ли кто мимо его, потому что не могъ на себѣ нести кулька съ деньгами. Одинъ нищій ѣхалъ мимо его; молодецъ сказалъ: « наймись мой куль довезти до такого-то домуъ». Нищій довезъ его куда слѣдуетъ, а молодецъ старику заплатилъ за работу сколько слѣдуетъ, и остался тутъ жить, женился на одной пригожей дѣвушкѣ и жилъ не малое время счастливо и окончилъ свою жизнь благополучно и хорошо.

10. Всего свѣта не поворотишь.

Бывало-живало, жили старикъ да старуха, а у нихъ было три сына и три дочери. — Большая изъ сестеръ сидѣла у окна и выстрачивала рукавца. Откуда ни бывало, возмись Вихорь-Вихоревичъ и прилетѣлъ Воронъ-Вороновичъ, взяли да и унесли дѣвицу красную.—Пересидѣли у того же окна и вышивали рукавца другія двѣ сестры, и ихъ тоже унесли-Вихорь-Вихоревичъ и Воронъ-Вороновичъ. Послѣ этого, большой братъ и говоритъ матери: «мати, напеки мнѣ колобочковъ, я пойду сестеръ искать». Вотъ, мать напекла колобковъ и отправила старшаго сына въ путь, во дороженьку. Шелъ онъ, да шелъ и увидѣлъ, что предъ нимъ стоитъ столбъ, и за столбомъ стоитъ старинькой старичекъ. Старичекъ этотъ увидѣлъ тоже его и спросилъ: «куда ты, молодецъ, путь держишь»? А молодецъ и отвѣчаетъ: «а вотъ, какъ бы мнѣ на желѣзну гору попасть?» Старичекъ въ свою очередь посовѣтовалъ: «ты поди сюда; вонъ тамъ лежитъ брусъ, чрезо всю Русь; ежели ты этотъ брусъ поставишь на конецъ, то и на желѣзну гору попадешь; а если тебѣ будетъ не поднять, то и на горѣ тебѣ не бывать». Пошелъ молодецъ дальше, поставилъ тотъ брусъ на конецъ и зашелъ на желѣзную гору, а по ней шелъ да шелъ и увидѣлъ дворъ мѣдный. Онъ къ этому двору подошелъ, зашелъ на крыльцо и поколотился. Отворила ворота ему большая сестра и сказала: «куда ты, брателко, путь держишь? вѣдь ты идешь не на жиру, а на смерть!» Такъ, оно и вышло: всѣ три сестры, три брата и тутъ-же старикъ и старуха пропали *).

11. О похищеніи Вихремъ дѣвицъ.

Жилъ былъ царь да царица, у царя у царицы были три дочери. Попросились онѣ у отца въ садъ погулять; гуляли-гуляли и сѣли на скамейку отдыхать. Прилетѣлъ Вихорь, схватилъ ихъ и унесъ за темные лѣса, въ подземное царство. Отецъ и мать хватились дочерей и послали слугъ за ними; слуги не нашли ихъ, и сказали царю, что дочерей нѣтъ въ саду. Царь нанялъ Ивана, крестьянскаго сына, искать дочерей. Иванъ, крестьянскій сынъ, отправился по дорожкѣ столбовой, и дошелъ до стеклянной горы, поднялся на гору, а на горѣ большой камень. Иванъ камень взялъ да и сдвинулъ съ мѣста, подъ камнемъ увидѣлъ яму, а въ ямѣ сѣраго кота съ глазами хрустальными. Сталъ Иванъ просить кота, чтобы онъ сказалъ ему, гдѣ его царевны? Котъ сказалъ, что царевны его въ этой ямѣ, повелъ Ивана и довелъ до мѣдной избушки. Котъ въ избушку не зашелъ, а воротился назадъ. Иванъ, крестьянскій сынъ, зашедши въ-избушку, сѣлъ на лавку. Марѳа царевна стала у него вѣстей спрашивать: чей онъ, и откуда, и какъ попалъ къ намъ? Онъ сказалъ ей: «Марѳа царевна напой, накорми, тогда вѣсти спрашивай!» Марѳа царевна напоила, накормила Ивана, и стала вѣ-

*) Изъ сказки этой заключается: а) что, у жителей деревень, вороны и вороны — есть предвѣстники близкой смерти, б) что смерть они сравниваютъ съ мгновеніемъ вихря, и в) что всего свѣта не поворотишь, а если пойдешь на перегоръ судьбы—погибнешь.

сти спрашивать—откуда онъ, и какъ попалъ къ нимъ въ подземное царство. Иванъ разсказывалъ ей, откуда онъ и какъ попалъ къ нимъ. Мареа царевна послѣ этого сказала ему: «пойдемъ я тебя припрятаю,—Вихорь прилетитъ и съѣстъ тебя». Только что запрятала Мареа царевна Ивана въ сѣно, Вихорь прилетѣлъ и говоритъ: «фу, фу! русскимъ духомъ пахнетъ». — «Нанюхался русскаго духу, сказала ему Мареа царевна, да и спрашиваешь». Вихорь посидѣлъ немного въ избушкѣ Мареы царевны и улетѣлъ. Иванъ, крестьянскій сынъ, вышелъ изъ сѣна и спрашивалъ у Мареы царевны: гдѣ другія сестры? Она сказала ему, что еще ниже тамъ. Онъ отправился дальше и дошелъ до серебряной избушки. Въ этой избушкѣ жила Матрена царевна. Также поступила съ Иваномъ и эта царевна. Отъ Матрены царевны Иванъ отправился къ третьей сестрѣ Парасковьѣ царевнѣ. Парасковья царевна жила въ золотой избушкѣ; тоже спрашивала Ивана, что спрашивали тѣ сестры. Прасковья царевна, чтобы избавить отъ Вихоря, сговорилась съ Иваномъ сожечь его спящаго. Вихорь какъ только уснулъ, они взяли да и зажгли избушку. Вихорь сгорѣлъ и избушка свернулась въ шарикъ. Парасковья царевна взяла шарикъ и отправилась съ Иваномъ къ сестрамъ. Матрена и Марфа царевны также свернули въ шарики свои избушки, и пошли домой къ отцу. Когда онѣ пришли домой отецъ и мать обрадовались, дали Ивану крестьянскому сыну полцарства своего, и стали жить, да быть, да добра наживать.

12. Дѣтская сказка.

— Вѣкошка, горожаночка,—гдѣ ты была?
— Была у города. *)
— Что тамъ дѣлала?
— Коней пасла.
— А гдѣ твой конь?
— За воротами стоитъ.
— А ворота тѣ гдѣ?
— Николка въ воду унесъ.
— А вода-то гдѣ?
— Быки припили.
— А быки-то гдѣ?
— Въ Красную гору *) ушли.
— А гора та гдѣ?
— Черви выточили.
— А черви-то гдѣ?
— Гуси вылевали.
— А гуси-то гдѣ?
— Гуси за лѣсъ улетѣли.
— А лѣса тѣ гдѣ?
— Люди присѣкли.
— А люди-то гдѣ?
— Люди примерли.
— А могилки-то гдѣ?
— Травой заросли.
— А трава-то гдѣ?
— Коса выкосила.
— А коса-то гдѣ?
— Коса выломана.
— А обломки-то гдѣ?
— Къ кузнецу снесены.
— А кузнецъ-то гдѣ?
— На погостѣ **) живетъ,
Колокольню куетъ,
По семи, по восьми,
Да одинадцати;
Ковалъ да ковалъ,
Звонилъ да звонилъ,
Да себѣ голову сломилъ,
Горшокъ накадилъ,
А кошки прибѣжали
Головку сдизали;
Семишлянный конецъ
Да сѣнца съ кузовецъ,
Въ лѣсу подъ кокорой,
Не знаю подъ которой.

*) Въ народѣ Архангельскъ называется просто городомъ.

*) На Красной-горѣ Красногорскій монастырь.
**) Городъ Пинега былъ прежде погостомъ, да и теперь туземные жители говорятъ: «пошелъ или поѣхалъ на погостъ», т. е. въ Пинегу.

IX. ЗАГАДКИ, ПОСЛОВИЦЫ, ПРИБАУТКИ.

А. ЗАГАДКИ *).

1. На семь верстъ одинъ мостъ, а на концѣ золотой крестъ.—Великій постъ и Воскресеніе Христово.

2. Стоитъ сарай на семи верстахъ; сарай подломится, весь міръ поклонится.—Великій постъ.

3. Плеть плетена, вверхъ ведена, о ста концовъ, о тысячи узловъ. —Церковь.

4. Гробъ ходитъ, а мертвецъ въ немъ поетъ.—Пророкъ Іона во чревѣ кита.

5. Яко тѣнь, яко плѣнь, яко платье на немъ, яко писанное.—Икона на холстѣ.

6. Полъ пройду и другой пройду, не могу пройдти дубовой доски.—Икона.

7. Что въ избѣ за баса?—Образа.

8. Утка крякне, вси берега прогнутъ: собирайтеся дѣтки въ богоданную матку.—Благовѣстъ къ обѣднѣ.

9. Живой мертвеца бьетъ, мертвецъ кричитъ и на крикъ его много народу стекается.—Колокольный звонъ.

10. Сидитъ пѣтухъ на воротахъ, косы до земли, а голосъ до неба.—Колоколъ.

11. Летитъ птичка маленька, несетъ тафту алепьку; эта тафта самого Христа.—Лампадка.

12. Что меньше Бога, а больше царя?—Смерть

13. Два стоящихъ, два ходящихъ, два минующихъ.—Небо и земля, солнце и мѣсяцъ, день и ночь.

14. Въ печуркѣ три чурки, три гуся, три утки, три тетерева.—Четыре времени года по три мѣсяца.

15. Вчера было, сегодня есть и завтра будетъ. —Время.

16. Я судился, да судился и высудилъ свинью о двѣнадцати титькахъ.—Годъ.

17. Выходило 12 молодцовъ, выносили они 52 сокола, выпускали 365 лебедей —Годъ.

18. Лежитъ брусъ черезъ всю Русь, на этомъ брусѣ 12 гнѣздъ, въ каждомъ гнѣздѣ по 4 яица, а въ каждомъ яйцѣ по 7 цыплятъ.—Годъ.

19. По морю корабль катается, на томъ кораблѣ 365 работниковъ имѣется, 52 прикащика находятся, 12 хозяевъ распоряжается.—Годъ.

20. Летитъ 365 гусей, да слишкомъ 50 лебедей, да 12 орловъ.—Годъ.

21. Семь полосъ, семь бороздъ; каждой полосѣ разныя имена.—Недѣля.

22. Надъ клѣтью коврига виснетъ.—Луна.

23. Бѣжали овцы по калиновому мосту, увидали зорю — скидались въ воду.— Звѣзды на небѣ передъ утромъ.

24. На полѣ на Романовѣ, стоятъ кони отобраные, ѣдятъ траву шелковую, пьютъ воду ключевую. — Звѣзды на небѣ.

25. Царь ѣде по горы, царица по подгорью, царица мигне, царь крикне.—Громъ и молнія.

26. Изъ окна въ окно золотое бревно. — Солнечный лучъ.

27. Чего въ коробейку не запереть?—Солнечныхъ лучей.

28. Безъ рукъ и безъ ногъ, а двери отворитъ. — Вѣтеръ.

*). Доставлены изъ пяти мѣстностей: большая часть П. И. Ивановымъ изъ Пинежскаго уѣзда и И. Базиловскимъ изъ Холмогорскаго уѣзда, меньшая И. Костылевымъ изъ Шенкурскаго уѣзда. священникомъ Курейско-Сергіевскаго прихода Таратинымъ и священникомъ Тулгасскаго прихода Макаровымъ.

29. Безъ рукъ, безъ ногъ, на полу ползетъ.—Вѣтеръ.

30. Залаяли собаки на Павловскомъ, завылъ медвѣдь на Даниловскомъ.—Вѣтеръ и ненастье.

31. У меня молодца четыре отца, пятый батюшка.—Отецъ Небесный, отецъ царь, отецъ духовный, отецъ крестный и отецъ родитель.

32. Что тако: двѣ картинки, а одна тропинка? — Мужъ и жена.

33. Одного отца и одной матери дитя, а никому не сынъ.—Дочь.

34. На морѣ плашка *) не сохнетъ, не мокнетъ, не куржавѣетъ.—Языкъ.

35. Подъ мостомъ мостище, подъ городомъ городище, двѣ трубы трубило, двѣ сѣчи свѣтило, два соболя играло.—Лице.

36. За лѣсомъ, за пригѣсьемъ, двѣ веревки холста виснетъ.—За губами зубы.

37. Что тако: полонъ подпечекъ бѣлыхъ лебедей?—Зубы.

38. У нашего купца полно подполье гусей да лебедей.—Зубы.

39. Въ ящечкахъ плашечки, бѣлы каменки, сини денежки.—Глаза.

40. Шерстка съ шерсткой сходится, спать хочется.—Рѣсницы у глазъ.

41. Около пушекъ, на середкѣ душекъ, на верху чепушекъ.—Борода.

42. Что такое: четыре брата, пятый дядя.—Рука.

43. Братъ брата бьетъ, а другой морщится.—Ягодицы.

44. Наѣхали Нѣмцы, растворили дверцы.—Ягодицы.

45. Сахарный кусокъ на блюдѣ не бываетъ, а всякъ его ѣдалъ.—Грудное молоко.

46. За стѣной, стѣной, да каравашекъ костяной — Младенецъ въ утробѣ матери.

47. Текунчики текутъ, ревунчики ревутъ, сухо дерево несутъ: онъ не дышетъ, не пышетъ и души въ немъ нѣтъ.—Покойника несутъ.

48. По бѣлой землѣ ходитъ, трое работаютъ, двое надзираютъ, одинъ размышляетъ.—Человѣкъ пишетъ.

49. Стоятъ палаты весьма богаты: въ этихъ палатахъ есть и легкость и бодрость, и смерть недалеко.—Питейный домъ.

50. Стоитъ на пяти столбахъ море: душѣ пагуба, а тѣлу радуга.—Рюмка водки въ рукѣ.

51. Щука конура хвостомъ вернула, лѣсы пали, горы стали.—Косятъ траву.

52. Загану загадку, брошу черезъ гряду, годъ пожду, годовикъ сойму.—Сѣять рожь *).

53. Сине море вкругъ кружится, бѣлый заяцъ спать ложится.— Мелютъ муку.

54. Брюхомъ тру, ногами пру, а что разширится, въ то и пихну.—Ткать на краснахъ.

55. Стоитъ мужикъ на бору, а самъ кричитъ за рѣку.—Пастухъ съ рожкомъ.

56. Пять пять овечекъ зародъ подъѣдали, да пять пять овечекъ крупу **) подбирали.—Прясть десятью пальцами.

57. Около пролубки все сидятъ голубки,—а у всякаго по кичишкѣ.—Сидятъ за столомъ съ ложками.

58. Одинъ говоритъ: побѣжимъ, другой говоритъ: полежимъ, а третій говоритъ: покачаемся.—Вода каменьи кустъ.—Карбасъ, парусъ и мачта.

59. Сани бѣжатъ, оглобли стоятъ.—Рѣка и берега.

60. Самъ Самсонъ мостъ мостилъ безъ топора, безъ клина безъ востра ножа.—Ледъ на рѣкѣ.

61. Шуба нова, на подолѣ дыра.—Прорубь.

62. Шла Божья къ обѣднѣ, ключи обронила; мѣсяцъ видѣлъ, солнце взяло; заря схоронила.—Роса.

63. Что тако: лѣтомъ дѣвка, зимой женка? ***).—Дерево.

64. Въ лѣсѣ оно, съ лѣскомъ ровно, а не видно его.—Сердцевина въ дуплѣ дерева.

65. Зелено—кудряво, почто въ лѣсъ побѣжало? Криво лукаво тебя берегу.—Огородъ.

66. Два братца однимъ поясомъ подпоясаны.—Колья въ огородѣ.

67. Кругло кругло, да не мѣсяцъ; зелено, зелено, да не вѣникъ; есть хвостъ, да не куній.—Рѣпа.

68. Росло повыросло, изъ мошка повылѣзло, красно залупилось, всѣмъ дѣвушкамъ полюбилось.—Морошка.

---

*). Варіантъ: Дощечка.

*) Варіантъ: Загану загадку, да выброшу за гриду, пусть моя загадка въ годъ, да въ годъ да повыростетъ.

**) Труха-Варіантъ: Пять—пять овецъ огородъ подъѣдаютъ, другіе пятьовецъ отъ огороду отбѣгаютъ.

***) Вар: Лѣтомъ дѣвица, зимой молодица.

69. Кругло кругло, да не мѣсячно; востро востро, да не мышій хвостъ; зелено зелено, да не сорочій хвостъ.—Рѣпа.

70. Безъ рукъ, безъ ногъ, на ботогъ ползетъ.—Хмѣль.

71. Сидитъ бабка, вся въ заплаткахъ; кто ни взглянетъ, всякъ заплачетъ.—Лукъ.

72. Не окошекъ, не дверей, полна горница гостей.—Огурецъ.

73. Мальчикъ съ пальчикъ въ землю ушелъ, синю шапку нашелъ.—Горохъ.

74. По полу скокъ, по лавкѣ скокъ, сѣлъ въ уголокъ—не ворохнется.—Вѣникъ.

75. Что у насъ въ подпольѣ за медвѣжья лапа?—Помело.

76. Кабы не дѣдушкино ремесло, такъ и у бабушки бы заросло.—Метла и дворъ.

77. Съ локоть мохнато, съ локоть голо, да съ локоть въ г.... ушло.—Прялка во льну.

78. По полу, по лавкѣ натыканы булавки.—Сучья.

79. Стоитъ баба подъ окномъ, покрыта полотномъ.—Костеръ дровъ подъ снѣгомъ.

80. Раскладу кострецъ, никому не скласть: ни попамъ, ни дьякамъ, ни чиновнымъ людямъ, ни вамъ жидрякамъ.—Рапцепать полѣно въ лучину.

81. Разстелю я золото, не собрать ни мѣдникамъ, ни еребренникамъ.—Лучина.

82. Шелъ я поптыхты, на встрѣчу мнѣ барахтыхты, кабы да не ятыхты, съѣлъ бы меня барахтыхты.—Человѣкъ, медвѣдь и собака.

83. Что же днемъ скамейкой стоитъ, а ночью калачикомъ лежитъ.—Собака.

84. Четыре стучихи, четыре гремихи, два богомола, одинъ вихлецъ **).—Корова.

85. У рыкова четыре, а у козы двѣ.—Сосцы у коровы и козы.

86. Подъ задомъ плетень, въ колѣняхъ ботень, въ рукахъ жалователь.—Скамейка подъ коровницей, подойникъ и вымя.

87. Выскочилъ ерышка въ бѣломъ балахонѣ, полы подтыкалъ, лобъ залощилъ, глаза вытаращилъ.—Заяцъ.

88. Семьсотъ свищетъ, четыре стучитъ а двое слушаютъ.—Хвостъ, ноги и уши лошади.

89. Семьсотъ скачетъ, семьсотъ пляшетъ, четыре молотитъ, а одинъ поворотитъ.—Сѣно въ возу съ лошадью.

*) Вар: Одна маковка два бодца.

90. Три брата спорятъ между собой; одинъ говоритъ: мнѣ лѣтомъ хорошо, другой говоритъ: мнѣ зимой хорошо, а третій говоритъ: мнѣ все равно.—Телѣга, сани, лошадь.

91. Шелъ мимо, видѣлъ диво: волкъ волка ѣстъ; я разландалъ и выландалъ—ландалъ.—Овцы ѣдятъ травяную озимь.

92. За лѣсомъ, лѣсомъ жеребята ржутъ, а домой нейдутъ.—Волки.

93. Подъ поломъ, поломъ сидитъ барыня съ коломъ.—Мышь.

94. Летѣло турли—мурли, пролетѣло чрезъ когтево село, растворило мявинницу, положило въ бѣлильницу.—Гуси.

95. Бѣло да не снѣгъ, зелено да не лугъ, черно да не грязь.—Сорока.

96. Стоитъ бочечка да безъ обручечка, нѣтъ сучка, ни задоринки, пиво да вино не смѣшаются.—Яйцо.

97. Чего на колъ не поставишь?—Яйца.

98. Стоитъ въ колѣ градъ, въ градѣ сидитъ царь, у царя много силы, пришелъ разбой—всю силу разогналъ.—Гнѣздо медяницы.

99. Черенъ да не воронъ, не конь и не кобыла, не быкъ и не корова, шесть ногъ безъ копыта.—Тараканъ.

100. Сидитъ птица на кусту, она молится Христу: Боже ты мой, Боже! далъ ты мнѣ власть, Боже! надъ всѣми царями, надъ богатырями; не далъ ты мнѣ, Боже! только власти надъ рыбою въ морѣ.—Комаръ.

101. Нарождался звѣрь отъ мая отъ мѣсяца, отъ краснаго солнышка; этаго звѣря убоялись: короли въ Литвѣ, старцы по кельямъ, малые ребята по зыбкамъ.—Комары, оводы, мошки.

102. Что надъ нами вверхъ ногами?—Тараканы и мухи.

103. Чего на хоромы не забросишь? *)—Перышка.

104. Панъ—пановичъ, упалъ въ колодезь,—самъ не утонулъ и воды не смутилъ.—Листъ съ дерева.

105. На боръ идутъ, клѣтки рубятъ; а съ бору идутъ,—перерубливаютъ.—Лапти вяжутъ.

106. Кабы сталъ, кабы сталъ—такъ бы до неба досталъ, кабы руки да ноги—такъ бы вора связалъ, кабы ротъ да глаза-такъ бы все разсказалъ.—Дорога.

107. Два волка бѣжатъ, оба на небо глядятъ.—Полозья у саней.

*) Варіантъ: Чего съ сарая не бросишь?

108. Летитъ птица орелъ, несетъ въ зубахъ *) огонь; по конецъ хвоста человѣчья смерть.—Ружье и пуля.

109. Летитъ птица,—во рту спица, на носу смерть.—Ружейный выстрѣлъ.

110. Жилъ Старецъ, у него былъ ставецъ; прибѣжалъ къ нему заецъ: пошто ты, старецъ, имѣешь ставецъ?—Охъ ты, заецъ! Еслибъ ты былъ старецъ, у тебя бы свой былъ уставецъ.—Пустынникъ и гуляющій человѣкъ.

111. Бѣжитъ бѣсъ, подлѣ лѣсъ; несетъ хвостъ выше прясла, семи жердей.—Судно.

112. Дорога ровна, лошадь деревянна, везетъ хоть до куля не кормя.—Лодка, корабль.

113. Лежитъ баба, на серединѣ ляга,—пришелъ кокорь, забилъ съ локоть; спасибо кокорь: по часту ходишь, да по многу носишь.—Лодка привязанная къ сваѣ.

114. Окупнешь сухо, а выдернешь—съ конца капле тъ.—Весло.

115. Клѣть дыровата, а выхода нѣтъ.—Верша.

116. Пойду я въ чащину, осѣку я лѣсину, за лѣсину волосину, наконецъ-отъ крюкъ, на середку жмакъ,—крюкъ то дернетъ, жмакъ повернетъ,—живо—три перне, душа изостанетъ и жить перестанетъ.—Рыболовный снарядъ: удилище, леса, наплавокъ и удочка.

117. Самъ конопляной, жилье липяно, голова деревянна, ноги каменны, коты берестяны.—Неводъ.

118. Встану я рано, пойду я въ поляну, встрѣчу Варвару,—насчетъ перевару, большой головы, сѣдатой бороды.—Паревo.

119. Божья по пожни идетъ, а кикимора въ остожьи сидитъ. «Куда—ты, Божья, по пожни пошла?»—кикимора тебя караулитъ.—Везутъ кучу (каплугу) сѣна,—стожары (палки) въ стогу и изгородь (остожье).

120. Прилетѣла птица на Егорьевъ день: деревянный носъ, окованъ хвостъ.—Соха.

121. Криво лукаво въ лѣсъ бѣжало, зелено кудряво на встрѣчу ему: «криво, лукаво! куда побѣжало?»—Зелено кудряво! тебя стеречи.—Серпъ и колосовой хлѣбъ.

122. Маленькой, горбатенькой всѣ поля обскакалъ, пришелъ домой: въ большой уголъ всталъ.—Серпъ.

123. Стоитъ Егорій въ полугорѣ, копьёмъ подперся, шатромъ покрылся.—Суслонъ изъ сноповъ.

124. Стоитъ церковь не церковь, колокольня не колокольня, часовня не часовня, а крестъ на боку.—Вѣтряная мельница.

125. Шелъ я мимо, видѣлъ диво: головы избиты, брюха пропороты, тѣла въ перевалъ валятъ, а души въ рай тащатъ.—Хлѣбъ молотятъ.

126. Сѣрый зайко вокругъ кружится, а бѣлый зайко спать ложится.—Мелютъ въ жернова и высыпается мука.

127. Кто же прежде Адама родился? Пріѣхалъ къ нему нѣкакой человѣкъ, положилъ на свой конь, привезъ его въ свой домъ, посадилъ его на престолъ, далъ ему въ руки трость и сталъ ему кланяться, а онъ даетъ ему благодать.—Камень и жернова.

128. Ѣде(тъ) скрипница, везе(тъ) златницу: свѣтъ берлогъ! Пусти ночевать! Погодка займе(тъ), недѣлю проживе(тъ). — Телѣга, на которой везутъ хлѣбъ въ овинъ сушить.

129. Божья идетъ по пожни, а кикимора въ остожьи.—Возъ и стогъ сѣна.

130. Иде(тъ) свинья къ овину, съ обѣихъ концевъ о рылу.—Ночовки, которыми крупу полютъ.

131. Мать толста, дочь красна, сынъ храберъ въ поднебесье ушелъ.—Печка, огонь, дымъ.

132. Два бѣляка ведутъ черняка.—Дымовой выходъ у печи въ трубу.

133. Распашу, распашу чистое поле, нагоню бѣлаго скота, есть у бѣлаго скота золотой пастушекъ.—Печь, хлѣбы, огонь.

134. Два бѣльца ведутъ черняца.—Чело у печки.

135. Что тако: полонъ колпакъ татарскихъ яицъ?—уголья въ горшкѣ.

136. День корпитъ, ночь корпитъ, а утромъ спитъ.—Печной заслонъ.

137. На устьѣ на устьинскомъ, на углѣ на угличскомъ, смѣшалися вода съ пескомъ, разодралися Лука съ Петромъ.—Устье—устье печи, уголь — жаръ въ печи,—вода съ пескомъ—вода и крупа, Лука и Петръ—мука и горшокъ.

138. Съ вечера ширы, ширы, ширы, съ полуночи еры, еры, еры, къ утру всталъ—ничего не стало. — Растворъ.

139. Что выше лѣса подымается? — Тѣсто въ квашнѣ.

*) Варіантъ: на хвостѣ несетъ.

140. Берега желѣзны, вода дорога, рыба безъ костей.—Пекутъ блины на сковородѣ.

141. Выпашу, выпашу чистое поле; нагоню, нагоню бѣлыхъ лебедей.—Въ печи хлѣбы.

142. Что изъ воды рóдится, а воды боится?—Соль.

143. Стоитъ Тимошка на одной ножкѣ, крошитъ крошитъ крошанку ни себѣ, ни собакамъ, ни малымъ ребятамъ.—Лучина горитъ.

144. Что же носитъ куроптево име?—Крупникъ.

145. У насъ въ избушкѣ красны бабушки.—Ложки.

146. Два лежатъ, два стоятъ, пятой ходитъ, шестой водитъ.—Двери.

147. Марья на Марью глядя(ть), онѣ вмѣстѣ не сойдутся, да и врозь не разойдутся.—Косяки у дверей

148. Двѣ Марьи, двѣ Дарьи вмѣстѣ не сойдутся и порознь не разойдутся.—Косяки въ дверяхъ.

149. Самъ безъ рукъ и самъ безъ ногъ, а на подволоку лезетъ.—Дымъ.

150. Хамъ ходитъ по лавкѣ, хамъ по подлавкѣ, досадлива женушка отворила окошко: Хамъ поди вонъ на боярскій дворъ!—Дымъ въ черной избѣ.

151. Хамъ ходилъ по грядкѣ въ шелковой рубашкѣ,—догадливая невѣстка отворила окошко: поди, хамъ, вонъ!—Дымъ въ курной избѣ и ставень.

152. Шестдесятъ поросятъ въ одинъ голосъ голосятъ.—Камелекъ въ банѣ.

153. Чертова бабка вся въ заплаткахъ. — Камелекъ въ банѣ.

154. Стульцы, ведульцы, по полу ведутся и всѣ изведутся.—Клубы холоднаго пара въ избѣ, когда отворятъ двери зимой изъ сѣней.

155. На улицѣ Петровъ день, а въ избѣ Рождество.—Окно замерзшее въ избѣ и не замерзшее съ улицы.

156. Полосы стеклянны, а ложи деревянны.—Рама.

157. Что тако: у насъ въ избушкѣ палагеино ими.—Палати.

158. Сорокъ братьевъ на одной подушкѣ спя(тъ).—Потолокъ на матицѣ.

159. Что же носитъ вороново има?—Воронецъ въ избѣ.

160. Четыре молодца *) подъ одной шляпой стоятъ.—Столъ на четырехъ ножкахъ.

161. Подъ однѣмъ крылышкомъ четыре голубушки.—Столъ.

162. Что тако: четыре брата стоя(тъ) подъ одной шляпой?—Столъ.

163. Самъ маленькій, самъ удаленькой, весь домъ стережетъ.—Замокъ.

164. Въ небѣ дыра, въ землѣ дыра, а по серединѣ огонь да вода.—Самоваръ.

165. Родился—бился, крестился—мучился, пошелъ—запялся, весь міръ засмѣялся.—Горшокъ (глиняный).

166. Маленькій невеличинькой, подпоясался вичинькой (прутьями).—Ушатъ.

167. У туши уши, а головы нѣту.—Ушатъ.

168. Корова пестра, титька востра, ротъ на боку, хороша къ молоку.—Лагунъ съ квасомъ.

169. Самъ не великъ, а дыра съ четверикъ.—Чугунъ или мѣдяникъ.

170. Старикъ въ осику, да сорвался со смѣху.—Чугунникъ съ водою въ печи.

171. Четыре ноги въ одномъ сапогѣ.—Безмѣнъ.

172. Сухой ершъ пудъ тянетъ.—Безмѣнъ.

173. Идетъ человѣкъ, несетъ на боку диковинку, обтянуту кожицей.—Ножъ въ чехлѣ.

174. Повыше колѣнца, пониже пупенца, выросло полѣнце.—Ножны (футляръ ножика.)

175. Ниже пупа, выше колѣна, виситъ какъ полѣно.—Шашка у полицейскаго служителя.

176. Самъ нагъ, а рубашка въ пазушки.—Свѣча.

177. Пришло диво въ избу, стало диво въ углу, проситъ дѣвки, либо женки, а мужика не надо.—Красна (ткальный станокъ).

178. Чѣмъ больше я верчусь, тѣмъ больше я толстѣю и богатѣю.—Веретено.

179. Малинькой, свѣтлинькой, черезъ тынъ скачетъ, весь міръ краситъ.—Швейная игла.

180. Чего же на гору не затянешь?—За нитку клубка.

181. Два кольца, два конца, на серединѣ гвоздь.—Ножницы.

182. Расширю я мохнатку, засуну голыша.—Рукавицы.

183. Мохната продолговата, съ двухъ концевъ отверстія имѣетъ и грѣетъ; кто вложитъ, тотъ согрѣться можетъ.—Муфта.

184. Худа худышка, задавилась въ яслишкѣ.—Пуговица въ петлѣ.—

185. Подъ лѣсомъ, лѣсомъ колеса висятъ.—Серги въ ушахъ.

*) Вар. брята.

186. Свётъ понихай, потихонько пихай,—рубашечку дерешь, перемыться ведешь.—Гребень.

187. Маленькій Трофимчикъ, скочилъ на овинчикъ—нопорхался.—Гребень.

188 Пойду я въ лѣсъ и разгоню волковъ всѣхъ.—Гребнемъ вычесывать волосы.

189. Стучитъ, вертится, ничего не боится; ходитъ весь вѣкъ, а не человѣкъ.—Часы.

190. Денегъ: пять денегъ да рубль пять копѣекъ, денежка нова, да денежка стара,—дакъ много ли стало?—Столько же.

Б. ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ. *)

Авось, небось, да какъ нибудь,—добра не будетъ.

А хоть день-то сиротскій, а ночь-то господска. (Говорится о супружескомъ счастіи).

Бабой больше, такъ дѣвкой меньше

Бабьему хвосту нѣтъ посту.

Барышъ съ накладомъ въ однѣхъ саняхъ ѣздятъ.

Батюшка-Питеръ бока наши повытеръ, братцы—Заводы унесли годы, а матушка—Канава и совсѣмъ доканала.

Безстужій голову кормитъ, а остужій по міру ходитъ.

Безъ денегъ вездѣ худенекъ.

Безъ мужа жить, какъ безъ соли ѣсть; а съ мужемъ жить, какъ съ перцемъ ѣсть.

10. Безъ труда не вынешь и рыбки изъ пруда.

Безъ убытка—не достать и добытка.

Безъ ужина спать—собачья стать.

Береги хлѣбъ для ѣды, а деньги для бѣды.

Берегись козла спереду, лошади сзаду, а лихаго человѣка со всѣхъ сторонъ.

Богатому все богатина, а бѣдному—рогатина.

Богатому какъ хочется, а бѣдному какъ можется.

Богатъ, богатъ, да Богу-то не братъ.

Богатъ, да плутоватъ; а и бѣденъ, да честенъ.

Богатый какъ хочетъ, а голый какъ можетъ.

20. Богъ далъ роточикъ, Богъ дастъ кусочикъ.

Богъ-не богатый: онъ наказываетъ да и милуетъ.

Богъ страдалъ и намъ тоже наказалъ.

Богъ терпѣлъ, да и намъ велѣлъ.

Божья роса Божью землю кропитъ.

Большая нажива, большая и прожива.

Большой да богатой—не живетъ виноватой.

Большой корабль много рыскаетъ, да все-же на якорь встаетъ.

Борода по колѣна, а дровъ ни полѣна.

Брань не чадъ, глазъ не ѣстъ.

30. Братъ брату складчикъ, сынъ отцу сосѣдъ.

Братъ за брата не плательщикъ.

Брюхо болитъ, на краюху глядитъ.

Брюхо не зержало, чѣмъ набилъ, тѣмъ и ладно.

Бываетъ и на Машку промашка.

Бывало Иванъ огороды копалъ, а нонѣ Иванъ въ воеводы попалъ.

Была бражка, да вышли барашки; теперь есть квасъ, да не про васъ.

Были бы кости, а мясо ужъ будетъ. *)

Были-бы крошки, а мышки ужъ будутъ.

Былъ бы другъ, а время будетъ.

40. Былъ молодцу не укора, а не былъ—чести больше.

Бѣдному жениться,—ночь коротка.

Вертитъ онъ пером, какъ веретеномъ.

Вошную корову отъ вѣтру поноситъ.

Взойдетъ солнышко и на наше задворье.

Видишь мило, да идешь мимо.

Видно сокола по полету, знать молодца по голосу.

Влюбился, какъ собака въ палку.

Волка и ноги кормятъ.

Волкъ одну пѣсню зналъ, а ты и ту спѣлъ (въ укоръ тому, кто не въ мѣру кричитъ).

50. Вольному воля, ходячему путь.

Вора повѣсятъ, на то мѣсто десять.

Вору по дѣлу, да мало попало.

Воръ воруетъ, а самъ горюетъ (живетъ плохо).

Вотъ какая-мнѣ родня-то: его то бабушка, моего-то дѣдушка, изъ Краснаго села пьянаго вела.

Врешь, какъ водой бредешь.

Все равно, что дерево, что бревно.

Все хорошо, что прибыльно.

Вспомнила бабушка дѣвичь вѣчеръ да и заплакала.

Всѣ люди, какъ люди; а мой мужъ какъ поршень.

60. Всѣхъ нищихъ не перещеголять.

Всякая лисица свой хвостъ хвалитъ.

Всякая птица свои пѣсни поетъ; кто чѣмъ можетъ, тѣмъ хлѣбъ достаетъ.

Всяки займы платежомъ красны.

---

*) Доставлены П. И. Ивановымъ, И. П. Васильевскимъ и священ. Тарантинымъ.

*) Эта пословица говорится о дѣтяхъ, вступающихъ въ юношескій возрастъ; но тѣхъ, которые худощавы. Болѣе относится она къ дѣвушкамъ.

Всякое коренье примай съ благодареньемъ.

Всякой домъ потолкомъ крытъ.

Всякъ скачетъ, да не какъ скоморохъ.

Выбирай корову по рогамъ, а дѣвку по родамъ (по родным, по родственникамъ).

Выловилъ язя, да ѣсть только нельзя

Выпустишь съ воробышка, а выростетъ съ коровушку.

70. Выпьемъ по одному, да не скажемъ никому.

Выше, да выше и въ буточники вышелъ.

Въ городѣ живешь, а колокольнѣ кланяешься.

Въ домѣ-то у нихъ какъ Мамай воевалъ.

Въ домѣ хозяинъ больше архирея.

Въ дѣлу не обидь, а послѣ дѣлу хоть все возьми.

Въ комъ добра нѣтъ, въ томъ и правды мало.

Въ людяхъ Ананья, а дома не найдешь.

Въ людяхъ Илья, а дома свинья.

Въ мужичкахъ Аѳоняхъ, да въ голубыхъ копяхъ—мало толку бываетъ.

80. Въ одинъ прямъ вѣку не переживешь.

Въ одной рукѣ тонко, въ другой ничего.

Въ хорошей капустѣ много гнилыхъ кочней.

Въ чемъ къ обѣдни, въ томъ и по сельди.

Въ тихомъ озерѣ черти водятся.

Вѣкъ изжить, не рукой махнуть.

Вѣрю всякому звѣрю, погожу—ежу (тому, кто горячится, озарничаетъ).

Гдѣ блины, тутъ и мы; гдѣ аладьи, тутъ и ладно.

Гдѣ былъ?—У друга. А что пилъ? — Воду—показалась слаще меду.

Гдѣ городъ, тутъ и вѣра; гдѣ деревня, тутъ порѣдня (порядня, порядокъ).

90. Гдѣ есть попъ, тамъ въ ризу не одѣвайся.

Гдѣ живется, тамъ и пѣтухъ кладется.

Гдѣ какія ведутся, тутъ такія и берутся.

Гдѣ конь катается, тутъ шерсть останется.

Гдѣ коробъ, тутъ и милостыня.

Гдѣ черти ни бродили, вездѣ ихъ бранили.

Глаза-то страшатся, руки дѣлаютъ.

Глупой осудитъ, а умной разсудитъ.

Глупъ какъ туесъ.

Гляди полуглазкомъ, говори полуроткомъ.

100. Гречная каша—мать наша, а хлѣбецъ аржаной—то отецъ нашъ родной.

Грѣхи не корюхи, не съѣшь.

Говори, да не проговаривайся.

Говорить по совѣту (по секрету), а выйдетъ по всему свѣту.

Годъ служи, а вѣкъ тужи.

Головка-воровка—денежки пропила, а сама болитъ.

Голодное брюхо, что неправедный судья,—и молча проситъ.

Господи! убей того до смерти, у кого женка хороша, а мужъ дуракъ.

Господи помилуй, да денегъ дай; мѣди съ рубль, да бумажекъ съ пудъ; серебра три ведра, а пятачковъ; да четвертачковъ—пять четвериковъ.

Губа толще, такъ брюхо тоньше.

110. Дай Богъ промышлять моржа на берегу, а ошкуя на водѣ.

Дай нагому холстъ, а ему еще толстъ.

Дастъ Богъ день,—дастъ Богъ и пищу.

Дастъ Богъ дождь—уродится рожь.

Дастъ Богъ ротокъ—будетъ и кусокъ.

Дающа рука устанетъ, а примущa не устанетъ.

Два чирка, тотъ-же селезень.

Двумъ любо, третій не суйся.

Денегъ нѣтъ, такъ рубль почнемъ; а дѣвокъ нѣтъ—такъ бабъ найдемъ.

Денежки есть, такъ и калачики ѣшь, — а денежекъ нѣтъ, такъ и покалачивай въ плѣшь.

120. День съ колобомъ, да два голодомъ.

Деньги да животъ,—такъ и баба живетъ.

Деньги небольши около себя поищи.

Деревенская родня, какъ зубная болѣзнь.

Для милаго семь верстъ не околица.

Для того кузнецъ клещи куетъ, чтобы рукъ не жгло.

Для чего и кузнецъ молотомъ куетъ, чтобы крѣпче было.

Добро-то и скотъ понимаетъ.

Домашняя копѣйка лучше отхожаго рубля.

Домашняя копѣйка—что посторонній рубль.

130. Домъ вести, не лапоть плести.

Досталася гадинѣ виноградная ягода. (Т. е.—дурному мужу хорошая жена, и на оборотъ).

Доѣдай кумушка дѣвяту шанежку: за одно быть ужъ мужемъ биту.

Души въ адъ не отдать, — такъ и богатымъ никогда не бывать.

Дѣвушка не травка,—не выростетъ безъ славки.

Дѣла—какъ сажа бѣла.

Дѣлай колѣно, чтобы брюхо не болѣло.

Дѣло-то не велико, да судъ-отъ большой.

Дѣти будутъ—сами добудутъ.

Дѣтки одной насѣдки.

140. Если хочь имѣть барыши, такъ рожь поворошu.

Есть время плакать, есть и веселиться.
Есть квасъ, да не про васъ.
Есть хлѣбъ—ѣдимъ, а нѣтъ его—глядимъ.
Жалѣю, что попъ тебя крестилъ, да не утопилъ
Ждалъ, ждалъ,—да и жданки съѣлъ.
Ждетъ какъ воронъ кости.
Женить-бы его не на красной дѣвицѣ, а на хорошей рябиновой вицѣ (розгѣ).
Жену учи безъ дѣтей, дѣтей безъ людей.
Живется, такъ и пѣтухъ кладется; а не живется—и курица не несется.
150. Живетъ на болотѣ, ничего не молотитъ; кушанье съ поварни, а дрова съ топора.
Живу по вѣры, а пью по полумѣры. (Отзывъ о раскольникахъ, неодобряющій ихъ нравственности).
Живши и горшокъ съ горшкомъ столкнется.
Жиды да черти,—одной шерсти.
Жижа да квасъ—перемѣна у насъ.
За кого Богъ, за того и добрые люди.
За моремъ коровы дешевы, да провозы дороги.
За одинъ разъ дерева не срубишь.
Заварилъ кашу, не жалѣй масла.
Закинь калачъ на лѣсъ, назадъ пойдешь—найдешь.
160. Закипѣла въ морѣ пѣна—будетъ вѣтру перемѣна
Запасливый лучше богатаго.
Застала зима въ лѣтнемъ платьѣ.
Захотѣлъ ты у калашника дрожжей.
Захотѣлъ ты у нищаго коробъ отнимать.
Зачѣмъ Богу молиться, когда ничего не болитъ.
Звалъ на честь, а посадилъ на печь.
Здравія желаю, съ похмѣлья помираю; нѣтъ ли гривенокъ шести—душу отвести.
Зерна мели, а много не ври.
Зимой и лѣтомъ—однимъ цвѣтомъ.
170. Зимой платье и лѣтомъ платье; будетъ платье и нашей братьѣ.
Знаетъ курица свои яица.
Знай больше, да говори меньше.
Зналъ бы что упалъ, тутъ соломки бы постлалъ.
Зять да шуринъ,—чертъ ихъ судитъ.
И въ Сибири солнце свѣтитъ.
И дуракъ кашу съѣстъ, было бы масло.
И на Машку бываетъ промашка.
И на погостѣ живутъ, да колокольнѣ молятся.
И не любо, да смѣйся.
180. И радъ бы душой, да хлѣбъ то чужой.
И собака помнитъ, кто ее кормитъ.
И у голыша тоже душа.
И умной беретъ, когда глупый даетъ.
Играть не плакать, и отцу съ матерью не жаловаться.
Идетъ пономарь, знай: деньги подавай.
Изъ большихъ денегъ и рубль не почемъ.
Изъ одной бани да не однѣ басни.
Изъ одной мучки, да не однѣ ручки.
Исправникъ—волчій сынъ, какъ же безъ него быть?
190. Испытать—деньги прожить, либо новыхъ нажить.
Кабы не выронилъ пера, не зналъ бы и двора.
Какова баба, такова и слава.
Каково на дому, таково и самому.
Каковъ корень, такова и отростень.
Каковъ одѣтъ, такову и везетъ.
Каковъ покойникъ, таковы и поминки.
Каковъ самъ, таковы и дѣти.
Каковъ чортъ отъ люльки, таковъ и въ могилку.
Каковы сами, таковы и сани.
200. Какой онъ отчестливой: скатертью трясетъ, а хлѣбъ въ шомышу несетъ.
Какъ ни зови, только хлѣбомъ корми.
Какъ самъ плохъ, такъ не пособитъ и Богъ.
Какъ слѣпой подлѣ огорода идешь.
Какъ ѣстъ пирожки, такъ и косить подлѣ корешки.
Кинь добро назадъ, оно очутится напереди.
Кобыла съ медвѣдемъ тягалась, а у самой хвостъ да грива осталась.
Когда дрова горятъ, тогда и кашу варятъ.
Когда лыко деретъся, тогда и дери.
Коли не мялъ тѣломъ, не приробишься дѣломъ. *).
210. Конь горбатъ, да не кобылѣ братъ.
Копѣйка къ копѣйкѣ, и то двѣ копѣйки.
Корова во хлѣву, какъ Адамъ въ раю.
Коровъ не видать, и быковъ не слыхать.
Коса любитъ лопату, а косецъ—пироги.
Котелъ горшку не товарищъ.
Кошку бьютъ, невѣсткѣ навѣтки (намеки) даютъ.
Кресты да перстни,—тѣ же деньги.
220. Кручиной моря не переѣдешь.
Крѣпка тюрьма, да чертъ ее хвалитъ.
Кто вчера совралъ, тому и завтра не вѣрятъ.
Кто въ лаптѣ не бывалъ, тотъ и до сыта не ѣдалъ.
Кто грамотѣ горазъ, тому не пропасть.

*) Эту пословицу говорятъ жены тѣмъ мужьямъ, которые, не смотря на усердіе къ работѣ и къ хозяйству, равнодушны къ нимъ по чувству любви.

Кто живетъ тихо, тотъ не увидитъ лиха.

Кто жида обманетъ, тотъ дня не проживетъ.

Кто кому указъ, когда праздничекъ у насъ.

Кто куритъ табаки, тотъ не наживетъ благодати (добра).

Кто куритъ табачекъ, тотъ святой мужичекъ; а кто не куритъ, тотъ проклята шея.

230. Кто любитъ щи наварны, а кто—жену нарядну.

Кто на морѣ не бывалъ, отъ усердія Богу не маливался.

Кто не имать ничего, не сгрошится никого.

Кто не лѣнивъ пахать, тотъ скоро будетъ богатъ.

Кто чего не любитъ, тѣмъ того и дразнятъ.

Куда клюшо, туда и гни.

Куда мать, туда и дитя.

Ласковое слово лучше мягкаго пирога.

Либо къ обѣдни ходить, либо обреднію водить.

Либо сѣна клокъ, либо вилы въ бокъ.

240. Ложью свѣтъ пройдешь, да не воротишь.

Люба, не люба, да судьба привела.

Люба не люба, да чаще взглядывай.

Любишь чужую бороду драть, люби и свою подставлять (т. е. если любишь гостить, ходить въ гости, люби и къ себѣ принимать, либо самъ угощать).

Любовь не морковь: не скоро, братъ, ее раскусишь.

Людей выручишь, себя выучишь.

Лѣнивъ какъ куль.

Лѣнь добра не дѣлаетъ, и безъ соли обѣдаетъ, и безъ ужины спитъ.

Маленькаго не упасешь, большаго не убережешь.

Мало говори: больше услышишь.

250. Малыхъ ребятъ, кошекъ да собакъ не переиграешь.

Медвѣдь по коровѣ съѣдаетъ, да голоденъ бываетъ; а кура по зерну клюетъ, да сыто живетъ.

Межъ пальцами немного мяса.

Мелкихъ нѣтъ, такъ рубль почнемъ; дѣвокъ нѣтъ, такъ бабъ найдемъ.

Мертвый съ погоста не ворочается.

Мимо дѣвку, да мимо рѣпку не ходятъ.

Много желать, добра не видать.

Много клѣтинъ, да мало воротинъ.

Много сытно, а мало честно.

Молодостью не жить, а старостью не помереть.

260. Мудрой даетъ, такъ и глупой беретъ.

Мужикъ богатый, какъ быкъ рогатый.

Мужикъ годъ не пьетъ и два не пьетъ, а чертъ прорветъ—и все пропьетъ.

Мужикъ за порогъ, а женка за пирогъ.

Мужнее добро какъ зимнее тепло.

Мужъ жену долженъ почитать какъ на церкви главу, а жена мужа—какъ на кабакѣ метлу.

Мужъ заиьетъ—полдома загоритъ, а жена заиьетъ—весь домъ загоритъ.

Мужъ любитъ жену здоровую, а братъ любитъ сестру богатую.

Мужъ съ женой браниться, подъ одну шубу ложится (или: валится).

Мука дорога, такъ не ѣшь пирога.

270. Мы съ тобой, какъ гусь съ водой.

Мышкѣ съ кошкой въ накладъ играть.

Мѣсяцъ свѣтитъ, когда солнца нѣтъ.

Мѣщане день торгуютъ, ночь воруютъ, недѣлю въ замкѣ сидятъ.

На вдовій домъ хоть щенку брось,—и за то Богъ помилуетъ.

На вѣтеръ мякины не напашешь, не токмя живота.

На гнилой товаръ, да слѣпой купецъ (т. е. покупатель).

На другихъ лай, да просебя-то знай.

На живаго врать, вѣдь, не на мертваго.

На которомъ мѣстѣ бывала вода, тутъ и опять взольется.

280. На лѣченой кобылѣ не далеко уѣдешь (т. е. каждая вещь, бывшая въ починѣ, не можетъ долго простоять).

На огонь живота не напашешь.

На одно солнце глядимъ, да не ровно (неодинаково) ѣдимъ.

На погану яму не напасешь хламу. (Т. е. пьяницу, какъ ни поддерживай, ничто не поможетъ; все пропьетъ, промотаетъ).

На полѣ Никола общій Богъ.

На косулѣ, что на стулѣ: посиди, а не поѣшь.

На своемъ пепелищѣ и кура гребетъ, и пѣтухъ храбрится.

На суслѣ пива не угадаешь.

На урода все неугода.

На часту дружбу всегда раздружье.

290. Навяжется шаль, а покинуть жаль.

Надо пропиться, такъ будутъ деньги водиться.

Надѣйся на него, какъ на вешній ледъ.

Наживи хлѣвину, а потомъ скотину.

Наказанымъ умомомъ, да приданымъ животомъ—недолго проживешь.

Напишешь перомъ, такъ не стешешь топоромъ.

Нашего слугу согнуло въ дугу.

Наѣлся какъ быкъ, не знаю какъ быть.

Не боги горшки-то обваривают, а тѣмъ Куростровцы.

Не бойся той собаки, которая лаетъ; а бойся той, которая изподтишка хватаетъ.

300. Не бывать курицѣ пѣтухомъ, а бабѣ мужикомъ.

Не бьютъ—сиди, а бьютъ бѣжи.

Не время дорого,—пора.

Не все на волка, иное и по волку.

Не все переймешь, что по рѣкѣ плыветъ.

Не всегда-же ненастье, проглянетъ и солнце.

Не вскачь по насту, осядетъ.

Не вѣкъ жить, а вѣкъ поминать.

Не гнѣви Бога ропотомъ, а молись ему шепотомъ.

Не говори, что «немогу», говори, что «не хочу».

310. Не дастъ Богъ, такъ не ѣстъ и царь.

Не до обѣдни, коли много обредни.

Не дуйся коровушка, не быть бычкомъ.

Не ищи головы, не проси у жены.

Не зарудилась, а такова уродилась.

Не красиво, да спасибо.

Не можешь помогчи, такъ лучше помолчи.

Не мокра-бы губка, была бъ и шубка (т. е. не пьянствовалъ, былъ бы и одѣтъ хорошо).

Не моли лѣта долгаго, моли лѣта теплаго.

Неназва́но—не ходи, ненастла́но—не ложись.

320. Не отсохнетъ голова, такъ будетъ борода.

Не паси дѣла, паси (припасай) хлѣба.

Не пей кума даровова вина.

Не пеняй на сусѣда, когда спишь до обѣда.

Не пилось бы, не ѣлось,—не куда бы и добро дѣлось.

Не посмотрѣвъ въ святцы, да и бухъ въ колоколъ.

Не пей до пьяна, и не пропьешь кафтана.

Не радуйся найдишкѣ, смотри потеряешь.

Не родись богатый, а родись кудрявый.

Не слыхать, чтобы мужикъ какой чаемъ подавился.

330. Не смѣйся братецъ чужой сестрицѣ, своя въ дѣвицахъ.

Не смѣйся горохъ, самъ не лучше бобовъ.

Не сноживъ (не поживши вмѣстѣ) друга не узнаешь.

Не спрашивай здоровья, гляди на лицо.

Не суйся въ чужи оглобли, коли не спрашиваютъ.

Не та мать, которая родила, а та которая вскормила.

Не твоимъ ноздрямъ табакъ нюхать.

Не тогда плясать, когда гробъ станутъ тесать.

Не торопись къ капустѣ, какъ люди допустятъ.

Не торопись на тотъ свѣтъ, тамъ кабаковъ нѣтъ.

340. Не торопись ѣхать, торопись кормить.

Не тужи о ржи, только мѣшокъ держи.

Не тѣсна изба углами, а тѣсна умами.

Не указывай на чужой зародъ вилами.

Не учи пекчи, не указывай подмазывать.

Не великъ звѣрь, да ластъ.

Не званъ гость, не насена и честь.

Не надобенъ и кладъ, когда съ женой у мужа ладъ.

Не путному сыну отцовское имѣніе не впрокъ.

Нечего на чужую то кучу глаза пучить; пораньше вставай, да свою приготовляй.

350. Нечего прясть, коли рубаха есть; а про другую вѣсть есть.

Нищему жениться—и ночь коротка.

Новыхъ друзей наживай, а старыхъ не забывай.

Ноги волка кормятъ.

Нѣту талану, не пришьешь къ сарафану.

О кумѣ не жить, а безъ кума не быть.

Обвѣнчаетъ попъ худой, не развѣнчать хорошему.

Оглянись-ка назадъ, не горитъ ли посадъ.

Огонь горячо, а дитя болечё.

Огонь хуже вора: тотъ хоть стѣны оставитъ, а огонь все слагостить.

360. Одна слеза катилась, а другая воротилась.

Одной ногой въ гробѣ стоитъ, *) а все еще зло творитъ.

Одному легко и пирожокъ ѣсть.

Окна холодны, а брюха голодны.

Око не видитъ, такъ и на сердце не взыдетъ.

Орютъ—плачутъ, молотятъ—скачутъ.

Отрѣзанный ломоть къ ковригѣ не прильнетъ.

Отъ бездѣлья и то рукодѣлье.

Отъ Колмогоръ до Колы сорокъ два Николы.

Отъ мужа поволька, жена самоволька.

370. Отъ Питера отрубокъ, отъ Москвы уголокъ: то Пинега городокъ.

Отъ свиньи не живутъ бобрята, а тѣже поросята.

Пакостливъ какъ кошка, трусливъ какъ заяцъ.

Пей пиво, не брагу; и люби дѣвку, не бабу.

Печка дрочитъ, дорожка учитъ.

Пиво пьютъ—поговаривают, огородъ городитъ—поколачивают.

---

*) Варіантъ: самъ въ гробъ глядитъ....

Пивши винцо не умудришься.

Пироги, да блинки — въ крынкѣ погибли: пути не нашли и въ печь не зашли.

Пирогъ съ крупой, такъ всякъ съ рукой.

Писать, не дрова рубить.

380. Питеръ бока повытеръ.

Пиши, что рѣка не по прежнему текла, красуха красуху принесла. (Старушья поговорка).

Пишутъ въ два пера, а деньга не спора.

Платье сундуками, да кожа лафтуками. *)

По барину—говядина, по барынѣ—кислыя щи.

По дѣвицѣ и тряпица.

По готовой то дорогѣ и слѣпой бредетъ.

По людямъ живи, а по вѣтру вѣй.

По мышкѣ и кошка звѣрь.

По нашему два алтына, а по русски шесть копѣекъ.

390. По удоямъ молоко считать, молока не видать.

По чьей рѣчкѣ плыть, ту и пѣсню пѣть.

Побываетъ овца на озими, не отучишь ходить ее до зимы.

Побываетъ въ кувшинѣ деготь, такъ потомъ его не выживешь оттуда.

Поди-ка обмани школяра: онъ сдѣлаетъ цифрой изъ рубля полтора.

Подъ вѣсти подводы не надоть.

Поживи въ рабахъ, такъ будешь въ господахъ.

Полно баловаться, въ руки даваться.

Поминаютъ двѣ, да незнаю гдѣ; поминала-бы одна, такъ знала бы, что она.

Понуждай не дубиной, а полтиной.

400. Портной изгадитъ, а утюгъ разгладитъ.

Постой, да погоди—дважды будетъ.

Посуленое три года ждутъ.

Пошелъ кормиться, нечего торопиться.

Пошелъ, да на бокъ,—оттого и казакъ бываетъ гладокъ.

Правдой, да трудомъ не настроишь каменныхъ домовъ.

Праздники часты, а руки одинаки.

При пивѣ, при бражкѣ всѣ дружки, а при горѣ, при бѣдности **) нѣтъ никого.

Привязался, какъ польскій солдатъ.

Про однѣ дрожжи не говорятъ трожды.

410. Прогуляешь, такъ и воду хлебаешь.

Проживать, такъ и воду хлѣбать.

Просить у него—все равно, что просить у извощика возжей, у калачника—дрожжей.

Просятъ пива не напиться, а даютъ—не залиться.

Противъ клѣтки и стопка, противъ стопки и клѣтка.

Пью квасъ, а вижу пиво,—да иду его мимо.

Пьянъ—еще не великъ изъянъ.

Пятеро осудятъ, а десятеро разсудятъ.

Работа не медвѣдь,—можно только поглядѣть.

Радуница (Фомино воскресенье), всѣ люди радуются.

420. Радъ бы душой, да хлѣбъ чужой.

Радъ бы плакать, да слезы не льются.

Разъ оболгалъ, и вѣкъ правды не имутъ.

Рания птичка носокъ чиститъ, а поздня крылышка расправляетъ

Ранняго мороза не бьетъ, а поздняго не ждетъ.

Раньше вставай, да самъ наживай.

Руби капусту зубами, когда озябъ.

Рубль пятакомъ красенъ.

Рука руку моетъ, обѣ бѣлы быть хотятъ.

Русскій глазамъ своимъ не вѣритъ, ему все надо пощупать.

430. Рыбки да рябки,—потерять съ ними деньги.

Рыбу свѣжую перевари, а соленую недовари.

Рядой не вырядишь, работой не выробишь.

Самъ бы ѣлъ, да деньги надоть.

Самъ это не ѣдалъ, а отъ дѣдушка слыхалъ, какъ его баринъ ѣдалъ.

Свой коренникъ (запасъ вообще) не обременитъ.

Свой коренникъ самый ближній родникъ.

Свой умъ—царь въ головѣ.

Свой хлѣбъ хоть въ полночь ѣшь.

Сегодня гули, да завтра гули, — берегись, чтобъ въ лапти не обули.

440. Седни гули, да завтра гули, — тѣже гули и въ лапти обули *).

Сегодня на деньги, а завтра въ долгъ.

Сердита собака волку корысть.

Сиди на печкѣ, точи верешка.

Сидитъ на печи, а бьетъ какъ съ города.

Силенъ чертъ, да воли нѣтъ.

Силка маленька, но зубокъ востеръ.

Сильному счастье помогаетъ.

---

*) Лафтукъ — часть, вырванная изъ чего-нибудь. Напр., — платье-то было съ иголочки, да вотъ какой лафтукъ вырвали, зацѣпившись за гвоздь (а по здѣшнему: ульнула за гвоздь). Эта пословица говорится о вышедшей замужъ за богатаго, а драчливаго.

**) Вар.: при нуждѣ.

*) Эта пословица говорится о тѣхъ, кто скучаетъ быть дома, а непремѣнно старается быть гдѣ-либо въ гостяхъ.

Сито, рѣшето: толи не посуда; Марья, да Дарья: толи не жена; пироги, да шаньги: толи не ѣда; сельникъ, да березникъ: то-ли не дрова?

Сколько пѣлъ, столько и просвиръ ѣлъ.

450. Скоро будетъ нечѣмъ куръ выкликать.

Скоро торопишься, назадъ воротишься.

Скрипучо дерево два вѣка стоитъ.

Скупъ не глупъ, себѣ добра хочетъ.

Скученъ день до вечера, коли дѣлать нечего.

Сладокъ медъ, да не горстью въ ротъ; а и горько вино, да не лишиться его.

Слезы—не помочи.

Слово слово родитъ, третье само бѣжитъ.

Собакѣ мясомъ торговать негодится.

Согрѣшили попы за наши грѣхи, а мы за поповы хоть драться готовы.

460. Солдатъ безъ шпаги, хуже бабы.

Солнышко пригрѣло, такъ и дѣвушкамъ пристрѣло.

Сорока сороку и знаетъ, а ворона—ворону.

Сорока стрекочетъ, гостей пророчитъ.

Спасибо этому дому, пойдемъ къ другому.

Спереди-бы любилъ, а сзади—убилъ.

Среда не суйся впередъ четверга.

Сталъ сытъ, такъ и взялъ стыдъ.

Старую собаку не батькомъ-же звать.

Старухи врутъ оттого, что врутъ.

Старый долгъ платить, да отца-мать кормить: нѣтъ этого хуже.

470. Столъ поставятъ, такъ и работать заставятъ.

Стужи, да лужи,—нѣтъ ихъ хуже.

Суди не по годамъ, а по ребрамъ.

Судья любитъ подносъ, земля любитъ навозъ.

Суженый уродъ будетъ у воротъ.

Сунется, да окунется.

Схватилася мачиха о пасынкѣ, когда ледъ прошелъ.

Схватился грѣшной, какъ въ адъ-то пошелъ.

Схватился, какъ съ горы скатился.

Счастливыя дѣти, отъ которыхъ отецъ и мать радость могутъ имѣти.

480. Счастье пытать, только деньги бросать.

Счастье, такъ и дуракъ ѣздитъ въ каретѣ; а и умный, да ходитъ пѣшкомъ.

Счетъ чаще, дружба дальше.

Съ душой спускается. (Значитъ: умираетъ,—с п у с т и л с я: умеръ).

Съ нимъ говорить, что рѣшетомъ воду носить.

Съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись.

Съ трудовъ праведныхъ не настроишь домовъ каменныхъ.

Сѣла курица на свои яица.

Тихой наѣдетъ, а бойкой и самъ наскочитъ.

Товаръ прилюбится, да умъ отступится.

490. То не бѣда, что во ржи лебеда; то бѣды, что ни ржи, ни лебеды.

Только славу ведешь, что рано встаешь.

Торопится, торопится, а ничего не родится.

Ты свистни, а я давно смыслю.

Ты сударь, да я сударь,—да кто же будетъ работать.

Ты язычекъ смалчивай, за тебя я бѣдку плачивалъ.

У богатаго чертъ робятъ качаетъ.

У вора воровать, только дни терять.

У всякаго въ дому, да невѣдомо никому.

У всякаго попа свой обиходъ.

500. У кого и рубль плачетъ, а у меня копѣйка скачетъ.

У кого не бывало, а у насъ ночевало.

У коровы во рту молоко.

У кошки котя тоже дитя.

У меня была сила, когда мать въ брюхѣ носила.

У меня съ нимъ и ленъ недѣленъ.

У насъ такъ изстари ведется, что изба вѣникомъ метется.

У него всегда такъ: одинъ сапогъ въ банѣ, другой въ амбарѣ.

У Сенюшки денежки — Семенъ, да Семенъ; у Сеньки ни деньги—Сенька, да Сенька.

У Сидора обычай, у Карпа свой.

510. У скупа, не у нѣта, есть что взять.

У скупаго за два тщивыхъ выйдетъ.

У худой рожи, худой и обычай.

У чашниковъ, да у бражниковъ—много въ году *) праздниковъ.

Угорѣла барыня не въ топленой горницѣ.

Ужъ весь лежитъ въ грязи, а все причитъ не забрызжи.

Умъ найдетъ, да пора пройдетъ.

Умѣй шутить, умѣй и перестать.

Ухо рѣжь, а кровь не канетъ.

Учи жену до дѣтей, а дѣтей до людей.

520. Хвастливаго съ богатымъ не спознаешь.

Хвостъ да рога не даютъ молока.

---

*) Вар.: не пересчитаешь.

Хлѣба край, такъ и подъ елью рай.
Хлѣба что въ брюхѣ, платья что на себѣ.
Хлопотъ полонъ ротъ, а толку мало.
Хлѣбецъ-то нашъ, а похлебочки-то дашь.
Хлѣбы катай, а рукъ не марай.
Хлѣбъ-соль взаимно дѣло.
Ходитъ безъ пути, завсегда два пути.
Ходишь какъ будто слоновъ продаешь
530. Ходишь, только ивась разводишь.
Хозяйкой все стоитъ.
Холодно, такъ неводно.
Холодное пить—все равно, что мертваго цѣловать.
Хорошій хозяинъ сто головъ кормитъ, а худой и самъ погибаетъ.
Хоша денегъ ни гроша, была бы слава хороша.
Хоша денежекъ на малѣ, завсегда руки въ карманѣ.
Хоша ѣсть нечего, да жить весело.
Хошь дождь не великъ, а стоять не велитъ.
Хошь на хвои, да на своей волькѣ.
540. Хошь обѣдни не застать, а отъ походки не отстать.
Хошь тресни, да пой пѣсни.
Хошь тряпичка, да тафтичка.
Хошь ѣсть нечево, да жить за то весело.
Худая грамота души пагуба.
Худая матка всему дому *). смятка.
Худо жить безъ женки на чужой сторонкѣ.
Худо, какъ у вороны нѣтъ обороны (т. е. худое житье безъ мужа).
Худо ловить рыбу подъ чужимъ берегомъ.
Царь Давыдъ не велѣлъ тужить, а велѣлъ денежку нажить, да подать положить.
550. Часомъ съ квасомъ, а порой съ водой.
Чай и кофе не попутру, была бы водка по утру.
Чего нѣтъ за кожей, не пришьешь на кожу.
Чего нѣтъ, то и дорого.
Чего самъ себѣ не желаешь, не желай и другому.
Человѣкъ не знаетъ, что съ нимъ завтра будетъ.
Честь приложена, а воля не отнята.
Чей берегъ, того и рыба.
Что будетъ брюху, то будетъ и хребту.
Что бываетъ въ людяхъ, то и намъ дѣлать велятъ.
560. Что въ людяхъ живетъ, то и насъ не минетъ.
Что кому за дѣло, что жена моя не бѣла? я и самъ не хорошъ.
Что купишь, какъ не на что.
Что лживо, то и гнило.
Что нальешь, то и выпьешь.
Что ступитъ, то стукнетъ.
Что судачить на зеркало, когда рожа крива.
Чужое дитя—волчище.
Чья сильнѣе, та и правѣе.
Чѣмъ хвалишься, тѣмъ и подавишься.
570. Шапочно знакомство не пойдетъ въ потомство.
Шиломъ моря не нагрѣть, и отъ бурлачества не разбогатѣть.
Школа и ученье, одно только мученье.
Щи капустѣ замѣна, капуста особая перемѣна.
Шутки шути, но людьми не мути.
Шути, да оглядывайся.
Щука хитра, а не съѣсть ей ерша съ хвоста.
Ѣшь больше, говори меньше.
Ѣшь варено, слушай говорено.
Ѣшь въ постъ рыбу, но не ѣшь рыбака (срв. Ломоносова: постись духомъ, а не брюхомъ).
580. Ѣшь не тянись, а работай не лѣнись.
Ѣшь, не ѣшь; а за выть сочтутъ.
Ѣшь пироги, хлѣбъ впередъ береги.
Этотъ горохъ не лучше грибовъ.
Этотъ изъянъ разложимъ на крестьянъ.
Языкъ болтаетъ, голова не понимаетъ.
Ясно солнышко пригрѣетъ, красна ягодка добрѣетъ.

*) Варіантъ: въ семьѣ.

В. ШУТКИ и ПРИБАУТКИ *).

1. Сказка-присказка словая подмазка, словъ приснецъ заломилъ хвостецъ, побѣжалъ въ кустецъ по пироги, по шанежки, по лукъ, по чеснокъ, по рябиновый батогъ.

2. Сказать тебѣ сказку: связать тебя въ лязку, бросить подъ лавку, лежать тебѣ три дня, и съѣдятъ тебѣ мухи съ комарами.

3. Бывало да живало куликъ да журавль, они пили да ѣли съ одного стола и спать отходили съ одного крыльца. Сказка не долга: баранъ да овца; опять съ конца,—бывало да живало и проч.

4. Два братца Мѣдвѣдьца строили баньку,
Двѣ сестрицы Лисицы покрывали.
Комаръ пищитъ, въ баню дровъ тащитъ,

*) Помѣщаемыя здѣсь прибаутки до № 48 записаны въ Шенкурскомъ уѣздѣ И. Костылевымъ, а остальныя въ Пинежскомъ уѣздѣ П. И. Ивановымъ.

Комариха верещитъ, въ баню вениковъ тащитъ,
Вошку парили да перепарили, съ перепару вошка пала,
Ручку, ножку изломала, пальчикъ выставила.
Побѣжала вошка съ блошкой къ мухѣ подъ окошко.
Ужъ ты, муха, не бунчи, у вошки ножку излечи.

5. Толкуй, Фекла, про фунтъ портна
Аршинъ масла и кислаго молока три пасма.

6. Бей жену, какъ шубу, и люби въ пору какъ душу;
Въ шубѣ будетъ больше тепла, а въ женѣ добра.

7. Сегодня на тощакъ, да завтра на тощакъ,
А посмотришь со двора и корову потащатъ.

8. Есть вино, такъ пьемъ его, а нѣтъ вина, такъ пьемъ и воду; голодному хлѣбъ слаще меду.

9. Идетъ бурлака, стучится у окна: не надобно-ли холста? а когда взглянули, говоритъ: милостыньку ради Христа.

10. Отецъ пришли денегъ: класть не во что, и кошель купить не на что.

11. Осенью и воробей пиво варитъ въ молотильной кашицѣ.

12. Вотъ свинья обожралась не своего корму.

13. Бывало баба съ похмѣлья хомутъ съѣдала, а поутру встала и дровенъ не стало.

14. *) Лебединъ, да Лебединъ, по горамъ ходитъ одинъ,
Лебедушка бѣлая, головушка сизая,
По угоринку ходитъ, колокольчикомъ звонитъ,
Да ребятъ къ себѣ манитъ. — Шестаковчанки (дер. Шестакова).

15. Поскакать, поплясать,—то Закорженки.

16. Скочить да спрыгнуть, изъ ноги лодышки свернуть,—то Погостченки.

17. По дѣвичникамъ, да кумачники кроить,—то Бутырчанки.

18. Мезенски дѣвки—судомойницы

19. Лемачьи отмѣтки—Мѣлогорочки.

20 Китасты, носасты—Цѣлегорочки.

21. Сиговъ продавать—дѣвки Майденки.

22. Каталанки крутить, на высокъ угоръ носить,—то Клыковчанки

23. Кислы паницы, печенки—казенные дѣвченки.

24. Кареты отпускать, да лакеевъ цѣловать — Кучерышенки (здѣсь станція).

25. Изъ окна рожу продать, табакомъ торговать — Херполинченки.

26. Сойдтиться да побаить, по головушкѣ погладить дѣвки Сорочински.

27. Высокіе подборы, низкіе поклоны—Горчанки.

28. Бѣлолицы, круглолицы - Завьяловски дѣвицы.

29. Не чесаны косицы—Заколупински дѣвицы.

30. Въ Вакаринскомъ околодкѣ нѣтъ ни карбасу, ни лодки, у нихъ дѣвки полоротки, красики носятъ коротки, не обрублены подолы

31. Калина да малина *) красная рубашка Гришкина Палашка.

32. По задворкамъ бѣгать, нюхать—Артюхина Анюха.

33. Черная рубаха—Спирихина Параха.

34. Не ткаха, не пряха—Оськина Степаха.

35. Рваная ширинка—Никитина Устинка.

36. Нарумяненныя щеки—у Гавриловой Матрехи.

37. Бай, бай юры, да гдѣ бай юры? Къ Василью перешли.

38. У Василья черная рубашка, да хозяйка безпорядка.

39. У Николка есть веревка, да жена воровка.

40. У Владиміра сѣна клочекъ, жена ходитъ на бочекъ.

41 У Никиты есть лодка, да жена самоходка.

42. У Козьмы хотя и есть вица, да жена пѣвица.

43. У Осипа есть солонка, да жена пустодомка.

44. У Петра собака лаетъ, да жена гуляетъ.

45. У Ивана есть хорошая коровка и женка торговка.

46. У Михайла много пива, да жена лѣнива.

47. У Петра Ненила, три года платья не мыла.

48. Одинъ женихъ на замѣчаніе, что у него нѣтъ ни одной коровы, говаривалъ: «коровъ шесть есть: корову купить да безъ коровы не быть; корова бура да корова будетъ; корова есть да о коровѣ вѣсть—вотъ и шесть».

49. Собака, собака!
Не ѣшь солдата:
Солдатъ самъ собака.
По три денежки даютъ въ день,
Куда хочешь, тутъ и дѣнь.
Что-бъ на баню, что-бъ на мыло,
Что-бъ и дѣвушкамъ тутъ было.

---

*) Изъ устъ народа можно слышать насмѣшливыя прозвища, употребляемыя для вызова краснаго словца, напр: жителей Архангельской губерніи вообще называютъ Моржеѣдами, Вологодской — Телятниками, живущихъ по рѣкѣ Ватѣ — Ваганами кособрюхими, по рѣкѣ Тарѣ — Вокшеѣдами, обывателей нижней части Шенкурскаго уѣзда—Куда ходилъ? куда пошолъ? и т. д. Подобно тому во многихъ мѣстностяхъ есть шуточныя прибаутки, обращаемыя ими къ жительницамъ какого либо селенія вообще, или къ какой либо женщинѣ или дѣвицѣ въ особенности. Таковыя прибаутки подъ №№ 14—30.

*) Принѣвка къ каждой изъ слѣдующихъ женскихъ прибаутокъ.

Моя калина, моя малина.
50. Улитка, улитка!
Удой молочка,
Да изъ подойничка. [1])
51. Божья коровушка,
Ума, ума, ума,—
Жить-ли мнѣ,
Помереть-ли мнѣ? [2])
52. Муха горюха,
Пьешь-ли вино?
А пью, непью,
Только честь люблю. [3])
53. Комаръ пишитъ,
Въ баню дровъ тащитъ,—
Комариха верещитъ,
Въ баню вѣникъ тащитъ. [4])
54. Чайца, чайца,
Подай свои яйца,—
На тебѣ голышъ,
Куда хошъ полетишь. [5])
55 Гагара, гагара,
Обернись-ко назадъ,
Твои дѣти горятъ,
На Матигорахъ, [6])
Смолу жгутъ
Тебя сожгутъ. [7])
56. Утка, утка полетай,
Поди дома работай.
Ей, ей—немогу,
Потянули за ногу;
Какъ въ Питерѣ вино,
Но три денежки ведро.
Хошъ-пей, хошь лей,
Хошъ—обкачивайся. [8])
57. Троица велѣла,
Богородица велѣла,
Трижды окурнуться,
Ныркомъ пройти
И изъ воды вонъ идти. [9])

58. Мать Божья,
Недавай дождя,
Давай солнышка,
Да высоколнышка. [1])
59. Дождикъ, дождикъ перестань,
Мы поѣдемъ на ердань,
Богу молиться,
Христу поклониться,—
Какъ у Бога сирота,
Затворяй ворота,
Ключикомъ—замочкомъ,
Золотымъ платочкомъ. [2])
60. Горитъ баня, горитъ домъ,
Горитъ батюшки заводъ,—
Сохрани Боже овинъ,
А въ овинѣ дворянинъ. [3])
61. Крива рука проситъ,
Пряма подаетъ,
Кто подастъ,
Тотъ хорошій князь;
А кто неподастъ,—
Подпорожна грязь.
62. Открывается бочка,
Для милаго гостя.
Есть табачку
Въ одномъ бочку,
И это—на одну понюшечку
Нашъ крестьянинъ—мужичекъ,
Садился на клочекъ,
И употреблялъ табачекъ.
Тьфу.... божья слинка,
Христовъ корешокъ. [4]).
63. Кошкинъ даръ,
Подарушкинъ даръ:
Кошка дала,
И назадъ отняла. [5])
64. Тран-тран-ти-рѣ,
Былъ въ трактирѣ,—
Тран-тран-трушки,
Ѣлъ ватрушки
Съ кислымъ творогомъ.
65. Баринъ татаринъ,

---

1) При видѣ букашки —
2) При видѣ козявки.
3) При видѣ мухъ.
4) При видѣ комаровъ—толкачиковъ
5) При полетѣ чаекъ.
6) Въ холмогорскомъ уѣздѣ.
7) При полетѣ гагаръ.
8) При летѣ утокъ.
9) Когда купаются ребята.

---

1) При дождѣ.
2) Тоже
3) Дворянинъ—хлѣбъ.
4) При понюшкѣ табаку изъ таблинки.
5) Поется тому, кто подаритъ что-либо и возьметъ обратно.

Дѣвку ударилъ,—
А дѣвка заревѣла,
Замужъ захотѣла,—
Баринъ неберетъ,
Дѣвка пуще реветъ.
66. Первой—пень,
Другой—день,
Три-четыре,
Прицѣпило,
Пять-шесть
Бьютъ шерсть,
Семь восемь —
Сѣно возятъ,—
Девять-десять,
Деньги вѣсятъ,—
Одиннадцать-двѣнадцать
На улицѣ бранятся,
Въ избахъ ссорятся.
67. Плакса—Олекса (Алексѣй).
Удой молочка,
Изъ подойничка.
68. Егорко на горкѣ
Кишки продаетъ;
Почемъ кишка?
По три денежки.
69. Ѣдимъ да свой,
А ты подальше стой,—
А если волосы крѣпки,
Дакъ за столъ садись. *)
70. Сурикъ, суликъ на двери,
Кто прискочитъ—тотъ дери.
У сурика праздникъ,
Сурикъ шапочку шьетъ,—
Шапочка-то кругла,
О-четыре угла:
Туды-сюды уголокъ
На серединѣ кистка.
Кто прискочитъ тисни (дерни). [1])
71. Качанъ, качанъ, Волочанъ [2])
Ѣдетъ дядя Полочанъ,
Тюкъ-или-качанъ?

72 [3]). Поздравляемъ хозяина съ любымъ животомъ, съ холощенымъ конемъ.

Съ вашего живота, съ моего любимаго крестника, водятся дары: платъ шитой, либо браной, а коли не вышили платка — отдерни тонкаго холста, по аршину съ ноги — четыре аршина, пятой — на гриву, шестой на хвостъ, а седьмой — чтобъ лучше животъ росъ. Намъ коноваламъ не для ради барыша, а для вашего милаго живота, было-бы по чемъ коню скакать, а намъ счастливо работать. Это коноваламъ водится: сильница вина, да пива ендова (братына), чашка меду да пять рублей за работу.

73. Мы коновальщики,
Мы не обманщики—
Изъ моря воду пивали,
Съ камней лычье дирали;
Мы лекари,
Мы аптекари—
Лечимъ на славу
Хоть Ѳому, хоть Саву,
Мы въ банькахъ паримъ,
Мы въ банькахъ жаримъ:
Въ баню на ногахъ,
А изъ бани на дровняхъ.

*) Въ отвѣтъ на привѣтствіе: хлѣбъ да соль.

1) При этомъ дерутъ за волосы: мальчика, испортившаго воздухъ.
2) Не Пинежанинъ-ли отъ Волока
3) Прибаутка коноваловъ, равно какъ и слѣдующая

X. СЛОВАРЬ МѢСТНЫХЪ РѢЧЕНІЙ *).

А.

Адамовикъ, а, сущ. м.—Бѣлый оленій мѣхъ. Онеж.

Алапера, ы, с ж.—Кожа моржа или бѣлуги бываетъ покрыта сѣтчатою перепонною, опушенною мелкими волосками. Кожаные пласты названной рыбы, склавъ въ кучу, зарываютъ въ тундру, въ коей держатъ ихъ до тѣхъ поръ, пока не отстаетъ помянутая перепонка или алапера. Далѣе, намазавъ саломъ, мнутъ пласты въ станкѣ до того, пока вся кожа побѣлѣетъ и, оскобливъ мязгу тупикомъ, употребляютъ затѣмъ кожу на изготовленіе шлей, уздечекъ, и т. п. Кем.

Аравушки, екъ, сущ. м.—Рабочіе, сплавливающіе барки по Сѣв. Двинѣ къ Архангельску. «Аравушки у меня обѣдали,—до картови такіе охотники, што напахать не можно». Шенк. Такъ подсмѣиваются надъ гмуповатыми людьми: «Экой ты, подумаешь, аравушка; и на человѣка-то не похожъ!» Пин.

Б.

Баба, ы;—Принадлежность ткацкаго станка. Пин.

Бабка, нѣмецка, — Повивальная бабка, женщина спеціально и съ разрѣшенія начальства занимающаяся акушерствомъ. Арх.

Багайдать. — Блеять по овечьи. «Баранъ багайдать». Онеж.

Бадья, и, с. ж.—Сосудъ, въ которомъ помѣщается деревянное масло и медъ; тулумъ. Шенк.

Базынитъ.—Кричать; ревѣть. «Што это съ коровой-то сдѣлалось? базынитъ, да базынитъ.» Холм.

Балака.—Перекладина (матица) въ домѣ; на балаки стелется потолокъ. Бимсъ въ суднѣ подъ палубою. Арх. Онеж.

Баланжа.—Старый танецъ на святочныхъ вечеринкахъ, нынѣ забытый. Холм.

Балукъ, а.—Безтолковый человѣкъ. Шенк.

Балучить. — Баловать, бездѣльничать. «Се лѣта все лѣто пробалучилъ; денегъ домой не принесъ ни копѣйки!» Шенк.

Банки.—Панталоны или подштанники. Шенк.

Банта.—Всякая свѣтлая пуговица на платьѣ, но только не форменная. Пин.

Банточка, —уменш. отъ банта. Пинеж.

Баранъ, а;—Обручный сгибъ, дѣлаемый на той сторонѣ бороны, куда смотрятъ зубья; въ баранъ вдѣваютъ два кольца, зацѣпляемыя за огобли. Холм.

Барахло, а;—Крестьянское малоцѣнное имущество или рухлядь, какъ то: разная ношебная одежда, рубахи и проч. «А што, братъ, у него, кромѣ барахла, ничово хорошово нѣтъ».—«Только въ дому и добра-то, што одно барахло; у насъ и у самихъ тово много». «Убирай это барахло-то.... што въ немъ будетъ: только мѣшаетъ» Шенк.

Барашки.—Красныя ягоды кустарнаго шиповника. Шенк.

Батарейка, и.—Стружокъ или челнокъ, къ бортамъ котораго придѣланы толстые бруски,—противувѣсы, чтобы не опрокидывался. Мез.

Батары.—Длинные сапоги. Пин.

Батманъ.—Мѣра луку или чесноку, состоящая изъ 120 луковицъ сплетенныхъ лыками, такъ что 30 лу-

*) Словарь этотъ выбранъ редакторомъ изъ матеріаловъ, собранныхъ П. С. Есиненкомъ и г-жею Ефименковою, а также П. А. Ивановымъ, г. Тустановскимъ, и другими. Всѣ слова, помѣщенныя уже въ словаряхъ: Академическомъ и Даля, были при этомъ устранены; оставлены только слова, или не находящіяся въ названныхъ словаряхъ; или хотя и показанныя въ нихъ, но съ другими значеніями или объясненіями; оставлены также нѣкоторыя дополненія въ имѣющимся уже объясненіямъ. Замѣтки объ особенностяхъ архангельскаго говора, найденныя въ помянутыхъ выше матеріалахъ, также не печатаются здѣсь, какъ не дающія особенно новыхъ свѣдѣній противъ имѣющихся въ предисловіи къ словарю Даля. Число словъ, имѣвшихся на карточкахъ собирателей, превосходитъ напечатанное здѣсь, по крайней мѣрѣ въ двадцать разъ. Въ концѣ каждаго слова обозначено, въ какомъ уѣздѣ оно записано.

ковицъ составляютъ длину батмана, а 4 ширину. Арх., Шенк.

Батогъ.—Колъ, на которомъ носятъ лоханки съ кормомъ скоту. Палка, съ которою ходятъ заколачивать: десятскіе, перевозчики, церковные сторожа, пролубники, а также для сбора вечериноъ. Пин. Холм. Шенк.

Батожекъ. — Борона связывается въ клѣтку по пяти рядовъ въ обѣ стороны изъ батожковъ. по три въ одно мѣсто. Батожки связываютъ вересовою вицею, укрѣпляя въ каждую клѣтку спицу или зубъ въ горизонтальномъ положеніи. Холм.

Бахилы —Мужская обувь съ круглыми голенищами, носками и безъ ранта,—подобно сапогамъ, только гораздо просторнѣе ихъ и не такъ красива. Кем.

Бачагъ. — Логоватое мѣсто, занесенное весеннею водою. Онеж.

Бездонница. Растеніе изъ семейства зонтичныхъ. Холм.

Безжалобный, ая, ое.—Недостойный сожалѣнія. Холм.

Безкоренная трава; с. ж.—Видъ плауна. Шен.

Безкоровники.—Семейства крестьянъ, не имѣющія ни одной коровы. Пин.

Безлошадники.—Семейства крестьянъ, не имѣющія ни одной лошади. Пин.

Безпромыслица. — Неуспѣхъ въ промыслѣ отъ лѣни и непослушанія рабочихъ. Кем.

Безуемный, ая, ое.—Не легко унимающійся. «Да перестаньте же, орать-то, безуемны вы здаки!» Холм.

Безутышко. — Безпрестанно, безъ отдыху. «Онъ ѣстъ безутышко». Кем.

Бережевой, ая, ое.—Ближайшій къ берегу. Тотъ карбасъ, который находится первый отъ берега, называется бережевымъ. Арх. Онеж.

Бережина.—Сѣнокосное мѣсто около рѣчнаго берега. Пин.

Бережникъ.—Рабочій на р. Печорѣ, которому во время ловли бѣлой рыбы или семги даютъ въ руки клечь (см. у Дали это слово), чтобы онъ, держа ее, ровнымъ шагомъ шелъ по берегу, между тѣмъ какъ другіе рабочіе ѣдутъ въ лодкѣ съ неводомъ. Мез.

Бестужій.—Охотливый; старательный; усердный; настойчивый. Наприм. — Бестужъ работать, просить, читать, писать и проч., а также бестужъ что либо и худое дѣлать: воровать, въ карты играть, по ночамъ ходить за худами дѣлами и проч. «Онъ, братъ, бестужъ работать—дож(д)ь не дож(д)ь, погода не погода,—все на работѣ».—«Нѣтъ парень, какъ побестужисѣ, поработашь когда хорошенько, дакъ не бось, и поѣшь славно, да и успешь—не видаешь ночито.» Арх. Шенк.

Билетная вотчина. — Сѣнокосная или пашенная земля, расчищенная изъ подъ лѣса, на правѣ 40-лѣтняго пользованія ею по билету, выданному отъ лѣснаго начальства. Пин.

Бобки. — Луговой клеверъ (Кормовое растеніе). Пин.

Богомолье —Особые сельскіе праздники, назначаемые по деревнямъ большею частію въ опредѣленные праздники. Арх. Холм.

Богомольщица. — Эпитетъ матери въ свадебныхъ пѣсняхъ. Напр.

«Во день денна моя печальщица
Во ночь ночная богомольщица,
Ты, родима моя матушка!» Шенк.

Боекъ, йка.—Палочка съ ремнемъ у шерстобитовъ Пин.

Божій барашекъ.—Горлица. Columba turtur. Арх., Зим. Золотица.

Божій коникъ. —Кузнечикъ. Онеж.

Божуля, и, (Морск.) —Стрѣлы изъ бревенъ, посредствомъ которыхъ ставятъ мачты въ судно. Кем.

Божья ладонь.—Столъ. «Не бей стола,—столъ Божья ладонь.» Онеж.

Болѣчь.—Больное мѣсто тѣла. Арх. Пин.

Боны.—Плоты или паромы съ лѣсомъ. Арх.

Борайдать.—Браниться, сердиться.—Онеж.

Борёюшко—Молоденькій баранъ. Ласкат. «Борёюшка, борёюшка, на кусочекъ!» Холм.

Борода завить. — Окончить полевую работу,—убрать сѣно, сжать хлѣбъ, оттого борода бываетъ: сѣнная, хлѣбная. Хлѣбная борода завивается въ Шенк. уѣз. такъ: на послѣдней полосѣ оставляютъ кружокъ, который и сжинаютъ всѣ, ходя вокругъ; а по окончаніи, завязавши въ снопъ, приносятъ его домой и ставятъ въ большой уголъ — подъ образа, гдѣ снопъ этотъ, простоявъ около недѣли, прикладывается къ мѣсту. Въ Покровскую субботу закармливаютъ этимъ снопомъ скота, давая каждой скотинѣ по немногу. Подъ словомъ борода разумѣется также окончаніе какой-либо другой работы, также, если у крестьянина выдетъ весь хлѣбъ или харчъ, то онъ обыкновенно говоритъ: «у меня се-

годня борода хлѣбу или такому-то харчу», т. е. къ завтрашнему дню ничего не остается.

Бородачъ. — Серебряной рубль стараго чекана. Пинеж.

Борщеѣды. - Такъ называютъ Ижемцовъ, Устьцылемовъ. Мохченцовъ. Мез.

Боязко, нар.—Страшно. Арх. Холм. Пин.

Бральница — Палка, употребляемая въ игрѣ мячемъ. Кем.

Бральщики, с. м. мн.—Тѣ промышленники по морю, которые, не будучи въ состояніи пріобрѣсти рыболовные снаряды, покупаютъ свѣжую рыбу у другихъ или выманиваютъ у Лопарей и солятъ. Кем.

Бральщица.—Женщина, которая собираетъ или скупаетъ полотна и отвозитъ ихъ на продажу въ другіе города; торговка полотнами; перекупщица. Кем.

Бранецъ, нца, с. м. — Растеніе — молодило или очитокъ. Холм

Браница. — Пристань для малыхъ судовъ въ Морскомъ заливѣ или въ бухтѣ. Въ Кеми у многихъ домохозяевъ есть свои браницы.

Братскій судъ.—Обсужденіе дурнаго поступка своимъ судомъ, безъ участія мѣстныхъ властей. Выраженіе: «онъ у насъ за то-то былъ наказанъ братскимъ судомъ», означаетъ, что онъ былъ наказанъ своими товарищами. Этотъ судъ существуетъ преимущественно на Мурманскомъ берегу. Кем.

Братъ.—Вышивать. Въ пѣснѣ поется:

Шили, брали коверъ,
Шили, вышивали.

Бродуля.—Человѣкъ, любящій пошляться, погулять или побродить; бродяга. Пин.

Бродчикъ.—Наемный рабочій при семужьемъ заборѣ въ Подпорожьѣ Онежскаго уѣзда; получилъ названіе отъ того, что долженъ, при поправкѣ забора и ловлѣ рыбы, бродить въ рѣкѣ, которая тутъ довольно мелка. Онеж.

Бродь, и.—Мѣсто, занесенное снѣгомъ, по которому, вслѣдствіе того, трудно пройдти. «Не ходи тойды: тамъ страшна бродь»! Холм.

Брызгальница, брызгаленка.—Маленькій насосъ, дѣлаемый дѣтьми изъ ствола растенія Angelica Archangelica. Холм.

Брюдга. — Провожатая жениха. На берегахъ р. Ояти брюдги — женщины со стороны жениха. Шенк.

Брюковникъ. — Пирогъ, начиненный рубленою пареною брюквою. Шенк.

Брюковница.—Каша изъ брюквы. Шенк.

Бугра.—Шалашъ изъ ивняка, который дѣлаютъ для себя промышленники на р. Печорѣ во время ловли бѣлой рыбы. Мез.

Бузурунка.—Фуфайка у Колянокъ изъ грубой шерсти. Кем.

Буйко. — Парусъ у Устьинскихъ тюленьихъ промышленниковъ, натягиваемый на четыре тонкія стропила надъ лодкой, для образованія крыши или палатки отъ холода и непогодъ.

Бульбочка.—Пузырекъ, вскакивающій на водѣ отъ дождя или человѣческаго движенія и сейчасъ-же исчезающій при малѣйшемъ колебаніи ея. Пин.

Буровить.—Чертить чѣмъ либо по землѣ, какъ бы подвигая оную впередъ, отъ чего дѣлаются увалы и неправильныя борозды. Напр., если ѣхать зимой по глубокому снѣгу, то предъ санями снѣгъ буровится, т. е. дѣлаются изъ него увалы, что знач. снѣгъ буровитъ и лошади отъ того тяжело. Если плыть по рѣкѣ въ лодкѣ и во время того опустить въ воду какую либо вещь, или хоть руку,—то отъ ней вода будетъ буровиться, и лодка пойдетъ уже не столь скоро. Шенк.

Бурса.—Временная артель промышленниковъ, соединяющихся для общаго лова бѣлуги обметными неводами. Зимн. берегъ.

Бучень. -Моховая пчела или дикая малая. Пин.

Бѣлоноги.—Толстыя жерди, поставленныя въ рѣку, когда она покроется льдомъ, къ нѣкоторомъ одна отъ другой разстояніи, поперегъ рѣки. Бѣлоноги эти, когда они вымерзнутъ, служатъ основаніемъ забираемаго подъ льдомъ е ва для ловли рыбъ. Шенк.

Бѣлышъ.—Ямчный бѣлокъ. Арх. Шенк.

Бѣльницы.—Небольшія поля, засѣваемыя льномъ. Холм., Шенк.

В.

Вага.—Круглыя оглобли бороны. Пин.

Валовой. — Говорится о содержаніи быковъ и знач. быкъ не откармливаемый, а кормящійся обыкновеннымъ кормомъ—валовымъ сѣномъ. Холм.

Вальчагъ.—Семга, долго пробывшая въ рѣкѣ, набившаяся, исхудалая, тощая, съ пятнами на бокахъ и закорючившимся носомъ; такою она становится подъ осень. Кем.

Валявецъ.—Небрежный; негодный. Наиболѣе-же прилагается къ слову пьяница и увеличиваетъ обширность смысла этаго слова. «Ахъ ты, пьяница — валявица, и весь ты въ грязи какъ свинья». Мез.

Варака. — Каменная небольшая гора; крутой высокій бугоръ. «Пойдемъ на варакy», т. е. на бугоръ. Нѣмецкая варака—одинъ изъ острововъ, называемыхъ Кузовами, близъ Кеми.

Варакосить. — Болтать; говорить пустяки, вздоръ. Кем.

Варзуга.—Тотъ сортъ бѣломорской семги, который ловится въ р. Варзугѣ. Кем.

Вариха. — Двѣ перекладины, идущія вдоль самодѣдскаго чума. Мез.

Варъ.—Сила; мочь «Ужъ я во всю варъ кричалъ, да нѣтъ—не слышитъ». «Эдакъ вѣдь онъ во всю варь ломитъ ворота—ти, поди отопри». Пин. Шенк.

Васюхи.—Такъ наз. маленькая особаго рода рыбка, обитающая въ лужахъ, лывахъ, лягахъ и т. п. водохранилищахъ. Пин.

Ваякса.—Рыбьи молоки, иначе вязига или макса. На Мурманскомъ берегу.

Везель.—Мышій горошекъ. Пин.

Веревка. — Размѣриваніе земли при дѣлежѣ посредствомъ веревки. «Я помню, какъ первая веревка была». Холм.

Веревныя книги или дѣлевыя. — Книги, въ которыя записываются при развертаніи полей между крестьянами, кому какія именно поля и на какомъ пространствѣ пришлись въ надѣлъ. Шенк. Холм.

Веретенья.—Четыреугольная корзинка съ глухой полукрышкой, въ которую кладутъ веретена бабы, или продаютъ ихъ носильщики. Пин.

Веретно.—Стрекоза. Холм.

Верехъ. — Самая ничтожность.—«Все до вереха выграбастилъ». Пинеж.

Верига.—Сорт въ зерновомъ хлѣбѣ. Пин.

Вершна.—Верховая лошадь. Шенк.

Виньгаться. — Хныкать; просить сквозь слезы; не плакать, а лишь показывать плачъ. Онеж.

Вицея.—Дира въ ручныхъ жерновахъ. Пин.

Вкладчики, овъ. — Такъ называются въ Соловецкомъ монастырѣ дѣти, отданныя туда на временное жительство по обѣщанію родителей, которые вносятъ за нихъ вкладъ 100 руб., вслѣдствіе чего тѣ освобождаются отъ обязательной работы. Арх.

Вовка.—Собака. Пинеж.

Волочуга.—Небольшой возъ сѣна, или нѣсколько кучъ травы, сложенный на телѣгу или на сани для того, чтобы увезти съ луга къ дому. — Въ Пинигинскомъ приходѣ Холмогорскаго уѣзда, волочуга составляется изъ пяти кучъ сѣна.

Ворга.—Мѣсто, занятое силками для ловли птицъ. Пинеж.

Воронья сапоги.—Ноги, замаранныя въ грязи, отъ которой кожа разщелялась и иногда идетъ кровь,—болѣе у дѣтей. Пинеж.

Воротовой.—Мѣдный котелъ, въ которомъ варятъ пиво. Есть еще путинной котелъ, который по величинѣ менѣе воротоваго и берется промышленниками съ собой при отправкѣ въ лѣсъ на промыселъ птицъ и звѣрей. Шен. Пин.

Воротяшъ.—Возвращеніе; отдача обратно. Пин.

Воспѣнины—пироги—Продолговатые на тонкихъ, сканыхъ коркахъ, зубчато загнутыхъ по краямъ, изъ ячменной крупы, облитой пѣной или сметаной. Пин.

Восякъ.—Изгородь у покосовъ. Шенк.

Впрунъ.—Великій плутъ. Пин.

Выгально.—Смѣшно. Холм.

Выходить.—Обольстить; имѣть женщину. Арх.

Выщербякъ.—Окрайный отломъ у ножа, топора, вообще востраго; также отшибленный край чаши, рюмки и проч. Пин.

Вѣко, вико. — Крышка отъ бурака или лукошка. Шенк.

Вѣтренный колосъ.—Дикая рожь. Шенк.

Вѣтренный, ая, ое. — Приплывшій при посредствѣ вѣтра. Вѣтреные гости—гости, пріѣхавшіе въ селеніе моремъ, а не сухимъ путемъ. Вѣтреный корабль. Кем.

Вѣтрило.—Родъ ямы, устраиваемой передъ входомъ въ соляную варницу. Въ эту яму, посредствомъ широкой трубы, проводится къ чрену воздухъ для раздуванія огня. Онеж.

Вѣщатинье, я.—Лѣкарство; снадобье.

Вязба—Узоры, выметанные по питкамъ основы полотна, изъ котораго выдернуты предварительно питки утока. Шенк

Вязбленье.—Дѣланіе вязбы. Шенк.

Визка. — Веревка, которая закладывается коровѣ или овцѣ за рога и за которую ихъ водятъ. Пинеж.

Вяхъ.—Цикута. Шенк.

Г.

Галить.—Лягаться; бить задними ногами.—«Лошадь галитъ,—не подходи!»—Въ переносномъ смы-

слѣ о человѣкѣ значитъ: удивлять, смѣшить, безчинничать, выходить изъ благопристойности,—галиться. Кем.

Галуха.—Посмѣшище. Потѣха. Пинеж.

Галъ.—Верхъ; высота. «Бросить мячикъ, намешекъ въ галъ.» «Устрѣлить птицу на галу.» Арх.

Гладь.—То же, что лапта; воронова гладь въ Большеземельской тундрѣ. Мез.

Глызка.—Кусочѣкъ чего-нибудь.—Глызка сахару—оглызочекъ (огрызочекъ). Кем.

Гнучкой, ая, ое.—Гибкій. Холм.

Говорко.—Слишкомъ громко говорить. Пин.

Говоркой, ая, ое.—Разговорчивый. Пинеж. Холм.

Годовщина.—Часть рыболовныхъ угодій; въ сел. Пиньгишѣ рыболовныя угодья раздѣляются между поселянами на 4 годовщины, примѣнительно къ четыремъ десяткамъ или отдѣламъ, на которые раздѣлено все селеніе. Холм.

Голова.—Возвышенная часть острова или верхній конецъ его.—«Онъ меня на головы ждетъ.» Арх.

Головой.—Всѣ до одного. «Ушли изъ дома всѣ головой.» Кем.

Голодай.—Бѣдный человѣкъ, не всегда имѣющій достаточное пропитаніе. Въ Пингишскомъ селеніи жители Зарѣчья называются въ насмѣшку голодаями: «Зарѣчане—голодаи. «Пин. Холм.

Голышъ.—Небольшая бѣленькая рыбка, въ родѣ корюхи. Печер.

Гольтùнка.—Тоненькая пластинка изъ соснòваго дерева. Гольтинка употребляются на плетеніе кузововъ и коробовъ. Шенк.

Гомулька.—Большой платокъ, получаемый въ даръ невѣстою отъ жениха. Пин.

Гомылька.—Большой платокъ, которымъ закрываютъ невѣсту;—его даритъ женихъ передъ отъѣздомъ къ вѣнцу.

Свад. пѣсня: «Пала гомылька
На буйную головку,
Ее вѣтромъ не сдуетъ
И частымъ дождемъ не смочитъ.» Пин.

Горбылистая.—Пахатная земля на возвышенныхъ мѣстахъ, считающаяся лучшею, потому что она защищена отъ дѣйствія морозовъ, какіе бываютъ часто на пизменныхъ мѣстахъ (отъ вліянія болотъ). Пинеж. Но, если она бываетъ на очень возвышенныхъ мѣстахъ, не заливаемыхъ во время весеннихъ разливовъ водою, и скоро высыхаетъ, то считается посредственною землею. Холм.

Горняя артель.—Артель рабочихъ, на обязанности которыхъ лежитъ—относить товары изъ магазиновъ въ барки и обратно. Арх.

Горшокъ, шка.—Большая яма въ землѣ въ дѣтской уличной игрѣ «изъ-за ломъ.» Кол.

Горячи.—Почетный пиръ послѣ свадьбы. Арх.

Граника.—Швейная игра съ трехграннымъ концомъ. Кем.

Гребень.—Одинъ изъ столбовъ, на которомъ сооруженъ амбаръ. Пинеж.

Гряда, ы.—Не большое сухое мѣсто на болотѣ. Холм.

Грядочка, и.—Птичья западня. Мез.

Губной дождь.—Грибной, рѣдкій дождь. Пин.

Гусель.—Плесень. Пинеж.

Гуселый, ая, ое.—Заплѣсневавшій. Пинеж.

Д.

Двойни.—Изба и горница, поставленная вмѣстѣ, одна возлѣ другой. Шенк.

Девятка, и.—Девять фунтовъ хлѣба, которые солдатъ получаетъ изъ казны на три дня на прокормленіе. Пинеж. Сосновая доска, длиною въ 3 саж., толщиною въ 3 дюйма, а шириною въ 9 дюймовъ. Пинеж.

Деделюха, и.—Плотная полная женщина. Холм.

Деревужина.—Дерево чрезмѣрной толщины. Пин.

Держать.—Быть воспріемникомъ. «Онъ мнѣ кумъ: я у него дочь держалъ.» Холм.

Десятокъ, и.—Отдѣлы, на которые раздѣлено селеніе для удобнѣйшаго пользованія рыболовными или земляными угодьями. Десятокъ заключаетъ въ себѣ различное число душъ. Напр., въ селеніи Тулгасскомъ заключаетъ 50 душъ, въ Пингишенскомъ $^1/_4$ всего населенія.

Десятство.—Очередное отправленіе должности десятскихъ. Пинеж. Холм.

Дика.—Такъ назыв. ту бабку, которою бьютъ въ конъ, если она упадетъ плоскимъ бокомъ наружу. Шенк.

Дище.—Пространство въ 20 верстъ, которое Самоѣдъ можетъ проѣхать въ одинъ день на тяжело нагруженныхъ оленяхъ. Мез.

Догнуть.—Донять. «Ой парень, сегоднѣ насъ какъ да догнуло: нѣдѣли весь день до закату пробыли.» Или: «Догнетъ онъ ужо васъ работой-то; у него не выверитесь изъ рукъ-ту.» Или: «Такъ эта насъ ходьба то догнула, што просто, мы безъ ногъ сдѣлались.» Шенк.

Долбарь, я.—Рабочій, обязанность котораго состоитъ въ долбленіи льда на озерѣ при такъ называемой подледной ловлѣ рыбы. Холм.

Долгарь, я.—Длинное полѣно, изъ котораго выходитъ три обыкновенныхъ полѣна; долгарями обжигаютъ кирпичи. Кем. Мез.

Домашникъ, ница.—Сторожъ; караульщикъ; охранитель дома во время отсутствія хозяевъ его. Пин.

Допокоить.—Присматривать и кормить до конца жизни кого нибудь; напр. прѣстарѣлыхъ родителей. Арх.

Доръ.—Хорошо сходитъ съ рукъ товаръ. «Ну ужъ какой сегодня доръ на рыбу, все расхватили.» Ярмарочное.

Доски.—Та же перегородка, которая иначе называется Солнышемъ. Вступить или положить—что въ солнышъ: «за доски.» Пин.

Доюха.—Дойная корова. Холм.

Дудка.—Деревянный чубукъ, длиною отъ $^1/_2$ до $^3/_4$ аршина, употребляется морскими промышленниками при ловлѣ акулъ. Кем.

Дуровя.—Шаля.—«Вамъ што не настряпай, вы дуровя все переѣдите, а къ обѣду и нѣтъ ничего.» Онеж.

Дурь, и.—Скопленіе матеріи въ нарывахъ. Кем.

Дѣлать рыбу.—Отрѣзать голову, вынуть внутренности и пр., — приготовить ее въ томъ видѣ, какъ употребляется она въ пищу. Кем.

Дѣлильщикъ, и.—Добросовѣстные крестьяне, выбираемые изъ среды общества для разверстки. Пинеж. Холм.

Дѣло, а.—Участокъ сѣнокоснаго луга, который долженъ, при ежегодномъ раздѣлѣ сѣнокосовъ, достаться на долю крестьянскаго десятка, который въ свою очередь передѣляетъ его между собою. Шенк.

Дигнуть.—Становиться лучше, здоровѣе. «Ребенокъ нисколько не дигнетъ», т. е. все слабъ, не ростетъ. Мезен.

Е.

Екать, екнуть.—Колотить, ударить съ большою силою. Прим.: «Ужъ я такъ заекалъ сваю-то, што у меня не добудешь.»—«Охъ, парень, какъ да екнуло... Это-то, видно, тамка выстрѣлилъ.»—«Онъ шелъ по льду столь круто, да и укатилсѣ, да какъ екнулъ головой-то, о ледъ-то, дакъ только голова мило спѣла!» Шик.

Ела.—Четырехъ-весельный корбасъ, употребляемый на ловлѣ трески по Мурманскому берегу. Ела имѣетъ носъ и корму весьма острые и одинъ прямой парусъ. Кем.

Елуй, елуница.—Для просушки трески вбиваются въ землю бревна, на которыя кладутъ перекладины елуницы. На этихъ перекладинахъ утверждаютъ длинную жердь, на которую и развѣшиваютъ рыбу. Все это вмѣстѣ и называется елуй. Кем.

Емко.—Сильно, чувствительно. «Ничего-таки: оно не порато, а емко—будешь помнить. Пин. Холм.

Ендана, ы.—Широкій ремень изъ черной, бѣлой или красной кожи, повязанный поперегъ оленя, по спинѣ и брюху. Мез.

Ера, ы.—Довольно густой ивовый кустарникъ. Зырянское.

Ератикъ. — Колъ, къ которому привязываютъ лошадь, когда она пасется на огороженомъ лугу. Пин.

Ересной, ая, ое.—Относящійся къ колдовству. «Онъ ересно знать: умѣетъ колдовать.» «Поскорѣшенько бросился къ ересной книгѣ.» Пѣсня Шик.

Ересь.—Сварливость; бранчивость. Пин.

Еровщикъ.—Крестьянинъ, завѣдывающій артелью при такъ называемомъ подледномъ ловѣ рыбы. Холмог.

Ессуи. — Врытые въ землю столбы, на которые кладутъ перекладины или жерди для сушенія на нихъ трески. Кем.

Ж.

Желѣзныя ворота.—Тѣсный проливъ между островомъ и материкомъ или между одними островами, весьма глубокій и расположенный такъ, что въ немъ, во время морскихъ приливовъ или отливовъ, происходитъ стремительное теченіе воды. Такъ Мудьюжскій островъ, при измѣненномъ концѣ своемъ, который отстоитъ отъ берега не болѣе 200 саженъ, имѣетъ весьма покатое къ открытому морю мѣсто, простирающееся въ длину саженъ на 80, и потому при отливѣ здѣсь бываетъ непомѣрная быстрина. Сіе мѣсто и называется Желѣзными воротами; оно составляетъ узкій проходъ въ мелководный заливъ Бѣлаго моря, называемый Су-

хоеморе. Въ ономъ есть пристанище Монастырское, защищенное съ южной стороны длинною каменною грядою, отъ конца коей недалеко находится луда,—и сіе тѣсное мѣсто также называется Желѣзными воротами. Въ срединѣ Бѣлаго моря, между островами Соловецкимъ и Муксомы, лежащимъ отъ перваго къ востоку, также есть Желѣзныя ворота. Таковыя-же ворота есть между Вайгачемъ и Новою Землею.

Жериовой зубъ.—Коренной зубъ. Шенк.

Живой каменьъ.—Плодъ американскаго растенія мимозы; носимый долгое время водою и напитавшійся солями, плодъ этотъ получаетъ значительную твердость и тяжесть. Кем.

Живой рукой.—Живо; скоро. «Ужъ ты на счетъ этого не безпокойся: я живой рукой сбѣгаю!» Пин.

Живулька, м.—Водяной жукъ. Пин.

Жировая изба.—Избушка въ лѣсу,—временное жилище лѣсныхъ промышленниковъ. Пин.

Жолобъ, а.—Длинное, узкое углубленіе на днѣ моря. Кем.

Жохомъ.—Не поѣвши. «Што жохомъ-то робить: поѣдимъ на перво.» Холм.

Жохъ.—Самый старый; старожилъ; коренной житель. Пинеж. Холм.

З.

Заборница.—При ловлѣ трески на Мурманкомъ берегу: отдѣленное мѣсто на маякѣ для укладыванія выловленной рыбы. Кем.

Заборочникъ, а.—Нанизанные на нитку стеклянные шарики разныхъ цвѣтовъ; ихъ носятъ крестьянки на шеяхъ. Шнк. Кем.

Забойникъ.—Лѣсъ, употребляемый на рыбные заколы. Арх.

Забочешникъ, а.—Рабочій въ карбасѣ на промыслѣ моржей. Мѣсто его на средней банкѣ карбаса. Ихъ два въ морской артели. Они управляютъ сборами, чтобъ они не запутались, притягиваютъ ихъ, когда звѣрь поднимется къ верху, и опускаютъ, когда онъ удалятся въ глубину. Ихъ же обязанность подавать другимъ носки, спицы, багры, хватать выпавшіе местики, на которыя насаживаются носки, спускать въ воду. Кем.

Завалы.—Замытые въ рѣкѣ пни и корни деревъ, каменья и др. предметы, препятствующіе ходу невода. Пин.

Завѣски, окъ. — Родъ ставныхъ сѣтей, располагаемыхъ особеннымъ образомъ у морскихъ береговъ, вдоль которыхъ идетъ семга, стремясь въ рѣки, именно, одинъ рядъ, утвержденный на кольяхъ сѣтей ставится отъ самаго берега перпендикулярно къ его направленію: эта часть называется стѣною. Другой радъ сѣтей примыкаетъ своей серединою къ первому, идя къ нему перпендикулярно, и, слѣдовательно, параллельно берегу; другими словами, образуетъ съ первымъ рядомъ фигуру, подобную буквѣ **Т**: это такъ-называемый заводъ или заводь. Въ концѣ его приставляется тайникъ: сѣть, въ формѣ полукруга или многоугольника, обращенная отверстіемъ къ стѣнѣ. Доступъ въ тайникъ съуженъ двумя сѣтями, идущими косо, внутрь сего послѣдняго отъ обѣихъ его оконечностей, поставляющими между собою только узкій входъ—воротцы. Онеж. Мез.

Завѣтить.—Завѣчать. «Ну, завѣть, что нибудь: я погадаю выйдетъ-ли, не выйдетъ? Кем.

Завѣчать.—Загадывать. Кем.

Заглуздаться.—Замѣшаться; оторопѣть. «Чево ты заглуздѣлся.» Онеж.

Загребный, ая, ое.—Загребленый, незаконно присвоенный. «Загребный выгонъ.» Шнк.

Загусѣть.—Запленѣвѣть. Пин. Холм.

Задатчикъ, а.—Должникъ, получающій продукты отъ торговцевъ въ счетъ будущихъ промысловъ. Холм.

Задача, и. — Дача денегъ и провизіи впередъ, подъ будущіе промыслы, покрутчику хозяиномъ Мурманскихъ тресковыхъ промысловъ. Кем.

Задержка, и.—Занавѣска у окна. Пин.

Задериха, и.—Женскій повойникъ. Онеж.

Задистый, ая, ое. — Задній; сзади слѣдующій. «Задистый возъ.» Шнк.

Задориться.—Завидовать. Холм.

Задорога, и.—Засовъ у двери. Шнк.

Заемнымъ числомъ.—Заимообразно. Холм.

Зазубра, и.—Остріе уды или серпа. Пин.

Заиматель, я.—Берущій въ долгъ. Онеж.

Закатимой, ая, ое.—О солнцѣ: закатывающійся. Пин.

Закорышъ, а.—Личинка жука, живущая подъ корою дерева. Холм.

Закробка, и.—Семга, попадающаяся съ половины іюля до половины августа, болѣе крупная, чѣмъ та, которая попадается лѣтомъ, поменьше осенней. Мез.

Закройка, и.—Семга, которая идетъ изъ моря въ рѣки, вскорѣ послѣ вскрытія льда, т. е. въ концѣ мая

и началѣ іюня. Она преимущественно икряная. Онеж.

Залази.—Верхушки деревьевъ, очищеныя отъ вѣтвей, которыя оставляются только на самой верхушкѣ, на подобіе колпака. Очищается вершина дерева путешествующими, по мѣстному обыкновенію, существующему въ нѣкоторыхъ пустынныхъ мѣстностяхъ Мезенскаго уѣзда, именно того дерева, около котораго разводятъ огонь. Мез.

Заледный, ая, ое.—О рыбѣ: самый ранній, проявляющійся первымъ по вскрытіи воды. Онеж.

Заманиха, и.—Мѣсто въ кулемѣ, гдѣ кладется привода. Пин.

Заметка,—Задвижка. (Арх. Губ. Вѣд. за 1870 г. № 91).

Замки.—Удила у вожжей. Слово это старинное; такъ видно изъ Сборника актовъ Холмогорскаго собора, г. Хоревича, (Арх. Губ. Вѣд. за 1869 г. № 12) что въ старину вожжи были съ замками.

Замора, ы.—Крестьянинъ, бывшій много разъ за моремъ. Арх. Шиг.

Замухориться.—Опуститься, потерять энергію, сознаніе собственнаго достоинства. Шиг.

Заплесокъ, ска—Соръ, выбрасываемый водою на отлогіе берега. Шиг.

Запопутье.—Кстати; при случаѣ; при оказіи, по пути,—сдѣлать что либо. Примѣры: «За попутье и мнѣ отрѣжь хлѣба». «Давай, ужъ за попутье, и это вовьму». Пин.

Запрежье, я.—Упряжь. Холм.

Запускъ, а.—При выварѣ соли: когда образуется чрезъ выпариваніе морской воды засолъ, то огонь, до того ослабленный, усиливается, и потомъ начинаетъ постепенно и окончательно ослабляться, пока не исчезнетъ вода и не останется чистая соль. Эта послѣдняя часть процесса и называется запускомъ, который продолжается отъ 4—5 часовъ. Кем.

Засловить.—Тоже, что «заложить слово». Пин.

Засорина.—Тоже что завалы и задѣвы. Пин.

Засочка, засачиваніе.—Въ началѣ весны, когда дерево начинаетъ наполняться сокомъ, крестьянинъ сдираетъ съ сосенъ кору, начавъ съ такой высоты, насколько его росту и руки съ топоромъ хватаетъ, а ежели высокъ стволъ,—то насколько приставленная къ нему троеступенная лѣсенка дозволяетъ. Но какъ крупные лѣса въ сиволокурныхъ уѣздахъ вывелись, то промышленникъ довольствуется мелкими, снимая кору съ нихъ отъ начала развѣтвленія дерева до самаго корня его. Съ сѣверной стороны оставляетъ на деревѣ ремень или поясъ коры шириною въ ладонь, или въ 3 перста, смотря по толщинѣ дерева, дабы оно не подсохло. Эта работа называется засочка. Шенк.

Застороночекъ, нка.—Мѣсто на русской печи по объимъ сторонамъ печной трубы. Холм.

Заторъ, а.—Ледъ при вскрытіи рѣки нанесенный въ одно мѣсто и ломающійся отъ напору новыхъ льдинъ. «Заторъ идетъ». Онеж.

Заурея, и. Полярная сельдь,—нѣжная, крупная и бѣлая; она заходитъ въ Печору, но и поднимается выше Пустозерскаго селенія, то есть верстъ на 100 отъ моря. Мез.

Зафурайдать—О вѣтрѣ; зашумѣть. Кем.

Зафурить.—Очень дорого запросить. Пин.

Захалявить.—Запланать. Кем.

Захорайдать.—Заскрипѣть. Кем. Холм.

Захребетныя деньги.—Капиталъ отдѣльнаго члена семьи; также общественная или церковная запасная сумма на черный день. Шен.

Зеленый годъ.—Неурожайный годъ. Пин.

Змѣеныш, а.—Костоѣда на пальцахъ. Пин. Холм.

Знаткій, ая, ое; знатокъ, тка, тко.—Видный, примѣтный. «Рубецъ на лицѣ и теперь знатокъ». «Пятно то еще знатко.» Шенк. Холм.

Золотая каша.— Ячменная каша, которую ѣстъ невѣста съ подругами предъ началомъ смотрѣнья. Онеж.

Зубить.—Спорить; отговаривать. «Онъ одно свое зубитъ». Шиг.

Зубья.—Гранитные камни, прерывающіе песчаноземлистую почву вокругъ Мезенскаго и Двинскаго заливовъ.

Зунька, И.—Вертушка. Онеж.

И.

Игромый, ая, ое.—Тоже что игровой. «У меня кошечка есть, да такая игромая.» Холм. Пин.

Ижемка.—Большая бочка, въ которую складывается крупная рыба: семга, сиги и пр. Печерское.

Ижъ, а.—Большой рыболовный снарядъ, вмѣщающій до 30 пудовъ рыбы въ одинъ пріемъ. Онъ представляетъ большой мѣшокъ изъ мелкой сѣти, а въ иныхъ

мѣстностяхъ изъ ивовыхъ прутьевъ. Въ немъ устраи вается 4 горла или помѣщенія для рыбы. Холм. Пин

Избезчестить.—Обезчестить. «Онъ на меня жалобу подастъ: скажетъ избезчестила». Холм.

Избомытье. я.—Мытье избъ. Пин.

Изерги.—Серги. Шик.

Излѣшакнуться.—Произнести слово: чертъ, лѣшій; послать къ лѣшему. Пин.

Измырѣть.—Обжиться. Кем.

Исконвѣкъ.—Изстари; издавна. Холм.

Исперестись.—Нести или тащить сверхъ силы и отъ того сдѣлаться нездоровымъ. Пин.

Исприбиться.—Очень устать. Мез.

Испристать.—Устать; потерять силу. «Я севодня какъ сука испристала, едва ноги волочу; вѣдь деньденьской на ногахъ, да на ногахъ все». Холм.

Истоконно —Тоже, что истово. «Нечего спорить вамъ ребята! истоконно, што межа здѣсь была». Кем.

К.

Кабальные промыслы.—Такъ называются промыслы семги въ Поморьѣ вслѣдствіе того, что крестьяне подвергаются сильной эксплуатаціи со стороны богатыхъ, забирая у нихъ въ долгъ и расплачиваясь выловленой рыбой, которая идетъ такимъ образомъ гораздо ниже настоящей цѣны. Кем.

Кабачарово.—Кабакъ. Пин.

Кавалногой.—Человѣкъ, лишившійся отъ чего бы то ни было пальцевъ у ногъ и потому ходящій не такъ твердо, какъ здоровый. Пин.

Кавкать.—Мяукать. Холм.

Кайковало.—Нерѣшительный. Арх.

Кайковать.—Разговаривать о своемъ горѣ; тужить. «Да што они тутъ по пустякамъ то кайкуютъ». Холм.. Недоумѣвать; нерѣшаться ни на что «Покайковала, покайковала, да и руки опустила». Арх.

Калега, и.—1. Мѣсто въ морѣ, гдѣ ловятъ камбалу. 2. Неводъ для ловли камбалъ. «Уѣхали съ калегой». Онеж.

Каличить.—Просить милостыню. «А сунь-се-ко въ окно-то поглядь, много ли ихъ тамошки каличитъ». Шик.

Кальга.—Мѣшокъ, сумка. Арх.

Каменное морское дерево.—Поморы привозятъ изъ Норвежскаго залива, гдѣ его вытаскиваютъ рыболовы на снастяхъ. Въ Архангельскѣ въ каждомъ почти домѣ оно составляетъ украшеніе. Это не растеніе, а вмѣстилище множества животныхъ.

Кандовый.—Кандовое дерево, мелкослойное съ плотной древесиной. Арх.

Карасихи.—Морскія птицы на Новой Землѣ, служащія предметомъ промысла.

Карбасничать.—Заниматься перевозомъ товаровъ на своемъ карбасѣ. Холм.

Каша, и.—Праздникъ жатвы; тоже, что въ другихъ мѣстахъ волошьи. Пинеж.

Кашница, ы.—Женщина, участвующая въ помочи на жнитвѣ и въ празднованіи окончанія работъ. Пинеж.

Каяфа.—Тоже, что горланъ. Зимн. Берегъ.

Кеды.—Морскіе промыслы. Крестьяне Пинежскаго уѣзда, отправляясь на морскіе промыслы идутъ по такъ называемому Кедовскому пути, къ Кедовскому мысу; отчего идти на кеды—стало употребляться въ смыслѣ идти на промыслы. Пин.

Кейкала, и.—Деревянная дощечка, съ изображеніемъ на ней особеннаго знака, привѣшиваемая на шею оленя на ремешкѣ—для распознанія кому принадлежитъ животное. Кемск.

Кемь, и.—Семга, вылавливаемая въ рѣкѣ Кеми.

Кидаситься.—Франтить. «Экъ кидается, ужъ будто и всѣхъ болѣе вынарядилась.» Холм.

Кинжа, и.—Желѣзко, вставляемое въ топорище у обуха, гдѣ въ него всаживается топоръ. Пинеж.

Кипитка, и.—Птица изъ семейства чаекъ. Зимн. Берегъ.

Кирпичи.—Бубновая масть въ картахъ. Пин.

Киты, овъ.—Косы изъ волосъ на головѣ и бородѣ. Пин.

Кичайдать.—Идти. Кем.

Кладовой, ая, ое.—О возѣ, большой; полный. Кладовыми возами мѣряютъ сѣно. «Эта ножня на два кладовыхъ воза.» «Я купилъ у него сѣна столько то кладовыхъ возовъ». Холм.

Клетецъ, тца.—Домашній жерновъ. Шик.

Клопы морскіе.—Промышленники описываютъ ихъ черными, шестиножными, величиною немного больше домовыхъ клоповъ. Въ лѣтнее время появляются и страшно мучатъ моржей и др. звѣрей, такъ что моржи выходятъ на берегъ и на льдины. Озерецковскій думаетъ, что это то самое маленькое жестокожное, которое у нѣкоторыхъ натуралистовъ описано подъ именемъ китовой вши.

К л ѣ т к а, и.—Маленькое крытое помѣщеніе на плотахъ. Самый плотъ съ такимъ помѣщеніемъ.— «Много клѣтокъ наѣхало.» Шик. Холм.

К л ю ч и к ъ, а.—Водяной пузырекъ. Пин.

К л ю ч о в к а, и.—Поваренная соль, вывариваемая изъ ключевой, а не изъ морской воды. О н е ж.

К л ю ш и т ь. — Бить, колотить; щелкать. О н е ж. Шик.

К о б а й д а т ь.—Чесаться. «Кобайдать» — чешется. О н е ж.

К о ж а, и.—Стада моржей. «Сколько кожи въ морѣ, столько ихъ въ лѣсу». К е м. Промышленники, собравшіеся для ловли наживки, когда они отдыхая лежатъ рядами на берегу. К е м. Убитый морской звѣрь. «Што многи ли кожи нынѣ? каковы промыслы?—А по десяти кожъ попало на лодку!» М е з е н.

К ѳ з е н ь, з н я.—Бабка въ извѣстной дѣтской игрѣ. Пин.

К о л а, ы.—Такъ называется въ продажѣ семга, вылавливаемая на Мурманскомъ берегу. К е м.

К о л а й д а т ь. — Стучать; колотиться; говорить скоро, невнятно. О н е ж.

К о л о в р а т н а я с а ж е н ь.—Маховая сажень.

К о л п а к ъ, а.—Головной уборъ, надѣваемый невѣстою на сватаньи, когда она идетъ въ другую половину дома, къ дѣвицамъ плачеямъ. Ш е н к

К о л ы б ь, и.—Лейка для литья пуль. К е м. Х о л м.

К о м и с т ы й, а я, о е.—Состоящій изъ комьевъ. «Комистая земля.» Шик.

К о м о х а, и.—Чертополохъ. Пин.

К о н е в а л ь ц о, а.—Жало насѣкомаго; то же, что жигало. Пин.

К о н о в я з ь, и.—Низшаго качества луговая земля; собственно выгонъ, гдѣ кормятъ лошадей, привязывая ихъ къ кольямъ. Пин. О н е ж.

К о п а ч ъ, а.—Желѣзная лопата; заступъ,—толстый кусокъ желѣза, заканчивающійся тупымъ остріемъ и насаженный на короткую палку. П и н е ж.

К о п и щ е, а.—Мѣсто, ископанное копытами оленей. «Перемѣнить копище»—у Самоѣдовъ значитъ перекочевать на другое мѣсто за недостаткомъ моха, съѣденнаго оленями. М е з е н.

К о п о в а с т ы й, а л, о е;—с т ѣ, а, о.—Тоже, что копунъ. П и н.

К о п о р к а, и.—Копорскій чай или Иванъ-чай. Пин.

К о л ы р з а, ы.—Сварливый; вспыльчивый. Шик.

К о н ч а к ъ.—Ракообразная пища навагъ и семги. К е м.

К о р а й д а т ь.—Холопуть; мерануть. «Днемь-тебыло солнопечно, а къ вечеру з а к о р а й д а л о». О н е ж.

К о р е н н а я в о д а.—Вода съ кѣной, появляющаяся иногда тотчасъ послѣ водополья, иногда нѣсколько дней спустя; появленіе ея обусловливается вскрытіемъ дальнѣйшихъ притоковъ главной рѣки, позже освобождающихся ото льда. Въ Холмогорахъ причиной коренной воды считается вскрытіе Вычегды. Х о л м.

К о р к а, и.—Переплетъ книги. А р х.

К о р о в н и к ъ, а.—Скупщикъ коровъ. Х о л м.

К о р о в ь е в ы м е ч к о.—Ятрышникъ. Ш е н к.

К о р ы т к и.—На соляныхъ варницахъ маленькіе извлекательные чрены, поставленные въ углахъ большаго чрена; на нихъ, во время кипяченія разсола, садится песокъ и вообще постороннія вещества. А р х.

К о т а н к о, к о т е й к о.—Ласкательныя слова, обращаемыя къ коту. Шик. Холм.

К ѳ х т ѣ г а.—Снѣжное или дождевое облако. Онеж.

К о ч е р н и к ъ, а.—Лѣсъ съ вѣтвистыми и сучковатыми деревьями. П и н.

К р а с и г о р к а. — Красавица. «Красна ты, моя к р а с и г о р к а». Шик.

К р а с н ѣ е.—Скорѣе; сильнѣе; проворнѣе. «Краснѣй робята». К е м.

К р а с у х а.—Кровь, вытекающая изъ носа. «У кого к р а с у х а самородка идетъ, лучше тому». Х о л м. П и н.

К р е с т о в а т и к ъ.—Серебряный рубль, чеканеный въ царствованіе Павла I, съ подписью· «Не намъ, не намъ; а имени Твоему». П и н е ж. Четырехмѣсячные песцы, у которыхъ шерсть уже бѣлая, кромѣ сѣрой спины и части, лежащей при лопаткахъ, гдѣ сѣрая-же полоса пересѣкаетъ спинную. Голубые песцы также имѣютъ подобный знакъ, потому что прочія части у нихъ дѣлаются голубыми, а спина и надлопаточная часть еще остаются сѣрыми. М е з.

К р е щ о н ы й. — Прибавляется между народомъ въ привѣтствіяхъ и отвѣтахъ, когда говорится вообще о людяхъ. Напр. Когда приходитъ знакомый и не знакомый человѣкъ въ избу, помолясь Богу, говоритъ: «Здорово живите, или здравствуйте всѣ к р е щ о н ы». Это бываетъ и въ такомъ случаѣ, когда въ избѣ ни кого нѣтъ. Присоединяясь къ толпѣ народа на улицѣ, пришедшій говоритъ: «Здорово всѣ к р е щ о н ы»». Въ привѣтствіи къ одному лицу никогда не прибавляется слово

крещоной. На вопросъ: «кто есть въ избѣ крещоной?» отвѣчаютъ: «всѣ крещоны дома,—што надо?»—«Много ли народу было у праздника?—Было довольно крещоныхъ». Если постучатся ночью или вечеромъ въ дверь крестьянской избы, то спросятъ: «кто крещоный?». Если послышатся въ домѣ неизвѣстный стукъ или шумъ, то кто либо изъ домашнихъ выходитъ на дворъ и говоритъ: «кто тутъ крещоный?» Не получивъ на сей вопросъ отвѣта, не преминутъ приписать стукъ домовому или другой нечистой силѣ, которая не можетъ отвѣтить на такой вопросъ. Каждый крестьянинъ думаетъ, что у него въ домѣ—изъ какого числа состоитъ семейства, столько же есть и домовыхъ, которые будто бы иногда являются видимо и ведутъ такое же хозяйство какъ и люди; почему и прибавляютъ къ вопросамъ это слово, на которое не крещоный отвѣчать уже не можетъ. Кем.

Куглина.—Кожа отъ сѣменныхъ головокъ льна Пин. Головки на стеблѣ конопли. Онеж.

Куглитать.—Очищать конопляное сѣмя отъ куглины. Онеж.

Кудреватый ракъ.—Медуза, которую промышленники принуждаютъ свернуться въ кудреватый клубокъ, подливая на нее горячую воду. Кем. Мез.

Куимъ, а.—Водка, поставляемая сельскому сходу лицомъ, получившимъ отъ него удовлетворительное рѣшеніе по своему дѣлу. Кем.

Куккуй. — Мясной пирогъ, который подается во время сватанья поѣзжанамъ. Шик. Онеж.

Куклема.—Лѣсная бѣлка, когда она перемѣняетъ красную шерсть на сѣрую. Шик.

Куколь.—Рогатая скотина съ бѣлымъ пятномъ на лбу. Холм.

Куньякъ, а.—Хвощъ, растущій на поляхъ. Холм.

Купора.—Бочары, — прозвище жителей дер. Залывья: «Залывчане купора».

Курма.—Рыболовное устроеніе въ рѣкѣ на быстрыхъ мѣстахъ, состоящее изъ ряда толстыхъ кольевъ, вбитыхъ въ дно рѣки. Къ нимъ прикрѣпляютъ спускаемую до дна сѣть съ особымъ мѣшкомъ, въ который поподается рыба. Холм.

Кычи. — Рыба писиари. Пин. Слово это употребляется также для созыванія домашней птицы.—Пѣсня:

«Кычи, гуси, домой,
Кычи, лебеди, домой». Онеж.

Кычкать.—Скрежетать зубами. Пин.

Кырайдать.—О курицахъ: хрипѣть. Шик.

Л.

Лабазъ, а. — Родъ крыши посреди лодки, на два ската. Мез.

Ладка.—Поправка; исправленіе. «Ладки этта братъ, не много; не за што дорого взять». — «Пошелъ бы стрѣлять, да пищаль неготова: за ладкой дѣло простоитъ съ недѣлю мѣста». Шик.

Лайва, лайно.—Жирная струя ворвани, вытекающая изъ сосуда, бросаемаго промышленниками въ воду для привлеченія ея запахомъ акулъ. Кем.

Лайдовый.—Мелкій неводъ. Мез.

Лала.—Оскомина у лошади. Пин.

Лапости.—Ступни ногъ морскихъ животныхъ Арх.

Лапушникъ. — Лепешка, печеная на листѣ капусты или чемерицы. Пин.

Легкая земля.—Третій, или самый худшій, сортъ земли, напр. такой, которая лежитъ въ лѣсу, слѣдовательно хлѣбъ скоро бьетъ морозомъ; колосъ ячменный на землѣ этого сорта имѣетъ только 5 рядовъ и по 6 зеренъ въ каждомъ ряду. Холм.

Лежанецъ.—Хлѣбъ въ колосѣ, который такъ тяжелъ, что ложится на землю. Холм.

Лежанцы. — Высшій сортъ пахатной земли, гдѣ ячмень даетъ колосъ въ 13 рядовъ, каждый по 6 зеренъ Холм.

Лекотать.—Невнятно говорить. Пин. Холм.

Лепный.—Линючій, линяющій. «Этотъ ситецъ лепный». «Лепные гуси». Шик.

Лепетайло.—Языкъ. Пин.

Лещадь. — Небольшое сѣнокосное мѣсто, лежащее между полосами или угорами въ видѣ четыреугольниковъ. Шик. Ровное и гладкое, но мелкое мѣсто въ морѣ подъ водой. Кем.

Липки.—Тонкія металическія бляшки, украшающія почелокъ. Шик.

Липовка. — Веревка, свитая изъ липоваго лыка. Арх.

Липупецъ, нокъ.—Бабочка, мотылекъ. Арх. Шик. Холм.

Лихимъ матомъ.—Испугъ; когда кто либо, находись въ опасности, кричитъ или реветъ отчаянно, неестественно; а также, увидавъ опасность, опрометью кидается въ бѣгъ. «Побѣгайте ребята скорѣе на рѣку... хто-то тамъ такъ и ревитъ лихимъ матомъ: видно заѣхалъ въ поланью (въ полое мѣсто)». Арх. Пин. Шенк.

Лопатить.—Точить косу на лопатке. Арх. Шик. Пин.

Лосо.—О морѣ: спокойно; гладко: Онеж. Кем.

Лубега.—Лесъ, оставшійся на берегахъ рѣкъ, по вскрытіи ихъ. Онеж.

Лузгнуть. — Осѣдать. «Стѣна то лузгнетъ». Пин.

Льнище, а. — Мѣсто, выжженое изъ подъ мелко растущаго лѣса, для посѣва льна. Шенк. Пин. Холм.

Лѣньгасъ, а.—Лѣнивецъ. Арх. Холм.

Лѣньгасиха.—Лѣнивица. Арх. Холм.

Лѣсной барашекъ.—Такъ называется на условномъ языкѣ артели, составляющейся для подледной ловли, заяцъ. Холм.

Лѣтній берегъ.—Сортъ семги, вылавливаемой на Лѣтнемъ берегу Бѣлаго моря.

Лѣторасникъ.—Кустарный лѣсъ, нарастающій на сѣнокосахъ. Пин.

Лѣшебный, ая, ое.—О собакахъ: способный находить въ лѣсу звѣрей и птицъ; ищейный «Лѣшебный песъ». Шенк.

Лѣшій, ая, ое. — Находящійся въ глуши лѣса. «Лѣшіе промыслы». «Лѣшія избы». Шенк.

Люзанъ. — Двѣ суконныя или холщевыя сумы, соединенныя парою помочей; ихъ носятъ перекинувъ черезъ плечи. Въ нихъ промышленники хранятъ провизію, когда идутъ на промыселъ. Пин. Мез.

Лямка. — Тесьма, которою придерживается сарафанъ на плечахъ. Шенк. Холм. Арх. Широкій ремень, надѣваемый на шею оленя, и служащій вмѣсто хомута. Мез.

Лямовщикъ. — Рабочій рыбопромышленныхъ артелей, тянувшій судно. Мез. Онеж.

М.

Маленькая купаленка.—Растеніе: курослѣпъ или куриная слѣпота. Пин.

Маленькое смотреньице.—День, въ который родители невѣсты даютъ жениху согласіе на выдачу за него замужъ своей дочери. Шенк. Пин. Мез.

Малопулька.—Небольшое ружье, заряжаемое одною пулею; употребляется при охотѣ за лѣсной дичью. Холм.

Маниха.—Неправильность возвышенія и пониженія воды, замѣчаемая при устьяхъ Сѣв. Двины. Она состоитъ въ томъ, что около половины времени прилива вода остановится, или какъ говорится «вода дрогнетъ на убыль» не надолго, и потомъ опять продолжаетъ прибывать до своей настоящей высоты. Арх.

Маракуша.—Самка полеваго тетерева. Холм.

Марьины ягоды.—Названіе шіповъ на берегахъ Неси.

Махавка. — Шестикъ съ вѣникомъ на кубасѣ. Кем.

Медвѣдко.—Купа или собраніе рябиновыхъ гроздей. Пин.

Медовица.—Сосудъ для держанія меда. Арх.

Межевикъ.—Межевой столбъ. Пин.

Межень.—Крайность въ чемъ-либо. «Межень въ хлѣбѣ». «Ну ужъ экой межени въ рѣкѣ, какъ сейчасъ, никто не помнитъ», т. е. вода до самаго низкаго уровня была. Шенк. Пин.

Междумокъ, мка. — Корова, отелившаяся до отправки скота въ Петербургъ и потому негодящаяся въ походъ. Холм.

Мезенка. — Лошадь мезенской породы; бочка, въ которую кладется соленая рыба—семга и пр., а также сало. Пин.

Мезень. — Сортъ семги, вылавливаемый въ рѣкѣ Мезени.

Мѣзонька. — Балованое дитя. Холм.

Мелейдать. — Мычать. Быкъ, корова; мелейдатъ. Онеж.

Мелинъ.—Рукоять ручнаго жернова. Пѣсня:

«Какъ за славнымъ городомъ,
«За жорновомъ,
«Разыгрался мелинъ
«Съ хлопотомъ»..... и пр. Шенк.

Мереть.—Терпѣть недостатокъ въ чемъ либо; напр. въ хлѣбѣ. Мез. Пин.

Метера.—Фарватеръ рѣки. Пин.

Метикъ.—Сосновый лѣсъ, растущій пополамъ съ ельникомъ. Шик.

Модѣлый.—Кислый; протухлый. Шик.

Модѣть. — О дровахъ тлѣть; худо горѣть. «Не горятъ, а только модѣютъ въ печи-то». Шик. О кушаньѣ: прѣть, невариться. Кем.

Моевна.—Порода морской чайки на Новой Землѣ.

Мокрогузый.—Названіе Западнаго вѣтра. Холм. Пин.

Молочиво.—Молотьба. Холм.

Моржа колоть.—Шутка, употребительная на вечеринкахъ и состоящая въ томъ, что задремавшему или заснувшему вечеринщику всовываютъ въ носъ свернутую шерстяную нитку. Кем.

Мороха.—Морошка. Онеж.

Морскія мышки.—Мѣшочки, въ которыхъ скаты мечутъ молодыхъ. Они продолговаты, четырехъугольны, сверху выпуклы, снизу плоски, цвѣтомъ черны, надуты на подобіе пузыря, со всѣхъ четырехъ сторонъ оканчиваются продолговатыми, развѣсистыми рожками. Кем. Арх,

Морской налимъ. — Рыба-бѣлдюга живородящая; водится въ Бѣломъ морѣ, у береговъ Лапландіи. Она не мечетъ икры, а рождаетъ живыхъ дѣтенышей и потому считается поганою. Кем.

Морѣе.—Дальше отъ береговъ моря. Кем.

Мотокой,—омъ.—Не вдругъ; незамѣтно; на силу. «Такъ ужъ кое-какъ—мотокой, чѣмъ попало съ него выбралсе долгъ-отъ, а не то, такъ бы и того не видать». — «Сей годъ, братъ, мотокой все подать-ту сбираемъ». «Вода-то ушла конѣ мотокомъ». Шик.

Мотушка. — Вязка калачей, т. е. бараниковъ домашняго печенія. Арх.

Мохнушка. — Крестьянская рабочая рукавица. Пин.

Мурга.—Оврагъ. Пин.

Мусиника.—Похлебка изъ житой (ячменной) муки, сваренная на водѣ до густоты кашицы; обыкновенная и единственная пища охотниковъ на лѣсныхъ промыслахъ. Пин.

Мусница.—Похлебка изъ толокна, варимая морскими звѣроловами. Онеж.

Мутехвостничать.—Мутить; ссорить; сплетничать. Шик.

Мухориться.—Унывать; насмурѣть. «А што ты такъ замухорился?» «Небо-то опять замухорилось». Шик.

Мухоря.—Неряха, растеряный, невзрачный. Пин. Шик.

Мушникъ.—Шерстяной или холстинный сарафанъ или юбка, у которыхъ по бѣлому полю затканы кусочки разноцвѣтнаго сукна, въ видѣ мушекъ. «А сряднова то лопастья, всего-на-все одинъ мушникъ, да и тотъ веретномъ тряхнуть». Шик.

Мшарина.—Черная, жидкая, болотная грязь. Мез.

Мылка.—Деревянный костылекъ, насаживаемый на рукоять кормоваго весла. Мез. Пинеж.

Мырка.—Морда медвѣдя; вообще некрасивое лице. «Ишь идетъ мырку то поднялъ, и не взглянетъ». Онеж.

Мытарь.—Деревянный колъ, воткнутый въ землю надъ огнищемъ, на немъ вѣшаютъ котелъ съ варевомъ. Пин. Мез.

Мыши.—Нарывы въ шеѣ у лошади. Пин. Холм.

Мышницы.—Ластовицы у сорочекъ или рубахъ. Пин.

Мѣстный, ая, ое.—Общій; находящійся въ общемъ владѣніи. Пин.

Мявкать.—О кошкѣ: мяукать. Пин.

Мякоть.—Пушной товаръ; мясная рухлядь. «Мякоть сей годъ что то туго шла, кажись и промыслу благо было. Мез. Пин.

Мятиковатый, ая, ое.—О строевыхъ деревьяхъ: мягковатый; слабоватый; не совсѣмъ крѣпкій. «Мятиковатый лѣсъ. «Шик.

Н.

Наборочники.—Ожерелья, носимыя на шеяхъ женщинами. Холм.

Навалуха.—Отягощеніе крестьянскимъ обществомъ какого либо изъ своихъ членовъ повинностями. Что либо нечаянно полученное: порученіе, дѣло, деньги, и т. д. Пин.

Наверхосытку.—Въ закуску послѣ обѣда или ужина,—тоже въ добавокъ сверхъ чего нибудь. «Да давай, выпей же, на верхосытку вѣдь: выть позолотить слѣдуетъ». Пин.

Навзрячь. — Глазомѣрно; на взглядъ; съ виду. Пин.

Наводить.—Въ дѣтскихъ играхъ, какъ то: прятках, жмуркахъ и т. п. отыскивать, или ловить другихъ. «Кто будетъ наводить»? «Тебя перваго нашли: теперь тебѣ наводить». Холм. Шик.

Нагольный, ая, ое.—Чистый, безъ примѣси чего либо посторонняго. «Нагольный спиртъ». Пин.

Наживотчикъ, наживочникъ, наживщикъ. — Рабочій на шняхъ, который наживляетъ приграву на рыболовные крючки. Шик.

Накатникъ.—Дерево или нѣсколько, въ отличіе отъ бревна, толщиною въ отрубѣ около 3 вершковъ. Пин.

На-косыхъ.—Не въ дружбѣ; въ ссорѣ, въ непріятныхъ отношеніяхъ. Пин.

Накровъ.—Горшечная крышка. Арх. Холм. Шик.

Налистникъ.—Тоненькая лепешка, испеченная изъ бѣлаго или ячнаго тѣста; зовутъ такъ оттого, что онѣ пекутся въ посты на листахъ черемухи. Холм.

Наморщиться. — Напиться; покушать. Наморщиться чаю. Пин.

Намѣстникъ.—Старшій хозяинъ изъ всей моржевой артели; долженъ находиться на носу карбаса, принимать звѣря на носокъ и управляться имъ спицею. Кем.

Напарьга.—Большой буравъ для провертыванія въ деревѣ диръ. Кем.

Напенные жители.—Коренные, первые насельники; вѣковѣчные. Шенк.

Напечь.—Очагъ русской печи для дровъ. Пин.

Наподольники.—Ткань красной бумаги на подолахъ женскихъ рубашекъ и юбокъ. Холм.

Напрячь на кривое веретено.—При случаѣ отплатить обидой за обиду; отмстить. «Придетъ и мой разъ: напрягу я тебѣ все это на кривое веретено. Шнк.

Напуститься.—Рѣшиться. «Думаю такъ, да напуститься то все немогу». Онеж.

Нарва.—Шпонка, которою держится, напр., наборокъ досокъ, составляющихъ столъ. Арх.

Натотуриться.—Надуться. Пин.

Натратиться. — Наѣсться до пресыщенія. «Что ты все ѣшь, натратиться не можешь»! Арх.

Небезчево. — Недаромъ; предвидено; разсчитано. «Небезчевоя и наговаривалъ ему: полно тебѣ, парень..... брось все къ черту». Арх. Пин. Холм.

Негладкословъ.—Неумѣющій хорошо, ласково говорить. Пин.

Нелюбимковатый. — Отъявленный эгоистъ. Пин.

Немоглой, ая, ое, — Нездоровый. «Какъ она нынѣ хороша стала, а такъ была немогляя»! Холм.

Непричинный, ая, ое. — Невиновный; непричастный къ дѣлу. Пин.

Нерогато.—Не въ изобиліи; скудно. Холм.

Нечу́бить. — Необращать вниманія. «Ей хоть сколько говори, а она и нечубитъ». Холм.

Носовикъ.—Мѣдный горшокъ съ носкомъ. Холм.

Носокъ, ска.—Ростокъ, только что показавшійся по всходѣ хлѣбныхъ зеренъ». Если морозъ на носки, такъ будетъ и на колоски». Шнк.

Носочникъ. — Носокъ сапога или башмака. «Нужно ленточки на носочникъ». Холм.

Носъ ветренный.—Особая болѣзнь, проявляющаяся сильною позѣвотою и колотьемъ. Кем.

Нуда.—Изнурительный потъ, отъ котораго нижняя одежда тлѣетъ на тѣлѣ. Кем.

О.

Обнести.—Обокрасть. «Ушелъ несказавшись, да еще насъ и обнесъ». Холм.

Обропъ.—При вываркѣ соли, уменьшеніе жара послѣ того, какъ уже образуется засолъ до тѣхъ поръ, пока на разсолѣ не образуются пласты соли. Пин.

Обрямхаться.—Обноситься; износить платье до лохмотьевъ. «Какъ онъ прежде хорошо ходилъ, а теперь весь обрямхался». Холм.

Обуванецъ, ца. —Овчинный тулупъ, покрытый пестрядой. Кем.

Обумное. —Пустое. «Онъ все говоритъ такое обумное, что слушать нечего». Шнк.

Обушки.—Визига тресковая. Шнк.

Овинники. — Дрова, которыми топятъ овины. Шнк.

Овыденникъ, а.—Живущій только настоящимъ и не заботящійся о будущемъ. «Что не испеки, все съѣшь въ одинъ день,—овыденникъ ты этакой, не подумаешь, что и завтра день будетъ!» Мез.

Овыдень. — Въ одинъ день; на одинъ день. «Я што весь старикъ, сходилъ на посадъ овыценъ, а тибѣ какъ не сходить.» Шенк. «Севодни въ лѣсъ сходить хошь-бы овыдень.» Кем.

Оглобекъ.—Зыбь; волненіе на морѣ, когда стихаетъ вѣтеръ. «Оглобень ходитъ.» Кем.

Оглуздаться.—Въ хлопотахъ забыть сдѣлать, что-либо нужное. Пин.

Огородия.—Брусья, сложенные на подобіе костра и служащіе для укрѣпленія рычаговъ при поднятіи суднa на городки. Кем.

Околистый, ая, ое.—Имѣющій большую окружность. «Какихъ ты калачей накатала околистыхъ.» Холм.

Олукъ.—Палка въ лукѣ шерстобитовъ. Шенк.

Онега.—Сортъ семги, вылавливаемый въ рѣкѣ Онегѣ.

Опасъ.—Опытный проводникъ въ тундрахъ Лапландіи, хорошо знающій мѣстность. Кем.

Оплывъ.—При ловлѣ акулъ, лайно при каждомъ приливѣ и отливѣ мало по малу поднимается на поверхность воды и акулы, слѣдуя за его движеніемъ, подни

маются также; такимъ образомъ они подходятъ близко и окружаютъ шпаку. Это называется — оплывъ. Говорятъ: «пришелъ оплывъ.» Кем.

Оплыть. — Объ акулахъ: когда они, слѣдуя за движеніемъ лайно, приближаются къ шпакѣ и ее окружаютъ. «Акула оплыла». Кем.

Опша.—Осѣва и игольчатая часть, лузга зернистаго хлѣба, остающаяся послѣ его опеханья. Шенк.

Орга.—Лужа зеленою тиною покрытая. Шик.

Орда.—Бурундукъ. Зимн. Бер.

Орелка.—Мысокъ; сухое и нѣсколько возвышенное мѣсто, иногда поросшее лѣсомъ. Архан.

Освѣчекъ.—Сальный огарокъ; догорающая свѣча. Пин.

Осерхнуть.—Озябнуть. Шик.

Отдаленны. — Печорскій край въ Мезенскомъ уѣздѣ. «Нѣту дома?—Давно нѣту, уѣхалъ въ отдаленны, да все не воротился ещё!» Пин.

Отказъ.—Тоже, что обережъ «Онъ, паренъ-то, право, отказъ знатъ, и супротивъ медвѣдя, и супротивъ волка» Пинеж.

Отрѣзокъ. — Кусокъ земли, отдѣленный отъ полей и пожень каждаго изъ землевладѣльцевъ въ селѣ для надѣла вновь поступившаго въ члены крестьянскаго общества; напр. возвратившихся со службы солдатъ. Пин. Шенк.

Оттуживально молоко.—Творогъ, который держатъ въ печи до тѣхъ поръ, пока не выдѣлится изъ него вся сыворотка. Изъ этого молока приготовляются сыры къ Пасхѣ. Арх.

Охминать.—Жадно ѣсть. Онеж.

Охритъ.—Неряха. Шик.

Очепъ. — Особый родъ силка для ловли птицъ. Онъ состоитъ изъ укрѣпленнаго на вилочкѣ коромысла, одинъ конецъ котораго тяжелѣе другаго; на легкомъ концѣ укрѣпляется волосяная петля, въ которую и попадаетъ птица. Холм.

П.

Пазганица.—Наказаніе розгами. «Я те задамъ пазганицу.» Шик.

Пазгать.—Сѣчь розгами; дѣлать что-либо поспѣшно, незаботясь о тщательномъ выполненіи. Шик.

Пакуль.—Колпачекъ изъ тряпки, надѣваемый на больной палецъ. Пинеж. Холм. Цвѣточная чашечка на ягодѣ морошкѣ, не отпадающая до полнаго созрѣванія плода. «Не ѣшь много морошки-то — вишь не зрѣла, въ пакулях.» Онеж.

Паласина, ы.—Пылающая лучина. «Пеходи ты съ этой паласиной: подожгешь домъ-отъ.» Холм

Памятка.—Письмо. Шик.

Панда.—Подолъ малицы, — верхней одежды изъ оленьихъ шкуръ. Печерск.

Парикъ.—Родъ мелкой рыбы Пин.

Пахорукій. — Неимѣющій руки до мышекъ; также — хотя и съ уцѣлѣвшей, но съ одеревенѣвшей рукою. Пин.

Пахташи.—Сдобныя аладьи, приготовленныя въ заговѣны. Шенк.

Пелеи.—Такъ называются олени въ упряжи, за исключеніемъ крайняго съ лѣваго бока, къ которому прикрѣпляется возжа; пелеи привязываются другъ къ другу коротенькими ремнями. Мез.

Пелка.—Самый старый березнякъ, который въ случаѣ нужды Лопари толкутъ вмѣстѣ съ сосновою заболонью, въ прибавокъ къ мукѣ. Кем.

Переводчикъ.—Вожатый слѣпца или калѣки. Онеж.

Перекрой. — Умаляющійся послѣ полнолунія мѣсяцъ, первые дни послѣ полнолунія. Во всей Арх. губ.

Пересудъ.—Апелляція; переносъ суднаго дѣла въ высшее судебное мѣсто. Чистое русское слово, къ сожалѣнію давно потерянное въ литературѣ и замѣненное чужимъ. Холм.

Пересѣсться. — Надорваться. «Не поднимай камня, пересядешься.» «Мы всѣ ажно пересѣлись со смѣху!» Холм.

Перетуръ.—Брошеное сильное пьянство.—«Съ чево ты тресесся-то? — Съ чево больше, какъ не съ перетуру.» Пин. Холм.

Пертуй.—Мелкая треска. Кем.

Песчанки.—Лѣтнія, мелкія рѣки, въ которыхъ стрежь заносится пескомъ и потому дѣлается неспособнымъ къ плаванію. Холм.

Пестъ, а.—Особенная мелкая рыба, водящаяся въ рѣкѣ Пинегѣ. Пин.

Печищане.—Принадлежащіе къ одному печищу. Пин.

Печище, а.—Одна или нѣсколько деревень, имѣющихъ общее землевладѣніе. Пин.

Пикша или пища. — Въ озерѣ Лушъ, близъ Важескаго Богословскаго монастыря, въ числѣ другихъ

рыбъ, есть одна, свойственная ему только одному. Это **пикша**,—какъ называетъ народъ, но подлинное названіе **пища**, ибо такъ назвалъ ее самъ св. Варлаамъ, какъ гласитъ преданіе. Весною, когда растаетъ ледъ, эта маленькая, но вкусная рыба во множествѣ всплываетъ на поверхность озера и крестьяне, черпая ее саками, сушатъ для продажи; но какъ только прогремитъ первый громъ, она тотчасъ опускается въ глубину озера и скрывается тамъ до слѣдующей весны.

Пирожки, ковъ. — Мышій горошекъ. Арх. Холм

Пирушка. — Порода морской чайки на Новой Землѣ.

Писяга.—Полосатые въ клѣткахъ, въ родѣ шахматъ, невры или одѣяла. Шенк.

Пластацъ.—Сушеная треска, которую пластаютъ, т. е. разрѣзаютъ на двѣ половины. Онеж. Мезен.

Платовье.—Платки. «Не видать намъ, дѣвки, больше такого платовья». Холм.

Плашки.—Темный и мелкій жемчугъ въ рѣкахъ Кемскаго уѣзда. Кем.

Плёвать—Наговаривать слова въ воду, соль и проч. При шептаніи словъ вода или соль помѣшиваются водой, и при этомъ знахарь часто плюетъ, заразъ по трижды. «Гордей-голубчикъ, поплюй, батюшка, словъ,—сдѣлай милость;—Онидрій вонъ другой день не можетъ, на работу не бываетъ, да и хлѣба не ѣстъ.... не знаю что такое, Бо (гъ) храни! ему сдѣлалось». Холм. Шенк.

Плевки, ковъ.—Личинки насѣкомыхъ, водящихся въ тресѣ. Мез.

Плёсо, а.—Разстояніе, которое можетъ пѣшеходъ пройти въ день. Пин.

Плитка.—Плотъ въ одинъ или въ два ряда бревенъ, для сплава деревъ внизъ, по теченію рѣки; на плиткахъ привозятъ въ Архангельскъ хлѣбъ, смолу и проч. Также: **огниво**. Пин.

Плотище.—Деревянная, иловучая пристань для гребныхъ судовъ. Арх.

Плотоуха, и.—Такъ называютъ коровъ, привезенныхъ для продажи на плотахъ или въ крытыхъ карбасахъ изъ деревни Кевролы Пинежскаго уѣзда или изъ Сольвычегодскаго уѣзда. Холм.

Поваренки.—Инфузоріи или наливочныя, микроскопическія животныя, встрѣчающіяся въ настояхъ, или въ стоячихъ водахъ. Пин.

Поганецъ.—Пѣтухъ. Арх.

Погодки.—Условная плата по годамъ. Арх.

Подбилетчина.—Почва земли, расчищенная подъ пашню или сѣнокосъ, на основаніи закона 1820 г., съ правомъ единственнаго пользованія 40 лѣтъ сряду. Отъ слова: **билетъ**, который дается лѣсничимъ на разчистку. Шенк.

Подвинщина.—Житель съ береговъ рѣки Сѣверной Двины.

Подводница.—Подводная, никогда не открывающаяся мель. Кем.

Подзвончикъ. — Колокольчикъ; бубенчикъ; ширкунъ, привязываемый на шею лошади, когда ѣдутъ на свадьбу. Пин.

Подзебель.—Осенній взметъ пашней, предназначающихся подъ паръ. «**Взорать подзебель.**» Пин. Холм.

Подклётъ, а.—Свадебный обрядъ, состоящій въ томъ, что послѣ вѣнца, въ домѣ жениха, отецъ съ матерью встрѣчаютъ новобрачныхъ съ хлѣбомъ, подъ которымъ тѣ проходятъ. Когда новобрачные станутъ за столъ, то отецъ беретъ два калача и обводитъ ими вокругъ головы новобрачныхъ, потомъ открываетъ новобрачную и подноситъ водку. Послѣ того новобрачный начинаютъ раздавать дары, а потомъ подноситъ водку. Холм.

Подмошникъ, а.—Земля, поросшая мхомъ. Холм.

Подольникъ, а.—Частая сѣть для ловли мелкой рыбы. Шенк.

Подпомнить.—Напомнить. «**Подпомни** мнѣ, што купить на рынкѣ-то». Холм.

Подугорье.—Край берега, касающійся воды. Пин.

Подходы.—Симпатическія слова, располагающія всѣхъ въ пользу того, кто ихъ знаетъ. «Ево вси любятъ, **подходы** знаетъ». Арх.

Подчитать.—Засчитать. «Сѣно **подчитать** за долгъ» (изъ рѣшеній волостныхъ судовъ). Холм.

Подшапочникъ.—Короткое полотенце, замѣняющее у крестьянъ карманный платокъ. Шенк.

Подъёмщикъ. — Предприниматель, снаряжающій промысловое судно или артель. Арх. Кем.

Подѣлъ. — Сборъ милостыни. «Ходить на **подѣлъ**»,—стоять въ извѣстныхъ мѣстахъ для сбора подаяній. «Сегодня **подѣлъ** былъ (у такого-то),»—поминали. Арх.

По заявью.—По восходѣ солнца. Шенк.

Покопытное, аго, — Угощеніе, дѣлаемое покупателемъ лошади продавцу по окончаніи сдѣлки. «Пить покопытное.» Арх.

Покормяжка.—Покормежная запись на выдачу паспорта. Пин.

Полдѣла.—Ничего не стоитъ; легко. «Полдѣла жить, какъ бабушка ворожитъ». Пословица.—«Вамъ полдѣла жить то, какъ съ васъ ничево не спрашиваютъ». Арх. Холм. Шенк.

Поллагунье. — Деревянный сосудъ, вмѣщающій въ себя 6 крынокъ молока. Арх.

Половникъ.—Женщина или мальчикъ, принимающіе участіе въ промыслѣ трески; они помогаютъ наживлять ярусъ и получаютъ съ наживщикомъ половинную часть выловленной рыбы, а также и денегъ. Кем.

Полозокъ. — Ловушка для рыбы,—родъ бродища, растянутаго на деревянномъ продолговатомъ лукѣ. Полозкомъ ловятъ рыбу ночью: погрузивъ его привязаннымъ къ нему шестомъ недалеко отъ берега, тянутъ веревкой на нѣсколько саженъ по теченію рѣки и опять вытягиваютъ на берегъ. Шенк.

Полукормщикъ, а. — Второй послѣ кормщика членъ котляны, получающій изъ добычи половину противъ кормщика. Арх., Кем.

Полурѣчье.—Намекъ, мысль, не вполнѣ высказанная. «Начисто сказывай: да, аль нѣтъ? а то все полурѣчье ведетъ.» Шенк.

Полусинникъ. — Полупраздничный сарафанъ не рабочій. Арх.

Полуженщикъ.—Третій послѣ кормщика членъ котляны; получаетъ изъ добычи половину противъ полукормщика. Арх. Кем.

Полѣтокъ, тка.—Работникъ нанятый на лѣто, т. е. на время полевыхъ работъ. Пин.

Поманиха. — Родъ коротенькой кофточки, закрывающей руки и верхнюю часть груди, не закрытую сарафаномъ. Одѣваютъ и на работу, для защиты отъ холода. Холм.

Помча.—Рыболовный снарядъ, состоящій изъ сѣти, прикрѣпленной къ четыреугольной рамѣ, опускаемый въ воду и поднимаемый на оченѣ. Шенк.

Попажа.—Переѣздъ; переборъ; входъ. «Попажа-то къ нимъ бѣдова (трудна). .» Пин.

По пристрашному.—Страшно. «Онъ какъ закричитъ по пристрашному, ажно я вся перепалась». Холм.

Порочка.—Ведро или шайка, насаженная на палку; которымъ черпаютъ воду изъ рѣки и наливаютъ въ бочку. Кем.

Порховица.—Грибъ дождевикъ. Шенк.

Порядовной, а, о.—Рядовой; идущій по порядку. «Рядовна чарка вина.» Пин.

Постегольница. — Большая швейная игла. Арх.

Постила.—Длина плоскости, плитнаго камня, цоколя. Пин.

Посыпь.—Платежъ зерновымъ хлѣбомъ за пользованіе чужимъ земляным участкомъ. «Онъ землю-то не пашетъ, посыпь беретъ.» Шенк.

Потоки, овъ.—Та часть соляной варницы, гдѣ просушивается только-что снятая съ чрена соль и хранится до вывоза ея въ амбары; полати. Арх.

Поторчина.—Затонувшія деревья, вершины или сучи которыхъ выставляются изъ воды. Пин., Шенк.

Потянушка. — Фуфайка съ рукавами на ватѣ или на мѣху, опушенная по воротнику, рукавамъ и бортамъ также мѣхомъ. Арх.

Походить. — Обокрасть. «Бѣглые походили церковь въ Вавчугѣ». Холм.

Походъ.—Гуртовая отправка коровъ въ опредѣленные сроки въ Петербургъ. Походовъ бываетъ пять въ году: Никольскій, Успенскій, Покровскій, Рождественскій и Пасочный. А потому, смотря по времени отправленія въ походъ, и самыя коровы называются: Никольская, Успенская и т. д. Холм.

Поѣздникъ.—Длинная, низкая и узкая лодка, употребляемая на рѣкахъ для ловли рыбы. Кем.

Приволока. — Мѣсто на берегу, куда пристаютъ съ неводомъ для ловли бѣлой рыбы. Мез.

Привѣровать. — Имѣть къ кому расположеніе. Кем.

Пригоношка. — Приправа. «Положь во щи-то пригоношки, дакъ я и въ печь суну горшокъ». Холм.

Прикладывать.—Привновать. «Онъ ее ко всякому прикладываетъ». Холм.

Прикошелить.—Присвоить; прикарманить. Пин.

Припилисать.—Рвать. «Вишь какъ платье-то припилисала». Арх.

Прирубъ.—Галлерея. Кем.

Присвой.—Очень дальній родня. «Нѣтъ, не то штобы родня, а такъ присвой.» Холм. Пин.

Прискать.—Присучить (нитку); приправить (щи). «Положь заспы-то въ шти, да прискы.» Шенк. Холм.

Прискудаться.—Надоѣсть. «За все-то робить одно дѣло, дакъ небось, скоро прискудаится»—«Все дож(д)ь, да дожь—мнѣ ужъ прискудалось ходить въ лѣсъ-отъ». Шенк.

Приставъ.—Какая нибудь вещь,—колъ, лопата, грабли и т. п.—воткнутая черезъ кольцо у воротъ дома, вмѣсто замка, означающая, что хозяевъ нѣтъ дома и потому нельзя ходить. Пин. Шик. Арх.

Пристѣнокъ. — Нашивка изъ цвѣтной матеріи на той сторонѣ подушки, на которой зашнуровывается верхняя наволока. Шик.

Присыпаться.—Привязываться къ разговору; любезничать. Арх.

Притворное.—Подаяніе, дѣлаемое ѣдущими на лошадяхъ въ Красногорскій монастырь и обратно ребятамъ, отворяющимъ и затворяющимъ ворота. Пин.

Притужальникъ.—Строгій спросъ, взысканіе. Взять кого на притужальникъ. «Шали, шали да помни: живо тебя возьму на притужальникъ, да вицей». Пин. Шик.

Прищегульничать. — Дурачиться. «Полно, Ваня, какъ тебѣ не стыдно прищегульничать-то. Пин.

Прищелопокъ.—Большой, но очень крутой бугоръ, по дорогѣ на которой съ трудомъ можетъ подняться лошадь въ телегѣ или саняхъ. «Возилъ и ономѣсѣка исправника на посадъ. Исправникъ одно што на миня кричитъ: поѣзжай скорѣй!... што дѣлать,—я и давай понюжать лошадей: а тутъ на дорогѣ прищелопокъ такой былъ... да какъ трехнуло съ маху-то, дакъ я чуть-чуть усидѣлъ на бисѣдкѣ то, а его благородье-то вылѣтѣлъ вверхъ чуть не на сажень, да какъ онъ, дивлюсь, што не упалъ еще мимо телеги то, только порато видно ужъ ушибсе, да ощо и картузъ то у него сшибло, да унесло далеко! Послѣ того не досунъ іому стало кричетъ: паѣзжай скорѣй; а ощо говоритъ сквозь зубы: патише братъ, пожалуста патише;—видно не поглянулась такая ѣзда-то... дакъ я все вилоть до посаду ѣхалъ ступикомъ.—Кем. Холм.

Пробрызнуть. — О растеніяхъ: дать ростокъ. Онеж. Шенк.

Проволока.—Одна изъ прорубей, дѣлаемыхъ въ рѣкѣ при подледной ловлѣ рыбы, именно береговая. Холм.

Прожиточной.—Человѣкъ или семья достаточнаго состоянія. Пин.

Прозвитель.—Проныра; пройдоха. Онеж.

Пролой, промой.—Лощина, по которой во время ледоплава переливается черезъ уровень вода. Пин. Холм.

Пропащія.—Мѣста по Мурманскому берегу, особенно отъ Коровьяго Носа до Старцевой губы, въ которыхъ нерѣдко пропадаютъ люди и гибнутъ олени. Кем.

Прорва. — Шпонка въ столярномъ полотнѣ, для лучшей связи досокъ, изъ которыхъ оно составлено. Прорвами также иногда связываются и скрѣпляются бревна между собою; какъ напр. въ портомойняхъ, плотахъ и т. п. Арх. Пин.

Простень.—Полно напряженныя на веретено нити. Шенк.

Проступить.—Понужденіе тянущихъ бичеву. «Проступи, други, проступи». Шик.

Просуги.—Рукодѣлье. Шик.

Проходной.—Хитрая пройдоха. «Къ этому мужику съ голой рукой не суйся: проходной». Холм. Шик. Пин.

Проѣдуга, проѣдуха'—Хлѣбъ и харчъ, вообще. «Што имъ житье-то—проѣдуга идетъ хорошая, работы не робятъ; умирать имъ не надо»! «Проѣдухой то, дакъ не што,—живетъ таки у нихъ... дакъ бранятся больно, ужъ нада терпѣть не мало: за все, за все, дакъ хоть кую (кого) горе возьметъ»... «У насъ, братъ, какая большая проѣдуха: но иной разъ и квасу ту нѣтъ, а него что молока, либо штей». Шик.

Прутки.—Спицы вязальныя. «Зачать бы чулки, да прутковъ нѣту». Шик.

Пряжье.—Тоненькія полоски сдобнаго тѣста, особымъ образомъ свернутыя и жареныя въ маслѣ. Арх. Шик.

Прятаніе.—Разчистка новинъ чрезъ срубъ лѣса, выжиганіе его съ пнями. Шик.

Пуйна. — Каждый изъ двухъ ремней, которыми привязываютъ оленей одного воза къ санкамъ слѣдующаго воза, для составленія цѣлаго обоза. Мез.

Пунять. — Синица. Арх.

Пупъ.—Стержень въ центрѣ жернова. Пин.

Пускальница, — леика. — Рыболовная сѣтка, отъ 2 до 3 саж. длины, изъ самыхъ тонкихъ нитокъ и окрашенная въ синюю краску. Холм.

Пустовать.—Кушанье, состоящее изъ воды и изъ малаго количества муки. Пин.

Пустограй,—ка. — Любящій смѣяться безъ особеннаго повода. Пин.

Путь. — Свитокъ, на какихъ писали въ старину. Холм.

Пучка. — Щавель. Шенк.

Пушьякъ.—Почва черноземъ. Пин.

Пяккои. — Коротенькіе Лопарскіе сапоги изъ оленьей шкуры, шерстью наружу. Кем.

Пяскотня.—Усиленная, непріятная работа; маята. «Ну ужъ осенью то, да особливо въ мокрую погоду, ѣздить въ дорогу пяскотня такая, что не приведи Богъ... грязь до колѣна, колеса идутъ до трубицъ, лошади не везутъ, — то и дѣлай, что понужай, да возъ держи; а какъ въ гору-ту, такъ тутъ напастаисся до тово, что изъ силы выйдешь». Шик.

Пятникъ, з. — Деревянный гвоздикъ, который замыкаетъ кранъ въ бочкѣ. Шик.

Р.

Рябиновая ночь.—Та одна изъ темныхъ ночей въ году, бывающихъ въ іюлѣ, августѣ или сентябрѣ, въ которую отъ вечера до утра почти безпрестанно сверкаетъ молнія, озаряя небо и землю страшнымъ свѣтомъ. Въ 1870 году онѣ были между днями 17—18 и 23—24 іюля. Пин.

Развратный.—О вещи, напр., о картофелѣ: дурной, испортившійся. Онеж.

Раздуриться.—Разболѣться; расходиться. «Послѣ молока-то у меня какъ брюхо раздурилось.» «А погодушка-то видно пешутя раздурилась.» Пин.

Разойтись.—Раздѣлиться. Говорится о такомъ раздѣлѣ между родными, когда они остаются жить въ одномъ домѣ, но по разнымъ комнатамъ, и имѣютъ отдѣльную личную собственность, пользуясь сообща только нѣкоторыми хозяйственными принадлежностями, напр. баней, амбаромъ, овиномъ, лошадью и пр. Пин.

Расклеиться.—О зернѣ: пустить ростки. Холм.

Раскотоситься.—Разодраться. Пин.

Ровва.—Дубленая оленина. Одѣяло изъ оленьихъ шкуръ. Кем.

Рожни.—Круглыя палочки, длиною не много болѣе аршина, на которыя вздѣваются сельди, послѣ засола ихъ, купаются въ чанахъ съ водою для обмыванія соли, и развѣшиваются на жерди находящіяся въ копильныхъ, для копченія. Кем.

Розинка.—Чистый, крупный жемчугъ. Жемчужная раковина. Кем.

Розстань.—Мѣсто, гдѣ одна дорога раздѣляется на двѣ. «Дорога пришла на двѣ разстани.» «Я проводилъ его до разстани.» Арх. Холм. Шенк. Перекрестокъ. Холм. Пин.

Рокша.—Сыворотка остающаяся при пахапкѣ масла изъ сметаны. Холм. Онеж.

Ропакъ.—Маленькій островокъ, возвышающійся въ видѣ голаго камня надъ поверхностью моря и покрываемый во время прилива водою. Мез. Кем.

Разсоха.—Раздвоеніе дороги, пути. Пин.

Ружайдать. — Мельчать, мельчиться. «Ледъ ружайдитъ.» «Сухари ружайдатъ.» Онеж.

Ружопый.—Заначканый, грязный. «Ружопое бѣлье.» Онеж. Пин.

Румага.—Такъ называется неводъ на условномъ языкѣ артели для подледнаго промысла рыбы. Холм.

Руйтовка.—Сухая треска, приготовленная для заграничнаго сбыта. Кем. Арх.

Рыбодѣльня. — То, на чемъ кормщикъ распластываетъ спину трески и вынимаетъ захребетную кость. Кем. Онеж.

Рьянить.—Горячиться. Кем.

Рѣчникъ.—Ораторъ и краснобай; человѣкъ обладающій краснорѣчіемъ или толковостью выраженія,—умѣющій «красно говорить»—такъ сказать,—мастеръ слова (или въ обширномъ значеніи — поэтъ). Пин. Шенк.

Рѣпище. — Полевая земля, лежащая въ низменностяхъ и вслѣдствіе того затоплемая водой; на ней иногда сѣютъ хлѣбъ, а чаще рѣпу. Холм. Поле, засѣянное рѣпой. Пин.

Рямкѣ. — Лохмотья; висящіе концы оборваннаго платья. Холм.

С.

Сажеѣды. — Насмѣшливое прозваніе жителей Мезенскаго уѣзда. «Мезенцы сажеѣды».

Салга.—Большой котелъ употребляемый для выварки соли. Мез.

Сальный промыселъ.—Весенній промыселъ морскихъ звѣрей на зимнемъ берегу Бѣлаго моря. Пин. Мез.

Сарай. — Все верхнее на домѣ строеніе, на которомъ накрывается тесъ или крыша. Сляги, врубаемыя въ перерубы или быки, на скатъ вдоль сарая, на которыхъ кладется тесъ, называются стропила, а индѣ самцы. Въ Вологодской и частію Олонецкой гу-

берніяхъ, сараями зовутъ полы, набранные во дворѣ; а здѣсь сіи полы называются повитями или повѣтями. Шенк.

Сарафанная почта.—Такъ называется въ шутку повинность по отправкѣ почты, отбываемая женщинами гребцами въ карбасахъ, посредствомъ коихъ только и можно сообщеніе вдоль Поморскаго берега, за отсутствіемъ сколько-нибудь сносныхъ дорогъ. Кем.

Свершонокъ.—Опредѣленная сумма денегъ, которую выговариваетъ себѣ кормщикъ, нанимаясь къ хозяину, сверхъ идущаго ему пая добычи. Кем.

Свинобой.—Осеннее межговѣнье. Желая выразить, что дѣло сдѣлано не во время, не въ пору, говорятъ: «на (можетъ быть) о рѣпѣ, капустѣ, да о свинобоѣ.»—«И женился то онъ, добрый молодецъ, о рѣпѣ, капустѣ, да о свинобоѣ.» Извѣстно, что крестьяне только по крайней нуждѣ женятся осенью. Шенк.

Свирываться.—Соединять отдѣльныя поплавки, изъ которыхъ каждый имѣетъ особаго владѣльца, вмѣстѣ, для общаго лова рыбы. Пин.

Свѣтильно.—Свѣтецъ, на которомъ горитъ лучина. Шенк. Холм.

Сельга.—Видъ сельди, похожей на сардину; сельга совершаетъ свои періодическія путешествія раньше сельди и приплываетъ въ рѣку Печору и притокъ ея Усу, въ которой распространяется до горы Адана. Мез.

Семидырка—Маленькая рыбка, ракообразная, съ семью дырочками вмѣсто жабръ. Холм.

Сидучка. — Бѣлка въ тихую и сырую погоду, когда она больше расположена ко сну и спокойствію; обмокши она обыкновенно сидитъ, такъ какъ неможетъ скоро бѣгать и скакать съ дерева на дерево. Пин.

Синикуй.—Передняя сторона чума, противъ дверей, гдѣ крещеные Самоѣды ставятъ образъ. Это мѣсто, какъ теперь, такъ и прежде, почиталось священнымъ, потому что на этой сторонѣ, только внѣ чума, ставили сани съ домашними идолами. Мезен.

Скокуха.—Лягушка. Шенк. На С. Двинѣ—сваку́ша.

Скроекъ.—Шелковая косынка. Шенк.

Скуртойка.—Теплая кофточка, плотно обтягивающая станъ; фуфайка. Холм.

Слащa.—Брюква. Шенк.

Сметъ. — Исключеніе изъ вѣса тары, кулей, рогожъ, мѣшковъ и т. п. «Десять пудовъ пять фунтовъ съ восьминой, да смету одиннадцать фунтовъ». Пин.

Снимать волю. — Оказывать непослушаніе. «Она не хотѣла замужъ идти, даже съ отца—матери волю снимала, да выдали». Холм.

Снимать съ рукъ.—Забирать вещь запроданную, но до времени оставленную у продавца. «Онъ пріѣхалъ снять у меня съ рукъ корову». Холм.

Сносъ.—Закраина; обочина; посыпь; засыпь; посовина; все то, что—какъ выражались въ древнихъ актахъ—«водой сноситъ, льдомъ сдираетъ и пескомъ посыпаетъ», а при распредѣленіи угодій: «выметная земля». Арх. Губ. Вѣд. за 1870 г., №№ 80 и 101.

Совѣтчики.—Волостные выборные, составляющіе волостной сходъ; они избираются селеніями, по одному отъ каждаго десятка дворовъ. Пин.

Сопочка. — Дерево, стоящее на возвышенномъ мѣстѣ, на горкѣ, имѣющей пирамидальный видъ. Шенк.

Сосенка.—Челнокъ, весь обтянутый нерпичьей кожей, на которомъ ѣздятъ по морю, держась береговъ. Кем.

Ссора.—Задній тягунъ на бичевѣ, отцѣпляющій послѣднюю, когда она зацѣпится за что либо. «Ссора въ воду, а шишка въ гору». Арх.

Ставень.—Втулка у отверстій въ стѣнахъ, чрезъ которыя выходитъ дымъ въ курныхъ избахъ, баняхъ и овинахъ. Пин.

Староизбникъ.—Крестьянинъ, имѣющій старую избу. Шенк.

Стожаръ, стожары. — Жердье, рядомъ втыкаемое въ землю, въ кои мечутъ и прикладываютъ сухое сѣно на ножняхъ. Межутки сѣна между стожарами, называются промежками. Нѣсколько такихъ промежковъ вмѣстѣ называется зародомъ или зородомъ. Мѣсто, гдѣ выставляются такіе зороды, называется остожьемъ. Шенк.

Строгалъ.—Такъ называютъ щеголей, и при томъ распутныхъ молодыхъ людей. Шенк.

Стрывы.—Двѣ противоположныя метки, между которыми должны пробѣгать играющіе въ мячикъ. «Подемъ играть о стрывахъ». Шик.

Стрѣльня.—Промыселъ на большихъ звѣрей, производящійся на Зимнемъ и Лѣтнемъ берегахъ, отъ Николина дня до февраля, какъ только звѣри соберутся въ Двинскую губу. Тамъ стрѣляютъ изъ винтовокъ на водѣ или на льдинахъ, что дало и названіе промыслу. Тоже названіе носятъ лѣтніе промыслы, главнымъ обра-

зомъ, нерпъ и морскихъ зайцевъ, когда ихъ бьютъ на водѣ изъ лодокъ или по островамъ и берегамъ на лодкахъ, въ которыхъ не болѣе трехъ промышленниковъ. Арх.

Стѣна.—Денежный вкладъ или взносъ въ общественную кассу для обезпеченія будущихъ повинностей.—Четвертая часть воробъ, на которыхъ разматывается пряжа для тканья. «А во сколько стѣнъ завела красны то?—Да семь стѣнъ съ полустѣньемъ». Шенк.

Сумочникъ.—Ходебщикъ Холм.

Сундуки.—Гранитные утесы, имѣющіе очертаніе параллелопипедовъ по берегамъ острова Кильдина. Кем.

Суровой. — Похотливый, любострастный; это особенно говорится о молодыхъ парняхъ. Шенк.

Сухово. — Чистый барышъ или чистая прибыль въ какой-нибудь торговой сдѣлкѣ. Пин.

Схрястать.—Свалить, вмять въ одну кучу, или, въ одно мѣсто камія либо разнородныя вещества, по ошибкѣ или съ намѣренія, а иногда на удачу. «Хозяйка у мни сегоднѣ схрястала въ квашню, вмѣсто муки, общины,—все взяла испортила». Или: «Онъ совсѣмъ разорилсѣ, деньги-то всѣ схрястальъ въ смолу, а смола нынічѣ взань нейдетъ—ни почомъ не берутъ». Шенк.

Сырица.—Оленья самка, неимѣвшая дѣтенышей. Мез.

Сѣряки.—Мелкіе торгаши; барышники; кулаки. Арх. Губ. Вѣд. за 1869 г. № 35.

Т.

Тальникъ. — Озеро, не замерзающее зимою. Пин.

Тарасникъ.—Судно, въ родѣ карбаса, поднимающее грузу 300 пудовъ. Кем.

Тарья.—Щитъ изъ тонкихъ параллельныхъ дранокъ, скрѣпленыхъ вичью; тарьями задираютъ промежутки между кольями семужьяго забора. Кем.

Теплово.—Плата проѣзжающихъ за остановку на постояломъ дворѣ. Арх.

Теретъ.—О платьѣ или бѣльѣ: мытъ. Кем.

Тинежникъ. — Рыболовная сѣть, употребляющаяся для ловли нумжи и тинды, отличающаяся отъ гарвы только меньшимъ размѣромъ. Кем.

Тинéкъ, нько. Моржевый клыкъ. Кем.

Товаръ.—Вымя коровы. Холм.

Товаристый.—Имѣющій большое вымя (о коровѣ). «Товаристая корова». Холм.

Толядовля.—Толки; разсужденіе. «Сечасъ ужъ у нихъ и пошла толковля». Пин.

Толчиво, толченьіо.—Овесъ и пр. приготовленный для толченія за муку въ мельничной ступѣ посредствомъ пестовъ.—«А што у тя привезёно на мельницю ту? Привёзъ узолъ, другой толчива». Шенк.

Тратить.— Кормить до пресыщенія. «Что, ты ты парня-то за всё тратишь?» Онеж.

Трубить.—О бабкѣ — биткѣ въ дѣтской игрѣ: лежать на выпуклой сторонѣ. Шенк.

Трунъ.—Оборвышъ. Кем.

Турайдать.—Токовать. «Тетеревъ турайдатъ!» — зоветъ самку. Онеж. Невнятно говорить. Онеж.

Турачка.—Валекъ, на который навиваютъ нитки. Арх., Холм.

Тушлять.—Гнать силою. Пин.

Тырайдать. — Дрожать. «Сердце тырайдатъ». Онеж.

Тыриосить.—Трясти; подергивать. Пин.

Тюга.—Снѣгъ на вѣтвяхъ растущаго лѣса. Пин.

У.

Угалить.—Попасть въ цѣль (въ игрѣ шаромъ). Шенк.

Удавница.—Веревочныя петли около стоговъ сѣна для ловли оленей. Челмох. прихода.

Уженщики, ужинщики. — Морскіе промышленники, которые промышляютъ рыбу сами на себя и на своихъ судахъ, не нанимаясь къ богатымъ купцамъ, и на своемъ хлѣбѣ; но затруднительность сбыта и необходимость забираться въ долгъ зимою ставитъ ихъ въ зависимость отъ богачей, которымъ они обязываются поставлять свою всю уловленную рыбу съ Благовѣщенья до Петрова дня, т. е. въ самое уловистое время года. Кем.

Урдега.—Пробитая во льду полынья, для проѣзда въ лодкѣ. Онеж.

Усарыкивать.—Торопливо, усердно работать. «Смотри-ко, какъ умеия Наташка у корыта-то усарыкиватъ!» Холм.

Утопель.—Мокрота; сырость. «Ну ужъ какая утопель у васъ на улицѣ.» Холм.

Утропать. — Ухлопать; дѣвать куда нибудь. Пин.

Ухайбать.— Истратить; испортить что либо.

«Эдакъ вѣдь нову-то рубаху у х а й б а л ъ, что вся дырьемъ взялась». П и н.

У х в о и т ь. — Сбыть что-либо съ рукъ. «Ухвоилъ-таки, какъ гора съ плечъ скатилась.» П и н.

Ф.

Ф у р к а л е н к а.—Дѣтская игрушка, состоящая изъ надѣтой на нитку пуговки, марки или какой-либо другой плоской вещицы; ее приводятъ въ быстрое вращательное движеніе, сопровождаемое гудѣньемъ. Х о л м.

Ф у р к о т о̀ к ъ.—Шумъ. «Экъ вѣтеръ расходился, ажно фуркотокъ стоитъ.» П и н.

Х.

Х а б и н а.—Рѣчной заливъ. «Въ хабину заплыли.» Ш е н к.

Х а й.—Опытъ. «Хаю мало—ума мало». К е м. По самоѣдски: идолъ, болванъ, истуканъ. М е з.

Х а л о в ш и н а.—Все, что досталось даромъ; куплено за очень низкую цѣну; а также ворованое или незаконно пріобрѣтенное. «Ему кабы попалась х а л о в ш и н а, дакъ онъ бы, пожалуй, взялъ.» — «У него отецъ былъ головой: и што шло ему х а л о в ш и н ы; а тепереча сынъ все прожилъ, — ничово нестало.» «Въ нынѣшны годы отъ х а л о в ш и н ы разѣ разживессѣ; а отъ работы, недумай, не разживессѣ.» Ш е н к.

Х и г н а.—Возжа изъ сыромятнаго ремня, которою управляютъ оленями. К е м.

Х л а м и т ь.—Сорить. «А полно х л а м и т ь-то, я безъ того въ избы-то ступить некуды, за все соръ!» А р х.

Х л о п о т ъ.—Сверчокъ. Пѣсня:

«Разыгрался мелимъ съ х л о п о т о м ъ;
«Охъ ты х л о п о т ъ, х л о п о т ъ, х л о п о т у ш и ц а,
«Ты на печи сидишь, да на печи, на дровахъ.»

Ш е н к.

Х р у л ъ.—Человѣкъ съ большимъ носомъ. Ш е н к.

Ц.

Ц в ѣ т о ч н и к ъ.—Горшокъ для цвѣтовъ. «На окнахъ-то у нихъ ц в ѣ т о ч н и к о в ъ таково много.» А р х. Х о л м.

Ц и ц ь к а.—Сестра. П и н.

Ч.

Ч е м у р ъ. — Чертъ. «Ч е м у р ъ-бы тебя взялъ, эдакого дурака.» П и н.

Ч е р в я н и ц а.—Ящикъ для червей. К е м.

Ч е р е д и т ь.—Изготовлять птицу или рыбу, т. е. вынимать внутренности и тогда жарить ее. «О ч е р е д и рябчика.» Ш е н к.

Ч е р и о т р о п ы.—Насмѣшливое прозвище жителей Мезенскаго уѣзда оттого, что они живутъ въ курныхъ избахъ и потому когда идутъ, то оставляютъ за собой слѣды сажи и гризи; также прозвище жителей селенія Матигоръ, главное ремесло которыхъ составляетъ кузнечество.

Ч е р н ѣ я н а.—Водный источникъ въ тундрѣ: рѣка, ручей или озеро. М е з.

Ч е с н о к о в и к ъ, ч е с н о к о в и ц а. — Деревянная ступка съ крышкою для толченія и храненія чесноку. Ш е н к.

Ч е с н о к ъ. — Пинокъ. «Накормить чеснокомъ»; «надавать чесноку» — порядкомъ выпинать.—«Иди! — Нейду!—А чесноку хошь?» А р х.

Ч е т в е р и т ь.—О поплавкѣ: перевязывать каждую его шею на четверо новыми веревочками, когда онъ подержится, —обыкновенно, послѣ двухлѣтняго употребленія. М е з.

Ч и л а й д а т ь.—Звонить (о колокольчикѣ). «Слышь, колоколецъ ч и л а й д а т ъ?» О н е ж.

Ч у л е й д а т ь.—Журчать. «Талецъ ч у л е й д а т ъ!» ручей журчитъ. О н е ж.

Ш.

Ш а к ш а.—Волокнистый, сухой мохъ на вѣтвяхъ хвойныхъ деревъ, преимущественно лиственныхъ и еловыхъ, растущихъ на сухомъ, песчаномъ, тощемъ грунтѣ. Шакша составляетъ единственную и необходимую пищу оленя въ глубоко-снѣжную зиму, когда ему трудно бываетъ открывать подснѣжный мохъ. П и н е ж. М е з.

Ш а л ь г а.—Жабры рыбы. Х о л м.

Ш а х м а ч ъ. — Каждый изъ кусковъ, на которые разрѣзывается хлѣбъ передъ началомъ рыбной ловли; эти куски бросаются въ сѣть и когда послѣднюю проволокутъ по льду, сровщикъ вынимаетъ шахмачи и раздаетъ рыболовамъ; а тѣ чинно садятся вокругъ невода и, перекрестясь, съѣдаютъ ихъ, какъ бы добычу изъ тони. Х о л м.

Ш в е й к а.—Швейная коробочка, рѣзанная изъ кости съ подушечкой, Холмогорской работы. А р х.

Ш и ш у л ь к и.—Разныя суевѣрныя пріемы и примѣты на свадьбахъ. Ш е н к.

Шкивидорка.—Женщина, управляющая женской шкивидорской артелью: она заключаетъ условія съ корабельщикомъ, набираетъ артель, слѣдитъ за работой, и за то получаетъ плату вдвое больше противъ платы остальнымъ членамъ артели. Арх.

Шуя.—Когда бурею ломаются величайшіе торосы, и во льдахъ затираетъ суда, что промышленники называютъ: попасться въ шую. Кем.

Щ.

Щаникъ.—Горшокъ для варенія щей. Шенк.

Щекарить.—Много говорить; сплетничать; насмѣхаться. Пин.

Щекатый.—Невоздержный въ словахъ; бранчливый; рѣчистый. — «Ну парень, она и сама щеката, не дастъ охульи на языкъ.» Шенк.

Щеку ломить.—Говорить Московскимъ нарѣчіемъ, выговаривая а вмѣсто о. Холм.

Щемиха.—Западня для ловли медвѣдей, слѣдующаго устройства: надъ длинной и узкой ямой, укрѣпленной срубомъ, кладутся два большихъ бревна, приложенныхъ такимъ образомъ, что они могутъ сдвигаться и ущемлять лапу медвѣдя, при помощи сторожки, когда онъ просунетъ ее за приманкой. Онеж.

Щерба.—Всякая мелкая рыба; уха изъ этой рыбы. Онеж. Пин.

Ѣ.

Ѣдкой.—Охотно употребляющійся въ пищу. «Купнякъ то такой для скота не ѣдкой!» Холм.

Ѣствяной.—Имѣющій хорошій аппетитъ. «Скотъ-то у меня, Богъ съ нимь, ѣсвяной.» «Казакъ-отъ у него робить красёнъ, да и ѣсь то красёнъ, ѣсвяной такой издался, двѣ выти заразъ опрячотъ.» Кем.

Э.

Этажиться.—Вести знакомство, дружбу, товарищество. «Вѣдь я те, эхидный, тысячу разъ наговаривалъ: Ваня, не этажься съ дураками, самъ дуракомъ будешь; не послушался — ну, и судачь на себя.» Пинеж.

Ю.

Юзгаться.—Тихо дѣлать что-либо; копаться. Шенк.

Юкъ.—Громкій звукъ отъ чего бы то ни было. «Не бойся, не страшись: ни юку ружейнаго, ни дыму пороховаго, ни бою огненнаго. (Изъ оберега). Холм.

Я.

Ягодникъ.—Ягодный кустъ. Шнк.

Ягодница.—Щека. «Пристрѣло ему, въ саму ягодницу съѣздилъ.» Шнк.

Ярлыкъ.—Каждая изъ пяти частей, на которыя раздѣлено сельское общество на Терскомъ берегу для удобнѣйшаго пользованія семужьими угодьями. Кем.

Ясачить.—Дѣлать нѣмыя выраженія, условные знаки, рукой или другими тѣлодвиженіями.—«Смотрико парень, што онъ такое бабѣ-то ясачитъ». — «Нѣмко (нѣмой), вонъ, што-то такое ясачитъ, да ничего не можно разобрать (понять)». Шенк.

Гос. Публ. Научн. Б-ка НКП РСФСР
Инвент. № ____
„ „ ____ 193 г.

ИЗВѢСТІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ.

Можно получать въ бюро Общества въ Московскомъ Политехническомъ Музеѣ и у книгопродавцевъ.

		ЦѢНА.
Томъ I.	**вып. 1 и 2. Щуровскій Г. Е.** Исторія геологіи Московскаго бассейна. 1866 и 1867 г.	3 р. —
Томъ II.	Извѣстія антропологическаго отдѣла, томъ I.—1865 г. Приложеніе: Общія инструкціи для антропологическихъ изслѣдованій и наблюденій П. Брока. Переводъ и дополненія **А. П. Богданова.**	1 р. 50 к.
Томъ III.	**вып. 1.** Протоколы засѣданій Общества съ 14 мая 1864 года по 29 августа 1866 г. Москва. 1866. (Не осталось).	
	вып. 2. Инструкція для Туркестанской ученой экспедиціи. 1869	— 50 к.
Томъ IV.	**вып. 1. Богдановъ А. П.** Матеріалы для антропологіи курганнаго періода въ Московской губерніи. 1867	1 р. 50 к.
	вып. 2. Вейнбергъ Я. И. Критическій разборъ теоріи урагановъ. 1867	1 р. —
Томъ V.	**Федченко Г. П.** О самоосадочной соли и соляныхъ озерахъ Каспійскаго и Азовскаго бассейновъ. 1870	1 р. 50 к.
Томъ VI.	Матеріалы для энтомологіи губерній Московскаго учебнаго округа.	2 р. —
	вып. 1. Федченко А. П. Двукрылыя. 1868.	
	вып. 2. Ульянинъ В. П. Сѣтчатокрылыя и прямокрылыя. 1869.	
	вып. 3. Опанинъ В. Ф. Полужесткокрылыя. 1870.	
Томъ VII.	Труды этнографическаго отдѣла. Книга 1. Сборникъ антропологическихъ статей о Россіи и странахъ ей прилежащихъ (изданіе **В. А. Дашкова**). Т. I. 1868	2 р. 50 к
Томъ VIII.	**вып. 1.** Протоколы засѣданій Общества. Годъ седьмой. 1870.	2 р. —
	вып. 2. Сѣверцевъ Н. А. Вертикально-горизонтальное распредѣленіе Туркестанскихъ животныхъ. 1873	3 р. —
	вып. 3. Протоколы физическаго отдѣленія. 1870	— 50 к.
Томъ IX.	**вып. 1.** Протоколы засѣданій Общества. Годъ восьмой. 1871	1 р. 50 к.
	вып. 2. Чистяковъ И. Д. Исторія развитія спорангіевъ и споръ высшихъ тайнобрачныхъ. 1871.	1 р. 50 к.
Томъ X.	**вып. 1.** Протоколы засѣданій Общества. Годъ девятый. 1871—1872.	2 р. —
	вып. 2. Протоколы засѣданій Общества. Годъ десятый. 1872—1873.	2 р. —
Томъ XI.	**вып. 1.** Путешествіе въ Туркестанъ. **А. П. Федченко.**	Цѣна велик.
	вып. 1. Мартенсъ. Слизняки. Перев. **А. П. Федченко.**	1 р. 25 к. — 85 к.
	вып. 2. Ершовъ. Чешуекрылыя	3 р. — 2 р. —
	вып. 3. Кесслеръ. Рыбы.	2 р. — 1 р. 30 к.
	вып. 4. Соссюръ. Прямокрылыя, тетрадь 1-я	1 р. — — 60 к.
	вып. 5. Сольскій. Жесткокрылыя, тетрадь 1-я	3 р. — 2 р. —
	вып. 6. Ульянинъ. Равнокрылыя, тетрадь 1-я	3 р. — 2 р. —
	вып. 7. А. П. Федченко. Въ Кокандскомъ ханствѣ, тетрадь 1-я	5 р. — 3 р. 50 к.
Томъ XII.	Труды этнографическаго отдѣла. Книга 2. Сборникъ антропологическихъ и этнографическихъ статей о Россіи и странахъ ей прилежащихъ (Изданіе **В. А. Дашкова**), т. II: Народныя пѣсни Латышей. 1873.	7 р. —
Томъ XIII.	Труды этнографическаго отдѣла. Книга 3.	
	вып. 1. Протоколы 12 засѣданій отдѣла этнографіи. 1867—1874.	1 р. 25 к.
	вып. 2. Поповъ К. А. Зыряне и Зырянскій край. 1874	1 р. 25 к.
Томъ XIV.	Протоколы засѣданій Общества. Годъ одиннадцатый. 1874.	2 р. —
Томъ XV.	Московскій Музей прикладныхъ знаній. Матеріалы для исторіи его устройства. 1874.	1 р. 25 к.
Томъ XVI.	**вып. 1. Ковалевскій В. О.** Остеологія двухъ ископаемыхъ видовъ копытныхъ. 1875	1 р. —
	вып. 2. Горожанкинъ И. Н. Генезисъ въ типѣ пальмеллевидныхъ водорослей. 1875.	1 р. —
	вып. 3. Зоологическія изслѣдованія **В. Н. Ульянина** и **И. С. Раевскаго.** 1875.	1 р. —
Томъ XVII.	Московскій Музей прикладныхъ знаній. Матеріалы для исторіи его устройства. 1875.	2 р. —

Томъ XVIII. **вып. 1.** **Линдеманъ К. Э.** Монографія короѣдовъ (Bostrychidae). 1876 . . . . . 1 р. 25 к.
вып. 2. **Усовъ М. М.** Прибавленія къ познанію организаціи оболочниковъ . . . . . 2 р. —
вып. 3. **Коротневъ А. А.** Опытъ сравнительнаго изученія Coelenterata. Lucernaria. 1876. 2 р. —

Томъ XIX. Путешествіе въ Туркестанъ **А. П. Федченко** 1876. Цѣна велен.
вып. 8. **Макъ-Лахланъ.** Сѣтчатокрылыя . . . . . 1р. 50 к. 1 р. —
вып. 9. **Моравицъ.** Пчелы, тетрадь 1-я. . . . . 2 р. — 1 р. 30 к.
вып. 10. **Кронебергъ.** Пауки . . . . . 1 р. 50 к. 1 р. —

Томъ XX. Труды антропологическаго отдѣла. Книга 2. Протоколы засѣданій 1865—1875 съ приложеніями. 1876 . . . . . 3 р. —

Томъ XXI. Путешествіе въ Туркестанъ **А. П. Федченко:**
вып. 11. **Сольскій.** Жесткокрылыя, тетрадь 2-я . . . . . 3 р. — к. 2 р. — к.
вып. 12. **Регель.** Туркестанская флора, тетрадь 1 я. . . . . 5 р. — к. 3 р. 50 к.
вып. 13. **Моравицъ.** Пчелы, тетрадь 2-я. . . . . 2 р. 50 к. 1 р. 70 к.

Томъ XXII. Московскій Музей прикладныхъ знаній. Матеріалы для исторіи его устройства за 1875 г. Протоколы засѣданій комитета музея за 1873—1875 гг . . . . . 2 р. 50 к.

Томъ XXIII. **вып. 1.** **Брандтъ А. О.** Сравнительныя изслѣдованія надъ яйцевыми трубочками и яйцомъ насѣкомыхъ. 1876. . . . . 2 р. 50 к.
вып. 2. Работы, произведенныя въ лабораторіи Зоологическаго Музея Московскаго университета; подъ редакціею проф. **А. П. Богданова.** . . . . . 2 р. —

Томъ XXIV. **вып. 1.** **Бобрецкій Н. В.** Изслѣдованія о развитіи головоногихъ . . . . . 2 р. — к.
вып. 2. **Ульянинъ В. И.** О происхожденіи куниѣ, почкующихся въ желудкѣ геріоній. Протоколы засѣданій Общества. Годы двѣнадцатый и тринадцатый. 1877 г. 2 р. — к.

Томъ XXV. **вып. 1.** **Богдановъ А. П.** Замѣтки о зоологическихъ садахъ. 1876 . . . . . 1 р. — к.

Томъ XXVI. Путешествіе въ Туркестанъ **А. П. Федченко.**
вып. 14. **Родзянковскій О. Н.** и **Майеръ.** Перепончатыя. **Брауеръ.** Odonata. 3 р. 75 к. 2 р. 50 к.

Томъ XXVII. Антропологическая выставка Общества. Засѣданія комитета по устройству выставки. Подъ редакціею **А. П. Богданова** и **Н. К. Зенгера.** 1877 г.

Томъ XXVIII. Труды Этнографическаго Отдѣла. Кн. 4. Протоколы 13 засѣданій (съ 14 ноября 1874 года по 17-е апрѣля 1877 г.), съ 12 приложеніями. 1877. . . . . 2 р. —

Томъ XXX. Труды Этнографическаго Отдѣла. Кн. 5:
вып. 1. Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи, собранные д. чл. **Н. С. Ефименкомъ.** Часть I: Описаніе внѣшняго и внутренняго быта 1877 . . 2 р. 50 к.
вып. 2. Тоже. Часть II: Народный языкъ и словесность 1878 . . . . . 3 р. 50 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Томъ XXV. О зоологическихъ садахъ (слѣдующіе выпуски).
Томъ XXVI. Путешествіе въ Туркестанъ **А. П. Федченко** (слѣдующіе выпуски).
Труды: **С. М. Сольскаго, Де-Соссюра** и **Бунге.**
Томъ XXIX. Работы, произведенныя въ лабораторіи Зоологическаго Музея Московскаго университета, подъ редакціей **А. П. Богданова.**